

2022
1 (67)

ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

*PHILOLOGY
AND CULTURE*

*Журнал основан в 2003 году. Выходит 4 раза в год.
Учредитель и издатель – ФГАОУ ВПО «Казанский
(Приволжский) федеральный университет»*

*Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-47510 от 23.11.2011 г.*

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ
Материалы журнала размещаются на сайте Научной электронной библиотеки, включаются в
национальную информационно-аналитическую систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)*

Редакционный совет журнала:

Дайбер Томас – профессор Гиссенского университета (Германия).

Дзиффер Джорджо – профессор Университета в Удине (Италия).

Карлсон Чарльз Фредерик – профессор Вашингтонского университета (США).

Киклевич Александр – профессор Варминско-Мазурского университета в г. Ольштын (Польша).

Куипер Конрад – член консультативного совета Европейского фразеологического общества «Еврофраз».

Леблан Сесиль – профессор университета «Париж-3, Новая Сорбонна» (Франция).

Лефельдт Вернер – профессор Гёттингенского университета (Германия).

Юлай Шамильоглу – профессор Висконсинского университета (США).

Онер Мустафа – профессор, директор Института социально-гуманитарных знаний Эгейского университета (Турция).

Сривастава Анамика – доцент, научный сотрудник Глобального Университета Джиндал (Индия).

Хотинец Вера Юрьевна – профессор, зав. кафедрой общей психологии Удмуртского государственного университета.

Шайтанов Игорь Олегович – профессор, зав. кафедрой истории литературы Российского государственного гуманитарного института.

Главный редактор – **Замалетдинов Радиф Рифкатович**, д-р филол. наук, проф., директор Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Заместитель главного редактора – **Ярмакеев Искандер Энгелевич**, д-р пед. наук, проф., зам. директора по научной деятельности Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Состав редколлегии:

Агеева Юлия Викторовна, д-р пед. наук, доц., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Арсентьева Елена Фридриховна, д-р филол. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Аюпова Роза Алляметдиновна, д-р филол. наук, доц. Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Бакиров Марсель Хаернасович, д-р филол. наук, проф., вед. науч. сотр. Республиканского центра развития традиционной культуры Республики Татарстан.

Богоявленская Юлия Валерьевна, д-р филол. наук, доц., профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Бочина Татьяна Геннадьевна, д-р филол. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Бреева Татьяна Николаевна, д-р филол. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Галимуллина Альфия Фоатовна, д-р филол. наук, доц., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Галиуллина Гульшат Раисовна, д-р филол. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Ерофеева Ирина Валерьевна, д-р филол. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Есин Радий Германович, д-р мед. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Закамулина Миляуша Нурулловна, д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой иностранных языков, Казанский государственный энергетический университет.

Закирзянов Альфат Магсумзянович, д-р филол. наук, проф., и.о. зав. отделом литературоведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан.

Закирова Ильсеяр Гамиловна, д-р филол. наук, доц., глав. науч. сотр. отдела народного творчества Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан.

Зинин Сергей Александрович, д-р пед. наук, проф., Московский педагогический государственный университет.

Карасик Ольга Борисовна, д-р филол. наук, доц., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Крылов Вячеслав Николаевич, д-р филол. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Кулькова Мария Александровна, д-р филол. наук, доц., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Мардиева Ляйля Агъдасовна, д-р филол. наук, доц., Казанский (Приволжский) федеральный университет.
Мухаметзянова Лилия Хатиповна, д-р филол. наук, доц., глав. науч. сотр. отдела народного творчества, Институт языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан.
Мухаметшина Резеда Фаилевна, д-р филол. наук, декан Высшей школы русского языка и межкультурной коммуникаций им. И.А. Бодуэна де Куртенэ Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.
Нефедова Лилия Амиряновна, д-р филол. наук, доц., проф., Челябинский государственный университет.
Пашкуров Алексей Николаевич, д-р филол. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.
Поляков Олег Юрьевич, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет.
Садыкова Аида Гумеровна, д-р филол. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.
Сайфулина Флера Сагитовна, д-р филол. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.
Салехова Ляйля Леонардовна, д-р пед. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.
Солнышкина Марина Ивановна, д-р филол. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.
Соловьев Валерий Дмитриевич, д-р физ.-мат. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.
Файзуллина Гузель Чахваровна, д-р филол. наук, проф., Тюменский государственный университет, декан социально-педагогического факультета Тобольского педагогического института им. Д. И. Менделеева (филиал).
Фаттахова Наиля Нурийхановна, д-р филол. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.
Хабибуллина Лилия Фуатовна, д-р филол. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.
Харисов Фираз Фахразович, д-р пед. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.
Юсупова Альфия Шавкетовна, д-р филол. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.
Явгильдина Зилия Мухтаровна, д-р пед. наук, проф., проректор по научной работе, Казанский государственный институт культуры.

Сотрудники:

Ответственный редактор:

Хабутдинова М. М., кандидат филологических наук.

Выпускающий редактор:

Умарова Л. Д., кандидат филологических наук.

Ведущие редакторы:

Свирина Л. О., кандидат филологических наук.

Хасанова Л. И.

Компьютерная верстка – Герасимова Н. В.

Адрес издателя: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Адрес редакции: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2

Контактный телефон: (843) 292-92-06

Сайт журнала: <http://philology-and-culture.kpfu.ru>

E-mail: journal@ifi.kpfu.ru

Подписной индекс: 66015

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Лингвистика

- Аль-Хаснави Али* Структура простых предложений с семантикой увеличения и уменьшения. . . . 6
- Архипова И.* Актуализация таксисного значения одновременности в concessивной ситуации. . . . 15
- Бакиров М.* Язык населения Волжской Булгарии в свете новых исследований. 22
- Баутиста Х., Мурадымова Л., Плеухова Е.* Феномен приобретенного билингвизма (на примере испанского и русского языков). 32
- Бегаева М., Гизатулина Д.* Анализ параметров сложности текстов разных стилей (на примере текстов ОГЭ и ЕГЭ). 39
- Гилёва Е.* Заимствования в экономической сфере русского и английского языков и особенности их ассимиляции. 47
- Гусева О.* Особенности восприятия прилагательных русского языка с перцептивной семантикой. 52
- Данилова Ю., Бубекова Л., Ибрагимова Э.* Автостереотипы носителей русской этнолингвокультуры как способ самоидентификации. 59
- Калинина С.* Сущностные характеристики термина в сфере его функционирования (на материале периодики и узкоспециализированной литературы англоязычной нефтегазовой терминосистемы). 69
- Кигель Т.* Сопоставительный анализ английских, русских и идиом иврита с колоративом *синий*. . 80
- Колосова Е., Гимранова Т.* Экспрессивные возможности глагола в художественном тексте (на примере романов Г. Яхиной). 87
- Семенова Е., Алексеева М.* Когнитивная структура архетипической бинарной оппозиции *light / dark* в современном американском медиадискурсе. 94
- Суфиева Р., Мардиева Л.* Названия русскоязычных газет и журналов, рекламирующих недвижимое имущество: семантика и прагматика. 102
- Фаттахова Н., Мубаракшина А.* Противительные отношения в гороскопическом тексте. 110
- Фаттахова Н.* Стратегия понимания суеверных примет в телевизионном дискурсе. 116
- Чжао Ян* Функционально-семантические особенности антропонимов в художественном тексте (на примере антропонимов в произведении Л. Е. Улицкой «Сонечка»). 121

Литературоведение

- Авдоница К.* Теоретическое наследие плеяды: система жанров в «Поэтическом искусстве» Жака Пелетье дю Мана. 129
- Гаганова А.* «Маленький человек» производственного романа и хронологические границы жанра. 136
- Котова Н.* Функции авторских предисловий к романам Чарльза Диккенса. 145
- Некрасова Ю.* Проблемы репрезентации авторских стратегий письма в альманахе «Уральский современник». 151
- Текенова У.* Цветовая символика в алтайской прозе второй половины XX века (на материале романов Д. Каинчина и А. Адарова). 160
- Хабутдинова М.* «Маленькие трагедии» А. С. Пушкина на татарской сцене. 170
- Хабутдинова М., Зарипова-Четин Ч.* Рецепция Ф. М. Достоевского в современной татарской культуре. 177
- Чжан Исянь* Образ великой русской стены в творчестве В. Г. Сорокина. 186

ПЕДАГОГИКА

Колотаева А. Обучение студентов извлечению языковых данных о сложносоставных существительных немецкого языка с помощью корпусной поисковой системы Sketch Engine. . . .	192
Комовская Е. Эффективная система упражнений для тренировки грамматических навыков по русскому языку у иностранных курсантов с помощью метамодельного принципа обучения. . .	202
Непрокина Ю. Методические основы моделирования современного урока русского языка как иностранного.	209
Хабудуаси М. Лингводидактическое моделирование при обучении китайских студентов лексике русского языка.	216
Штехман Е., Мельник Ю., Руссу К. Ситуационные задачи на занятии по русскому языку как иностранному: из опыта работы.	221
Ярмакеев И., Пименова Т., Абдрафикова А. Аутентичность как методическая категория в теории и практике преподавания иностранного (английского) языка.	228

ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

Юсупова З.Ф. Лидер современной дидактики (рецензия на книгу И. П. Лысаковой «Избранные труды по филологии и лингводидактике» (СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021, 444 с.). . .	235
--	-----

CONTENTS

PHILOLOGICAL STUDIES

Linguistics

<i>Al-Hasnawi, Ali</i> The structure of simple sentences with the semantics of increase and decrease.	6
<i>Arkhipova, I.</i> Actualization of the taxis simultaneity value in a concessive situation.	15
<i>Bakirov, M.</i> Language of the Volga Bulgaria population in the light of new research.	22
<i>Bautista, H., Muradymova, L., Pleuchova, E.</i> The phenomenon of acquired bilingualism (based on the Spanish and Russian languages).	32
<i>Begaeva, M., Gizatulina, D.</i> The analysis of text complexity parameters from the perspective of different writing styles (based on PET and OGE corpora).	39
<i>Gilyeva, E.</i> Russian and English borrowings in the economic sphere and features of their assimilation. .	47
<i>Guseva, O.</i> Peculiarities of perception of Russian adjectives with perceptive semantics.	52
<i>Danilova, Ju., Bubekova, L., Ibragimova, E.</i> Autostereotypes of bearers of Russian ethnolinguoculture as a way of self-identification.	59
<i>Kalinina, S.</i> Essential characteristics of the term in its functional sphere (based on English-language periodicals and field-specific literature of the oil-and-gas term system).	69
<i>Kigel, T.</i> Contrastive analysis of English, Russian, and Hebrew <i>blue</i> idioms.	80
<i>Kolosova, E., Gimranova, T.</i> Expressive potential of verbs in the fictional text (based on G. Yakhina's works).	87
<i>Semenova E., Alekseeva M.</i> Cognitive structure of the archetypal binary opposition "light/dark" in modern American media discourse.	94
<i>Sufieva, R., Mardieva, L.</i> The names of Russian newspapers and magazines advertising real estate: Semantics and pragmatics.	102
<i>Fattakhova, N., Mubarakshina, A.</i> Contrastive relations in horoscopic texts.	110
<i>Fattakhova, N.</i> The strategy of understanding signs of superstition in television discourse.	116
<i>Zhao Yang</i> Functional and semantic features of anthroponyms in a literary text (based on the anthroponyms in "Sonechka" by L. Ulitskaya).	121

Literary Studies

<i>Avdonina, K.</i> Theoretical legacy of the pleiade: The system of genres in "L'art poetique" by Jacques Peletier du Mans.	129
<i>Gaganova, A.</i> The "Little Man" of the production novel and the chronological boundaries of the genre.	136
<i>Kotova, N.</i> Functions of Charles Dickens's prefaces to his novels.	145
<i>Nekrasova, Yu.</i> Representation problems of authorial writing strategies in the almanac "The Ural Contemporary".	151
<i>Tekenova, U.</i> Colour symbols in the Altai prose in the second half of the 20 th century (based on the novels by D. Kainchin and A. Adarov).	160
<i>Khabutdinova, M.</i> "Little Tragedies" by A. S. Pushkin on the Tatar stage.	170
<i>Khabutdinova, M., Zaripova-Cetin, C.</i> Reception of F. M. Dostoevsky in modern Tatar culture.	177
<i>Yixian Zhang</i> The image of the Great Russian Wall in the works of V. Sorokin.	186

PEDAGOGY

<i>Kolotaeva, A.</i> Teaching students to extract language data on German compound nouns using the Sketch Engine corpus tool.	192
<i>Komovskaya, E.</i> Effective system of exercises for training Russian grammatical skills in international cadets using the metamodel principle.	202
<i>Neprokina, Yu.</i> Methodological foundations of modeling a modern lesson of Russian as a foreign language.	209
<i>Habudouaxi, M.</i> Linguodidactic modeling in teaching Russian vocabulary to Chinese students.	216
<i>Shtekhman, E., Melnik, Yu., Russu, K.</i> Situational tasks in classes of Russian as a foreign language: Practical sketches.	221
<i>Yarmakeev, I., Pimenova, T., Abdrafikova, A.</i> Authenticity as a methodological category in theory and practice of foreign (English) language teaching.	228

UNIVERSITY LIFE

<i>Yusupova, Z.</i> The leader of modern linguodidactics (a review of I. Lysakova's book "Selected Works on Philology and Linguodidactics" (St. Petersburg: Publishing House of A. I. Herzen State Pedagogical University, 2021, 444 p.).	235
--	-----

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.
ЛИНГВИСТИКА**

УДК 81-116

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-67-1-6-14

**СТРУКТУРА ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С СЕМАНТИКОЙ
УВЕЛИЧЕНИЯ И УМЕНЬШЕНИЯ**

© Али Аль-Хаснави

**THE STRUCTURE OF SIMPLE SENTENCES WITH THE SEMANTICS
OF INCREASE AND DECREASE**

Ali Al-Hasnawi

The article describes the structure and semantics of simple sentences with the meaning of increase and decrease. The aim of the study is to identify the specifics of their component composition and the lexical content of the structural schemes in the simple sentences “who / what increases who / what” and “who / what decreases who / what”. The theoretical importance of this paper lies in the fact that the linguistic material of the study and its differentiation can be useful in describing the syntactic system of the Russian language and the Russian linguistic world-image. The study is based on the works by Russian writers of the 19th–21st centuries. Special attention is paid to the classification of verbs forming the named schemes and names in the subjective and objective positions according to thematic groups. We have found that in the syntactic field (of changes), the structural scheme “who / what increases who / what” is located in the same tier with the scheme “who / what decreases who / what”, and some verbs of the first scheme have informal connotations, others belong to a higher level and third ones are marked “bookish style of speech”. The verbs of the second scheme *to make up* (for), *to undermine*, *to weaken*, *to reduce* belong to the sphere of colloquial speech, while lexemes *to belittle*, *to lull* are characteristic of bookish speech.

Keywords: structural scheme, increase, decrease, position, component, predicative, objective

В статье описаны структура и семантика простых предложений с семантикой увеличения и уменьшения. Цель исследования – выявление специфики компонентного состава и лексического наполнения структурных схем простого предложения «кто / что увеличивает кого / что» и «кто / что уменьшает кого / что». Теоретическая значимость работы состоит в том, что языковой материал исследования и его дифференциация могут быть полезны в описании синтаксической системы русского языка и русской языковой картины мира. Работа выполнена на материале текстов художественной литературы русских писателей XIX–XXI веков. Особое внимание уделено классификации глаголов, формирующих названные схемы, и наименований в позиции субъектива и объектива по тематическим группам. Выявлено, что в синтаксическом поле (изменения) структурная схема «кто / что увеличивает кого / что» расположена в одном ярусе со схемой «кто / что уменьшает кого / что», а также одни глаголы первой схемы имеют разговорную окраску, другие обладают пометой (высок.), третьи – пометой книжного стиля речи. Глаголы второй схемы *заглаживать*, *подрывать*, *разбавлять*, *сбавлять* относятся к сфере разговорной речи, тогда как лексемы *уменьшать*, *утолять* характерны для книжной речи.

Ключевые слова: структурная схема, увеличение, уменьшение, позиция, компонент, предикатив, объектив

Одним из ключевых вопросов грамматических исследований во второй половине XX века является изучение синтаксической семантики, главная заслуга в развитии которой принадлежит семиотической трактовке предложения, восходящей к идеям Э. Бейссанса и Л. Прието. Синтаксические исследования указанного периода

посвящены изучению отношения предложения к обозначаемой им ситуации (референту, денотату), в которой исследователи стремились искать как содержание, так и структурную модель единиц синтаксиса. Поэтому «в центре ряда современных синтаксических исследований по причинам их теоретической ориентации, либо вследствие

вие их определенной практической нацеленности оказалась номинативная функция предложения» [1, с. 64]

Номинативная функция предложения определяется отражательной способностью сознания обобщать, производить категоризацию и классификацию отражаемой внеязыковой ситуации, события, распределять роли между ее участниками. В. В. Богданов отмечает, что «события – это всего лишь отражение того факта, что любая вещь существует в совокупности своих свойств и отношений к другим предметам», что «свойства и отношения вещей являются онтологической предпосылкой для существования ситуаций и событий, выражаемых в языке» [2, с. 34].

Сказанное утверждает наличие связи между содержанием предложения и номинируемой ситуацией, определяющей соотношение, но не тождество, не изоморфизм. Отсутствие изоморфизма предопределено тем, что внешний мир выражается в языке не прямо, не непосредственно, а опосредованно, через мышление. В самом общем виде при исследовании проблемы отражения картины мира в языке исходят из триады «объективная реальность – мышление – язык» [3, с. 87]. Смысл этой цепочки состоит в том, что в процессе познания окружающая действительность отражается в сознании человека, категоризируется, результат этой категоризации находит свое выражение в языке. «... язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [4, с. 304].

Что же касается сходства и различия между словом как единицей языка, словосочетанием и предложением как синтаксическими единицами, то все они выполняют номинативную функцию. Словосочетание именуется определенным предметом, действием, явлением, признаком. По сравнению со словом оно конкретизирует общее значение слов. Слово же называет предметы и признаки предметов. Слова и их значения вне предложения являются лишь потенциальными единицами [5, с. 88]. Словосочетание и слово принимают участие в коммуникативной ситуации через предложение.

В отличие от словосочетания и слова предложение номинирует ситуацию, репрезентированную совокупностью предметов и отношениями, которые устанавливаются между предметами. Если компонент ситуации представлен одним предметом, то он обязательно является носителем определённого признака, состояния или свойства. В соответствии с этим «любая ситуация всегда репрезентирована, как минимум двумя компонентами, двумя участниками, обозначенными в предложении отдельными словоформами» [Там же].

В научный обиход для номинативной функции предложения был введен термин «пропозициональная номинация», а для номинативной функции слова был предложен термин «лексическая номинация» [1, с. 64].

Актуальность исследования состоит в том, что описание двух относящихся к одному и тому же синтаксическому полю «изменение», но имеющих противоположные значения структурных схем не попало в поле зрения исследователей.

Цель исследования – выявить специфику компонентного состава и лексического наполнения структурных схем простого предложения «кто / что увеличивает кого / что» и «кто / что уменьшает кого / что».

Материалы и методы

Исследование выполнено на материале, представляющем собой выборку, извлеченную из произведений русских писателей XIX–XXI веков, таких как М. Горький, Ф. М. Достоевский, Л. М. Леонов, Б. Л. Пастернак, К. Г. Паустовский, И. С. Топилин, А. П. Чехов и др. Картотека исследований составляет 450 примеров. В работе использованы следующие методы исследования: описательный метод; метод количественного анализа; метод контекстуального анализа высказываний, а также элементы метода компонентного (семного) анализа.

Структурная схема простого предложения определяется как синтаксический знак, означаемым которого является типовая пропозиция как смысловой конструкт отражённой в сознании ситуации, а означающим – те словоформы, которые маркируют компоненты пропозиции, называемой условно синтаксическим концептом, субъектив и предикатив со своими синтаксическими местами [6, с. 8], [7, с. 22].

Материал работы позволил выявить следующие лексемы (и их дериваты), формирующие выделенные нами схемы: *взвинчивать, вздуть, глушить, дополнять, заглаживать, замедлять, затягивать, множить, накладывать, напрягать, наращивать, обессиливать, облегчать, обогащать, обострять, ограничивать, ослаблять, отращивать, повышать, подрывать, подсекать, колебать, понижать, пошатнуть, преувеличивать, прибавлять, притуплять* и др.

1. Структурная схема

«кто / что увеличивает кого / что»

Схема трехкомпонентна (в нашем материале ее частотность равна 50,3%). В ее составе три словоформы: субъектив – предикатив – объектив.

1.1. Первый конститутивный компонент схемы

В подавляющем большинстве случаев предикатив позиционной схемы высказываний, в основе построения которых лежит описываемая схема, представлен глаголами увеличения с центральной семантикой «увеличение», «усиление», «расширение», «удлинение» и т. п. В соответствии с находящимися в содержательной структуре предикативов-глаголов семами все они членятся на:

1. глаголы с семой «увеличение» в прямом значении: *взвинчивать* (разг.) – «несоразмерно, искусственно поднимать или увеличивать цену» [8]; *накидывать* (разг.) – «делать надбавку, повышать в цене» [Там же]; *множить* (высок.) – «увеличивать число бойцов, людей, потери» и т. п. [ср.: 9, с. 406]; *обогащать* – «преумножать ценными приобретениями, делать более значительным по составу или содержанию» [8]; *обострять* – «делать более сильным, усиливать» [ср.: 8]; *прибавлять* – «увеличивать число, количество, размер, вес, скорость и т. п.» [9, с. 407]; *продлевать, продолжать* – «делать более длинным по времени; увеличивать срок жизни» [8]; *раздувать* – «усиливать горение огня притоком воздуха» [ср.: 8]; *распространять* (книжн.) – «расширять действие, применение чего-либо, перенося на более широкий круг явлений, предметов, лиц» [Там же]; *растягивать* – «натягивая, увеличивать в размере, длине с помощью растяжения» [Там же]; *расширять* – «увеличивать в ширину, делая более широким или обширным» [9, с. 408]; *увеличивать* – «делать что-л. больше, крупнее, значительнее по величине, объему, количеству, продолжительности, скорости, силе, важности и т. п.» [Там же, с. 410]; *удваивать* – «увеличивать вдвое, в два раза, добавляя такое же количество чего-л. к уже имеющемуся» [Там же]; *удесятерять* – «увеличивать, усиливать в десять раз»; *удлинять* – «увеличивать что-л. на некоторый отрезок или некоторую величину, делать больше в длину или дольше во времени» [Там же]; *усиливать* – «увеличивать силу, степень проявления чего-л.» [Там же]; *ускорять* – «увеличивать скорость протекания какого-л. процесса или действия» [Там же, с. 411]; *усугублять* – «увеличивать силу, степень проявления какого-л. отрицательного качества, свойства, положения вещей и т. п.» [Там же]. В эту группу входят также глаголы, семы увеличения которых не являются центральными: *отращивать* – «давать возможность вырасти, достичь в росте каких-л. размеров, какой-л. величины» [ср.: 8]; *преувеличивать* – «представлять что-л. в больших, увеличенных по сравнению с действительностью размерах» [Там же];

2. глаголы с семой «увеличение» в переносном значении: *вздувать* (разг.) – «увеличивать в объеме, размере» [8]; *наращивать* – «увеличивать высоту слоя почвы» [ср.: 9, с. 406]; *раздвигать* – «увеличивать в ширину, делая более широким или обширным» [Там же]; *раздувать* (разг.) – «намеренно увеличивать размеры или значение чего-либо, представлять большим, чем есть в действительности» [8]; *напрягать* – «повышать силу; усиливать слух, память» [Там же]; *разбудить* – «вызвать, усилить какие-либо чувства, мысли, переживания и т. п.» [Там же]; *удваивать* – «значительно увеличивать, усиливать» [Там же].

1.2. Второй конститутивный компонент схемы

Вторым конститутивным компонентом названной схемы является субъектив.

В высказываниях, репрезентирующих структурную схему «кто / что увеличивает кого / что», субъектив выражен именительным падежом, как правило, личных имен или их субституентов (45,2% примеров): *Чайковский все ускорял шаги* [10, с. 19]; *Он (Сушилов) отправил мне это первое тяжелое время и усилил мои душевные муки* [11, с. 71].

В позиции субъекта, указывающего на источник изменения, могут быть представлены (в нашем материале 8,8% примеров) лексемы общего обозначения лица (*человек*) и номинанты, характеризующие его (лицо) по различным признакам: возрасту и полу (*женщина, мужчина, потомок, старик*), физическому состоянию (*детины*), национальной принадлежности (*туркмен, хакас*), практической профессиональной деятельности (*доктор*), по участию в сфере религии, культов (*дьякон, отец*), в хозяйственной, экономической деятельности (*подручный*): *Скоко дашь? – Десять рублей, – выставил пальцы Гришка. – Двадцать! – взвинтил цену детина* [12, с. 252]; *Выдавлив из себя эти малопонятные обрывки мыслей, доктор повысил голос и уверенно сказал: – Полный покой... Морфий, если будет мучиться, я сам впрысну вечером* [13, с. 157].

Позиция субъектива в описываемых примерах может быть представлена зоонимом (0,8% примеров): *Лошади на минуту ускоряли шаг, а потом снова едва плелись, фыркали, тянулись к темной траве по обочинам дороги* [10, с. 14–15]; *Оценивая талант актера, медведь качал головой, махал лапами, скалился, растягивал в улыбке пороссячи губы, возможно, подпевая, томно стонал или, наоборот, не нравившийся стих обрывал недовольным хрюканьем* [12, с. 343].

Субъектная словоформа может называть часть тела человека (*борода, волос, висок*); воздушный,

водный транспорт (*пароход, самолет*); может быть общим обозначением красок (*краска*), химических элементов (*свинец*), явлений природы (*ветер, облако*), ароматических веществ (*аромат*), общим обозначением воздушного пространства (*небо*), общим обозначением материи (*вещество*); продуктов горения (*пламя*). В нашем материале такие примеры составляют 8,2%: *Каменное лицо это удлиняла серая борода* [14, с. 307]; *Предгрозовый ветер налетал порывами и усиливал эту сумятицу красок* [10, с. 369].

В лексическом наполнении позиции субъекта изменения может выступать указательное местоимение *это* (6,3% примеров): *Короткий зимний день кончился, – это удваивало силы и сокращало обратный путь...* [15, с. 662].

В этой позиции не исключены и имена существительные с абстрактным значением (30,7% примеров) – *афоризм, воздух, день, желание, оживление, осмотр, сообщение, уныние, чувство* и др.: *И хотя по логике установленных порядков попытка к самоубийству не смягчала вины Барабанова, а только усугубляла ее, Серпилин, наклонившись к Барабанову и глядя ему в глаза, сказал: – Поправляйтесь* [16, с. 60]; *Но больше всего обогащает язык прозаика знание поэзии* [10, с. 375].

1.3. Третий конститутивный компонент схемы

Третий конститутивный компонент описываемой схемы – объектив увеличения в форме винительного падежа. В этой позиции выступают наименования лиц или их местоименные субституенты (2,2% примеров): *В зале было человек сорок, но тусклые зеркала в простенках размножали людей* [14, с. 435]; *«Я слишком много думаю о ней и, кажется, преувеличиваю, раздуваю ее (Марину)», – останавливал он себя, но уже безуспешно* [Там же].

Позицию объектива, подвергавшегося изменению, маркируют (в нашем материале 10,17% примеров) номинанты продуктов горения (*огонь*); частей тела человека (*борода, глаз, голова, губы, лицо, почечная лоханка, ноздря*); платежных средств (*деньги*); рельефа (*слой почвы*); предметов одежды (*подтяжки*); элементов оформления печатных изданий (*тираж*); общего обозначения красок (*краска*), ароматических веществ (*запах*): *Она, стараясь понять, расширила глаза, поняла, вскочила и кинулась к шкафу, оттуда выбросила массу материи* [13, с. 177]; *За пять лет мы нарастили слой почвы в полтора метра* [17, с. 526].

В материале описываемой схемы отмечены случаи, когда позиция объекта представлена отвлеченными именами или их субституентами

(83,5% примеров), например: наименованиями социальной деятельности; сфер социальной жизни (*дело, наказание*); основных характеристик пространства; изобразительных искусств (*план*); разных способностей к восприятию органами чувств, к речи (*слово, слух*); речевых актов, характеризующихся содержательно (*ругательство*); разных чувств, эмоциональных состояний, их проявлений (*благодарность, вина, волнение, жальность, любовь, мука, ненависть, неприязнь, печаль, радость, скука, страх, тревога, ярость*); социальных ценностей, общественных оценок (*известность, почтительность, слава*); разных черт характера, склада личности; душевных свойств, их проявлений (*вежливость, докучность, нудность, ответственность, презрение, простодушие, раздражение, раздражительность, робость*).

Не исключены в этой позиции наименования духовного мира: сознания, морали, чувства (*дух, желание, надежда, настроение*); связей, отношений, зависимостей (*сходство*); неприятных, горестных ситуаций (*потрясение*); средоточия существующего, сфер его проявлений (*круг*); сущности, содержания, источника (*роль*); собственно языкознания и его разделов (*лексикон, слог*); состояния здорового или нездорового организма (*аппетит*); неродственных отношений, связей, личных контактов (*борьба, свидание*); общих обозначений собственно событий (*событие*), бытия, жизни, ее хода и пространства (*жизнь*); количества, счета, массы, ее меры (*десять, количество, половина, процент, рамка, сила, уровень*): *Он (воздух) целебен, он удлиняет жизнь, он повышает нашу жизненную силу, и, наконец, он превращает механический, а подчас и затруднительный для нас процесс дыхания в наслаждение* [10, с. 142]; *Удачно прихлопнув муху рукописью, он облегченно вздохнул, приподнял губу и немножко растянул ее* [14, с. 312]. Позицию объекта в высказываниях, формируемых данной схемой, могут замещать притяжательные конструкции (2,6% примеров): *Он отправил мне это первое тяжелое время и усилил мои душевные муки* [11, с. 71].

Иногда объект в предложениях с семантикой увеличения занимают неопределенные местоимения *что-то* с семой «объект не известен участникам речевой ситуации» (1,3% примеров): *Он хотел еще что-то прибавить, но осекся: в дверях стоял офицер с выпуклыми глазами* [17, с. 412]; *Тут я, кажется, преувеличил что-то или чего-то не понял* [14, с. 868].

Однако Е. В. Падучева выдвинула другую точку зрения. Говоря о неопределенных местоимениях на *-то*, она отмечает, что эти местоиме-

ния иногда используются в ситуации, «когда говорящему на самом деле известен объект, он мог бы, вообще говоря, его индивидуализировать, но оставляет неопределенным, так как считает индивидуализацию необязательной, неуместной или нежелательной» [18, с. 91].

2. Структурная схема

«кто / что уменьшает кого / что»

2.1. Описание схемы и ее первого конститутивного компонента

Данная схема тоже трехкомпонентна (продуктивность 49,7%). Ее составляющими являются субъектив – предикатив – объектив. В качестве ее структурообразующего компонента выступают глаголы изменения количественного признака с центральной семантикой «уменьшение» или глаголы уменьшения наряду с другими семами типа «ослабление» и др. В соответствии с наличествующими в содержательной структуре глагольных предикативов семами, все лексемы разделяются на:

1. глаголы с семой «уменьшение» в прямом значении: *глушить* – «уменьшать силу звучания крика, гула, рыдания, мычания и т.п., делать не слышным или менее слышным, более глухим» [9, с. 406]; *замедлять* – «уменьшать скорость движения, перемещения и т. п.» [ср.: 8]; *ослаблять* – «уменьшать силу, мощность или вообще жизненные силы противника, закона, тела, делать слабым, менее напряженным, а также строгим, обязательным и т. п.» [9, с. 407]; *подрывать* (разг.) – «расшатывать, ослаблять репутацию, авторитет, причиняя вред, нанося ущерб чему-либо» [ср.: 8]; *понижать* – «уменьшать, опускать уровень, степень ощутимости, температуры, значения» [Там же]; *сбавлять* (разг.) – «уменьшать размер, вес, количество, скорость, силу проявления чего-л. отнимая, убирая чего-л.» [9, с. 409]; *снижать* – «уменьшать уровень высоты, скорости, веса, стоимости, количества и т. п. чего-л.» [Там же]; *сокращать* – «уменьшать что-л. на какую-л. величину, на определенный отрезок длины и времени» [Там же]; *сокращать* – «уменьшать ограничивать что-л. в количестве, объеме, величине» [Там же]; *суживать* – «уменьшать ширину, делать уже» [8]; *убавлять* – «уменьшить размер, вес, количество, скорость чего-н.» [9, с. 410]; *убавлять* – «ослаблять силу проявления какого-либо действия, свойства» [8]; *уменьшать* (книжн.) – «уменьшать силу или значение чего-л. или представлять что-л. менее значительным» [9, с. 410]; *умерять* – «ограничивать, уменьшать силу, степень проявления чего-либо» [Там же]; *уменьшать* – «делать что-л. меньше по величине, объему, количеству, продолжительности, силе, значимости и т. п.»

[Там же]; *энервировать* (устар.) – «нервировать, раздражать; расслаблять, истощать» (последняя лексема не отражена в используемых толковых словарях). В эту группу включаются также те глаголы, семы уменьшения которых не являются основными: *обессиливать* – «делать бессильным, лишать сил» [8]; *сдерживать* – «останавливать, ослаблять то, что движется, развивается с силой» [Там же];

2. глаголы с семой «уменьшение» в переносном значении: *заглаживать* (разг.) – «смягчить, умалить» [8]; *затягивать* (разг.) – «задерживать, замедлять» [Там же]; *облегчать* – «делать менее тягостным, легче переносимым; уменьшать тяготы от чего-либо» [Там же]; *облегчать* – «делать более слабым по проявлению, ослаблять, умерять» [Там же]; *ослаблять* – «уменьшать проявление или воздействие чего-либо» [Там же]; *подсекать* (разг.) – «приводить в расстройство; расшатывать, подрывать» [Там же]; *колебать* – «делать неустойчивым, ненадежным; расшатывать, подрывать» [Там же]; *понижать* – «ухудшать, ослаблять» [Там же]; *притуплять* – «ослаблять, делать менее восприимчивым, чувствительным» [Там же]; *сбавлять* – «ослаблять проявление, уменьшать напряженность чего-либо» [Там же]; *сбрасывать* – «уменьшать размер, вес, количество чего-л. (обычно быстро, резко и т. п.), будто скидывая с чего-л. или отбрасывая некоторую часть» [9, с. 49]; *смягчать* – «ослаблять, умерять суровость» [8]; *суживать* – «сокращать в количестве, в объеме, ограничивать круг действия» [ср.: 8]; *укорачивать* – «уменьшать объем, сокращать состав чего-либо, делать более кратким содержание» [8]; *утолять* (книжн.) – «ослаблять, умерять» [Там же]; *рассеивать* – «смягчать, устранять» [ср.: 8]. В эту группу входят глаголы с не основной семой уменьшения: *придавливать* – «ограничивать уверенность» = значение глагола не отражено в используемых толковых словарях; *пошатнуть* (книжн.) – «сделать менее крепким, устойчивым» [ср.: 8]; *разбавлять* (разг.) – «лишить что-нибудь крепости, силы, содержательности, присоединяя что-нибудь постороннее» [8].

2.2. Второй конститутивный компонент схемы

Субъектив в форме именительного падежа манифестирован, как правило, наименованиями личных имен или заменяющих их местоимений, а также номинантами с характеризующим с разных сторон компонентом (55,4% примеров): по определённой должности, функции (*капитан*), воинским категориям (*офицер*); чертам характера, а также по поступку, поведению, определяемому чертами характера (*герой*), родству (*потомок, теща*), возрасту и полу (*девчонка, дедушка*,

мужик, парень, старик, старуха); общему значению лица (человек), отношению к противозаконному действию, к воровству (бандит), к собственности (хозяин), по участию в сфере медицины (доктор): *Кроме того, она (Лара) под еще большим секретом сокращала расходы самого Паши, без его ведома приплачивая его квартирным хозяевам за его стол и комнату* [19, с. 89]; *Бледная хорошенькая девчонка замедляет шаги, встретив мужской взгляд* [20, с. 31]; *Бандиты притупили бдительность, обратили внимание на драгоценную находку* [12, с. 8].

В этой позиции функционируют также наименования домашних животных (1,3% примеров) семейства собачьих (собака), крупных непарнокопытных животных семейства лошадиных (конь, лошадь): *Собаки умерили свой пыл, притихли* [Там же].

В позиции второго компонента (субъектива) схемы «кто / что уменьшает кого / что» могут выступать слова-наименования (в нашем материале 13% примеров), называющие наземный, подземный, водный, воздушный транспорт (грузовик, машина, паровоз, пароход, поезд, самолет), растительный мир (береза, дерево, пихта, стланник), атмосферные явления (ветер, гроза), водоемы (ключ, речка), небесные тела (звезда), рельеф местности (курумы), спальные принадлежности (перина), внешние части тела человека (прядь волос), продукты горения (дым): *Первый грузовик замедлил ход* [10, с. 281]; *Белоснежная перина приглушила разговор речки, не слышно, как журчит, перекачиваясь по камням Таежный Сисим* [12, с. 116]; *Пришел длинный и длинноволосый молодой человек с шишкой на лбу, с красным, пыльным галстуком на тонкой шее; галстук, закрывая подбородок, сокращал, а пряди темных, прямых волос уродливо суживали это странно-желтое лицо, на котором широкий нос казался чужим* [14, с. 643].

В позиции субъектива могут быть также имена существительные с отвлеченным значением (30,1% примеров): *гул, вмешательство, время, крик, лихорадка, мгновение, мучение, прикосновение, сознание* и др.: *Гул пьяных голосов заглушил громозвучный раскат недалекого взрыва* [19, с. 379]; *Но все эти мучения до того его обессилили, что он едва двигался* [21, с. 75].

2.3. Третий конститутивный компонент схемы

Объектив данной схемы выступает третьим конститутивным компонентом. Такой объектив маркируют личные имена или заменяющие их местоимения (3,6% примеров): *Боль в щеке была не сильная, но разлилась по всему телу и ослабила Клина* [14, с. 756]; *Голос Тагильского заглушил*

его (Безбедова): – *Говорите прямо: сами вы убили ее, или же кто-то другой, наведенный вами?* [Там же].

В единичных примерах таким объектом являются представители животного мира (0,9% примеров): *Они (молчаливые всадники) косились на машину и сдерживали поджарых коней* [17, с. 377].

Объектив может быть репрезентирован (в нашем материале 7,6% примеров) номинантами элементов оформления печатных изданий (тираж), частей растения (лист), внутренней или внешней частей тела человека (глаз, кишка, лицо, тело), одежды (штаны), общего обозначения дорог (дорога), продуктов горения (огонь): *И она вытаскивала у него из внутренностей большой, в палец, осколок, и укорачивала и зашивала разорванные кишки, и ей было жаль его просто как товарища, как одного из самых храбрых людей в бригаде* [16, с. 377]; *Вздыхнув, она убавила огонь лампы* [14, с. 126].

Объектами, подвергающимися уменьшению, могут быть неодушевленные (абстрактные) предметы (87,8% примеров). В этой позиции выступают лексемы, называющие разные чувства, эмоциональные состояния, их проявления (взволнованность, вина, восторг, конфуз, опасение, страдание, страх, торжество, тревога); социальные ценности, общественные оценки (авторитет, престиж, репутация); сущности, содержание, источник (смысл, значение); взаимные связи разных предметов, действий, явлений (отношение); разные способности к восприятию органами чувств, к речи (взгляд, осязательность), общего обозначения чувства (чувство); государственных устройств, форм правления (самодержавие), социальных устройств, прав, законов (власть, воля, закон), правовых положений, состояний (свобода), духовного мира: сознания, морали, чувства (дарование, душа, личность, мизантропия, настроение, пыл, разочарование, труд, уверенность); состояния здорового или нездорового организма (боль, жар, здоровье, недомогание); модальности (потребность), количества, счета, массы, ее меры (количество, размер, расход, сила, сопротивляемость), единицы измерения времени (срок); неприятных, горестных ситуаций (беда, горесть, тоска): *Пока я думал, что предпринять, она заглушила рыдания и утерла слезы* [22, с. 247]; *Рассказ еще больше понижает настроение* [13, с. 345]; *Общее истощение ослабляет сопротивляемость* [19, с. 228].

Материал показал, что обе схемы обладают почти одинаковой продуктивностью в функционировании. В связи с этим в синтаксическом поле (изменения) структурная схема «кто / что уве-

личивает кого / что» расположена в одном ярусе со схемой «кто / что уменьшает кого / что».

В ходе анализа фактического материала мы столкнулись с сочетаниями глаголов с разнообразными лексико-семантическими группами имен в позиции субъектива и объектива. Главную роль в этом сочетании играет семантическая структура глагола, так как семантика глагола определяет особенности его сочетаемости. В соответствии с законом сочетания слов В. Г. Гак указывает, что слова могут вступать в различные синтагматические отношения, если оба члена словосочетания содержат общую сему (синтагмему) [23, с. 28]. Правильное сочетание осуществляется тогда, когда категориальные признаки подчиняющего слова находятся в соответствии с категориальными признаками подчиняемого [Там же, с. 22]

Рассматривая валентности глагола, С. Д. Кацнельсон отмечает, что субъектно-объектные функции определены содержательной валентностью глагольного значения, под которой он понимает способность данного глагола входить в сочетаемостные отношения «с именами с той или иной субъектно-объектной функцией» [24, с. 47]

Валентные свойства слов, их способность сочетаться с другими словами в составе предложения зависят не только от грамматических классов выражаемых ими значений, но в неменьшей мере и от их подклассов [Там же]. Кроме того, в сочетании слов необходимо учитывать префиксальную структуру глагола.

Малопродуктивность в функционировании наименований одушевленных предметов, наполняющих третью конститутивную позицию (кого) в обеих схемах, можно объяснить тем, что сема «одушевленность» отсутствует в содержательной структуре слов, входящих в сочетаемостные отношения. В первой схеме обнаружен только глагол *множить*, (происходящий от общеславянского глагола, образованного от прилагательного *много* – «многий» [25, с. 235], который мог сочетаться с номинантом человека (*бои*) в позиции объектива, так как в содержательной структуре обоих слов существует общий категориальный признак лица, не говоря о наличии общей семы «множество»: *Да, необходимо создать организацию, которая была бы способна объединять в каждый данный момент все революционные силы, всякие вспышки, воспитывать и умножать бойцов для решительного боя – вот!* [14, с. 541].

Аналогично можно сказать о приставочной лексеме *размножать*, сочетающейся с существительным с абстрактным значением в позиции субъекта, но предметное значение слова, занимающего объектную позицию (*человек*), становится непредметным, нереальным, а мнимым,

(пример см. выше). Глагол *усиливать* сочетается с существительным в позиции объекта увеличения (*противник*) на основе общей семы «сила», входящей в значение первого сочетающегося слова и потенциальной семы значения второго: *Однако и оставаться безучастными к окружению не было возможности. Покорность обстоятельствам нравственно усиливала противника* [Там же].

В структурной схеме «кто / что уменьшает кого / что» глагол *ослаблять* вступил в сочетание с номинантом *противника* в позиции объекта на основе семы «сила», существующей в содержательной структуре обоих слов: *Сдержанность происходила из уверенности, что каждый день ослабляет противника и облегчает его будущий разгром* [26, с. 121].

Признак «движение» предопределил сочетаемость лексемы *сдерживать* с номинантами лексико-семантической группы непарнокопытных домашних животных (*лошадь, конь*): *Люди едва сдерживают лошадей* [12, с. 139].

Отсутствие в одном из членов словосочетания сем, противоречащих семам другого члена, приводит к абстрактности слова [23, с. 28]. Продуктивность в функционировании номинантов с отвлеченными значениями в материале выборки в позиции объекта (*что*) объясняется наличием признака абстрактности значения в содержательной структуре большинства формирующих схемы лексем.

Остальные глаголы свободно сочетаются в позиции субъекта со словами, маркирующими различных представителей как живой, так и неживой природы. Это объясняется прежде всего разными значениями приставок и различными лексическими значениями глаголов, с которыми они сочетаются, не говоря об употреблении некоторых лексем в переносном значении.

Основные результаты исследования могут быть резюмированы в следующем виде:

1. В синтаксическом поле (изменения) структурная схема «кто / что увеличивает кого / что» расположена в одном ярусе со схемой «кто / что уменьшает кого / что». Об этом свидетельствует одинаковая почти продуктивность в функционировании обеих схем.

2. В реализации первой схемы принимает участие группа лексем со значением «увеличение» типа: *взвинчивать, обострять, раздувать, размножать, растягивать, расширять, увеличивать, удаивать, удешевлять* и др., тогда как в реализации второй участвуют лексемы с семантикой «уменьшение» типа: *замедлять, облегчать, ослаблять, подрывать, притуплять, сглаживать, смягчать, снижать, сокращать, суживать, уменьшать* и др.

3. Число глаголов, употребленных в переносном значении в структурной схеме «кто / что уменьшает кого / что», больше по сравнению со схемой «кто / что увеличивает кого / что» (в нашем материале составляют 21:9 глаголов)

4. Одни глаголы первой схемы имеют разговорную окраску: *взвинчивать, накидывать, вздувать*, другие обладают пометой (высок.): *множить*, третьи – пометой книжного стиля речи: *распространять*. Глаголы второй схемы *зглаживать, подрывать, подсекать, разбавлять, сбавлять* относятся к сфере разговорной речи, тогда как лексемы *умалывать, утолять* характерны для книжной речи.

5. Глагол *энергировать* с пометой (устар.), лексема *придавливать* не нашли отражения в используемых толковых словарях.

6. Позицию субъектива манифестируют номинанты различных лексико-семантических групп имен. В структурной схеме «кто / что увеличивает кого / что» эту позицию занимают лексемы: *доктор, женщина; лошадь, медведь; краска, самолет; желание, оживление, осмотр, сообщение* и др. Маркерами субъекта пропозиции «кто / что уменьшает кого / что» являются номинанты: *герой, капитан, офицер, теща; конь, лошадь, собака; береза, ветер, звезда, ключ; крик, лихорадка, мгновение, вмешательство, время*, и др.

7. Позиция объектива увеличения схемы «кто / что увеличивает кого / что» представлена формой винительного падежа номинантов: *человек; борода, краска, тираж; наказание, план, ощущение, ругательство* и др. Позиция объекта уменьшения в структурной схеме «кто / что уменьшает кого / что» репрезентирована наименованиями: *конь, человек; дорога, лицо, штаны; авторитет, власть, отношение, чувство* и др.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. О номинативном аспекте предложения // Вопросы языкознания. 1971. № 6. С. 63–73.
2. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: ЛГУ, 1977. 184 с.
3. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 244 с.
4. Гумбольдт В. Ф. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / Общ. ред. Г. В. Рамишвили. М.: ИГ ОАО «Прогресс», 2001. 400 с.
5. Казарина В. И. Современный русский синтаксис: структурная организация простого предложения: Учебное пособие. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2007. 329 с.
6. Волохина Г. А., Попова, З. Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж, ВГУ, 2003. 196 с.

7. Казарина В. И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании). Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2002. 225 с.

8. ABBYY Lingvo x3 Medved Edition. URL: http://www.abbyy.ru/business/lingvo-windows/medved_edition (дата обращения: 07.05.2020).

9. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты; под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 576 с.

10. Паустовский К. Г. Собр. соч. в 9 томах. Т. 3. М.: Худож. лит., 1982. 687 с.

11. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: Записки из мертвого дома. М.: Мир книги, Литература, 2007. 384 с.

12. Топилин И. С. Серебряный пояс. М.: Вече, 2016. 464 с.

13. Булгаков М. А. Белая гвардия. М.: Ладомир, 2015. 824 с.

14. Горький М. Жизнь Клим Самгина. «Public Domain», 1937. 1186 с. URL: <https://www.litres.ru/maksim-gorkiy/zhizn-klima-samgina> (дата обращения: 13.07.2020).

15. Леонов Л. Собр. соч. в 5 томах. Т. 5. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. 760 с.

16. Симонов К. М. Собрание сочинений. В 10 томах. Т. 5. М.: Худож. лит., 1981. 647 с.

17. Паустовский К. Г. Собр. соч. в 9 томах. Т. 1. М.: Худож. лит., 1981. 623 с.

18. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Едиториал УРСС, 2004. 288 с.

19. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. Г. Фелтри-неали – Милан, 1958. 654 с.

20. Иванов Г. В. Собр. соч. в 3 томах. Т. 2. Проза. М.: «Согласие», 1993. 480 с.

21. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: Преступление и наказание. М.: Мир книги, Литература, 2008. 464 с.

22. Чехов А. П. Собр. соч. в 11 томах. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. 583 с.

23. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. (На материале французского и русского языков). М.: «Международ. отношения», 1977. 264 с.

24. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 216 с.

25. Крылова Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: ООО «Полиграфсервис», 2005. 432 с.

26. Леонов Л. Собр. соч. в 5 томах. Т. 4. М.: государственное издательство художественной литературы, 1954. 552 с.

References

1. Arutiunova, N. D. (1971). *O nominativnom aspekte predlozheniia* [About the Nominative Aspect of

the Sentence]. *Voprosy yazykoznanii*, No. 6, pp. 63–73. (In Russian)

2. Bogdanov, V. V. (1977). *Semantiko-sintaksicheskaya organizatsiya predlozheniya* [Semantic-Syntactic Organization of the Sentence]. 184 p. Leningrad, Leningrad State University. (In Russian)

3. Serebrennikov, B. A. (1988). *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i myshlenie* [The Role of the Human Factor in Language. Language and Thinking]. 244 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

4. Humboldt, V. F. (2001). *Izbrannye trudy po Yazykoznaniiyu* [Selected Works on Linguistics]. Per. s nem. Obshch. red. G. V. Ramishvili. 400 p. Moscow, Progress. (In Russian)

5. Kazarina V. I. (2007) *Sovremennyi russkii sintaksis: strukturnaya organizatsiya prostogo predlozheniya: Uchebnoe posobie* [Modern Russian Syntax: The Structural Organization of the Simple Sentence: A School-Book]. 329 p. Yelets, Yelets State University named after I. A. Bunin. (In Russian)

6. Volokhina, G. A., Popova, Z. D. (2003). *Sintaksicheskie kontsepty russkogo prostogo predlozheniya* [The Syntactic Concepts of the Russian Simple Sentence]. 196 p. Voronezh, Voronezh State University. (In Russian)

7. Kazarina, V. I. (2002). *Sintaksicheskii kontsept "sostoianie" v sovremennoy russkoy yazyke (k voprosu o ego formirovani)* [The Syntactic Concept "State" in the Modern Russian Language (on the issue of its formation)]. 225 p. Yelets, Yelets State University named after I. A. Bunin. (In Russian)

8. ABBYY Lingvo x3 Medved Edition. URL: <http://www.abbyy.ru/business/lingvo-windows/medved-edition> (accessed: 07/05.2020). (In Russian)

9. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkikh glagolov* (2009) [The Big Explanatory Dictionary of Russian Verbs: An Ideographic Description. Synonyms. Antonyms. English Equivalents]. Pod red. Prof. L. G. Babenko. 576 p. Moscow, AST-PRESS KNIGA. (In Russian)

10. Paustovskii, K. G. (1982). *Sobr. soch. v 9 tomakh. T. 3.* [Collected Works in 9 Volumes, V. 3]. 687p. Moscow, Khudozh. lit. (In Russian)

11. Dostoevskii, F. M. (2007). *Sobranie sochinenii: Zapiski iz mertvogo doma* [Collected Works: Notes from the Dead House]. 384 p. Moscow, Mir knigi, Literatura. (In Russian)

12. Topilin, I. S. (2016). *Serebrianyi poyas* [The Silver Belt]. 464 p. Moscow, Veche. (In Russian)

13. Bulgakov, M. A. (2015). *Belaya gvardiya* [The White Guard]. 824 p. Moscow, Lodomir. (In Russian)

14. Gor'kii, M. (1937). *Zhizn' Klima Samgina* [The Life of Klim Samgin]. 1186 p. "Public Domain". URL: <https://www.litres.ru/maksim-gorkiy/zhizn-klima-samgina> (accessed: 13.07.2020). (In Russian)

15. Leonov, L. (1955). *Sobr. soch v 5 tomakh. T. 6.* [Collected Works in 5 Volumes, V. 6]. 760 p. Moscow, gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. (In Russian)

16. Simonov, K. M. (1981). *Sobranie sochinenii. V 10 tomakh. T. 5.* [Collected Works in 10 Volumes, V. 5]. 647 p. Moscow, Khudozh. lit. (In Russian)

17. Paustovskii, K. G. (1981). *Sobr. soch v 9 tomakh. T. 1.* [Collected Works in 9 Volumes, V. 1]. 623 p. Moscow, Khudozh. lit. (In Russian)

18. Paducheva, E. V. (2004). *Vyskazyvanie i ego sootnesennost's deistvitel'nost'iu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii)* [The Utterance and Its Correlation with Reality (Referential Aspects of the Semantics of Pronouns)]. 288 p. Moscow. Editorial URSS. (In Russian)

19. Pasternak, B. L. (1958). *Doktor Zhivago* [Doctor Zhivago]. 654 p. G. Feltrinelli – Milan. (In Russian)

20. Ivanov, G. V. (1993). *Sobr. soch. v 3 tomakh. T. 2. Proza* [Collected Works in 3 Volumes, V. 2. Prose]. 480 p. Moscow, "Soglasie". (In Russian)

21. Dostoevskii, F. M. (2008). *Sobranie sochinenii: Prestuplenie i nakazanie* [Collected Works: Crime and Punishment]. 464 p. Moscow, Mir knigi, Literatura. (In Russian)

22. Chekhov, A. P. (1960). *Sobr. soch. v 11 tomakh. T. 1.* [Collected Works in 11 Volumes, V. 1]. 583 p. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. (In Russian)

23. Gak, V. G. (1977). *Sopostavitel'naya leksikologiya. (Na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov)* [Comparative Lexicology. (Based on French and Russian)]. 264 p. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya. (In Russian)

24. Katsnel'son, S. D. (1972). *Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie* [Typology of Language and Speech Thinking]. 216 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

25. Krylova, G. A. (2005). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. 432 p. St. Petersburg, Polygraphuslugi. (In Russian)

26. Leonov, L. (1954). *Sobr. soch. v 5 tomakh. T. 4.* [Collected Works in 5 Volumes, V. 4]. 552 p. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. (In Russian)

The article was submitted on 29.11.2021

Поступила в редакцию 29.11.2021

Аль-Хаснави Али Ради Машджель,
доктор филологических наук,
доцент,
Университет Ти-кара,
64001, Ирак, Эн-Насирия,
ali88.2000@utq.edu.iq

Al-Hasnawi Ali Radhi Mashjel,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
University of Thi-Qar,
Al Nasiriya, 64001, Iraq.
ali88.2000@utq.edu.iq

АКТУАЛИЗАЦИЯ ТАКСИСНОГО ЗНАЧЕНИЯ ОДНОВРЕМЕННОСТИ В КОНЦЕССИВНОЙ СИТУАЦИИ

© Ирина Архипова

ACTUALIZATION OF THE TAXIS SIMULTANEITY VALUE IN A CONCESSIVE SITUATION

Irina Arkhipova

The aim of this article is to clarify the secondary-taxis value of simultaneity in the concessional situation in German, English, Dutch, Polish and Russian.

The concessive construction in the context of the taxis simultaneity value actualization is “secondary”; therefore, we introduce the terms “a secondary-taxis meaning of concession” and “a secondary concessive-taxis categorical situation” into scientific use.

The present study is based on the empirical material of polypropositive statements with prepositional deverbatives with monotaxis concessive prepositions, which we selected and examined.

The monotaxis prepositions of the concessive semantics *trotz, ungeachtet, несмотря на, невзирая на, вопреки, trots, ondanks, ongeacht, despite, in spite of, wbrew, mimo, pomimo* mark only one kind of secondary taxis values – those of simultaneity-concessive-taxis.

The aforementioned monotaxis prepositions of concessive semantics are markers of concessive-taxis categorical situations of simultaneity.

Prepositional deverbatives of the German, Russian, Dutch, English and Polish languages act as actualizers of the secondary taxis meanings of simultaneity in concessive situations.

In the course of the study, we found that iterative adverbials or attributes, word-formative-iterative deverbatives, as well as distributive multiplicity of subject/object actants of verbal actions in the examined statements with prepositional deverbatives actualize interconnected iterative-concessive-taxis, distributive-concessive-taxis and distributive-iterative-concessive-taxis categorical situations of simultaneity.

Keywords: concessive situation, second-taxis meaning of simultaneity, monotaxis prepositions, concessive prepositions, second concessive-taxis categorical situation, concessive-taxis markers, concessive-taxis actualizers

Целью рассмотрения данной статьи является вопрос актуализации секундарно-таксисного значения одновременности в концессивной ситуации в немецком, английском, нидерландском, польском и русском языках.

Концессивная конструкция в контексте актуализации в ней таксисного значения одновременности является «секундарной», поэтому мы вводим в научный обиход термины «секундарно-таксисное значение концессивности» и «секундарная концессивно-таксисная категориальная ситуация».

В качестве эмпирического материала настоящего исследования были выбраны и обследованы полипропозитивные высказывания с предложными девербативами с монотаксисными концессивными предлогами.

Монотаксисные предлоги концессивной семантики *trotz, ungeachtet, несмотря на, невзирая на, вопреки, trots, ondanks, ongeacht, despite, in spite of, wbrew, mimo, pomimo* маркируют лишь одну разновидность секундарно-таксисных значений одновременности – концессивно-таксисную.

Вышеназванные монотаксисные предлоги концессивной семантики являются маркерами концессивно-таксисных категориальных ситуаций одновременности.

Предложные девербативы немецкого, русского, нидерландского, английского и польского языков выступают в роли актуализаторов секундарно-таксисных значений одновременности в концессивных ситуациях.

В ходе исследования было обнаружено, что при наличии итеративных адвербиалов или атрибутов, словообразовательно-итеративных девербативов, а также дистрибутивной множественности субъектных / объектных актантов глагольных действий в обследованных высказываниях с предложными девербативами актуализируются сопряженные итеративно-концессивно-

таксисные, дистрибутивно-концессивно-таксисные и дистрибутивно-итеративно-концессивно-таксисные категориальные ситуации одновременности.

Ключевые слова: концессивная ситуация, секундарно-таксисное значение одновременности, монологические предлоги, концессивные предлоги, секундарная концессивно-таксисная категориальная ситуация, концессивно-таксисные маркеры, концессивно-таксисные актуализаторы

Вопросы описания семантики концессивности освещаются в работах современных отечественных языковедов (В. С. Храковский, Г. А. Мусатова, Н. С. Черникова, Е. В. Плотникова, Г. П. Берзина, Н. А. Андримонова, Л. А. Усманова, З. Ф. Михайлова, М. А. Федорова, Л. Д. Орданьян, И. В. Архипова и др.).

Концессивные конструкции являются бипредикативными и имплицативными конструкциями, включающими главную и синтаксически зависимую часть и «вводящие два положения дел» [1, с. 9].

По мнению В. Б. Евтюхина, основным признаком концессивной ситуации является обратная обусловленность. В связи с этим исследователь выделяет различные типы концессивных ситуаций, в частности ситуации подавления, преодоления (удачной попытки, компенсации), понижения или повышения в ранге и др. [2, с. 171–174]. Во всех вариантах концессивных ситуаций речь идет о двух ситуациях (действиях, событиях): «обусловливающих» и «обусловливаемых».

Наш исследовательский интерес представляет вопрос актуализации таксисного значения одновременности в высказываниях с предложными девербативами, репрезентирующих концессивные ситуации.

В обследованных концессивных ситуациях действие или событие, обозначаемое предложным девербативом, является, как правило, «обусловливающим», а действие или событие глагольного предиката выступает в роли «обусловливаемого», например:

(1) Seinen Humor *hat* der Trainer *trotz der Enttäuschung* nach der Spielabsage dann auch *nicht verloren* [3].

(2) Nur wenig *hat* er sich *trotz detaillierter Planung nicht bewährt* [Там же].

(3) *Вопреки ожиданию*, он не обрел душевного равновесия (П. Сиркес. «Труба исхода») [4].

В вышеприведенных примерах немецкого и русского языков концессивные ситуации номинируют «имевшую место неудачную попытку» некоторого субъекта глагольного действия (в этой связи см. отрицание *nicht* и *не*). В них актуализируется таксисное значение одновременности между двумя соотносимыми в рамках целостного темпорального периода действиями / событиями предложного девербатива и глагола. В качестве маркера концессивно-таксисных ка-

тегориальных ситуаций одновременности в высказываниях немецкого и русского языков выступают монологические предлоги с семантикой уступки *trotz* и *вопреки*.

Концессивная конструкция в контексте актуализации в ней таксисного значения одновременности является *секундарной*, поэтому мы вводим в научный обиход термины «секундарно-таксисное категориальное значение концессивности» и «концессивно-таксисная категориальная ситуация».

В качестве маркера секундарно-таксисного значения концессивности выступает монологический концессивный предлог. Предлоги *trotz*, *ungeachtet*, *несмотря на*, *невзирая на*, *вопреки*, *trots*, *ondanks*, *ongeacht*, *despite*, *in spite of*, *wbrew*, *mimo*, *pomimo* являются монологическими, так как в силу своей моносемичной концессивной семантики они способны эксплицитировать только концессивно-таксисную категориальную семантику, то есть одну разновидность секундарно-таксисной категориальной ситуации одновременности – концессивно-таксисную категориальную ситуацию. Например:

(4) Das Erreichen seines großen Ziels ist aber *trotz des starken Auftritts in Monaco* unsicherer als zuvor [5].

(5) Für die Polizei blieb es *trotz des Andrangs* relativ ruhig [Там же].

(6) Auf diese ist man *trotz Vorbereitung* unvorbereitet [Там же].

(7) Die kleine Hexe mischt sich dennoch unter die tanzenden Hexen, wird aber *trotz Verkleidung* erwischt und verliert als Strafe ihren Besen [Там же].

(8) Rund um den Gipfel hatte es *trotz des Einsatzes tausender Polizisten* schwere Krawalle gegeben [Там же].

В вышеприведенных высказываниях (4–8) актуализируются концессивно-таксисные категориальные ситуации одновременности. В качестве концессивно-таксисного маркера выступает монологический предлог с семантикой уступки *trotz*, а в роли концессивно-таксисных актуализаторов – предложные девербативы *trotz des starken Auftritts in Monaco*, *trotz des Andrangs*, *trotz Vorbereitung*, *trotz Verkleidung*, *trotz des Einsatzes tausender Polizisten*.

Немецкие девербативы в сочетании с концессивными предлогами *trotz* и *ungeachtet* номини-

руют событие или действие, выступающее в качестве некоторого основания или субъективного / объективного «обстоятельства» для обозначаемого глагольного действия-следствия или события-следствия. Предложные девербативы с предлогами *trotz* и *ungeachtet* актуализируют секундарные concessivno-takcисные категориальные ситуации одновременности, например:

(9) Der europäische Automarkt hat im Juli *trotz des erneuten Rückgangs* in Deutschland zugelegt [3].

(10) Damit setzt sich *trotz des Ausstiegs der Partei aus den Sondierungsgesprächen* ein Trend fort, der bereits seit Jahresanfang anhält [Там же].

(11) In Barcelona hielt Parlamentspräsident *trotz der Forderung Madrids nach einer Aussetzung an der Wahl zum Regionalpräsidenten* fest [Там же].

(12) *Ungeachtet der Absage von Bundeskanzlerin Angela Merkel (CDU)* an eine baldige Herausgabe der umstrittenen Suchliste des US-Geheimdienstes NSA drängt die SPD auf eine unverzügliche Freigabe der Daten [Там же].

(13) *Ungeachtet des Rücktritts und des Ausgangs der Landtagswahlen* sieht Seehofer gute Chancen für ein schwarz-gelbes Bündnis auf Bundesebene nach der Bundestagswahl [Там же].

В вышеприведенных примерах (9-13) concessivno-takcисные предлоги *trotz* и *ungeachtet* выступают в роли concessivno-takcисных маркеров. Предложные девербативы *trotz des erneuten Rückgangs*, *trotz des Ausstiegs der Partei aus den Sondierungsgesprächen*, *trotz der Forderung Madrids nach einer Aussetzung an der Wahl zum Regionalpräsidenten*, *ungeachtet der Absage von Bundeskanzlerin Angela Merkel (CDU)*, *ungeachtet des Rücktritts und des Ausgangs der Landtagswahlen* являются concessivno-takcисными актуализаторами.

При наличии итеративных квантификаторов (адвербиалов и атрибутов *mehrmalig*, *mehrfach*, *jedesmalig*, *ständig*, *vielmehr*, *immer*, *wieder*, *immer wieder* и др.) и итеративных девербативов в немецких высказываниях с предложными девербативами актуализируются сопряженные итеративно-concessivno-takcисные категориальные ситуации одновременности, ср.:

(14) Vielmehr habe er das Verbrechen *trotz überwältigender Beweise* selbst nach seiner Verurteilung noch geleugnet [3].

(15) *Immer wieder* kommt es zu Schwangerschaften *trotz Einnahme der Pille* [Там же].

(16) Insgesamt war das Ergebnis gerecht, da Mainz *trotz des schnellen Rückstandes immer wieder* zu Chancen kam [Там же].

(17) Die AfD gerät *trotz gegenteiliger Behauptungen immer wieder* in Verdacht, die eigenen Reihen auch für Rechtsextreme zu öffnen [Там же].

(18) Apple verweigerte der «SonntagsZeitung» *trotz mehrmaligem Nachfragen* eine Stellungnahme [Там же].

(19) Die Zeit der alten Anlage war *trotz ständiger Modernisierungen* abgelaufen [Там же].

(20) Der Flughafenbetreiber Fraport sieht sich *trotz der Verzögerungen beim Ausbau des Frankfurter Flughafens* auf Wachstumskurs [Там же].

(21) Russland hat *ungeachtet aller Warnungen des Westens* die Unabhängigkeit der von Georgien abtrünnigen Gebiete Südossetien und Abchasien anerkannt [Там же].

(22) Vettel hält *ungeachtet der Verbesserungen* und der eigenen Zuversicht allerdings auch in diesem Jahr die Silberpfeile für die Favoriten auf dem engen Stadtkurs [Там же].

(23) Der Hotelbetrieb läuft *ungeachtet dieser Verhandlungen* ungestört weiter [Там же].

(24) *Ungeachtet der Angriffe der Oppositionsparteien und parteiinterner Kritiker* legte CAVALLLO mit Wirkung zum 1. September ein Finanzprogramm vor, von dem sich der Minister eine kräftige Erholung der Wirtschaft, die Verbilligung des Geldes, eine Steigerung der Staatseinnahmen und des privaten Konsums erhofft [5].

В вышеприведенных высказываниях (14-24) актуализируемые сопряженные итеративно-concessivno-takcисные категориальные ситуации одновременности детерминированы итеративным адвербиалом *immer wieder* (15-17), итеративными атрибутами *mehrmalig* и *ständig* (14-19) и словообразовательно-итеративными девербативами *die Beweise*, *die Behauptungen*, *die Modernisierungen*, *die Verzögerungen*, *die Warnungen*, *die Verbesserungen*, *die Verhandlungen*, *die Angriffe* (14, 17, 19-24).

В качестве concessivno-takcисных актуализаторов одновременности в высказываниях (14-24) выступают следующие предложные девербативы: *trotz überwältigender Beweise*, *trotz Einnahme der Pille*, *trotz des schnellen Rückstandes*, *trotz gegenteiliger Behauptungen*, *trotz mehrmaligem Nachfragen*, *trotz ständiger Modernisierungen*, *trotz der Verzögerungen beim Ausbau des Frankfurter Flughafens*, *ungeachtet aller Warnungen des Westens*, *ungeachtet der Verbesserungen*, *ungeachtet dieser Verhandlungen*, *ungeachtet der Angriffe der Oppositionsparteien und parteiinterner Kritiker*.

При дистрибутивной множественности субъектных или объектных актантов глагольных действий возможна актуализация сопряженных дистрибутивно-concessivno-takcисных (25-26) или итеративно-дистрибутивно-concessivno-takcисных категориальных ситуаций одновременности (27-28). Ср.:

(25) *Viele waren trotz der Absage des Feuerwerks gekommen oder hatten nicht einmal davon gehört* [3].

(26) *Ungeachtet des Besuchs* singen wir weiter ... [5].

Актуализация сопряженных дистрибутивно-концессивно-таксисных категориальных ситуаций одновременности в высказываниях (25-26) детерминирована субъектной множественностью глагольных действий (см. субъекты *viele* и *wir*).

В высказываниях с дистрибутивной актантной множественностью, содержащих различные итеративные индикаторы (глаголы, девербативы, квантификаторы итеративной семантики), актуализируются сопряженные итеративно-дистрибутивно-концессивно-таксисные категориальные ситуации одновременности или *политаксисные* категориальные ситуации одновременности (термин наш – И. Архипова), например:

(27) *Viele Anwohner in der Gefahrenzone kehren ungeachtet aller Warnungen in ihre Häuser zurück* [3].

(28) *Sie ernteten trotz ihrer Erklärungen von vielen nur Kopfschütteln* [Там же].

В высказываниях (27-28) итеративно-дистрибутивно-концессивно-таксисные категориальные ситуации одновременности актуализируются в силу наличия словообразовательно-итеративных девербативов *die Warnungen* и *die Erklärungen* и дистрибутивной множественности субъектных актантов глагольных действий (см. *sie* и *viele Anwohner*).

В русском языке в высказываниях с монотаксисными предлогами концессивной семантики *несмотря на*, *невзирая на*, *вопреки* актуализированы концессивно-таксисные категориальные ситуации одновременности. В силу своей концессивной семантики вышеназванные монотаксисные предлоги указывают на некоторое «обстоятельство», обозначаемое предложным девербативом, которое «противоречит» осуществляемому действию глагола. Монотаксисные концессивные предлоги *несмотря на*, *невзирая на*, *вопреки* выступают в роли маркеров концессивно-таксисных категориальных ситуаций одновременности, например:

(29) И, *невзирая на явное сопротивление*, Савва изложил всю историю целиком (М. Баконина. «Девять граммов пластита».) [4].

(30) День гнева и забастовка профсоюзов плавно переходят в борьбу со столичным автолюбителем, злостно разъезжающим, *вопреки указанию мэра*, на немом автомобиле (О. Пескова. «Погода».) [Там же].

Предложные девербативы *невзирая на явное сопротивление* и *вопреки указанию мэра* являют-

ся актуализаторами концессивно-таксисных значений одновременности.

При наличии в высказываниях русского языка с концессивными предлогами словообразовательно-итеративных девербативов возможна актуализация сопряженных итеративно-концессивно-таксисных категориальных ситуаций одновременности, например:

(31) Но, как я уже упоминала, все мы были утомлены до последней степени, поэтому, *невзирая на многократные предупреждения*, вперлись в крошечную и нерасчитанную на великое переселение народов гостиницу, что называется, всем стадом (Ю. И. Андреева. «Многоточие сборки».) [Там же].

(32) *Несмотря на обещания*, данные Черномырдиным, в 90-е годы шли переговоры о новых контрактах на поставки таких видов вооружений, которых у Ирана еще не было (Н. Хмелик. «Тегеран 2003».) [Там же].

В приведенных выше примерах (31-32) в качестве актуализаторов сопряженных итеративно-концессивно-таксисных категориальных ситуаций одновременности выступают предложные словообразовательно-итеративные девербативы *невзирая на многократные предупреждения* и *несмотря на обещания*.

В нидерландском языке в качестве маркеров концессивно-таксисных категориальных ситуаций одновременности выступают монотаксисные предлоги концессивной семантики *ondanks*, *ongeacht*, *trots*, например:

(33) *Zinloos geweld gaat maar door, ondanks de publieke verontwaardiging erover* [3].

(34) *En gelukkig is, ondanks de ongemakkelijke ligging, geen keizersnede nodig geweest* [Там же].

(35) *Als fractievoorzitter is hij, ongeacht de uitkomst, niet meer de gelukkigste keus* [Там же].

(36) *Indien een totaalprijs is vermeld voor een arrangement in de opdrachtbevestiging zal minimaal de totaalprijs in rekening worden gebracht ongeacht de wijziging* [Там же].

(37) *De verwachting is echter wel dat de markt voor online kansspelen, ongeacht regulering via wetgeving, blijft groeien* [Там же].

В вышеприведенных примерах (33-37) в качестве концессивно-таксисных актуализаторов выступают следующие нидерландские предложные девербативы: *ondanks de publieke verontwaardiging*, *ondanks de ongemakkelijke ligging*, *ongeacht de uitkomst*, *ongeacht de wijziging*, *ongeacht regulering via wetgeving*.

При наличии словообразовательно-итеративного девербатива (см. девербатив *investeringen*) возможна актуализация сопряженной итератив-

но-концессивно-таксисной категориальной ситуации одновременности, например:

(38) *Echter, hogere kwaliteit van de containers in de pool en lagere kosten voor alle gebruikers, ongeacht investeringen, is een goed begin* [Там же].

В польском языке маркерами концессивно-таксисных категориальных ситуаций одновременности являются моноксисные предлоги *mimo / pomimo, wbrew*, например:

(39) *I to mimo wycofania się z imprezy kilku uczelni — twierdzi Paweł Lisiewicz z Młodzieżowej Rady Miasta, która patronuje imprezie* [6].

(40) ... *wbrew zapewnieniom ministra Marka Pola obwodnica w naszym mieście powstanie* [Там же].

(41) *Joseph Tanui, lecz wbrew oczekiwaniom nie odegrał w tym biegu większej roli* [Там же].

(42) ... *mimo niepowodzenia w Baku i podpisanego kontraktu z PZPS, na brak ofert pracy nie narzeka trener Polek, Andrzej Niemczyk* [Там же].

В вышеприведенных высказываниях (39-42) в качестве концессивно-таксисных актуализаторов выступают предложные девербативы *mimo wycofania się, wbrew zapewnieniom ministra Marka Pola, wbrew oczekiwaniom, mimo niepowodzenia w Baku*.

В английском языке моноксисные концессивные предлоги *despite / in spite of* в силу семантики уступки маркируют концессивно-таксисные категориальные ситуации одновременности, например:

(43) *But despite the departures of seven starters, there's no reason to bet against them yet* [3].

(44) *But despite such judicial observation, the Verma body recommended no death sentence to rapists* [Там же].

(45) *But despite their intervention last night, today, France appears set to end a ban on hauliers crossing the Channel* [там же].

(46) *South Australians are urged to maintain social distancing despite the easing of restrictions* [Там же].

В вышеприведенных высказываниях (44-46) в качестве концессивно-таксисных актуализаторов выступают предложные девербативы *despite the departures of seven starters, despite such judicial observation, despite their intervention, despite the easing of restrictions*.

Таким образом, в немецком, английском, нидерландском, польском и русском языках в высказываниях с предложными девербативами с моноксисными предложениями с семантикой уступки актуализируются секундарно-концессивно-таксисные значения одновременности.

Моноксисные предлоги концессивной семантики *trotz, ungeachtet, несмотря на, невзирая на, вопреку, trots, ondanks, ongeacht, despite, in spite of, wbrew, mimo, pomimo* являются маркерами концессивно-таксисных категориальных ситуаций одновременности. А предложные девербативы выступают в роли концессивно-таксисных актуализаторов. Неитеративные предложные девербативы актуализируют моноксисные категориальные ситуации, в частности концессивно-таксисные, а итеративные девербативы способны актуализировать политаксисные категориальные ситуации: итеративно-концессивно-таксисные. Последние совмещают категориальную семантику итеративного и концессивного таксиса одновременности.

При наличии итеративных адвербиалов или атрибутов, словообразовательно-итеративных девербативов и дистрибутивной множественности субъектных или объектных актантов глагольных действий актуализируются различные варианты сопряженных концессивно-таксисных категориальных ситуаций: итеративно-концессивно-таксисные, дистрибутивно-концессивно-таксисные и дистрибутивно-итеративно-концессивно-таксисные категориальные ситуации одновременности.

Список источников

1. Храковский В.С. Уступительные конструкции: семантика, синтаксис, типология // Типология уступительных конструкций. Отв. ред. В. С. Храковский. Санкт-Петербург: Наука, 2004. С. 9–91.
2. Евтюхин В. Б. Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. С. 138–174.
3. Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 14.12. 2021).
4. Национальный корпус русского языка URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 14.12. 2021).
5. Немецкий корпус. URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 14.12. 2021).
6. Национальный корпус польского языка. URL: <http://nkjp.pl/poliqarp> (дата обращения: 14.12. 2021).

References

1. Khrakovskii, V. S. (2004). *Ustupitelnye konstruktzii: semantika, sintaksis, tipologiya* [Concessional Constructions: Semantics, Syntax, Typology]. *Tipologiya ustupitelnykh konstruktzii*. *Otv. red. V. S. Khrakovskii*. Pp. 9–91. St. Petersburg. (In Russian)
2. Evtyukhin, V. B. (1996). *Gruppirovka polei obuslovlennosti: prichina, uslovie, tsel', sledstvie, ustupka*

[Grouping of Conditionality Fields: Cause, Condition, Purpose, Consequence, Concession]. *Teoriya funktsional'noi grammatiki: Lokativnost'. Bytijnost'. Possesivnost'. Obuslovlennost'*. Pp. 138–174. St. Petersburg. Nauka. (In Russian)

3. *LC – Laboratoriya korpusnoi lingvistiki Leiptsigskogo universiteta* [Laboratory of Corpus Linguistics, University of Leipzig]. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (accessed: 14.12.2021). (In Russian)

4. *NKRYa – Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.dwds.de> (accessed: 14.12.2021). (In Russian)

5. *Dwds – Nemetskii korpus* [German Corpus]. URL: <http://www.dwds.de> (accessed: 14.12.2021). (In German)

6. *NKPYa – Natsionalnyy korpus polskogo yazyka* [National Corpus of the Polish Language]. URL: <http://nkjp.pl/poliquarp> (accessed: 14.12.2021). (In Polish)

Библиографический список

1. Андромонова Н. А., Усманова Л. А. Семантика уступительности и каузальности в аспекте внутритекстового взаимодействия // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. №5. С. 121–127.

2. Архипова И. В. Категория таксиса в разноструктурных языках. Монография. Новосибирск, 2020. 173 с.

3. Архипова И. В. Таксис и концессивность: интегративный сегмент межкуатегориального взаимодействия // Филологический аспект. 2021. №1 (69). С. 124–131.

4. Берзина Г. П. Категория концессивности в языке и речи (на материале немецкого языка). М-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Новосибирский гос. пед. ун-т». Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т, 2012. 280 с.

5. Михайлова З. Ф. Уступительная связь в сложном синтаксисе современного немецкого языка // Вестник Новгородского государственного университета. 2015. № 4-1 (87). С. 183–186.

6. Мусатова Г. А. Семантика уступки: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Москва, 2008. 21 с.

7. Орданьян Л. Д. К вопросу о средствах связи в сложноподчиненных предложениях со значением концессивности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-4 (78). С. 133–135.

8. Плотникова Е. В. Аспектуально-темпоральная семантика высказываний обобщенно-уступительного типа в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Казань, 2012. 24 с.

9. Черникова Н. С. Сложноподчиненные предложения, выражающие уступительные отношения: на материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Воронеж, 2007. 24 с.

10. Федорова М. А. Функционально-семантическое поле концессивности // Эмиховские чтения. Ма-

териалы IV Международной научно-практической конференции. 2014. С. 117–127.

Bibliographic list

1. Andramonova, N. A., Usmanova, L. A. (2015). *Semantika ustupitel'nosti i kauzal'nosti v aspekte vnutritekstovogo vzaimodeistviya* [Semantics of Concession and Causality in the Aspect of Intertextual Interaction]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. T. 157, No. 5, pp. 121–127. (In Russian)

2. Arkhipova, I. V. (2020). *Kategoriya taksisa v razno-strukturnykh yazykakh* [The Category of Taxis in Multi-Structural Languages]. *Monografiya*. Novosibirsk, 173 p. (In Russian)

3. Arkhipova, I. V. (2021). *Taksis i kontsessivnost': in-tegrativnyi segment mezhkategorial'nogo vzaimodeistviya* [Taxis and Concession: An Integrative Segment of Intercategorical Interaction]. *Filologicheskii aspekt*. No. 1 (69), pp. 124–131. (In Russian)

4. Berzina, G. P. (2012). *Kategoriya kontsessivnosti v yazyke i rechi (na materiale nemetskogo yazyka)* [The Category of Concession in Language and Speech (based on the German language)]. *M-vo obrazovaniya i nauki RF, FGBOU VPO "Novosibirskii gos. ped. un-t"*. 280 p. Novosibirsk, Novosibirskii gos. ped. un-t. (In Russian)

5. Mikhailova, Z. F. (2015). *Ustupitel'naya svyaz' v slozh-nom sintaksise sovremennogo nemetskogo yazyka* [Concessive Link in the Complex Syntax of Modern German Language]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4–1 (87), pp. 183–186. (In Russian)

6. Musatova, G. A. (2008). *Semantika ustupki: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Concession Semantics: Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 21 p. (In Russian)

7. Ordanyan, L. D. (2017). *K voprosu o sredstvakh svyazi v slozhnopodchinennykh predlozheniyakh so znacheniem kontsessivnosti* [On the Means of Communication in Complex Sentences with the Meaning of Concession]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 12–4 (78), pp. 133–135. (In Russian)

8. Plotnikova, E. V. (2012). *Aspektual'no-temporal'naya semantika vyskazyvaniy obobshchenno-ustupitel'nogo tipa v sovremennom russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Aspectual-Temporal Semantics of a Generalized Concessive Type Statements in Modern Russian: Ph.D. Thesis Abstract]. Kazan', 24 p. (In Russian)

9. Chernikova, N. S. (2007). *Slozhnopodchinennye pred-lozheniya, vyrazhayushchie ustupitel'nye otnosheniya: na materiale russkogo i angliiskogo yazykov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Complex Sentences Expressing Concessive Relations: On the material of Russian and English Languages: Ph.D. Thesis Abstract]. Voronezh, 24 p. (In Russian)

10. Fedorova, M. A. (2014). *Funktsional'no-semanticheskoe pole kontsessivnosti* [Functional-Semantic Field of Concession]. *Ehmikhovskie chteniya. Ma-terialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, pp. 117–127. (In Russian)

The article was submitted on 01.02.2022

Поступила в редакцию 01.02.2022

Архипова Ирина Викторовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Новосибирский государственный
педагогический университет,
630126, Россия, Новосибирск,
Вилуйская, 28.
irarch@yandex.ru

Arkhipova Irina Viktorovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Novosibirsk State Pedagogical University,

28 Viluiskaya Str.,
Novosibirsk, 630126, Russian Federation.
irarch@yandex.ru

УДК 81'373

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-67-1-22-31

ЯЗЫК НАСЕЛЕНИЯ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© Марсель Бакиров

LANGUAGE OF THE VOLGA BULGARIA POPULATION IN THE LIGHT OF NEW RESEARCH

Marsel Bakirov

The article explores, from new standpoints, the language of the Volga Bulgaria population, which is the subject of endless disputes between Chuvash and Tatar researchers, as well as Turkologists in general. Based on the linguistic features of Bulgar epitaphs and relics of colloquial speech, the article, for the first time in research, considers the language of the Bulgar population as two unique, but interconnected dialects, each of them having its own origins and its own ethnic components that distinguish one from the other. In the history of the development of these two dialects, we can single out the stage of their independent existence in different territories and the stage of joint coexistence within one state, when the processes of integration took place. Such a symbiosis eventually brought about the alignment of the two-dialect language and the victory of the Kypchak type, which included adapted Oguz-Uigur elements. At the same time, the glottonic processes, accompanying the merger of the autochthonous Finno-Ugric peoples with the Turkic groups that came from the east, led to the formation of the mixed Chuvash ethnos, which was isolated from the bulk of the Bulgars.

Keywords: language, Bulgars, r-dialect, s-accent, rotacism, lambdaism, Caucasus, Serebrennikov, Finno-Ugric peoples, Kypchaks.

В статье с новых позиций исследуется язык населения Волжской Булгарии, который является предметом нескончаемых споров между чувашскими и татарскими учёными, а также тюркологами вообще. Исходя из языковых особенностей булгарских эпитафий и реликтов разговорной речи, автор впервые из исследователей язык булгарского населения рассматривает как два своеобразных, но взаимосвязанных между собой наречия, каждое из которых имеет свои истоки и свои этнические компоненты, отличающие его от другого. Если в одной группе носителей этих наречий доминировали пришельцы из Предкавказья и Средней Азии, то в другой – постоянно проникавшие с юга кыпчакские и общетюркские группы. Между этими языковыми группами, оказавшимися на территории одного и того же государства, довольно долго происходили интеграционные процессы.

Такой симбиоз в конце концов завершился нивелированием двунаречного языка и победой языка кыпчакского типа с адаптированными огузо-уйгурскими элементами. Вместе с тем глоттонические процессы, сопровождавшие на смежных территориях слиянием автохтонных угрофиннов с пришлыми с востока тюркскими в своей основе группами, привели к образованию смешанного, но обособленного от основной массы булгар этноса чувашей.

Ключевые слова: язык, булгары, r-наречие, z-наречие, ротацизм, ламбдаизм, Кавказ, Серебренников, угрофинны, кыпчаки

Формирование и становление булгарского этноса и его специфического языка – за исключением отстаиваемого нами участия в этом процессе ранних тюрков западного происхождения – первоначально проистекали в регионе Средней Азии в Туране (территория современного Западного Казахстана) при непосредственном участии родо-племенных объединений угрофиннов, особенно угров. Помимо проживающих на востоке

групп, к ним относят оногуров, которые, согласно устоявшемуся мнению, играли ведущую роль в этногенезе булгар и близких им по языку хазар и печенегов. Ряд исследователей считают булгар смешанным объединением, состоящим из угров и тюрков, которое сказывалось в их языке [1, с. 106].

По сведениям византийского историка Приска Панейского, лично побывавшего в ставке

Атиллы (V в.), после столкновения с сапирами тюркизированные угорские племена из региона Средней Азии переселились в пределы Западного Кавказа и восточные Приазовские степи, где они объединились и слились с местными жителями, и на этой территории «при решающей роли оногурских племен возник племенной союз болгар». На этой основе образовалось государство Великой Болгарии [2, с. 136–137].

Не вдаваясь в подробности истории распада этого недолговечного государства и переселения определенной части его населения после этого в Среднее Поволжье, другой части – на Дунай, а также не распространяясь о «черных болгарях»¹ (в древнерусских источниках они названы внутренними болгарями), оставшихся жить в пределах прежнего местобитания, обратим внимание на свою концепцию о языке населения Волжской Болгарии.

Изучая смешанный язык болгарских эпитафий, мы решили выделить в языке населения болгарской народности два наречия²: 1) болгаро-огурское наречие с ротацизмом ($r \leftrightarrow z$) и ламбдаизмом ($l \leftrightarrow ш/з$), по другому это – *р-язык*, относящийся по современной классификации тюркских языков к огорской (огуро-оногуро-болгарской) группе, и 2) болгаро-кыпчакское наречие (огузо-кыпчакского типа), по другому – *з-язык*, принадлежащий, по общей классификации, к огузской (огузо-карлуко-кыпчакской) группе тюркских языков.

В основу данного деления положен фонетический принцип. Для болгаро-огурского наречия характерно использование звука $r(p)$ там, где в параллельных словах в общетюркских языках, в том числе в болгаро-кыпчакском наречии, представлен звук $z(з)$. Это явление ($r \leftrightarrow z$) принято называть **ротацизмом**. Примеры: *чөр* (булг.) – сто ~ *йөз* (др.-тюрк.) – то же | *твир* (булг.) – девять // *токуз* (др.-тюрк.) – ‘девять’. А так называемый ламбдаизм – это схожее с ротацизмом явление ($l \leftrightarrow ш/з$), когда звук *л* используется вместо обычного *ш/з* в общетюркских языках, а также в болгаро-кыпчакском наречии. Например: *бел-им*

(болг.) – ‘пятый’ // *беш-инч* (др.-тюрк.) – то же | *елик* (болг.) – ‘дверь’ // *ешик* (др.-тюрк.) – то же. Очевидно, из-за меньшей активности этого явления в болгарском языке ламбдаизмов сохранилось очень мало, хотя и слов с ротацизмом в нём засвидетельствовано не много.

Носители этих двух родственных между собой языковых ветвей жили рядом в одном и том же государстве и, являясь по существу этническими группами, составляли единую народность. Иначе говоря, «за спиной» языка народности, имевшей смешанный, «двуязычный» контингент, стояли самоназванные – «болгары» – и общее государство, а также, за исключением чувашей, общая мусульманская религия.

Что же касается чувашей, то они по факту происхождения, языку и религиозным верованиям довольно сильно расходились от прибывших с юга болгарских групп и от языка их эпитафий, кроме общности спородически встречающихся ротацизмов и ламбдаизмов. В болгарских эпитафиях они ограничиваются, в основном, названиями чисел. Причём эти числительные по своей лексической основе – тюркские. Как показывают результаты исследований, чуваша держались особняком, из-за чего они не поддались общетюркской интеграции и сохранили свой «испорченный» язык.

Раз так, то вышеописанные языковые ветви, во многом схожие и даже смежные и идентичные в употреблении общетюркской лексики, мы вполне вправе рассматривать как два основных наречия языка болгарского населения или, вернее, болгарской народности.

Всё это подтверждается, прежде всего, весьма интересным в первой половине XI века сообщением Аль-Бируни, который утверждал, что «болгары и сувары говорят особым языком, смешанным из тюркского и хазарского» [4, с. 55]. А учёный того же века Махмуд Кашгари отмечает сходства языков болгар, сувар и печенегов («бажанак») [5, с. 66]. В последующем, XII веке, арабский учёный Аль-Идриси писал, что у г. Булгара располагается земля тюркских болгар («булгар ат-тюрк»), а севернее их – земля тюркских печенегов («бажанак ат-тюрк») (цит по: [6, с. 158]). Присутствие в этом извлечении этнонима печенегов, относящихся к языкам болгарского типа, не должно нас удивлять: археологи и историки не исключают, что «какая-то часть печенегов могла найти прибежище в волжско-булгарских пределах» [7, с. 323].

Нетрудно увидеть в этих сообщениях именно двойкий характер болгарского языка, состоящего из общетюркского слоя и слоя угорского типа. По мнению отдельных исследователей, этим и

¹ Ряд исследователей считают, что эта группа составила первоначальное этническое ядро карачай-балкарцев, в формировании которых позже участвовала также кыпчаки, проникавшие в IX–XII вв. на Кавказ из южных степей [3, с. 235, 239].

² Наречие – это крупная единица членения языка этноса или народа, объединяющая в себя более мелкие единицы – диалекты. Как отмечают специалисты, в болгарском языке Среднего Поволжья, особенно в начальном периоде, были и племенные диалекты различного характера.

объясняется этноним «булгар», корень которого в варианте *булг-* означает «размешивать или смешанный», а *ар* – «человек, люди». В X веке Ибн Фадлану, побывавшему в составе посольства Багдадского халифата в Волжской Булгарии, удалось зафиксировать двоякое название одной и той же речки: *Джаушыр* и *Джаушыз*, что является следствием двух различных произношений или наречий у местных жителей.

Мы бы к этому факту добавили обнаруженные и реконструированные лингвистами двоякое оформление одного и того же слова с общим значением. Речь идёт о древнебулгарской праформе *шарукань* – ‘дракон’, заимствованной венграми в стяжённом формате *шаркан*, а также *sarkany*, означающим «змея» и «дракон», соответственно. Но в кыпчакском наречии этому слову соответствовал *саз(а)ган*. Эти же праформы с двумя р- и з- вариантами засвидетельствованы в структуре р-наречия *sarqun* – ‘гроза’ (<дракон) в канджутском языке Памирской группы языков [8, с. 45], [9, с. 11, 14], а также в языке сакских племён в рамках з-наречия: *sard / sazda* (тумшук-сак.) ~ *saysda* (хотано-сак.) – ‘змея’. На наш взгляд, эти праформы именно отсюда, то есть из региона Средней Азии, должно быть, через посредство мигрировавших на запад смешанными с тюрками огорских (оногур, савир / сапир) и огузо-кыпчакских групп попали в среду болгарских племён. А от них они, разумеется, в адаптированном з- (ж-)наречии *нажагай / ажаган* – ‘зарница’ (<дракон) и *назаган* – ‘молния, зарница’ были унаследованы татарами и башкирами.

Вполне естественно, что эти отличительные особенности речи местного населения нашли отражение и в языке эпитафических памятников Булгарии, являющихся особой ритуальной разновидностью письменно фиксированного литературного языка³. В болгарских эпитафиях сохранились образцы не только болгаро-огорского р-наречия, которые представлены в памятниках 2-го стиля с ротацизмами: *жүр* (булг.) ⇔ *йүз* (общетюрк.) – сто | *сәкер* (булг.) ⇔ *секиз / сикиз / сигез* (общетюрк.) – восемь | *тохур* (булг.) ⇔ *то-*

куз / тугыз (общетюрк.) – девять | *хир / бир* (булг.) ⇔ *кыз* (общетюрк.) – дочь, а также ламбдаизмами (л ↔ ш): *бел* (булг.) ⇔ *беш / биш* (общетюрк.) – ‘пять’ | *элик / елик* (булг.) ⇔ *ишик / ешик / ишек* (общетюрк.) – ‘дверь’. В подавляющей части лексики болгарской эпитафии, особенно в памятниках 1-го стиля, нашли отражение образцы другого, огузско-кыпчакского з-наречия, которые по праву считаются общетюркскими.

Как справедливо заостряют внимание исследователи болгарской эпитафии Д. Г. Мухаметшин и Ф. С. Хакимзянов, ряд обычных слов, отмеченных в словаре Махмуда Кашгари (XI в.) как суварские и болгарские, фактически являются лексемами не только болгар, но и относятся также к словарному фонду огузо-кыпчакских языков [11, с. 85]. Это говорит о том, что болгарский язык состоял не из одних лишь ротацирующих и ламбдирующих слов. К тому же их в составе священных ритуальных текстов сравнительно мало, о чём красноречиво свидетельствуют и надписи эпитафий.

Но, исходя из этого, нельзя делать вывод, как это делают некоторые современные исследователи, что, якобы, «булгарский язык никогда в истории не был чувашского типа р-языком и он с самого начала своего возникновения был типично тюркским з-языком и таким остаётся и поныне. Иными словами, булгарский язык не был ротацирующим, представляет собой обычный тюркский язык» [12, с. 145, 147].

Как видим, разительное утверждение построено на игнорировании общепринятого в тюркологии взгляда о специфическом характере болгарского р-языка, послужившего основанием для создания особой классификации тюркских языков, разделяющей их на общетюркские з-языки и р-языки болгарского (а не чувашского, как утверждают названные авторы) типа. Более того, приволжский р-язык и заодно все мусульманские эпитафии с арабской надписью и, естественно, с ротацизмом этими же исследователями приписываются чувашскому населению. То есть, якобы, принявшей ислам его части. И только эпитафии з-языком признаются принадлежащими подлинным болгарам.

Три года спустя точно с такой же версией, правда, без ссылки на труд её авторов, выступил чувашский учёный, профессор С. Милютин [13, с. 5, 80] Подвергнув критике чувашских историков, а также известного тюрколога-лингвиста Н. Баскакова как сторонников болгарского происхождения чувашей, он пытается доказать, что «чувашаи – это исторические преемники хуннов».

Хотя в определении генезиса и характера болгарского и чувашского языков вышеизложен-

³ Обнаруженные в Орхоно-енисейских письменных текстах диалекты представляли собой тоже «смесь главным образом двух языковых стихий устного койне: огузской (винительный падеж на –уу, прошедшее время на –туџ...) и уйгурский (d в середине имён и глагольных основ – *adaq* – нога, *god* – положить, дательный падеж на ға...) ...С введением тюрками рунического письма устное койне было узаконено как литературный стандарт, получивший твёрдую общественную опору в условиях государственного союза» [10, с. 27].

ные авторы расходятся, но в оценке надмогильных надписей с ротацизмом как «чувашизм», принадлежащих, якобы, чувашской части населения, они смыкаются в одной и той же точке. Позицию чувашского учёного можно ещё понять. А как понять наличие в голове схожей позиции у татарских учёных, которые, исходя из предвзятой переориентации, легкомысленно отказываются от исламизированного наследия наших предков, представляющих одних из ранних и основных этнических компонентов приволжских татар?!

Как известно, Аристотель, единственный ученик Платона, осмеливавшийся спорить со своим учителем, говорил: «Платон мне друг, но истина дороже». Подражая этому мудрому изречению, хочется сказать: «Мирфатых Закиев – мой уважаемый учитель, но истина, действительно, дороже». Потому что мне неизвестно, чтобы бывшие язычниками до XVIII века чуваша приняли тогда ислам или хотя бы когда-либо пользовались арабской графикой. Это нонсенс! Если даже допустить, что какая-то часть чувашей, отатарившаяся, могла принять ислам, то они (это же капля в море) никак не могли задавать тон и стать ведущим компонентом населения страны, которые оставили около трёх сотен мусульманских эпитафий.

Однако для нас, вне всякого сомнения, бесспорно то, что в Приволжской Булгарии в тот период у болгарского населения существовало два наречия и болгары, естественно, пользовались как в ритуальной практике, так и в повседневной и общественной жизни обоими наречиями. Потому что и в основе письменного литературного языка лежали характерные особенности живого языка местного населения. И надо признать, что носители з-наречия, то есть оказавшиеся на территории Булгарии кыпчако-угузские группы, тоже, думается, испытывали определённое влияние болгарского р-наречия. Хотя и оба наречия принадлежали одному и тому же народу, ситуация в тот период в Среднем Поволжье напоминала если и не двуязычную, то определённо смешанную среду.

Именно результатом такого влияния нужно считать следы болгарского ротацизма, например, сохранившееся выражение в татарском языке, как *кыз-кыркын* (р // з) – ‘девчата’, а также, возможно, диалектные или инновационные эквиваленты отдельных глаголов или лексем: *яткыр / яткыз* – ‘уложи, укладывай’ | *аткар / атказ* – ‘сбывай’ | *житкер / житкез* – ‘доводи, донеси’ | *ниргә / ни(ги)ргә* – ‘основание, венец сруба’ // *нигез* – ‘основание, фундамент’ | *чәер / чайр* – ‘смола, живец’ // ? – *сагыз* – ‘смола, жвачка’ | *тагарак* –

‘деревянное корыто’ // ? – стяженная пара – *таз / тас* | *тирес* – ‘навоз’ // *тизәк* – ‘помёт, навоз’ | ? – *турайту* // *төзәйтү*. Вполне возможно, что некоторые из приведенных примеров могут быть оспорены.

Но бесспорно и показательно то, что принадлежность определённой части приволжского болгарского языка к ротацизирующему р-языку убедительно и неоспоримо подтверждается ещё и тем, что как у Предкавказских болгар, так и у болгар на Дунае как реликты сохранились лексемы с ротацизмом, да и некоторые другие особенности. Так, засвидетельственный в западных источниках древний топоним *Чор* (вар. *Джор / Жор*) является тюркской лексемой, отражающей наречие коренных племен Кавказа. Но самое интересное то, что она отражает местный «болгарский» диалект: *чор / жор* // (л→р; й→ж, ч) – *jol / žol* (др.-тюрк.) – ‘дорога’ (Каспийский или по-другому Дербентский проход). А вот топонимы из бывшей территории Великой Булгарии, в которых угадываются остатки болгарского ротацизма (r//z): *Азур* – ‘ущелье’ (< отверстие) в долине Теберды // *азуз* (др.-тюрк.) – ‘рот’ < отверстие | *Муртаг* – *мур* – ‘лёд’ // *муз / буз* (др.-тюрк.) – «то же + *тагъ* (др.-тюрк.) – ‘гора’ = ‘Ледяная гора’, вершина хребта Куньялунь [14, с. 107, 125]. Сюда же можно присоединить карачаево-балкарское прилагательное *терк* – ‘быстрый (ая), стремительный(ая)’, древний ороним Терек с ротацизмом // *tezig* (др.-тюрк.) – ‘быстрый (ая), стремительный (ая)’, являющийся явно болгарским названием реки на Кавказе | *Хурзук* – правый исток Кубани // *кузрук* (тюрк. / шор.) – ‘хвост’ ~ *хузурук* (хак.) ~ *куйрук* (алт.) – «то же» [15, с. 31–32].

Между тем бывшее языковое родство и преемственность между предкавказскими болгарами, в том числе савиро-суварами и Волжскими булгарами, проявляется и в названии города Сувар, а также неожиданно всплывает в общем титуле бывших правителей двух государственных объединений, значительно отдаленных друг от друга по времени и по пространству. Так, титул «*эльтебер*» сначала был зафиксирован в формате *Алп-Илитвер* (< *эльтебер*) как часть собственного имени у правителя объединения сабиров *Джидан* (у арабских авторов – царство *Сувар*), а позднее этот же титул носили уже правители Волжской Булгарии. На наш взгляд, данный нерасшифрованный до этого титул представляет собой трёхсоставное тюркское слово: *эл / ел* (др.-тюрк.) – ‘племенной союз, народ, страна, государство’ + *тебе* (*töbü / tüpü* (др.-тюрк.) – ‘голова, макушка, вершина’ + *-p(-er)* – архаический суффикс принадлежности или означающий деятеля,

который восходит к *ар* – ‘муж, человек’. Отсюда этимология этого титула: ‘голова (глава) страны / государства’ (retr. племенного союза), который, кстати, употребляется в другом оформлении, но в том же значении у тюрков, в частности у казахов, и сейчас: *ил башы* – то же.

Следы уже мёртвого болгарского языка на Кавказе исследователи обнаруживают также в том или ином языке, контактировавшем когда-то с булгарами. Ими было выявлено наличие в раннесредневековом Дагестане болгарских диалектов, в том числе присутствие в курдском и лакском языках пережитков ротацизма, а также других болгаризмов, унаследованных дагестанскими языками ещё до прихода на эту территорию носителей кыпчакского языка. Ряд таких архаических слов, кстати, вкраплены в «Истории агван Моисея Каганкатвацы» (СПб., 1861), которую М. И. Артамонов назвал «первоклассным источником по истории хазар», а значит, и по истории болгар [1].

Заодно приведем примеры, зафиксированные в «Именнике болгарских князей», который был обнаружен и опубликован в 1886 году. Этот текст, где зафиксированы имена правителей Дунайской Болгарии, а также числа и названия разных животных, рядом исследователей рассматривается как именник, в котором даты правления князей увязаны с календарем животного цикла, бытовавшим в различных вариантах у древних тюрков. Для нас здесь интерес представляют древнеболгарские порядковые числительные: *эле́м* – ‘первый’, *вече́м* – ‘третий’, *тоу́том* – ‘четвёртый’, *алто́м* – ‘шестой’, *жэ́тием* – ‘седьмой’, *ше́хтем* – ‘восьмой’, *тове́рм* – ‘девятый’, *о́ным* – ‘десятый’ и т. д. По мнению Д. Г. Мухаметшина и Ф. С. Хакимзянова, аффикс *-ом* / *-ым* / *-ем* при количественных числительных придаёт им значение порядковых чисел, а также имеет разделительный оттенок [11, с. 67].

Чтобы поддержать такую идею вслед за немецким востоковедом О. Прицаком (ибо есть необоснованные попытки игнорировать её), я бы привёл здесь омонимообразные обороты с этим же архаическим аффиксом, где реально ощущаются заложенные в них порядковое и разделительное (противоположные) значения: *бер-эм-сар-эм* – ‘поодиночке, изредка’, *килем-ките́м* – ‘приход и расход, уход’, *керем-чы́гым* – ‘посетители, пришедшие и ушедшие’, *алым-салым* – ‘всякие сборы, поборы’.

Своеобразный аффикс порядковых числительных на *-ем* / *-ым* / *-ом* встречается и в диалектах азербайджанского и турецкого языков, входящих в огузскую лингвистическую группу. Вот пример – детская считалка из турецкого языка:

*Бирем, икем,
Камчы дикем,
Сарам сакыз,
Дорам токуз
Тамам отуз.*

Раз, два,
Водружу плётку,
Ситок (?) восемь,
Сетей девять,
Всего тридцать

[16, с. 32].

Но для нас главное в вышеуказанных порядковых и разделительных числительных – это *товерм* < *твир-ем* / *tvir-em* // *токуз* – ‘девятый’, а также фиксированный без суффикса *шегор* // *секиз* – ‘восемь’, где явно выступает болгарский ротацизм (р // з). Эти же числительные, оформленные в рамках р-языка, что весьма показательно, были обнаружены и в эпитафии Приволжских болгар. Разве вышеперечисленные факты не аргумент в пользу языковой преемственности между Дунайскими булгарами и булгарами Поволжья?!

Правда, в языке современных дунайских болгар изоглоссы с ротацизмом, за исключением единичных случаев (например, вышеприведённое слово *вир*), по-видимому, уже давно исчезли, поскольку Дунайская Болгария «ославянилась», вдобавок, три с половиной века (с XV по вторую половину XVIII столетия) находилась под властью Османской империи. И от турков, носителей з-языка, в болгарский язык проникло, как утверждают специалисты, несколько тысяч турецких слов, и это способствовало нивелированию фонетических различий в немногочисленных субстратных словах, относящихся к раннему болгарскому языку [17, с. 127]. Что же касается чувашского языка, хотя по принятой классификации этот язык относится к группе языков болгарского типа, выведение его непосредственно из прибывших в Среднее Поволжье болгар из Предкавказья весьма спорно.

Как известно, ещё относительно недавно чувашский язык, в силу того, что так существенно отличался от остальных тюркских языков, рассматривался рядом иностранных и российских ученых (И. Г. Гмелин [18], И. Г. Георги [19], Г. Ф. Миллер [20], В. В. Радлов [21] и др.) как принадлежащий к угро-финской семье. Самым видным представителем среди них был академик В. В. Радлов, который считал, что чуваша не тюрки по происхождению и что они, благодаря непрерывному соседскому общению в течение длительного времени, постепенно, в несколько периодов, усвоили тюркский язык, видоизменив его на почве собственного, ныне ими совершенно забытого языка (цит. по: [12, с. 148]).

Концепция В. В. Радлова о нетюркской основе чувашского языка первоначально разделял и Н. И. Ашмарин. Однако позже, изменив свою точку зрения, но сохранив при этом убежден-

ность в участии в этногенезе чувашей угро-финнов, высказал суждение иного характера: «Я держусь в настоящее время другого мнения и думаю, что дело здесь обстояло иначе. Не чужеродцы исказили перенятое ими (чувашиами) тюркское наречие, а тюрки (чуваши) утратили чистоту своего родного говора, приняв в свою среду чуждый элемент в лице финнов Поволжья» (цит по: [22 с. 115]).

В настоящее время ряд исследований, без учёта влияния окружающей этнической среды, приводившей к коренным стадияльным изменениям, ставит чуть ли не знак равенства между болгарским и чувашским языками. Некоторые даже, делая более древним процесс формирования чувашского этноса, переносят прародину чувашей из волжско-камского региона в древнюю Центральную Азию [23, с. 214]; [24, с. 222–224]. Мы уже не будем выделять здесь антинаучный опус Г. Егорова «Воскресение шумеров» [25], считающийся ниже всякой критики, который связывает прародину чувашей с Передней Азией, отождествляя при этом прачувашей напрямую с шумерами.

Между тем ряд здравомыслящих тюркологов считают чувашей народом, по большому счету, местного, автохтонного происхождения, который формировался в результате смешивания и интеграции угро-финских и тюркоязычных племён или народностей, оказавшихся на смежных территориях [26, с. 42–44]; [27, с. 90–91]. А это значит, что чувашский язык в своей основе представляется языком местного происхождения.

Любопытно отметить, что и на научной сессии в Чебоксарах (1957 г.), посвященной происхождению чувашского народа, победила концепция коренных, то есть местных учёных В. Г. Егорова и Н. Ф. Калинина именно об автохтонном происхождении чувашей. В. Егоров признает лексическое и грамматическое влияние восточно-финских языков на чувашский язык, а также «скрещение и слияние верховых чувашей с горными марийцами», у которых бытовая культура и даже антропологический тип одинаковы с чувашами [27, с. 90–92].

Особого внимания заслуживает концепция крупного специалиста по сравнительному языкознанию Б. А. Серебренникова. Опираясь на обнаруженные в современном регионе проживания чувашей общие с марийцами, а также собственно *марийские архаичные топонимы*, он пришёл совершенно к своеобразному и твёрдому заключению, что «процесс «наслоения» и формирования чувашей проходил не в Марийской республике, а на территории Чувашии, где, кстати, жили раньше и марийцы. На данную территорию, занятую

в древности марийскими племенами, после прихода камских булгар в Поволжье, а может быть, и значительно раньше, – продолжает исследователь, – проникали тюркоязычные племена. И на этой базе происходило внутрорегиональное контактирование древнемарийского и предка будущего чувашского языков. И как раз тут в результате контакта в раннетюрко-чувашском языке появилось ряд черт в области фонетики, морфологии и синтаксиса, не свойственных другим родственным языкам тюркоязычной группы [26, с. 42–44].

Мощное влияние местных угро-финских языков на чувашский язык, приводившее к кардинальным изменениям, признаёт вслед за Б. Серебренниковым и азербайджанский языковед Айдын Мамедов. Он пишет: «Большая близость чувашского и финно-угорского консонантизма (система согласных звуков) наводит на мысль, что чувашская дистрибуция (размещение) согласных с обязательным глухих (*n*, *m*) в начальной позиции – явление вторичное и возникло оно под воздействием нетюркского субстрата, предположительно финского или относительно позднего влияния марийского языка [28, с. 80].

Непосредственное субстратное влияние финно-угорских языков на чувашский язык прослеживается также в системе падежа и в системе личных и неличных форм глагола [29].

Концепция, связывающая происхождение чувашей с решающей ролью именно местных угро-финских племён, конечно, вызвана к жизни не беспочвенно, а исходя из того, что чувашский язык, вопреки устаревшим и натянутым взглядам алтаистов, довольно разительно расходится с болгарским языком. Если конкретно, то, кроме параллельных явлений ротацизма и ламбдаизма (а они ограничиваются немногочисленными тождественными примерами), в чувашском языке ничтожно мало лексических архаизмов, которые могли бы считаться непосредственно унаследованными от поволжско-камских булгар.

Более того, считающиеся родственными с болгарским языком чувашские параллели на деле расходятся до неузнаваемости. Вот характерные примеры: *жал* (булг.) ⇔ *сул* (чув.) – ‘год’ | *жүр* (булг.) ⇔ *сёр* (чув.) – ‘сто’ | *шэштэм* (булг.) ⇔ *саккыр* / *саккар* (чув.) – ‘восьмой’ | *жиати* (булг.) ⇔ *сицё* (чув.) – ‘семь’ | *твир* (булг.) ⇔ *тэхар* (чув.) – ‘девять’. Где здесь прямая преемственность?!

Как видим, чувашский язык отличается использованием в начале слов сигматизма (*с*) вместо *ж* в болгарском. Примечательно то, что с акустической точки зрения, *с* (*s*’) имеет финно-

угорское происхождение (встречается в мари́йском, мордовском и удмуртском языках) [30, с. 76].

Анлаутное ж, кроме болгарского и хазарского языков, представлено ещё в балкарском, казахском, ногайском и татарском (средний диалект) языках. Забегая вперёд скажем, что это явление в татарском языке (можно сюда же добавить и балкарский язык) считается реликтом, вернее, унаследованным из болгарского языка субстратным явлением.

Необходимо особо подчеркнуть, что в болгарском языке имелись звонкие согласные (б, г, з, и др.), тогда как в языке чуваш они отсутствовали, и даже сейчас они в определённых позициях в чувашских словах не употребляются. На эту особенность чувашского языка обратил внимание ещё Н. И. Ашмарин [3, с. 305].

Далее чувашский язык выделяется наличием аффикса множественного числа *-сем*, не характерного ни болгарскому, ни общетюркскому языкам, или же частицей отрицания *-ан* (вместо *-ма* / *-ме* в общетюркском), заимствованной из удмуртского и коми языков [31, с. 236, 240]. И самое главное, этот язык выделяется наличием в словарном фонде значительного числа «мариизмов», которые, по утверждению Н. И. Егорова, представляют в чувашском языке местный субстратный слой [32, с. 58–65].

Судя по отдалённости от других тюркских языков, процесс тюркизации чувашского языка, в котором, как мы установили, с самого начала доминировал угро-финский пласт, остался незавершённым из-за проживания чувашей особняком на стороне, то есть на севере от основной территории Булгарии, а также из-за нашествия монголов.

А на основной территории Булгарии, благодаря проникновению токуз-огузов и емяков / емеков⁴ [33, с. 23–28], [11, с. 91], а также из-за систематического проникновения с юга общетюркско-кыпчакских групп, сюда же необходимо приплюсовать и воздействие огузо-кыпчакского литературного языка караханидов из Средней Азии – местное з-наречие ещё более набирало силу и язык населения, состоящий из двух наречий, постепенно нивелировался. Естественно, в конце концов собственно з-наречие вышло победителем и стало общенародным языком населения Булгарии. Надо особо подчеркнуть, что среди домонгольских токуз-гузов, имяков (имо), а также кыпчаков, были группы или роды, назы-

вавшиеся собственно *татарами*. Это свидетельствует о том, что процесс постепенного переименования населения Волжской Булгарии татарами вполне мог начаться ещё до прихода монголо-татар из Центральной Азии. Чувашский же язык при этом, в силу бытования его носителей обособленно, то есть севернее, от основной массы болгар, остался за орбитой и вне влияния этих кардинальных изменений.

Итак, мы имеем полное основание заключить, что, исходя лишь из-за присутствия в языке определённой части болгарского населения явления ротацизма ($p \rightleftharpoons z$), отнюдь нельзя их отождествлять с чувашами или считать их прямыми предками чувашей, а значит, нельзя согласиться с распространённым утверждением, что «чувашский представляет собой прямое продолжение болгарского языка» [22, с. 119]. Я решительно разделяю пророческую, но научно оправданную и подтверждаемую объективными фактами позицию казанского историка и археолога В. В. Генинга, выраженной в словах: «Происхождение чувашского языка обычно связывают с древнеболгарским, хотя, по нашему мнению, чуваш и болгары составляли две этнические группы, которые следует ставить параллельно, а не выводить одну из другой» [34, с. 125].

Список источников

1. Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937. 140 с.
2. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. СПб: Петербургское Востоковедение, 2000. 320 с.
3. Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа. Шупашкар: Чувашское книж. изд., 2003. 464 с.
4. Бируни Абдурейхан. Избранные произведения. I. Ташкент: Изд.-во АН Узб.ССР, 1957. 486 с.
5. Каишгари М. Девани лугат ит-турк. Т. I. Ташкент, Фан, 1957. 1960 с.
6. Халиков А. Х., Мухамедова Р. Г. Исторические источники этнокультурных параллелей между туркменами и татарами Поволжья и Приуралья // Проблемы этногенеза туркменского народа. Ашхабад: Ылым, 1977. 159 с.
7. История татар с древнейших времён. Т. II. Казань: Изд.-во «Рухият», 2006. 926 с.
8. Добродомов И. Г. Проблема стратификации иранских и тюркских топонимов в бассейне Северного Донца // Чувашский язык и алтаистика. Чебоксары, 1995. С. 44–45.
9. Добродомов И. Г. Проблемы изучения болгарских лексических элементов в славянских языках: автореф. дис... д-ра филол. наук.: Москва, 1974. 37 с.

⁴ Емяки – одно из тюркских племён, входивших ранее в кимако-кыпчакскую федерацию на севере Центральной Азии.

10. Тенишев Э.Г. Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских памятниках // Советская тюркология. 1976. №1. С. 27–33.
11. Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань. Татар. кн. изд. 1987. 127 с.
12. Закиев М. З., Кузьмин-Юманади. Я. Ф. Волжские булгары и их потомки. Казань: НПО "ИНСАН": Рос. фонд культуры. 1993. 160 с.
13. Милютин С. Р. Проблемы этногенеза и этнической истории чувашей. Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Чебоксары: Руссика, 1996. 78 с.
14. Байчоров С. Я. О протобулгарских географических названиях в верховьях Кубани // Вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков. Северо-Кавказский ареал. Черкесск. 1978. С. 103–131.
15. Хаджилаев Х. М. Очерки карчаево-балкарской лексикологии. Черкесск: Ставропольское кн. изд-во, Карачаево-черкесское отд. 1970. 159 с.
16. Мухамедова З. Б. Опыт исследования числительных в историческом плане // Исследования истории туркменского языка. Т.1. Ашхабад: Ылым, 1973. С. 5–22.
17. Байрамова Л.К. Ориентализмы в лексике и фразеологии болгарского языка. Казань, 2007. 330 с.
18. Gmelins, J. G Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733- bis 1743. Т. 1-2. - Göttingen : Vandenhoeck, 1751-1752, т.1, 2.
19. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / [Иоганн Готлиб, Георги]. СПб., 1799. т.1. 78 с.
20. Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков: С показанием их житейства, политического учреждения, телесных и душевных дарований, какое платье носят, от чего и чем питаются, о их торгах и промыслах, о художествах и науках, о естественном и вымышленном их языческом законе, також о всех употребительных у них обрядах, нравах и обычаях; : С приложением многочисленных слов на семи разных языках, как то на казанско-татарском, черемисском, чувашском, вотяцком, мордовском, пермском и зырянском, и приобщенным переводом господней молитвы Отче наш на черемисском и чувашском языках. / Сочиненное Герардом Фридрихом Миллером, Императорской Академии наук профессором, по возвращении его в 1743 году из Камчатской экспедиции; Изданием Имп. Акад. наук. Санктпетербург, 1791. 99 с.
21. Radlow W.W. Alttürkische Studien VII. Фонетика, морфология и заключение. II-я редакция. На нем. яз. 1916 г. 97 л. РАН. Ф. 177. Оп. 1. 30
22. Фёдоров М. Р. В. В.Радлов и Н. И.Ашмарин о происхождении чувашского языка // Советская тюркология, 1971. С. 114–120.
23. Щербак А. М. К реконструкции древнего состояния тюркских языков // Сущность, развитие и функции языка. М.: Наука, 1987. С. 210–215.
24. Корнилов В. Г. Итоги и задачи изучения проблемы Сибирской прародины тюркских предков современных чувашей // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во ТГУ, 1969. С. 222–224.
25. Егоров Г. В. Воскресение шумеров [Язык и история чуваш. народа]. Чебоксары: Атал, 1993. 104 с.
26. Серебренников Б. А. Проблема субстрата // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. М., 1956. № 9. С. 33–57.
27. Егоров В. Г. Этногенез чувашей по данным языка // Советская этнография. М., 1950. № 3. С. 79–
28. Мамедов А. Тюркские согласные анлаут и комбинаторика. Баку: Элм, 1985. 206 с.
29. Андреев И. А. Чувашский язык // Языки мира. Тюркские языки М.: Индрик, 1997. 481 с.
30. Ахметьянов Р.Г. Сравнительное изучение татарского и чувашского языков. М.: Наука, 1978. 248 с.
31. Баскаков Н. И. Введение в изучение тюркских языков. М.: Высш. школа, 1969. 383 с
32. Егоров Н. И. Проблемы генетической и хронологической стратификации лексики чувашского языка и теория булгаро-чувашской этноязыковой преемственности: автореф. дис... д-ра филол. наук: Алма-Ата, 1992. 82 с.
33. Бакиров М. Х. К вопросу о происхождении токуз-огузских элементов в булгаро-татарском литературном языке // Филология и культура. Казань, 2021. № 4. С. 23–28.
34. Генинг В.Ф. Некоторые вопросы периодизации этнической истории древних булгар // Ранние булгары в Восточной Европе. Казань, 1989. С. 24–43.

References

1. Artamonov, M. I. (1937). *Ocherki drevneishei istorii khazar* [Essays on the Ancient History of the Khazars]. 140 p. Leningrad. (In Russian)
2. Klyashtorny, S. G., Sultanov, T. I. (2000). *Gosudarstva i narody Evraziiskikh stepei* [States and Peoples of the Eurasian Steppes]. 320 p. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russian)
3. Kakhovskii, V. F. (2003). *Proiskhozhdenie chuvashskogo naroda* [Origin of the Chuvash People]. 464 p. Shupashkar, Chuvashskoe knizhn. izd. (In Russian)
4. Biruni Abdureikhan. (1957). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. I. 486 p. Tashkent, Izd.-vo AN Uzb.SSR. (In Russian)
5. Kashgari, M. (1957). *Devani lugat it-turk* [Devani Dictionary It-Turk]. T.1. 1960 p. Tashkent, Fan. (In Uzbek)
6. Khalikov, A. Kh., Mukhamedova, R. G. (1977). *Istoricheskie istochniki ehtnokul'turnykh parallelei mezhdu turkmenami i tatarami Povolzh'ya i Priural'ya* [Historical Sources of Ethno-Cultural Parallels between Turkmens and Tatars of the Volga and Ural Regions]. Problemy ehtnogeneza turkmenskogo naroda. 159 p. Ashkhabad, Ylym. (In Russian)
7. *Istoriya tatar s drevneishikh vremen* (2006) [The History of the Tatars from Ancient Times]. Т. II. 926 p. Kazan'. Izd-vo "RukhiyaT". (In Russian)

8. Dobrodomov, I. G. (1995). *Problema stratifikatsii iranskikh i tyurkskikh toponimov v basseine Severnogo Donitsa* [The Problem of Stratification of Iranian and Turkic Toponyms in the Northern Donets Basin]. *Chuvashskii yazyk i altaistika*. Cheboksary, pp. 44–45. (In Russian)
9. Dobrodomov, I. G. (1974). *Problemy izucheniya bulgarskikh leksicheskikh ehlementov v slavyanskikh yazykakh : avtoref. dis... d-ra filol.nauk* [Problems of Studying Bulgar Lexical Elements in Slavic Languages: Doctoral Thesis Abstract]. Moscow, 37 p. (In Russian)
10. Tenishev, E. G. (1976). *Otrazhenie dialektov v tyurkskikh runicheskikh i uigurskikh pamyatnikakh* [Reflection of Dialects in Turkic Runic and Uighur Monuments]. *Sovetskaya tyurkologiya*. No. 1, pp. 27–33. (In Russian)
11. Mukhametshin, D. G., Khakimzyanov, F. S. (1987). *Ehpiigraficheskie pamyatniki goroda Bulgara* [Epigraphic Monuments of the City of Bulgar]. 127 p. Kazan'. Tatar. kn. izd. (In Russian)
12. Zakiev, M. Z., Kuz'min-Yumanadi, Ya. F. (1993). *Volzhskie bulgary i ikh potomki* [Volga Bulgars and Their Descendants]. 160 p. Kazan'. NPO "INSAN". Ros. fond kul'tury. (In Russian)
13. Milyutin, S. R. (1996). *Problemy ehtnogeneza i ehtnicheskoi istorii chuvashei* [Problems of Ethnogenesis and Ethnic History of the Chuvash]. *Chuvashskii gosudarstvennyi institut gumanitarnykh nauk*. 78 p. Cheboksary, Russika. (In Russian)
14. Baichorov, S. Ya. (1978). *O protobulgarskikh geograficheskikh nazvaniyakh v verkhov'yakh Kubani* [About the Proto-Bulgarian Geographical Names in the Upper Reaches of the Kuban]. *Voprosy vzaimovliyaniya i vzaimoobogashcheniya yazykov. Severo-Kavkazskii areal*. Pp. 103–131. Cherkessk. (In Russian)
15. Khadzhiblaev, Kh. M. (1970). *Ocherki karchaevobalkarskoi leksikologii* [Essays on Karchay-Balkar Lexicology]. 159 p. Cherkessk, Stavropol'skie kn. izd-vo, karachaevo-cherkesskoe otd. (In Russian)
16. Mukhamedova, Z. B. (1973). *Opyt issledovaniya chislitel'nykh v istoricheskom plane* [Experience in the Study of Numerals in Historical Terms]. *Issledovaniya istorii turkmenskogo yazyka*. T. 1, pp. 5–22. Ashkhabad, Ylym. (In Russian)
17. Bairamova, L. K. (2007). *Orientalizmy v leksike i frazeologii bolgarskogo yazyka* [Orientalisms in the Vocabulary and Phraseology of the Bulgarian Language]. 330 p. Kazan'. (In Russian)
18. Gmelins, J. G. (1751-1752). *Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733- bis 1743* [Journeys through Siberia from the Year of 1733 to 1743]. T. 1-2. - Göttingen : Vandenhoeck, t.1, 2. (In German)
19. Georgi, I. G. (1799). *Opisanie vseh obitayushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov : ikh zhiteiskikh obryadov, obyknovenii, odezhd, zhilishch, uprazhnenii, zabav, veroispovedanii i drugikh dostopamyatnostei* [Description of All the Peoples Living in the Russian State: Their Everyday Rituals, Customs, Clothes, Dwellings, Exercises, Fun, Religions and Other Sights]. Iogann Gotlib, Georgi. T. 1. 78 p. St. Petersburg. (In Russian)
20. Miller, G. F. (1791). *Opisanie zhivushchikh v Kazanskoi gubernii yazycheskikh narodov, yako to cheremis, chuvash i votyakov* [Description of the Pagan Peoples Living in the Kazan Province, Like Cheremis, Chuvash and Votyaks]. S pokazaniem ikh zhitel'stva, politicheskago uchrezhdeniya, telesnykh i dushevnykh darovaniy, kakoe plat'e nosyat, ot chego i chem pitayutsya, o ikh torgakh i promyslakh, o khudozhestvakh i naukakh, o estestvennom i vymyshlennom ikh yazycheskom zakone, takozh o vseh upotrebitel'nykh u nikh obryadakh, nrvakh i obyachayakh; : S prilozheniem mnogochislennykh slov na semi raznykh yazykakh, kak to na kazansko-tatarskom, cheremisskom, chuvashskom, votyatskom, mordovskom, permskom i zyryanskom, i priobshchennym perevodom gospodnei molitvy Otche nash na cheremisskom i chuvashskom yazykakh. / Sochinennoe Gerardom Fridrikhom Millerom, Imperatorskoi Akademii nauk professorom, po vozvrashchenii ego v 1743 godu iz Kamchatskoi ehkspeditsii; Izhdiveniem Imp. Akad. nauk. Sanktpeterburg, 99 p. (In Russian)
21. Radlow, W. W. *Alttürkische Studien VII. Fonetika, morfologiya i zaklyuchenie* [Old Turk Studies VII. Phonetics, Morphology and Conclusion]. II-ya redaktsiya. Na nem. yaz. 1916 g. 97 l. RAN. F. 177. Op. 1. 30. (In German)
22. Fedorov, M. R. (1971). *V. V. Radlov i N. I. Ashmarin o proiskhozhdenii chuvashskogo yazyka* [V. V. Radlov and N. I. Ashmarin about the Origin of the Chuvash Language]. *Sovetskaya tyurkologiya*, pp. 114–120. (In Russian)
23. Shcherbak, A. M. (1987). *K rekonstruktsii drevnego sostoyaniya tyurkskikh yazykov* [On the Reconstruction of the Ancient State of the Turkic Languages]. *Sushchnost', razvitie i funktsii yazyka*. Pp. 210–215. Moscow, Nauka. (In Russian)
24. Kornilov, V. G. (1969). *Itogi i zadachi izucheniya Sibirskoi prarodiny tyurkskikh predkov sovremennykh chuvashei* [Results and Tasks of Studying the Problem of the Siberian Ancestral Home of the Turkic Ancestors of the Modern Chuvash]. *Proiskhozhdenie aborigenov Sibiri i ikh yazykov*. Pp. 222–224. Tomsk, Izd-vo TGU. (In Russian)
25. Egorov, G. V. (1993). *Voskresenie shumerov: Yazyk i istoriya chuvash. naroda* [Resurrection of the Sumerians: Language and History of the Chuvash People]. 104 p. Cheboksary, Atal. (In Russian)
26. Serebrennikov, B. A. (1956). *Problema substrata* [Substrate Problem]. *Doklady i soobshcheniya Instituta yazykoznaniiya AN SSSR*. No. 9, pp. 33–57. Moscow. (In Russian)
27. Egorov, V. G. (1950). *Ehtnogeneza chuvashei po dannym yazyka* [Ethnogenesis of the Chuvash According to Their Language]. *Sovetskaya ehtnografiya*. No. 3, pp. 79–92. Moscow. (In Russian)
28. Mamedov, A. (1985). *Tyurkskie soglasnye anlaut i kombinatorika* [Turkic Anlaut Consonants and Combinatorics]. 206 p. Baku, Ehlm. (In Russian)
29. Andreev, I. A. (1997). *Chuvashskii yazyk* [The Chuvash Language]. *Yazyki mira. Tyurskie yazyki*. 481 p. Moscow, Indrik. (In Russian)

30. Akhmet'yanov, R. G. (1978). *Sravnitel'noe izuchenie tatarskogo i chuvashskogo yazykov* [A Comparative Study of the Tatar and Chuvash Languages]. 248 p. Moscow. Nauka. (In Russian)

31. Baskakov, N. I. (1969). *Vvedenie v izuchenie tyurkskikh yazykov* [Introduction to the Study of Turkic Languages]. 383 p. Moscow. Vyssh. Shkola. (In Russian)

32. Egorov, N. I. (1992). *Problemy geneticheskoi i khronologicheskoi stratifikatsii leksiki chuvashskogo yazyka i teoriya bulgaro-chuvashskoi ehnoyazykovoi preemstvennosti: avtoref. dis... d-ra filol. nauk* [Problems of Genetic and Chronological Stratification of the Chuvash Language Vocabulary and the Theory of the

Bulgaro-Chuvash Ethno-Linguistic Continuity: Doctoral Thesis Abstract]. Alma-Ata, 82 p. (In Russian)

33. Bakirov, M. Kh. (2021). *K voprosu o proiskhozhdenii tokuz-oguzskikh ehlementov v bulgaro-tatarskom literaturnom yazyke* [On the Origin of the Tokuz-Oghuz Elements in the Bulgaro-Tatar Literary Language]. *Filologiya i kul'tura*. Kazan', pp. 23-28. (In Russian)

34. Gening, V. F. (1989). *Nekotorye voprosy periodizatsii ehlnicheskoi istorii drevnikh bulgar* [Some Issues of Periodization of the Ancient Bulgars' Ethnic History]. *Rannie bulgary v Vostochnoi Evrope*. Pp. 24–43. Kazan'. (In Russian)

The article was submitted on 16.03.2022

Поступила в редакцию 16.03.2022

Бакиров Марсель Хаernasович,
доктор филологических наук,
профессор,
Республиканский Центр внедрения
и сохранения традиций в сфере культуры,

420060, Россия, Казань,
Пушкина, 66 / 33.
bakirovvolk@mail.ru

Bakirov Marsel Haernasovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Republican Center for Implementation
and Preservation of Traditions in the Field
of Culture,
66/33 Pushkin Str.,
Kazan, 420060, Russian Federation.
bakirovvolk@mail.ru

УДК 811.801.82

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-67-1-32-38

ФЕНОМЕН ПРИОБРЕТЕННОГО БИЛИНГВИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ИСПАНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

© Хьюго Баутиста, Лилия Мурадымова, Елена Плеухова

THE PHENOMENON OF ACQUIRED BILINGUISM (BASED ON THE SPANISH AND RUSSIAN LANGUAGES)

Hugo Bautista, Liliya Muradymova, Elena Pleuchova

Bilingualism (from Latin. bi – “two” + Latin “lingua” language) is an equal command of two languages. Linguistic success of a person can be explained by various factors, and this article studies the phenomenon of “bilingualism”, namely the phenomenon of acquired bilingualism. In the course of study, the following questions arose: Because of what conditions and circumstances can a person who enters a bilingual environment call himself a “bilingual”? Does innate bilingualism affect a person’s ability to learn foreign languages? The phenomenon of “bilingualism” is studied based on the Spanish and Russian languages. In our research, we relied on the Stroop test and developed a methodology consisting of theoretical and practical parts to determine the correlation between language abilities and innate bilingualism.

We have developed a questionnaire for testing students, majoring in “Foreign Philology: the Spanish Language, Literature and Translation Studies” at Kazan Federal University, and students of the Kazan “Spanish Center” who study Spanish to determine the average indicator T3-T2 among all respondents.

To achieve the most adequate and objective results, we have created the methodology consisting of two parts – theoretical and practical.

The article puts forward the hypotheses, which are tested in the course of the study, using our own methodology, for example, on the issue of comparing bilinguals and monolinguals’ ability to learn foreign languages.

Based on the experiments described above, the article explores a new topic in the field of bilingualism - the impact of bilingualism on the behavioral model of a person. In the course of the study, we consider various opinions about the phenomenon of bilingualism in general as well as its aspects, and draw appropriate conclusions, proving the relevance of the topic of bilingualism in modern scientific research.

Keywords: bilingualism, bilinguals, communication, foreign language, Stroop test, Spanish, Russian

Билингвизм (от лат. bi- ‘два’ + лат. lingua ‘язык’) – это равноправное владение двумя языками. В данной статье был изучен феномен приобретенного билингвизма как один из возможных факторов, влияющих на лингвистические успехи личности. В ходе исследования возникли следующие вопросы: При каких условиях и обстоятельствах человек, попадающий в двуязычную среду, может назвать себя билингвом? Влияет ли врожденный билингвизм на способности личности к изучению иностранных языков? На примере испанского и русского языков было проведено исследование феномена «билингвизм».

На начальной стадии проведенного исследования упор был сделан на тест Струпа, который позволил охарактеризовать степень субъективной трудности в смене методов переработки необходимой информации в ситуации когнитивного конфликта.

Авторы разработали анкету для проведения тестирования среди обучающихся Казанского федерального университета, которые получают высшее образование по специальности «Зарубежная филология: испанский язык, литература, переводоведение», а также среди учеников казанского «Испанского Центра», изучающих испанский язык. Был определен средний показатель T3-T2 среди всех опрошенных.

Была создана авторская методика, состоящая из двух частей – теоретической и практической, для того чтобы прийти к наиболее адекватным и объективным результатам.

В статье выдвинуты гипотезы, осуществлена их проверка в ходе исследования с помощью собственной методики, например, по вопросу сравнения способностей к изучению иностранных языков у билингвов и монолингвов.

На основе вышеописанных экспериментов авторы пришли к решению исследовать новую для области билингвизма тему – влияние двуязычия на поведенческую модель личности. В процессе

проведенного исследования были рассмотрены различные мнения о явлении билингвизма в целом, его аспектах и сделаны соответствующие выводы, доказывающие актуальность темы билингвизма в современных научных исследованиях.

Ключевые слова: билингвизм, билингвы, коммуникация, иностранный язык, тест Струпа, испанский язык, русский язык

Введение

В вопросах языкознания можно выделить несколько факторов. Во-первых, материалов, которые были бы посвящены исследованию феномена приобретенного билингвизма, гораздо меньше, нежели трудов, посвященных теме врожденного двуязычия. Во-вторых, современная наука находится в постоянном развитии [1, с. 178], [2, с. 13], что обуславливает потребность поиска новых методик обучения людей иностранным языкам [3, с. 95], [4, с. 222], [5, с. 188]; [6, с. 699]. Необходимо детально изучить феномен приобретенного билингвизма, разработать определенные техники обучения людей иностранным языкам с помощью билингвизма, а также помочь переехавшим в другую страну лучше приспособиться к жизни в ней. В-третьих, процесс глобализации, интерес к проблеме двуязычия также определяют актуальность исследования.

На начальной стадии работы мы опирались на тест Струпа, наиболее часто применяемый в экспериментальной психологии (см.: [7, с. 38]; [8, с. 894]) как средство по выявлению зависимости между феноменом билингвизма и быстротой реакции мозга, гибкостью или, напротив, ригидностью мышления. Тест Струпа (или эффект Струпа, или задача Струпа) [9] – интересный феномен, который связан с работой нашего мозга, он является одним из самых известных в экспериментальной психологии.

Тест представляет собой методику словесно-цветового взаимодействия. Он предназначен для диагностики гибкости / жесткости контроля поведения и мышления. Тест характеризует степень субъективной трудности в смене методов переработки информации (от вербальных к сенсорным) в ситуации когнитивного конфликта. Тест Струпа в своей классической версии включает в себя три стимульные карты:

1. карту слов, напечатанных черной краской;
2. карту цветов (в форме квадратов);
3. карту слов, напечатанных шрифтом, не соответствующим значениям цветов.

Эффект Струпа часто включают в программы по саморазвитию и тренировке мозга.

Джон Ридли Струп, проанализировав полученные результаты, дал им следующее толкование: ассоциативные связи, сформированные между словами и их прочтением, оказываются бо-

лее устойчивыми, чем связи между цветами и их названием [10, с. 25]. И если такое явление – это результат тренированности мозга, то разница во времени между прохождением третьего и второго этапов теста (Т3-Т2) вполне объясняется различной степенью тренированности этих действий.

Автором теста было предложено интерпретировать его результаты следующим образом: вычесть из времени прохождения третьего этапа теста (Т3) время второго (Т2) [11, с. 435]. И чем больше получившееся число, тем больше выражена ригидность познавательного контроля и негибкость мышления, которая выражается в медленном переключении между способами обработки информации.

«Эффект Струпа» обрел большую популярность среди психологов и научных деятелей [12, с.10]. Одной из заинтересовавших нас работ, в основе которой лежит эксперимент по методике Джона Ридли Струпа, стала работа группы ученых из Калифорнии в составе Паолы Суарез, Тамар Голлан и HNRC Group. В ходе исследования перед ними стояла задача – выяснить, влияет ли знание иностранного языка на результаты теста Струпа, который проводится на родном языке. Участниками эксперимента стали 141 носитель испанского языка из Мексики [7, с. 91], [13, с. 20–23], [11, с. 435]. Им было предложено пройти Тест Струпа на испанском языке. В результате было выяснено, что люди, показавшие выдающиеся результаты по итогам данного теста, лучше владеют иностранным языком (английским).

Также в ходе исследования учеными были сделаны выводы, что хорошее владение иностранным языком помогает быстрее активировать ингибиторный контроль и избегать нежелательного поведения.

Ингибция (ингибирование), или ингибиторный контроль, – это умение человека контролировать импульсивные (или автоматические) реакции и генерировать ответы с помощью внимания и рассуждения. Эта когнитивная способность является частью исполнительных функций и способствует процессам антиципации, планирования и постановки целей. Кроме того, она останавливает неуместное поведение и автоматические реакции, меняя их на более обоснованные и рациональные.

На основе результатов исследования Паолы Суарез, Тамар Голлан [14, с. 343–345] и ученых из HNRC Group нами была выдвинута гипотеза: человек, предрасположенный к изучению языков, покажет хороший результат при прохождении третьего этапа теста Струпа.

Материалы и методы

Авторами была разработана анкета и проведено тестирование среди студентов Казанского федерального университета, обучающихся по специальности «Зарубежная филология: испанский язык, литература, переводоведение», и учеников казанского «Испанского Центра», которые посещают занятия по испанскому языку. А именно, 14 студентов женского пола в возрасте 18-25 лет и 8 студентов мужского пола в возрасте 20-26 лет.

Участникам эксперимента было предложено пройти онлайн-версию теста Струпа [9] на испанском языке и прислать нам свои результаты. Мы попросили преподавателей субъективно разделить участников на группы в соответствии с их лингвистическими способностями. На основе данной оценки нами было условно выделено три группы:

- 1) люди с хорошими способностями к изучению языков;
- 2) люди со средними способностями к изучению языков;
- 3) люди с низкими способностями к изучению языков.

Был проведен подсчет времени по методу интерпретации Струпа по формуле:

$$TI = CWT - [(WT + CT)/2],$$

где оценка временного интерфейса (TI) равно времени выполнения третьего этапа теста (CWT) минус время выполнения второго этапа $((WT + CT) / 2)$. На основе этого подсчета нами были получены следующие результаты.

Результаты исследования и их обсуждение

Всего опрошенных: 22

- Субъективно хорошие способности к изучению языков (согласно оценке преподавателей) – 13 человек (группа 1).
- Субъективно средние способности к изучению языков – 8 человек (группа 2).
- Субъективно низкие способности к изучению языков – 1 человек (группа 3).

Согласно полученным результатам, средний показатель ТЗ-Т2 среди всех опрошенных равен 9,5. Чем больше этот показатель, тем в большей

степени выражена трудность в переключении между способами обработки информации.

В первой группе 6 из 13 опрошенных показали результат выше среднего, 3 человека из них – с большим числовым разрывом между показателями времени ТЗ и Т2 (24 и больше), что свидетельствует о недостаточно гибком мышлении, несмотря на высокие способности к языку. Остальные 7 опрошенных из первой группы демонстрировали показатели гораздо ниже среднего, что говорит о гибком мышлении.

Во второй группе половина участников анкетирования (4 опрошенных) показала результат выше среднего значения, другая же половина (4 опрошенных) показала очень хороший результат (их показатель ТЗ-Т2 равен 5), что говорит о легкости в переключении между подходами к обработке информации (вербальный / сенсорный).

В третьей группе анкетирование проходил только один человек, языковые способности которого преподаватель оценил как «ниже среднего». Он показал результат в числовом значении 14, что говорит о ригидности мышления.

Анализируя результаты проведенного тестирования, можно сделать вывод о том, что люди, чьи языковые способности были оценены преподавателями как «высокие», в 46% случаев показали не очень хороший результат. Напротив, люди с субъективно средними способностями к изучению языков в 50% случаев хорошо выполнили тест. Наша первичная гипотеза о том, что человек, предрасположенный к изучению языков, покажет хороший результат при прохождении третьего этапа теста Струпа, не подтвердилась, из чего следует, что данная тема требует более глубокого изучения.

Гибкость / ригидность мышления и быстрота реакции, судя по результатам эксперимента, практически не связаны с явлением билингвизма, поэтому потребовалось обратить внимание на другую проблему: способности личности к изучению иностранных языков. Стоит отметить, что с помощью теста Струпа мы исследовали феномен билингвизма и не нашли ничего общего между Т2 (билингвизм) и ТЗ (диглоссия), поэтому далее полученные результаты подвели исследование к необходимости обратиться к врожденному билингвизму. В ходе изучения возможных методик по выявлению взаимосвязи между билингвизмом и определенными способностями человека нами за основу были взяты методики двух типов:

- 1) классическое анкетирование на основе теоретических вопросов;
- 2) практическое тестирование в виде конкретного задания.

Классическое анкетирование представляет собой перечень теоретических вопросов, направленных на выявление определенного рода эмоций и впечатлений, полученных респондентами в ходе общения на двух языках. Вызывает интерес то, как впечатления и эмоции опрошенных согласуются с одновременным владением двумя языками как родными и влиянием этого показателя на прогресс в изучении иностранных языков. Нами были сформулированы вопросы подобного плана:

- Как Вы считаете, сказывается ли владение русским и татарским языками на изучение Вами иностранного языка?

- Часто ли при изучении новой лексики иностранного языка Вы невольно вспоминаете слова из русского и татарского языков с аналогичным значением?

- Если да, то является ли это отвлекающей причиной для Вас?

- Если да, то является ли это раздражающим фактором для Вас?

- Как Вы считаете, помогает ли Вам врожденный билингвизм (одновременное владение русским и татарским языками) изучать иностранный язык?

- На Ваш взгляд, врожденный билингвизм усложняет или облегчает изучение иностранного языка?

Первая часть нашей методики заключалась в проведении теоретического анкетирования.

В качестве второй части респондентам было предложено практическое задание. Мы выбрали именно данную методику получения информации, поскольку подтвердить или опровергнуть мнение опрошенных необходимо для получения объективных результатов. Индивид в ходе опросов часто сталкивается с неадекватной оценкой себя и своих личностных и интеллектуальных качеств, вследствие чего результаты могут быть ошибочными. Именно поэтому мы приняли решение создать методику, состоящую из двух частей – теоретической и практической, чтобы прийти к наиболее адекватным и объективным результатам.

Вторая часть методики состоит из задания, в котором участникам опроса нужно интуитивно перевести незнакомые слова, включенные в контекст фрагмента текста. Слова, которые участникам необходимо перевести, используются на более высоком уровне владения языком, нежели тот, которым обладают респонденты на момент выполнения задания, что позволяет рассчитывать именно на интуитивный перевод незнакомых слов – либо исходя из контекста (что также требует определенного высокого уровня психолин-

гвистических связей), либо исходя из подсознательного, интуитивного понимания смысла незнакомых слов в тексте. Важно отметить, что в первой части эксперимента принимали участие только билингвы – люди, владеющие татарским и русским языками, в то время как во второй его части принимали участие и те студенты, которые являются монолингвами (то есть владеют только одним языком). Подобный подход был необходим нам для сравнения языковых способностей билингвов и монолингвов.

В ходе этого эксперимента нами была выдвинута гипотеза: билингвы являются более способными к изучению иностранных языков, чем монолингвы.

Объектом нашего исследования стал 31 студент первого курса Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета, обучающийся по специальности «Зарубежная филология». Эти студенты первый год изучают испанский язык с «нулевого» уровня и на данный момент владеют им на уровне A1 (начинающий). Из группы опрошенных нами людей 8 являются билингвами (владеют русским и татарским языками как родными) и 23 – монолингвами (владеют только русским языком как родным).

В качестве эксперимента участникам была предложена форма опроса, состоящая из двух частей: интуитивный перевод незнакомых слов из текста уровня B1 (средний) либо исходя из контекста, либо из собственных соображений; теоретический блок (вышеуказанные вопросы анкетирования для билингвов). Текст выглядел таким образом:

La siesta no es un *invento* español. Más bien, es una *necesidad* fisiológica que *abarca* un corto periodo de tiempo durante el cual se necesita descansar. Esto lo *corroboran* millones de *seguidores* de esta *relajante* filosofía que, lejos de *centrarse* en la zona mediterránea (donde nació), se extiende como la *espuma* por América Latina, Oriente Medio y el norte de África. Alrededor de las 14 horas el calor alcanza su punto *álido*, de ahí que los habitantes de estas zonas se echen una siesta y esperen *cómodamente* en sus casas a que pase el *bochorno*.

Курсивом в нем выделены сложные для учащихся первого курса слова, которые и были предложены для перевода.

В результате эксперимента мы получили следующие результаты:

1. Как Вы считаете, влияет ли владение русским и татарским языками на изучение Вами иностранного языка? – 8 из 8 (100%) опрошенных подтвердили воздействие врожденного би-

лингвизма на прогресс в изучении иностранного языка.

2. Часто ли при изучении новой лексики иностранного языка Вы невольно вспоминаете слова из русского и татарского языков с аналогичным значением? – 5 из 8 опрошенных сказали, что вспоминают.

3. Если да, то является ли это отвлекающим фактором для Вас? – Лишь 1 из 5 человек, вспоминающих слова из русского и татарского языков во время изучения новой лексики иностранного языка, отметил, что данный факт отвлекает его от процесса усвоения испанского языка.

4. Если да, то является ли это раздражающим фактором для Вас? – 5 из 5 человек единогласно признались, что данный факт не раздражает их в ходе изучения иностранного языка.

5. Как Вы считаете, помогает ли Вам врожденный билингвизм (одновременное владение русским и татарским языками) изучать иностранный язык? – 8 из 8 (100%) опрошенных билингвов отметили, что знание двух языков на уровне родных помогает в усвоении нового языка.

6. На Ваш взгляд, врожденный билингвизм усложняет или облегчает изучение иностранного языка? – 8 из 8 ответили, что врожденный билингвизм облегчает процесс овладения иностранным языком.

Таким образом, результаты теоретического опроса показали, что двуязычные студенты однозначны во мнении, что врожденный билингвизм влияет на способности к изучению иностранного языка, более того, абсолютное большинство опрошенных студентов ответили, что свободное владение двумя языками как родными помогает им в изучении иностранных языков и облегчает процесс обучения.

При этом лишь чуть больше половины опрошенных билингвов признались, что невольно вспоминают слова из русского и татарского языков при изучении иностранного, а мешающим фактором, отвлекающим от обучения, это назвал только один человек.

Однако результаты второго задания оказались достаточно противоречивыми, несмотря на ответы самих билингвов, уверенных, что владение русским и татарским языками помогает им изучать иностранные языки. Итоги выполнения опрошенными второй части анкетирования оказались следующими:

Билингвы:

1. *Invento* – 6 / 8 – 75%

Монолингвы:

1. *Invento* – 22 / 23 – 96%

2. *Necesidad* – 8 / 8 – 100%

3. *Abarca* – 2 / 8 – 25%

4. *Corroboran* – 1 / 8 – 13%

5. *Seguidores* – 4 / 8 – 50%

6. *Relajante* – 4 / 8 – 50%

7. *Centrarse* – 4 / 8 – 50%

8. *Espuma* – 0 / 8 – 0%

9. *Álgido* – 1 / 8 – 13%

10. *Cómodamente* – 7 / 8 – 88%

11. *Bochorno* – 0 / 8 – 0%

2. *Necesidad* – 19 / 23 – 83%

3. *Abarca* – 7 / 23 – 30%

4. *Corroboran* – 4 / 23 – 17%

5. *Seguidores* – 14 / 23 – 61%

6. *Relajante* – 8 / 23 – 35%

7. *Centrarse* – 11 / 23 – 48%

8. *Espuma* – 0 / 23 – 0%

9. *Álgido* – 6 / 23 – 26%

10. *Cómodamente* – 19 / 23 – 83%

11. *Bochorno* – 8 / 23 – 35%

Выводы

Как можно заметить, результаты обеих групп получились примерно равными. В некоторых случаях с интуитивным / контекстным переводом слов билингвы справлялись лучше (*necesidad*, *relajante*, *centrarse*), а в некоторых успешнее оказались монолингвы (*invento*, *seguidores*, *álgido*).

Интересно, что процентное соотношение в большинстве случаев оказалось примерно одинаковым – разница в среднем составляет не больше 10%.

Единственное слово, которое имеет разницу в проценте правильных ответов 35, – это *bochorno*, а слово, на которое правильный ответ не дал никто, – *espuma*.

Если в целом проследить статистику, можно обнаружить закономерность: чаще правильно переводили имена существительные или прилагательные, поскольку они чаще употребляются в испанском языке (*cómodamente*, *necesidad*) или примерно похожи по звучанию на слова в русском языке (*invento*, *relajante*).

Сложнее всего для перевода оказались слова-глаголы, которые нечасто встречаются в текстах для начинающего уровня и не имеют схожести по звучанию со словами на русском языке – *abarca*, *corroboran*.

Можно увидеть интересный поворот в результатах нашего исследования: несмотря на то, что билингвы единогласно утверждали, что врожденное двуязычие облегчает процесс изучения иностранных языков и даже помогает им в этом, итоги говорят об обратном: существенных различий между успехами билингвов и монолингвов в интуитивном переводе слов выявлено не было.

Таким образом, на основе проведенного эксперимента мы сделали вывод: гипотеза о том, что билингвы являются более способными к изучению иностранных языков, чем монолингвы, выдвинутая нами в ходе исследования, не подтвердилась. Возможной причиной, которая могла повлиять на результат, являлась малочисленность участников опроса или неравномерное соотношение между билингвами и монолингвами.

На основе вышеописанных экспериментов авторы пришли к решению исследовать новую для нас область билингвизма – влияние двуязычия на поведенческую модель личности. В процессе нашей работы были рассмотрены различные мнения о явлении билингвизма в целом, его аспектах и о феномене билингвизма. Авторы выяснили, что тема билингвизма по-прежнему актуальна, так как среди ученых до сих пор ведутся споры о положительном или отрицательном влиянии двуязычия на развитие личности, об условиях, при соблюдении которых личность может называться билингвом, не являясь таковым с рождения.

Список источников

1. van Dijk, M. Kroesbergen, E. Blom, E. Leseman, & P. Bilingualism and Creativity: Towards a Situated Cognition Approach//The Journal of creative behavior.2018. special issue. Vol.53. Pp. 178–202.
2. Adams A. M. How language is embodied in bilinguals and children with specific language impairment // Frontiers in psychology. Pp. 12–13. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01209> (дата обращения: 26.06.2021)
3. Калинина Е. Ю. Понятие лингвистической компетенции в свете наблюдений, полученных в ходе полевой работы / Типология языка и теория грамматики. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона, СПб.: «Нестор-История», 2007. С. 80–95.
4. Подругина М. А. Влияние билингвизма на личностное развитие детей / Международный научный журнал «Инновационная наука». 2015. №12, с. 221–225
5. Румянцева М. В. Обучение лингвистически одаренных школьников иностранному языку в условиях дополнительного образования. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России». СПб., 2006. 188 с.
6. Barac, R., Bialystok, E., Castro, D.C., & Sanchez, M. The cognitive development of young dual language learners: A critical review. // Early Childhood Research Quarterly, 29. Pp. 699–714. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ecresq.2014.02.003> (дата обращения: 26.06.2021)
7. Jensen AR, Rohwer WD. The Stroop color-word test: a review// *Acta Psychologica*. Vol. 25 (1), pp. 36–93.

8. Lamers, M.J.; et al. (2010). "Selective Attention And Response Set In The Stroop Task". // *Memory & Cognition*. Vol.38 (7). Pp. 893–904.

9. Тест Струпа / Metodorf.ru. URL: https://metodorf.ru/tests/strup_sovpadenie_cveta.php (дата обращения: 10.07.2020)

10. Сидоренкова Л. И. Возрастные различия в структуре языковых способностей и возможности их учета в процессе обучения иностранному языку. // Психология обучения. № 10. 2008. С.14–28

11. Голева Н. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / Под ред. Н. Д. Голевой, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. / Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. 435 с.

12. Bialystok, E. (2009). Bilingualism: The good, the bad, and the indifferent. // *Bilingualism: Language and Cognition*, 12, Pp. 3–11. URL: <https://doi.org/10.1017/s1366728908003477> (дата обращения: 26.12.2021)

13. Cameron, L. Maslen, R., Todd, Z., Maule, J., Stratton, & N. Stanley. The discourse dynamics approach to metaphor and metaphor-led discourse analysis// *Metaphor & Symbol*. 2009. Vol 24. Pp. 9–25.

14. Suarez P. Gollan T. Heaton R. Grant I. Cherner M. Second-Language Fluency Predicts Native Language Stroop Effects: Evidence from Spanish–English Bilinguals// *Journal of the International Neuropsychological Society*. Vol 20(3). Pp. 342–348.

References

1. Van Dijk, Kroesbergen, M., Blom, E., Leseman, E. & P. (2018). *Bilingualism and Creativity: Towards a Situated Cognition Approach*. The Journal of Creative Behavior. Special Issue. Vol. 53, pp. 178–202. (In English)
2. Adams, A. M. *How Language is Embodied in Bilinguals and Children with Specific Language Impairment*. Frontiers in Psychology. Pp. 12–13. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01209> (accessed: 26.06.2021). (In English)
3. Kalinina, E. Yu. (2007). *Ponyatie lingvisticheskoi kompetentsii v svete nablyudenii, poluchennykh v khode polevoi raboty* [The Concept of Linguistic Competence in the Light of Observations Obtained in the Course of Field Work]. Tipologiya yazyka i teoriya grammatiki. Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya S. D. Katsnel'sona, St. Petersburg, "Nestor-IstoriYA", pp. 80–95. (In Russian)
4. Podrugina, M. A. (2015). *Vliyanie bilingvizma na lichnostnoe razvitie detei* [The Influence of Bilingualism on the Personal Development of Children]. Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal "Innovatsionnaya nauka". No. 12, pp. 221–225. (In Russian)
5. Rumyantseva, M. V. (2006). *Obuchenie lingvisticheski odarennykh shkol'nikov inostrannomu yazyku v usloviyakh dopolnitel'nogo obrazovaniya* [Teaching Linguistically Gifted Schoolchildren a Foreign Language in Conditions of Supplementary Education]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 188 p. St. Petersburg. (In Russian)

6. Barac, R., Bialystok, E., Castro, D. C., & Sanchez, M. *The Cognitive Development of Young Dual Language Learners: A Critical Review*. Early Childhood Research Quarterly, 29. Pp. 699–714. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ecresq.2014.02.003> (accessed: 26.06.2021). (In English)
7. Jensen A. R., Rohwer W. D. (1966). *The Stroop Color-Word Test: A Review*. Acta Psychologica. Vol. 25 (1), pp. 36–93. (In English)
8. Lamers, M. J.; et al. (2010). “*Selective Attention And Response Set In The Stroop Task*”. Memory & Cognition. Vol. 38 (7), pp. 893–904. (In English)
9. *Test Strupa*. Metodorf.ru. URL: https://metodorf.ru/tests/strup_sovpadenie_cveta.php (accessed: 10.07.2020). (In English)
10. Sidorenkova, L. I. (2008). *Vozrastnye razlichiya v strukture yazykovykh sposobnostei i vozmozhnosti ikh ucheta v protsesse obucheniya inostrannomu yazyku* [Age Differences in the Structure of Language Abilities and the Possibility of Taking Them into Account in the Process of Teaching a Foreign Language]. Psikhologiya obucheniya. No. 10, pp. 14–28. (In Russian)
11. Goleva, N. (2006). *Lingvopersonologiya: tipy yazykovykh lichnostei i lichnostno-orientirovannoe obuchenie: monografiya* [Linguopersonology: Types of Linguistic Personalities and Student-Centered Learning: A Monograph]. Pod red. N. D. Goleva, N. V. Saikovoi, E. P. Khomich. 435 p. Barnaul; Kemerovo, BGPU. (In Russian)
12. Bialystok, E. (2009). *Bilingualism: The Good, the Bad, and the Indifferent. Bilingualism: Language and Cognition*. No. 12, pp. 3–11. URL: <https://doi.org/10.1017/s1366728908003477> (accessed: 26.12.2021). (In English)
13. Cameron, L. Maslen, R., Todd, Z., Maule, J., Stratton, & N. Stanley (2009). *The Discourse Dynamics Approach to Metaphor and Metaphor-Led Discourse Analysis*. Metaphor & Symbol. Vol. 24, pp. 9–25. (In English)
14. Suarez, P. Gollan, T. Heaton, R. Grant, I. Cherner M. *Second-Language Fluency Predicts Native Language Stroop Effects: Evidence from Spanish–English Bilinguals*. Journal of the International Neuropsychological Society. Vol 20(3), pp. 342–348. (In English)

The article was submitted on 05.02.2022

Поступила в редакцию 05.02.2022

Баутиста Эспиноза Хьюго,
кандидат биологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
hbautista@mail.ru

Плеухова Елена Алексеевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Elena.Pleuchova@mail.ru

Мурадымова Лилия Робертовна,
магистр,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
liliya-M@mail.ru

Bautista Espinoza Hugo,
Ph.D. in Biology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
hbautista@mail.ru

Pleuchova Elena Alekseevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Elena.Pleuchova@mail.ru

Muradymova Liliya Robertovna,
Master of Science,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
liliya-M@mail.ru

АНАЛИЗ ПАРАМЕТРОВ СЛОЖНОСТИ ТЕКСТОВ РАЗНЫХ СТИЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ ОГЭ И PET)

© Мария Бегаева, Диана Гизатулина

THE ANALYSIS OF TEXT COMPLEXITY PARAMETERS FROM THE PERSPECTIVE OF DIFFERENT WRITING STYLES (BASED ON PET AND OGE CORPORA)

Maria Begaeva, Diana Gizatulina

The article presents results of the multiple factor analysis of 117 OGE (Basic State Examination) texts and 83 texts of Cambridge PET and considers the correlation of the Flash-Kincaid readability index, narrativity, lexical diversity (MTLD) and text complexity in different text types. The evaluation of text complexity parameters was conducted with the help of the online service TextInspector. The study confirms the correlation of the above-mentioned parameters with text complexity. The research indicates that the Flash-Kincaid readability index, narrativity and lexical diversity are lower in OGE texts. Thus, OGE texts are less complex than PET texts. The range of metrics of FKGL, narrativity and MTLD in PET is far more narrow, which indicates the core of typological metrics. The style of texts has a direct influence on their complexity. According to the data, publicistic texts are the most complex and popular science texts are the least. The results of the research can be used by test developers, researchers, educational organizations and teachers.

Keywords: educational text, readability, text parameters, complexity, narrativity, lexical diversity

В статье представлены результаты многофакторного анализа 117 текстов ОГЭ и 83 текстов Кембриджского экзамена Preliminary English Test (PET) и рассмотрено влияние следующих параметров на сложность текстов разного стиля: индекса читабельности по Флешу-Кинкейду, индекса нарративности, индекса лексического многообразия Measure of Textual Lexical Diversity (MTLD). Оценка параметров сложности текста осуществлялась при помощи онлайн-сервиса TextInspector. Взаимозависимость значений указанных выше параметров подтверждает их влияние на сложность текста. Выявлено, что тексты ОГЭ обладают большей читабельностью, меньшей нарративностью и меньшим уровнем лексического многообразия в сравнении с текстами PET. Таким образом, тексты ОГЭ являются менее сложными в сравнении с текстами PET. Однако в текстах PET уровень дисперсии значений параметров внутри корпуса значительно меньше, что говорит о более целом ядре типологических метрик и более тщательном отборе текстов. Стилистическая принадлежность текстов оказывает непосредственное влияние на их сложность и восприятие: тексты публицистического стиля являются наиболее сложными, а научно-популярные тексты, по данным анализа параметров, имеют наименьшую сложность. Результаты исследования могут быть полезны для разработчиков тестов, методистов, образовательных организаций и преподавателей.

Ключевые слова: учебный текст, параметры сложности, читабельность, нарративность, лексическое многообразие

Введение

За последние годы в современной лингвистике определилась тенденция к решению практических задач, в частности задач педагогики. Таким образом, в центре внимания российских ученых находятся проблемы аналитики учебных текстов. Предполагается, что текст должен соответствовать возрасту и лингвистическим способностям читателей, обладая определенным уровнем сложности. Определение сложности учебного

текста играет немаловажную роль с точки зрения выявления характеризующих ее параметров: читабельности, нарративности, абстрактности, конкретности, лексического многообразия, частотности и других [1, с. 253]. Однако при составлении учебников и сборников данные параметры могут не учитываться методистами ввиду недостаточной изученности вопроса и отсутствия регламента отбора текстов по их сложности. Особую значимость данная проблема имеет для раз-

работчиков экзаменационных тестов, поскольку в случае несоответствия сложности текста уровню экзаменуемых есть риск столкнуться с утратой валидности результатов тестов [2, с. 15]. В данном контексте также важно рассмотреть стилистическую принадлежность текста, так как предполагается, что тексты разных стилей имеют различную сложность [3, с. 389].

Представленное исследование направлено на определение типичных дескриптивных и лексических метрик сложности текстов Кембриджского экзамена PET и ОГЭ по английскому языку с точки зрения их стилистической принадлежности. Гипотеза исследования заключается в том, что данные тексты должны иметь аналогичные значения параметров сложности.

Исследование было осуществлено в несколько этапов: 1) составление корпуса текстов PET и ОГЭ; 2) классификация текстов на основе их стилистической принадлежности; 3) оценка и анализ следующих параметров: читабельность по формуле Флеша-Кинкейда, количество существительных и глаголов, нарративность, индекс лексического многообразия MTLTD; 4) определение и сравнение типичных метрик текстов PET и ОГЭ разных стилей.

Материал и методы

Корпус исследования составили 83 текста Кембриджского экзамена PET и 117 текстов ОГЭ по английскому языку. Объем текстов ОГЭ составляет от 270 до 410 слов, текстов PET – от 182 до 409 слов. Корпус содержит тексты следующих функциональных стилей: публицистический, разговорный, художественный и научно-популярный. Следует отметить, что тексты научно-популярного стиля в корпусе представлены биографиями ученых. Все тексты ориентированы на выполнение заданий по поисковому чтению (scanning). Выполнение заданий по текстам ОГЭ и PET предполагает также владение английским языком на уровне A2-B1 по международной шкале CEFR [4].

Анализ пяти параметров, а именно, читабельности по формуле Флеша-Кинкейда (далее – читабельность по ФК), количества существительных и глаголов, нарративности и индекса лексического многообразия MTLTD, был проведен на платформе Text Inspector [5]. Ввиду возможностей сайта при загрузке объем каждого анализируемого текста составил выше 75 % от оригинального текста, что позволило сохранить репрезентативность выборки [6, с. 245]. Выбор параметров сложности обусловлен проведенными ранее исследованиями и возможностями онлайн-анализатора [7, с. 30].

Анализ

Анализ текстов осуществлялся следующим образом: первоначально каждый параметр был рассмотрен в общем виде, затем – с точки зрения принадлежности текстов к определенному стилю. Следует отметить, что в статье рассмотрены тексты трех стилей, которые представлены как в корпусе ОГЭ, так и в корпусе PET: публицистического, разговорного и научно-популярного. В корпусе ОГЭ преобладают тексты публицистического стиля (51), он также насчитывает 11 текстов разговорного стиля и 17 научно-популярных текстов. Корпус текстов PET представлен 7 научно-популярными текстами, 33 текстами разговорного стиля и 33 публицистическими текстами.

Для анализа параметров сложности текстов были также рассчитаны мода и медиана каждого из них. Мода (M_0) – это наиболее часто встречающееся значение в выборке.

$$M_0 = x_0 + h \frac{f_{M_0} - f_{M_{0-1}}}{(f_{M_0} - f_{M_{0-1}}) + (f_{M_0} - f_{M_{01}})}, \quad (1)$$

где x_0 – значение начала модального интервала, h – размер модального интервала, f_{M_0} – частота модального интервала, $f_{M_{0-1}}$ – частота интервала, находящегося перед модальным, $f_{M_{01}}$ – частота интервала, находящегося после модального [8, с. 50].

Медиана (M_e) – число, которое находится в середине выборки (среднее значение).

$$M_e = N/2, \quad (2)$$

где N – количество значений в совокупности данных модального интервала [8, с. 51].

На основе средних значений таких дескриптивных параметров, как средняя длина предложения и средняя длина слова, по формуле Флеша-Кинкейда была рассчитана читабельность текстов. Согласно формуле, чем выше значения индекса читабельности, тем сложнее текст.

$$FKGL = (0,39 \times ASL) + (11,8 \times ASW) - 15,59, \quad (3)$$

где ASL – средняя длина предложения; ASW – среднее число слогов в слове [9, с. 202].

Полученное значение индекса ФК прямо пропорционально величине его сложности и обратно пропорционально величине читабельности. То есть, чем ниже значения индекса ФК, тем более текст читабелен, понятен для восприятия. Данная формула актуальна для нашего исследования тем, что показывает уровень необходимого образования для прочтения текста. Следует при-

знать, что индекс Флеша-Кинкейда рассчитан на образовательный индекс школ США, где английский язык является родным. Однако в отечественной практике пока не существует инструмента для определения сложности иноязычного текста для российских школьников, что является ограничением нашего исследования. Отметим, что согласно формуле индекс читабельности текста по Флешу-Кинкейду зависит в основном от количественных параметров, в то время как сложность текста определяется также множеством качественных параметров, таких как абстрактность, конкретность, лексическое многообразие, нарративность и др. Результаты сравнения читабельности текстов ОГЭ и РЕТ по индексу Флеша-Кинкейда представлены на рисунке 1.

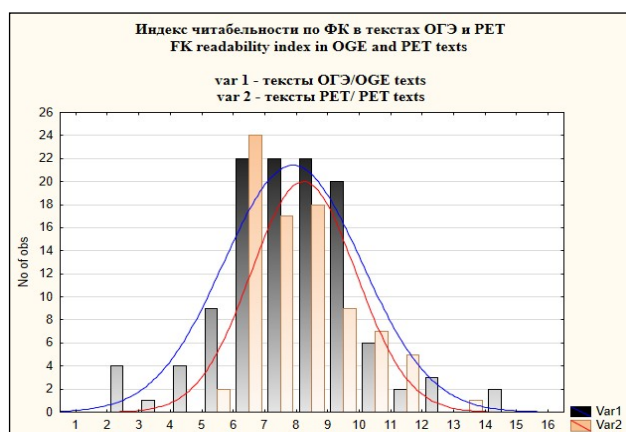

Рис.1. Сравнение индекса читабельности по ФК в текстах ОГЭ и РЕТ

Значения параметра индекса читабельности по ФК в текстах ОГЭ флуктуируют в диапазоне от 2,69 до 14,63, с модой 6,5 и медианой 7,93. В текстах РЕТ данный параметр изменяется в промежутке от 5,66 до 13,55, при моде 8,31 и медиане 7,94. В целом, можно наблюдать значительное количество текстов ОГЭ с читабельностью от 6 до 9 (86), текстов РЕТ — с читабельностью от 6 до 9 (59), что говорит об аналогичности метрик в двух группах текстов. Несмотря на приблизительно равные средние значения данных параметров в текстах ОГЭ и РЕТ, мода читабельности по ФК в текстах РЕТ выше на 1,81 так же, как и минимальное значение читабельности в выборке по сравнению с текстами ОГЭ. Таким образом, можно допустить, что тексты РЕТ сложнее текстов ОГЭ относительно параметра индекса читабельности по ФК. Кроме того, можно отметить, что разброс значений параметра в выборке текстов РЕТ меньше, чем в выборке текстов ОГЭ.

Результаты сравнения читабельности по индексу Флеша-Кинкейда текстов ОГЭ и РЕТ разных стилей представлены на рисунках 2 и 3.

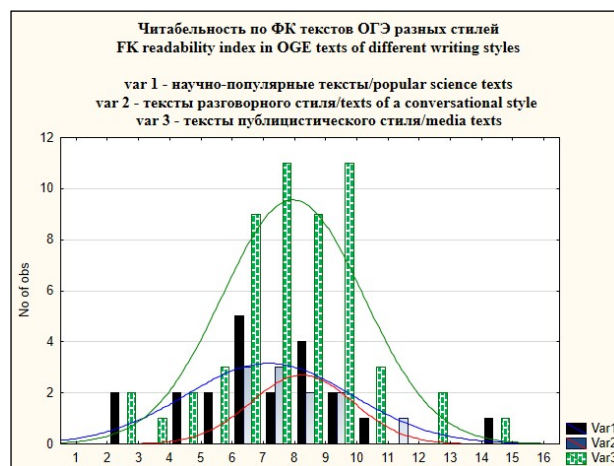

Рис. 2. Сравнение индекса читабельности по ФК в текстах ОГЭ разных стилей

Согласно данным диаграммы, большинство текстов публицистического стиля (40) имеют индекс читабельности по ФК от 7 до 10 со средним значением 7,96, в то время как среднее значение (медиана) индекса читабельности в научно-популярных текстах составляет 6,77, а в текстах разговорного стиля — 7,99. Таким образом, индекс читабельности научно-популярных (биографических текстов) наиболее низкий (с учетом погрешности ввиду разного количества текстов). Сравнение индекса читабельности текстов РЕТ разных стилей представлено на рисунке 3.

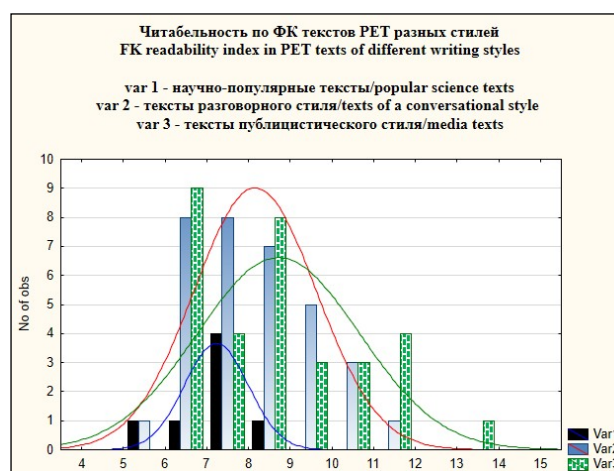

Рис.3. Сравнение индекса читабельности по ФК в текстах РЕТ разных стилей

Согласно представленным на рисунке данным большая часть текстов разговорного стиля (23 текста) имеет значения от 6 до 8 с медианой 7,94; большое количество публицистических текстов (18) имеет значения индекса читабельности 7 и 9, при среднем 8,40 с флуктуацией от 6,19 до 13,55. Среднее значение читабельности в выборке научно-популярных текстов составляет 7,35 с флуктуацией от 5,99 до 8,31. Таким обра-

зом, можно предположить, что в данной выборке тексты публицистического стиля имеют наивысшие значения индекса читабельности, в то время как научно-популярные тексты – самые низкие (с учетом погрешности ввиду разного количества текстов).

Анализируя приведенные выше графики в сравнении, можно утверждать, что в корпусах ОГЭ и РЕТ преобладают тексты публицистического стиля с почти идентичными средними значениями индекса читабельности, 7,96 и 7,94 соответственно. Научно-популярные тексты в обоих корпусах имеют наименьшую сложность (наименьшие значения индекса читабельности), что объясняется их ориентированностью на любого среднестатистического читателя.

Кроме того, с помощью сервиса Text Inspector было подсчитано количество существительных и глаголов в каждом тексте. Эти данные позволяют вычислить значение такого параметра, как нарративность [10, с. 122].

$$VNR = V/N \times 100, \quad (4)$$

где VNR – нарративность, V обозначает глаголы, N – существительные.

Низкий показатель по этой формуле говорит о низком уровне нарративности, что характерно для научного стиля речи, где преобладает количество существительных. Нарративные тексты с преобладанием глаголов легче воспринимаются читателями [11, с. 2023].

Сравнение индекса нарративности в текстах ОГЭ и РЕТ представлено на рисунке 4.

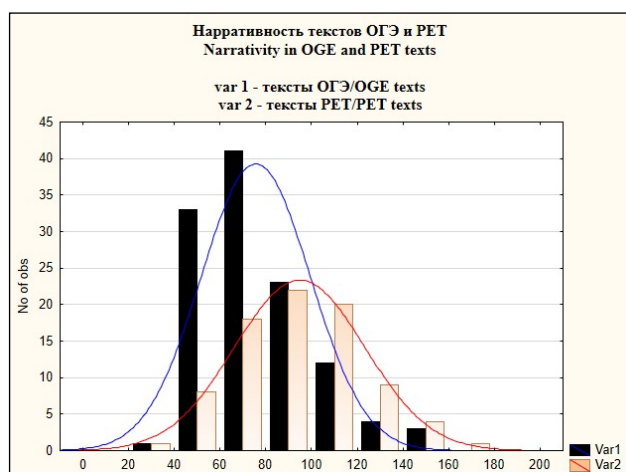

Рис.4. Сравнение нарративности в текстах ОГЭ и РЕТ

Значения параметра нарративность изменяются в пределах от 37,50 до 151,43 в текстах ОГЭ с модой 85,48 и средним значением 69,33. В текстах ОГЭ большинство текстов (74) имеют значения нарративности от 40 до 70. В текстах РЕТ

параметр нарративности флуктуирует от 34,29 до 177,42, где разброс значений выше, чем в корпусе ОГЭ. Мода значений индекса нарративности в текстах РЕТ составляет 82,26, медиана равна 90,91. Согласно графику, относительное большинство текстов РЕТ (42) обладают значениями нарративности в пределах от 80 до 110. Таким образом, тексты РЕТ обладают большей нарративностью в сравнении с текстами ОГЭ. Результаты сравнения нарративности текстов ОГЭ и РЕТ разных стилей представлены на рисунках 5 и 6.

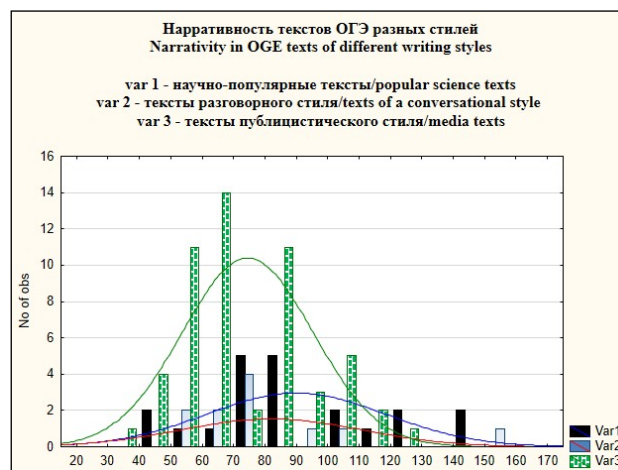

Рис. 5. Сравнение нарративности в текстах ОГЭ разных стилей

По данным графика, значения индекса нарративности большинства текстов разговорного стиля колеблются от 70 до 80, с медианой 72,84; значения параметра большего числа текстов публицистического стиля равны 70, при медиане 67,95. Научно-популярные тексты, в основном, обладают значениями индекса нарративности от 70 до 90, со средним 81,58. Таким образом, в корпусе ОГЭ тексты публицистического стиля имеют наименьшую нарративность, в то время как научно-популярные тексты – наибольшую.

Сравнение индекса нарративности в текстах РЕТ разных стилей представлено на рисунке 6.

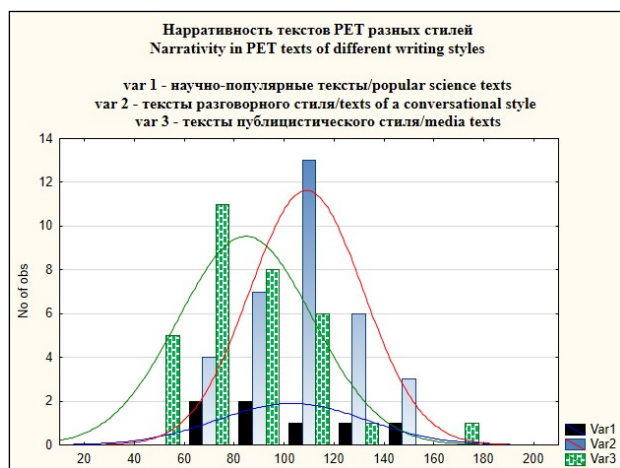

Рис. 6. Сравнение нарративности в текстах РЕТ разных стилей

Таким образом, большинство текстов разговорного стиля обладают достаточно высокой нарративностью, имея значения от 100 до 120. Тексты публицистического стиля, напротив, имеют больше всего значений от 70 до 80. Значения параметра научно-популярных текстов колеблются в пределах от 60 до 140, тексты публицистического стиля в корпусах ОГЭ и РЕТ имеют наиболее низкие значения индекса нарративности, предположительно являясь наиболее сложными.

Лексическое многообразие также было измерено с помощью метода компьютерной лингвистики онлайн- сервисом Text Inspector. Данный параметр демонстрирует, насколько разнообразна лексика в тексте. Индекс текстового лексического многообразия (MTLD) вычисляется по следующей формуле:

$$MTLD = L/n, \quad (5)$$

где L – число словоформ, n – число строк [9, с. 220].

Сравнение индекса лексического многообразия в текстах ОГЭ и РЕТ представлено на рисунке 7.

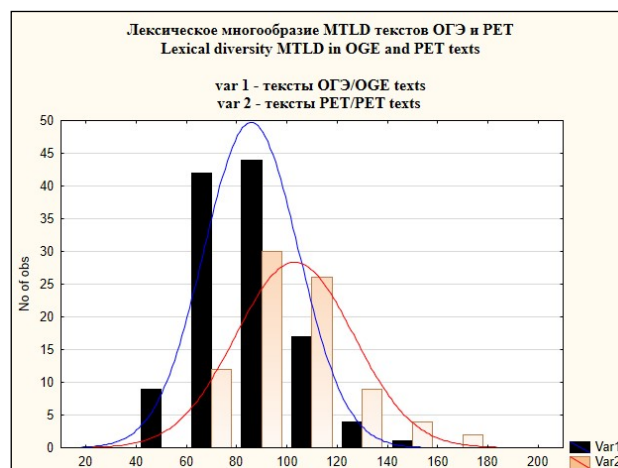

Рис. 7. Сравнение индекса лексического многообразия в текстах ОГЭ и РЕТ

Индекс MTLD в текстах ОГЭ флуктуирует в пределах от 44,50 до 158,19, с медианой 82,97 и модой 79,70. В текстах РЕТ индекс лексического многообразия колеблется от 61,24 до 176,92. Большинство значений MTLD в текстах ОГЭ сохраняется от 60 до 80, в текстах РЕТ большая часть текстов имеет значения от 90 до 120. Таким образом, лексическое многообразие текстов РЕТ в целом выше, чем текстов ОГЭ.

Результаты сравнения индекса лексического многообразия MTLD текстов ОГЭ и РЕТ разных стилей представлены на рисунках 8 и 9.

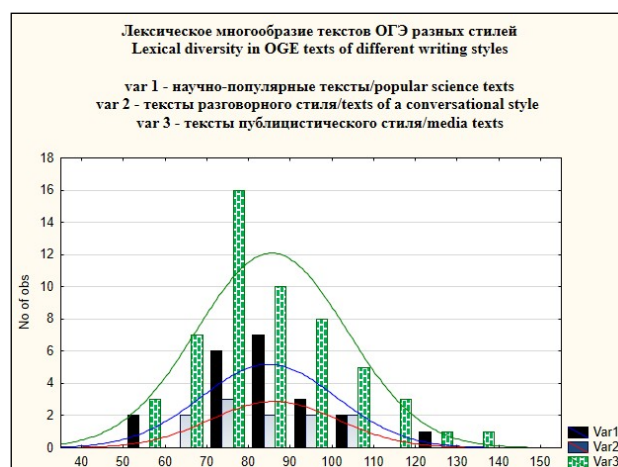

Рис. 8. Сравнение индекса лексического многообразия в текстах ОГЭ разных стилей

По данным диаграммы, в текстах научно-популярного стиля наиболее часто повторяющиеся значения индекса MTLD колеблются от 70 до 85, со средним значением 83,19; в текстах публицистического стиля данный диапазон составляет от 75 до 90, с медианой 80,89. При этом в выборке присутствуют 10 текстов со значениями параметра выше 110. В текстах разговорного стиля индекс лексического многообразия в целом колеблется от 65 до 105, но данных выборки

недостаточно, чтобы определить наиболее часто повторяющиеся значения.

Сравнение индекса лексического многообразия в текстах РЕТ разных стилей представлено на рисунке 9.

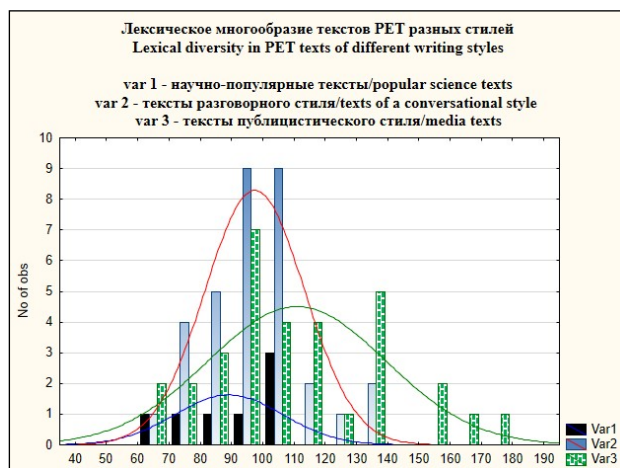

Рис. 9. Сравнение индекса лексического многообразия в текстах РЕТ разных стилей

Значения параметра MTLД в научно-популярных текстах колеблются от 61,24 до 107,15, большинство текстов имеют значения в диапазоне от 100 до 110. В текстах разговорного стиля большинство текстов (18) имеют значения лексического многообразия от 90 до 110, со средним значением в точке 93,67. Преимущественное большинство публицистических текстов (20) имеют значения параметра от 100 до 140, при этом 4 текста представлены со значениями MTLД более 160. Таким образом, тексты публицистического стиля являются наиболее лексически разнообразными как в корпусе ОГЭ, так и в корпусе РЕТ.

Заключение

Таким образом, многофакторный анализ 117 текстов ОГЭ показал, что типологическими характеристиками сложности текста являются следующие значения параметров: индекс читабельности по ФК от 6 до 9 с модой 6,5; индекс нарративности от 40 до 70; индекс лексического многообразия MTLД колеблется в диапазоне от 60 до 80. Для 83 текстов Кембриджского экзамена РЕТ типологические характеристики сложности представлены следующими метриками: индекс читабельности текста по ФК от 6 до 9 с модой 8,31; индекс нарративности от 80 до 110; индекс лексического многообразия MTLД колеблется от 90 до 120. Следовательно, тексты ОГЭ обладают более высокой читабельностью (меньшим индексом читабельности по ФК), меньшей нарративностью и меньшим уровнем лексического мно-

гообразия в сравнении с текстами РЕТ. В текстах РЕТ диапазон параметров ниже, чем в текстах ОГЭ, что говорит о более цельном наборе метрик и, как следствие, – более тщательном подборе экзаменационных текстов.

Анализ стилистической принадлежности текстов показал, что в исследуемых корпусах текстов ОГЭ и РЕТ преобладают тексты публицистического стиля с почти идентичными средними значениями читабельности, 7,96 и 7,94, соответственно, и наиболее низкими значениями индекса нарративности (от 70 до 80), наиболее высоким уровнем лексического многообразия. Научно-популярные тексты в обоих корпусах имеют наименьшую читабельность и наибольшую нарративность. Следовательно, тексты публицистического стиля представляются наиболее сложными, в то время как научно-популярные тексты обладают наиболее низкими показателями индекса ФК и являются читабельными, то есть наиболее простыми для чтения. По итогам исследования может быть рекомендовано адаптивное изменение текстов в сборниках тестов для подготовки к ОГЭ до уровня сложности, обладающего следующими усредненными параметрами: индекс читабельности по ФК в диапазоне от 6 до 8, индекс нарративности – от 40 до 80, индекс лексического многообразия MTLД – в промежутке от 60 до 80.

Список источников

1. Солнышкина М. И., Гафиятова Э. В., Казачкова М. Б. Инструменты оценки сложности текста: современная парадигма // Научное наследие Е. И. Пассова в контексте развития иноязычного образования: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения Е. И. Пассова, Липецк, 01–02 декабря 2020 года / Под общей редакцией В. Б. Царьковой, А. А. Люлюшина. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2020. С. 251–263.
2. Солнышкина М. И., Казачкова М. Б., Харьковская Е. В. Инструменты измерения сложности текстов на английском языке // Иностранные языки в школе. 2020. № 3. С. 15–21.
3. Зиганшина Ч. Р. Качественные параметры сложности текста (на материале художественных и научно-популярных текстов PIRLS) // Мир науки, культуры, образования. 2020. №5 (84). С. 388–391.
4. Cambridge Assessment English. URL: <https://cambridgeenglish.org/> (дата обращения: 08.12.2021).
5. Text Inspector: The professional web tool for analyzing texts. URL: <https://textinspector.com/workflow> (дата обращения: 20.10.2021).
6. Biber, D. Representativeness in Corpus Design // Oxford, Literary and Linguistic Computing, 8, 1993. pp. 243–257.

7. Солнышкина М. И., Замалетдинов Р. Р., Гафьятова Э. В., Гизатулина Д. Ю., Бегаяева М. Н. Многофакторный анализ сложности текста // Иностранные языки в школе. 2021. №2. С. 28–34.

8. Полякова В. В., Шаброва Н. В. Основы теории статистики: учебное пособие. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015. 145 с.

9. McNamara, D.S., Graesser, A.C., McCarthy, P.M., Zh.Cai. Automated evaluation of Text and Discourse with Coh-Metrix // New York, Cambridge University Press, 2014. 285 p.

10. Biber, D., Conrad, S., Reppen, R. Corpus linguistics: investigating language structure and use // Cambridge, Cambridge University Press, 1998, 300 p.

11. Kraal, A., Koornneef, A., Broek, P. Processing of expository and narrative texts by low and high-comprehending children. Reading and Writing // New York, Springer, 31 (9), 2018. pp. 2017–2040.

References

1. Solnyshkina, M. I., Gafiyatova, E. V., Kazachkova, M. B. (2020). *Instrumenty otsenki slozhnosti teksta: sovremennaya paradigm* [Text Difficulty Estimation Tools: A Modern Paradigm]. Nauchnoe nasledie E. I. Passova v kontekste razvitiya inoyazychnogo obrazovaniya: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchenoi 90-letiyu so dnya rozhdeniya E. I. Passova, Lipetsk, 01–02 dekabrya 2020 goda / Pod obshchei redaktsiei V. B. Tsar'kovoi, A. A. Lyulyushina. Lipetsk: Lipetskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni P. P. Semenova-Tyan-Shanskogo, pp. 251–263. (In Russian)

2. Solnyshkina, M. I., Kazachkova, M. B., Khar'kova, E. V. (2020). *Instrumenty izmereniya slozhnosti tekstov na angliiskom yazyke* [Tools for Measuring Text Complexity in English]. Inostrannye yazyki v shkole. No. 3, pp. 15–21. (In Russian)

3. Ziganshina, Ch. R. (2020). *Kachestvennye parametry slozhnosti teksta (na materiale khudozhestvennykh i nauchno-populyarnykh tekstov PIRLS)* [Qualitative Parameters of Text Complexity (Based on PIRLS Fiction and Popular Science Texts)]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. No. 5 (84), pp. 388–391. (In Russian)

4. Cambridge Assessment English. URL: <https://cambridgeenglish.org/> (accessed: 08.12.2021). (In English)

5. Text Inspector: The Professional Web Tool for Analyzing Texts. URL: <https://textinspector.com/workflow> (accessed: 20.10.2021). (In English)

6. Biber, D. (1993). *Representativeness in Corpus Design*. Oxford, Literary and Linguistic Computing, No. 8, pp. 243–257. (In English)

7. Solnyshkina, M. I., Zamaletdinov, R. R., Gafiyatova, E. V., Gizatulina, D. Yu., Begaeva, M. N. (2021). *Mnogofaktornyi analiz slozhnosti teksta* [Multivariate Text Complexity Analysis]. Inostrannye yazyki v shkole. No. 2, pp. 28–34. (In Russian)

8. Polyakova, V. V., Shabrova, N. V. (2015). *Osnovy teorii statistiki: uchebnoe posobie* [Fundamentals of the Theory of Statistics: A Textbook]. 145 p. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (In Russian)

9. McNamara, D. S., Graesser, A. C., McCarthy, P. M., Zh. Cai (2014). *Automated Evaluation of Text and Discourse with Coh-Metrix*. 285 p. New York, Cambridge University Press. (In English)

10. Biber, D., Conrad, S., Reppen, R. (1998). *Corpus Linguistics: Investigating Language Structure and Use*. 300 p. Cambridge, Cambridge University Press. (In English)

11. Kraal, A., Koornneef, A., Broek, P. (2018). *Processing of Expository and Narrative Texts by Low and High-Comprehending Children*. Reading and Writing. New York, Springer, 31 (9), pp. 2017–2040. (In English)

Библиографический список

1. Выготский Л. С. Динамика умственного развития школьника в связи с обучением // Л. С. Выготский. Умственное развитие детей в процессе обучения. - М.-Л., 1935. С.33–52.

2. Солнышкина М. И., Кисельников А. С. Параметры сложности экзаменационных текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2015. № 1.

3. Solnyshkina M. I., Gabitov A. I., Shayakhmetova L. Kh., Ilyasova L. G., Akbarova S. A. Text Complexity In Russian Textbooks On Social Studies//Revista Publicando, 4, 2017. Pp. 597 – 606.

4. Solovyev V. D., Ivanov V. V., Akhtiamov R. B., Dictionary of Abstract and Concrete Words of the Russian Language: A Methodology for Creation and Application //Journal of Research in Applied Linguistics, 10, 2019, pp. 215–227.

Bibliographic list

1. Vygotskii, L. S. (1935). *Dinamika umstvennogo razvitiya shkol'nika v svyazi s obucheniem* [The Dynamics of the Schoolchild's Mental Development in Relation to Teaching and Learning]. L. S. Vygotskii. Umstvennoe razvitie detei v protsesse obucheniya. Moscow-Leningrad, pp. 33–52. (In Russian)

2. Solnyshkina, M. I., Kisel'nikov, A. S. (2015). *Parametry slozhnosti ehkzamenatsionnykh tekstov* [Exam Text Complexity]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie. No. 1. (In Russian)

3. Solnyshkina, M. I., Gabitov, A. I., Shayakhmetova, L. Kh., Ilyasova, L. G., Akbarova, S. A. (2017). *Text Complexity in Russian Textbooks on Social Studies*. Revista Publicando, No. 4, pp. 597 – 606. (In English)

4. Solovyev, V. D., Ivanov, V. V., Akhtiamov, R. B. (2019). *Dictionary of Abstract and Concrete Words of the Russian Language: A Methodology for Creation and Application*. Journal of Research in Applied Linguistics. No. 10, pp. 215–227. (In English)

The article was submitted on 12.01.2022
Поступила в редакцию 12.01.2022

Гизатулина Диана Юрьевна,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
преподаватель,
СУНЦ «IT-лицей КФУ»,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
giz-diana@mail.ru

Бегаета Мария Николаевна,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
лаборант-исследователь,
НИЛ «Текстовая аналитика»,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Masha.begaeva95@gmail.com

Gizatulina Diana Yuryevna,
graduate student,
Kazan Federal University,

18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
giz-diana@mail.ru

Begaeva Maria Nikolaevna,
graduate student,
Kazan Federal University,
research assistant,
“Text Analytics” Laboratory,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Masha.begaeva95@gmail.com

ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ И ОСОБЕННОСТИ ИХ АССИМИЛЯЦИИ

© Евгения Гилёва

RUSSIAN AND ENGLISH BORROWINGS IN THE ECONOMIC SPHERE AND FEATURES OF THEIR ASSIMILATION

Evgeniya Gilyeva

The article researches foreign borrowings in the economic sphere of the Russian and English languages. Throughout the centuries-long history of the existence and development of the Russian and English languages, they were actively replenished with borrowings of new lexical units. During these periods of the socio-cultural formation of languages, many changes took place. These changes concerned the nature and conditions of language contacts, the sources of foreign word borrowings, the degree of assimilation of borrowed words, the subject-conceptual terms of borrowed words, the priority of using borrowings and the attitude of native speakers to borrowings – these factors to varying degrees but regularly accompanied the processes of replenishing the literary vocabulary of these recipient languages with borrowings. This article attempts to compare the borrowings in the economic sphere of the Russian and English languages, highlighting their historical resources, etymology, peculiarities of assimilation and other aspects. The main research methods are: the comparative method, the descriptive method, the analysis of foreign vocabulary in the media, business correspondence and dictionaries. While conducting this research, we used the descriptive and component methods, as well as classification and systematization techniques. The article focuses on the phonetic-graphical aspect, analyzes the assimilation methods in these two languages, provides examples from the classification of the borrowings in the economic terminology of these languages and indicates the etymology of the borrowed units.

Keywords: borrowings in the economic sphere, borrowings in the Russian language, borrowings in the English language, assimilation of the borrowings, language contacts

В статье исследуются заимствования в экономической сфере русского и английского языков. В течение всей многовековой истории своего существования и развития русский и английский языки активно пополнялись заимствованиями новых лексических единиц. За эти периоды социокультурного формирования языков происходило много перемен. Менялись характер и условия языковых контактов, источники заимствования иностранных слов, а также степень усвоения заимствованных слов, приоритетность использования заимствований в языке-преемнике, предметно-понятийные термины заимствованных слов, отношение носителей языка к заимствованию – эти факторы в разной степени, но регулярно сопровождали процессы пополнения данных языков-реципиентов заимствованиями. Автор представляет попытку сравнения заимствований в экономической сфере русского и английского языков, освещает многие аспекты данной проблемы. В процессе проведения исследования, изучения материала автором были использованы такие методы, как анализ лексики экономической сферы в текстах экономической тематики, деловой переписке, экономических блогах, журналах, словарях; описательный и компонентный методы, сравнительный метод, методы классификации и систематизации. Автор акцентирует внимание на фонетико-графическом аспекте, в качестве результатов дает анализ способов ассимиляции в каждом из вышеупомянутых языков, представляет примеры языковых единиц из классификации заимствований в экономической терминологии этих языков, указывает этимологию заимствованных единиц.

Ключевые слова: заимствования в экономической сфере, заимствования в русском языке, заимствования в английском языке, ассимиляция заимствований, языковые контакты

Наш новый, двадцать первый век, – это время информационной экономики, цифровизации, время сверхскоростных информационных технологий, новейших методов управления. Мы раз-

виваемся в период масштабной глобализации экономической деятельности в различных областях: области международных финансовых операций, международных банковских транзакций,

биржевых, страховых операций, международной торговли, кредитования и т. д. В XX–XXI вв., особенно в первой четверти XXI века, происходит значительное количество трансформаций в экономике, управлении, здравоохранении, образовании – практически во всех сферах человеческой жизни. Всё это находит отражение в лексике, в частности в экономической лексике языков.

Как указывают многие лингвисты, в последние годы одним из основных способов отражения перемен в языках является лексическое заимствование. По мнению К. С. Захватаевой, заимствование – «основной способ неологизации» в русском языке на современном этапе [1, с. 3]. Основываясь на данных словаря М. Gorlach «Dictionary of European Anglicisms» [2], мы можем отметить, что основное количество современных заимствований происходит из английского языка. Подтверждения данному факту мы находим и в трудах таких лингвистов, как D. Crystal [3], А. Косырева [4], Н. Габдреева [5], С. Рузметов [6], В. Дуплийчук [7], Ю. Балакина, Е. Висилицкая [8] и др.

В данной работе мы предприняли попытку сопоставить заимствования в экономической сфере русского и английского языков. Для проведения сопоставительного анализа заимствований мы обратились к словарям русского и английского языков, данным Национальных корпусов, к современным русским и английским текстам экономической проблематики, интернет-сайтам, бизнес-переписке (из личного архива периода работы в международных компаниях в сферах Logistics, Recruitment).

Рассматривая заимствования в экономической сфере русского и английского языков, обратим внимание на социокультурный контекст их развития. Историческое наследие русского языка так же, как и английского, исчисляется веками интенсивного взаимодействия со множеством языков. Среди заимствований в экономической сфере в русском языке мы видим заимствования из латинского (*агент, апелляция, бонус, гонорар, деклинация, деноминация, калькуляция, кредитор, курс, лицензия, стагнация* и др.), греческого (*ипотека, монополия, экономика* и др.), немецкого (*гильдия, вексель* и др.), голландского (*акция, биржа* и др.), польского (*аренда, инструкция* и др.), французского (*аккредитив, афера, бланк, картель, куртаж* и др.), итальянского (*авизо, банк, дисконт, камбио, квитанция, ностро-конто* и др.), арабского (*тариф, архив, алгоритм* и др.) и других языков. Лидирующее положение занимают заимствования из английского языка, например: *андерайтинг, бенчмаркинг, бэк-офис, вайбишот, вендинг, вестинг, стартап, сэйвинг,*

толлинг, тренд, факторинг, холдинг, интернет-эквайринг и др.

Что касается фонетико-графической системы русского языка, то она похожа на системы европейских языков, поэтому иностранные слова из европейских языков достаточно легко приспосабливаются к структуре русского языка при заимствовании (например, *account – аккаунт, acquiring – эквайринг, booking – букинг, deadline – дедлайн, glamping – глэмпинг, merchandising – мерчандайзинг, topping – топпинг, torrent – торрент, underwriting – андерайтинг, workation – воркашюн, warrant – вэррант* и т. д.). Среди заимствований в экономической сфере современного русского языка мы отмечаем подобные примеры иностранных лексических единиц, которые ассимилируются такими способами, как транслитерация, транскрипция, трансплантация, например: транслитерация (*concern – концерн, outsourcing – аутсорсинг, goodwill – гудвилл, credit – кредит* и др.), транскрипция (*establishment – истеблишмент, player – плэйер, highway – хайуэй, freeway – фрейуэй* и др.); трансплантация: BPI (англ. “Business Process Improvement”) – русск. ‘улучшение бизнес-процессов’; CEO (англ. “Chief Executive Officer”) – русск. ‘исполнительный директор’; CRM-система (“Customer Management system”) – русск. ‘система управления взаимоотношениями с клиентом’; CIO (англ. “Chief Information Officer”) – русск. ‘руководитель отдела по информационным технологиям’; ERP (англ. “Enterprise Resource & Relationship Processing”) – русск. ‘управление ресурсами и внешними связями предприятия’; F.O. (англ. “Foreign Office”) – русск. ‘иностранное представительство’; фонд FinEx – русск. ‘комплекс из различных корпоративных еврооблигаций’; Индекс KASE (англ. “Index KASE”) – русск. ‘один из основных фондовых индексов’; HR Manager (англ. “Human Resources Manager”) – русск. ‘руководитель / сотрудник по подбору персонала’; Ltd. (англ. Limited) – русск. ‘общество с ограниченной ответственностью’; WFS (англ. “Work Flow System”) – русск. ‘система рабочих потоков’ и другие.

Заимствования в экономической сфере русского языка из английского нами распределены в лексико-семантические группы, например биржевые термины [9, с. 313]: *бакетинг* – англ. bucketing – ‘умышленное неисполнение брокерами приказов клиентов, использование их гарантийного вноса при проведении фьючерсных сделок’ [10]; *бэквардэйшн* – англ. back-wardation – ‘соотношение биржевых котировок, характерное для периодов отставания предложения от

спроса, когда цены на реальный товар выше котировок по фьючерсным сделкам, а цены на товар с близкими сроками поставки – выше котировок дальних позиций’ [Там же]; термины банковской системы: *аутсорсинг* – англ. *outsourcing* – ‘использование специализированной внешней организации для обработки банковских и других финансовых, расчётных документов при проведении коммерческих операций крупной фирмы, компании’ [Там же]; *банкнот(a)* – англ. *banknote* – ‘банковский билет, выпускаемый государственным или частным эмиссионным банком; основной вид кредитных денег’ [Там же]; *бэк-офис* – англ. *back-office* – ‘подразделение банка, выполняющее документальные операции для обслуживания внешнеэкономической деятельности и др.’ [Там же]; торговые термины: *бай-бэк* – англ. *buy-back* – ‘товарообменная операция, заключающаяся в расчёте за поставку оборудования продукцией, произведённой на этом оборудовании’ [Там же]; *бартер* – англ. *barter* – ‘прямой товарообмен между контрагентами, товары как платёжное средство’ [Там же]; *демпинг* – англ. *dumping* – ‘продажа товаров по бросовым ценам с целью закрепиться на рынке’ [Там же]; *телешоппинг* – англ. *teleshopping* – ‘розничная торговля с помощью средств телекоммуникаций и др.’ [11]; деловые термины: *корнер* – англ. *corner* – ‘действия лица, фирмы, группы лиц, создающих искусственный дефицит товаров на рынке путём скупки биржевых контрактов и реального товара с целью захвата в свои руки контроля над ходом биржевого процесса и взвинчивания цен’ [Там же]; *лаг* – англ. *lag* – ‘показатель, отражающий отставание или опережение во времени одного явления по сравнению с другими, например, время от момента вложения средств до получения отдачи’ [Там же]; *маркетинг* – англ. *marketing* – ‘комплекс организационных, рекламных и других мер, обеспечивающих устойчивый сбыт продукции, прогноз спроса, правильный выбор цены, рекламная стратегия’ [10]; *пул* – англ. *pool* – ‘одна из форм соглашений между предпринимателями, при которой прибыль поступает в общий фонд и распределяется затем между участниками согласно заранее установленной пропорции’ [Там же] и другие.

Мы рассмотрели некоторые примеры англоязычных заимствованных слов в современном русском языке. Стоит отметить, что в вышеуказанных лексических единицах основной способ выражения (ассимиляции) заимствования – транскрипция (*бай-бэк* *бэквардэйшн*, *бэк-офис* и др.), в некоторых – транслитерация (*блоттер*, *аутсорсинг*, *лаг*, *телешоппинг* и др.).

Современный английский язык, считающийся международным языком XXI в., образовал свой лексический фонд из большого числа заимствований, уточнить это можно только с помощью этимологического анализа (часто это заимствования XIII–XV вв., раннего периода появления слов экономической сферы).

Среди заимствований экономической сферы представлены заимствования из латинского языка: *cost* – ‘цена’ (от глагола *cūnstāre* в значении «держаться вместе», «стоять твёрдо») [10], *price* – ‘премия’, ‘вознаграждение’, ‘цена’ [Там же], *money* – ‘монета’ [Там же], *margin* – ‘прибыль’ [Там же]; из французского языка: *entente* – ‘соглашение’, *entrepreneur* – ‘предприниматель’ [Там же], *cliché* – ‘клише’ [Там же], *profit* – ‘польза’, ‘прибыль’ [Там же], *cash* – ‘ящик’, ‘казна’ [Там же], *sale* – ‘продажа’ [Там же], *assets* – ‘недвижимость’, ‘имущество’ [Там же]; из итальянского: *agio* – ‘аживо’ [Там же], *banca* – ‘банк’ [Там же], *grano* – ‘зерно’ [Там же], *lira* – ‘лира’ [Там же], *tariffa* – ‘тариф’ [Там же], *manifesto* – ‘манифест’ [Там же] и др. На данном этапе процессы заимствования из других языков в английском языке являются не столь активными, как внутриязыковое заимствование: например, появление американизмов, австрализмов, канадизмов, новозеландизмов в британском английском (например, *underclass* – ‘самый низший слой общества’ сделок’ [10], *workfare* – ‘система выдачи пособий по безработице’ [Там же], *dogoodery* – ‘благотворительность’ [Там же], *chicken-feed* – ‘незначительная сумма денег’ [Там же] и другие).

Полученные эмпирические данные, примеры заимствований в экономической сфере русского и английского языков, мы систематизировали: помимо наименования заимствованной англоязычной лексической единицы в современном русском языке, мы указываем способ выражения (ассимиляции) заимствования в русском языке, также мы ссылаемся на источник данной заимствованной лексической единицы в английском языке (либо отмечаем, что данная единица является исконным словом); при заимствовании определяем способ ассимиляции заимствованной единицы в английском языке. Лексические заимствования к тому же подразделяются на лексико-семантические группы экономической лексики: 1) наименования документов: *деливери* (способ выражения заимствования в русском, английском языках не отличается – транскрипция) – англ. *delivery*: *from Anglo-French “delivrée”, noun use of fem. past participle of Old French “délivrer”, attested from 1570* [12]; *кавернот* (способ выражения заимствования в русском, английском

языках также не отличается – транскрипция) – англ. *cover note*: from *cover* (v.). + *note* (n.) from 1300, "a song, music, instrumental music; a musical note," from Latin *nota* "letter, character, note," originally "a mark, sign, means of recognition," which is perhaps related to *notus*, past participle of *noscere* (Old Latin **gnoscere*) "to know" (see *know*) [Там же]; 2) названия экономических объектов и институтов: *банк* (способ выражения заимствования в русском языке – транслитерация) – англ. *bank*: from Old Italian **banca* or via French **banque*, both meaning "table," from a Germanic source, such as Old High German *bank* **bench*, "moneylender's table," from ProtoGermanic **bankiz*- "shelf," **bankon* [Там же], (способ выражения заимствования в английском языке – транскрипция); *холдинг* (способ выражения заимствования в русском языке – транслитерация) – англ. *holding*: early 13c., "act of holding;" mid-15c. as "that which is held," verbal noun of *hold* (v.). Old English *healdung* meant "keeping, observance." As a football (soccer) penalty, from 1866. Meaning "property held," especially stock shares, is from 1570 [Там же], (исконное слово в английском языке); 3) термины финансовой системы: *инжиниринг* (способ выражения заимствования в русском языке – транслитерация) – англ. *engineering*: from 1720 in the meaning "work done by an engineer," from **engineer* (n.), attested from 1792, the earlier word was **engineership* (1640), that did not stick [Там же], (исконное слово в английском языке) и другие.

История англо-русских языковых контактов исчисляется веками. Уже с XVI века заимствуются первые английские лексические единицы, проблема передачи которых в русском языке существовала и в XVIII–XIX веках, в XXI веке английские заимствования в русском языке достигли огромного количества — несколько сотен тысяч. В широком понимании «в группу англицизмов включены слова из американского, австралийского и других вариантов английского языка» [13, с. 134].

В результате проведённого исследования мы приходим к следующим выводам: английский язык, хотя и продолжает впитывать заимствования и в настоящее время, за счёт исторически накопленного богатства заимствований продуцирует неологизмы, которые интенсивно заимствуются во все языки мира. На примерах лексики экономической сферы русского языка мы видим активный процесс заимствования новых лексических единиц способами транскрипции и транслитерации. В свою очередь, заимствуемые из английского языка в русский язык слова экономической сферы были, в основном, ранее заим-

ствованы английским языком из других европейских языков (латинского, французского, итальянского и других), лишь некоторые лексические единицы из экономической сферы были исконно английскими.

На данный момент процесс заимствования экономических терминов в русский язык идёт как никогда активно, происходит семантическая трансформация материальных заимствований, внедрение семантических заимствований. В 21 веке, несмотря на усилия таких видных борцов за сохранение чистоты русского языка, как В. В. Виноградов, Л. П. Крысин, Е.П. Чельшев и множества других филологов и лингвистов, русский язык не успевает создавать самобытные слова из исконных корней взамен заимствованиям. Более того, этот процесс совпадает со всемирными явлениями интернационализации и глобализации.

Список источников

1. Захватаева К. С. Английские заимствования в современном русском языке: семантический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Ростов-на-Дону, 2013. 22 с.
2. Gorlach M. A Usage Dictionary of Anglicism in Selected European Languages. Oxford University Press, 2001. 351p.
3. Crystal D. English as a Global Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 212 p.
4. Косырева А. М. Глобализмы в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук: Москва, 2018. 283 с.
5. Габдреева Н. В., Агеева А. В., Тимиргалеева А. Р. Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода. М.: Флинта: Наука, 2013. 328 с.
6. Рузметов С. А. Об иностранных заимствованиях в экономическом лексиконе современного русского языка // Молодой ученый. 2015. № 3. С. 967–969.
7. Дуплийчук В. А. Новейшие англоязычные заимствования в русском языке в свете теории перевода: дис. ... канд. филол. наук: Санкт-Петербург, 2010. 203 с.
8. Балакина Ю. В., Висилицкая Е. М. Англоязычные заимствования экономической тематики в вербальном лексиконе русской языковой личности в период глобализации // Лингвистика и межкультурная коммуникация: Вестник ВГУ. 2014. № 2. С. 29–34.
9. Гилёва Е. С. Заимствования экономической сферы в современных литературных арабском и русском языках (фонетико-графический аспект). М., Преподаватель XXI век. Вып. № 2, 2017. С. 307–314.
10. Портал словарей и энциклопедий. URL: <http://dic.academic.ru/>, (дата обращения: 14.10.2018, 04.04.2020, 11.04.2020, 18.04.2020).
11. Информационный портал: Подробно о Форекс брокерах, опционах, торговых стратегиях и криптовалютах. URL: <http://infofx.ru/texnicheskij->

analiz-rynka/chto-takoe-trend/, (дата обращения: 25.10.2019).

12. Online Etymology Dictionary. URL: www.etymonline.com, (дата обращения: 04.04.2020, 11.04.2020, 18.04.2020).

13. Арустова В. М. Англо-русские языковые контакты (Англицизмы в русском языке). Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1978. 151 с.

References

1. Zakhvataeva, K. S. (2013). *Angliiskie zaimstvovaniya v sovremennom russkom yazyke: semanticheskii aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [English Borrowings in Modern Russian: A Semantic Aspect: Ph. D. Thesis Abstract]. Rostov-na-Donu, 22 p. (In Russian)
2. Gorlach, M. A (2001). *Usage Dictionary of Anglicism in Selected European Languages*. 351p. Oxford University Press. (In English)
3. Crystal, D. (2004). *English as a Global Language*. 212 p. Cambridge. Cambridge University Press. (In English)
4. Kosyreva, A. M. (2018). *Globalizmy v sovremennom russkom yazyke: dis. ... d-ra filol. nauk* [Globalisms in Modern Russian: Doctoral Thesis]. Moscow, 283 p. (In Russian)
5. Gabdreva, N. V., Ageeva, A. V., Timirgaleeva, A. R. (2013). *Inoyazychnaya leksika v russkom yazyke noveishego perioda* [Foreign Vocabulary in the Russian Language of the Latest Period]. 328 p. Moscow, Flinta, Nauka, (In Russian)
6. Ruzmetov, S. A. (2015). *Ob inostrannykh zaimstvovaniyakh v ehkonomicheskom leksikone sovremennogo russkogo yazyka* [On Foreign Borrowings in the Economy Lexicon of the Modern Russian Language]. *Molodoi uchenyi*. No. 3, pp. 967–969. (In Russian)
7. Dupliichuk, V. A. (2010). *Noveishie angloyazychnye zaimstvovaniya v russkom yazyke v svete teorii perevoda: dis. ... kand. filol. nauk* [The Latest English Borrowings in Russian in Terms of Translation Theory: Ph.D. Thesis]. Sankt-Peterburg, 203 p. (In Russian)
8. Balakina, Yu. V., Visilitskaya, E. M. (2014). *Angloyazychnye zaimstvovaniya ehkonomicheskoi tematiki v verbal'nom leksikone russkoi yazykovoi lichnosti v period globalizatsii* [English Economy-related Borrowings in the Verbal Lexicon of the Russian Linguistic Personality in the Period of Globalization]. *Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. Vestnik VGU. No. 2, pp. 29–34. (In Russian)
9. Gileva, E. S. (2017). *Zaimstvovaniya ehkonomicheskoi sfery v sovremennykh literaturnykh arabskom i russkom yazykakh (fonetiko-graficheskii aspekt)* [Borrowings of the Economic Sphere in Modern Literary Arabic and Russian Languages (A Phonetic-Graphic Aspect)]. Moscow, Prepodavatel' XXI vek. Vyp. No. 2, pp. 307–314. (In Russian)
10. *Portal slovarei i ehntsiklopedii* [Portal of Dictionaries and Encyclopedias]. URL: <http://dic.academic.ru/>, (accessed: 14.10.2018, 04.04.2020, 11.04.2020, 18.04.2020). (In Russian)
11. *Informatsionnyi portal: Podrobno o Foreks brokerakh, optsiyakh, torgovykh strategiyyakh i kriptovalyutakh* [Information Portal: Details about Forex Brokers, Options, Trading Strategies and Cryptocurrencies]. URL: <http://infofx.ru/texnicheskij-analiz-rynka/chto-takoe-trend/>, (accessed: 25.10.2019). (In Russian)
12. Online Etymology Dictionary. URL: www.etymonline.com, (accessed: 04.04.2020, 11.04.2020, 18.04.2020). (In English)
13. Aristova, V. M. (1978). *Anglo-russkie yazykovye kontakty (Anglizmy v russkom yazyke)* [English-Russian Language Contacts (Anglicisms in Russian)]. 151 p. Leningrad, izd-vo LGU. (In Russian)

The article was submitted on 26.02.2022
Поступила в редакцию 26.02.2022

Гилёва Евгения Сергеевна,
преподаватель,
Московская Международная Академия,
129075, Россия, Москва,
Новомосковская, 15А, стр.1.
agevg@mail.ru

Gilyeva Evgeniya Sergeevna,
Assistant Professor,
Moscow International Academy,
St.1, 15A Novomoskovskaya Str.,
Moscow, 129075, Russian Federation.
agevg@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ РУССКОГО ЯЗЫКА С ПЕРЦЕПТИВНОЙ СЕМАНТИКОЙ

© Ольга Гусева

PECULIARITIES OF PERCEPTION OF RUSSIAN ADJECTIVES WITH PERCEPTIVE SEMANTICS

Olga Guseva

The article studies certain aspects of perceptual modalities of Russian adjectives, based on the linguistic-psychological dictionary “Sensory Organs, Emotions and Adjectives of the Russian Language” by M. G. Kolbeneva and Y. I. Alexandrov. We put forward the hypothesis of a more complex modal organization of the perception of adjectives in comparison with the data presented in the linguistic-psychological dictionary; the adaptive experiment confirms the regression of monomodality with the increase in the number of informants. The perception of 48 Russian adjectives was studied in detail. The paper analyzes the features of perceptual modality distribution in the aspect of monomodality and polymodality, determines the leading modality of perception for 115 informants, and studies the correlation dependence of perceptual modalities (sight, hearing, smell, taste, tactility, motility). We investigate the uniformity of perceptual characteristic patterns based on the p-value criterion. For the first time, we have analyzed the motility modality in adjectives. The results of the study allow us to establish that the data from the linguistic-psychological dictionary “Sensory Organs, Emotions and Adjectives of the Russian Language” are not completely reliable; to achieve the significance criterion, it is necessary to increase the number of informants. In addition to comparing the results of the study with the data from the Russian linguistic-psychological dictionary, the paper draws parallels with similar foreign studies.

Keywords: perception, perceptual modality, leading modality of perception, polymodality, monomodality

В статье описываются некоторые аспекты исследования перцептивных модальностей прилагательных русского языка, представленных в лингво-психологическом словаре «Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка» М. Г. Колбеновой и Ю. И. Александрова. Выдвигается гипотеза о более сложной модальной организации восприятия прилагательных в сравнении с данными, представленными в нем: в результате адаптированного эксперимента нашла подтверждение регрессия мономодальности при увеличении количества информантов. Материалом послужили 48 прилагательных русского языка. Проанализированы особенности распределения перцептивных модальностей в аспекте мономодальности и полимодальности, определена ведущая модальность восприятия у 115 информантов, изучена корреляционная зависимость перцептивных модальностей (зрение, слух, обоняние, вкус, тактильность, моторика). Исследована единообразность паттернов восприятия характеристик на основе критерия *p*-значимости. Впервые проанализировано восприятие прилагательных с точки зрения представленности в них моторной семантики. Результаты исследования позволяют утверждать, что данные лингво-психологического словаря «Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка» могут использоваться для первичного отбора прилагательных, однако для достижения критерия значимости есть необходимость в увеличении количества информантов. Кроме сопоставления результатов исследования с данными отечественного лингво-психологического словаря, в статье проводятся параллели с аналогичными зарубежными исследованиями.

Ключевые слова: восприятие, перцептивная модальность, ведущая модальность восприятия, полимодальность, мономодальность

Изучение языка не может осуществляться достаточно полно без обращения к «антропологическим, социологическим, психологическим проблемам» [1, с. 238], и в частности – когни-

тивным процессам. Особый интерес в этой области представляет исследование особенностей восприятия как текста, так и отдельных слов на уровне перцептивных модальностей.

На основе теории *embodied cognition* [2], теории *emotional cognition* [3], теории *perceptual symbol* [4], *indexical hypothesis* [5], теории симуляции зарубежными исследователями был проведен ряд экспериментов, изучающих особенности распределения модальностей восприятия языковых единиц. Особый интерес в этих экспериментах с точки зрения модального анализа представляют прилагательные, с помощью которых происходит стандартизированное указание на качество объекта; эта часть речи имеет «тесную связь с опытом взаимодействия со средой» [6, с. 15]. Соответственно, «этот класс демонстрирует более высокую модальную исключительность» [7, с. 2]. Однако изучению могут подлежать слова, принадлежащие и к иным частям речи, например, имена существительные.

Особо внимательно исследовались возможности «статистического лингвистического метода, основанного на частоте совпадения, для предсказания модальности слов» [8, с. 385]; «степень восприятия слова в каждой из пяти модальностей» [9, с. 3], «корреляции между каждой модальностью» [10, с. 6]. Формировались базы данных с информацией о средней оценке модальности слов, доминирующей модальности, максимальной силы восприятия, исключительность модальности [8]. Вычислялась сила энтропии для отслеживания изменчивости оценок восприятия [7]. Помимо самих перцептивных модальностей, исследовались «пять эффекторов действия (рот / горло, рука / кисть руки, ступня / нога, голова, исключая рот и горло / торс)» [11, с. 1273] и многие другие факторы, формирующие и описывающие перцептивное восприятие языковых единиц.

Исследования перцептивных модальностей слов проводились на базе многих языков: английского – 39707 слов, к стандартному набору модальностей добавлена interoцепция [11]; французского – 3596 существительных [12]; голландского – 27000 слов, к стандартному набору из пяти модальностей добавлена interoцепция [13]; итальянского – 1121 прилагательных [9]; испанского – 5500 слов [14]; китайского – 171 слово [10].

Результатом аналогичных отечественных исследований является лингво-психологический словарь «Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка» М. Г. Колбеновой и Ю. И. Александрова (далее – ЛПС), который содержит данные анализа перцептивных модальностей 7616 прилагательных русского языка [6].

Словарь «содержит данные о том, какой орган чувств (зрение, слух, обоняние, вкус, кожные ощущения) использует человек при восприятии

той характеристики, которая обозначена каждым из исследованных прилагательных, а также вызывает ли прилагательное положительные или отрицательные эмоции» [Там же, с. 8]. Кроме того, авторами словаря исследуется длительность эффекта переключения между модальностями; анализируется сходство процессов, отвечающих за восприятие и воображение.

Однако из-за специфики эксперимента (ввиду масштабности исследования было получено небольшое количество ответов – от 9 до 13 – на каждую из пяти модальностей у всех прилагательных), проведенного авторами словаря, представленные данные могут нуждаться в уточнении. Можно предположить, что при увеличении количества реакций информантов будет наблюдаться прогрессия явления полимодальности и, напротив, регрессия мономодальности. На основании небольшого количества реакций информантов сложно судить о мономодальности отдельных слов. Смысловые компоненты прилагательных имеют сложную структуру. Данный класс слов можно считать носителем категориального значения признака, связанного с ощущениями, который является «обобщенными статистическими характеристиками внешнего поведения» [15, с. 541]. Кроме того, предполагается более сложная организация модальной совместимости.

При выдвижении высказанной гипотезы для проведения адаптированного эксперимента, уточняющего данные ЛПС, нами была поставлена проблема отбора мономодальных прилагательных. Всего было сформировано 8 групп прилагательных (47 слов): 6 групп мономодальных прилагательных (зрительная, слуховая, вкусовая, обонятельная, тактильная модальности, а также двигательная модальность, которая не была представлена в ЛПС), 1 группа полимодальных прилагательных (с тремя ярко выраженными перцептивными модальностями), 1 группа прилагательных, не связанных с ощущениями. Отбор прилагательных состоял из нескольких этапов.

Этап первый. Авторы словаря выделили 5 модальностей восприятия (зрение, слух, обоняние, вкус, кожные ощущения). Проанализировав представленные в словаре прилагательные и данные о связях с типом ощущения, мы отобрали среди них те, которые наиболее ярко иллюстрируют проявление каждой из перечисленных выше модальностей восприятия. Так, например, прилагательное *алмазный* имеет следующие показатели: зрение 12 / 0, слух 1 / 11, обоняние 0 / 10, вкус 0 / 10, кожные ощущения 1 / 11 (первое число обозначает количество людей, которые от-

несли данное прилагательное к типу ощущений, указанному в названии столбца. Второе число указывает, сколько людей не отнесли прилагательное к данному типу ощущения). Соответственно, данная характеристика имеет исключительные показатели зрительной модальности [6, с. 144]. Таким образом, на первом этапе были отобраны прилагательные, представляющие следующие характеристики: зрительная модальность – 145 слов; слуховая модальность – 142 слова; вкусовая модальность – 17 слов; обонятельная модальность – 25 слов; тактильная модальность – 22 слова.

Этап второй. Из прилагательных, отобранных на первом этапе, были исключены все слова, у которых количество слогов было меньше 3 и больше 4. Таким образом, остались только прилагательные, содержащие 3-4 слога. Это было сделано для удобства восприятия информантами слов при прохождении опроса.

Этап третий. Из прилагательных, отобранных на втором этапе, были исключены все слова с приставками. Оставшиеся слова соответствуют схеме «корень + окончание» или «корень + суффикс + окончание». По нашему мнению, слова такой схемы наиболее понятны для быстрого восприятия и исключают возможность неправильного прочтения слова. Исключениями стали слова *засольный* и *наварный* (вкусовая модальность), так как прилагательных, воспринимаемых исключительно с помощью этой модальности, в ЛПС было представлено крайне мало.

Этап четвертый. Из прилагательных, отобранных на третьем этапе, были исключены слова, частотность употребления которых, по данным НКРЯ, составляет менее 100 вхождений. Исключениями стали слова *засольный* и *наварный* (вкусовая модальность) по той же причине, что и в пункте 3, а также слово *гундосый* (слуховая модальность).

Этап пятый. К пяти вышеперечисленным модальностям восприятия была добавлена еще одна – восприятие с помощью движений (моторика, или двигательная модальность). Несмотря на то, что прилагательные в основном используются для указания на качество объекта, в их семантике тем не менее может быть обнаружен двигательный аспект, который ранее в прилагательных русского языка не анализировался.

Этап шестой. Была сформирована группа слов, которые, по данным ЛПС, не связаны с ощущениями (не имеют ни одной перцептивной модальности). Прилагательные этой группы отбирались по аналогичным принципам (этап второй - четвертый).

Этап седьмой. Была сформирована группа прилагательных, которые имели, по данным словаря, 3 ярко выраженные модальности. Так, например, прилагательное *резиновый* имеет следующие показатели: зрение – 11/1; слух – 0 /11; обоняние – 9/2; вкус – 6/5; кожные ощущения – 10 / 11 [6, с. 275]. Ярко выражены три модальности: зрение, обоняние, кожные ощущения. Прилагательные этой группы отбирались по вышеперечисленным принципам (этап второй - четвертый).

Так как эксперимент, проведенный нами, несколько отличается от эксперимента, проведенного М. Г. Колбеновой и Ю. И. Александровым, то потребовалось частично изменить структуру опросника.

Эксперимент проводился с помощью онлайн-сервиса IKA [16].

Перед началом прохождения опроса информантам давалась инструкция: «Вам будет предложено ответить на вопросы, выбрав, с Вашей точки зрения, правильный ответ (или несколько ответов). Для перехода к следующему вопросу нажмите «Следующая страница». Пожалуйста, заполняйте внимательно, ничего не пропуская. Ответов на каждый вопрос может быть несколько. Не задумывайтесь долго над отдельными вопросами: обычно первый ответ, который приходит в голову, является наилучшим». После прочтения инструкции информантам было предложено указать возраст и пол.

Затем информантам по очереди предъявлялись прилагательные (47 слов) в алфавитном порядке. Вопрос к каждому прилагательному, на который необходимо было ответить информантам, звучал следующим образом: «Эту характеристику объекта я оцениваю...» Далее предлагались варианты ответа: «Зрительно», «На слух», «На вкус», «По запаху», «На ощупь», «С помощью движений», «Нет ощущений». Напротив выбранного варианта (вариантов) ставилась галочка. При предъявлении каждого следующего прилагательного на экране сохранялась фраза: «Возможно несколько вариантов ответов».

В исследовании приняли участие 99 женщин в возрасте от 16 до 65 лет и 22 мужчины в возрасте от 18 до 63 лет. Материал исследования представляют 121 анкета и 13843 реакции.

Обработка данных проводилась с помощью статистических методов, в том числе: статистическое наблюдение, группировка материалов статистического наблюдения, метод ранговой корреляции Спирмена, вычисление критерия *p*-значимости.

Полученные данные подтвердили гипотезу: при увеличении числа опрошенных наблюдается прогрессия полимодальности.

Исключительно мономодальными оказались всего 6 из 47 прилагательных: *басистый, визгливый, благовонный, изумрудный, нарядный, панорамный*. 97% информантов воспринимают характеристику «басистый» на слух, 100% – воспринимают характеристику «визгливый» на слух, 92% – воспринимают характеристику «благовонный» по запаху, 99% – воспринимают характеристику «изумрудный» зрительно, 99% – воспринимают характеристику «нарядный» зрительно, 96% – воспринимают характеристику «панорамный» зрительно.

Только вышеперечисленные 6 прилагательных являются мономодальными, хотя, по данным словаря М. Г. Колбеновой и Ю. И. Александрова, таких прилагательных в нашем списке было 29.

Характеристики с предполагаемым отсутствием модальностей оказались полимодальными, однако модальности, за исключением зрительной, выражены слабо. У всех слов данной группы наиболее ярко выражена зрительная модальность восприятия (от 32% до 63%); исключение составляет характеристика «философский», которая была воспринята 44% информантов с помощью слуховой модальности (см. рис. 1).

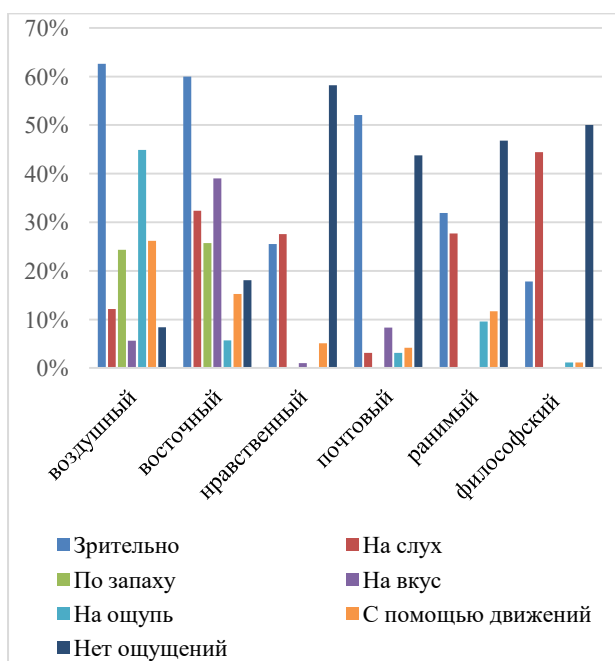

Рисунок 1. Распределение модальностей группы «не связанные с ощущениями»

Близкие значения были получены у полимодальных прилагательных *абрикосовый, жареный, мороженный, овощной, резиновый*. Однако

модальности этих прилагательных в большинстве случаев не ярко выражены (колеблются в диапазоне от 50% до 81%). Всего одно слово из этой группы было воспринято информантами с помощью набора модальностей, отличающегося от данных ЛПС. Так, характеристика «бамбуковый» имеет две относительно ярко выраженные модальности – восприятие зрительное и восприятие на ощупь (на эти модальности указали 73% и 62% информантов соответственно), в то время как в ЛПС данное прилагательное имеет следующие три модальности восприятия: зрительно, на ощупь, по запаху.

Была проанализирована ведущая модальность восприятия у 115 информантов. Зрительная ведущая модальность выявлена у 99 информантов, слуховая ведущая модальность – у 5 информантов; тактильная ведущая модальность – у 3 информантов; двигательная ведущая модальность – у 2 информантов, несмотря на то, что специфика семантики прилагательных не предполагает при восприятии наличие двигательной модальности восприятия; обонятельная ведущая модальность – у 1 информанта; вкусовая ведущая модальность – у 1 информанта.

На основании полученных данных можно сделать вывод, что в основном преобладают люди с ведущей зрительной модальностью восприятия качеств / свойств, представленных прилагательными. Аналогичные результаты были получены и при исследованиях на основе других языков [7], [8].

Следует отметить, что было выявлено 4 информанта (3% опрошенных), у которых не выявлена ведущая модальность восприятия (то есть имелось несколько одинаково выраженных перцептивных модальностей).

Была проанализирована корреляционная зависимость между всеми исследованными перцептивными модальностями (см. табл. 1). Подтвердился один аспект ожидаемой корреляционной зависимости. Максимальная положительная корреляционная зависимость наблюдается между вкусовой и обонятельной модальностями (0,45). Кроме того, на вкусовую и обонятельную модальности восприятия было получено практически равное общее число реакций (1818 и 1843 реакции соответственно). Это может объясняться тем, что центры обонятельного и вкусового анализаторов функционально связаны и расположены в одних и тех же структурах головного мозга. Более того, «средство повышения надежности действия органов чувств – парность некоторых анализаторов» [17, с. 25]. Следует отметить, что это единственная пара перцептивных модальностей, обладающая высоким положительным зна-

чением корреляции. Все остальные перцептивные модальности или находятся друг с другом в отрицательной корреляционной зависимости, то есть взаимоисключают друг друга, или имеют значение корреляционной зависимости, близкое к нулю. И хотя все модальности восприятия принято рассматривать в рамках единой перцептивной системы как общей системы репрезентации [4], полученные данные указывают не только на уникальность каждой перцептивной модальности, но и на их самостоятельность и обособленность в рамках перцептивной системы.

Таблица 1.
Корреляционная зависимость перцептивных модальностей

	Зритель-но	На слух	На вкус	По запаху	На ощупь	С помощью движений
Зритель-но						
На слух	-0,36					
На вкус	-0,12	-0,27				
По запаху	-0,24	-0,25	0,45			
На ощупь	0,17	-0,27	-0,17	-0,20		
С помощью движений	0,15	-0,05	-0,36	-0,38	0,08	
Нет ощущений	-0,30	0,04	-0,15	-0,05	-0,32	-0,18

Предполагалось, что зрительная и слуховая модальности должны находиться в отношениях положительной корреляции. Известно, что эти две модальности восприятия могут находиться в отношениях синестезии. Один из наиболее ярких примеров иллюстрации синестезии – «цветной слух»; некоторые поэты (например, А. Рембо, А. Белый) приписывали звукам речи цветовую окраску. «Свойство звуков порождать новые образы известно давно» [17, с. 181]. Однако данные нашего эксперимента показали, что эти две модальности восприятия являются взаимоисключающими, то есть находятся в противофазе. Между ними обнаружена довольно значимая отрицательная корреляционная зависимость (-0,36). Это можно объяснить тем, что зрительные и слуховые стимулы, будучи одними из основных (первичных) каналов связи человека с окружающей средой, обрабатываются в далеко отстоящих друг от друга зонах головного мозга. Также можно предположить, что при восприятии при-

лагательных синестезии зрительного и слухового восприятия не наблюдалось. Впрочем, аналогичные результаты были получены и на базе исследований перцептивного восприятия слов английского языка [11], а также французского языка, где «между оценками зрительного и слухового восприятия... наблюдалась значимая отрицательная корреляция, $r(3,596) = -0,61, p < 0,001$ » [12, с. 2098].

Двигательная модальность находится в отрицательной корреляционной зависимости со вкусовой (-0,36) и обонятельной (-0,38) модальностями. С другими модальностями движение находится в незначительной корреляционной зависимости. Предполагалось, что двигательная модальность и модальность кожных ощущений, будучи взаимосвязанными аспектами моторики, могут иметь положительную корреляцию, но данное предположение не подтвердилось.

Полученные результаты для всех прилагательных проверялись на соответствие р-уровню значимости. Была отобрана группа характеристик, которая регулярно оценивалась информантами единообразно. Таких прилагательных оказалось 27 из 47 (см. таблица 2).

Таблица 2.
Список прилагательных с критерием р-значимости <0,001

Модальность восприятия	Прилагательные
Зрение	Нарядный
	Пунктирный
	Алмазный
	Золотой
	Изумрудный
	Панорамный
Запах	Благовонный
	Озоновый
	Газовый
	Химический
	Эфирный
	Токсичный
Кожные ощущения	Шершавый
	Тепловой
Слух	Басистый
	Визгливый
	Джазовый
	Ритмичный
	Поэтичный
	Гундосый
Вкус	Приторный
	Горчайший
	Питьевой
	Засольный
Нет ощущений	Нравственный
Полимодальность	Резиновый
Движение	Неуклюжий

Это было сделано по той причине, что на основе непосредственного анализа реакций информантов невозможно оценить уровень единообразности оценивания характеристик. Даже если легко определяется основная модальность (модальности) восприятия слова, набор реакций у каждого информанта может отличаться, что в сумме дает низкий уровень *p*-значимости. При этом установлено, что чем больше характеристики стремятся к мономодальности, тем меньше *p*-значение и, соответственно, более высокий уровень достоверности образа оценивания характеристики с помощью того или иного набора модальностей восприятия. Этот список прилагательных будет использоваться для дальнейшего исследования перцептивных модальностей в рамках нейрокогнитивных процессов с помощью электроэнцефалографии (ЭЭГ).

Результаты, полученные нами, позволяют утверждать, что восприятие слов с помощью перцептивных модальностей есть сложный и, в частности, противоречивый процесс, нуждающийся в исследовании как с помощью традиционных (психолингвистических опросных методик), так и данных объективного наблюдения, получаемых с помощью обращения к нейрокогнитивным методам.

Список источников

1. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
2. Varela F. J., Thompson E., Rosch E. *The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience*. Cambridge, MA: The MIT Press. 1991. 308 p.
3. Thagard P., Aubie B. Emotional consciousness: A neural model of how cognitive appraisal and somatic perception interact to produce qualitative experience // *Consciousness and Cognition: An International Journal*. 2008, № 17(3), pp. 811–834.
4. Barsalou L. W., Perceptual symbol systems // *Behavioral and brain sciences*. 1999, № 22, pp. 577–660.
5. Glenberg A. M., Robertson D. A. Indexical understanding of instructions // *Discourse Processes*. 1991, № 28(1), pp. 1–26.
6. Колбенева М. Г., Александров Ю. И. Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка: лингво-психологический словарь. Ин-т психологии РАН. М.: Языки славянских культур, 2010. 368 с.
7. Morucci P., Bottini R., Crepaldi D. Augmented Modality Exclusivity Norms for Concrete and Abstract Italian Property Words // *Journal of Cognition*. 2019, № 2(1), 42, pp. 1–14.
8. Lynott D., Connell L. Modality exclusivity norms for 423 object properties // *Behavior Research Methods*. 2009, № 41, pp. 558–564.
9. Vergallito M., Petilli A., Marelli M. Perceptual modality norms for 1,121 Italian words: A comparison with concreteness and imageability scores and an analysis

of their impact in word processing tasks // *Behavior Research Methods*. 2020, № 52, 41 p.

10. Chen I. H., Zhao Q., Long Y. et al. Mandarin Chinese modality exclusivity norms // *Plos one*. 2019, № 14(2), pp. 1–18.

11. Lynott D., Connell L., Brysbaert M. et al. The Lancaster Sensorimotor Norms: multidimensional measures of perceptual and action strength for 40,000 English words // *Behavior Research Methods*. 2020, № 52, pp. 1271–1291.

12. Chedid G., Brambati S. M., Bedetti C. et al. Visual and auditory perceptual strength norms for 3,596 French nouns and their relationship with other psycholinguistic variables // *Behavior Research Methods*. 2019. № 51, pp. 2094–2105.

13. Speed L. J., Brybaert M. Dutch sensory modality norms // *Behavior Research Methods*. 2021. URL: <https://link.springer.com/article/10.3758/s13428-021-01656-9> (дата обращения: 03.11.2021).

14. Diez-Alamo M. A., Diez E., Wojcik D. Z. et al. Sensory experience ratings for 5,500 Spanish words // *Behavior Research Methods*. 2018, № 51 (3), pp. 1205–1215.

15. Швырков В. Б. Психофизиология поведения и эмоции // Мат-лы международной Советско-Американской Павловской конференции, посвященной П. К. Анохину «Эмоции и поведение: системный подход». М., 1984. С. 317–319.

16. Онлайн-сервис IKA. URL: <https://www.ika.si/> (дата обращения: 04.04.2021).

17. Костевич А. Г. Зрительно-слуховое восприятие аудиовизуальных программ: учебное пособие. Томск: Томский межвузовский центр дистанционного образования, 2006. 230 с.

References

1. Sepir, E. (1993). *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii* [Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality]. 656 p. Moscow, Progress. (In Russian)
2. Varela, F. J., Thompson, E., Rosch, E. (1991). *The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience*. 308 p. Cambridge, MA. The MIT Press. (In English)
3. Thagard, P., Aubie, B. (2008). *Emotional Consciousness: A Neural Model of How Cognitive Appraisal and Somatic Perception Interact to Produce Qualitative Experience*. *Consciousness and Cognition: An International Journal*. No. 17(3), pp. 811–834. (In English)
4. Barsalou, L. W. (1999). *Perceptual Symbol Systems*. *Behavioral and brain sciences*. No. 22, pp. 577–660. (In English)
5. Glenberg, A. M., Robertson, D. A. (1991). *Indexical Understanding of Instructions*. *Discourse Processes*. No. 28(1), pp. 1–26. (In English)
6. Kolbeneva, M. G., Aleksandrov, Yu. I. (2010). *Organy chuvstv, ehmosii i prilagatel'nye russkogo yazyka: lingvo-psikhologicheskii slovar'* [Sensory Organs, Emotions and Adjectives of the Russian Language: A Linguo-Psychological Dictionary]. In-t psikhologii RAN. 368 p. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russian)

7. Morucci, P., Bottini, R., Crepaldi, D. (2019). *Augmented Modality Exclusivity Norms for Concrete and Abstract Italian Property Words*. Journal of Cognition. No. 2(1), 42, pp. 1–14. (In English)
8. Lynott, D., Connell, L. (2009). *Modality Exclusivity Norms for 423 Object Properties*. Behavior Research Methods. No. 41, pp. 558–564. (In English)
9. Vergallito, M., Petilli, A., Marelli, M. (2020). *Perceptual Modality Norms for 1, 121 Italian Words*. A comparison with concreteness and imageability scores and an analysis of their impact in word processing tasks. Behavior Research Methods. No. 52, 41 p. (In English)
10. Chen, I. H., Zhao, Q., Long, Y. et al. (2019). *Mandarin Chinese Modality Exclusivity Norms*. Plos one. No. 14(2), pp. 1–18. (In English)
11. Lynott, D., Connell, L., Brysbaert, M. et al. (2020). *The Lancaster Sensorimotor Norms: Multidimensional Measures of Perceptual and Action Strength for 40,000 English Words*. Behavior Research Methods. No. 52, pp. 1271–1291. (In English)
12. Chedid, G., Brambati, S. M., Bedetti, C. et al. (2019). *Visual and Auditory Perceptual Strength Norms for 3,596 French Nouns and Their Relationship with Other Psycholinguistic Variables*. Behavior Research Methods. No. 51, pp. 2094–2105. (In English)
13. Speed, L. J., Brybaert, M. (2021). *Dutch Sensory Modality Norms*. Behavior Research Methods. URL: <https://link.springer.com/article/10.3758/s13428-021-01656-9> (accessed: 03.11.2021). (In English)
14. Diez-Alamo, M. A., Diez, E., Wojcik, D. Z. et al. (2018). *Sensory Experience Ratings for 5,500 Spanish Words*. Behavior Research Methods. No. 51 (3), pp. 1205–1215. (In English)
15. Shvyrkov, V. B. (1984). *Psikhofiziologiya povedeniya i emotsii* [Psychophysiology of Behavior and Emotions]. Mat-ly mezhdunarodnoi Sovetskio-Amerikanskoi Pavlovskoi konferentsii, posvyashchennoi P. K. Anokhinu “Ehmotsii i povedenie: sistemnyi podkhozD”. Moscow, pp. 317–319. (In Russian)
16. *Onlain-servis IKA* [Online-service]. URL: <https://www.ika.si/> (accessed: 04.04.2021). (In Russian)
17. Kostevich, A. G. (2006). *Zritel'no-sluukhovie vospriyatie audiovizual'nykh programm: uchebnoe posobie* [Visual-Auditory Perception of Audiovisual Programs: A Tutorial]. 230 p. Tomsk. Tomskii mezhvuzovskii tsentr distantsionnogo obrazovaniya. (In Russian)

The article was submitted on 27.12.2021

Поступила в редакцию 27.12.2021

Гусева Ольга Андреевна,
студентка,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Россия, Пермь,
Букирева, 15.
gusevafsb@yandex.ru

Guseva Olga Andreevna,
student,
Perm State National Research University,
15 Bukireva Str.,
Perm, 614990, Russian Federation.
gusevafsb@yandex.ru

АВТОСТЕРЕОТИПЫ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРЫ КАК СПОСОБ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

© Юлия Данилова, Лариса Бубекова, Эльмира Ибрагимова

AUTOSTEREOTYPES OF BEARERS OF RUSSIAN ETHNOLINGUOCULTURE AS A WAY OF SELF-IDENTIFICATION

Juliya Danilova, Larisa Bubekova, Elmira Ibragimova

The article considers the phenomenon of a mental stereotype as a cognitive category which determines the specifics of the people's value orientations, their worldview and self-identity. Via contextual analysis, we attempted to identify Russian ethno-linguistic culture bearers' autostereotypes, which are formed as a result of the nation's cognitive experience formed in the process of perception and conceptualization of its socio-historical and cultural past and present reality. The study is based on Russian jokes about the Russians. We used a continuous sampling method to find the material in the open-access Internet sources and selected 240 texts with key autostereotypes.

Subsequent systematization made it possible to subsume the empirical material into four groups: images of the personages from Russian folklore (29.6%), political figures (22.1%), typical representatives of the Russian ethnos (20%) and stereotypical features inherent in the Russian people (28.3%). The contextual analysis of the linguistic means, representing stereotypical images of the Russian ethnos representatives (their mentality and speech-behavioral models), is based on the thesaurus of the "Russian Associative Dictionary" and other sources. This approach allowed us to identify the associative background of the ethnonym and its associative stereotypical nominations transmitted by Russian jokes in the linguistic consciousness of modern bearers of Russian linguoculture. Statistical data and the associative background allowed us to determine the "unique code" of the Russian person, comprising both positive and negative traits.

In general, the process of stereotype formation is based on the assimilation of the informational component of social representations determined by extralinguistic factors, with its subsequent verbalization as a result of the established structure of value orientations in the text of the Russian joke through a variety of linguistic units, means and methods. In this sense, ethnic autostereotypes are a kind of view "from the inside", with the resulting self-assessment and identification of their ethno-linguistic and cultural code, whereas the Russian joke is a translator of characteristic themes, ideas and images, the ethno-sociocultural nature and essence of the people.

Keywords: Russian, autostereotypes, ethnolinguoculture, national code, mentality, Russian joke, associations.

Объектом исследования в статье становится феномен ментального стереотипа как когнитивной категории, обуславливающей специфику ценностной ориентации народа, его картины мира, самоидентификации. Посредством контекстуального анализа предпринята попытка выявить автостереотипы носителей русской этнолингвокультуры, складывающиеся как результат когнитивного опыта нации, формируемого в процессе восприятия и концептуализации своего социально-исторического, культурного прошлого и реальной действительности. Материалом для исследования послужили русскоязычные анекдоты про русских, поиск которых осуществлялся методом сплошной выборки в открытых интернет-источниках: всего было отобрано 240 текстов (из 800), где ключевыми стали автостереотипы как своеобразные коды русской этнолингвокультуры.

Последующая систематизация позволила дифференцировать эмпирический материал на четыре группы: образы героев русского фольклора (29,6%), политические деятели (22,1%), типичные представители русского этноса (20%), стереотипные черты, присущие русскому народу (28,3%). Контекстуальный анализ языковых средств, репрезентирующих стереотипные образы представителей русского этноса с точки зрения специфики их ментальности и речеповеденческих моделей, осуществлялся с опорой на тезаурус «Русского ассоциативного словаря» и другие источники. Такой подход позволил выявить ассоциативный фон этнонима и связанных с ним стереотипных номинаций, транслируемых анекдотами, в языковом сознании современных носителей русской лингвокультуры. Статистические данные и ассоциативный фон позволили определить «уникаль-

ный код» русского человека, в котором причудливым образом переплетаются и положительные, и отрицательные черты.

В целом процесс формирования стереотипов основан на усвоении информационной составляющей общественных представлений, обусловленных экстралингвистическими факторами, с последующей ее вербализацией как результата сложившейся структуры ценностных ориентаций в тексте анекдота посредством разнообразных языковых единиц, средств и способов. В этом смысле этнические автостереотипы – своеобразный взгляд «изнутри», с вытекающими самооценкой и идентификацией своего этнолингвокультурного кода, тогда как анекдот – транслятор характерных тем, идей и образов, этносоциокультурной природы и сущности народа.

Ключевые слова: русский, автостереотипы, этнолингвокультура, национальный код, менталитет, анекдот, ассоциации.

В современном языкознании мысль о тесной взаимосвязи и взаимообусловленности таких понятий, как «ментальные стереотипы», «менталитет и / или ментальность», «народное сознание и / или этноменталитет», «картина / модель мира», «культурные коды и / или код нации», «концепты», «идеологемы» и т. п., стала константой и находит подтверждение в самых разных по объему и содержанию исследованиях. Особенно значимыми в рамках данной статьи можно назвать труды Н. И. и С. М. Толстых [1], В. В. Колесова и М. В. Пименовой [2], И. А. Стернина [3], В. И. Карасика [4], В. Н. Телии [5]. Ментальные стереотипы находят преломление в анекдоте, где отображается действительность социальной общности народа (традиции, быт, исторический опыт народа и т. д.), ярко проявляются стереотипное поведение и речевая культура представителей разных этносов. Исследований, посвященных вопросам объективации этнических стереотипов в анекдотическом дискурсе, также достаточно много [6], [7], [8], [9]. Систематизацию предшествующего научного опыта мы намеренно опустим и отметим, что высокая степень исследовательского интереса свидетельствует об актуальности обозначенной темы и целесообразности разных аспектов ее рассмотрения и описания.

В рамках данного исследования, целью которого стала попытка выявить и описать этнолингвокультурные стереотипы в русскоязычных анекдотах, формируемые посредством разноуровневых языковых единиц и ментальных представлений в сознании человека, были выбраны методы сплошной выборки и статистической обработки эмпирического материала. В общей сложности было просмотрено свыше 800 анекдотов (на сайтах «Анекдоты.ру», «AnekBook.ru», «Позитивно обо всем», «Время СССР», «АнекдотовСтрит», «Все анекдоты»), фильтрация которых позволила отобрать 342 анекдота, где главными персонажами стали представители русской этнолингвокультуры.

Этнические стереотипы закреплены в обобщенных представлениях о моральном, интеллек-

туальном, культурном и физическом облике субъектов того или иного этноса и передают, как правило, обыденную картину мира о собственном и чужом народах, поэтому они не только подытоживают определенные сведения, но и выражают оценку (в широком смысле) стереотипных речеповеденческих моделей представителей различных этнических групп и собственной, в частности. Например, стереотипное поведение русских и англичан актуализируется в контексте этнического русскоязычного анекдота, приведенного в книге Е. Я. Шмелевой и А. Д. Шмелева «Русский анекдот»:

В результате кораблекрушения на одном острове спаслись трое англичан (двое мужчин и одна женщина), а на другом острове трое русских – двое мужчин и одна женщина. Через год их обнаружил корабль, и вот что увидели моряки. На английском острове в разных его концах было построено три дома. В них сидели очень мрачные и молчаливые англичане, которые за этот год так и не познакомились, потому что их некому было друг другу представить. На другом острове домов не было, а у костра сидели двое русских мужчин и пили водку. Когда их спросили, кто они, они ответили, что один из них председатель колхоза, а другой – секретарь парткома. А на вопрос, где же женщина, они ответили: «Народ в поле» [8, с. 80–81].

Очевидно, что в данном анекдоте высмеивается английское высокомерие, сдержанность и формализм в соблюдении этикета (гетеростереотипы). Русские же в соответствии со сложившимся национальным менталитетом представлены как любители выпить в компании, основными характеристиками которых становятся лень, праздность, инфантильность, готовность всю работу «свалить» на женщин, социальная роль которых как набор ожидаемых образцов поведения (норм) традиционно определяется как хозяйка дома, хранительница очага, что подтверждается данными (реакциями респондентов типа «дом / дома / по дому», «хозяйка», «большого дома», «на кухне», «домовитая» и т. п.), зафиксированными в «Русском ассоциативном словаре» (далее – РАС) [10]. Однако здесь очевидной становится

лингвокогнитивная трансформация: наложение номинаций «женщина» и «народ» (в ЛСВ-3 «основная трудовая масса населения страны» [11, с. 391]) за счет коннотаций и потенциальных сем. Такие смысловые параллели обнаруживаются в сознании носителей современного русского языка: прямой и обратный поиск лексем (стимулов и реакций) *женщина, народ, работа, труд* позволил обнаружить следующие номинации: «работяга», «с сумками», «поле / в поле», «трудолюбивая», «на земле», «народа», «рабочий», «целина», «возделывать», «женщина», «о колхозах», «огород», «работать», «повседневный», «сельскохозяйственный», «физический» и т. п. [10]. Экстралингвистические (исторические события, политический контекст, экономическая ситуация) и собственно лингвистические (парадигматические и синтагматические отношения представленных языковых единиц) факторы одновременно обуславливают лингвокогнитивное взаимодействие и объясняют точки пересечения их планов содержания и, следовательно, смех как реакцию на заключение: *А на вопрос, где же женщина, они ответили: «Народ в поле»* [8, с. 81].

Отметим, что наибольшая часть отобранных анекдотов направлена на раскрытие автостереотипного образа, это подтверждается статистическими данными: если принимать условное число 342 за 100%, то 240 анекдотов, в которых актуализированы автостереотипы, составляет примерно 70,2% от общего количества эмпирического материала, в 102 анекдотах встретились гетеростереотипы (про англичан, евреев, татар, др.) – примерно 29,8%. В рамках данной статьи в качестве материала для исследования были выбраны тексты анекдотов, в структуре которых вербализованы автостереотипы как своеобразные коды русской этнолингвокультуры (240 = 100%).

Этнические стереотипы, зафиксированные в текстах анекдотов, в обыденном человеческом сознании не только суммируют определенные сведения и выражают эмоциональное отношение к субъекту, но и воплощаются в стереотипные образы. Предварительная обработка и систематизация эмпирического материала позволили выявить автостереотипные образы носителей русской этнолингвокультуры, их характерные черты, отличительные признаки, речеповеденческие модели и т. п., в результате чего сгруппировать их на основе выявленных закономерностей.

В первую группу (71 анекдот = 29,6%) вошли образы героев устного народного творчества, популярность которых можно объяснить тем, что именно фольклор (по природе своей) во многом позволяет глубже других источников проникнуть

в духовный мир народа, в мир его образов и представлений. И здесь большое значение имеет вскрытие глубинной семантики слов, внутреннего смысла, которые связаны с тем или иным предметом, явлением и т. д. Традиционными образами русских анекдотов являются богатыри, Баба-Яга, леший, Иван-дурак (Иван Царевич), Змей Горыныч, колобок, лиса, заяц, др. Примером может послужить следующий анекдот:

Встретились два друга. Один и спрашивает: «Как работаете?». «Как в лесу! Что ни начальник – дуб, что ни подчиненный – пень, что ни бумага – липа». «А как живешь?». «Как в сказке! Дома теща – Баба-Яга, жена – ведьма, соседка – Царевна-Лягушка, а ее муж – Иванушка-дурачок» [12].

Здесь очевидной становится лингвокогнитивная аналогия: образы тещи, жены, соседки и ее мужа сравниваются с традиционными сказочными персонажами, которые по природе своей прецедентны и вызывают в сознании человека широкий круг стереотипных речеповеденческих ассоциаций и представлений, заложенный в детстве при прочтении сказок. Так, образ Бабы-Яги относится к женским мифологическим персонажам и широко представлен в русских волшебных сказках, ассоциируется, как правило, со злой старой колдуньей, у которой длинный нос и растрепанные волосы. Она наделена магической силой, питается человечины и всячески пытается погубить человека (более подробно см.: [13, с. 614]). Данные качества утрируются и переносятся в анекдотах на образ тещи. В контексте анекдотов с помощью обыгрывания социально-бытовых ситуаций в русской культуре раскрываются взаимоотношения в семье между тещей и зятем, которые недолюбливают друг друга. Подтверждение этому можно найти в паремиологическом фонде русского языка: *Теща в дом – черт в дом; Теща в дом – дом кверху дном; Нет черта в доме – прими зятя* [14, с. 314]. Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что положительные оценка, категоризация представлены в достаточном количестве: *Зять да сват у тещи – лучшие гости; Говорят, что теща – это ад, а теща – это клад* [Там же].

Образы жены и соседки (как вариант – любовницы) в русскоязычных анекдотах отрицательно и положительно маркированы. Жена в анекдоте – дочь Бабы-Яги (тещи), поэтому образ ведьмы также здесь не случайно представлен. Традиционно считается, что ведьма – существо, наделенное магической силой: «один из главных персонажей низшей мифологии восточных и западных славян; сочетает черты реальной женщины и демона» [13, с. 297]; оборотничество счита-

ется «одним из основных свойств» [Там же]. В народе ведьм боятся и приписывают им немало злых поступков. Однако в анекдоте актуализируются не столько архетипичные черты фольклорного образа, сколько закрепленное в общественной дискурсивной практике метафорическое значение лексемы *ведьма* с семантической и стилистической маркировкой: (ЛСВ-2) *перен.* Злая, сварливая женщина (прост.) [11, с. 71].

Соседка сравнивается с Царевной-Лягушкой. Это один из любимых персонажей волшебной сказки: наделена мудростью, красотой, умом, трудолюбием и добротой. В сказке она превращается из лягушки в красную девицу, впоследствии становится хорошей женой. Проанализировав эти два образа, можно отметить, что в русских анекдотах образ жены представлен в виде некрасивой, сварливой, вечно недовольной бабы. Неудивительно, что в результате опостылой жизни с такой женой появляется в русских анекдотах девушка-красавица в образе Царевны-Лягушки. Однако такое сравнение не лишено намеренной гиперболизации автором анекдота с целью усилить концептуальное противопоставление этих женских образов.

Последний персонаж, названный Иванушкой-дурачком, – муж соседки. В этом случае смысловой акцент приходится на приложение *дурачок* (ЛСВ-1: разг. см. дурак («глупый человек, глупец»)) [11, с. 182] и поддерживается сказочным архетипичным образом с набором стереотипных характеристик героя: в русских сказках Иванушка-дурачок доверчив, бесхитростен, порою ленив и на первый взгляд как будто глуповат; тем не менее из всех испытаний Иванушка выходит победителем; в конце он обычно удачно женится и получает полцарства в придачу. В представленном анекдоте как раз обыгрывается ситуация счастливицы, у которого добрая, красивая и мудрая жена, на зависть соседу (ср.: *Запретный плод сладок; В чужую жену чёрт ложку мёду кладёт; Чужая жена – лебедушка, своя – полынь горькая* [14, с. 312]). Здесь мы намеренно опустим комментарий на тему любовного треугольника, поскольку она неочевидна в данном контексте, хотя вероятность ее велика, поскольку этот вопрос является одним из самых актуальных поводов для шутки, иронии, анекдота.

Историко-политическая и социально-экономическая составляющие российской действительности также нашли отражение в прецедентных ситуациях анекдота. На примерах анализа политических анекдотов обозначим характерные черты политических лидеров (характер, речеповеденческая модель, образ действий, исторические события), оказавших влияние на формиро-

вание представлений о национально-культурном менталитете русского человека. Из истории известно, что в революционный период и в годы СССР в печати преобладала жесткая цензура. Политический анекдот, являясь устным жанром, развивался вне рамок цензуры. Первые лица государства контролировать его не могли, поэтому он процветал все семьдесят с лишним лет советской власти и продолжает быть актуальным и сегодня. В силу всеобщей известности глава государства находится в центре повышенного внимания, нередко являясь субъектом шуток и острот. «Бороться» с ним довольно рискованно, но именно эта деталь и вносит в политический анекдот «перчинку». Таким образом, складывается вторая группа стереотипных образов в текстах анекдота – политические деятели (53 анекдота = 22,1%). До сих пор встречаются имена В. И. Ленина, И. В. Сталина, Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева, М. С. Горбачева, Б. Н. Ельцина, как правило, в анекдотах старшего поколения, и даже в этом случае ощущается их «остаточность». Можно их образно назвать «историзмами», поскольку реалии, историко-политический и социально-экономический контекст, в которых протекала жизнедеятельность данных политиков, не актуальны для современного российского лингвосоциума. Например, анекдот про Ленина (годы правления: 1917–1924), создателя Российской социал-демократической рабочей партии большевиков: *Горький спрашивает у Ленина: «Владимир Ильич, где костюмчик брали?»* – (жест, отворачивающий борт пиджака и показывающий «лэйбл») *«В Швейцарии, батенька, в Швейцарии»* [8, с. 91–92]. В данном контексте воспроизводится речеповеденческая модель Владимира Ильича, в качестве маркеров выступают его картавость, обращение «батенька», а также своеобразные жесты: закладывание руки за борт пиджака и ее вытягивание вперед в процессе коммуникативного акта. Однако «соль» воспроизведенной ситуации составляют противоречия громких патриотических постулатов большевиков и место приобретения заграничного «костюмчика». В анекдотах с участием Н. И. Хрущева (годы правления: 1955–1964) чаще всего проскальзывает запущенность сельского хозяйства и его попытки культивировать кукурузу, поэтому в народе его прозвали «кукурузником»: *Как изменил Хрущев ленинскую формулу коммунизма? «Коммунизм – это советская власть плюс кукурузация всей страны»* [15]. Очевидно, что кульминацией с точки зрения лингвокогнитивного содержания становится окказионализм *кукурузация*. Данная лингвокогнитивная параллель остается стереотипной и актуальной в со-

временном социуме. Список реакций в РАС на стимул «Хрущев» возглавляет «кукуруза» (19 из 101, то есть это 1 / 5 всех ассоциаций), тогда как обратный поиск дал более высокий процент: всего 4 стимула, вызвавших реакцию «Хрущев», в частности, «кукуруза» – 10, «застой» – 2, «гопак» – 1, «Сталин» – 1. Из них на «кукурузу» приходится 10 из 14 – это 71,4%, то есть практически 3 / 4 всех реакций [10]. Образ И. В. Сталина до сих пор остается в «активе»: сегодня в интернет-дискурсе можно найти большое количество мемов, демотиваторов, где ключевым становится образ этого политика (например, на блог-платформе «Живой журнал» [16]). Как правило, при упоминании о нем в сознании человека сразу возникает образ жестокого диктатора (см. данные РАС: «деспот», «диктатор», «культ личности», «репрессии», «тиран», «враг народа», «гад», «геноцид», «горе», «диктатура», «дьявол», «злой», «лагерь», «маньяк», «расстрел», «страшно», «террор», «фашист» и т. п. [10]), что находит отражение в анекдотах. Примером может послужить следующий текст:

Сталин звонит Берии и говорит: «Паслушай, Лаврентий! У меня пропала трубка, которую я сабственноручно изготовил в Туруханской ссылке». Через час Берия докладывает Сталину: «По делу о пропаже трубки арестованы 315 человек. 217 уже признались, с остальными ведется работа». «Харашо, прадалжайте работу, трубка, правда, уже нашлась, но это нэважно» [8, с. 92].

Для Сталина характерны, в первую очередь, неторопливая речь и сильный грузинский акцент; он всегда носил френч (мундир), кожаные сапоги и курил трубку. Но очевидно, что не речеповеденческая модель и привычки становятся поводом для иронии, а исторический контекст: страх людей перед сталинским тоталитарным режимом, ужасающий масштаб репрессий, количество жертв которых возводит его в ранг самого жестокого и беспощадного правителя страны (в годы его правления миллионы людей были расстреляны или приговорены к тюремному заключению по политическим статьям).

Конечно, политические лидеры современной России не остаются без внимания: в анекдотах встречаются образы В. В. Жириновского, А. Б. Чубайса, Г. А. Зюганова, Д. А. Медведева, В. В. Путина, чьи имена не требуют представления в силу их лидирующих позиций в политической и социально-экономической жизни страны. Одним из самых интересных приемов становится «лингвокогнитивная трансформация» Вовочки: происходит это за счет наложения стереотипного (ранее известного) персонажа русских анекдотов

на имя реально действующего политика. Такой стратегический ход возможен в силу одноименности «участников» анекдотической ситуации: *Захотел Вовочка стать президентом России – и стал* [8, с. 94]. Такой неожиданный поворот, конечно, вызывает смех в аудитории. Еще пример: *Когда Вовочка был маленьким, он каждый день что-то записывал в свой «Дневник наблюдений за товарищами». Когда он подрос, это ему очень пригодилось* [Там же]. В приведенных анекдотах обыгрываются биографические факты В. В. Путина, который впервые был избран в президенты РФ в 2000 г. Также известно, что он начал свою карьеру с работы в Комитете государственной безопасности.

Если рассматривать непосредственно ситуации про Вовочку, то следует заметить, что это единственный персонаж русского анекдота, который имеет имя, однако история его появления доподлинно неизвестна. Поскольку анекдот отражает все значимые стороны человеческого бытия, можно выделить третью группу стереотипных образов, которую составляют типичные представители русского этноса (48 анекдотов = 20%): Вовочка, блондинка, полицейский (гаишник / милиционер), новый русский (нувориш).

Психотип анекдотического Вовочки можно определить следующим образом: веселый школьник-хулиган, который пропускает уроки, плохо учится, но при этом он достаточно остроумен, отличается чрезвычайной образованностью в вопросах «взрослой» жизни, всегда проявляет смекалку, находит выход из любой сложившейся ситуации. Как правило, наряду с ним в анекдотах встречаются такие персонажи, как директор школы, учительница (Марья Ивановна), одноклассники и др. Причем следует отметить, что если в анекдоте обыгрывается ситуация с участием Вовочки и Марьи Ивановны, то почти всегда создается ситуация конфронтации: противостояние ума и глупости (часто как проявление лени, халатного отношения к учебному процессу), образца примерного поведения и озорства и т. д.:

В классе заболела учительница. Вовочке поручили навестить ее. На следующий день Вовочка входит в класс и объявляет: «Положение безнадежное! Марь Ванна завтра придет в школу!» [17].

Отношение к стражам порядка у носителей русской культуры резко отрицательное: по данным РАС, самыми частотными реакциями являются *мент* (19), *мусор* (9), *козел* (3), одиночными – *беззаконие*, *бестолковый*, *гад*, *глупость*, *грубость*, *злой*, *идиот*, *лучше не встречаться*, *неправ*, *плохой*, *тупость* [10]). Поэтому вполне ло-

гично, что в зеркале анекдота они отличаются коррумпированностью и недалекостью:

Едет машина с пассажирами. Вдруг водитель говорит всем: «Пристегните ремни, за тем поворотом гаишник любит стоять». И точно, за поворотом их сразу палочкой к обочине. Гаишник заглядывает и с отвращением говорит: «За десять тысяч удавиться уже готовы!» [18].

Здесь очевидная объективация еще одной отрицательной черты, типичной для русских, которые не привыкли следовать установленным правилам (нормам, законам и т. д.), все время норовят что-либо нарушить и очень часто надеются на «авось пронесет». В данном случае водителю и пассажирам заведомо известно, что в движущейся машине ехать с непристегнутыми ремнями запрещено, однако следовать закону их заставляет не мысль о безопасности на дороге, а грозящий штраф.

Образ «нового русского» был особенно популярен в 90-е гг. XX века, что обусловлено историко-политическим и социально-экономическим положением внутри страны. Сегодня этот образ – своего рода «историзм», поэтому все реже встречается в современном анекдотическом дискурсе. Он не отличается хорошим воспитанием, уровень его культуры крайне низкий, морально-этические качества отсутствуют, поэтому закономерно, что речеповеденческая модель обусловлена наличием сниженной и ненормативной лексики (грубые и нецензурные выражения, «бандитский» сленг). Стереотипными чертами также становятся недалекость и узкомыслие, удачливость в жизни, поскольку приоритетной является материальная сторона жизни, характерными атрибутами которой становятся «золотая цепь», «600-й Мерседес», вилла (особняк) и т. д.:

Встречает как-то новый русский другого нового русского: «Братан, у тебя 600-ый «Мерседес» есть?». «– Не-а...». «А вилла с бассейном?». «Не-а...». «–А что может и яхты нет?». «Не-ет...». Тут подходит другой новый русский: «Ты чего, в натуре, к пацану пристал? Не видишь, он еще совсем новый!» [19]. (орфография и пунктуация автора сохранены – Ю.Д., Л.Б., Э.И.)

Основу лингвокогнитивного механизма языковой игры составляет пересечение узуальных сем и коннотаций лексемы *новый*, то есть ее сигнификативных и денотативных дескрипторов, – если говорить коротко о том, как рождается шутка. Что касается ассоциативного фона номинации «новый русский», то в сознании современных представителей российского лингвосоциума он находит подтверждение, вербализуясь через

стереотипные понятия-стимулы «бизнесмен», «босс», «буржуй», «высочка» [10].

В русских анекдотах про блондинок высмеивается низкий уровень интеллекта или его отсутствие у последних:

Идут две блондинки по лесу, ищут новогоднюю елку. Час идут,... два идут,... три идут... Одной надоело и говорит: «Все, Ирка, я устала! Сейчас срубам первую попавшуюся елку, даже если она без новогодних игрушек!» [20].

Часто в «народном / фольклорном» дискурсе «блондинка» и «дура / глупая» отождествляются, хотя понятно, что с точки зрения узуса пересечений в их плане содержания нет (см.: [11, с. 52, 133, 182]), скорее всего, сближение происходит за счет переосмысления на основе дифференциальной семы «лишенный разумной содержательности, целесообразности» [Там же, с. 133]. Поэтому мы бы уточнили, что блондинка не столько дура / глупая, сколько мышление у нее креативное, латеральное: в (не)обычной ситуации она, как правило, всегда находит нестандартный подход, что и вызывает бурную реакцию у читателя / слушателя анекдота. Более того, обозначенное лингвокогнитивное анекдотичное тождество не находит отражения в массовом сознании современного общества: в качестве реакции на стимул «блондинка» лексема *дура* как результат прямого поиска встретила только единожды. Тогда как в числе 15 стимулов (посредством обратного поиска), вызвавших лингвокогнитивную реакцию «блондинка», нет стимула «дура» (хотя данная лексема в списке ключевых слов РАС [10] представлена), подавляющее большинство ассоциаций, как правило, связано с внешними характеристиками: «очень / красивая / красавица» (1/ 8 / 1), «волос/ы» (1/ 2), «ноги / длинноногая» (2 / 3), «крашеная» (7) и т. п. [10].

В анекдотах объектом категоризации достаточно часто становятся стереотипные черты, присущие русскому народу (68 анекдотов = 28,3%), которые и составят четвертую группу. Исходя из жизненных ситуаций, русский человек предстает перед «зрителем» в разных образах с набором определенных качеств национального характера. В этом случае систематизация обнаруженных анекдотов позволяет говорить о стереотипной калейдоскопичности, причем зачастую «база данных» противоречива: русские идентифицируют себя как беспечных, неприхотливых, недисциплинированных и бесхозяйственных простаков, которым постоянно везет (реже – не везет); бесшабашных простаков и драчунов; добродушных; доверчивых; любителей «пригубить» (часто – в больших количествах); вынос-

ливых и трудолюбивых с одной стороны, ленивых – с другой; честных, но в тоже время способных на хитрость, обман; щедрых (хлебосольных) и компанейских; открытых и простодушных; остроумных и находчивых; сильных и удачных; острых и метких на язык. Конечно, приведенный ряд характеристик далеко не исчерпывающий, его легко можно продолжить. Буквально два примера самопрезентации. В первом контексте

В самолете летят англичанин, француз и русский. Делать нечего, решили сыграть на провиант, так как карт не было. Француз начал ход с напитков: коньяк, виски, бренди. Англичанин достал свои сэндвичи и отбился. Француз снова ходит, но уже фруктами: яблоки и мандарины. Англичанин выкладывает на стол чай и чизкейк, после чего ход переводит на русского. Русский вспоминает, что с собой ничего нет и говорит: «Да, бить нечем, придется взять» [21]

русские представлены как компанейские, остроумные и находчивые, но беспечные и бесхозяйственные.

Второй пример обусловлен противоречивым отношением русского человека к труду. С одной стороны, он честно, с усердием и стойкостью выполняет свою работу:

На стройке русский и еврей носят кирпичи. Еврея спрашивают: «Почему русский носит по семь кирпичей, а ты по одному?». « Это потому что русский ленивый, ему лень лишний раз сходить» [22].

С другой стороны, грань между трудолюбием и ленью очень тонкая, она проиллюстрирована в следующем анекдоте:

В России сконструировали супервездеход и пригласили зарубежных специалистов для его оценки. Иностранцы долго и с восхищением осматривали это изобретение и, наконец, сказали: « И чего только эти русские не придумают, лишь бы дороги не ремонтировать!» [23].

В данном контексте ключевой становится мысль о противоречивости русского человека как психотипа: обладая высоким интеллектуальным потенциалом, он не обращает внимания на некоторые обстоятельства (в частности, на проблему с дорогами), принимает их как данность, всеми силами стараясь «увильнуть» от прямого решения проблемы. Данные стереотипные представления о противоречивости русского характера нашли отражение в сознании современных носителей русской этнолингвокультуры: так, в РАС стимул «русский» в сознании реципиентов вызвал реакции типа *дурак* (2), *характер* (2), *дух*

(2), единичные – *мужик, большой, лень, образ мыслей, сильный, умный*; реакция «русский» была обусловлена 110 различными стимулами, в числе которых *богатырь* (23), *народ* (5), *мужик* (2), *гордый* (2), единичные – *мат, молодец, простой, пьяный, странный, характер, юмор* [10]. Более того, неоднозначность представителей русской нации подтверждается другими источниками. Приведем в качестве примера некоторые выдержки из словарной статьи «Русские» «Этнопсихологического словаря» В. Г. Крысько, где автором в результате систематизации разнообразных источников составлен национальный психотип: «образцы воинской доблести, беззаветной преданности и любви к Родине»; «человеколюбие и терпимость... милосердие и сострадание к другим людям»; «высокая гражданская солидарность, готовность прийти на помощь, общительность, доброжелательность, храбрость, мужество, неприхотливость и старательность»; «хорошо сложен, крепок здоровьем, прекрасный ходок, нетребователен, может есть и пить почти все и более послушен... чем кто-либо другой в мире»; «высокая профессиональная ответственность, мастерство... стремление жить в мире, дружбе, любви к труду, человеку, в духе высокой морали»; «русский народ славился своим хлебосольством и гостеприимством»; «проявления лени, несобранности, прожектерства, неумения, а иногда и нежелания доводить начатое дело до конца» и др. [24]. Автор словаря замечает также, что отрицательные черты «в прошлом всегда высмеивались на Руси. Вот почему к подобным вещам не следует подходить однозначно. В них важно видеть стремление народа избавиться от всего наносного, неглавного, мешающего его развитию» [Там же]. В этом смысле анекдот в силу своей «зеркальности» становится действенным способом категоризации, самоидентификации и критической самооценки русским народом.

Заключая вышесказанное, отметим, что полученные данные – всего лишь срез, фрагмент русской наивной картины мира и для более полной ее реконструкции необходимо специальное, превосходящее по масштабам исследование. Однако анализ, предпринятый авторами данной статьи, позволяет констатировать следующее:

1. Анекдот раскрывает наиболее яркие стороны национального характера, менталитета и культуры народа: итогом в результате отбора эмпирического материала методом сплошной выборки и его последующей систематизации было выделено четыре группы – образы героев УНТ (29,6%), политические деятели (22,1%), типичные представители русского этноса (20%), стереотипные черты,

присущие русскому народу (28,3%). Небольшой разрыв в количественном составе представленных групп свидетельствует об их концептуальной равнозначности в мировоззренческой парадигме русского / российского народа.

2. В контексте русского анекдота встречаются как универсальные образы, темы, проблемы, так и этнокультурно маркированные: универсальными являются аспекты, связанные с вопросами политики, экономики, искусства, социально-бытовых ситуаций; специфическими – сказочные (фольклорные) персонажи и реалии (Колобок, Змей Горыныч, меч-кладенец, яйцо), типичные для современной жизни образы типа Вовочки и учительницы, нового русского, полицейского / гаишника. Справедливости ради отметим, что всё универсальное в большей или меньшей степени подается под соусом «своё / родное»: героями анекдота становятся полицейский, политик, муж, жена, начальник, сосед, то есть все те, кто встречается в анекдотах других лингвокультур, однако здесь смысловой акцент обусловлен синтагматикой – ключевым становится определение «русский(-ая, -ие)».

3. Степень влияния базового культурного фонда русского народного творчества на самоидентификацию русского человека высокая. Усваивая с детства русские народные сказки и былины, паремии и фразеологизмы, русский человек, как пазлы, конструирует собственную картину мира: так, в сознании закрепляются стереотипы о силе и удали богатырской (*Илья Муромец*, *Никита Кожемяка* и др.), простоте (*рубаха-парень*) и бесшабашности (*Иван-дурак*), бездельи, лени и надежды на «авось» (*Емеля*), женской смекалке (*Василиса Премудрая*) и т. д. А сказочная география (путешествия за тридевять земель, «туда – не знаю куда», в кощеево царство, на дно морское и т. п. в поисках чуда расчудесного или вообще «того – не знаю что») и реальная площадь территории России (крупнейшее государство мира, занимающее 1/8 всей земной суши) дают простор для широкой русской души и ментальной личности с характерными для нее толерантностью и хлебосольством.

4. С точки зрения динамики и степени актуальности в данный период времени все темы, идеи, образы русских анекдотов можно подразделить на активные и пассивные: а) «образы-историзмы», которые в настоящее время потеряли свою значимость (как правило, политические деятели, представители искусства, литературные персонажи – Ленин, Хрущев, Горбачев, Чапаев, Анка, Штирлиц, новый русский, др.); б) «образы-константы», сохраняющие на протяжении десятилетий свою актуальность и являющиеся посто-

янными персонажами русскоязычных анекдотов (муж, жена, любовник / любовница, теща, Вовочка, учительница, др., решающие вечно насущные вопросы бытия и взаимодействия); в) «неообразы», которые становятся / стали популярными в современном лингвосоциуме (Путин, хакер, блогер, др.).

5. Анекдот как социально-бытовой жанр раскрывает повседневную жизнь русских, позволяет выявить черты, проявляющиеся в стереотипном поведении, мировосприятии и ценностных ориентациях, и составить «портрет» типичного русского с точки зрения автоидентификации. В целом, русские позиционируют себя как людей простодушных и щедрых, находчивых и остроумных, любителей шумных посиделок, предпочитающих чаще праздный образ жизни, часто нарушающих общественный порядок. В семейной жизни, как правило, актуальной становится проблема взаимоотношений между супругами (а также с родителями), поэтому часто возникает ситуация любовного треугольника. Власть и правоохранительные органы в русских анекдотах коррумпированы, богатые люди, как правило, бывшие новые русские или бандиты. Так, в русскоязычных анекдотах вербализованы в равной степени как положительные, так и отрицательные автостереотипы.

6. Категоризация, оценка реальной действительности и самоидентификация в анекдоте осуществляется, как правило, тремя способами: через призму русского фольклора, путем сравнения с представителями других этнолингвокультур (англичанами, евреями, татарами и т. п.), в результате осмысления историко-политического и социально-экономического прошлого и настоящего страны. Когнитивный опыт в процессе формирования ценностных ориентаций и представлений российского общества во многом обусловлен экстралингвистическими (политическими, социальными, культурными и др.) факторами, которые в последующем становятся подсказками в попытке разгадать «уникальный код» таинственной русской души.

Список источников

1. Толстой Н. И., Толстая С. М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН. 2013. 240 с.
2. Колесов В. В., Пименова М. В. Языковые основы русской ментальности. М.: ФЛИНТА: Наука. 2016. 134 с.
3. Стернин И. А. Язык и национальное сознание // Логос. 2005. № 4 (49). С. 156–170.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

5. Телия В. Н. Деконструкция стереотипов окультуренного мировидения во фразеологических знаках // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: материалы к коллективному исследованию. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1999. С. 87–94.

6. Билан О. А. Анекдот как отражение стереотипных представлений // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота. 2013. № 6 (73). С. 26–29.

7. Тулина Е. В. Способы реализации универсальных и национально-культурных особенностей анекдота: дис...канд. филолог. наук: Челябинск, 2006. 194 с.

8. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002. 144 с.

9. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Этнические стереотипы в русских анекдотах // Отечественные записки. 2014. № 4 (61). С. 167–177.

10. Русский ассоциативный словарь (РАС) / Сост. Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: АСТ-Астрель, 2002. URL: Русский ассоциативный словарь (thesaurus.ru) (дата обращения: 16.09.2021).

11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А ТЕМП, 2004. 944 с.

12. Анекдоты про Бабу-Ягу // Анекдоты.ру. URL: anekdoty.ru/pro-babu-jagu/ (дата обращения: 20.09.2021)

13. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. В 5-ти т. М.: Международные отношения, 2012. Т.5. 730 с.

14. Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. 736 с.

15. Время СССР – Sovtime.ru. URL: https://sovtime.ru/anekdot (дата обращения: 19.09.2021)

16. LIVEJOURNAL: Живой журнал. URL: https://mosday.livejournal.com; https://picturehistory.livejournal.com (дата обращения: 19.09.2021)

17. Про Вовочку // Все анекдоты. URL: https://all-anekdoty.ru/anekdoty-pro-vovochku (дата обращения: 22.09.2021)

18. Анекдоты про ГАИ // Позитивно обо всем: блог хорошего настроения. URL: https://pozitivno.in.ua/anekdoty-pro-gai/ (дата обращения: 17.09.2021)

19. Новые русские // АнекдотыСтрит: Здесь живут анекдоты. URL: https://anekdotovstreet.com/novye-russkie/4/ (дата обращения: 17.09.2021)

20. Анекдоты про блондинок // AnekBook.ru: Смешные истории каждый день. URL: http://anekbook.ru/anekdoty-pro-blondinok/ (дата обращения: 17.09.2021)

21. Русский, Француз, и Англичанин // HomePg iLya: Станица Ильи Осипова. URL: http://old.osipov.ru/a_a_r_f.htm (дата обращения: 21.09.2021)

22. Национальности // АнекдотыСтрит: Здесь живут анекдоты. URL: https://anekdotovstreet.com/

anekdot/na-stroyke-russkiy-i-evrey-nosyat-kirpichi-evreya/1923/ (дата обращения: 17.09.2021)

23. Транспорт // АнекдотыСтрит: Здесь живут анекдоты. URL: https://anekdotovstreet.com/anekdot/v-rossii-skonstruirovali-supervzdehod-i/236557/ (дата обращения: 18.09.2021)

24. Крысько В. Г. Этнопсихологический словарь. М.: МПСИ. 1999. URL: Этнопсихологический словарь. Русские (cult-lib.ru) (дата обращения: 08.10.2021)

References

1. Tolstoi, N. I., Tolstaya, S. M. (2013). *Slavyanskaya ehtnolingvistika: voprosy teorii* [Slavic Ethnolinguistics: Theoretical Issues]. 240 p. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN. (In Russian)

2. Kolesov, V. V., Pimenova, M. V. (2016). *Yazykovye osnovy russkoi mental'nosti* [Linguistic Foundations of Russian Mentality]. 134 p. Moscow, FLINTA. (In Russian)

3. Sternin, I. A. (2005). *Yazyk i natsional'noe soznanie* [Language and National Consciousness]. Logos. No. 4 (49), pp. 156-170. (In Russian)

4. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. 477 p. Volgograd, Peremena. (In Russian)

5. Teliya, V. N. (1999). *Dekonstruktivnaya stereotipov okul'turnogo mirovideniya vo frazeologicheskikh znakakh* [Deconstruction of Cultural Worldview Stereotypes in Phraseological Signs]. *Rechevye i mental'nye stereotipy v sinkhronii i diakhronii: materialy k kollektivnomu issledovaniyu*. Pp. 87-94. Moscow, In-t slavyanovedeniya i balkanistiki RAN. (In Russian)

6. Bilan, O. A. (2013). *Anekdot kak otrazhenie stereotipnykh predstavlenii* [Jokes as a Reflection of Stereotypes]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*. Tambov, Gramota. No. 6 (73), pp. 26-29. (In Russian)

7. Tulina, E. V. (2006). *Sposoby realizatsii universal'nykh i natsional'no-kul'turnykh osobennostei anekdota: dis...kand. filolog. nauk* [Ways to Implement the Universal and National-Cultural Features of the Joke: Ph.D. Thesis]. Chelyabinsk. 194 p. (In Russian)

8. Shmeleva, E. Ya., Shmelev, A. D. (2002). *Russkii anekdot: Tekst i rechevoi zhanr* [Russian Joke: Text and Speech Genre]. 144 p. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian)

9. Shmeleva, E. Ya., Shmelev, A. D. (2014). *Ehtnicheskie stereotipy v russkikh anekdotakh* [Ethnic Stereotypes in Russian Jokes]. *Otechestvennye zapiski*. No. 4 (61), pp. 167-177. (In Russian)

10. *Russkii assotsiativnyi slovar'* (RAS) (2002) [Russian Associative Dictionary]. Sost. Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, YU. A. Sorokin, E. F. Tarasov. Moscow, AST-Astrel', URL: *Russkii assotsiativnyi slovar'* (thesaurus.ru) (accessed: 16.09.2021). (In Russian)

11. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (2004). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary

of the Russian Language]. 944 p. Moscow, A TEMP. (In Russian)

12. *Anekdoty pro Babu-Yagu* [Jokes about Baba Yaga]. Anekdoty.ru. URL: anekdoty.ru/pro-babu-jagu/ (accessed: 20.09.2021). (In Russian)

13. *Slavyanskije drevnosti: Ehtnolingvističeskij slovar'* (2012) [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Pod obščh. red. N. I. Tolstogo. V 5-ti tt. T.5. 730 p. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian)

14. Zimin, V. I. (2015). *Slovar'-tezaurus russkikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazhenii* [Dictionary-Thesaurus of Russian Proverbs, Sayings and Apt Expressions]. 736 p. Moscow, AST-PRESS KNIGA. (In Russian)

15. *Vremya SSSR – Sovtime.ru*. URL: <https://sovtime.ru/anekdot> (accessed: 19.09.2021). (In Russian)

16. *LIVEJOURNAL: Zhivoi zhurnal*. URL: <https://mosday.livejournal.com/>; <https://picturehistory.livejournal.com> (accessed: 19.09.2021). (In Russian)

17. *Pro Vovochku. Vse anekdoty* [About Vovochka. All Jokes]. URL: <https://all-anekdoty.ru/anekdoty-pro-vovochku> (accessed: 22.09.2021). (In Russian)

18. *Anekdoty pro GAI* [Jokes about Traffic Cops]. Pozitivno obo vsem: blog khoroshego nastroyeniya. URL: <https://pozitivno.in.ua/anekdoty-pro-gai/> (accessed: 17.09.2021). (In Russian)

19. *Novye russkie AnekdotyVStrit: Zdes' zhivut anekdoty* [New Russians. The Street of Jokes: That's Where Jokes Live]. URL: <https://anekdotovstreet.com/novye-russkie/4/> (accessed: 17.09.2021). (In Russian)

20. *Anekdoty pro blondinok* [Jokes about Blondes]. AnekBook.ru: Smeshnye istorii kazhdyi den'. URL: <http://anekbook.ru/anekdoty-pro-blondinok/> (accessed: 17.09.2021). (In Russian)

21. *Russkii, Frantsuz, i Angličanin* [A Russian, a Frenchman and an Englishman]. HomePg iLy: Stanitsa Il'i Osipova. URL: http://old.osipov.ru/a_a_r_f.htm (accessed: 21.09.2021). (In Russian)

22. *Natsional'nosti. AnekdotyVStrit: Zdes' zhivut anekdoty* [Nationalities. The Street of Jokes: That's Where Jokes Live]. URL: <https://anekdotovstreet.com/anekdot/na-stroyke-russkiy-i-evrey-nosyat-kirpichi-evreya/1923/> (accessed: 17.09.2021). (In Russian)

23. *Transport. AnekdotyVStrit: Zdes' zhivut anekdoty* [Transport. The Street of Jokes: That's Where Jokes Live]. URL: <https://anekdotovstreet.com/anekdot/v-rossii-skonstruirovali-supervzdehod-i/236557/> (accessed: 18.09.2021). (In Russian)

24. Krysko, V. G. (1999). *Ehtnopsikhologičeskij slovar'* [Ethnopsychological Dictionary]. Moscow, MPSI. URL: [Ehtnopsikhologičeskij slovar'. Russkie \(cult-lib.ru\)](http://ehtnopsikhologičeskij-slovar.ru) (accessed: 8.10.2021). (In Russian)

The article was submitted on 17.02.2022

Поступила в редакцию 17.02.2022

Данилова Юлия Юрьевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Елабужский институт
Казанского федерального университета,
423600, Россия, Елабуга,
Казанская, 89.
danilovaespu@mail.ru

Бубекова Лариса Борисовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Елабужский институт
Казанского федерального университета,
423600, Россия, Елабуга,
Казанская, 89.
bular@yandex.ru

Ибрагимова Эльмира Рашитовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Елабужский институт
Казанского федерального университета,
423600, Россия, Елабуга,
Казанская, 89.
elmira915@mail.ru

Danilova Juliya Jurevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Elabuga Institute
of Kazan Federal University,
89 Kazanskaya Str.,
Elabuga, 423600, Russian Federation.
danilovaespu@mail.ru

Bubekova Larisa Borisovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Elabuga Institute
of Kazan Federal University,
89 Kazanskaya Str.,
Elabuga, 423600, Russian Federation.
bular@yandex.ru

Ibragimova Elmira Rashitovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Elabuga Institute
of Kazan Federal University,
89 Kazanskaya Str.,
Elabuga, 423600, Russian Federation.
elmira915@mail.ru

УДК 81

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-67-1-69-79

СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕРМИНА В СФЕРЕ ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРИОДИКИ И УЗКОСПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НЕФТЕГАЗОВОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ)

© Светлана Калинина

ESSENTIAL CHARACTERISTICS OF THE TERM IN ITS FUNCTIONAL SPHERE (BASED ON ENGLISH-LANGUAGE PERIODICALS AND FIELD- SPECIFIC LITERATURE OF THE OIL-AND-GAS TERM SYSTEM)

Svetlana Kalinina

The article focuses on the class of terminological units that is constantly being updated due to extra linguistic factors of scientific and technological progress in the oil and gas industry. The LSP (language for special purposes) terms are considered in the field of their functioning – industry periodicals and highly specialized technical texts. The paper discusses the problem of the ambisemia term and the debatable issue of determining its characteristics. We reveal essential features of the special vocabulary, the regularities of its natural formation and the degree of implementing its terminological characteristics in order to clarify the typology of the terms and to properly term and arrange the activities of the oil and gas conceptual sphere terminological vocabulary. The results are of interest in a further study of terminological functional regularities and activities on coordination of concept nominations related to industry; the results provide material for terminological lexicographic descriptions as well as for the replenishment of field-specific dictionary sources and terminological databases of automated translation systems. Conclusions are drawn about the features of terms in the researched language for special purposes, their derivational potential for the most complete verbalization of the emerging concepts' specific properties. The paper defines conceptual areas of professional knowledge and the semantics of the special vocabulary source, providing recommendations on the inclusion of a number of the terms in the industry dictionaries. The paper also notes expressive coloring and metaphorization of the analyzed vocabulary.

Keywords: language for special purposes, term, functioning sphere of the term, characteristics of the term, industry periodicals, technical texts

В фокусе статьи – класс терминологических единиц, постоянно пополняющийся в связи с экстралингвистическими факторами научно-технического прогресса в нефтегазовой отрасли. Термины языка для специальных целей рассмотрены в сфере функционирования – отраслевых периодических изданиях и узкоспециализированных технических текстах. Отмечена проблема амбисемии термина и дискуссионности в установлении его характеристик. С целью уточнения типологии терминов, должного терминования и деятельности по упорядочению терминологической лексики нефтегазовой понятийной сферы выявлены сущностные особенности лексики, закономерности ее естественного формирования и степень реализации в ней терминологических характеристик. Результаты представляют интерес в дальнейшем исследовании функциональных закономерностей терминов, работе по согласованию наименований отраслевых понятий, предоставляют материал для лексикографического описания терминологической лексики, пополнения узкоспециализированных словарных источников и терминологических баз систем автоматизированного перевода. Сделаны выводы об особенностях терминов исследуемого языка для специальных целей, об их деривационном потенциале для наиболее полной вербализации специфических свойств появляющихся понятий. Определены понятийные области профессионального знания – источник семантики терминов. Выданы рекомендации о внесении ряда терминов в отраслевые словари. Отмечена экспрессивная окраска и метафоризация анализируемой лексики.

Ключевые слова: язык для специальных целей, термин, сфера функционирования термина, характеристики термина, отраслевая периодика, технические тексты

Введение

Междисциплинарные исследования показывают, что решение мыслительных задач неразрывно связано с использованием языка, мощнейшей системы коммуникации, средства «дискретизации, объективации и интерпретации знаний» [1, с. 11].

В свете непрекращающегося научно-технического прогресса и необходимости ведения деловой коммуникации в международной сфере перед лингвистикой современности стоят задачи изучения единиц отраслевой лексики, функционирующей в дискурсе специальных областей знания. Особая роль отводится языку для специальных целей (LSP – language for special purposes), функциональному варианту языка, содействующему общению специалистов той или иной предметной области [2], [3]. Исследования LSP проводятся по различным направлениям [4, с. 276], [5, с. 8–9], [6], [7 с. 56, 63], [8], [9], [10], [11], в рамках статьи мы остановимся на анализе лексического уровня.

Возникновение новых единиц в LSP обусловлено необходимостью обозначить появившееся понятие [5, с. 25]. В этой связи целесообразно изучать сферу типологического терминоведения для «выявления степени реализации терминологических характеристик в различных областях специальной лексики для уточнения типологии терминов и терминологий» [12, с. 19]. Прикладное направление терминологических исследований направлено на регулирование развития специальной лексики, ибо терминология является результатом соглашения специалистов в отношении выбора тех или иных наименований понятий.

LSP реализуется в формате текстов как в устном, так и в письменном дискурсе. Современные исследователи рассматривают текст как «естественный способ бытования языковой семантики и знаний о мире», делая акцент на том, что специальная лексика именно в функционировании проявляет «нетипичные, альтернативные, специализированные модели и законы» ее деривации и свойств [13, с. 10].

Таким образом, сфера функционирования, будучи динамичной и зависимой от экстралингвистических эволюционных факторов, представляет собой естественную среду обитания специальной лексики. В этой связи совершенно справедливо утверждение о том, что «исследование семантики и построение терминологических систем и структур должно проводиться, прежде всего, на материале текстов, где термин живет, действует и часто незаметным образом изменяет свою семантику» [14, с. 50].

Материал и методы

Учитывая отсутствие в настоящий момент согласия лингвистов в отношении определения понятия «термин» и, как следствие, отсутствие исчерпывающего определения данного понятия, в статье «термин» трактуется как «лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [5, с. 5, 31–32].

Лингвисты разделяют термины на зафиксированные в лексикографических источниках и на те, которые пока не достигли сферы фиксации, «термины языка и термины речи» [15, с. 60–61], [4, с. 7–8, 43–47], [5, с. 139]. Основными критериями для выделения терминов, незафиксированных в отраслевых словарях (новых терминов), являются выполняемая ими в тексте функция названия понятия и дефинированность [4, с. 48].

По дефиниции можно различить слово общепотребительного языка и термин: дефиниция термина содержит специальные знания, недоступные обывателю сознанию. Вслед за Д. С. Лотте полагаем, что в дефиниции должны содержаться достаточные признаки обозначаемого понятия [16].

В функциональном фокусе проводимого анализа термины рассматриваем «конструируемыми единицами текстового характера, предназначенными не столько для конечной сферы фиксации, сколько для вербализации новизны полученного научного знания» [17, с. 39], словесным обозначением понятия, входящим в систему понятий определенной области профессиональных знаний [4, с. 48], [5, с. 63], [7, с. 14].

Объектом исследования являются термины, выражающие техническое знание в тексте. Предметом – их сущностные терминологические характеристики. Цель исследования – выявить проявление сущностных характеристик у терминов, функционирующих в своей естественной среде обитания – отраслевой периодике и узкоспециализированном тексте. Методы данного исследования включают в себя описание, количественную обработку материала, функциональный и системно-гносеологический подходы, когнитивно-коммуникативный метод, анализ словарных дефиниций, толкований, контекстов.

Из отраслевой периодики ([18], [19], [20]) и узкоспециализированных текстов ([21], [22], [23], [24]) отобрана 861 единица специальной лексики, вербализирующая понятия нефтегазового знания. Поскольку в лексикографических источ-

никах ([25], [26], [27], [28]), [29], [30], [31], [32]), справочниках и отраслевых глоссариях ([33], [34]) зафиксировано незначительное количество единиц материала исследования, в статье на основании контекста и фоновых знаний предлагается авторский перевод.

Обсуждение и результаты

Со времен А. А. Реформатского, рассматривавшего терминологию как «службу двух хозяев: системы лексики и системы научных понятий» [35, с. 16, 35], к термину стали предъявляться нормативные требования, выработанные терминоведами на основании сущностных характеристик его, для того, чтобы установить бинарную оппозицию «термин-нетермин» [15, с. 61–69, 95], [4, с. 23–37], [5, с. 20–88], [7, с. 126–133].

Термин, знаковая единица, как правило, анализируется исходя из трех аспектов: семантического, морфологического и прагматического. В этой связи характеристики термина подразделяются на обусловленные содержанием, формой и спецификой функционирования [5, с. 26–37], [36, с. 113], [37, с. 50].

Обобщив мнения лингвистов, выделим наиболее значимые характеристики термина, чтобы проанализировать, насколько они репрезентативны в естественной среде обитания терминологической лексики: языковая природа, гносеологичность, интернациональность, эзотеричность, внедренность, системность, мотивированность, деривационная способность, воспроизводимость в речи, содержательная точность, краткость.

Поскольку терминологическая лексика определяется особенностями конкретной терминосистемы, нормативные требования к ней следует рассматривать внутри определенной терминосистемы – в нашем случае характеристики терминов LSP нефтегазовой сферы анализируются на предмет соответствия характеристикам терминов, зафиксированных в лексикографических источниках англоязычной нефтегазовой терминосистемы.

Для подтверждения унифицированных требований к термину, безусловно, необходим сопоставительный анализ с другой терминосистемой, в этой связи полученные нами результаты по нефтегазовой терминосистеме представляют интерес в свете последующих уточнений и дополнений требований к терминологической лексике в иных терминосистемах.

Выше отмечено, что язык для специальных целей представляет собой функциональный ва-

риант языка для общих целей, соответственно, источником лексикона LSP являются единицы LGP (language for general purposes). Так проявляется языковая природа вновь появляющихся терминов LSP.

Для подтверждения характеристики языковой природы терминов выборки проведено выявление соотношения единиц общей и специальной лексики в составе двухкомпонентных словосочетаний: из общего объема (861 лексическая единица) выделены двухкомпонентные сочетания в количестве 158 единиц, они приняты за 100%. Анализ выявил следующее ранжирование компонентов специальной (С) и общей (О) лексики в составе двухкомпонентных словосочетаний:

модель С+С (56 ЕСЛ, 35,4 %) – *catalytic cracking* ('каталитический крекинг'), *gasoline cut* ('бензиновая фракция'), *drill stem* ('бурильная колонна'), *riser reactor* ('лифт-реактор'), *oil spill* ('утечка нефти'), *acidic catalyst* ('кислотный катализатор');

модель О+О (49 ЕСЛ, 31,0 %) – *pre-reservoir section* ('залежь нефти / газа'), *atmospheric residue* ('атмосферный остаток'), *reaction chamber* ('реакционная камера'), *cloud point* ('точка помутнения');

модель С+О (31 ЕСЛ, 19,6 %) – *wellhead pressure* ('давление устья скважины'), *frac crew* ('бригада операторов по проведению гидроразрыва пласта'), *blowdown vapors* ('продувочные пары'), *downstream family* ('команда, занимающаяся нефтеперерабатывающим сектором');

модель О+С (22 ЕСЛ, 13,9 %) – *needle coke* ('игольчатый кокс'), *"blue crude"* ('е-дизель, жидкий энергоноситель'), *charge pump* ('сырьевой насос'), *"orphan" well* ('оставленная, но не заглушенная скважина'), *gas-hungry* ('испытывающий перебои с поставкой газа'), *propagation reaction* ('реакция роста цепи).

Из вышеприведенных примеров в словаре В. В. Кедринского зафиксированы лишь термины *reaction chamber* и *cloud point* [25, с. 86, 353]. Термин *cloud point* содержится в словаре А. И. Булатова, В. В. Пальчикова [26, с. 211]. Термин *drill stem* зафиксирован в словарях А. И. Булатова, В. В. Пальчикова [26, с. 270] и Н. В. Морозова [27, с. 261]. Термины *oil spill* и *wellhead pressure* зафиксированы лишь в словаре А. И. Булатова, В. В. Пальчикова. Дефиниции, описывающие специальное знание единицами специальной лексики, обнаружены у следующих единиц: *catalytic cracking* [33], [29], [32], *drill stem* [33], [29], [30], [32], *oil spill* [28], [29], [30], *wellhead pressure* [33], [29], [32], *needle coke* [30], [34], *wildcat* [32], [34]. Это позволяет полагать, что данные

термины в скором времени могут быть занесены в отраслевые лексикографические источники.

Очевидна языковая природа терминов, активно апеллирующая к общеупотребительным единицам. При этом для вербализации узкоспециализированных понятий используются, в основном, единицы специальной лексики (модель $C + C$), что подтверждает гносеологичность терминов, познавательную роль в представлении специальных знаний [4, с. 12].

Языковая природа проявляется и на примере консубстанциональных терминов, и в вопросах терминологизации (перехода лексической единицы из общелитературного языка в подъязык) и детерминологизации (превращения термина в бытовое слово). Внимание лингвистов на протяжении многих лет сфокусировано на данных аспектах [Там же, с. 25, 262], многие из них полагают, что «терминологическую и общеупотребительную лексику невозможно четко разграничить, так как эти единицы обладают «размытыми» границами и накладываются друг на друга» [17, с. 27].

Согласимся, что «языковая единица получает признаки термина постольку, поскольку она выступает в терминологической функции, и теряет их в том случае, когда данная единица перестает быть термином» [38, с. 3–11]. Вместе с тем, функциональный фокус исследования термина постулирует, что любое слово может стать термином, ибо «термин-слово в особой функции» [39, с. 5], [40, с. 75–85], [41, с. 436–442], [42, с. 25–31]. Квинтэссенция терминообразования проявляется в тексте, «<...> где разворачивается вся работа по терминологизации и эксплицируется связь между порождающей базой термина и самим термином» [43, с. 42].

Приведем ряд примеров для подтверждения вышеуказанных аспектов.

Так, отдельные единицы в составе многокомпонентных терминологических сочетаний являются общеупотребительными словами, тогда как в своем единстве вербализируют узкоспециализированное понятие:

rain-deck tray – ‘капельная тарелка’ [23, р. 2.21]; данный термин не обнаружен ни в лексикографических источниках [25], [25], [29], [30], [31], [32], ни в отраслевом глоссарии [34], ни в справочнике [33];

акроним *mogas* [21, с. 66] (*motor gasoline*, автомобильный бензин, дефиниция которого содержится в [30]), перешел в разряд общеупотребительных единиц;

fuel-supply line – ‘топливопровод’ [20, 01.04.2019, с. 56] (в словаре Кедринского [25, с. 272] представлен лишь термин “*fuel line*”);

natural gas combustion turbine – ‘турбина сжигания природного газа’ [20, 01.09.2020, с. 31]; термины *natural gas* и *gas turbine* обнаружены в [28], [29], [30], [31], [32], [34]. Данный многокомпонентный термин также понятен широкому кругу лиц;

gasoline sweetening – ‘обессеривание бензина’ [21, с. 10]; дефиниция обнаружена в [34]. Лексема *gasoline* подверглась детерминологизации, а лексема *sweetening*, изменив семантику общеупотребительного слова, прошла процесс терминологизации.

Ввиду того, что сфера нефтегазовой отрасли находится в постоянном развитии, динамические терминологические процессы отражены в данном LSP наиболее полно. В силу усложнения появляющихся понятий корневые термины оказываются неспособными в полной мере отразить все их нюансы. Именно поэтому для номинации используются многокомпонентные термины. Так, из 861 единицы 250 – многокомпонентных.

Данные многокомпонентные термины проанализированы на предмет наличия в их составе термина, зафиксированного в отраслевом лексикографическом источнике. Из 250 выявлено 70 таких единиц. Это говорит о том, что термин «обрастает» лексемами, становясь многокомпонентным термином, для целей уточнения характеристик вновь появляющихся понятий. Очевидна экстралингвистическая подоплека: развитие отрасли, появление новых технологических процессов, оборудования, обнаружения новых свойств у известных веществ. Полагаем, что наличие термина, зафиксированного в отраслевом словаре, в составе вновь появившегося и пока не достигшего стадии фиксации термина, обеспечивает содержательную точность и вневременность данных единиц в язык для специальных целей.

Приведем примеры:

bridgewall temperature [20, 01.04.2019, с. 56] – ‘температура перевальной стенки в трубчатой печи’ [25, с. 555]. Дефиниция полного сочетания *bridgewall temperature* содержится в [29], [32];

light-cracked naphtha [20, 29.04.2019, с. 11] – ‘легкая сольвент-нафта, подвергнутая крекингу’ [25, с. 305]. Дефиниции лексемы *naphtha* содержится в [29], [30], [32];

supercritical solvent deasphalting (SDA) [20, 15.04.2019, с. 12] – ‘сверхкритическая деасфальтизация растворителем’ [25, с. 137], [27, с. 68]. Дефиниция для *solvent deasphalting* содержится в [29];

horizontal oil well [20, 08.04.2019, с. 10] – ‘горизонтальная нефтяная скважина’ [26, с. 320];

[25, с. 560]; [27, с. 296]. Дефиниция для *oil well* обнаружена в [29], [30], [31], [32], [34];

ultralow-sulfur diesel production [20, 25.11.2019, с. 11] – ‘производство дизельного топлива со сверхнизким содержанием серы’ [26, с. 219], [25, с. 367], [27, с. 208]. Дефиниции лексемы *production* содержатся в [29], [30], [31], [32], [34].

Несмотря на то, что в силу необходимости вербализации усложняющихся понятий термины тяготеют к многокомпонентности, их терминологическая характеристика краткости остается актуальной. В соответствии с концепцией экономии речевых средств аббревиация является «закон конденсации многословных названий в однословные» [44, с. 93]. Из 861 термина 205 единиц (23,8%) представляют собой сокращения, включающие в себя инициальные аббревиатуры, акронимы, гибридные случаи, усечения, стяжения, графические сокращения. Данные единицы обладают терминологическими характеристиками гносеологичности, содержательной точности и краткости, функционируя как средство обозначения понятий в языке для специальных целей.

Приведем примеры: *BHA (bottom hole assemblies)* [20, 07.09.2020, с. 46] – ‘забойный блок’, *MWD (measurement while drilling)* – ‘измерение забойных параметров в процессе бурения’; дефиниции содержатся в [29]; [34];

USGC PDH unit [20, 26.08.2019, с. 13] – United States Gulf Coast propane dehydrogenation unit – ‘установка по дегидрогенизации пропана на побережье Мексиканского залива США’. Перевод для *dehydrogenation* найден в [26, с. 80], [25, с. 140], дефиниция – в [32];

POX-methanol plant (partial oxidation) [20, 02.12.2019, с. 8] – ‘установка неполного окисления метанола’. Перевод лексемы *oxidation* содержится в [26, с. 195], [25, с. 330].

Значительное количество инициальных аббревиатур в материале исследования подтверждает общеязыковой принцип аналогии и экономии, равно как и воспроизводимость в речи.

Очевидная тенденция к многокомпонентности терминов дает нам право обратиться к вопросу их продуктивных структурных моделей, что является особенно значимым при переводе данных единиц. Необходимо выяснить, являются ли незафиксированные в лексикографических источниках термины структурой, идентичную словарному термину. Данный вопрос важен в свете междисциплинарных исследований LSP, особенно для целей пополнения терминологических баз систем автоматизированного перевода и

при обсуждении эквивалентности перевода терминов при изучении LSP для образовательных целей [8, с. 99, 104].

С опорой на работы лингвистов [45], [4] выделяем в материале исследования многокомпонентные терминологические сочетания регрессивной и прогрессивной структуры. Регрессивная структура характеризуется акцентом на существительное, находящееся на последнем месте. Переводят подобные единицы начиная с главного слова. Именно регрессивные структуры являются преобладающими в выборке (236 из 250 многокомпонентных). Подобная ситуация наблюдается и у зафиксированных в словарях терминологических сочетаний, что позволяет говорить об аналогии в этом аспекте между «терминами языка» и «терминами речи».

Обратимся к примерам:

slime hole assembly [20, 07.09.2020, с. 46] – ‘установка для бурения скважин малого диаметра’;

full-scale gas power plant [20, 15.04.2019, с. 7] – ‘полномасштабная газовая установка’;

back pressure control unit – ‘установка для измерения противодавления пласта’ [26, с. 307].

В многокомпонентных терминологических сочетаниях *прогрессивной* структуры (14 единиц из 250 многокомпонентных) существительное располагается до модифицирующих компонентов, являясь первым словом по порядку следования и главным для перевода: *beating heart of ethanol* [20, 18.03.2019, с. 9] – ‘штат сосредоточения производственных мощностей по этанолу’; *age of oil* [18, December 2011, с. 24] – ‘эра нефти’; *tpy – tons per year* – ‘тонн в год’; *substitution of toxic chemicals* – ‘замещение токсичных химреагентов’; *corridor for delivery* – ‘окно поставки’, *receiving body of water* – ‘водоприемник’; *internal injection of steam* ([20] – перевод отсутствует; [26] – перевод отсутствует; [27] – данная единица представлена лишь многокомпонентным термином регрессивной структуры – *circulation steam injection* – ‘циркуляционное нагнетание пара в коллектор нефти’). Полученные результаты подтверждают, что и «термины языка», и «термины речи» тяготеют к регрессивной структуре.

Лингвистами отмечено, что термины базируются на классификации понятий, а структура терминосистемы соотносится со структурой системы понятий специальной области знания [15, с. 77]; [44, с. 36]. При этом когнитивно-гносеологическая организация знания отражается в семантико-понятийной категоризации лексических единиц, вербализирующих это знание, и влияет на направленность деривационных терминологических процессов [13, с. 123]. Через изменения

терминологической номинации в результате смены когнитивно-коммуникативных потребностей специалистов видна эволюция специального знания.

Подтвердим вышеописанное материалом исследования: из 861 термина за 100 % приняты 659 единиц и классифицированы по понятийным областям. Когнитивным основанием служит деятельность человека по переработке природного сырья. 68,7% находятся в понятийной области «объект», 22,2% – «процесс» и 9,1% – «свойство». Термины в выборке, благодаря терминологической характеристике системности, описывают технологические объекты, оборудование, на которых осуществляются процессы по переработке сырья для получения продукции определенных свойств. А деривационные способности терминов позволяют обеспечить содержательную точность передаваемых понятий. Актуален постулат: «зная термин, знаешь место в системе, зная место в системе, знаешь термин» (цит. по: [35, с. 66]).

Обратимся к примерам. Понятийная область «объект»:

step-out well [20, 09.12.2019, с. 9] – ‘скважина за пределами оконтуренной нефтяной площади’, дефиниции не обнаружено;

RDU (renewable diesel unit) [20, 02.12.2019, с. 8] – ‘установка по производству дизельного топлива из возобновляемых источников сырья’, дефиниции не обнаружено;

POX-methanol plant (Partial Oxidation) [20, 10.06.2019, с. 25] – ‘установка неполного окисления метанола’, дефиниции не обнаружено;

oil-targeted rig [20, 27.05.2019, с. 25] – ‘нефтяная вышка’, дефиниции не обнаружено.

Понятийная область «процесс»:

routine flaring [20, 25.02.2019, с. 18] – ‘рутинное сжигание газа на факеле’, дефиниции не обнаружено;

SRX (supplemental rectification with reflux) [20, 10.06.2019, с. 10] – ‘дополнительная ректификация с орошением’, дефиниции не обнаружено;

misfueling [20, 18.03.2019, с. 22] – ‘заправка неподходящим топливом’, дефиниции не обнаружено,

dehydrogenation [24, с. 31] – ‘дегидрогенизация’, дефиниция содержится в [32].

Понятийная область «свойство»:

semisubmersible [20, 01.04.2019, с. 31] – ‘полупогружной’, дефиниции содержатся в [29], [30], [32], [34];

ROP [20, 22.07.2019, с. 14] – ‘вертикальная скорость проходки скважины’, дефиниции содержатся в [29], [34];

ultradeepwater – ‘сверхглубокий’, дефиниции не обнаружено;

wellhead pressure – ‘давление устья скважины’, дефиниции не обнаружено.

В сфере функционирования терминов проявляется и терминологическое свойство внедренности. Анализ частотности употребления терминов в выборке позволяет утверждать, что следующие единицы могут быть именованы «квазiterминами» [4, с. 45, 48] и рекомендованы к внесению в отраслевые лексикографические источники и терминологические базы: *surface casing vent flow* – ‘расход сдувки первой обсадной колонны’ (дефиниции содержатся в [30], [34]); *floating LNG* – ‘плавающий комплекс сжиженного природного газа’; *enhanced oil recovery (EOR)* – ‘метод повышения нефтеотдачи’ (дефиниции содержатся в [20], [34]).

У перечисленных ниже единиц дефиниции не обнаружено: *small-refinery exemptions (SRE)* – ‘предоставление привилегий мини-НПЗ’, *renewable fuel standard (RFS)* – ‘стандарт по возобновляемым видам топлива’, *floating storage and regasification unit (FSGU)* – ‘плавающая установка для регазификации и хранения газа’. Соглашаемся с С. В. Гриневым-Гриневичем в том, что, несмотря на отсутствие дефиниции, данные термины могут быть внесены в отраслевые словари, потому как «являются единственными наименованиями соответствующих специальных понятий», а критерий дефинированности может быть опущен, поскольку подобные словари являются «первоочередными источниками терминов» [4, с. 48].

Ранее упомянутая связь LSP и LGP подтверждается и тем, что источниками лексикона LSP, помимо слов лексики LGP, могут быть заимствования [8, с. 103]. На примере заимствований, обнаруженных у терминов (60 единиц или 7% от выборки) прослеживается терминологическая характеристика интернациональности, значимая для облегчения профессиональной коммуникации и подтверждающая связь терминосистемы нефтегазовой сферы со смежной терминосистемой химии и физики.

В выборке преобладают заимствования из французского языка: *source rock reservoir (SRR)* – ‘резервуар с нефтематеринской породой’ [20, 06.01.2020, с. 8]; *low-density polyethylene (LDPE)* – ‘полиэтилен низкой плотности’ [20, 25.03.2019, с. 25]; *solvation effect* – ‘эффект сольватации’ [24, с. 85] и из латинизированного греческого [46]: *pyrolysis* – ‘пиролиз’ [24, с. 4]; *cryogenic boil-off gas (BOG)* – ‘газ выкипания низкотемпературной жидкости’ [20, 15.06.2020, с. 11].

Наличие эпонимов также подтверждает терминологическую характеристику интернациональности:

Avogadro's number [24, с. 119]; *Arrhenius type*" [24, с. 65]; *Fischer-Tropsch unit* [19, April 2015, p. 18]; *BHGE's* (Baker Hughes, a GE Company) [20, 16.09.2019, с. 6].

Терминологическую характеристику эротичности (когда значение термина не понятно для неспециалиста) выполняют 22 единицы (2,6%) из 861:

doodlebugger [20, 05.08.2019, с. 18] – 'член сейсмической бригады';

pig [20, 06.05.2019, с. 56] – 'скребок для очистки и инспекции трубопроводов', дефиниции содержатся в [29], [30], [34];

umbilical [20, 06.05.2019, с. 25] – 'комбинированный реагентопровод', дефиниция содержится в [30];

bottom-of-the-barrel processing [20, 01.04.2019, с. 50] – 'глубокая переработка', дефиниции не обнаружено.

Метафорический перенос, семантический способ терминообразования (58 единиц или 6,7 % выборки), подтверждает характеристику содержательной точности термина, а также наглядно демонстрирует, что характеристика терминологической однозначности, поддерживаемая рядом лингвистов [15], [4], [7], прослеживается лишь в рамках одной терминосистемы.

Отметим, что термины выборки отличаются яркостью, экспрессивностью, несут в себе субъективный отпечаток продуцента. Данная особенность лексики идет вразрез с общепринятой точкой зрения о нейтральности термина, о его нахождении вне эмоционального плана [15, с. 40], [7, с. 38, 93]. При этом лингвистами не отрицается факт связи термина с эмоциональными переживаниями продуцента, наличие эмоционально-экспрессивных коннотаций и появление у терминологических единиц эмоциональной окраски [15, с. 43], [4, с. 45, 55], [5, с. 69], [8, с. 104].

Приведем примеры: даже в вышеописанной модели C + C (56 терминов, 35,4%) 21 термин (13,3%) составляют фразеологические обороты и сочетания с переносным значением, дефиниций у данной лексики не обнаружено: *flasher bottoms* [22, с. 171] – 'остатки после вакуумной перегонки'; *cutter stock* [22, с. 121] – 'дистиллятный нефтепродукт'.

В приведённых примерах явно прослеживается терминологическая характеристика мотивированности, в данном случае семантическая [4, с. 34–35]; [5, 2007, с. 48–49]. Семантическая мотивированность представляет собой

«низшую» степень, образные ассоциации, что позволяет проводить аналогии между существующими и новыми понятиями. Термины данного вида мотивированности образованы семантическим способом путем метафорического, метонимического переносов, сужения / расширения значения слов.

Обратимся к примерам:

oil supply cushion [20, 25.03.2019, с. 22] – 'резерв нефти';

downstream family [18, March 2015, с. 4] – 'команда, занимающаяся нефтеперерабатывающим сектором'.

Выводы

Выводы, к которым мы пришли в результате анализа терминов, могут быть сведены к следующему:

в сфере функционирования – в языке для специальных целей нефтегазовой предметной области – термины проявляют все свои основные сущностные характеристики;

изучение терминов в отраслевой периодике и узкоспециализированных технических текстах дает возможность прогнозирования тенденций терминодеривации в соответствии с изменениями отраслевого знания, способствует уточнению терминологических характеристик у новых единиц лексики в рамках определенной терминосистемы;

отмечено, что термины выборки, в отличие от словарных терминов, тяготеют к большей многокомпонентности и, как следствие, к аббревиации; активно используют потенциал общепотребительной лексики, при этом свою семантику «черпают» из понятийных областей многоаспектного знания «объект», «процесс», «свойство»;

анализ частотности употребления терминов в выборке позволяет рекомендовать некоторые единицы к внесению в отраслевые лексикографические источники;

отличительной особенностью терминов выборки является значительное количество метафорических / фразеологических оборотов, переносного значения, придающих мотивированность и экспрессивную окраску лексике, что подчеркивает ее прагматическую функцию в профессиональном дискурсе и идет вразрез с терминологической характеристикой нейтральности.

Список источников

1. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Мн.: ТетраСистемс, 2004. 256 с.

2. *Stevens P.* Special-Purpose Language Learning: a Perspective: Survey Article // *Language Teaching and Linguistics: Abstracts*. Vol. 10. Issue 3. 1977. pp. 145–163. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/language-teaching/article/abs/specialpurpose-language-learning-a-perspective/DDD9511147E7FDCB1547D53ED0371B7C#access-block> (дата обращения: 11.10.2021).
3. *Trim J. L. M.* Linguistic Consideration in Planning Courses and in the Preparation of Teaching Materials // *Language for Special Purposes*. London: CILT, 1969. pp. 18–27.
4. *Гринев-Гриневиц С. В.* Терминоведение. М.: Академия, 2008. 304 с.
5. *Лейчик В. М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. 3-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.
6. *Макаренко Е. Д.* Язык для специальных целей: лексико-семантические и деривационные особенности формирования. // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. II. С. 115–117. ISSN 1997-2911.
7. *Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В.* Общая терминология: Вопросы теории / отв. ред. Т. Л. Канделаки. 6-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 248 с.
8. *Хомутова Т. Н.* Язык для специальных целей (LSP): лингвистический аспект // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. СПб: Изд. РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. № 71. С. 96–106.
9. *Gunnarsson B. L.* Language for Special Purposes // *Tucker G. R., Corson D. (eds) Encyclopedia of Language and Education. Encyclopedia of Language and Education*. Kluwer Academic Publishers. 1997. vol. 4. pp. 105–117. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-94-011-4419-3_11 (дата обращения: 03.10.2021).
10. *Nagy Imola Katalin.* English for Special Purposes: Specialized Languages and Problems of Terminology // *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*, 6, 2 (2014). 2015. pp. 261–273. URL: https://www.researchgate.net/publication/276511718_English_for_Special_Purposes_Specialized_Languages_and_Problems_of_Terminology (дата обращения: 03.10.2021).
11. *Swales John M.* Languages for Specific Purposes // *Annual Review of Applied Linguistics* 20. 2000. pp. 59–76. URL: https://www.researchgate.net/publication/273984465_Languages_for_Specific_Purposes (дата обращения: 03.10.2021).
12. *Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А.* Перспективные направления развития терминологических исследований // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Лингвистика. 2018. № 5. С. 18–28.
13. *Буянова Л. Ю.* Термин как единица логоса: монография. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 224 с.
14. *Никитина С. Е.* Семантический анализ языка науки: На материале лингвистики / отв. ред. Н. А. Слюсарева. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «Либроком», 2014. 146 с.
15. *Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю.* Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987. 104 с.
16. *Лотте Д. С.* Образование и правописание трехэлементных научно-технических терминов / отв. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1969. 119 с.
17. *Алексеева Л. М.* Термин как категория общего языкознания // *Русский Филологический Вестник: Ученый журнал* / под. ред. В. А. Татаринова, М.: Московский Лицей, 1998. Т. 83, № 1 / 2. С. 33–44.
18. *FUEL: The Global Business of Fuels*, 2011. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/fuel> (дата обращения 30.10.2021).
19. *Hydrocarbon Processing Magazine*. URL: www.hydrocarbonprocessing.com (дата обращения 30.10.2021).
20. *Oil and Gas Journal*. International Petroleum News and Technology. PennWell Corporation, Tulsa, USA. January, 2019 – January, 2021. URL: https://digital.ogj.com/ogjournal/20201214/MobilePagedReplica.action?utm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=TXOGJO201211003&utm_content=gtxcel&pm=2&folio=Cover#pg1. (дата обращения: ежемесячная 2019–2021 гг. по подписке).
21. *Cheremisinoff N. P.* Pressure Safety Design Practices for Refinery and Chemical operations / by N. P. Cheremisinoff. New Jersey: Noyes Publ., 1998. 392 p.
22. *Leffler William F.* Petroleum Refining in non-technical language. Fourth edition. PennWell Corporation, USA, Tulsa, 2008. 280 p.
23. *Meyers Robert A.* Handbook of Petroleum Refining Process. Third edition. McGraw-Hill Professional, USA, 2003. 847 p.
24. *Raseev Serge.* Thermal and Catalytic Processes in Petroleum Refining. Marcel Dekker Inc., USA, New York, 2003. 920 p.
25. *Кедринский В. В.* Англо-русский словарь по химии и переработке нефти. 2-е изд., стереотип. М.: РУССО, 2004. 768 с.
26. *Булатов А. И., Пальчиков В. В.* Англо-русский словарь по нефти и газу. М.: РУССО, 2001. 400 с.
27. *Морозов Н. В.* Англо-русский и русско-английский словарь по нефти и газу. М.: Живой язык, 2010. 512 с.
28. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary and Thesaurus*. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 25.10.2021).
29. *Collins Dictionary and Thesaurus*. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 15.10.2021).
30. *Lexico Oxford English and Spanish Dictionary*. URL: <https://www.lexico.com> (дата обращения: 12.10.2021).
31. *Macmillan Dictionary | Free English Dictionary and Thesaurus*. URL: <https://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 15.10.2021).
32. *Merriam-Webster Dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 30.10.2021).

33. Большая энциклопедия нефти и газа (БЭНГ). URL: <https://ngpedia.ru> (дата обращения: 07.10.2021).
34. Schlumberger Oilfield Glossary. URL: <https://glossary.oilfield.slb.com> (дата обращения: 13.10.2021).
35. Реформатский А. А. Введение в языковедение / под ред. В. А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
36. Мякишин К. А. К вопросу об основных признаках термина. // Альманах современной науки и образования. Тамбов : Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 111–115.
37. Хаяутин А. Д. Составные термины – функциональный тип сложных лингвистических единиц (СЛЕ) с позиций лексикографии // Отраслевая терминология и лексикография. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ин-т, 1981. 50 с.
38. Лейчик В. М. Термины и терминосистемы – пограничная область между естественным и искусственным в языке. // Вопросы терминологии и лингвистической статистики, сборник научных статей. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1976. С. 3–11.
39. Винокур Г. О. Грамматические наблюдения в области технической терминологии // Труды МИИФЛИ. М.: 1939. С. 5.
40. Капанадзе Л. А. О понятии «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка. М.: Наука, 1965. С. 75–85.
41. Лейчик В. М. Об относительности существования термина // Материалы научного симпозиума «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики». М.: 1971. С. 436–442.
42. Чупилина Е. И. Место термина в лексико-семантической системе языка // Проблемы структурной лингвистики. М.: 1967. С. 25–31.
43. Алексеева Л. М. Проблемы термина и терминологии. Пермь: ПГНИУ, 1998. 120 с.
44. Загоровская О. В., Дьякова Т. Н. Термин и терминология: монография. Воронеж: Научная книга, 2011. 136 с.
45. Бархударов Л. С. Структура простого предложения в современном английском языке. М.: Высшая школа, 1966. 200 с.
46. Online Etymology dictionary. URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения: 10.04.2021).
3. Trim, J. L. M. (1969). *Linguistic Consideration in Planning Courses and in the Preparation of Teaching Materials*. Language for Special Purposes. Pp. 18–27. London. CILT. (In English)
4. Grinev-Grinevich, S. V. (2008). *Terminovedenie* [Terminology Studies]. 304 p. Moscow. Akademiya. (In Russian)
5. Leichik, V. M. (2007). *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology Studies: Subject, Methods, Structure]. 3-e izd. 256 p. Moscow. Izdatel'stvo LKI. (In Russian)
6. Makarenko, E. D. (2013). *Yazyk dlya spetsial'nykh tselei: leksiko-semanticheskie i derivatsionnye osobennosti formirovaniya* [Language for Special Purposes: Lexico-Semantic and Derivational Features of Formation]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, Gramota, No. 8 (26): v 2-kh ch. CH. II. С. 115–117. ISSN 1997–2911. (In Russian)
7. Superanskaya, A. V., Podol'skaya, N. V., Vasil'eva, N. V. (2012). *Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii* [General Terminology Studies: Theoretical Issues]. Otv. red. T. L. Kandelaki. 6-e izd. 248 p. Moscow, LIBROKOM. (In Russian)
8. Khomutova, T. N. (2008). *Yazyk dlya spetsial'nykh tselei (LSP): lingvisticheskiy aspekt* [Language for Special Purposes: A Linguistic Aspect]. Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. St. Petersburg, izd. RGPU im. A. I. Gertsena, No. 71, pp. 96–106. (In Russian)
9. Gunnarsson, B. L. (1997). *Language for Special Purposes*. Tucker G. R., Corson D. (eds) Encyclopedia of Language and Education. Encyclopedia of Language and Education, Kluwer Academic Publishers. Vol. 4, pp. 105–117. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-011-4419-3_11. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-94-011-4419-3_11 (accessed: 03.10.2021). (In English)
10. Nagy Imola Katalin (2015). *English for Special Purposes: Specialized Languages and Problems of Terminology*. Acta Universitatis Sapientiae, Philologica, 6, 2 (2014). Pp. 261–273. DOI: 10.1515/ausp-2015-0018. URL: https://www.researchgate.net/publication/276511718_English_for_Special_Purposes_Specialized_Languages_and_Problems_of_Terminology (accessed: 03.10.2021). (In English)
11. Swales, John M. (2000). *Languages for Specific Purposes*. Annual Review of Applied Linguistics 20. pp. 59–76. DOI: 10.1017/S0267190500200044. URL: https://www.researchgate.net/publication/273984465_Languages_for_Specific_Purposes (accessed: 03.10.2021). (In English)
12. Grinev-Grinevich, S. V., Sorokina, E. A. (2018). *Perspektivnye napravleniya razvitiya terminologicheskikh issledovaniy* [Promising Trends for the Development of Terminological Research]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. No. 5, pp. 18–28. (In Russian)
13. Buyanova, L. Yu. (2013). *Termin kak edinitsa logosa: monografiya* [The Term as a Unit of Logos: A Monograph]. L. Yu. Buyanova. 3-e izd., ster. 224 p. Moscow, FLINTA, Nauka. (In Russian)

References

1. Maslova, V. A. (2004). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. 256 p. Mn. TetrASistems. (In Russian)
2. Stevens, P. (1977). *Special-Purpose Language Learning: a Perspective: Survey Article. Language Teaching and Linguistics: Abstracts*. Vol. 10. Issue 3. pp. 145–163. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0261444800003402> URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/language-teaching/article/abs/specialpurpose-language-learning-a-perspective/DDD9511147E7FDCB1547D53ED0371B7C#access-block> (accessed: 11.10.2021). (In English)

14. Nikitina, S. E. (2014). *Semanticheskii analiz yazyka nauki: Na materiale lingvistiki* [Semantic Analysis of the Language of Science: Based on Linguistics]. Otv. red. N. A. Slyusareva. Izd. stereotip. 146 p. Moscow, Knizhnyi dom "Librokom". (In Russian)
15. Golovin, B. N., Kobrin, R. Yu. (1987). *Lingvisticheskie osnovy ucheniya o terminakh* [Linguistic Foundations of the Terminology Studies]. 104 p. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russian)
16. Lotte, D. S. (1969). *Obrazovanie i pravopisanie trekhelementnykh nauchno-tekhnicheskikh terminov* [Formation and Spelling of Three-Element Scientific and Technical Terms]. Otv. red. S. G. Barkhudarov. 119 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
17. Alekseeva, L. M. (1998). *Termin kak kategoriya obshchego yazykoznaniiya* [The Term as a Category of General Linguistics]. *Russkii Filologicheskii Vestnik: Uchenyi zhurnal*. Pod. red. V. A. Tatarinova, Moscow, Moskovskii Litsei, T. 83, No. 1/2, pp. 33–44. (In Russian)
18. FUEL: *The Global Business of Fuels* (2011). URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/fuel> (accessed: 30.10.2021). (In English)
19. *Hydrocarbon Processing Magazine*. URL: www.hydrocarbonprocessing.com (accessed: 30.10.2021). (In English)
20. *Oil and Gas Journal. International Petroleum News and Technology*. PennWell Corporation, Tulsa, USA. January, 2019 – January, 2021. URL: https://digital.ogi.com/ogjournal/20201214/MobilePagedReplica.action?utm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=TXOGJO201211003&utm_content=gtxcel&pm=2&folio=Cover#pg1 (accessed: 2019–2021). (In English)
21. Cheremisinoff, N. P. (1998). *Pressure Safety Design Practices for Refinery and Chemical Operations*. By N. P. Cheremisinoff. 392 p. New Jersey, Noyes Publ. (In English)
22. Leffler, William F. (2008). *Petroleum Refining in Non-Technical Language*. Fourth edition. 280 p. PennWell Corporation, USA, Tulsa. (In English)
23. Meyers, Robert A. (2003). *Handbook of Petroleum Refining Process*. Third edition. 847 p. McGraw-Hill Professional, USA. (In English)
24. Raseev, Serge. (2003). *Thermal and Catalytic Processes in Petroleum Refining*. Marcel Dekker Inc. 920 p. USA, New York. (In English)
25. Kedrinskii, V. V. (2004). *Anglo-russkii slovar' po khimii i pererabotke nefi* [English-Russian Dictionary of Chemistry and Oil Refining]. 2-e izd., stereotip. 768 p. Moscow, RUSSO. (In Russian)
26. Bulatov, A. I., Pal'chikov, V. V. (2001). *Anglo-russkii slovar' po nefi i gazu* [English-Russian Dictionary of Oil and Gas]. 400 p. Moscow, RUSSO, ISBN 5-88721-171-7. (In Russian)
27. Morozov, N. V. (2010). *Anglo-russkii i russko-angliiskii slovar' po nefi i gazu* [English-Russian and Russian-English Dictionary of Oil and Gas]. 512 p. Moscow, Zhivoi yazyk. ISBN 978-5-8033-0714-3. (In Russian)
28. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary and Thesaurus*. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed: 25.10.2021). (In English)
29. *Collins Dictionary and Thesaurus*. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (accessed: 15.10.2021). (In English)
30. *Lexico Oxford English and Spanish Dictionary*. URL: <https://www.lexico.com> (accessed: 12.10.2021). (In English)
31. *Macmillan Dictionary | Free English Dictionary and Thesaurus*. URL: <https://www.macmillandictionary.com> (accessed: 15.10.2021). (In English)
32. *Merriam-Webster Dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com> (accessed: 30.10.2021). (In English)
33. *Bol'shaya ehntsiklopediya nefi i gaza* (BEHNG) [Big Encyclopedia of Oil and Gas]. URL: <https://ngpedia.ru> (accessed: 07.10.2021). (In Russian)
34. *Schlumberger Oilfield Glossary*. URL: <https://glossary.oilfield.slb.com> (accessed: 13.10.2021). (In English)
35. Reformatskii, A. A. (1996). *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to Linguistics]. Pod red. V. A. Vinogradova. 536 p. Moscow, Aspekt Press. (In Russian)
36. Myakshin, K. A. (2009). *K voprosu ob osnovnykh priznakakh termina* [On the Main Features of the Term]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*. Tambov, Gramota, No. 8 (27): v 2-kh ch. CH. II, pp. 111–115. ISSN 1993-5552. (In Russian)
37. Khayutin, A. D. (1981). *Sostavnye terminy – funktsional'nyi tip slozhnykh lingvisticheskikh edinits (SLE) s pozitsii leksikografii* [Compound Terms as a Functional Type of Complex Linguistic Units (CLU) from the Standpoint of Lexicography]. *Otraslevaya terminologiya i leksikografiya*. Voronezh, Voronezh. gos. ped. in-t, p. 50. (In Russian)
38. Leichik, V. M. (1976). *Terminy i terminosistemy – pogranichnaya oblast' mezdu estestvennym i iskusstvennym v yazyke* [Terms and Terminological Systems as a Boundary Area between Natural and Artificial Aspects in Language]. *Voprosy terminologii i lingvisticheskoi statistiki, sbornik nauchnykh statei*. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, pp. 3–11. (In Russian)
39. Vinokur, G. O. (1939). *Grammaticheskie nablyudeniya v oblasti tekhnicheskoi terminologii* [Grammar Observations in the Field of Technical Terminology]. *Trudy MIIFLI*. Moscow, p. 5. (In Russian)
40. Kapanadze, L. A. (1965). *O ponyatii "termin" i "terminologiya"* [On the Concepts of "Term" and "Terminology"]. *Razvitie leksiki sovremennoogo russkogo yazyka*. Pp. 75–85. Moscow, Nauka. (In Russian)
41. Leichik, V. M. (1971). *Ob otnositel'nosti sushchestvovaniya termina* [On the Relativity of the Existence of a Term]. *Materialy nauchnogo simpoziuma "Semioticheskie problemy yazykov nauki, terminologii i informatiki"*. Moscow, pp. 436–442. (In Russian)
42. Chupilina, E. I. (1967). *Mesto termina v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka* [The Place of the Term in the Lexico-Semantic System of the Language]. *Problemy strukturnoi lingvistiki*. Moscow, pp. 25–31. (In Russian)
43. Alekseeva, L. M. (1998). *Problemy termina i terminoobrazovaniya* [Problems of the Term and Term

Formation]. 120 p. Perm'. PGNIU, ISBN 5-7944-0054-4. (In Russian)

44. Zagorovskaya, O. V., Dan'kova, T. N. (2011). *Termin i terminologiya: monografiya* [Term and Terminology: A Monograph]. O. V. Zagorovskaya, T. N. Dan'kova. 136 p. Voronezh. (In Russian)

45. Barkhudarov, L. S. (1966). *Struktura prostogo predlozheniya v sovremennom angliiskom yazyke* [The Structure of a Simple Sentence in Modern English]. 200 p. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russian)

46. *Online Etymology Dictionary*. URL: <https://www.etymonline.com> (accessed: 10.04.2021). (In English)

The article was submitted on 12.01.2022

Поступила в редакцию 12.01.2022

Калинина Светлана Валентиновна,
аспирант,
Ленинградский государственный
университет имени А.С. Пушкина,
196605, Россия, Пушкин, Санкт-Петербург,
Петербургское шоссе, 10, лит. А.
movable@yandex.ru

Kalinina Svetlana Valentinovna,
graduate student,
Leningradskii State University
named after A. S. Pushkin,
10 lit. A Petersburgskoye Shosse,
Pushkin, Saint Petersburg, 196605, Russian Federation.
movable@yandex.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ, РУССКИХ И ИДИОМ ИВРИТА С КОЛОРАТИВОМ *СИНИЙ*

© Тали Кигель

CONTRASTIVE ANALYSIS OF ENGLISH, RUSSIAN, AND HEBREW *BLUE* IDIOMS

Tali Kigel

В статье анализируются английские, русские и ивритские идиомы с лексемой blue/голубой, голубой/כחול (далее – BIs, “blue idioms”). Материалом для исследования послужили 327 BIs (240 на английском, 46 на русском и 41 на иврите) из трехязычных электронных лексических источников. В рамках лингвокультурологического подхода в работе используются качественные и количественные методы, а также контекстуально-функциональный, семантический и культурно-лингвистический анализ. На начальном этапе исследования различные значения BI объединялись в логические ассоциативные цепочки: А. *Оптический цвет природных объектов*: Небо – нечто безграничное; Вода; Медицина – кровообращение; Территория. Б. *Оптический цвет артефактов*: Одежда; Компьютер; Нечто официальное; Оппозиции: наш – чужой, военный – мирный; Профессиональная сфера. С. *Характеристики психических качеств*: Превосходство, социальное отличие – аристократические черты – усилия; Мечтательность, что-то романтическое – печаль, несчастье; Агрессия – что-то грубое, ругательства; Секс – Порнография – Пьянство – Наркотики.

В работе представлены уникальные BIs, связанные с религией, историей, культурой носителей трех языков, а также разнообразные по тематике неклассифицированные BIs. Рассматриваются синонимичные фразеологизмы с колоративами «синий», «черный» и «зеленый», антонимия BIs и фразеологизмов с лексемами «красный» и «розовый», их неколоративные русские эквиваленты, позитивные и негативные коннотации BIs, изменение эмоциональности английских BIs с течением времени, а также этноприоритетная для израильской языковой культуры сине-белая цветовая пара. В исследовании обсуждается неоднозначность BIs, позволяющая включать их в различные микросистемы, и различные способы формирования микросистем.

Результаты исследования могут быть использованы в сопоставительном и культурологическом языкознании, лексикографических и лексикологических работах, в обучении иностранному языку и переводу. Сравнительное изучение других трехязычных идиом, анализ менталитета, культурных особенностей и мировоззрения носителей этих трех языков является предметом нашего дальнейшего исследования.

Keywords: лингвокультура, контрастивная лингвистика, колоратив, идиомы с лексемой синий, ассоциативные цепочки, микросистема, английский язык, русский язык, иврит

The article analyzes English, Russian, and Hebrew idioms with the lexeme blue / синий, голубой / כחול (hereinafter – BI, “blue idioms”). The research material is 327 BIs (240 in English, 46 in Russian, and 41 in Hebrew) from trilingual electronic lexical sources. Within the linguoculturological approach, the work uses qualitative and quantitative methods, as well as contextual-functional, semantic, and cultural-linguistic analyses. At the initial stage of the study, various BI values were combined into logical associative chains: A. *Natural objects’ optical color*: The Sky – something unlimited; Water; Medicine – blood circulation; Territory. B. *Artifacts’ optical color*: Dress; Computer; Something official; The Opposition: our – alien, military – peacefull; Professionals. C. *Mental quality characteristics*: Excellence, distinction – Aristocratic features – Efforts; Dreaminess, something romantic – Sadness, unhappiness; Aggression – Something rude, swearsome – Sex – Pornography – Drunkenness – Drugs.

The work presents unique BIs related to religion, history, the culture of the speakers of these three languages, and unclassified BIs of varied subjects. The article discusses synonymous idioms with coloratives “blue”, “black”, and “green”, antinomy in BIs and idioms with “red” and “pink” lexemes, their non-colorative Russian equivalents, positive and negative BIs’ connotations, the change in the emotiveness of English BIs over time, as well as the ethnic-priority for the Israeli linguistic culture: the blue-

white color pair. The investigation considers the ambiguity of BIs, which allows including them in various microsystems and using various ways of forming these microsystems.

The research results can be used in comparative and culturological linguistics, lexicographic and lexicological works, in teaching L2 and translation. A comparative study of other trilingual idioms and an analysis of the mentality, cultural characteristics, and worldview of the speakers of these three languages is the subject of our further research.

Ключевые слова: linguoculture, contrastive linguistics, colorative, blue idioms, associative chains, microsystem, English, Russian, Hebrew

Introduction

There are a lot of research works on colorative cultural linguistics. This work is part of the project “English, Russian, and Hebrew Colorative Idioms” (Kigel, *Red Idioms, Green Idioms*, 2021; *White Idioms, Gold Idioms* - in print).

The article aims to identify modern English, Russian, and Hebrew BIs from electronic lexical sources, to subsume them into logical groups (associative chains) and microsystems to better understand the worldview of the people speaking these languages. The findings can be used in teaching L2 and in translation, considering that colorative Hebrew idioms are a new field of Hebrew and cultural linguistics.

Blue is one of the three primary pigment colors (red, blue, and yellow) in painting, art, traditional color theory, and the RGB color model. The English word blue means both blue and azure. Russian and Hebrew have two terms for blue: синий/ כחול (dark blue) and голубой/ תכלת (azure).

A lingua-color worldview is a subject of many research works: there are theoretical papers, papers about one language colorative worldview, about all colorative idioms in one language, and one colorative idiom in many languages (contrastive research). Wierzbicka, A. [3, p. 100] asserts that language reflects the conceptualization of color terms and emphasizes their semantics, culture, and cognition meanings. Kövecses, Z. concludes that some conceptual metaphors appear to be near-universal or potentially universal (though not universal in an absolute sense) as a result of certain commonalities in human experience. He notes that metaphors vary not only cross-culturally but also within cultures because of several dimensions including the social, regional, ethnic, style, subcultural, diachronic, and individual aspects [4, p. 217]. According to Chielens [5, p. 83], blue is much less straightforward than black, white, or even red. Knodel [6, p. 289] writes that “the semantic structure of phraseological units can be represented as a microsystem with all its elements in close connection and interaction with each other”. The Explanatory Translation Dictionary [7] defines an association as a relationship between separate views, whereby one of the views triggers the other based on a formal or logical-semantic feature.

Association chains connect two entities that are not directly related by creating a chain of one or more intermediate associations.

Following Zavyalova [8, pp. 308–309], we present the percentage of all color idioms: English (black 23%, BIs, red, white -all 16%); 5% Russian BIs (red 30%, white 25%, black 24%). Knodel [6] presents an almost similar composition of all color idioms: English (white 24%, black 17%, BIs 7%, red 6%). Therefore, BIs have a different frequency in English and Russian. While white & black idioms in different languages are covered in many special works, BIs are studied in fewer papers: Alimpieva [9] on Russian idioms; on English and Russian idioms; Sadykova [10] on Kumik idioms, Erdyneeva [11] on French idioms; Starko [12] on Ukrainian idioms, Grossmann [13] on Italian idioms; Doinikova [14] on German idioms; Sagiv [15] and Kigel [1,2] on Hebrew idioms.

Materials and Methods

Our study uses a contrastive analysis of BIs, based on the corpus of trilingual BIs and their interpretation in electronic lexical sources (explanatory, phraseological dictionaries, and the Internet), and the methods of qualitative and quantitative contextual-functional analyses, as well as semantic and cultural-linguistic analyses.

The paper discusses the following questions: 1. What meanings and microsystems of BIs exist in the three languages. 2. What unique meanings of BIs exist in the three languages. 3. What the quantitative aspect of BIs in the three languages is. 4. What common and different features of BIs in the three languages are.

Results

1. Associative chains and microsystems of BIs.

This part presents 89 English, 34 Russian, and 33 Hebrew BIs.

A. Natural objects' optical color

The Sky, the heavens: the blue blanket / the blue hour/ синий час/ השעה הכחולה (photography, the sky is dark blue in 30 minutes before sunrise and after sunset); a ray of a bit of the blue sky (hope); a blue giant, supergiant / голубой гигант, сверхгигант/ ענק כחול, על ענק כחול (a hot star); clear as the

sky is blue (Russian, clear as a God's day); שמיים כחולים (positive thinking, Blue Skies, energy efficiency in Israel government hospitals); the blue moon /голубая луна/ ירח כחול (the second full moon in one calendar month, the moon turns bluish color for a different reason); **Something unlimited:** blue-sky thinking (brainstorming, the sky is the limit), Blue Ocean Strategy /стратегия голубого океана/ אסטרטגיה האוקיינוס הכחול (the market for a new product or a demand with practically no competition); כוכב כחול (a simulator flying computer game).

Water, the sea, the ocean: a blue planet/голубая планета (the Planet Earth, because of the abundant water on its surface.); blue water (open ocean vs green water - coastal waters, ports, harbors; brown water - navigable rivers and their estuaries)/голубая вода (Blue Water, recreation area)/ מי שמש כחולים (water placed in the sun in a blue glass vessel); the Blue Flag /голубой флаг/ הדגל הכחול (an international award for beaches and marinas, and environmental quality mark); the blue economy /голубая экономика/ כלכלה כחולה (economic activities related to oceans, seas, and coasts); between the devil and the deep blue sea (between two fires, Russian - между молотом и наковальней, between hammer and anvil).

Blood circulation, breathing, heart problems: blue in the face, blue with cold, blue as a badger /синий от холода (skin color); lips turn blue (cold or not breathing); a blue baby/ синдром синего ребенка/ חינוק כחול (a heart defect or lungs disorders); to beat/pinch somebody black and blue/go blue in the face/ в синяках / כחול (bruised).

Medicine: Code Blue /קוד כחול/ (Medical Emergency, Cardiac or Respiratory Emergency).

Territory, traffic: a blue continent/голубой континент (Europe); the Blue Line/קו כחול/ (the Demarcation line between Lebanon and Israel since 2000; the underground or rail line in many cities and countries); קווי הביילי כחול (a Friday and Saturday public bus line to the entertainment centers, to the sea, and hospitals); a blue envelope (the US, communication between a police officer and an autism driver);

B. Artifacts' optical color

Dress, clothing: blue jeans /голубые джинсы/ ג'ינס כחול (informality; equality between the sexes, classless respect for hard work); the blue gown (loyalty, peace, confidence, and success) /синий платочек (a blue scarf, a symbol of female devotion, women's fidelity during the Great Patriotic War).

Computer: Big Blue (IBM nickname for the big blue logo); the blue death /an error screen/Синий экран смерти, ошибка "синий экран"/ מסך המוות /הכחול/ (a critical error in the core of the Microsoft Windows operating system); BigBlueButton/ Боль-

шая синяя кнопка (open-source web conferencing software).

Something official: the Blue Book/ ספר כחול (specialized information often published under government auspices, information literature; a register of especially socially prominent persons), Project Blue Book/ проект "Синяя книга"/ פרויקט "ספר כחול" (the study of unidentified flying objects in the USA 1952–1969)/ הספר הכחול (General specifications for construction works); Blue sky laws/ Законы "голубого неба" / חוק שמיים כחולים (the US, state regulations against securities fraud); Blue Data Books (UN, information about stabilized, not endangered plants and animal species), Bluebook pharmacy (a drug dispensing system); the USA Troops Blue Book (Order and Discipline Regulations), the Bluebook (a uniform system of citation for legal professionals), Kelley Blue Book (an automotive price guide in North America), Blue Book (UN, parameters of inland waterways infrastructure in Europe; traineeship program).

Oppositions: Our - alien, military - peaceful: blues–reds/синие–красные / אדומים - כחולים (conflict oppositions, the colors in tactical games); blue fire, blue-on-blue (friendly fire, inadvertent firing toward friendly forces).

Peace: light blue berets, blue helmets /голубые береты, каски / כחולות, קסדות כחולות כומתות (the UN peacekeeping force).

Professionals: blue-white collar /синие - белые воротнички / צווארון לבן - צווארון כחול (labor-office people, manual labor people versus high professional managerial, administrative staff); blueprint /синька (a technical drawing depicting the model from any viewing angle on light-sensitive sheets).

C. Mental, quality characteristics

Excellence, distinction: Blue Zones / Голубые зоны / אזורים כחולים (regions with a high number of centenarians); a blue ribbon, the blue riband (high quality, awareness ribbons for many causes in many countries; a top-level expert commission; a blue month (a month of the highest trading activity); a blue-chip stock (a large, liquid, and reliable company).

Aristocratic features: blue blood / голубая кровь / דם כחול (membership in a noble or socially prominent family, Russian, Hebrew - ironic), a blue family.

Dreaminess, something romantic: a blue dream / голубая мечта/ חלום כחול (unattainable desires, Maeterlinck).

Effort: be blue in the face / until/till you are blue in face/до посинения (strong effort with no effect); like blue murder (quickly, with all one's might).

Sadness, unhappiness: blues / блюз/ בלוז (melancholic music, USA), blue Monday (first study or

work after a break, Russian—понедельник, день тяжелый). Only in English: to be in the blues, to have a bit of blues, to get blue, to go blue, to feel blue, to look blue, to be in the blues, in a blue mood, turning blue, a blue outlook, the blues, a blue man, blue as the devil, blue depression, things look blue (bad situation); blue study (gloomy reflections); to be blue /green/white around the gills (looks sick, ill, unwell, nauseated).

Aggression: Bluebeard/Синяя борода/ כחול זקן (a jealous, cruel, brutal husband from the tale of Charles Perrault).

Something/someone rude, vulgar, swearsome: By all that's blue! To burn with a low blue flame, hot as blue blazes /гори синим пламенем (the strongest angry curse, extreme confusion, surprise, or aggravation).

Sex: a bluestocking / синий чулок (a pedant, unfeminine woman, passionate about mental work); голубой (homosexual, English - gay), Blue Hair/ a Blue Head (gays or lesbians).

Pornographic: a blue comedy, movie/голубой фильм כחול /רט (a euphemism, a pornographic film); כחול ראש (a blue head, pornographic thoughts; non-standard thinking).

Drunkenness: blue /синий (severe alcoholic intoxication); green/blue devils (low spirits, alcohol delirium tremens); to drink till all's blue (Russian - упиться до чертиков, alcohol delirium), the Blue-Ribbon Army (Sobriety Society); The Blue Cross (alcoholism treatment).

Drugs: a blue pill/голубая таблетка (viagra); Blue Angels (barbiturates);

Discussion: trilingual BIs show pluralistic metaphorical meanings summarized in three key microsystems: Natural object's optical color (five associative logical chains); Artifact's optical color (six associative logical chains); Mental characteristics (11 associative logical chains). **A. Natural objects' optical color.** The Sky – Something unlimited; Water; Blood circulation – Medicine; Territory. **B. Artifacts' optical color.** Dress; Computer; Something official; The Opposition: our – alien, military – peaceful; Professionals. **C. Mental quality characteristics.** Excellence, distinction – Aristocratic features - Efforts; Dreaminess, something romantic-Sadness, unhappiness – Aggression – Something rude, swearsome – Sex – Pornography – Drunkenness – Drugs.

Quantitatively, the number of English BIs, related to natural objects and artifacts' optical color, is approximately equal to the ones in the group Mental Characteristics. The third concept is future BIs, with the domination of negative connotations, some with ironic meanings, and a few positive ones.

Unique and unclassified trilingual BIs. This part analyzes unique and unclassified idioms: 63 English, 12 unique Russian, and 8 unique Hebrew BIs associated with the religion, history, and culture of these countries and shows the differences in their peoples' social and cultural experiences.

English

Something unexpected, unforeseen, sudden: came out of the blue, out of the blue, a bolt /a shot from the blue, to disappear in the blue (melt in the air); once in a blue moon (very rare); a trip into the blue (an opportunity); the wild blue yonder, Cross into the Blue (US Air Force slogan).

Politics: blue (British and Canadian, Tory - conservatives; US - democrats vs conservatives, blue vs red): vote blue (vote for the conservative party), blue dogs, blue states, blue counties, blue people (democrats).

Police: a blue coat; men/boys in blue (the police, a police officer); blue light (police presence alert); the Thin Blue Line (a law enforcement personnel symbol, courage, and sacrifice while protecting the American people); Blue Line Wives (the health and security support of all law enforcement and their families); the Blue Alert (criminal incidents against law enforcement); Blue Lives Matter (the movement against the discrimination of law enforcement); Support the Blue Now (increasing the public's awareness of the police role in ongoing safety and security 24/7); a blue wall of silence (not reporting unlawful fellow officers' conduct); the blue flu (a type of strike, a sick-out staged by police officers).

Groups of people: a bluebonnet, a blue cap (Scot); dark blue vs light blue (Oxford – Cambridge); a blue-brick university (an old type university); blue-haired ladies, blue hairs (aged active women).

Positive Characteristics: to see a Blue Jay (courage, protection, intelligence, and communication); to be a true blue (faithful, constant), true blue will never stain (a decent person will never let you down).

Luck, success: blue-eye/a blue-eyed boy (favorite, unfounded sympathy, privileges, Russian, за красивые глаза, for beautiful eyes).

Fright, fear, darkness, panic: blue funk, blue fear, blue fit, fit of the blues, blue in the face (panic, terrible fear, rage), to cry/scream blue murder (loud, heart-rending scream); blue ruin (doom, fall, disaster).

Puritan: blue-nosed, blue-nose (a rigorous moral code); the blue law (prohibition of alcohol sales on Sunday).

Charity, poverty: a bluecoat school, a blue-coat boy (a charity school); a blue plate special (a set

meal at a reduced price); blue ruin (home-made low-end gin); to cry the blues (ironic, cry poverty).

Anger, despair, exasperation: to have a blue fit, to touch blue paper (extremely angry); **Something/someone rude, obscene, vulgar, offensive:** blue humor / a joke blue with oaths (rough, bawdy, vulgar); blush like a black/blue dog (between blue and black); to make/ turn the air blue (profuse hard swearing); to curse a blue streak (a rapid, unending stream of curse words); to get away with blue murder (do as someone wants to; remain unpunished).

Unclassified idioms: a blue pencil (editing content); blue-John (skimmed milk, without cream); blue meat (completely uncooked in the center; extra rare steak); Blue Cross (Veterinary Service); Blue Cross Canada (an anti-tobacco, anti-second-hand smoke campaign); blue-gum (a very dark-skinned black person); blue discharge (dismissal from the army without a positive attestation); blue smoke (exhaust, burning engine oil because of an oil leak);

Russian: energy - голубое топливо / золото (blue fuel / gold, natural gas with a bluish flame); голубой уголь (wind as a type of energy); fish farming - голубая ферма (a blue farm – a fish farm); голубой патруль (a blue patrol, the USSR reservoirs and fish resource protection; TV- голубой экран (a blue screen -TV); голубой огонек (the Blue Light, the TV festive performance evening); голубоглазый (blue-eyed); синие, синенькие (blue ones – eggplants); голубая душа (Russian ironic: a blue soul - pure, immaculate), на голубом глазу (with an azure eye, making naïve).

Hebrew: פתיל תכלת (an azure thread in the corners of the tallit, a Judaism prayer vestment); כחול ולבן (Blue & White, the two national colors of Judaism, Israel National; the state of Israel; the Israeli flag, the production of Israel, the best of Israel, the centrist party since 2019; a parking report); זכויות אדם כחולבן (Israeli Zionist Human Rights Organization); הקרן לרווחה כלכלית חברתית - כחולבן (the Foundation for Socio-Economic Welfare); כחול לבן - המכון (the Israel Democracy Institute); קווי הבילוי כחול לבן (Friday and Saturday public free transport to the centers, to the sea and hospitals); כיסא כחול (the blue chair, a journal section for problematic topics), מתחם כחול לבן (Israeli production shops). We should note that the blue color implies both light blue, dark blue, and azure.

Discussion

English has the biggest number of unique unclassified BIs with very different meanings that can be subsumed into several issue groups: Something unexpected, sudden; politics; police; groups of people; charity; poverty; positive characteristics; fright, fear, darkness, panic; anger, despair, exasperation;

something/someone rude, obscene, vulgar, swearsome. English speakers prefer to use blue in different situations to denote very different phenomena.

Russian BIs are related to energy, fishing, and TV, but not only. Alimpieva (1983) writes about extreme degrees of blue hue intensity (bright, saturated versus dim), but azure / голубой is commonly positive, associated with something tender, affectionate, and soft. The Hebrew Blue & White idiom כחול ולבן is the most important linguocultural symbol of Judaism and Israel. Its value is comparable to the significance of the red idioms in Soviet Russia in the 1920s-1940s.

English BIs have several parallels with black idioms (blush like a black/blue dog) and less often with green idioms (blue/green, blue around the gills). A part of English BIs matches black idioms in Russian (blue glasses - black glasses; and Hebrew (לראות שחורות see black). English BIs form antinomes with red colorative idioms (blue-red pill; military blues-reds) and rose colorative idioms (rose-tinted glasses). Some English idioms have Russian colorless equivalents (a blue-eyed boy - за красивые глаза, for one's beautiful eyes; between the devil and the deep blue sea, Russian: между молотом и наковальней - between hammer and anvil). English BIs have many negative and some positive connotations, most Russian BIs have positive connotations, and very frequent Hebrew BIs have very positive connotations of respect and pride.

Conclusions

The paper analyzes 253 English, Russian, and Hebrew BIs with the colorative lexeme blue/синий, голубой/כחול, and forms the initial stage of Hebrew colorative linguistics. Quantitatively, the number of English BIs exceeds the number of Russian and Hebrew BIs, especially concerning unique idioms. The diverse meanings of trilingual BIs are integrated into associative chains, 20 microsystems, and three key microsystems: **A. Natural objects' optical color:** The Sky – something unlimited; Water; Medicine - blood circulation; Territory. **B. Artifacts' optical color:** Dress; Computer; Something official; The Opposition: our - alien, military - peaceful; Professionals. **C. Mental quality characteristics:** Excellence, distinction – Aristocratic features - Efforts; Dreaminess, something romantic- Sadness, unhappiness - Aggression – Something rude, swearsome - Sex - Pornography - Drunkenness - Drugs. Besides, we present unique idioms associated with religion, history, and culture and unclassified BIs with unrelated meanings distinguished by various issues.

About half of the meanings of BIs are common in the three languages, so the BI *a blue gown* /сунуй

платочек (a blue scarf) means loyalty, peace, and devotion, but some BIs differ in their semantics in the three languages (e. g. *blue water*). A surprisingly large number of BIs describe sadness and unhappiness.

English BIs have several parallels with black idioms and less of them with green idioms.

A part of English BIs matches black idioms in Russian and Hebrew. English and Hebrew BIs form an antinomy with red and with rose (one-off case). Some English idioms have a Russian colorless equivalent. Over time, English BIs have become more informative and less emotional. A combination of blue & white as a symbol of Judaism and Israel is of a huge linguocultural value. The era of globalism contributed to the number of equivalent trilingual idioms related to technology, computers, and economics.

Three microsystems comprise several associative chains with logically connected lexemes (Excellence – Aristocratic features - Luck - Mental effort). They can include polysemic BIs from another microsystem (Blood Circulation - Medicine or Artifacts' optical color: Dress; Computer; Medicine). Thus, BI microsystems are not closed systems and may be organized in different ways.

The research results can be used in comparative and cultural linguistics, lexicographic and lexicological works, in teaching L2 and translation. A contrastive study of other trilingual idioms, the analysis of the mentality, cultural characteristics, and worldview of speakers of these three languages are the subject of our further research.

References

1. Kigel, T. (2021). *Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew Green Idioms*. Russkoye slovo v mezhdunarodnom obrazovatel'nom prostranstve, istorii i sovremennosti. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 501 p. Pp. 76–82. Pyatigorsk, PSU. URL: <https://upload.pgu.ru/iblock/6bd/6bd21f9d84be55d66c08cae0a3bff066/Sbornik-materialov-konferentsii.pdf/> (accessed: 25.12.2021). (In English)
2. Kigel, T. (2021). *Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew Red Idioms*. Yazyk i tekst 8 (2):103–112. DOI: 10.17759/langt. 2021080210. (In English)
3. Wierzbicka, A. (1990). *The Meaning of Colour Terms: Semantics, Culture, and Cognition*. Cognitive Linguistics 1 (1):99-150) (In English)
4. Kövecses, Z. (2010). *Metaphor and Culture Department of American Studies*. Eötvös Loránd University, Budapest Acta Universitatis Sapientiae, Philologica, No. 2, 2, pp. 197–220. (In English)
5. Chielsens, L. (2006). *Basic Color Terms in English. Researching Their Use and Meaning in English Expressions*. Tezis. Universiteit Gent; Faculteit Letteren En Wijsbegeerte. (In English)
6. Knodel, L. (2019). *Angliyskiye idiomu tsveta: monografiya* [English Color Idioms: A Monograph]. L. V. Knodel. 320 p. Kiev, FOP Kandiba T. P. (In Russian)
7. *Tolkovyi perevodovedcheskii slovar'* (2003) [Explanatory Translation Dictionary]. Compiled by L. L. Nelyubin. <http://rus-yaz.niv.ru/doc/translation-dictionary/index.htm>. URL: <https://upload.pgu.ru/iblock/6bd/6bd21f9d84be55d66c08cae0a3bff066/Sbornik-materialov-konferentsii.pdf/> (accessed: 2.1.2022). (In Russian)
8. Zavyalova N. A. (2011). *Frazeologizmy s komponentom kolorita kak komponent diskursa povsednevnosti v Yaponii, Velikobritanii i Rossii* [Phraseological Units with a Coloration Component as a Component of Everyday Life Discourse in Japan, Great Britain, and Russia]. 320 p. Ural'skoye izdatel'stvo. (In Russian)
9. Alimpieva, R. V. (1983). *Struktura sinonimicheskogo ryada i semanticheskoe razvitie russkogo goluboi i ukrainskogo golubiyi* [A Structure of a Synonymic Row and Semantic Development of Russian *goluboi* and Ukrainian *golubiyi*]. In R. V. Alimpieva et al. (Eds.). *Voprosy semantiki* (pp. 52–62). Kaliningrad State University. (In Russian)
10. Sadykova, S. (2015). *Lexico-Semantic Features of Phraseological Units with the Color Component Gok "Blue" in the Modern Kumyk Language in Comparison with the English Language*. Humanitarian, socio-economic, and social sciences. - No. 3. Part 1, 2, pp. 241–244. URL: <https://rucont.ru/efd/427463/> (accessed: 5.1.2022). (In Russian)
11. Erdyneeva, E. (2013). *Kontseptualizatsiya nazvaniya tsveta bleu vo frantsuzskoi kartine mira* [Conceptualization of the Color Name Bleu in the French Worldview]. Magistr Diksit. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualizatsiya-imeni-tsveta-bleu-vo-frantsuzskoy-kartine-mira/> (accessed: 10.1.2022). (In Russian)
12. Starko, V. (2013). *Ukrainian Colour Microsystems for Blue. Slovo: Journal of Slavic Languages and Literatures*. ISSN 0348-744X, E-ISSN 2001–7359, Vol. 54, pp. 150–163. (In English)
13. Grossmann, M. (2016). *Italian Colour Terms in the Blue Area: Synchrony and Diachrony*. in João Paulo Silvestre, Esperança Cardeira & Alina Villalva (eds.), *Colour and colour naming: crosslinguistic approaches*, Lisboa, Centro de Linguística da Universidade de Lisboa. Universidade de Aveiro, pp. 21–50. (In English)
14. Doinikova, M. (2019). *Frazeologicheskiye yedinitsey s komponentom oboznacheniya tsveta Blau (sinii) v nemetskom yazyke* [Phraseological Units with the Color Designation Component Blau (Blue) in the German Language]. Tambov, Diploma. Volume 12. Issue 10, pp. 201–205. ISSN 1997–2911. (In Russian)
15. Sagiv, G. (2017). *Oslepitel'no-goluboy: tsvetovoy simvolizm, kabbalisticheskiy mif i sglaz v iudaizme* [Dazzling Blue: Color Symbolism, Kabbalistic Myth, and the Evil Eye in Judaism]. URL: <https://doi.org/10.1177/2158244017714829> DOI: 10.1163/15685276-12341459 / (accessed: 15.1.2022). (In English)

86

ЭКСПРЕССИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ГЛАГОЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Г. ЯХИНОЙ)

© Елена Колосова, Татьяна Гимранова

EXPRESSIVE POTENTIAL OF VERBS IN THE FICTIONAL TEXT (BASED ON G. YAKHINA'S WORKS)

Elena Kolosova, Tatyana Gimranova

This article studies expression making devices in fictional texts by analyzing the use of semantic and stylistic potential of the Russian verb in the works of Guzel Yakhina, a representative of modern women's prose. The focus is on the identification of the most common expression making devices and on the overall individual writing technique of Yakhina: using verbs to create expressiveness within a fictional text. We chose the descriptive method as the leading research method, which allowed us to summarize our findings. Furthermore, we used contextual and component types of the language material analysis, extracting continuous samples from Guzel Yakhina's works. Thus, we have found that Yakhina uses traditional expression making devices in her works (personification, anaphora, gradation, parallel syntax, etc.). The author resorts to the semantic and stylistic features of the Russian verb to create vibrant living narrative pictures. We highlight Guzel Yakhina's special manner of the verb lexicon application, obsolete verbs (or verb forms) are often found in the writer's creative work. Her work is characterized by such things as clear semantic and stylistic differentiation of onomatopoeic verbs, skillful use of a common language in fictional texts and creation of occasional formations for semantic nuances. As a result of the conducted research, we conclude that the use of traditional devices for expression making in fictional texts is possible owing to the semantic and stylistic potential that verbs possess, the involvement of obsolete lexicon that helps portray past events accurately and the creation of occasional variants.

Keywords: Russian language, verb, artistic text, women's prose, expression making devices

Статья посвящена рассмотрению приемов создания экспрессии в художественном тексте при использовании семантико-стилистических возможностей русского глагола в романах Г. Яхиной, представительницы современной женской прозы. Особое внимание уделяется выявлению наиболее частотных приемов создания выразительности, в целом индивидуальной писательской манере Г. Яхиной использовать глаголы для создания экспрессивности в пределах художественного текста. Ведущим методом исследования стал описательный метод, который позволил авторам статьи провести обобщения; кроме этого применялся контекстуальный и компонентный виды анализа языкового материала, отобранного методом сплошной выборки из произведений Г. Яхиной. Так, было установлено, что Г. Яхина использует традиционные приемы создания выразительности (олицетворение, анафора, градация, синтаксический параллелизм и др.). При создании ярких «живых» картин повествования писательница обращается к семантико-стилистическим особенностям русского глагола. Можно отметить особое отношение Г. Яхиной к глагольной лексике, в творческой манере писательницы отмечается частое обращение к устаревшим глаголам (или формам глаголов), четкая семантико-стилистическая дифференциация звукоподражательных глаголов, умелое использование просторечия в рамках художественного текста, создание окказиональных образований для семантической нюансировки. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что создание экспрессии в художественном тексте в рамках традиционных приемов выразительности при использовании глаголов может быть связано с эксплуатацией семантико-стилистических возможностей самих глаголов, привлечением устаревшей лексики для воссоздания колорита, созданием окказиональных вариантов.

Ключевые слова: русский язык, глагол, художественный текст, женская проза, приемы создания экспрессии

Глагол в системе частей речи русского языка определяется исследователями как самая сложная и самая богатая часть речи, к тому же глагол обладает большим потенциалом в плане передачи экспрессии, так как имеет яркие семантико-стилистические возможности описания жизни в ее развитии, движении. «Глагол является наиболее сложной, грамматически организованной, отвлеченной и в то же время наиболее насыщенной, то есть непосредственно отражающей действительность, категорией современного русского языка. В глаголе лексическая многозначность совмещается с богатством и многообразием грамматических форм» [1, с. 476]. Четкая дифференциация в употреблении того или иного глагола в речи самого персонажа, подбор глагольных лексем для создания отдельного образа и его характеристики со стороны автора, наконец, вся система глагольных форм, используемых в контексте произведения, – все это способствует созданию поистине незабываемых словесных образов русской действительности. На наш взгляд, глагол представляет несомненный интерес как значимая составляющая художественного текста в плане создания экспрессии.

Интерес современных исследователей к языку художественных произведений ярких представительниц женской прозы конца XX – начала XXI вв. (Татьяны Толстой, Дины Рубиной, Людмилы Улицкой и др.) не ослабевает, рассматриваются разные стороны создания экспрессии и выразительности в тексте (см. раб. Е. Г. Кошкарновой [2], Г. А. Пушкарь [3], Е. Е. Пастуховой [3] и др.). Как отмечает Кошкарнова Е. Г., «...сама „женская тема“ традиционно, на протяжении, по крайней мере, двух столетий разрабатывавшаяся в ней мужчинами, постепенно переходит в руки самих женщин, становится художественной почвой для появления ряда ярких писательских имен и даже, с известной мерой условности, дает критике возможность поставить вопрос о формировании в русской литературе последних десятилетий определенного творческого направления» [2, с. 4].

В данной статье мы рассматриваем авторские приемы создания выразительности на уровне использования глаголов на материале произведений Гузели Яхиной – «самой яркой дебютантки в истории российской литературы новейшего времени», как отмечает Елена Костюкович в предисловии к роману «Дети мои» [5, с. 4]. В рамках анализа были исследованы языковые единицы, отобранные методом сплошной выборки, для комментирования и обобщения был использован описательный метод, а также в ряде случаев применялись контекстуальный и компонентный

виды анализа. Материалом для исследования послужили романы Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» (2015), «Дети мои» (2018), «Эшелон на Самарканд» (2021).

Одним из ярких приемов создания интенсивности действия в романах Г. Яхиной можно назвать использование синтаксических средств выразительности, таких как анафора, параллелизм, ряды однородных членов. При этом можно отметить, что Г. Яхина владеет особым мастерством использования различных средств выразительности и сочетает их в пределах описания одной картины, наращивая таким образом экспрессию всего повествования. Наше внимание привлек следующий фрагмент из романа «Эшелон на Самарканд», в котором использование синтаксических средств выразительности основано на языковой игре: сначала повтор прилагательного *лютый*, вписанного в ряд однородных членов, а затем анафора с использованием форм глагола *лютовать* создают поистине яркую картину бедственного положения, расширяя пространство повествования:

Смерть принимала разные обличья: эпидемии, голод, лютые зимы, лютая бедность, лютый бандитизм. Лютовало оттесняемое на задворки республики белое воинство, пока не было уничтожено. Лютовала своя, Красная армия. Лютовали крестьяне-бунтовщики, не желая сдавать зерно государству. Лютовали продотряды, забирая в деревнях «кровь вместо хлеба» [6, с. 84].

Не случайно, даже сами писатели, в том числе представители женской прозы, отмечают талант Г. Яхиной. Как отмечает Л. Улицкая в рецензии к роману «Зулейха открывает глаза», «Гузель Яхина возвращает нас к словесности точного наблюдения и тонкой психологии» [7, с. 6]. Анафора в ряде случаев усиливается параллелизмом, отмечается одинаковое синтаксическое построение предложений: *Свирепствовали болезни: тиф сожрал три миллиона граждан, «испанка» – еще три. Свирепствовал голод: тридцать пять губерний – девяносто миллионов человек – который год стонали беспрерывно «хлеба!»* [6, с. 84].

При использовании рядов однородных членов писательница выстраивает глаголы в предложении таким образом, что они описывают действия с разных сторон, совмещают в себе базовые характеристики (физические свойства, психические процессы и др.), количество глаголов в таких рядах может колебаться от 3 до 5-6 единиц: *...а голова гудит, горячее, наливается яростью...* [7, с. 294]; *...небо шуршало, трещало, гудело раскатисто..., вспыхивало белым, ахало*

страстно и низко, падало на степь... [5, с. 25];обитатели приемника глазели в окна, резались в карты, болтали, дрыхли, выкусывали вшей, просто таращились бездумно в потолок [6, с. 21].

На наш взгляд, интересны случаи употребления элементов, графически оформленных как написание глаголов через дефис, подобно традиционным фольклорным формулам, например, инициальным (зачины) в русских сказках: *жили-были, жить-поживать, было-жило*. Это дает писателю возможность показать градацию в пределах одной словесной конструкции, усилить экспрессию: *...звуки хлынули в уши: зашуршала-загрохотала по насту поземка, заныл-заколотился об крышу ветер, звякнули-затренькали оледеневшие ветви яблонь в саду [5, с. 148].*

С помощью приема олицетворения автор создает яркие и неповторимые художественные образы, описывает переживания героев, выражает их отношение к предметам и явлениям. Так, описывая брошенные дома в романе «Дети мои», Г. Яхина, используя олицетворение, создает картину одиночества и отчужденности. Дом – символ тепла, уюта и защищенности, оставшийся без хозяев, сродни осиротевшему несчастному человеку, не верящему, что это действительно с ним произошло. Просторечный глагол *нялиться* передает ощущение растерянности, удивления и непонимания происходящего. Еще один глагол – *сутулиться*, создающий олицетворение, помогает читателю представить согбенного человека, отягощенного горем: *Многие жилища оставлены хозяевами: слепо нялились друг на друга заколоченными окнами, сутулились давно не чиненными крышами в козырьках слоистой наледи... [5, с. 151].*

Интересный пример олицетворения наблюдается и в романе «Эшелон на Самарканд»: *Бушлат обнимал его уютнее всех пуховых перин [6, с. 216].* Тепло от форменной военной одежды приравнено здесь к душевному теплу, получаемому от объятий дорогого, близкого человека. Приведем еще один яркий пример олицетворения в названном выше романе: *Свиристели болели: тиф сожрал три миллиона граждан... [Там же, с. 84].* Страшная болезнь благодаря приему олицетворения показана автором как ужасное чудовище, поглощающее огромное количество людей.

Любопытно, что Г. Яхина нередко совмещает приемы выразительности в плане использования глагольной лексики: *...слова... вдруг проснулись, зашевелились, заволновались. Рвались наружу... [5, с. 180].* В приведенном примере в первую

очередь обращает на себя внимание прием олицетворения, при помощи которого Г. Яхина тонко подчеркивает живительную силу слова. Однако, помимо олицетворения, автор использует градацию, выстраивая глаголы в цепочку семантически и экспрессивно нарастающих лексем. Соединение указанных выше приемов усиливает выразительность текста и свидетельствует об умелом владении словом автором. Подобное совмещение приемов можно видеть и в романе «Зулейха открывает глаза». В данном случае наблюдаем олицетворение и звукоподражание: *Ахает выстрел... [7, с. 444].* Здесь звукоподражательный глагол *ахать* передает восклицание *ах*, произносимое человеком и выражающее какое-либо чувство: удивление, печаль и т. д.. Также весьма любопытным можно назвать олицетворение, выраженное устойчивым сочетанием, что придает ему книжный оттенок, но при этом не лишает его экспрессии: *Крепость хранила молчание [6, с. 16].* В данном примере крепость предстает перед читателем как некий живой таинственный организм.

Многие исследователи отмечают богатство и разнообразие звукоподражательных глаголов в русском языке. Считается, что в эту группу входят те глаголы, которые передают звучание, физиологические действия (включая говорение), движение и др. в окружающей действительности. Кроме этого, отмечается, что «... звукоподражательные глаголы отличаются внешней броскостью и экспрессивностью. В художественных произведениях они создают новизну и неожиданность словесного образа» [8, с. 114].

Звукоподражательные глаголы в арсенале писательницы находят свое применение для передачи непосредственно звучания, прежде всего птичьего гомона, при этом Г. Яхину привлекают нечастотные глаголы, отмечается окказиональное совмещение звукоподражаний в одну лексему, семантическое осмысление в контексте и др. Привлекло наше внимание использование глагола *чвиркать* в романе «Зулейха открывает глаза»: (синица) *Не боится, смотрит на Зулейху внимательно, чвиркает [7, с. 66].* В словарях русского языка отмечается звукоподражание: *чвиркать, -аю, -аешь, несов. Разг. Издавать характерные звуки, похожие на «цвирк-цвирк» (о сверчке, о кузнечике) [9].* А в романе у Г. Яхиной звук производит птичка, напоминающая главной героине ее умершую во младенчестве дочку Шамсию. Случайно ли совпадение начального звука, своеобразная контаминация с глаголом *чирикать* (ср. нач. Ц – Ч: *чвиркать – чирикать = чвиркать*)? Обычно этот глагол используют при

характеристике пения маленьких птиц (воробьев), которые вызывают умиление.

Гузель Яхина при использовании звукоподражательной глагольной лексики тонко чувствует семантику глагола, подразумевает все его смысловые оттенки. Так, например, в контексте из романа «Дети мои» приставочное образование глагола *(за)цыкать* поддерживается характеристикой самого субъекта, производящего звук, – рассерженной гаички: *...хрипло зацыкала в кустах рассерженная гаичка* [5, с. 25]. Здесь явное олицетворение, птичке приписываются человеческие качества: *зацыкать*, сов. неперех. разг.-сниж. 1) Начать цыкать, издавая щелкающий звук, похожий на [ц]; 2) перен. Начать прикрикивать «цыц», запрещая делать что-л. [10].

В тексте автор довольно часто сама дифференцирует лексическую сочетаемость того или иного звукоподражания. Отмечено использование вариаций глаголов: *дзынькать*, *дзынькнуть* – *(за)дзенькать*, которые в тексте распределяет автор. Например, при обозначении физического состояния человека дается характеристика звучания, сходного с дребезжанием стеклянных предметов: *...рюмки громко дзынькнули...* [5, с. 39]; *...после этого долго тенькало и дзынькало в голове* [Там же, с. 203]. Но при описании пения птиц в этом же романе используется другой вариант глагола: *...овсянкам задзенькать на кленовых ветках* [Там же, с. 214]. Важно отметить нечастотность данных звукоподражаний в употреблении, из приведенных контекстных примеров отмечен в Словаре С. Ожегова только глагол *тенькать*, -аю, -аешь; несов. (разг.). Издавать звенящий прерывистый звук. || *однокр. тенькнуть*, -ну, -нешь. *Тенькнул колокольчик.* || *сущ. теньканье*, -я, *ср.* [11], а также в Русском семантическом словаре зафиксирован глагол *дзенькать* в общем перечне глаголов, обозначающих восприятие органами чувств качеств, признаков при восприятии слухом [12, с. 123].

Звукоподражательные глаголы Г. Яхина употребляет в описании действий для создания живой звучащей картинки повествования, усиливая таким образом экспрессию текста, например, в романе «Эшелон на Самарканд»: *Звякает ремень, шуришит одна ткань, вторая* [6, с. 283]; *Прошли через платформу, прохрустели по щбенке...* [Там же, с. 139]. Можно отметить, что глагол *хрустеть* обычно используется при характеристике производимого самим субъектом действия: *хрустеть*, хрущу, хрустишь; несов. 1. Издавать хруст. *Снег хрустит под ногами. Пыль хрустит на зубах.* 2. Есть с хрустом. *Х. огурцом.* || *однокр. хрустнуть*, -ну, -нешь [11], а в тексте романа Г. Яхиной он аккумулирует в себе

значение синтаксического и семантического предиката.

Легкий, яркий и сочный язык произведений Г. Яхиной не лишен стилистической маркированности, писательница достаточно часто обращается к просторечию. На наш взгляд, это может быть обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, просторечия в речи персонажа могут свидетельствовать о его эмоциональном состоянии. Изначально обладающие особой экспрессивностью, просторечные слова и выражения, произнесенные с особой интонацией, оказывают более сильное воздействие на реципиента: *«Опусти, дура, – отвечал он из травы. – Шмальнет!»* [7, с. 355].

Во-вторых, просторечия часто используются для речевой характеристики персонажей, указывая на их социальный статус, уровень образования и проч.: *Скоро доложили, что беременной бабе в трюме поплохело* [Там же, с. 212]. Из приведенного примера видно, что просторечный глагол *поплохеть* в сочетании с существительным *баба* характеризует, скорее, не саму женщину, о которой идет речь, а того, кто доложил о ней.

В-третьих, просторечия могут служить особым маркером при описании либо соответствующей обстановки, либо самих персонажей, что также характеризует их с точки зрения социального положения: *...обитатели приемника глазели в окна, резались в карты, болтали, дрыхли, выкусывали вшей, просто таращились бездумно в потолок* [6, с. 21].

В целом можно сказать, что Г. Яхина мастерски вплетает в канву повествования просторечную глагольную лексику, описывая происходящее не только достоверно, но и весьма колоритно: *И нищевобродит, молоко по ночам таскает* [5, с. 173]; *Здесь же паровозы с прошлого века еще туда-сюда шлындают!* [Там же, с. 268]; *Бах шуровал веслами по зыбкому телу реки* [Там же, с. 302]; *...(девочка)... вбуравилась в ворох перинных складок...* [Там же, с. 157]; *Ребенок лежал неподвижно, продолжая глазеть в ответ, лишь ветер пошевеливал серые космы на лбу...* [6, с. 230].

Встречаются в языке романов Г. Яхиной окказиональные образования глаголов. Чаще всего это проявляется в добавлении писателем аффиксов, которые создают новое слово, выделяют экспрессивное значение. Ярким примером является использование глагола *недостыдилась* в контексте романа «Зулейха открывает глаза»: *Словно весь ее стыд, прошлый и настоящий, слился воедино, вобрал в себя все, за что недостыдилась в этот безумный год...* [7, с. 339]. Использование префикса *недо-* в данном случае оп-

равдано самим контекстом: соединение всего страшного, трагичного, ужасного, что случилось в жизни героини романа – Зулейхи – до этого момента, не было еще пределом, и вот теперь последняя капля – запретная страсть-любовь к убийце своего мужа. В словарях русского языка глагол *стыдиться(ся)* отмечается только с префиксами *по-, за-* [11], таким образом Г. Яхина использованием иного префикса создает окказиональное яркое экспрессивное значение. Можно отметить особенность писателя использовать глаголы, которые не только «подменяют» одно действие другим, при этом произведенное действие вполне понятно читателям по описанию, является более экспрессивным, но и в контексте сразу подразумеваются все значения глагола: *Баба затрепыхалась следом* [6, с. 139]. Глагол *трепыхаться*, -аюсь, -аешься; *несов.* (разг.). 1. Судорожно дергаться, колебаться, дрожать. *Рыба трепыхается на песке. Флажки трепыхаются на ветру.* 2. *перен.* Волноваться, нервничать. *Т. из-за пустяков. || однокр. трепыхнуться, -нись, -нешься (к 1 знач.)* [11]. На наш взгляд, в данном примере можно отметить, что глагол *затрепыхалась* совмещает в себе семы движения, направленного вперед, которое совершается судорожно, нервно, так как женщина боится, не знает, что ее ждет, предыдущее описание ее состояния свидетельствует об этом: *...глаза ее забегали...округлились от испуга... Затрясла губами...и бледнеет стремительно...* [6, с. 138].

Язык романов Г. Яхиной яркий, сочный, экспрессивный, при этом она умело использует разговорные элементы в рамках авторской речи, например, при описании поведения и действий героев, чем поддерживает некую разговорность повествования: *Глупо вскочил – запетушился, как подросток* [6, с. 90]. Глагол *запетушиться* в словарях русского языка идет с пометой разговорный, даже фамильярный: *сов. разг.* Начать петушиться, ведя себя запальчиво, заносчиво [10]. Возможно смешение глаголов, что тоже может свидетельствовать о намеренном создании речевой ошибки для поддержания иллюзии разговорности повествования, например, образование неличной формы глагола в контексте – *заШпаренный*: *...Бах бросал на печь влажную одежду, согревал ступни в тазу с зашпаренным чабрецом...* [5, с. 23]. Ср. в словаре: *ЗАпаривать несов., перех.* 1) Замачивать горячей водой раскохшуюся деревянную посуду; 2) Заливать, заваривать кипятком для размягчения; распаривать – *несов., перех., разг.* оШпаривать – Обливать кипятком, обваривать [10].

Для создания экспрессии, точности передачи состояния героя или окружающей действитель-

ности писательница обращается к использованию устаревших грамматических форм глаголов, возвращается к истокам языка: *...а голова гудит, горячает, наливается яростью...* [7, с. 294]. Так, используемая в контексте форма *горячает* относится к устаревшему глаголу *горячить* (I спр.) со значением направленности действия на себя, утраченному на современном этапе по свидетельству словарей. Словарь русского языка XVIII в.: *ГОРЯЧѢТЬ, ѣю, ѣет, несов. (Един.) Становиться горячим.* Нижняя часть <воздуха> есть горяча и влажна; .. и горячѣет для солнечных лучей от земли отбивающихся. О воздухе 2 [13, с. 186]; Словарь Ожегова: *горячить, -чѹ, -чишь; -ченный (-ен, -енá); несов., кого-что.* Согревать, а также возбуждать, раздражать. *Вино горячит кровь. Г. коня. || сов. разгорячить, -чѹ, -чишь; -ченный (-ен, -енá). || прил. горячительный, -ая, -ое. Горячительные напитки (алкогольные)* [11]. Употребление устаревших вариантов глаголов и глагольных форм встречается довольно часто в произведениях Г. Яхиной, при этом можно отметить словообразовательные варианты, *вм.* *Обветшать – Изветшать: «Дворец» Вагнера изветшал вконец* [5, с. 102]. Писательница в ряде случаев заменяет глагольные формы в пределах близких по содержанию контекстов, например, замена неличной формы в словосочетании *поеденный молью* на устаревший вариант *траченный молью*: *...они превратились в траченное молью старье и ветошь* [Там же, с. 175] ср. – *...все поеженные молью сюртуки...* [Там же, с. 180]. На наш взгляд, использование устаревших вариантов придает особую насыщенность языку художественного текста, относящегося к описанию событий прошлого.

Подводя итоги, необходимо сказать о том, что глагол способен не только передавать значение процессуальности, но и обладать экспрессивностью. Все это дает огромные возможности для использования глагола в художественном тексте как средства выразительности, что мастерски продемонстрировано в романах Г. Яхиной. Проведенное исследование показало, что основные приемы создания глагольной экспрессии в произведениях автора – использование семантико-стилистических возможностей глаголов, привлечение устаревшей лексики для воссоздания колорита, создание окказиональных вариантов.

Список источников

1. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М: Высшая школа, 1986. 642 с.
2. Кошкарлова Е. Г. Идеино-художественный диапазон «женской темы» в прозе современных рус-

ских писательниц и оценках литературной критики: дис. ... канд. филол. наук: Псков, 2005. 197 с.

3. Пушкарёв Г. А. Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект: на материале рассказов Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой: дис. ... канд. филол. наук: Ставрополь, 2007. 234 с.

4. Пастухова Е. Е. Русская "женская проза" рубежа XX-XXI веков в осмыслении отечественной и зарубежной литературной критики: дис. ... канд. филол. наук: Саратов, 2010. 147 с.

5. Яхина Г. Дети мои. М.: Издательство АСТ, 2019. 493 с.

6. Яхина Г. Эшелон на Самарканд. М.: Издательство АСТ, 2021. 507 с.

7. Яхина Г. Зулейха открывает глаза. М.: Издательство АСТ, 2018. 508 с.

8. Кондрашов Н. А., Третьякова В. С. Звукоподражательные глаголы в системе русской лексики // Лексическая семантика: сб. научных трудов. Свердловск, 1991. 120 с.

9. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/23/ma463526.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 12.03.2022).

10. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (дата обращения: 12.03.2022).

11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/> (дата обращения: 12.03.2022).

12. Русский семантический словарь. IV. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. М.: Азбуковник, 2007. 924 с.

13. Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1989. Вып. 5. Выпить – Грызть. 256 с.

References

1. Vinogradov, V. V. (1986). *Russkii yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian Language: A Grammatical Teaching of Word]. 642 p. Moscow, Vysshaya Shkola. (In Russian)

2. Koshkarova, E. G. (2005). *Ideino-khudozhestvennyi diapazon "zhenskoi temy" v proze sovremennykh russkikh pisatel'nits i otsenkakh literaturnoi kritiki: dis. ... kand. filol. nauk* [Ideological and Artistic Spectrums of Women's Issues in Prose of Modern Russian Female Writers and Literary Criticism Evaluation: Ph.D. Thesis]. Pskov, 197 p. (In Russian)

3. Pushkar', G. A. (2007). *Tipologiya i poetika zhenskoi prozy: gendernyi aspekt: na materiale rasskazov*

T. Tolstoi, L. Petrushevskoi, L. Ulitskoi: dis. ... kand. filol. nauk [Typology and Poetry of Women's Prose: Gender Aspect. Based on the Works of T. Tolstoy, L. Petrushevskaya, L. Ulitskaya: Ph.D. Thesis]. Stavropol, 234 p. (In Russian)

4. Pastukhova, E. E. (2010). *Russkaya "zhenskaya proza" rubezha XX-XXI vekov v osmyslenii otechestvennoi i zarubezhnoi literaturnoi kritiki: dis. ... kand. filol. nauk* [Russian "Women's Prose" at the Turn of the 21st Century in the Consideration of Russian and Foreign Literary Criticism: Ph.D. Thesis]. Saratov, 147 p. (In Russian)

5. Yakhina, G. (2019). *Deti moi* [My Children]. 493 [3] p. Moscow, AST Publ. (In Russian)

6. Yakhina, G. (2021). *Eshelon na Samarkand* [A Train to Samarkand]. 507 [5] p. Moscow, AST Publ. (In Russian)

7. Yakhina, G. (2018). *Zuleikha otkryvaet glaza* [Zuleikha Opens Her Eyes]. 508 [4] p. Moscow, AST Publ. (In Russian)

8. Kondrashov, N. A., Tret'yakova, V. S. (1991). *Zvukopodrazhatel'nye glagoly v sisteme russkoi leksiki. Leksicheskaya semantika* [Onomatopoeic Verbs in the System of Russian Lexicon. Lexical Semantics]. Sb. nauchnykh trudov. 120 p. Sverdlovsk. (In Russian)

9. *Slovar' russkogo yazyka* (1999) [Dictionary of the Russian Language]. V 4 tomakh. РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Moscow, Russkii yazyk; Poligrafresursy. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/23/ma463526.htm?cmd=0&istext=1> (accessed: 12.03.2022). (In Russian)

10. Efremova, T. F. (2000). *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [New Explanatory-Derivational Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Russkii yazyk. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (accessed: 12.03.2022). (In Russian)

11. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (1999). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80 000 Words and Phraseological Expressions]. Rossiyskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. 4-ye izd., dopolnennoye. Moscow, Azbukovnik. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/> (accessed: 12.03.2022). (In Russian)

12. *Russkii semanticheskii slovar'. IV. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii* (2007) [Russian Semantic Dictionary. Vol. 4. Explanatory Dictionary Classified by Classes of Words and Meanings]. 924 p. Moscow, Azbukovnik. (In Russian)

13. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* (1989) [Dictionary of the 18th-Century Russian Language]. 256 p. Leningrad, Nauka. Volume 5. Vypit' – Gryzt'. (In Russian)

The article was submitted on 12.02.2022
Поступила в редакцию 12.02.2022

Колосова Елена Ивановна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
hkolosova@yandex.ru

Гимранова Татьяна Александровна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
tgimranova@163.com

Kolosova Elena Ivanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
hkolosova@yandex.ru

Gimranova Tatyana Aleksandrovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
tgimranova@163.com

УДК 811.111'42

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-67-1-94-101

КОГНИТИВНАЯ СТРУКТУРА АРХЕТИПИЧЕСКОЙ БИНАРНОЙ ОППОЗИЦИИ *LIGHT / DARK* В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

© Елена Семенова, Мария Алексеева

COGNITIVE STRUCTURE OF THE ARCHETYPAL BINARY OPPOSITION “LIGHT/DARK” IN MODERN AMERICAN MEDIA DISCOURSE

Elena Semenova, Maria Alekseeva

The article describes the cognitive structure of the archetypal binary opposition (ABO) LIGHT/DARK, which is represented by a set of classificational and differential cognitive features characteristic of its components. The subject of the study includes the ways of actualization of the selected features within the framework of modern American political media discourse. The purpose of this article is to summarize the results of the conducted research and present a holistic model of ABO, their actualization carried out by language means of secondary nomination (metaphors, metonymy, metaphonymy). The study is based on the Corpus of Contemporary American English (COCA), namely, publications in the media, issued from 2009 to 2019. The article represents the stages of the conducted empirical research and the results obtained, which are presented in the form of charts, tables and diagrams. The research results are accompanied by a quantitative analysis of the verbal representatives of the ABO components and the percentage ratio of classificational (basic) cognitive features (CCF) in the structure of archetypal concepts (AC). The article makes concrete conclusions interpreting the nature of the correlation between the degree of recurrence of the CCF and the real political situation.

Keywords: archetypal binary opposition, secondary methods of nomination, modern American political media discourse, cognitive structure

В статье описывается когнитивная структура архетипической бинарной оппозиции (АБО) LIGHT / DARK, представляющая собой совокупность классификационных и дифференциальных когнитивных признаков, характерных для составляющих ее компонентов. Предметом исследования являются способы актуализации выделенных признаков в рамках современного американского политического медиадискурса. В ходе исследования была разработана новая терминология, имеющая непосредственное отношение к объекту исследования. Цель данной статьи – обобщить результаты проведенного исследования и представить целостную модель АБО, актуализация которой осуществляется посредством способов вторичной номинации (метафоры, метонимии, метафтонимии). Материалом для исследования послужил корпус современного американского варианта английского языка (COCA), а именно – публикации в средствах массовой информации, вышедшие в свет с 2009 по 2019 г.г. В статье описываются этапы проведенного эмпирического исследования и полученные в ходе него результаты, которые наглядно представлены в виде схем, таблиц и диаграмм. Произведен количественный анализ вербальных репрезентантов компонентов АБО, выявлено процентное соотношение классификационных (базовых) когнитивных признаков (ККП) в структуре архетипических концептов (АК), составляющих данную бинарную оппозицию. Предлагаются выводы, интерпретирующие характер зависимости между степенью рекуррентности ККП и реальной политической ситуацией.

Ключевые слова: архетипическая бинарная оппозиция; вторичные способы номинации; современный американский политический медиадискурс; когнитивная структура

Обобщая культурный опыт и традиции человечества на протяжении долгого исторического периода, архетипические смыслы выражают устойчивые представления людей о ключевых понятиях, посредством которых происходит базовое

формирование картины мира в сознании (подсознании) индивида. Изучением этих «первичных» смыслов занимались ученые разных школ и направлений, но прежде всего стоит от-

метить такие известные имена, как К. Юнг, М. Осборн, А. Лосев, Э. Дюркгейм, М. Элиаде.

В ходе работы над темой большое внимание уделялось антропоцентрической парадигме, представленной в трудах М. Бахтина, В. фон Гумбольдта, М. Хайдеггера и др.; коммуникативно-прагматическому подходу, изучаемому Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюновой, В. И. Карасиком, Ю. Н. Карауловым, В. А. Масловой, Р. И. Павленисом, Ю. С. Степановым, Дж. Лайонзом и др.; когнитивно-дискурсивному направлению, предмету исследования таких ученых, как А. Н. Баранов, Н. Н. Болдырев, Э. В. Будаев, Е. С. Кубрякова, В. Е. Чернявская, А. П. Чудинов, и др.

Важно отметить, что метафорическая сущность архетипов практически разрушается со временем, приобретая имплицитный, едва заметный характер, однако впечатление об ее присутствии остается, как остается ее воздействие на психику реципиента. По мнению М. Осборна, «для оратора, который ищет способы сильного воздействия на аудиторию в течение длительного периода времени, стимулы, которые играют значительную роль для архетипических определителей, подобны золоту, на чью стабильную цену биржевик может положиться в долгосрочных вложениях» [1, с. 246]; [2, с. 117].

Архетипические бинарные оппозиции (АБО) представляют собой пары противопоставленных по смыслу архетипических концептов, обладающих определенным набором общих (классификационных) и частных (дифференциальных) когнитивных признаков, выявить которые становится возможным в результате отбора и анализа определенных способов вербализации компонентов дихотомии. Результатом этой процедуры является моделирование (реконструкция) когнитивной структуры объекта исследования. Наиболее релевантными способами вербализации дихотомии в этих условиях, на наш взгляд, являются способы вторичной номинации (метафора, метонимия, метафтонимия), так как именно эти языковые средства обладают способностью к выявлению глубинных смыслов, присущих архетипическим концептам, и оказывают тем самым имплицитное (скрытое) воздействие на массовое сознание аудитории.

В ходе исследования была разработана новая терминология, имеющая непосредственное отношение к объекту исследования; описана когнитивная структура компонентов АБО и характер как внутренних (в рамках одного концепта), так и внешних (межконцептуальных) связей; разработана схема когнитивно-дискурсивного анализа вторичных способов концептуализации

архетипических концептов (АК); выявлен характер взаимосвязей между когнитивными признаками АК и способами манипулятивного воздействия на массовое сознание социума. Кроме того, обозначено направление развития лингвистической науки в сфере исследования архетипических категорий; установлена процедура анализа когнитивной структуры АБО, что, в свою очередь, позволит применить разработанную методологию в процессе изучения функционирования АБО в разных типах дискурса.

Приступая к процессу построения когнитивной структуры АБО LIGHT / DARK, мы основывались на концепции З. Д. Поповой и И. А. Стернина [3], согласно которой моделирование концепта включает три стадии:

1) описание *макроструктуры* архетипических концептов (АК), в процессе которого происходит структурирование их базового ментального пространства посредством выявления классификационных когнитивных признаков;

2) описание *категориальной структуры* АК, то есть выявление иерархической структуры классификационных когнитивных признаков, состоящей из набора частных (дифференцирующих) когнитивных признаков;

3) описание *полевой организации* АК – классификация признаков на основе выделения ядра, ближней и дальней периферии АК и представление ментальных пространств АК, структурированных посредством когнитивных признаков и представляющих ментальные пространства концептов в виде полевой структуры.

Мы дополнили выбранный подход, поставив перед собой задачу структурирования так называемой *семантико-когерентной сферы концептов (СКС)* (или периферийного ментального пространства), актуализация которой осуществляется посредством языковых средств, синонимичных эквивалентной номинации концептов (лексемам *light* и *dark*).

Как было указано выше, первый этап построения модели подразумевает *определение макроструктуры* архетипических концептов посредством отбора языковых средств (метафорических выражений, словосочетаний) в составе которых имеются лексемы, совпадающие по форме с именем концептов, образующих бинарную оппозицию LIGHT / DARK.

Архетипические концепты, формирующие данную дихотомию, рассматриваются нами как элементы двучленного контрастного образования, актуализация которого происходит на двух уровнях категоризации. *Базовая концептосфера* (или *базовый уровень категоризации*) включает весь набор архетипических смыслов, состав-

ляющих ментальные пространства концептов LIGHT и DARK, репрезентация которых происходит средствами базовой, первичной номинации (буквальными значениями лексем *light* и *dark*). Отношения между этими пространствами описываются как *отношения бинарной оппозиции* и не являются предметом нашего исследования, они лишь берутся за основу, позволяющую создать когнитивную структуру АБО LIGHT / DARK.

Анализ вторичных (метафорических) способов номинации архетипических смыслов дает возможность определить границы *вторичной концептосферы* АБО, которая структурируется посредством набора общих (*классификационных*) и частных (*дифференцирующих*) когнитивных признаков. При этом близкие по смыслу (дифференцирующие) когнитивные признаки (КП) интерпретируются как репрезентанты отдельного, обобщающего их классификационного когнитивного признака (ККП). *Вторичный уровень категоризации* предполагает наличие двух типов ментального пространства в структуре архетипических концептов LIGHT и DARK: базового (основного) и периферийного. *Базовое ментальное пространство* (БМП) образуется когнитивными признаками (ККП и КП), языковыми средствами выражения которых являются лексемы, эквивалентные номинации концептов (то есть языковые единицы *light* и *dark* и их словоформы). *Периферийное ментальное пространство* или *семантико-когерентная сфера концептов* представлена языковыми единицами, обладающими значениями, семантически сходными со значениями лексем *light* и *dark*.

Поскольку когнитивные признаки имеют разную степень актуализации (представлены неодинаковым количеством вербальных репрезентантов), второй этап построения модели предполагает их дифференциацию в процессе формирования категориальной структуры АБО согласно радиальной схеме (центр – периферия), что позволяет выявить одновременно степень рекуррентности тех или иных языковых средств, актуализирующих данные признаки внутри структуры АБО.

Источником материала исследования явился корпус современного американского варианта английского языка (СОСА), а именно – публикации в средствах массовой информации, вышедшие в свет с 2009 по 2019 г.г. Сбор необходимой информации осуществлялся при помощи процедуры невероятностной выборки, «десубъективирующей контроль информационного отбора», по мнению авторов научного издания «Методы анализа текста и дискурса» [4, с. 66].

Процедура отбора исследовательского материала включала несколько этапов. Вначале вербальные репрезентанты рассматриваемой дихотомии (лексемы *light* и *dark*) вводились в систему поиска с целью установления контекстов, в которых данные языковые единицы актуализировались на уровне вторичной номинации. Затем устанавливалась их принадлежность к виду номинации (метафорическому, метонимическому или метафтонимическому) и, с учетом частотности проявления, выявлялись наиболее рекуррентные метафорические соответствия элементам архетипической оппозиции. Дальнейший когнитивно-дискурсивный анализ контекстов, в которых встречались данные языковые единицы, позволил выявить эпистемно-конститутивную суть метафорической концептуализации архетипических смыслов и обозначить закономерности актуализации дихотомии в политическом медиадискурсе США [5].

Основным критерием, определяющим репрезентативность целевого массива, являлась соотнесенность ситуационного контекста, в рамках которого актуализируется предмет исследования, с политической сферой – событиями и вопросами общественной жизни, регулируемыми органами государственной власти и государственным управлением. Поэтому в сфере нашего внимания – разные социально-политические ситуации: как отражающие отношения между различными государствами с точки зрения представителей американских массмедиа, так и повествующие о внутреннем положении в стране, включая вопросы об экономических и финансовых трудностях, экскурсии в историю и прогнозы на будущее, описание организации и порядка проведения избирательных кампаний, оценку гражданами страны политики президента, обсуждение миграционных вопросов, проблемы терроризма и т. д.

Следующий этап эмпирического исследования предполагает классификацию способов вторичной репрезентации концептов LIGHT / DARK и количественный анализ случаев употребления тех или иных языковых форм, репрезентирующих архетипические смыслы в форме определенного когнитивного признака концепта.

Анализ способов вторичной номинации АБО LIGHT / DARK позволил обнаружить четыре классификационных когнитивных признака (ККП) в структуре обоих компонентов архетипической бинарной оппозиции LIGHT / DARK, а именно: *эвалюативный*, *экспликативный* / *имплекативный*, *прецедентный* и *интегративный*, каждый из которых эксплицируется посредством

определенных частных (дифференцирующих) когнитивных признаков (КП).

Вначале опишем когнитивную структуру концепта LIGHT. Эвалюативный ККП данного элемента оппозиции объединяет *объективный, субъективный и прескриптивный* признаки, которые выражают то или иное оценочное мнение субъекта речи относительно политической реальности. Экспликативный ККП проявляется посредством *экспланаторного, информационного, аттрактивного* КП, которые свидетельствуют о том, что инициаторы коммуникативного взаимодействия стремятся к разъяснению общественно-политической ситуации, даче информации и

привлечению внимания аудитории к происходящему. Прецедентный ККП отсылает реципиента к религиозным (*теологический КП*) или культурным (*культурологический КП*) ценностям, составляющим фонд общих знаний людей о событиях, явлениях, фактах, имевших место в историческом прошлом. Интегративный классификационный признак не дифференцируется посредством частных КП, он указывает на наличие общей сферы актуализации контрастных по смыслу элементов оппозиции, когда выявление смысла контекста обеспечивается *взаимодействием значений антонимичных языковых единиц* на базовом уровне концептуализации АБО (см.рис.1).

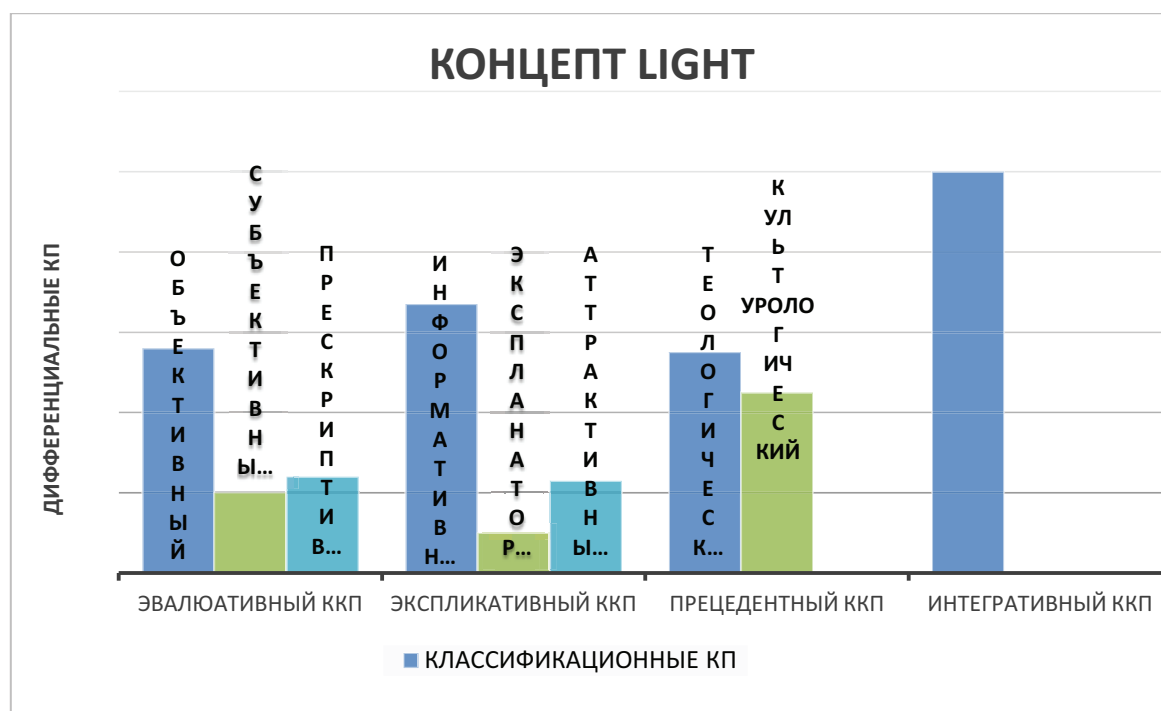

Рис.1 Соотношение классификационных и дифференциальных когнитивных признаков на осях категоризации концепта LIGHT

Когнитивная структура концепта DARK выглядит следующим образом. Эвалюативный ККП представлен *эмотивно-перцептивным, темпоральным и легитимно-референтным* дифференциальными признаками, характеризующими способность архетипического концепта передавать эмоциональную (негативную) оценку восприятия происходящего, указывать на тяжелые периоды в истории страны и оценивать ситуации с точки зрения соблюдения закона. Импликативный ККП, реализуемый посредством *кодифицирующего и амбивалентного КП*, способствует нивелированию

происходящего в восприятии аудитории, скрывая (кодируя) и / или формируя неопределенное отношение к транслируемой информации. Прецедентный ККП проявляется посредством так называемого *регрессивного КП*, указывающего на периоды спада в экономике, социальной политике и прочих областях жизни общества в те или иные периоды. Интегративный классификационный признак также не дифференцируется посредством частных КП (см. рис.2).

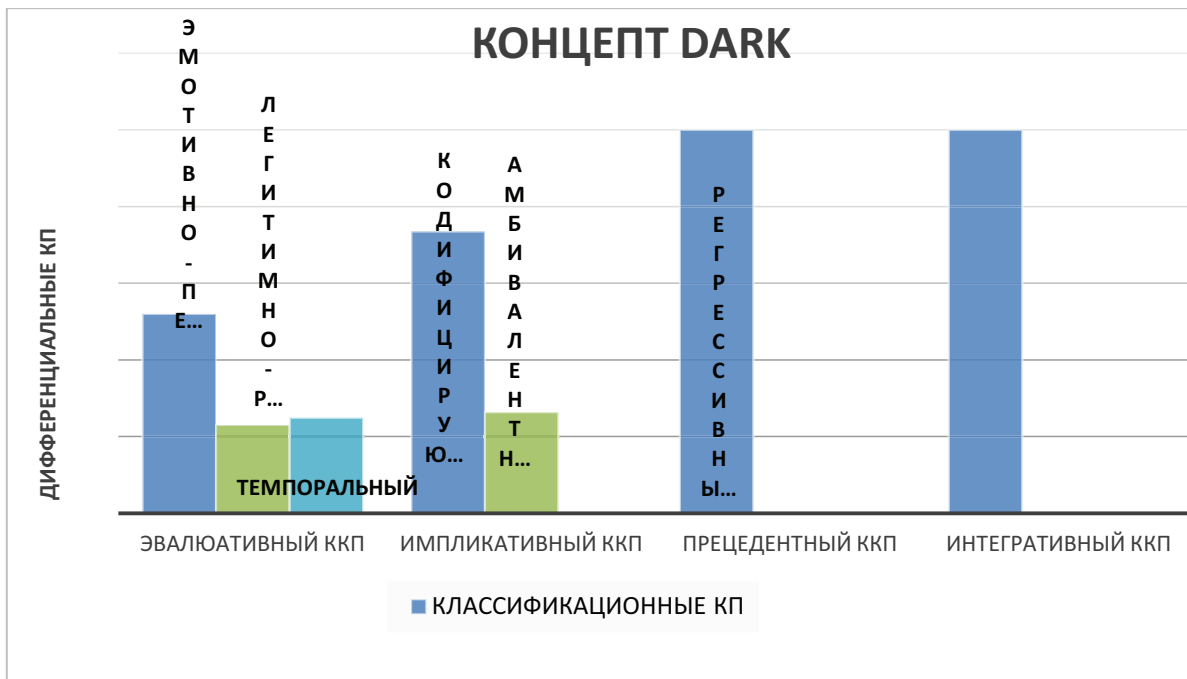

Рис 2. Соотношение классификационных и дифференциальных когнитивных признаков на осях категоризации концепта DARK

Соотношение классификационных (общих) и дифференциальных (частных) когнитивных признаков, описанных выше, можно наглядно представить, разместив их на вертикальной и горизонтальной осях категоризации (по Э. Рош) [6]. При этом дифференциальные КП, расположенные на вертикальной оси координат, являются «детализаторами» классификационных ККП (горизонтальная ось), представляя когнитивную информацию с большей или меньшей степенью абстрактности (как у Э. Рош), но не только. Уточним, что, кроме выполнения этой функции, данные признаки выделяют и характеризуют отдельные аспекты когнитивной операции, осуществляемой в процессе актуализации обобщающих их классификационных КП, которые могут быть представлены на горизонтальной оси координат с учетом свойственной им рекуррентности.

Квантитативный анализ когнитивной структуры архетипической бинарной оппозиции LIGHT / DARK

Корпус американского варианта английского языка, включающий более чем 1 млрд. слов (25 млн.+ слов за каждый год в период с 1990 по 2019 гг.), предлагает доступ к обширному объему языкового материала, отбор которого может осуществляться в соответствии со следующими критериями: жанр публикации (разговорный, художественный, журнальный, газетный, академический, ТВ, киножанр, интернет-блоги), год издания статьи, особенности сочетаемости искомой языковой единицы.

Определившись с периодом публикаций (2009–2019 г.г.) как самым близким к настоящему моменту, мы ограничили поиск ЛЕ, представляющих архетипические концепты, опцией «Newspapers» (газетный жанр) и обнаружили, что количество контекстов с их «участием» составляет 9250, из них 6070 контекстов включают языковую единицу *light*, 3180 содержат лексику *dark*. При этом число интересующих нас примеров (имеющих политическую направленность и представленных средствами вторичной номинации) относительно концепта LIGHT оказалось равно 484, а количество контекстов, релевантных для анализа концепта DARK, составило 256. Для определения границ целевого массива пришлось просмотреть и проанализировать около 7000 фрагментов дискурса, отвечающих задачам исследования.

Таким образом, основной целевой массив, послуживший предметом анализа, насчитывает 740 примеров, когнитивно-дискурсивный анализ наиболее показательных из которых, на наш взгляд, дает возможность произвести эмпирическую генерализацию, то есть прийти к выводам относительно всего отобранного массива контекстов, включающего вербальные репрезентанты архетипических концептов. При этом следует принимать во внимание тот факт, что корпус не предоставляет данные относительно всего количества лемм, представленных в публикациях, а ограничивает доступ к языковым данным, предлагая выбрать определенный коэффициент частотности их экспликации в текстах разных жан-

ров. Например, можно работать с выборкой класса (rank) 1:6 или 1:10, что означает наличие доступа к каждой шестой (или каждой десятой) искомой лексической единице из тотального объема слов, зафиксированных в разных сферах их употребления в тот или иной период. Такой подход позволяет «не утонуть» в огромном количестве эмпирического материала с одной стороны, и предоставляет статистически упорядоченную информацию для осуществления релевантного количественного анализа языкового материала, с другой.

Полученные данные свидетельствуют о том, что для экспликативного / имплекативного и прецедентного ККП свойственна некая «симметричность», так как уровень репрезентативности ККП обоих элементов оппозиции почти одинаков и отражает явно выраженную диспропорцию между признаками, присущими разным концептам. Эвалюативный признак обоих концептов представлен близкими по значению показателями. Цифры, иллюстрирующие репрезентативность интегративного признака, не являются релевантными относительно корпуса американского варианта английского языка, они лишь указывают количество примеров, обнаруженных методом случайной выборки, и не могут учитываться при анализе количественных параметров АБО.

Самые высокие показатели свойственны эвалюативному КК признаку (48% примеров, репрезентирующих концепт LIGHT и 65% контекстов, представляющих концепт DARK). Экспликативный ККП концепта LIGHT составляет 38%, а имплекативный ККП концепта DARK – 23% от общего числа проанализированных контекстов. Почти одинаковое количество контекстов (7,4% в структуре концепта LIGHT и 7% в структуре концепта DARK) послужило средством актуализации архетипических смыслов, представляющих прецедентно-референтный признак бинарной оппозиции, и наименьшее число примеров (6% для концепта LIGHT и 5% для концепта DARK) иллюстрирует интегративный ККП рассматриваемой бинарной оппозиции.

Высокую степень рекуррентности эвалюативного признака оппозиции можно объяснить стремлением авторов политического дискурса прежде всего сформировать определенное оценочное мнение у аудитории относительно политической реальности. А именно: *объективное, субъективное, прескриптивное* при помощи концепта LIGHT и *эмотивно-перцептивное, легитимно-референтное и темпоральное* посредством концепта DARK. Виды оценок коррелируют в этом случае частными (дифференцирующими)

когнитивными признаками, выделенными внутри данного ККП.

Достаточно частотная актуализация *экспликативного / имплекативного ККП* свидетельствует об активно проявляющейся интенции инициаторов коммуникативного взаимодействия фокусировать внимание общественности на одних событиях (разъясняя, уточняя, предавая гласности одни факты) и нивелировать другие (скрывая, кодируя, формируя амбивалентное отношение к определенному роду информации). Названные способы проявления данной пары признаков реализуются посредством *экспланаторного, информационного, аттрактивного* фреймов для концепта LIGHT, *кодифицирующего* и *амбивалентного* – для концепта DARK.

Прецедентный ККП репрезентирован в гораздо меньшем количестве контекстов, что можно объяснить тем, что наполнение политических текстов историческими смыслами не является приоритетной задачей авторов дискурса. Их главная цель – сформировать отношение электората к настоящему моменту. Поэтому прошлое «работает» на настоящее главным образом тогда, когда говорящий апеллирует к духовным и культурологическим ценностям народа, формировавшимся на протяжении его истории, или обращается к облигаторным фоновым знаниям, служащим фундаментом для миропонимания. Об этом свидетельствуют выделенные в рамках ККП *теологический, культурологический и регрессивный фреймы*.

Что касается наименее частотного *интегративного* признака, объединяющего оба компонента оппозиции, то важно отметить следующее. Являясь базовым, глубинным, апеллируя к подсознанию, он сложнее всего поддается онтологизации и именно поэтому так редко «проявляется» на поверхности дискурса. Свидетельствуя скорее о философской, миропостигающей сути архетипических образований, он интересен в большей степени с точки зрения теоретического осмысления АБО, чем в плане его практического применения в рамках дискурсивного общения, для инициаторов которого массовость целевой аудитории – главный критерий успешности взаимодействия.

Осуществление эмпирического этапа исследования, заключающегося в сборе и количественном анализе фактического языкового материала, является важным этапом исследовательской работы и свидетельствует о необходимости детального изучения темы в рамках обозначенного подхода.

Накопление эмпирических данных, как правило, позволяет увидеть «повторяющиеся узоры

смысла» – паттерны, на базе которых становится возможным осуществление классификации и категоризации рассматриваемых явлений. Можно с уверенностью предположить, что конструирование когнитивной структуры АБО LIGHT / DARK позволит выделить главные и определить второстепенные качества и свойства объекта изучения, увидеть целостность, единство и особенности актуализации АБО в пространстве политического медиадискурса.

Стоит также отметить, что процедура моделирования всегда носит незавершенный характер и обладает такими качествами, как открытость, незавершенность. Исходная неполнота любой модели может рассматриваться, на наш взгляд, не как недостаток процедуры, а как одно из проявлений бесконечности научного познания и открывающихся перспектив дальнейшего исследования архетипических концептов и способов их репрезентации в рамках интересующего исследователя дискурса.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что приведенные данные позволяют увидеть главное – «расстановку сил» в поле исследования. Представляется, что системный подход и метод когнитивно-дискурсивного анализа, выбранные в качестве основополагающих исследовательских техник, позволят обнаружить взаимосвязи как внутри ментальных пространств бинарной оппозиции, так и между составляющими их элементами в рамках целостной модели АБО LIGHT-DARK. Полученные результаты позволили установить прагматическую ценность выявленной когнитивной структуры АБО, а именно, определить закономерности взаимодействия между когнитивными признаками архетипических концептов и способами имплицитного воздействия на массовое сознание аудитории средствами политического медиадискурса. Думается, что предложенная методология может быть применена для анализа любого вида дискурса и решения вариативных исследовательских задач при условии соблюдения требований, определяющих осуществление системного научного подхода.

Список источников

1. Осборн М., Энингер Д. Метафора в публичном выступлении / Пер. с англ. Т. Н. Зубакиной // Политическая лингвистика. 2011. № 1(35). Екатеринбург. С. 244–253.
2. Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech 53. 1967. No. 2 (April 1967). Pp. 115–126.
3. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
4. Тичер С. М., Р. Меьер, Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса / пер. с нем. Харьков: Гуманитарный центр, 2017. 356 с.
5. Семенова Е. М. Онтология бинарных оппозиций, или «Темная сторона светлого». Анализ современного американского политического медиадискурса. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. 132 с.
6. Rosch H. E. Cognitive representations of semantic categories // Journal of Experimental Psychology: General. 1975, 104, pp. 192–233.

References

1. Osborn, M., Eninger, D. (2011). *Metafora v publicnom vystuplenii* [Metaphor in Public Speech]. Per. s angl. T. N. Zubakinoi. Politicheskaya lingvistika. No. 1(35), pp. 244–253. Ekaterinburg. (In Russian)
2. Osborn, M. (1967). *Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family*. Quarterly Journal of Speech 53. No. 2 (April 1967), pp. 115–126. (In English)
3. Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. 314 p. Moscow, ACT, Vostok-Zapad. (In Russian)
4. Ticher, S. M., Meier, R., Vodak, R., Vetter, E. (2017). *Metody analiza teksta i diskursa* [The Methods of Text and Discourse Analysis]. Per. s nem. 356 p. Gumanitarnyi tsentr. (In Russian)
5. Semenova, E. M. (2016). *Ontologiya binarnykh oppozitsii, ili "Temnaya storona svetlogo"* [Ontology of Binary Oppositions, or "The Dark Side of the Light"]. Analiz sovremennogo amerikanskogo politicheskogo mediadiskursa. 132 p. St. Petersburg. IPC SZIU RANHiGS. (In Russian)
6. Rosch, H. E. (1975). *Cognitive Representations of Semantic Categories*. Journal of Experimental Psychology: General. 104, pp. 192–233. (In English)

The article was submitted on 12.02.2022
Поступила в редакцию 12.02.2022

Семенова Елена Михайловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики,
190103, Россия, Санкт-Петербург,
Лермонтовский пр, д.44, лит.А.
semenovae63@gmail.com

Semenova Elena Mikhailovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
St. Petersburg University
of Management Technologies and Economics,
44 A Lermontovskii Ave.,
Saint Petersburg, 190103, Russian Federation.
semenovae63@gmail.com

Алексеева Мария Леонардовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Уральский государственный
педагогический университет,
620017, Россия, Екатеринбург,
проспект Космонавтов, 26.
maria.alekseyeva@gmail.com

Alekseeva Maria Leonardovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Ural State Pedagogical University,

26 Kosmonavtov Ave.,
Yekaterinburg, 620017, Russian Federation.
maria.alekseyeva@gmail.com

НАЗВАНИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ, РЕКЛАМИРУЮЩИХ НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА

© Роза Суфиева, Ляйля Мардиева

THE NAMES OF RUSSIAN NEWSPAPERS AND MAGAZINES ADVERTISING REAL ESTATE: SEMANTICS AND PRAGMATICS

Roza Sufieva, Leyla Mardieva

The focus of the article is on *gemeronyms*, namely: the names of print and online advertising newspapers and magazines that publish information about real estate in order to create demand for them. The analysis of *gemeronyms* is based on the keyword method. We consider the keyword to be a core structural and semantic unit of the *gemeronym*, performing an identifying and informative function. A word is recognized as a keyword if it meets the following requirements: it is characterized by the frequency of use in the names of the studied group of publications and it reflects the intended purpose and thematic content of the published materials. The study finds that *real estate*, *housing*, *house*, *apartment* are the key words used as the names of advertising newspapers and magazines, whose main purpose is to attract the attention of potential customers to real estate as an object of purchase and sale, exchange, rent, rental or pledge of buildings, apartments and individual premises. These words allow consumers of advertising products to choose from the entire variety of periodicals the necessary information source. Based on the semantic and pragmatylistic analysis of both the keywords themselves and the *gemeronyms* they are part of, the article concludes that the distinctive feature of the names of newspapers and magazines of the group under consideration is their pragmatic nature: they contain the most informative message and directly express the object of the nomination. The identifying and informative function is more important for them than the influencing one. The study reveals semantic increments that words undergo in the context of *gemeronyms*, the context of commercial communication and the context of Russian linguoculture.

Keywords: *gemeronyms*, advertising periodicals, keywords, semantics, pragmatics

В центре внимания статьи – гемеронимы, а именно названия печатных и сетевых газет и журналов рекламного характера, публикующих сведения о недвижимости с целью создания спроса на них. В основе анализа гемеронимов лежит метод ключевых слов. Ключевое слово рассматривается нами как стержневая структурно-семантическая единица гемеронима, выполняющая опознавательно-информативную функцию. Слово признается ключевым, если оно удовлетворяет следующим требованиям: для него характерна частотность употребления в названиях исследуемой группы изданий, оно способно отражать целевое назначение и тематическое содержание публикуемых материалов. В ходе исследования установлено, что для названий рекламных газет и журналов, основной целью которых является привлечение внимания потенциальных клиентов к недвижимости как объекту купли-продажи, мены, аренды, сдачи в наем или в залог зданий, квартир, отдельных помещений, ключевыми являются такие слова, как *недвижимость*, *жилье*, *дом*, *квартира*. Эти слова позволяют потребителям рекламной продукции выбрать из всего многообразия периодических изданий необходимый информационный источник. На основании семантического и прагматистического анализа как самих ключевых слов, так и гемеронимов, в состав которых они входят, делается вывод, что отличительной чертой названий газет и журналов рассматриваемой группы является их прагматический характер: они содержат максимально информативное послание и прямо выражают объект номинации. Опознавательно-информативная функция для них важнее воздействующей. В работе выявлены семантические приращения, которые претерпевают слова в контексте гемеронимов, контексте коммерческой коммуникации и контексте русской лингвокультуры.

Ключевые слова: гемеронимы, рекламные периодические издания, ключевые слова, семантика, прагматика

В российской лингвистике названия СМИ обозначаются термином «гемеронимы». Объектом нашего исследования являются названия рекламных периодических изданий, в которых размещается информация о недвижимости с целью ее продажи, сдачи в аренду, в наем или в залог и т. п. Востребованность изучения этой группы онимов не вызывает сомнений. Средства и способы привлечения внимания потенциальных клиентов к недвижимости как объекту купли-продажи, мены, аренды и т. д., а следовательно, и сами рекламные издания, публикующие сведения о недвижимости с целью создания спроса на них, всегда вызывали повышенный интерес. На этом фоне особо значимым оказывается название рекламного издания. Именно с момента выбора информационного источника (в нашем случае речь идет о рекламных периодических изданиях, печатных и сетевых) потребителем рекламной продукции (физическим или юридическим лицом, на привлечение внимания которого нацелена реклама) начинается процесс взаимодействия рекламоателя и получателя рекламных сообщений. Выбор же информационного источника во многом предопределяется его названием. Актуальность исследования подчеркивается также и тем обстоятельством, что в русской ономастике наблюдается постепенное вытеснение гемеронимов с глубокой периферии в центр исследовательского внимания (см., например: [1], [2], [3], [4], [5], [6] и др.).

Данные для исследования отобраны из материалов рекламной интернет-площадки ADVmarket.ru [7], публикующей информацию об участниках рекламного рынка, реестра Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций [8] и поисковой системы Yandex.ru [9]. Всего выделено и проанализировано 67 названий газет и журналов рассматриваемого типа.

Анализ гемеронимов ведется нами, во-первых, с учетом типоформирующих признаков СМИ. В филологических исследованиях журналистской направленности существуют две позиции относительно статуса рекламной периодики. Их либо выделяют в особый самостоятельный тип СМИ, либо считают, что они занимают пограничное положение: «входят в состав традиционных СМИ и в состав субъектов экономической деятельности» [10, с. 110–111]. Такого рода двойственность рекламной прессы определяется передаваемой информацией о товарах и услугах и ее целью – извлечение прибыли. В нашей работе рекламные газеты и журналы рассматриваются как особый тип периодических изданий. Под типом в журналистике понимается абстрактная

модель группы изданий, отражающая «характерные особенности, качества и свойства, присущие каждому печатному органу из этой группы» [11, с. 15].

Специфика тематического отбора информации и целевая направленность деятельности издателей признаются главными типобразующими признаками СМИ. Еще одним важным параметром, который лежит в основе типологизации, является целевая читательская аудитория. Применительно к рекламной периодике перечисленные типологические признаки могут быть уточнены следующим образом. Рекламные издания нацелены на создание спроса на товары или услуги, наращивание прибыли [10, с. 111]; в изданиях данного типа публикуется информация о товарах и услугах; целевой аудиторией рекламных СМИ являются потенциальные покупатели, клиенты. При этом рекламное периодическое издание может быть адресовано как широкой целевой аудитории, так и определенной ее части, если это специализированное рекламное издание. В фокусе нашего внимания – названия специализированных рекламных изданий, то есть данные СМИ рассчитаны на свою узкую читательскую аудиторию.

Во-вторых, при систематизации исследовательского материала мы опираемся на метод ключевых слов. Традиционно вслед за А. Вежбицкой ключевыми признаются слова «особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры» [12, с.35]. Взгляд на данный феномен сквозь призму их функционирования в тексте (именно этот аспект для нас является наиболее важным) позволяет обратить внимание на то, что ключевые слова в текстах СМИ являются средством выражения интенции пишущего, соответственно, имеют важное значение и при его интерпретации. Следовательно, ключевые слова относятся к базовым структурно-семантическим единицам текста, участвующим в образовании и выражении смысла. К числу признаков ключевых слов относят: актуализированность в тексте [13, с.152], проявляющуюся в том числе и во включении ключевых слов в заглавие текста [14, с. 145]; высокую частоту употребления в тексте, их неоднократное повторение, а также возможное обогащение их семантики [15, с. 142], [6, с. 50]. М. Моран отмечает, что ключевыми могут быть всем известные, общеупотребительные слова, однако подвергающиеся «семантической эволюции», в ходе которой на первый план выдвигаются определенные значения, исторически и культурно обусловленные [16, с. 5–6] (о культурной обусловленности ключевых слов см. также [17, с. 8]). Амин Газиани и Марк Вентреска

пишут о том, что исследование ключевых слов – хорошая «эмпирическая стратегия» для выявления культурных изменений [18, с. 524]. Позиции указанных ученых позволяют утверждать, что метод ключевых слов можно считать важным инструментом лингвокультурологических исследований, целью которых как раз и является выявление культурно значимых знаков.

В-третьих, систематизация исследовательского материала, его стилистический анализ, выявление культурно обусловленных изменений в семантике слов, используемых для создания имени рекламного издания, ведется также и с применением методов семного анализа.

На основании анализа частотных слов, используемых для создания наименований рекламных периодических изданий, связанных с рынком недвижимости, нами выделено 2 подгруппы гемеронимов.

В первую подгруппу вошли гемеронимы с ключевым словом *недвижимость*, например: «Новый мир недвижимости», «Казанская недвижимость», «Всё про недвижимость», «Недвижимость и цены», «Из рук в руки. Недвижимость и строительство», «Всё про недвижимость. Мультистинг» и др.

При юридической специализации (*недвижимые вещи, недвижимое имущество*) данное слово включает в себя негативную сему *не-*, которая актуализирует потенциальную противопоставленность «недвижимости» (в число которой входят земельные участки и здания, сооружения, которые на них находятся) и «движимого имущества». Слово *недвижимость*, являясь стилистически маркированным (характерным для официально-делового стиля), подчеркивает тот факт, что издание предлагает потенциальному клиенту сведения не только о жилой, но и о коммерческой недвижимости, следовательно, потребителями рекламы таких изданий будут как частные, так и юридические лица.

Высокий уровень информативности, однозначность, не допускающая различных интерпретаций наименований изданий с опорным словом *недвижимость*, свидетельствуют о том, что для этой подгруппы гемеронимов денотативный аспект семантики становится основным. Само слово *недвижимость* в силу своей стилистической маркированности в русском языке в составе гемеронима лишено эмоциональных приращений. Вместе с тем в контексте многокомпонентного гемеронима может происходить обогащение семантики слова *недвижимость* и, соответственно, семантики гемеронима.

В первую очередь, стоит обратить внимание на нарушение привычных синтагматических свя-

зей слов в составе гемеронимов. В отличие от типичных контекстов, отраженных, например, в названиях «Рынок недвижимости», «Недвижимость и цены», «Из рук в руки. Недвижимость и строительство», где четко прослеживается предметно-логическая и языковая связь именуемых предметов, в гемеронимах «Галерея недвижимости» и «Бюллетень недвижимости» наблюдается нарушение такого рода связей.

Сдвиг предметной области в слове *недвижимость* в составе гемеронима «Галерея недвижимости» приводит к тому, что ключевое слово стремится обрести ценность не только материального, но и духовного плана. Дело здесь в том, что слово *галерея* в переносном значении означает «собрание, коллекция произведений искусств» [19, с.24] и активно используется в русском языке в составе устойчивых сочетаний, таких как *картинная галерея, национальная галерея, художественная галерея* и т. д., входит в состав названий выставок картин и музеев, например: *Третьяковская галерея* (Москва), *картинная галерея «Артпанорама»* (Москва), *Галерея Ильи Галзунова* (Москва); *Национальная художественная галерея «Хэзинэ»* (Казань), *Галерея современного искусства Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан* (Казань). Слово *галерея* в контексте гемеронима начинает иррадиировать, оно передает отблеск своей семы родового характера «относящееся к сфере духовных ценностей» слову из сферы экономических отношений *недвижимость*. В гемерониме «Галерея недвижимости» мы видим стремление издателей выйти за рамки сугубо материальной сферы (которая, как известно, еще в недавнем прошлом российского, тогда советского, общества признавалась вторичной, низменной).

В гемерониме «Бюллетень недвижимости» наблюдается нарушение не предметно-логической связи слов (для русского языка характерно использование слова *бюллетень* наряду со словами *газета, журнал* в качестве медийного слова – родового слова для обозначения периодических изданий), а языковой. Типичные контексты для слова *бюллетень* в указанном значении представлены в таких рядах (причем в составе гемеронимов), как *информационный бюллетень, биржевой бюллетень, метеорологический бюллетень*. Как правило, названия периодических изданий, включающих в свой состав слово *бюллетень*, воспринимаются как архаичные (например «Бюллетень Екатеринославской товарной биржи» (1923 – 1924 гг.)). Уместно вспомнить и использование этого слова в истории русского языка для обозначения собраний официальных

актов, распоряжений либо как имеющие отношение к научной деятельности, работе тех или иных общественных или государственных учреждений (например: «Бюллетень Метеорологической обсерватории Казанского университета», «Бюллетень медицинской науки», «Бюллетень науки и практики», «Бюллетень инновационных технологий» и мн. др.). То есть и в этом случае значение слова *недвижимость* на основе ассоциативных приращений, вызванных нестандартной для русского языка валентностью, обретает еле уловимый, но все же достаточный для оказания имплицитного воздействия, семантический признак «имеющий отношение к научным занятиям». И опять же в результате появления у слова *недвижимость* в контексте рассматриваемого гемеронима дополнительного семантического признака мы наблюдаем стремление издателей придать больший вес, значимость изданию и его деятельности.

Рассмотрим иные случаи привлечения внимания потенциальных читателей рекламных изданий, а значит, и будущих покупателей недвижимости.

Достаточно частотным, как показывает анализ исследовательского материала, является применение стратегии обещания. Реализуется она разными способами. Самым активным из них является введение в состав гемеронимов рассматриваемой подгруппы определительного местоимения *весь*. Семантика местоимения *весь* «полностью, целиком» [20, с.149] обещает потенциальному читателю, что в издании представлена исчерпывающая информация о рынке недвижимости в данном городе, регионе или вообще в РФ. Гемеронимы «Вся недвижимость. Казань», «Вся недвижимость Архангельской области», «Всё про недвижимость. Мультилинг» и т. п. являются многообещающими и построены в соответствии с общим правилом рекламы – обещать больше, чем есть на самом деле. Эта же стратегия – стратегия обещания – присутствует и в гемеронимах, в которых наряду со словом *недвижимость* есть слово *экспресс*, которое служит своеобразным гарантом того, что нужная информация и, соответственно, приобретение недвижимости в собственность пройдут в короткие сроки: «Региональный экспресс недвижимости», «Экспресс / Недвижимость и цены».

Вторую подгруппу исследуемых гемеронимов составили названия, которые маркируются ключевыми словами *дом*, *квартира*, *жильё* (последнее только в составе устойчивого словосочетания *рынок жилья*), реже – *новостройка* с общим для всех обозначенных лексем значением «место жительства; жилище человека», напри-

мер: «Ваш дом за рубежом», «Новостройки», «Все квартиры города», «Дома& Квартиры», «Квартиры в новых домах», «Столичные новостройки» и др.

Следует отметить, что слова *дом*, *квартира*, *новостройка* в русском языке полисемантичны и используются не только в названиях рекламных изданий, связанных с операциями на рынке недвижимости, например, журналы «Уютная квартира», «Красивые квартиры» посвящены дизайну и интерьеру; «Красивые дома», «Дом. Советы практиков», «Дом и интерьер» – дизайну, архитектуре и строительству. В отличие от перечисленных выше изданий журналы группы «Мир&Dom» (а также и журналы «НовостройCity», «Всё о новостройках») позиционируют себя как рекламно-аналитические издания.

В составе названий исследуемых нами газет и журналов указанные слова *обозначают* в первую очередь объект экономических отношений на рынке, то есть объект купли-продажи, аренды и т. п. В эксплицитной форме это значение проявляется наиболее ярко в гемерониме «Рынок жилья», в других случаях обозначенная сема имплицитна и может быть актуализирована в сознании носителей языка благодаря содержательному наполнению публикуемых в издании материалов, включению исследуемых гемеронимов в сферу коммерческого дискурса. Сказанное позволяет утверждать, что в содержании понятия *жилье* (а следовательно, и в словах, его представляющих) – одном из основополагающих концептов в структуре русского культурного архетипа [21, с. 33] – под влиянием социально-экономических условий происходят определенные изменения. Советские люди не могли покупать или продавать жилье, распоряжаться им, они могли только обладать им [Там же, с. 34]. С конца XXI века в связи с возвращением в российское законодательство понятия «право собственности» жилье стало выступать в качестве объекта экономических отношений, соответственно, в русскую речь вернулось терминологическое словосочетание *рынок жилья*.

В рассматриваемой подгруппе гемеронимов, как и в предыдущей, можно выделить гемеронимы, для которых основным выступает денотативный аспект значения: «Квартиры в строящихся домах», «Рынок жилья» и др. Однако гемеронимы с дополнительными семантическими приращениями, в том числе и коннотативными со значениями, оказываются здесь более частотными.

Гемероним «Квартирка», например, демонстрирует один из приемов воплощения принципа

интимизации, нацеленного на установление между издателями, рекламодателями и потенциальными читателями-клиентами доверительных дружеских отношений. Подобный эффект достигается благодаря суффиксу -к- с субъективным уменьшительно-ласкательным значением. Данный суффикс обуславливает появление в значении слова *квартирка* эмосем «маленькая», «уютная», а в значении гемеронима *сем*, которые могут быть сформулированы как «для тех, кто нам дорог», «для тех, кто ценит уют и тепло домашнего очага».

В названии рекламной газеты «Сдам, сниму» использован характерный для разговорной речи прием речевой компрессии. Переходные глаголы в русском языке, как известно, требуют паценса, объекта действия, однако в силу высокой частотности такого рода форм в бытовом общении, смысл названия газеты, ее прагматическая заданность оказываются очевидными, а потому объект коммерческой деятельности моментально всплывает в сознании адресатов издания при восприятии названия газеты: «Сдам, сниму (квартиру)». Стилизация непринужденного общения, как и в предыдущем примере, приводит к интимизации общения, соответственно, и к установлению контакта и доверительных отношений между субъектами опосредованной коммуникации.

Как мы писали в самом начале статьи, рекламные издания о купле-продаже или аренде недвижимости рассчитаны на специальную аудиторию. Анализ исследовательского материала показывает, что данная аудитория может далее сегментироваться. В этой связи обращают на себя внимание названия рекламно-аналитических изданий «Мир&Dom.City», «Мир&Dom. International», «Мир&Dom. Residence», «Мир&Dom. Санкт-Петербург», «Мир&Dom. Сочи».

Данные онимы представляют собой гибридные названия, в них использованы англицизмы (*City, International, Residence*), заимствованный знак &. В сознании носителей русского языка иноязычные слова, иноязычные графемы и всё, что они обозначают, имеют потенциальные семы «престижный», «статусный». Поэтому перечисленные выше гемеронимы несут в себе важные имплицитные сообщения: они указывают на исключительность выставленного на продажу или предлагаемого в аренду объекта, их предназначенность не всякому, а лишь тому, кто может себе позволить роскошь.

Не менее значимы с точки зрения прагматики и включение в некоторые из анализируемых названий лексем *дом* и *мир*.

Дом – это основополагающий концепт в картине мира любого человека, поэтому и слово *дом* имеет особое значение. Помимо семы «жилое помещение», слово *дом* потенциально содержит в себе такие эмосемы, как «безопасное место» (ср.: *Мой дом – моя крепость*), «лучшее местонахождение для человека» (ср.: *В гостях хорошо, а дома лучше*), «поддержка» (ср.: *Дома и стены помогают*).

В приведенных выше примерах лексема *дом* передана посредством латинской графической системы. С одной стороны, *дом* – это родное и безопасное место для человека, а с другой (благодаря транслитерации) – дом становится частью целого мира.

Концепт «мир» и репрезентирующая его лексема *мир* также занимают особое место в сознании любого народа. Изначально в индоевропейской культуре ядром этого концепта являлся концепт «свой – чужие»: мир определялся как место, «где живут люди «моего племени» [22, с. 86]. В дальнейшем в русском языковом сознании произошло расширение понятийного поля данного концепта, что привело к развитию новых значений у лексемы-репрезентанта концепта. У слова развились новые значения, в числе которых и такие, как «вселенная», «планета», «земной шар, Земля», «всё реально существующее на Земле», «человеческое общество как единство, характеризующееся определённым общественным строем, культурными и социально-историческими признаками», «окружающее кого-л. общество» и т. д. [23, с. 544]. В контексте содержания материалов всех журналов группы «Мир&Dom», в которых представлены предложения рынков отечественной и зарубежной недвижимости (как жилой, так и нежилой), также содержится и актуальная информация рекламного характера о благоустройстве прилегающей к дому территории, об оформлении интерьера, о новинках техники, о различных решениях в области дизайна, происходит сужение значения слова *мир*, оно начинает обозначать «место проживания и / или работы и всё, что связано с ним», а если быть более точным: «место, где я могу позволить себе комфортно жить и / или работать».

Латинизмы и англицизмы в составе гемеронимов создают, как уже говорилось, ощущение престижности газеты или журнала, кроме того, они несут в себе информацию о том, что представленное таким образом издание относится к изданиям международного уровня. Кроме того, сочетание англицизмов и исконно русского слова *дом*, переданного средствами иной графической системы («Мир&Dom.City», «Мир&Dom. International», «Мир&Dom. Residence») придаёт экс-

ксклюзивный характер гемерониму, что подтверждают аннотации журналов, в которых сообщается, что журналы группы «Мир&Дом» предлагают информацию об элитной недвижимости, эксклюзивных видах дизайна. Элитная недвижимость – это особый класс недвижимости, следовательно, читательская аудитория издания отличается от целевой аудитории других подобных изданий. Элитный дом «должен олицетворять мечту, определённый жизненный стиль, место человека в социальной иерархии» [24, с. 10]. Латинская графика и англицизмы, как видим, провоцируют появление у рассматриваемых гемеронимов потенциальных сем «престижно», «статусно», «для тех, кто может себе позволить».

Проведенный анализ показал следующее.

1. Название рекламного издания само является рекламой издания. А потому название рекламной газеты, рекламного журнала а) должно однозначно указывать, какой именно товар или услугу это издание продвигает, то есть выполнять опознавательную функцию; б) должно привлекать внимание потенциального потребителя рекламы.

2. Как правило, названия русскоязычных рекламных газет и журналов исследуемой группы маркируются словами, входящими в лексико-семантическую группу слов с общей семой «имущество в виде зданий, сооружений и т. д.»: либо словом-гиперонимом *недвижимость*, либо словами-гипонимами *жилье, дом, квартира*.

3. Слово *недвижимость* представляется наиболее удачным в качестве маркера рекламных изданий, связанных с продажей, сдачей в аренду, в наем или в залог зданий, квартир, отдельных помещений и т. д., так как в отличие от других единиц данной лексико-семантической группы оно а) однозначно; б) отличается семантической емкостью: включает в себя все виды недвижимого имущества как жилого, так и коммерческого; в) в нем эксплицитно проявлена сема «имущество», указывающая на то, что рекламируемые объекты включены в систему экономических и юридических отношений; г) является стилистически отмеченным, используется в сфере экономической и юридической коммуникации. Слова-гипонимы *дом, квартира* в русском языке многозначны, в составе гемеронима они не способны характеризовать тип издания, его назначение, а потому названия газет и журналов с этими словами не могут быть однозначно интерпретированы потенциальными потребителями рекламы, следовательно, такого рода гемеронимы не выполняют в полной мере свою опознавательную информативную функцию.

4. Отличительной чертой названий газет и журналов рассматриваемой группы является их прагматический характер: они содержат максимально информативное послание и прямо выражают объект номинации. Опознавательная информативная функция для них важнее воздействующей.

5. Частотные слова, используемые для маркирования рекламных изданий, нацеленных на создание спроса на недвижимое имущество, отнесены нами к ключевым, поскольку именно эти слова-маркеры несут основную информацию о типологических характеристиках издания и его тематической заданности. Значение слов-маркеров, как и значение большинства ключевых слов, претерпевает изменения в лингвистическом контексте гемеронима, в экстралингвистическом контексте эпохи, культуры, речевой ситуации.

Список источников

1. *Кравец Т.И.* Название газеты: ономазиологический и стилистический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Екатеринбург, 2002. 24 с. URL: <http://netess.ru/3jazykoznanie/6513-1-nazvanie-gazeti-onomasiologicheskij-stilisticheskij-aspekti.php> (дата обращения: 20.10.2020).
2. *Федосова О. И.* Лингвистический статус гемеронима (на материале российских и британских названий СМИ) // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2010. № 5 (49). С. 76–80.
3. *Врублевская О. В.* Номинативная динамика в названиях российских газет и журналов // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 7 (90). С. 170–175.
4. *Голомидова М. В., Мясникова В. А.* Образ адресата в названиях периодических изданий // Вопросы ономастики. 2014. № 2 (17). С. 112–119.
5. *Касьянова В. М.* Названия современных детских журналов: функции, семантика, лексическое наполнение // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып. 5.: Материалы V Конгресса РОПРЯЛ (г. Казань, 4–8 октября 2016 года). СПб.: РОПРЯЛ, 2016. 1 электрон. опт. диск (CD-R). С. 258–263.
6. *Мухаметзянова Л. Р.* Названия газет и журналов: функционально-прагматический аспект: дис. канд. ... филол. наук: Казань, 2018. 318с.
7. ADVmarket.ru URL: ADVmarket.ru (дата обращения: 20.10.2021)
8. Перечень наименований зарегистрированных СМИ // Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. URL: <https://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media/> (дата обращения: 28.10.2021)
9. Yandex.ru // URL: www.yandex.ru (дата обращения: 25.10.2021, 20.01.2022)
10. *Мельникова А.* Особенности функционирования рекламного издания на региональном медиарынке (на примере журнала «Торговля и производство Бел-

городской области») // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 24. 2014. № 26 (197). С. 110–118.

11. Пугачев В. И. Динамика типологии нижегородской прессы (1991–2013): дис. ... канд. филол. наук: Воронеж, 2015. 274 с.

12. Вежбицкая А. Понимание культур через посредства ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

13. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5 изд., испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.

14. Матвеева Т. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.

15. Фоякова О. Ключевые слова в художественном тексте // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. Studia minora Facultatis philosophicae Universitatis Brunensis. A33. 1985. С. 141–145.

16. Moran M. Keywords as method // European journal of cultural studies. 2021. Vol. 24(4) Pp. 1–9.

17. Медведева Т. С. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры: монография / Т. С. Медведева, М. В. Опарин, Д. И. Медведева; под ред. Т. И. Зелениной. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. 160 с.

18. Ghaziani A., Ventreska M. «Keywords and Cultural Change: Frame Analysis of Business Model Public Talk // Sociological Forum. 2005. Vol. 20. No. 4. Pp. 523–559

19. Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / РАН. Ин-трус. яз.; Гл. ред. К. С. Горбачевич. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 3. М.: Рус. Яз., 1992. 400 с.

20. Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / РАН. Ин-трус. яз.; Гл. ред. К. С. Горбачевич. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 2. М.: Рус. Яз., 1991. 960 с.

21. Сергеева А. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2007. 320 с.

22. Степанов Ю. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 992 с.

23. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб: Норинт, 1998. 1536 с.

24. Бунаева А. Т. Аспекты рекламы и продвижения строительной компании // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1. С. 9–11.

nazvanii SMI) [The Linguistic Status of the Hemeronym (Based on Russian and British Media Names)]. Izv. Volgograd. gos. ped. un-ta. No. 5 (49), pp. 76–80. (In Russian)

3. Vrublevskaya, O. V. (2014). *Nominativnaya dinamika v nazvaniyakh rossiiskikh gazet i zhurnalov* [Nominative Dynamics in the Names of Russian Newspapers and Magazines]. Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. No. 7 (90), pp. 170–175. (In Russian)

4. Golomidova, M. V., Myasnikova, V. A. (2014). *Obraz adresata v nazvaniyakh periodicheskikh izdaniy* [Addressee's Image in Names of Periodicals]. Voprosy onomastiki. No. 2 (17), pp. 112–119. (In Russian)

5. Kas'yanova, V. M. (2016). *Nazvaniya sovremennykh detskikh zhurnalov: funktsii, semantika, leksicheskoe napolnenie* [Names of Modern Children's Magazines: Functions, Semantics, Lexical Content]. Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii. Vyp. 5: Materialy V Kongressa ROPRYAL (g. Kazan', 4–8 oktyabrya 2016 goda). St. Petersburg, ROPRYAL, 1 ehlektron. opt. disk (CD-R). Pp. 258–263. (In Russian)

6. Mukhametzyanova, L. R. (2018). *Nazvaniya gazet i zhurnalov: funktsional'no-pragmaticheskii aspekt: dis. kand. ... filol. nauk* [Names of Newspapers and Magazines: Functional and Pragmatic Aspect]. Kazan', 318 p. (In Russian)

7. ADVmarket.ru URL: ADVmarket.ru (accessed: 20.10.2021). (In Russian)

8. *Perechen' naimenovaniy zaregistrirovannykh SMI* [List of Names of Registered Media]. Federal'noi sluzhby po nadzoru v sfere svyazi, informatsionnykh tekhnologii i massovykh kommunikatsii. URL: <https://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media/> (accessed: 28.10.2021). (In Russian)

9. Yandex.ru // URL: www.yandex.ru (accessed: 25.10.2021, 20.01.2022). (In Russian)

10. Mel'nikova, A. (2014). *Osobennosti funktsionirovaniya reklamnogo izdaniya na regional'nom mediarynke (na primere zhurnala "Torgovlya i proizvodstvo Belgorodskoi oblasti")* [Features of the Functioning of an Advertising Publication in the Regional Media Market (based on the magazine "Trade and Production of the Belgorod Region")]. Nauchnye vedomosti. Seriya: Gumanitarnye nauki. Vyp. 24. No. 26 (197), pp. 110–118. (In Russian)

11. Pugachev, V. I. (2015). *Dinamika tipologii nizhegorodskoi pressy (1991–2013): dis. ... kand. filol. nauk* [Typology Dynamics of the Nizhny Novgorod Mass Media (1991–2013): Ph. D. Thesis]. Voronezh, 274 p. (In Russian)

12. Wierzbicka, A. (2001). *Ponimanie kul'tur cherez posredstva klyuchevykh slov* [Understanding Cultures through Their Key Words]. Per. s ang. A. D. Shmeleva. 288 p. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian)

13. Zherebilo, T. V. (2010). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. 5 izd, ispr. i dop. 486 p. Nazran', ООО "Piligrim". (In Russian)

14. Matveeva, T. (2010). *Polnyi slovar' lingvisticheskikh terminov* [Complete Dictionary of Linguistic Terms]. 562 p. Rostov n/D, Feniks. (In Russian)

References

1. Kravets, T. I. (2002). *Nazvanie gazety: onomasiologicheskii i stilisticheskii aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Newspaper Names: Onomasiological and Stylistic Aspects: Ph.D. Thesis Abstract]. Ekaterinburg, 24 p. URL: <http://netess.ru/3jazykoznanie/6513-1-nazvanie-gazeti-onomasiologicheskii-stilisticheskii-aspekti.php> (accessed: 20.10.2020). (In Russian)

2. Fedosova, O. I. (2010). *Lingvisticheskii status gemeronima (na materiale rossiiskikh i britanskikh*

15. Fonyakova, O. (1985). *Klyuchevye slova v khudozhestvennom tekste* [Key Words in a Literary Text]. Sbornik praci Filozofické fakulty brněnské univerzity. Studia minora Facultatis philosophicae Universitatis Brunensis. A 33, pp. 141–145. (In Russian)
16. Moran, M. (2021). *Keywords as Method*. European Journal of Cultural Studies. Vol. 24(4), pp. 1–9. (In English)
17. Medvedeva, T. S. (2011). *Klyuchevye kontsepty nemetskoj lingvokul'tury: monografiya* [Key Concepts of German Linguistic Culture: A Monograph]. T. S. Medvedeva, M. V. Oparin, D. I. Medvedeva; pod red. T. I. Zeleninói. 160 p. Izhevsk, izd-vo "Udmurtskii universitet". (In Russian)
18. Ghaziani, A., Ventreska, M. (2005). "Keywords and Cultural Change: Frame Analysis of Business Model Public Talk". Sociological Forum. Vol. 20. No. 4, pp. 523–559. (In English)
19. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 20 t.* (1992) [Dictionary of the Modern Russian Literary Language: In 20 Volumes]. RAN. In-trus. yaz.; Gl. red. K. S. Gorbachevich. 2-e izd., pererab. i dop. T. 3, 400 p. Moscow, Rus. Yaz. (In Russian)
20. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 20 t.* (1991) [Dictionary of the Modern Russian Literary Language: In 20 Volumes]. RAN. In-trus. yaz.; Gl. red. K. S. Gorbachevich. 2-e izd., pererab. i dop. T. 2, 960 p. Moscow, Rus. Yaz. (In Russian)
21. Sergeeva, A. (2007). *Russkie: stereotipy povedeniya, traditsii, mental'nost'* [Russians: Stereotypes of Behavior, Traditions, Mentality]. 5-e izd. 320 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)
22. Stepanov, Yu. (2004). *Konstanty: slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 3-e izd., ispr. i dop. 992 p. Moscow, Akademicheskii proekt. (In Russian)
23. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* (1998) [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov. 1536 p. St. Petersburg, Norint. (In Russian)
24. Bunaeva, A. T. (2015). *Aspekty reklamy i prodvizheniya stroitel'noi kompanii* [Aspects of Advertising and Promotion of a Construction Company]. Biznes-obrazovanie v ehkonomie znanii. No. 1, pp. 9–11. (In Russian)

The article was submitted on 28.01.2022

Поступила в редакцию 28.01.2022

Суфиева Роза Рустамовна,

преподаватель,

Казанский национальный исследовательский институт им. А.Н. Туполева – КАИ,
420111, Россия, Казань,
Карла Маркса, 10.
roza.shakirova22@yandex.ru

Sufieva Roza Rustamovna,

Assistant Professor,

Kazan National Research Technical University
named after A. N. Tupolev-KAI,
10 Karl Marx Str.,
Kazan, 420111, Russian Federation.
roza.shakirova22@yandex.ru

Мардиева Ляйля Агдасовна,

доктор филологических наук,

профессор,

Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
layka66@mail.ru

Mardieva Leyla Agdasovna,

Doctor of Philology,

Professor,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
layka66@mail.ru

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-67-1-110-115

ПРОТИВИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОРОСКОПИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

© Наилья Фаттахова, Анастасия Мубаракшина

CONTRASTIVE RELATIONS IN HOROSCOPIC TEXTS

Nailya Fattakhova, Anastasia Mubarakshina

The article determines the specifics of the horoscope text syntax, the subject that rarely attracts attention of contemporary researchers. The horoscope has all the principle features of text with all its inherent features - coherence, integrity, completeness, etc. The essential features of text can include various kinds of lexical, stylistic and syntactic types of communication. Is it possible to consider semantic-syntactic relations as text-forming? What syntactic constructions are typical for a horoscope? These and similar questions are solved in the article. The purpose of our research is to identify the chief, basic syntactic models that form the structure of a predictive text. The analysis of more than 1000 horoscopes from Russian sites suggests that the special syntax of horoscopes reflects modern processes. It cannot be called a traditional, classical syntax, since it is formed on the basis of colloquial syntax. Identifying common features of horoscope texts, we established that the structural dominant of the horoscope is syncretic contrastive-concessive constructions, implemented explicitly and implicitly. As a rule, such constructions have a three or four-event dictum including causal relationships, while their complicating meanings are formed using lexical semantics or presuppositions. In horoscopes, such constructions manifest both basic semantic relations and new ones, provoked by the specifics of the text.

Keywords: horoscope, text, horoscope syntax, contrastive-concessive relations, semantics of warning

Статья посвящена определению специфики синтаксиса гороскопического текста, который редко попадает в поле зрения современных исследователей. Гороскоп обладает основными признаками, позволяющими говорить о том, что это текст со всеми присущими ему признаками – связностью, цельностью, завершенностью и т. п. К существенным признакам текста можно отнести и разного рода лексические, стилистические и синтаксические типы связи. Можно ли рассматривать семантико-синтаксические отношения в качестве текстообразующих? Какие синтаксические конструкции типичны для гороскопа? Эти и подобного рода вопросы находят решение в статье. Цель нашего исследования – выявить основные, базовые синтаксические модели, формирующие структуру прогностического текста. Анализ более 1000 гороскопов отечественных сайтов позволяет говорить о том, что возникает особый синтаксис гороскопов, отражающий современные процессы. Его нельзя назвать традиционным, классическим, синтаксисом, поскольку он формируется на базе разговорного синтаксиса. Определяя общность гороскопических текстов, мы установили, что структурной доминантой гороскопа выступают синкретичные противительно-уступительные конструкции, реализуемые эксплицитно и имплицитно. Установлено, что диктум в таких конструкциях трех- или четырехструктурный, как правило, включающий причинно-следственные отношения, при этом осложняющие смыслы формируются с помощью лексической семантики или пресуппозиций. Выявлено, что в гороскопах у таких конструкций проявляются как основные семантические отношения, так и появляются новые, спровоцированные спецификой текста.

Ключевые слова: гороскоп, текст, синтаксис гороскопа, противительно-уступительные отношения, семантика предупреждения

Теория коммуникации в век стремительного развития глобального информационного пространства получает широкое распространение в аспекте поиска эффективных средств воздействия на массовую аудиторию. Нестабильность политических, экономических и социальных процессов мотивирует людей к поиску «точки опоры», проверенного сценария поведения, «са-

крального» источника информации, который воплощается отчасти в тексте современного гороскопа. Компиляция математических расчетов с верно подобранными коммуникативными тактиками способствует столь долгому существованию гороскопа как жанра и вирусному распространению его во всех формах информационных

изданий: от печатных газет и журналов до мультимедийных телевидения и интернета.

Гороскоп находится на пересечении нескольких видов дискурса: астрологического, магического, медийного и профетрического. Лексико-графические источники трактуют данный феномен как «астрологическую таблицу взаимного расположения планет и звезд, служащую для предсказания чьей-либо судьбы, исхода каково-нибудь события» [1, с. 164]. На наш взгляд, подобная интерпретация потеряла свою актуальность, поскольку в сознании носителя языка в настоящий момент гороскоп воспринимается как текст, который содержит краткосрочный или долговременный прогноз ожидаемых событий в жизни человека, сопровождаемый рекомендациями по усилению эффекта от положительных сценариев и избежанию негативных последствий при неблагоприятном развитии событий.

Гороскоп как одна из разновидностей прогностического текста характеризуется тем, что формируется на стыке письменного и разговорного синтаксиса, характеризующегося экспансией парцелированных, редуцированных, сегментированных и т. д. конструкций. Это связано прежде всего с тем, что зачастую гороскопы, особенно ежедневные, пишутся на ходу, быстро, при этом тексты не редактируются, что приводит, с одной стороны, к возникновению гибридных конструкций. С другой – основная функция гороскопа состоит в том, чтобы привлечь внимание читателя, заставить его поверить в истинность предсказания. Восприятие текста читателем моделируется определенной целью, поэтому гороскоп должен утвердить его во мнении, что при соблюдении правил, сформулированных в гороскопе, цель достижима, неприятности можно избежать.

Противительные отношения в сложносочиненных предложениях рассматривались с разных сторон, при этом внимание исследователей (И. Н. Кручинина, Т. А. Колосова, В. З. Санников, Н. Н. Холодов, М. И. Черемисина и др.) акцентировалось на различных характеристиках. В зависимости от целей и задач определенного исследования семантика противительных отношений рассматривалась как «противоположность», «противопоставление», «противодействие», «несоответствие», «нарушение нормы». Противительная семантика выражается сочинительными союзами (*но, однако, а, зато, лишь, только, да*) с широким диапазоном значений, который включает все оттенки противительных отношений, отмечаемых в сложносочиненных предложениях закрытой структуры: противопоставительные, ограничительные, возмездительные, уступитель-

ные, присоединительные и пр. Наиболее распространенными в гороскопическом тексте являются противительные отношения, выражаемые союзами *но, однако, да*. Подобного рода конструкции осложняются семантикой уступительности, которая определяется как опровергающая или ограничивающая «истинность, безоговорочность утверждаемого в главной части» [2, с. 586].

В гороскопах бипредикативные противительные-уступительные предложения, как правило, включают и третий компонент (*знай, имей в виду*), выполняющий функцию предостережения. Наиболее продуктивными являются модели «А..., но (знай, имей в виду) В...». Семантика противоположности в них опирается не только на сочинительный противительный союз *но*, но и на лексическую оппозицию, которая не является точной и прозрачной, скорее, она позволяет подключать схемы знаний об окружающем индивиде мире, судить о реальности или нереальности описываемой ситуации. Как в первом, так и втором предложении подобных конструкций возможно восстановление уступительного союза *хотя*. Семантика предложения при этом может меняться. Если уступительный союз можно восстановить в первом предложении, мы получаем уступительно-противительное предложение, соединенное двухместным союзом *хотя...но*. Если восстанавливаем условный союз во втором предложении как синонимичный противительному союзу *но* = *хотя*, семантику предложения можно идентифицировать как противительно-уступительную. Как правило, в таких предложениях фиксируется ситуация, имеющая обобщенное значение какой-либо закономерности, и ситуация со значением чего-то случайного, единичного, частного, она возникает только в данный день, месяц или год. Рассмотрим несколько примеров: *Овны отличные зачинатели, инициаторы, но (знай, имей в виду) с трудом доводят дело до конца* [3] (здесь и далее разрядка наша. – Н. Ф., А. М.) // *Хотя Овны отличные зачинатели, инициаторы, но с трудом доводят дело до конца*. В предложении с двойным союзом выражаются взаимообусловленные отношения, фиксируется зависимость не только придаточного предложения от главного, но и наоборот: придаточное предложение подчиняет себе главную конструкцию. В предложениях, в которых союз *но* синонимичен подчинительному союзу *хотя*, выражается собственно-уступительное значение. В главном предложении фиксируется семантика «вопреки ожидаемому»: *Овны отличные зачинатели, инициаторы, хотя (но) с трудом доводят дело до конца*. Овен – первый знак зодиака, поэтому часто характеризуется как главный,

пионер, новатор, зачинатель (это обобщенное, общепринятое представление о знаке зодиака), что оценивается как положительное качество, но неспособность довести дело до конца (частное значение, характерное для данного дня) рассматривается как отрицательное качество. Лексическая оппозиция, основанная на противопоставлении волевых качеств знака зодиака – *начинать что-то / не заканчивать что-то*, содержит предостережение для знака зодиака, в котором фиксируется семантика несоответствия ожиданиям.

Ассоциативное поле лексических конкретизаторов может имплицитно поддерживать семантику «несоответствия ожиданиям», например: *Представители Весов не особенно любят спешку, но (знай, имей в виду) при этом они частенько умудряются оказаться впереди остальных* [4] // *Хотя представители Весов не особенно любят спешку, но при этом частенько умудряются оказаться впереди остальных*. В подобного рода предложениях позиция частей фиксированная, вторая часть двойного союза часто имеет лексический конкретизатор *но при этом*, указывающий на то, что ситуации в двух предложениях происходят одновременно. Противительно-уступительные отношения поддерживаются лексической оппозицией *медленно-быстро*, актуализирующей семантику «вопреки ожидаемому». Во втором варианте – *Представители Весов не особенно любят спешку, хотя (но) при этом частенько умудряются оказаться впереди остальных* – главное предложение имеет значение констатации того, что не подвергается сомнению, соответствует действительности. Постпозитивная придаточная часть фиксирует то, что нельзя было бы ожидать, поскольку Весы характеризуются как уравновешенный знак зодиака, который никогда не спешит. Однако и здесь выражается несоответствие ожиданиям: не спешит, но одновременно часто всех обгоняет и оказывается первым. Союз *но* в данной ситуации выражает не просто противопоставление, но и предостережение с опорой на лексический состав предложения: не надо судить Весы по внешнему проявлению его качеств.

Обратимся к другому примеру: *Рыбы часто чувствуют, когда человеку недолго осталось, но (знай, имей в виду) при этом молчат как партизаны* [Там же] // *Хотя Рыбы часто чувствуют, когда человеку недолго осталось, но при этом молчат как партизаны*. Уступительно-противительные отношения поддерживаются не только двойным союзом *хотя... но при этом*, но и лексической оппозицией *чувствовать (знать) / молчать*: *Рыбы часто чувствуют, когда человеку недолго осталось, хотя (но) при этом молчат*

как партизаны. Лексический конкретизатор-наречие *при этом*, переводит взаимодействие ситуаций в плоскость одновременного осуществления. В знаке зодиака Рыбы, как правило, фиксируются качества и свойства рыбы как животного, поэтому они идентифицируются как молчаливые, замкнутые интроверты. Рыбы считаются самым интуитивным знаком зодиака, однако их природное свойство – молчание, немота – не позволяет озвучивать свою интуицию. Семантика фразеологизма *молчать как партизан* фиксирует, с одной стороны, такое волевое качество знака, как стойкость, а с другой – чувство сострадания, направленное к другому лицу. Хотя в конструкции проявляется противительно-уступительная семантика, но здесь нет несоответствия ожиданиям, так как Рыбы от природы немые, молчаливые. Мы можем констатировать тот факт, что здесь фиксируется так называемое ситуативное ожидание, вступающее в противоречие с представлением о знаке зодиака Рыбы.

Мотивация предостережения может быть эксплицирована, чаще всего она выражается конструкциями со значением причины, следствия, присоединяемыми бессоюзной или сочинительной связью: *На отношения этот период никак не повлияет, но (знай, имей в виду) вот с деньгами стоит быть осторожными, можно совершить лишние ненужные покупки* [5]. Такого рода предложения имеют четырехкомпонентную структуру, выражающую альтернативную мотивацию, положительное влияние события в первом предложении может быть нарушено несоблюдением условий второго предложения, при этом предостережение обозначается невербализованной в самом предложении структурой: *Хотя на отношения этот период никак не повлияет, но вот с деньгами стоит быть осторожными, потому что если вы не будете осторожны, то можно совершить лишние и ненужные покупки* // *На отношения этот период никак не повлияет, хотя (но) вот с деньгами стоит быть осторожными, потому что если вы не будете осторожны, то можно совершить лишние и ненужные покупки*. В исходном предложении противительно-уступительные отношения выражаются сочетанием сочинительного союза *но* с частицей *вот*, которая актуализирует снижение позитивного значения ситуации в первом предложении. При этом выражается ограничительное значение негативного признака, которого следует избегать.

Идентификация противительно-уступительной семантики может осуществляться через включение в контекст лексем типа *всегда*, имеющих значение «Во всякое время, постоянно».

но» [6, с. 104], например в предложении: *Эти люди каждый день разные, но (знай, имей в виду) всегда такие же энергичные, шумные, и не заметить их – сложно* [7]. Условием для реализации противительно-уступительной семантики союза *но* является ситуация проявления постоянного признака (*всегда энергичные, шумные*), поддерживаемого наречием *всегда*. Отношения между союзами *но* и *хотя* можно рассматривать как возможные в разных функционально-синтаксических отношениях, однако они все же различаются, поскольку перемещают фокус восприятия события в разные стороны, актуализируя попеременно то условие, то следствие события. В частности, в ситуации синонимии союзов *но* и *хотя* актуализируется семантика постоянства не только в первом предложении, но и во втором: *Эти люди каждый день разные, хотя (но) всегда такие же энергичные, шумные, и поэтому не заметить их – сложно*. В первом предложении констатируется определенный факт, а ситуация во втором предложении осуществляется вопреки ситуации в первом предложении: *Хотя эти люди каждый день разные, но всегда такие же энергичные, шумные, и поэтому не заметить их сложно*. Восприятие подобного рода отношений опирается на пресуппозицию, имплицитная оценка реконструируется с опорой не только на синтаксические средства связи (союз *и* констатирующего значения), но и семантическую характеристику самих предложений, опирающуюся на соотношение качественных характеристик *энергичный / шумный*. Лексикографический анализ базовых лексем *энергичный*: «Полный энергии, решительный, активный» [6, с. 911] и *шумный*: «Производящий шум, громкий» [Там же, с. 902] свидетельствует о негативной характеристике, данной во втором предложении.

Подобных противительно-уступительных конструкций, в которых противительность выражается эксплицитно союзом *но* и лексическими оппозициями сказуемых, около 30% от всех рассмотренных нами. Актуальны и конструкции, в которых противительные отношения выражаются в сложносочиненных предложениях с союзами *однако, да, а*. Тем не менее таких предложений сравнительно немного, поскольку союзы *однако, да, а* характеризуются определенной стилистической окраской и выражают противительные отношения, осложненные определенными оттенками смысла, отличающимися от противительно-уступительных.

Сложносочиненные предложения, выражающие противительные отношения, активно функционируют в парцеллированных конструкциях.

Как известно, разрыв, разъединение предложений проходит по линии слабых связей, поэтому сложносочиненное предложение часто парцеллируется, поскольку отношения между его частями, на первый взгляд, кажутся однозначными, однородными, самостоятельными. Однако понимание гороскопического текста требует выявления семантики предложений в широком контексте. Стратегия понимания базируется на необходимости прочтения имплицитной информации. Пауза между предложениями свидетельствует о большей самостоятельности первого предложения, констатирующего одно из качеств, свойств характера определенного знака зодиака. Второе предложение должно быть связано с ним противительно-уступительными отношениями, которые не всегда явно прочитываются: *На первый взгляд, ты – ловкач, уверенный в себе и твердо стоящий на своем. Но (знай) под всем этим вы невероятно эмоциональны* [8] // *На первый взгляд, ты – ловкач, уверенный в себе и твердо стоящий на своем. Хотя (но) под всем этим вы невероятно эмоциональны*. Семантика союза *но* во взаимодействии с семантикой стержневых слов *ловкач / эмоциональный* обеспечивает сохранение противительно-уступительного значения парцеллированной конструкции. Ловкач (синонимы: хитрец, шельма, пройдоха) трактуется как хитрый, изворотливый человек, который не способен демонстрировать эмоции, быть тонко чувствующим разные эмоциональные оттенки в общении с людьми. Разговорный оттенок слова констатирует некоторое снижение рейтинга знака зодиака Весы, однако вводное словосочетание *на первый взгляд* позволяет нам усомниться в первоначальной оценке качеств характера знака зодиака. Кроме того, определенное переключение двух местоимений – *ты* (ловкач) и *вы* (невероятно эмоциональны) – поддерживает негативную характеристику, данную в первом предложении. Подобное явное противоречие смягчается, в определенной степени снимается разрывом между предложениями. В этом и состоит основная суть парцеллированных конструкций. Восстановление уступительного союза в первом предложении: *Хотя на первый взгляд, ты – ловкач, уверенный в себе и твердо стоящий на своем. Но под всем этим вы невероятно эмоциональны* – переключает регистр нашего восприятия: актуализируется семантика «несоответствие ожиданиям».

Рассмотрим еще один пример: *Водные знаки зодиака интуитивны, чутки и эмоциональны. Но не становись на их сторону* [8]. Данная парцеллированная конструкция способна стимулировать ее неоднозначное восприятие, по-

сколькx первое предложение содержит имплицитную конструкцию, в которой указывается на так называемую возмездительную противоположность: *Водные знаки зодиака интуитивны, чутки и эмоциональны, зато они злопамятны, мстительны и т. п. Но не становись на их сторону, потому что если встанешь на их сторону, то ты пострадаешь*. Возможен и вариант: *Хотя Водные знаки интуитивны, чутки и эмоциональны, зато они злопамятны, мстительны и т. п. Но не становись на их сторону, потому что если встанешь на их сторону, то ты пострадаешь*. С одной стороны, как известно, водные знаки – самый интуитивный знак зодиака, которому не чуждо тонкое понимание собеседника, отзывчивость, чуткость, что следует рассматривать как позитивную, положительную характеристику водных знаков. Однако во втором предложении содержится нерасшифрованное предупреждение: не ориентироваться только на эмоционально-психические характеристики, очевидно, каждый должен сделать для себя вывод о том, почему не надо становиться на сторону водных знаков. Семантика предупреждения блокирует восстановление уступительного союза во втором предложении.

Еще один пример, в котором парцеллированная конструкция содержит предупреждение: *Овны всегда выполняют дела до конца, даже если их об этом никто не просил. Но сказать об этом Овну будет себе дороже* [9]. Первое сложноподчиненное предложение с придаточным уступительным присоединяется союзом *если даже*, выступающим эквивалентом уступительного союза. Союз *если даже* выражает модальное значение допущения, которое предполагает семантику примирения с чем-то, принятие чего-то неизбежного, чему трудно противостоять. Во втором предложении выражаются причинно-следственные отношения, союз *но* эквивалентен союзу *потому что*, поскольку второе предложение содержит причину того, почему возможно осуществление действия первого предложения: *Овны всегда выполняют дела до конца, даже если их об этом никто не просил. Поэтому (но) им никто об этом не говорит, потому что сказать об этом Овну будет себе дороже*.

Таким образом, рассмотренные нами примеры дают основание утверждать, что гороскопический текст выступает как синкретичный, совмещающий семантико-синтаксические и стилистические признаки традиционного и разговорного синтаксиса. Одной из ключевых, стержневых, ядерных является противительная семантика, которая активно поддерживается лексико-

семантической оппозицией ключевых слов в соотносимых предложениях. При этом одно и то же предложение может стимулировать разное прочтение, в зависимости от того, в каком предложении выражается семантика «несоответствие ожиданиям», определяющая точку зрения читателя на данный текст. Восприятие семантико-синтаксической информации, заключенной в гороскопическом тексте, кроме того, основано на идентификации определенной схемы, модели ситуации, формируемой и на лексическом уровне соотношением ключевых оппозиций.

Список источников

1. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2008: Издательский центр «Азбуковник». 1175 с.
2. Русская грамматика. М.: Наука, 709 с.
3. Кто такие Овны? URL: 137f http://zen.yandex.ru/media/kseniashahova/kto-takie-ovny-samoe-vajnoe-o-znake-zodiaka-5fceca7b702d845a 36f3 (дата обращения: 25.12.2021).
4. В тихом омуте. URL: https://zen.yandex.ru/media/promag/v-tihom-omute-5-znakov-zodiaka-podkotorymi-rojdaetsia-bolshe-vsego-odarenyih-5fe722159c06f6134f5f56d5 (дата обращения: 25.11.2021).
5. Какие знаки Зодиака ждет головокружительный взлет. URL: https://ktv-ray.ru/novost/kakie-znaki-zodiaka-jdet-perelomnyy-moment-i-golovokrjutelnnyvzlet/92208/ (дата обращения: 25.11.2021).
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополненное, М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
7. Установки каждого знака зодиака. URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5c4c6c012e7d9d00b0e66fda/ustanovki-kajdogo-znaka-zodiaka-5fcf9a1b4b6f9b5380442ab0 (дата обращения: 25.11.2021).
8. Сильные и слабые стороны личности. URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5ee5e4279435cb76f79e30c6/silnye-i-slabye-storony-lichnosti-po-znaku-zodiaka-5fbff3b7210b317d1e8e1361 (дата обращения: 25.11.2021).
9. Себя узнает каждый. URL: https://versiya.info/science/sverhestestvennoe/133277 (дата обращения: 30.12.2021).

References

1. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov* (2008) [Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information about the Origin of Words]. RAN. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Отв. ред. N. Yu. Shvedova. 1175 p. Moscow, Izdatel'skiy tsentr "Azbukovnik". (In Russian)

2. *Russkaia grammatika* (1980) [Russian Grammar]. 709 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
3. *Kto takie Ovny?* [Who Are Aries?]. URL: 137f <http://zen.yandex.ru/media/kseniashahova/kto-takie-ovny-samoe-vajnoe-o-znake-zodiaka-5fccea7b702d845a36f3> (accessed: 25.11.2021). (In Russian)
4. *V tikhom omute* [Still Waters]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/promag/v-tihom-omute-5-znakov-zodiaka-pod-kotorymi-rojdaetsia-bolshe-vsego-odarenykh-5fe722159c06f6134f5f56d5> (accessed: 25.11.2021). (In Russian)
5. *Kakie znaki Zodiaka zhdet golovokruzhitel'nyi vzlet* [What Zodiac Signs Are to Expect a Dizzying Rise]. URL: <https://ktv-ray.ru/novost/kakie-znaki-zodiaka-jdet-perelomnyy-moment-i-golovokruzhitel'nyi-vzlet/92208> (accessed: 25.11.2021). (In Russian)
6. Ozhegov, S. S., Shvedova, N. Iu. (1999). *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions]. 4-e izd., dopolnennoe. 944 p. Moscow, Azbukovnik. (In Russian)
7. *Ustanovki kazhdogo znaka zodiaka* [Each Zodiac Sign Attitudes]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c4c6c012e7d9d00b0e66fda/ustanovki-kajdogo-znaka-zodiaka-5fcf9a1b4b6f9b5380442ab0> (accessed: 25.11.2021). (In Russian)
8. *Sil'nye i slabye storony lichnosti* [Strengths and Weaknesses of the Personality]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5ee5e4279435cb76f79e30c6/silnye-i-slabyestorony-lichnosti-po-znaku-zodiaka-5fbff3b7210b317d1e8e1361> (accessed: 25.11.2021). (In Russian)
9. *Sebya uznaet kazhdyi* [Everyone Will Recognize Themselves]. URL: <https://versiya.info/science/sverhestestvennoe/133277> (accessed: 30.12.2021). (In Russian)

The article was submitted on 12.01.2022
Поступила в редакцию 12.01.2022

Фаттахова Наиля Нурийхановна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
n-fattahova@mail.ru

Fattakhova Nailya Nuryikhanovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
n-fattahova@mail.ru

Мубаракшина Анастасия Михайловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
blondy010888@mail.ru

Mubarakshina Anastasia Mikhailovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
blondy010888@mail.ru

УДК 81.362

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-67-1-116-120

СТРАТЕГИЯ ПОНИМАНИЯ СУЕВЕРНЫХ ПРИМЕТ В ТЕЛЕВИЗИОННОМ ДИСКУРСЕ

© Наиля Фаттахова

THE STRATEGY OF UNDERSTANDING SIGNS OF SUPERSTITION IN TELEVISION DISCOURSE

Nailya Fattakhova

The article studies the television series “The Blind”, “A Hex” and “The Fortune Teller”, “The Witch Doctor”, “Weegee” and “The Elder”, in which the identification of the semantic content is carried out through superstition signs. The use of signs, rituals, rites, etc., actively functioning in the discourse of television series, makes it necessary to highlight the strategies and signs that the viewers identify in order to correlate their own picture of the world with an illusory, fictional representation of the world, and believe in it. The primary role in this process is played by signs that summarize and explain what is happening on the TV screen. The main purpose of the work is to describe the functions of superstitions, based on the lexico-semantic field “family”: prognostic, prohibitive and regulatory. It is established that the relationships between family members are determined by their knowledge of the signs, prescribing a certain domestic behavior, based on a system of prohibitions and permissions. In this regard, television series are considered to be a non-verbal text, including implicit symbols and signs that need to be deciphered with the help of a translator of ancient knowledge, whose role is performed by various elders, witches, clairvoyants, etc. The analysis of a large corpus of new superstitions allows us to state that different age groups of viewers display an increasing interest in the existence of a parallel world that controls all their actions, and even their lives, as evidenced by the increasing number of such TV series.

Keywords: television series, superstitious omen, identification strategies, lexico-semantic field, family

Статья посвящена рассмотрению телевизионных сериалов «Слепая», «Порча» и «Гадалка», «Знахарка», «Уиджи», «Старец», идентификация смыслового содержания которых осуществляется через разного рода суеверные, или бытовые, приметы. Активное функционирование в телевизионном дискурсе сериалов, основанных на использовании примет, обрядов, ритуалов и т. п., приводит к необходимости выявления стратегий и знаков, которые телезритель вычленяет, чтобы соотнести свою картину мира с иллюзорным, вымышленным представлением о мире и поверить в нее. Первостепенную роль в данном процессе играют приметы, объединяющие и объясняющие происходящее на экране телевизора. Основная цель работы – на основе лексико-семантического поля *семья* описать функции суеверных примет: прогностические, запретительные, регуляторные. Установлено, что взаимоотношения между членами семьи обусловлены тем, насколько хорошо они знают приметы, предписывающие определенное бытовое поведение, основанное на системе запретов и разрешений. В этом плане телевизионные серии рассматриваются как кинематографический текст, включающий имплицитные символы и знаки, которые нужно расшифровать с помощью транслятора древнего знания, в роли которого выступают разного рода старцы, ведуньи, ясновидящие и пр. Анализ большого корпуса новых суеверий позволяет констатировать все более возрастающий интерес у разновозрастных групп телезрителей веру в существование параллельного мира, контролирующего все наши действия, и даже нашу жизнь в целом, о чем свидетельствует все увеличивающееся количество подобного рода сериалов.

Ключевые слова: телевизионный сериал, суеверная примета, стратегии идентификации, лексико-семантическое поле, семья

Приметы издавна сопровождают жизнь человека. И если приметы, связанные с предсказанием погоды, постепенно уходят из жизни современного человека, то бытовые приметы в последние десятилетия не только сохраняются, но

и пополняются новыми, основанными на современных реалиях. Почему это происходит, что лежит в основе постоянного интереса к разного рода предсказательным текстам? Каковы функции современных бытовых примет? Могут ли

приметы стать определенным родом знаками современной культуры? Обсуждение данного вопроса невозможно без определения того, что такое примета, особенно бытовая, как она формируется, что лежит в ее основе. Народные приметы формируются на основе системы ожидания, поскольку «ожидание возникает в сознании раньше, чем формируется способность критически, то есть логически мыслить» [1, с. 33]. Хотя бытовые приметы чаще всего рассматриваются как суеверие, не имеющее под собой реальных оснований, последние исследования свидетельствуют о том, что такие приметы так же, как и метеорологические и сельскохозяйственные, возникали в результате длительных наблюдений за предметами, вещами, окружавшими древнего человека, и отношениями между людьми (своими / чужими). Взаимоотношения в лексико-семантическом поле *семья* создают уникальную упорядоченную структуру, которая сохраняла и передавала из поколения в поколение систему запретов и разрешений, исполнение которых способствовало сохранению благополучия в семейной жизни. При этом большинство бытовых примет было основано на разного рода повериях, первобытных культах, обычаях, ритуалах, пред-рассудках, которые можно рассматривать как коллективную память народа, однако зачастую утраченную или забытую в настоящее время.

Бытовые приметы, связанные с семейными отношениями, формируются на основе взаимоотношений членов семьи, под которой понимается «родственная связь по **свойству** или **общность** по **имени предка (фамилия)** – в отличие от кровного **рода** и близости **дружбы**» [2, с. 232]. В традиционных бытовых приметах отражаются только наиболее значимые моменты жизни человека, к которым относятся рождение ребенка, свадьба и смерть. Бытовое поведение в течение всей жизни не было строго регламентировано, оно, безусловно, было в определенной степени сформировано по существовавшим в ту или иную эпоху стереотипам, которые определяли степень нормальности / ненормальности поведения индивида. Нормальным считалось такое поведение, в основе которого лежат запрограммированные действия, а ненормальным рассматривалось непредсказуемое, неритуализированное, поведение.

Современные телевизионные бытовые приметы, становясь смысловой основой для телевизионного сериала, отражают взаимоотношения между членами современной семьи. Жизненные ситуации, на основе которых строятся телесериалы, воспринимаются как определенная модель мира, состоящая из определенных знаков,

прочтение которых способно уберечь индивида от ударов судьбы. Телесериалы демонстрируют неспособность индивида самостоятельно предотвращать последствия собственных поступков в силу того, что утрачено древнее знание знаков, посылаемых судьбой и способных уберечь от страха одиночества, безответной любви, предательства близких, коллег и знакомых и других негативных, разрушающих психику человека чувств и поступков.

Бытовые телевизионные приметы формируются на основе традиционных принципов, включающих предсказательность, обобщенность, аналогию, условно-временные отношения, оппозицию (на разных языковых уровнях), актуализирующих современное прочтение народных примет и обусловивших возникновение нового принципа, основанного на понимании того, что любое явление может функционировать в качестве знака. При этом основные принципы формирования народных примет претерпевают определенные изменения, в частности, принцип обобщенности корректируется принципом индивидуализации через конкретное событие в жизни конкретного человека. И если в традиционных приметах следствие несоблюдения нормы поведения формулировалось неопределенно (*к беде, к неудаче, к горю, к несчастью* и др.), то есть «... предсказание всегда сохраняет запас неопределенности, неисчерпанность выбора между некоторыми альтернативами» [3, с. 349], то в телевизионных приметах следствие, как правило, эксплицируется: указывается конкретное следствие, приистекающее из конкретного условия: *Нельзя мужчине во взрослом возрасте в детские игрушки играть. Это приведет к тому, что он не сможет завести семью, а если заведет, она разрушится* [4]. Однако подобные следствия, как правило, лишь констатируют неблагоприятные последствия, но не объясняют их: причинно-следственные связи субъект должен восстанавливать сам (например, игра в детские игрушки свидетельствует о том, что субъект не готов к взрослой жизни). Суеверные приметы содержат целый пласт разнообразных эллипсисов, пропусков, опущений, восстановление которых отсылает к древним знаниям, к общей некогда коллективной памяти, утерянной в настоящее время. Восстановление пропущенных звеньев возможно, если учитывается один из ведущих, основных принципов формирования народных примет – принцип аналогии, постулирующий закономерность того, что подобное вызывается подобным, будь то цвет, форма, размер, функция и т. п., при этом аналогичность может быть неявно выраженной, основанной на пресуппозициях, тре-

бующих восстановления в памяти ассоциаций, связанных с тем или иным словом. Поскольку «Все многообразие человеческих коллизий сводится к истории главной пары – Мужчины и Женщины» [5, с. 571], то и бытовые приметы в основном ориентированы на взаимоотношения мужа и жены, например: *Если муж на рубашке пуговицы криво застегивает, значит, неверен / Если ваш муж часто путает пуговицы на рубашке, значит, он вам изменяет* (криво застегивает / пошел по кривой дорожке, путает пуговицы / перепутал дорогу домой); *Нельзя хранить вещи мужа и жены отдельно – это к разлуке. Хотя бы часть вещей должна лежать вместе* (хранить отдельно / жить отдельно); *Мужчина должен одно кольцо носить. Если их много, не может жене верность хранить* (одно кольцо / одна женщина, много колец / много женщин). Постоянно возникающее противоречие между принципом *вместе / раздельно* характеризует отношения мужа и жены, при этом возникают противоречивые приметы, которые трудно объяснить, например: *Нельзя есть с любимым из одной тарелки, иначе семья развалится*; и противоположные: *Мужу и жене нельзя под разными одеялами спать – это приводит к охлаждению в семье; Нельзя мужу и жене на разном белье спать, это к разлуке; Если в доме чашки и блюда от разных пар, хозяева во лжи жить будут*.

Часть примет построена на древнем представлении о парном, двойном предмете, при этом потеря одного из элементов приводит к разлуке, обману, неверности, одиночеству, потому что нарушается связь между мужем и женой: *Если жена одну серьгу из пары, что муж подарил, потеряет, она неверна; Если у мужчины все носки непарные, то и пары у него не будет*. Большинство примет можно рассматривать как своего рода обереги, помогающие сохранить семью, за каждой приметой выступает определенное событие, сценарий жизни, основанный на желании избежать нежелательных последствий. В частности, кольцо как символ вечной любви, верности присутствует в ряде примет: *Если супруги хотят счастливо жить, должны обручальные кольца носить // Чтобы брак крепким и безоблачным был, супруги должны обручальные кольца носить; Нельзя давать примерять свое кольцо. Кто кольцо примерит, тот твое место займет*. Запрет на то, чтобы выставлять напоказ свои отношения, – устойчивый предрассудок: *Нельзя мужу и жене на фотографии целоваться – это может к измене привести; Никогда не стоит выставлять свою жизнь напоказ, так мы привлекаем завистников*. И если такого рода

приметы поддаются объяснению, поскольку можно вычленив глубинные ассоциации, можно установить принципы, по которым формируются часто не осознаваемые нормы поведения, то некоторые телевизионные приметы кажутся абсолютно нелогичными, немотивированными, не имеющими причинно-следственной связи между событиями в личной жизни героя сериала. Часто запрета недостаточно для понимания сценария жизни и дальнейшего прогноза, поэтому требуется слепая вера в знаки судьбы, например: *Если муж в постели чай пьет, он от жены гуляет // Муж чай в постели пьет, значит, жене неверен (примета старая, верная); У мужчины своя ложка должна быть, иначе жить ему в обмане; Если в семье первой рождается девочка, есть возможность, что супруг будет изменять, особенно на третьем году жизни; Если муж не пользуется одеколоном, что жена подарила, это верная примета, что он что-то скрывает от нее*.

Запрет на производство тех или иных действий касался в первую очередь жены, поскольку она рассматривалась как хранительница семейного очага, от ее правильного поведения зависело благополучие и стабильность брака: *Нельзя жене в одежде мужа спать – дурная примета // Если жена в одежде мужа спит – брак развалится*; и наоборот: *Если женщина мужскую обувь носит – будет всю жизнь верность ему хранить – примета надежная; Нельзя давать примерять свое кольцо. Кто кольцо примерит, тот твое место займет*. Запрет, адресованный мужчине, носит другой характер, мужчина не должен пересекать красную линию между женской и мужской территориями в доме, так как это ведет к неудаче, неприятности, обману в личной жизни, поскольку мужчина берет на себя роль жены: *Мужчина не должен сам белье гладить. Если самому гладить, можно жену потерять; Мужчина, который хочет устроить свою личную жизнь, не должен делать женскую работу: стирать, убирать, гладить; Нельзя семейным мужчинам кухонные полотенца покупать, семья под угрозой: дело это женское*.

Взаимоотношения родителей и детей также регламентируются, при этом отношения *мать / дочь, сын и отец / дочь, сын* трактуются по-разному, формируя различные сценарии поведения, объяснение которых возможно с учетом гендерных, социальных, возрастных и пр. различий. Существуют приметы, которые распространяются на отношения родителей (матери / отца) и детей без гендерных различий: *Нельзя взрослым в детские игрушки играть – мира в доме не будет; Никогда не принимайте игрушек и сувени-*

ниров для своих детей от посторонних людей; *Нельзя матери целовать ребенка в лоб, иначе не будет ни счастья, ни любви // Если мать ребенка в лоб целует, он не своим, а ее умом живет.*

Принцип аналогии в некоторых случаях действует избирательно, например, в примете может содержаться запрет на то, чтобы иметь разные фамилии матери и ребенку, поскольку это противоречит постулату: на двоих – одна судьба, разные фамилии разрывают эту связь, разрывают принадлежность к одному роду: *Нельзя матери и ребенку разные фамилии носить – не будет между ними любви и взаимопонимания.* Однако существует и примета, в соответствии с которой запрет распространяется на одинаковые имена для сына и отца, дочери и матери, поскольку сын и дочь могут или стать несчастными, или отобрать у родителей удачу: *Нельзя чтобы сына и мужа или дочь и мать одним именем называли – только одному будет сопутствовать удача. Чтобы удача и счастье вернулись, надо третьего с этим именем обрести (внука).* Взаимоотношения взрослых детей зависят от взаимоотношений родителей, предшествующий опыт счастливой / несчастливой семейной жизни будет бумерангом возвращаться, формируя аналогичный сценарий жизни: *Если муж жене неверен, то и у дочери муж неверен будет.*

Сложными представляются отношения матери и дочери, запрет на вмешательство в жизнь дочери связан с принципом зеркала: дочь или повторит судьбу матери, или не сможет сформировать собственный сценарий жизни (останется незамужней): *Нельзя хозяйничать в шкафу взрослой незамужней девушки, тогда вся ее личная жизнь будет на виду; Нельзя, чтобы мать дочь с женихом знакомила – к разладу, брак может быть нежелательным // Чтобы с будущим женихом знакомила мать – плохая примета; Дочери нельзя носить вещи матери, тогда не будет у нее своего женского счастья; Нельзя чтобы молодая семья в родительском доме жила, от этого семьи матери и дочери рушиться будут.* Отношения с сыном также построены на определенных запретах: *Нельзя, чтобы мать сына стригла, иначе он ее умом будет жить и личной жизни у него не будет; Нельзя матери на ногу сына обувь протирать – несчастлив в браке будет.* Аналогичными представляются отношения отца и дочери: *Нельзя отцу дочери волосы заплетать, иначе в доме женщины не будет, пока дочь сама замуж не выйдет.*

Рассмотрение лексико-семантического поля семья убеждает нас в том, что приметы имеют форму высказываний констатирующих, запретительных, постулирующих необходимость строго-

го соблюдения определенных правил поведения и ритуалов в повседневной жизни. Так называемые запретительные приметы актуальны прежде всего для бытовых примет, поскольку они «сохранили в себе не только остатки древних воззрений на причинно-следственные связи, но и начала правил, вызванные потребностями жизненного уклада» [6, с. 242]. У героев телевизионных сериалов возникает стремление полагаться на какие-то силы, находящиеся вне человека, поскольку, плохо понимая причинно-следственные связи событий своей жизни, они начинают искать причины неудач во внешнем мире, при этом запрет на производство некоторых действий помогает преодолеть ситуацию неопределенности.

Сами высказывания, имеющие схему «нельзя...+ инфинитив», построены по типовой модели народной приметы, в основе которой лежат условно-временные семантико-синтаксические отношения. Интегральная условно-временная семантика коррелирует с разного рода семантическими отношениями: причинными, следственными, определительными, целевыми и др., что способствует возникновению разных схем, а «структурная схема (образец минимального построения) предназначена для того, чтобы, будучи наполненной конкретным лексическим материалом, стать сообщением о какой-либо действительности» [7, с. 541]. Для бытовых примет с семантикой запрета релевантной является схема с модальным словом *нельзя*, поскольку оно выступает как «формула категорического запрета на речь, мысль или действие, признанные всегда или условно принимаемые здесь и сейчас как невозможные, предосудительные или вредные» [2, с. 505]: *Нельзя за внуком еду доедать – силу у него отбираешь; Нельзя фотографии ребенка хранить среди документов – к несчастью; Нельзя, чтобы в одной семье были две свадьбы в один месяц. Одна семья разведется.* Однако частотны и условно-временные, целевые, местоименно-соотносительные конструкции, которые передают не запрет, а предостережение от неблагоприятных последствий определенных поступков: *Если оставлять на столе грязную пустую посуду, к ссоре и разладу в семье; Чтобы семья крепкая была, жена должна сама мужу еду накладывать; Чтобы в семье были лад и любовь, в доме надо семейные портреты хранить.* Подобные конструкции составляют парадигму бытовых примет: *Нельзя оставлять грязную и пустую посуду на столе – это к ссоре и разладу в семье // Если оставлять на столе грязную пустую посуду, к ссоре и разладу в семье // Чтобы не было*

ссор и разлада в семье, нельзя оставлять грязную и пустую посуду на столе.

Таким образом, в бытовых приметах, построенных по разным схемам, прогнозирование следствия актуализирует когнитивно-смысловое поле запрета, ориентированное на субъекта, верящего в то, что соблюдение определенных правил и норм поведения способно предотвратить неудачи в жизни. Индивиду легче поверить в то, что нарушение древних законов поведения – это и есть причина всех его бед и неудач, чем самому пытаться преодолеть трудности, осмысливая их.

Список источников

1. Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 197 с.
2. Колесов В. А., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. В 2-х т. Т.1. А – О. С.-Петербург: Златоуст, 2014. 592 с.
3. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. С.-Петербург: «Искусство – СПб», 2002. 768 с.
4. Слепая. URL: <https://premier.one/show/slepaja> (дата обращения: 05.04. 2021).
5. Лотман Ю. М. Семиосфера. С.-Петербург: «Искусство – СПб», 2004. 704 с.

6. Стрижев А. Н. Народные приметы М.: Современник, 1997. 254 с.

7. Шведова Н. Ю. Простое предложение. // Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 767 с.

References

1. Cheremisina, M. I., Kolosova T. A. (1987). *Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya* [Essays on the Theory of Complex Sentences]. 197 p. Novosibirsk, Nauka. (In Russian)
2. Kolesov, V. A., Kolesova, D. V., Kharitonov, A. A. (2014). *Slovar' russkoi mental'nosti* [Dictionary of Russian Mentality]. V 2-kh t. T.1. A – O. 592 p. St. Petersburg, Zlatoust. (In Russian)
3. Lotman, Yu. M. (2002). *Istoriya i tipologiya russkoi kul'tury* [History and Typology of Russian Culture]. 768 p. St. Peterburg, "Iskusstvo – SPB". (In Russian)
4. *Slepaya* [The Blind]. URL: <https://premier.one/show/slepaja> (accessed: 05.04. 2021). (In Russian)
5. Lotman, Yu. M. (2004). *Semiosfera* [Semiosphere]. 704 p. St. Peterburg, "Iskusstvo – SPB". (In Russian)
6. Strizhev, A. N. (1997). *Narodnye primety* [Folk Omens]. 254 p. Moscow. Sovremennik. (In Russian)
7. Shvedova, N. Yu. (1970). *Prostoe predlozhenie* [Simple Sentence]. V kn.: *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. 767 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 16.03.2022

Поступила в редакцию 16.03.2022

Фаттахова Наиля Нурийхановна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
n-fattahova@mail.ru

Fattakhova Nailya Nuryikhanovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
n-fattahova@mail.ru

УДК 81'371

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-67-1-121-128

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
АНТРОПОНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА ПРИМЕРЕ АНТРОПОНИМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ
Л. Е. УЛИЦКОЙ «СОНЕЧКА»)**

© Чжао Ян

**FUNCTIONAL AND SEMANTIC FEATURES
OF ANTHROPONYMS IN A LITERARY TEXT
(BASED ON THE ANTHROPONYMS IN
“SONECHKA” BY L. ULITSKAYA)**

Zhao Yang

The article is devoted to the linguistic analysis of the role of proper names (anthroponyms) in a literary text. The proper names of L. Ulitskaya's characters, in particular those in the literary work “Sonechka”, have been insufficiently studied so far. The ideological plan of the writer, contained in the anthroponyms, influences the correct perception of the content of literary works by its readers. In this regard, the purpose of the article is to determine the functional and semantic features of anthroponyms in the story “Sonechka” by L. Ulitskaya. As a result of the study, the purpose and features of the anthroponyms, functioning in the literary work, are revealed and substantiated. We believe that the proper names in L. Ulitskaya's story “Sonechka” convey significant information about her characters and make it possible to realize the ideological plan of the writer in the literary space. The conducted analysis enabled us to come to the conclusion that the proper names in the story “Sonechka” are the key elements in the formation and disclosure of vivid literary images of its characters. The writer uses anthroponyms to ensure the expressiveness of her characters' traits and the emotionality of their perception. By using the unique proper names in her literary work, L. Ulitskaya demonstrates her broad outlook, high level of erudition, rich imagination and creative resourcefulness.

Keywords: linguistics, literary text, proper names, L. Ulitskaya, story “Sonechka”, anthroponyms, functional-semantic analysis

Статья посвящена актуальной проблематике лингвистического анализа роли имен собственных (антропонимов) в художественном тексте. В настоящее время недостаточно изученной остается заключенная в именах собственных характеристика персонажей Л. Е. Улицкой, в частности, представленных в произведении «Сонечка». Заключенный в антропонимах идейный замысел писателя влияет на правильное восприятие содержания литературных произведений читателями. В связи с этим целью статьи является определение функционально-семантических особенностей антропонимов в повести Л. Е. Улицкой «Сонечка». В результате проведенного исследования выявлено и обосновано предназначение и особенности функционирования антропонимов в данном литературном произведении. Автор статьи полагает, что имена собственные в повести Л. Е. Улицкой «Сонечка» передают значимую информацию о ее героях и позволяют реализовать идейный замысел писателя в художественном пространстве. В результате проведенного анализа удалось установить, что имена собственные в повести «Сонечка» являются ключевыми элементами формирования и раскрытия ярких художественных образов персонажей. Антропонимы применялись писательницей для обеспечения выразительности черт героев и эмоциональности их восприятия. Л. Е. Улицкая через использование уникальных имен собственных в своем литературном произведении продемонстрировала широкий кругозор, высокий уровень эрудиции, богатую фантазию и творческую находчивость.

Ключевые слова: лингвистика, художественный текст, имена собственные, Л. Е. Улицкая, повесть «Сонечка», антропонимы, функционально-семантический анализ

Человеческая цивилизация на протяжении всего периода своего развития совершенствует формы организации культурной жизни, вместе с ее прогрессом изменялись гуманитарные идеи и теории. Переход человеческого общества в ХХI век ознаменовался интенсивным изменением в политической, экономической, технической, культурной и иных сферах и аспектах жизни человека. Язык как инструмент, передающий индивидуальные идеологии, играет важную роль не только в обычной жизни человека, но и в процессе человеческой цивилизации в целом. В связи с этим лингвистика занимает ведущее место в системе современной науки и затрагивает все ее сферы. В современной лингвистике определяются научные принципы, среди которых ведущей является триада *антропоцентризм – когнитивизм – функционализм*.

Язык, существуя не в субъективной действительности, а только в сознании человека, предстает важнейшим средством общения в социуме. Современную лингвистику отличает внимание к различным проявлениям «человеческого фактора» в языке. В число ее основных проблем входит реконструкция сложной системы языковых и внеязыковых знаний, реализуемых человеком в речи. Это ярко воплощается в ономастических единицах. В связи с этим уделяется все большее внимание проблемам имени собственного, связанного с концепцией «языковой картины мира». В частности, в художественном тексте имя собственное играет важную роль в создании авторской языковой картины.

Художественный текст как сложная языковая система имеет способность выражать абстрактную мысль автора конкретными языковыми единицами и реализовать его творческую идею. Следовательно, он используется в качестве средства, передающего знания и представления писателя о мироустройстве и жизни человека в целом. Процесс создания художественного текста является реализацией творческого замысла автора, объективацией знаний и способом передать их другим людям, а также средством распространения в обществе авторских идей писателя. Авторы в своих художественных произведениях формируют собственный мир, руководствуясь собственным замыслом, уникальным восприятием образов и понятий, а также представлениями о жизни и окружающей их действительности. По мнению выдающегося ученого В. В. Виноградова, целью писателя становится погружение читателя в определенное авторское понимание и оценку воспроизводимой в литературном произведении действительности, а также воздействие

на его мысли и чувства согласно идейной концепции продукта своего творчества [1, с. 78].

При рассмотрении художественного текста необходимо применять разные подходы, так как он является сложным образованием. Современные исследования текста проводятся в рамках разных научных направлений, таких как лингвокультурология, коммуникативная лингвистика, когнитивная лингвистика и т. д. Они сформировали широкий спектр новых стратегий, расширивших возможности изучения литературных произведений. В частности, по мнению Ф. С. Кудряшевой, они помогли определить новые смыслы, создающие художественное пространство текста, характеризующего разные аспекты окружающего мира [2, с. 256].

При чтении текста происходит реализация, реконструкция и интерпретация информации, существующей в художественных произведениях, посредством исследования особенностей функционирования литературных антропонимов. Рассмотрение соотношения между художественным пространством и его элементами показывает, что исследование всех составляющих текстообразования позволяет читателю постичь языковую личность писателя, а антропонимы выполняют текстообразующую функцию, то есть участвуют в моделировании всего текстового пространства. И. Б. Воронова указывает на то, что текстообразующая функция антропонимов заключается в их способности обеспечивать формальную организацию текста, связывая его элементы в единое содержательно-смысловое пространство [3, с. 52].

В современной лингвистике особое внимание уделяется изучению природы антропонимов в пространстве художественного текста. Это обусловлено тем, что они являются одной из необходимых основ для правильного понимания авторского замысла зарубежных и отечественных писателей, без которого анализ текста был бы неполноценным. Л. В. Огурцова отмечает, что ономастикон художественного текста позволяет лучше понять историко-философское и социально-культурное содержание отдельного литературного произведения и в целом творческого наследия конкретного писателя [4, с. 257].

Многие исследователи обращают большое внимание на изучение структурно-семантических и функциональных особенностей антропонимов в художественном тексте, однако при исследовании их отдельных аспектов важно учитывать значение имени собственного. С момента появления исследований имен собственных перед лингвистами стояла самая трудноразрешимая проблема, которой является определение онома-

стического значения. Вопросом изучения антропонимов занимаются философы, логики, семиологи, ономасты. К наиболее известным ученым относятся В. Д. Бондалетов, Л. А. Введенская, Т. В. Иванцова, Н. В. Подольская, А. В. Суперанская, О. И. Фоякова, И. С. Алексеева, Дж. С. Миль, Е. А. Флейшер, М. В. Соколова и др. В процессе решения этой проблемы появились общепринятые и совершенно противоречивые научные суждения.

Английский лингвист С. Милль полагал, что имена собственные лишены сопутствующих значений. Он считал, что антропонимы не обладают коннотацией, поскольку только обозначают (называют) лиц, но не указывают на принадлежащие людям атрибуты. Они имеют отношение к самим объектам, а не к их признакам [5, с. 309]. Данную точку зрения поддерживают также А. А. Уфимцева, Н. Д. Арутюнова, А. Гардинер, В. Брендал, О. С. Ахманова и др. Они считают имя собственное семантически пустым.

Другая группа ученых (В. И. Болотов, О. Есперсен, С. И. Зинин, А. В. Суперанская, Н. Шпербер и др.) полагает, что антропонимы обретают лексическое значение исключительно в ситуации реального общения в конкретной ситуации.

В соответствии с третьей концепцией имена собственные имеют своеобразную специфическую семантику и в языке, и в речи, которая отличается от семантики апеллятивов. К данной группе ученых следуют отнести Ю. А. Карпенко, А. В. Суперанскую, Л. М. Щетинина и др. По мнению Л. М. Ахметзяновой, в семантике антропонима представлены речевые, экстралингвистические и энциклопедические сведения, а также эмоционально-психологические и идеологические аспекты восприятия наименований [6, с. 52].

Имена собственные персонажей в художественных произведениях становятся отправной точкой знакомства читателей с действующими лицами. С помощью антропонимов читатели часто могут получить первоначальное знание об их носителях. Роль имен собственных в художественном произведении огромна, поскольку их функции не сводятся только к дифференциации и индивидуализации отдельных героев, они также подчеркивают характеристики персонажей, содействуют развитию сюжета и повышают художественную выразительность. Н. К. Фролов полагает, что антропонимы предоставляют не только содержательно-фактическую, но и подтекстовую информацию, позволяют раскрыть идейно-эстетическую составляющую текста и передать его скрытые смыслы [7, с. 67]. В связи с этим при выявлении идейно-художественного

замысла произведения анализ предназначения и особенностей функционирования имен собственных в тексте может стать актуальной задачей.

Проблематика функционирования в тексте имен собственных весьма актуальна в настоящее время и носит дискуссионный характер, поскольку ученые придерживаются разных позиций. В связи с этим следует принимать во внимание общие характеристики, которые присущи всем составляющим текстообразования. Функциональные модели антропонимов выстроены на разных принципах, поэтому в процессе их сопоставительного исследования невозможно ограничиться перечислением отдельных функций.

Имена собственные играют важную роль в текстообразовании и формировании художественных образов героев. Антропоним в литературном тексте представляет собой символ с глубокими идеологическими коннотациями и эстетическими ценностями. В этом солидарны все лингвисты. Мировоззрение писателей прямо влияет на выбор ими антропонимов для художественных произведений. Вместе с тем функции антропонимов реализуются в тексте только тогда, когда в соответствии с художественным замыслом оказываются востребованными языковые коннотативные возможности имен собственных, имеющих разные значения в определенных эпохах и социокультурных контекстах. Представляется, что литературный антропоним является функционально-семантическим знаком, который обладает свойствами формирования смысла и текстообразования. Основным предназначением антропонимов в литературном тексте становится индивидуализация и характеристика отдельных объектов в художественном пространстве.

В качестве культурного знака антропоним имеет специальные характеристики и употребляется непосредственно для идентификации разных членов общества. В ходе исследования значений антропонимов установлено, что в литературном произведении именованная содержат информационные, временные, культурные, событийные, социальные, исторические и личные характеристики с эмоциональными и оценочными компонентами (место действия, исторические события, качественные характеристики персонажа, социальное положение и профессиональный статус персонажа). И. Б. Воронова полагает, что имена собственные предстают ключевыми элементами стратегии писателя и ориентирами стратегии восприятия читателя. Это важнейшие знаки в семантическом пространстве текста [3, с. 81].

Антропонимы отражают авторский замысел. И. Б. Ходырева пишет о том, что выбор писателем имен собственных обеспечивает смысловую и эмоциональную составляющие текста [8, с. 174]. Ономастическое пространство интерпретируется читателем исходя из его эрудиции. В художественном произведении раскрытие смысла имен собственных может проходить без особых усилий, но может приводить к сужению семантического поля. Если в литературном произведении представлены семантические поля, вызывающие необходимость обращения к значению слов, это добавляет особую ценность и глубину.

В повести Л. Е. Улицкой «Сонечка» онимы имеют скрытые значения, которые выражают авторский замысел, позицию, отношение к героям и событиям произведения. В связи с этим с целью выявить место и роль антропонимов в формировании художественных образов героев повести нами были отобраны антропонимы, имеющие обширное исследовательское пространство.

Людмила Евгеньевна Улицкая (р. 1943) – известная современная писательница, прозаик и сценарист. С середины 1990-х гг. она посвятила себя созданию повестей и романов. Ее произведения получили широкое признание и имели большой успех. Повесть «Сонечка» прославила писательницу в литературном сообществе и сделала ее выдающимся представителем русской и даже мировой литературы. Как один из лидеров женской прозы, Л. Е. Улицкая в своих произведениях создала целую серию прекрасных женских образов, которые и сегодня привлекают к себе внимание литературных критиков и серьезных исследователей художественного творчества.

Произведения Л. Е. Улицкой богаты подробностями реальной жизни. Писательница создала художественные образы, наделенные характерными чертами русского народа и глубокими национально-культурными коннотациями. В своих произведениях она демонстрирует уникальное восприятие и понимание психологических особенностей женщины; многократно описывая жизнь простых семей, она каждый раз талантливо раскрывает черты характера и неповторимую судьбу личности. В повести «Сонечка» писательница создала новый для русской литературы женский образ, который вобрал в себя прекрасные качества «традиционной» русской женщины и характерные черты новой эпохой. Автор не только описывает детали быта и особенности личности героини, но и демонстрирует богатство русских культурных традиций, делится своими мыслями о России, обществе, представляет соб-

ственное понимание смысла человеческой жизни.

Ономастическая лексика, использованная в литературном произведении, отражает языковую индивидуальность автора, поскольку антропонимы становятся лингвистическими компонентами, которые специально подбираются писателем для реализации идейного и жанрового замысла художественного текста. В данной статье мы сосредоточимся на изучении антропонимов героев в повести «Сонечка». Примечательно, что во многих произведениях Л. Е. Улицкой антропонимы используются в качестве заглавия: «Даниэль Штайн, переводчик», «Искренне Ваш Шурик», «Сонечка», «Медя и ее дети» и др.

Заглавие – это своеобразный мини-текст, с точки зрения языковедения оно рассматривается как средство наименования, согласно семиотическому аспекту заглавие обладает возможностью отражать основной признак темы. Содержащиеся в нем богатые коннотации, творческие мысли автора, отражение уникальности и концепции работы позволяют установить контакт между автором и читателем, настраивая последнего заранее воспринимать тематическую идею произведения. Также заглавие вызывает обострение интереса читателя к художественному тексту посредством буквального и зрительного восприятия. Обычай озаглавливать текст именем героя давно и прочно закрепился в литературе. Л. Е. Улицкая озаглавила повесть «Сонечка» именем героини с целью формирования первых впечатлений о главном персонаже, сообщения о национальной и социальной принадлежности героини, а также указания на характер и душевное состояние героини.

В повести «Сонечка» Л. Е. Улицкая наделила главную героиню положительными качествами. В связи с этим внутренняя форма и понятные для реципиента этимологические значения имени собственного содействуют выполнению его характеризующей функции в художественном тексте. Иногда существует такой антропоним, который автором используется всего один раз в произведении и чаще всего встречается в наиболее важных смысловых фрагментах текстового пространства, играет значительную роль в развитии сюжета и в целом текстообразовании.

В конце повести всего раз употребляется форма антропонима героини «имя + отчество» – Софья Иосифовна: *Толстая усатая старуха Софья Иосифовна живет в Лихоборах, в третьем этаже хрущевской пятиэтажки* [9, с. 120].

Из этого фрагмента мы можем узнать, что *Иосиф* – это имя отца Сонечки, поскольку данное имя в повести ни разу не появилось. Эта ин-

формация была получена исходя из правила образования отчества в русском языке. В связи с этим антропоним содержит в себе скрытую информацию. Кроме того, антропоним отражает национальную принадлежность его носителя. Героиня повести *Соня* – девушка из еврейской семьи, на это указывает и происхождение имени *София*. Это древнееврейский вариант имени *Соня*. Вариант *Софья* появился, когда имя *София* начали использовать на Руси, поскольку он оказался ближе к фонетике и произношению русского языка.

Антропонимы раскрывают черты характера и внутренние свойства персонажей. *Сонечка*, *Соня* или *Софья* – различные варианты имени, относящиеся к одному человеку (то есть речь всегда идет о главной героине повести «Сонечка»). А. В. Суперанская предлагает следующую характеристику имени: *София*, *Софья* (рус. версия) в переводе с греческого «*Sophia*» означает «мудрость», «разумность», «наука» [10, с. 276].

В повести Л. Е. Улицкой созданный художественный образ героини совпадает со значением антропонимов *Софья*, *Соня*, *Сонечка*. Улицкая назвала героиню повести «Сонечка» – *Софья*. Писательница использует ряд оригинальных метафор, представленных вариациями имени *Софья*, чтобы выразить высокую степень признания и уважения к героине и ее женскую идентичность, через эту форму писательница наделила свой персонаж «Мудростью Бога», сделав героиню воплощением «Святой Мудрости».

Часто в именах выражается отношение автора к персонажам. В этом случае реализуется экспрессивно-эмоциональная функция антропонимов. Появление новых слов связано с мышлением носителя языка, что обусловлено его когнитивной деятельностью. Внутренняя и внешняя формы слова взаимосвязаны. Мыслительный процесс преобразует звуковую оболочку во внешнюю форму слова, тем самым закрепляя за ней смысл. Данный процесс закрепления смыслового содержания называется номинацией. Процесс именования должен привести к тому, что благодаря мыслительным процессам в конечном результате появляется звуковая, морфемная и грамматическая оболочки слова. Соединение внутренней формы слова с итоговой номинацией происходит благодаря мотивационному признаку. Мотивация предстает в качестве лингвокультурного и когнитивного кода перехода от внутренней к внешней форме. Мотивация определяется экстралингвистическими факторами, в частности номинативным суждением.

Лексика является основой для понимания речи, в которой заключены неисчерпаемые воз-

можности для передачи различных значений. В связи с этим обеспечение стилистического пространства литературного произведения является, в первую очередь, работой над его лексикой. Правильный выбор слова для наиболее точного выражения мысли писателя занимает самое важное место в лексической стилистике литературных текстов. В. Г. Белинский писал, что все слова в литературном произведении должны иметь исчерпывающее значение, которое невозможно выразить другими словами [11]. Это значит, что употребление слов должно полностью соответствовать их значению и в то же время передавать идею произведения лексическими средствами.

В систему русской лексики включены слова двух типов – нейтральные слова и эмоционально-экспрессивные с конкретной стилистической окраской. Если нейтральные слова просто называют понятия, то слова со стилистической окраской, кроме назывной функции, отражают также отношение говорящего к адресату. Эмоционально-экспрессивная окраска – это дополнительные оттенки, которые добавляются к основным значениям слов и позволяют говорящему характеризовать явления или события и выражать свое отношение к тому, о чем он говорит.

Большинство русских литературных антропонимов формируется из нарицательных слов, особенно из числа эмоциональных. Следовательно, немало антропонимов в аспекте лексической стилистики приобретают связь со стилистической окраской. Считается, что это самый непосредственный способ выражения эмоции писателя в адрес именуемого. Для придания стилистической окраски именам используются формообразующие суффиксы, они отличаются от словообразующих тем, что не меняют самой сущности референта, а только его восприятие. От русских личных имен можно образовать уменьшительно-ласкательную и уменьшительно-уничижительную формы в соответствии с отношением говорящего к именуемому. Они образуются с помощью добавления суффиксов к полным именам: образование уменьшительно-ласкательной формы при помощи суффиксов *-очк(а)*, *-ечк*, *-к(а)*, *-ик(а)*, *-чик(а)*, *-ра*, *-енька*, *-ичк*, *-онька*, *-енька*, *-ушка(-юшка)*; образование имени в уничижительной форме при помощи суффиксов *-ка*, *-ха*, *-ища*, *-ище*, *-ишк*, *-енка*, *-онка*. Имена уменьшительно-ласкательной формы передают положительную оценку, а имена уничижительной формы – отрицательную. Имена с суффиксами нередко используются в художественных произведениях разных жанров. Например, в повести «Сонечка» представлен следующий фрагмент:

– Забыл я спросить ваше имя. Простите?
– Соня, – коротко ответила она, все поглядывая, как он разворачивает сверток.
– Сонечка... Хорошо, – как бы согласился он [9, с. 72].

Героиня в повести Л. Е. Улицкой носит имя *Сонечка*, которое представляет собой уменьшительно-ласкательную и благозвучную форму имени *Соня*, соответствующую ангельскому характеру героини произведения.

Имя *Сонечка* выполняет эстетическую функцию, выражает чувства Роберта к Соне, а также подтверждает то, что антропоним обладает экспрессивно-эмоциональной функцией.

Имена в первую очередь выполняют номинативную функцию, которая является предпосылкой и основой реализации остальных функций. «Человек» находится в центре литературного творчества, поэтому художественные произведения содержат в себе описания персонажей. Номинативная функция позволяет различать и идентифицировать действующие лица, появляющиеся в конкретном художественном произведении. Примеры, подтверждающие реализацию номинативной функции антропонимов в повести Л. Е. Улицкой «Сонечка», многочисленны: имя *Сонечка* заставляет читателей вспомнить весь сюжет о главной героине *Соне*; антропоним *Роберт Викторович* сразу напоминает нам, что у носителя этого имени низкий рост и седые волосы; если речь идет об имени *Яся*, перед нами появляется образ *восемнадцатилетней маленькой полячки с гладким, как свежеснесенное яйцо, лицом* [9, с. 69].

В художественном тексте имена собственные выражают идейно-художественный замысел произведения, что обусловлено их полифункциональностью. Рассмотрим на примере произведения Л. Е. Улицкой «Сонечка» семантику имен собственных, опираясь на такие понятия, как знаменательность, значимость, ценность, информация, значение, функция, которые ярко проявляются в ономастике (см. табл. 1):

Таблица 1.

Художественная семантика имен собственных

Общелингвистические понятия	Имена собственные		
	Сонечка	Роберт Викторович Тимлер	Яся
Знаменательность	главная героиня произведения	муж Сонечки	подруга дочери семьи Тимлер
Значи-	Персонаж с	Человек ус-	Образ бед-

мость	богатым внутренним миром, богатой духовной культурой, обладающей «отзывчивостью к печатному слову». Персонаж отличается светом, исходящим изнутри. Вечная женственность противопоставлена усатой старухе Софье Иосифовне в конце произведения, не потерявшей интерес к основам бытия. Внешность не главное, главное – внутренний мир и духовность.	тавший, разбитый морально, однако талантливый, потерявший во времени.	ной сиротки не совпадает с образом хитрой и коварной обольстительницы.
Ценность	Глубоко погружается в литературный мир и воспринимает его как реальность.	Разглядел в будущей супруге духовный аристократизм; черты лица, не характерные для того времени; высокая духовность. Обретает пристанище у Девы Марии для исцеления души и возрождения.	Самоотверженная девушка, спасающая жизнь и творчество и одновременно разрушающая семейную жизнь.

Информация	Речевая, языковая, энциклопедическая	Речевая, языковая, энциклопедическая	Речевая, языковая, энциклопедическая
Значение	Имя означает «мудрость», случившееся трактуется как высшую мудрость, образ Девы Марии.	Имя означает «блестящую славу». Отчество означает «победитель».	«Тургеневская» Ася спасает главного героя, возрождает к жизни, источник вдохновения.
Функция	Коммуникативная, апеллятивная, экспрессивная, дейктическая, номинативная	Апеллятивная, экспрессивная, дейктическая, номинативная	Экспрессивная, дейктическая, номинативная

Таким образом, Л. Е. Улицкая продемонстрировала высокий уровень профессионализма при работе с ономастическим пространством. Литературная ономастика призвана исследовать имена собственные в художественной литературе. Онимы в произведении Л. Е. Улицкой «Сонечка» играют значительную роль. Имена собственные выполняют прежде всего номинативную функцию, однако раскрывают и характерные черты, и внутренний мир героев, поскольку несут в себе определенный семантический подтекст.

В литературе антропоним занимает важное место среди художественных приемов, он служит для выражения авторского замысла и усиления выразительности. У каждого большого художника создается и живет в текстах свой уникальный ономастический мир, выражающий художественные идеи писателя наряду с другими средствами языкового стиля. Важными профессиональными качествами писательницы являются продемонстрированные в повести «Сонечка» широкий кругозор, эрудированность, фантазия и находчивость. Совокупность этих качеств позволила Л. Е. Улицкой написать весьма популярную повесть. Для яркой характеристики своих персонажей она использовала имена собственные, которые подчеркнули их индивидуальность, характер, качества и привычки. Полагаем, что семантика и функции антропонимов в произведении Л. Е. Улицкой «Сонечка» продемонстрировали

творческий талант и высокое мастерство писательницы.

Список источников

1. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 645 с.
2. Кудряшева Ф. С. Имя собственное в художественном тексте как средство создания языковой картины мира // Вестник Башкирского университета. 2017. № 1. С. 254–258.
3. Воронова И. Б. Текстобразующая функция литературных имен собственных: на материале эпических произведений XIX–XX вв.: дис. ... канд. филол. наук: Волгоград, 2000. 226 с.
4. Огурцова Л. В. Особенности номинации темнокожего населения Америки (на материале литературных антропонимов) // ВГУ им. П. М. Машерова. 2017. № 1. С. 254–259.
5. Mill J. S. A system of logic, ratiocinative and inductive, being a connected view of the principles of evidence, and the methods of scientific investigation. New York: Harper & Brothers, Publishers, Franklin Square, 1882. 1176 p.
6. Ахметзянова Л. М. Проблема семантики имени собственного // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 1. С. 50–56.
7. Фролов Н. К. Избранные работы по языкознанию. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2005. 521 с.
8. Ходырева И. Б. Имя собственное в художественной прозе А. И. Солженицына // Актуальные проблемы русистики: Тез. док. и сообщ. Междунауч. конф., посвященной 70-летию проф. Э. В. Кузнецовой. Екатеринбург, 1997. С. 174–175.
9. Улицкая Л. Е. Сонечка: Повесть. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. 128 с.
10. Суперанская А. В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005. 384 с.
11. Белинский В. Г. Собрание сочинений. URL: http://лена24.рф/Литература_9_класс_Коровина_Часть_2/40.html (дата обращения: 04.01.2022).

References

1. Vinogradov, V. V. (1959). *O yazyke khudozhestvennoi literatury* [On the Language of Fiction]. 645 p. Moscow, Goslitizdat. (In Russian)
2. Kudryasheva, F. S. (2017). *Imya sobstvennoe v khudozhestvennom tekste kak sredstvo sozdaniya yazykovoi kartiny mira* [A Proper Name in a Literary Text as a Means of Creating a Linguistic Picture of the World]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. No. 1, pp. 254–258. (In Russian)
3. Voronova, I. B. (2000). *Tekstoobrazuyushchaya funktsiya literaturnykh imen sobstvennykh: na materiale ehpicheskikh proizvedenii XIX–XX vv.: dis. ... kand. filol. nauk* [Text-Forming Function of Literary Proper Names: Based on Epic Works of the 19th–20th Centuries: Ph.D. Thesis]. Volgograd, 226 p. (In Russian)

4. Ogurtsova, L. V. (2017). *Osobennosti nominatsii temnokozhego naseleniya Ameriki (na materiale literaturnykh antroponimov)* [Features of the Nomination of the Black Population of America (based on literary anthroponyms)]. VGU im. P. M. Masherova. No. 1, pp. 254–259. (In Russian)
5. Mill, J. S. (1882). *A System of Logic, Ratiocinative and Inductive, Being a Connected View of the Principles of Evidence, and the Methods of Scientific Investigation*. 1176 p. New York, Harper & Brothers, Publishers, Franklin Square. (In English)
6. Akhmetzyanova, L. M. (2010). *Problema semantiki imeni sobstvennogo* [The Problem of a Proper Name Semantics]. Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. No. 1, pp. 50–56. (In Russian)
7. Frolov, N. K. (2005). *Izbrannye raboty po yazykoznaniiyu* [Selected Works on Linguistics]. 521 p. Tyumen', izd-vo Tyum. gos. un-ta. (In Russian)
8. Khodyreva, I. B. (1997). *Imya sobstvennoe v khudozhestvennoi proze A. I. Solzhenitsyna* [A Proper Name in A. I. Solzhenitsyn's Fiction]. Aktual'nye problemy rusistiki: Tez. dok. i soobshch. Mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennoi 70-letiyu prof. Eh. V. Kuznetsovoĭ. Ekaterinburg, pp. 174–175. (In Russian)
9. Ulitskaya, L. E. (2002). *Sonechka: Povest'* [Sonechka: A Story]. 128 p. Moscow, izd-vo EHKSMO-Press. (In Russian)
10. Superanskaya, A. V. (2005). *Sovremennyy slovar' lichnykh imen: Sravnenie. Proiskhozhdenie. Napisanie* [Modern Dictionary of Personal Names: Comparison. Origin. Spelling]. 384 p. Moscow, AĪris-press. (In Russian)
11. Belinskii, V. G. *Sobranie sochinenii* [Collection of Works]. URL: http://lena24.rf/Literatura_9_klass_Korovina_Chast'_2/40.html (accessed: 04.01.2022). (In Russian)

The article was submitted on 28.01.2022
Поступила в редакцию 28.01.2022

Чжао Ян,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
chzhaoyan@yandex.com

Zhao Yang,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
chzhaoyan@yandex.com

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.09

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-67-1-129-135

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПЛЕЯДЫ: СИСТЕМА ЖАНРОВ В «ПОЭТИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ» ЖАКА ПЕЛЕТЬЕ ДЮ МАНА

© Ксения Авдонина

THEORETICAL LEGACY OF THE PLEIADE: THE SYSTEM OF GENRES IN “L’ART POETIQUE” BY JACQUES PELETIER DU MANS

Kseniia Avdonina

The article studies the formation of the genre system in French literature of the Renaissance. The object of our study is Jacques Peletier du Mans' theoretical work “L’Art poétique”, which embodies one of the important milestones of this process. Within the framework of this prescriptive poetics, the author makes an attempt to record the renewal of the poetic genre system by rejecting medieval genre forms and antiquity orientation. At the same time, Peletier is quite free in his choice of samples; one of his tasks can be considered as striving to reflect the real poetic practice of his contemporaries, among them the poets of the Pléiade and Clément Marot. As criteria for distinguishing genres, the author of “The Poetic Art” uses both thematic and formal criteria that have long been known to theoreticians, as well as a stylistic criterion. It is gradually taking shape and thanks to it, elements of the genre hierarchy arise in “The Poetic Art”. This approach best characterizes the concept of the “Pléiade assagie”, capable not only of discarding poetic principles and forms that do not suit it, but also of taking into account the experience of previous generations to glorify French national literature.

Keywords: Jacques Peletier du Mans, L’Art poétique, prescriptive poetics, system of genres, Renaissance, France

Статья посвящена проблеме становления системы жанров во французской литературе XVI века. Объектом нашего исследования является теоретический трактат «Поэтическое искусство» Жака Пелетье дю Мана, который воплощает собой одну из важных вех этого процесса. В рамках данной нормативной поэтики автор предпринимает попытку зафиксировать обновление системы поэтических жанров за счет отказа от средневековых жанровых форм и ориентации на античность. При этом Пелетье достаточно свободен в выборе образцов, одной из его задач можно считать стремление отразить в теоретическом тексте реальную поэтическую практику своих современников, среди которых поэты Плеяды и Клеман Маро. В качестве критериев разграничения жанров автор «Поэтического искусства» использует как уже давно известные теоретикам тематический и формальный критерии, так и постепенно оформляющийся стилистический критерий, благодаря которому в «Поэтическом искусстве» возникают элементы иерархии жанров. Подобный подход как нельзя лучше характеризует концепцию «умудренной» Плеяды, способной не только отбрасывать не устраивающие ее поэтические принципы и формы, но и учитывать опыт предшествующих поколений для прославления французской национальной литературы.

Ключевые слова: Жак Пелетье дю Ман, «Поэтическое искусство», нормативная поэтика, система жанров, Ренессанс, Франция

В последние годы исследователей французского Ренессанса все больше интересует фигура Жака Пелетье дю Мана (1517–1582), теоретика, поэта и ученого. Специалисты в своих изысканиях обращаются не только к его научным трудам в области математики и орфографии, но и к его поэтическому и – что особенно важно для нас –

теоретическому наследию. Среди тех, кто изучал данные вопросы, можно назвать И. Пантен, М. Журда, Ж.-Ш. Монферрана и других [1, с. 255]. Подобный интерес не случаен, ведь Жак Пелетье дю Ман стоял у самых истоков объединения поэтов Плеяды, сыгравшего ключевую роль в развитии французской национальной ли-

тературы. Именно он вдохновил юных Ронсара и Дю Белле на создание образцов новых жанров, таких как ода и сонет; именно он включил в свой поэтический сборник первые поэтические опыты своих будущих соратников по Плеяде. В 1541 году усилиями Пелетье впервые на французском языке была издана «Ars poetica» Горация, благодаря чему в национальную традицию был введен термин «нормативная поэтика» (*l'art poétique*). Не будучи самым прославленным поэтом Плеяды, он тем не менее внес значительный вклад в уточнение ее теории поэзии, создав в 1555 году «Поэтическое искусство» – теоретический трактат, опиравшийся не на условные античные образцы, а на современные поэтические произведения.

Во Франции первое комментированное издание «Поэтического искусства» появилось в 2011 году [2], в то время как в отечественном литературоведении этот теоретический текст известен лишь в кругу узких специалистов и по-прежнему не переведен на русский язык. Цель настоящей статьи – познакомить широкий круг читателей с теоретическим наследием Жака Пелетье дю Мана, а также изучить, каким образом в его «Поэтическом искусстве» представлена иерархия жанров и есть ли основания говорить о об их целенаправленной систематизации.

Перед нами стоит ряд конкретных задач: выяснить, к каким образцам Пелетье отсылает читателей; определить, какие критерии он выбирает, описывая определенные жанровые формы; проследить, как организуются жанры в «Поэтическом искусстве» и насколько они систематизированы.

В любом теоретическом трактате, независимо от времени и места его создания, одним из ключевых элементов является последовательное описание жанровых форм, представляющих ту или иную национальную традицию. Однако каждый автор определяет сам, насколько глубоко освещать данную проблему. Теоретики Плеяды, среди которых и Жак Пелетье дю Ман, ставили перед собой масштабные цели (описать величие поэзии, изучить соотношение труда и природного дара, оригинальности и подражательности в поэтическом искусстве и др.), а потому в их произведениях жанровому вопросу посвящены лишь некоторые фрагменты. Тем не менее он имеет для них первостепенное значение, так как главным стремлением Плеяды было обновление французской литературы и ее приближение к античным и итальянским образцам. Но для воплощения подобных замыслов на практике нужна была значительная трансформация уже сложившегося национального жанрового перечня, ведь

в то время его основой была преимущественно средневековая традиция. Необходимо отметить, что к середине XVI века для теоретиков все более очевидной становится недостаточность прежней жанровой модели, которая перестала соответствовать поэтическим устремлениям новых поколений поэтов. По словам одного исследователя, «источник, который они (поэты. – К. А.) совместно использовали, был исчерпан или приближался к этому <...> пришло время отказаться от рондо... и разрабатывать новые жанры» [3, с. 188] (здесь и далее в тексте статьи перевод наш. – К. А.).

Изданное в 1521 году «Великое и истинное искусство полной риторики» – теоретический трактат Пьера Фабри – фактически знаменует собой конец эпохи твердых форм, неразрывно связанных со средневековым поэтическим наследием (среди них рондо, баллада, ле, виреле и др.). Тома Себиле – автор «Французского поэтического искусства» (1548), первой французской нормативной поэтики – не отступает от традиции, описывая в своем трактате вышеперечисленные формы и добавляя к ним королевскую песнь. Однако редкое употребление данных форм в современной ему поэтической практике для него уже очевидно: «...ле и виреле, которые, несмотря на редкое употребление их в произведениях знаменитых поэтов, я все же решился представить» [4, с. 180].

Совершить решительный шаг – полностью отказаться от средневекового поэтического наследия – предлагает Жоашен Дю Белле, создатель «Защиты и прославления французского языка» (1549), которая по праву считается поэтическим манифестом Плеяды. Он стремится «отбросить все жанры с фиксированной формой» [5, с. 54], для чего, по его мнению, необходимо сформулировать ряд критериев устарелости, «неправильности» жанра, ориентируясь на которые можно провести своеобразное «очищение» национальной поэзии. Такие твердые формы, как песня, королевская песнь, моралите, фарс, кок-алан и уже знакомые нам рондо, баллада, ле, виреле, не прошли проверку разработанными Плеядой критериями, а потому, по мнению Дю Белле, поэты ради обновления и процветания французской литературы должны отказаться от них как от устаревших. Таким образом, усилиями Дю Белле был сделан важный шаг к пересозданию национального жанрового перечня: поэты Плеяды предложили освободить место, занять которое должны были новые, специально разработанные жанры.

Источником вдохновения для создания новых жанров, безусловно, послужила античная

традиция, ведь древние авторы являлись для Плеяды признанными авторитетами. К заимствованным из античности поэтическим формам, необходимым для обновления и обогащения французской национальной литературы, Жоашен Дю Белле относит такие жанры, как элегия, эпиграмма, эклога, послание, ода, сатира, трагедия, комедия, эпическая поэма. Примерами, на которые следует ориентироваться юным французским поэтам, становятся большей частью соответствующие произведения античных авторов, которые Дю Белле призывает рассматривать как жанровые образцы.

Тем не менее необходимо обратить внимание на парадокс, который теоретик Плеяды намеренно не упоминает, возможно для того, чтобы сохранить чистоту и убедительность выдвигаемых им аргументов. К моменту создания поэтического манифеста Плеяды (1549) французская литература уже была знакома с эпиграммами, посланиями, элегиями, эклогами и сатирами, во многом благодаря Клеману Маро и лионским поэтам. Так, Тома Себиле во «Французском поэтическом искусстве» приводит в качестве примеров этих жанров именно произведения своих современников, наряду с античными авторами. Однако Дю Белле словно не замечает этого и утверждает, что вышеперечисленные жанры необходимо ввести во французскую словесность «как бы с чистого листа» [6, с. 76], на что указывает в своем исследовании И. Белланже. Можно предположить, что причиной подобных устремлений теоретика Плеяды является желание возвести национальную поэтическую традицию к античной модели, поскольку лишь в этом случае она сможет выступать на равных с античностью и в чем-то даже ее превзойти. А осуществленные Маро интерпретации древних эклог и эпиграмм неразрывно связаны со средневековым наследием, от которого Жоашен Дю Белле призывает полностью отказаться.

В подобной ситуации оказался и жанр сонета, которому отведена одна из ведущих ролей в рамках системы, предлагаемой поэтами Плеяды. Для Дю Белле признанный эталон этого жанра – произведения Франческо Петрарки; он даже призывает будущих поэтов сочинять сонеты, ориентируясь именно на эту модель. Тем не менее стоит подчеркнуть, что к пятидесятым годам XVI века во французской поэзии уже появились образцы сонета. В этом случае исследователи предлагают разделить пальму первенства между Клеманом Маро и Мелленом де Сен-Желе, разработавшими модель жанра, отличную от итальянской. В рассматриваемом нами «Поэтическом искусстве» его автор, Жак Пелетье дю Ман, подводит итоги

деятельности Плеяды в данной области. В этом трактате Пелетье подробно изучает возможность создать организованную жанровую систему, главным ориентиром которой стала бы национальная поэтическая практика.

В теоретическом произведении Пелетье представлены девять жанров: эпиграмма, ода, сонет, элегия, послание, комедия, трагедия, сатира, эпическая поэма. Можно отметить, что в этом вопросе автор «Поэтического искусства» ориентируется на поэтический манифест Дю Белле, за одним исключением: в предлагаемой Пелетье системе жанров отсутствует эклога. Вероятно, такое решение было принято, поскольку за 6 лет, отделяющих «Поэтическое искусство» от «Защиты и прославления французского языка», во французской литературе не был создан ни один достойный – по мнению Пелетье – образец данного жанра. Возможно, теоретик посчитал жанр эклоги не слишком подходящим для национальной традиции, а потому предпочел исключить его из системы.

В том, что касается описания и выстраивания иерархии жанров, автор «Поэтического искусства» предпочитает следовать тенденциям, заложенным в «Защите и прославлении французского языка». Он даже вновь напоминает читателям о недостатках жанров с фиксированной формой, отказаться от которых призывал Дю Белле. Например, для Пелетье важно подчеркнуть в своем трактате, «насколько чрезмерно усложнены были баллады, рондо, ле, виреле» [2, с. 296]. Однако отношение Жака Пелетье дю Мана к вышеперечисленным формам более терпимое: в отличие от своего соратника по Плеяде, он считает их воплощением необходимого этапа становления национальной литературы, «после прохождения которого та сможет достичь уровня античного искусства» [Там же, с. 297]. Другими словами, Пелетье поддерживает уже провозглашенный поэтами Плеяды принцип – сосредоточиться на жанрах, восходящих к древности (единственное исключение – сонет, разработанный итальянцами).

Тем не менее в «Поэтическом искусстве» несколько иначе решается вопрос об образцах, ориентироваться на которые автор предлагает юным поэтам. Признанными авторитетами, к произведениям которых отсылает читателей Пелетье, становятся поэты древности. Например, оду представляют Гораций и Пиндар, послание и сатиру – снова Гораций, для эпиграммы образцом является Марциал, для элегии – Тибулл и Проперций; в качестве образцов комедии названы произведения Теренция, трагедии – сочинения Еврипида и Софокла; эпическая поэма пред-

ставлена Гомером и Вергилием. Здесь автор «Поэтического искусства» ни на шаг не отступает от тезисов, сформулированных Дю Белле и вошедших в поэтическую программу Плеяды.

Однако – и на это важно обратить внимание – анализируя оду и сатиру, Жак Пелетье приводит в качестве образцов не только примеры, взятые из античности, но и их французский вариант – произведения Клемана Маро. Так, в одной из глав своего трактата он утверждает: «...если мы рассмотрим псалмы Клемана Маро, то увидим, что это истинные оды, хотя он и назвал их по-другому» [Там же, с. 297]. Описывая сатиру, Пелетье подчеркивает, что она создается «подобно тому, как в наше время написал Клеман Маро в своих кок-а-ланах, которые представляют собой истинные сатиры» [Там же, с. 300–301]. Подобным образом автор «Поэтического искусства» поддерживает позицию Тома Себиле, которая заключается в уважительном отношении к средневековому наследию и стремлении слить воедино достижения французской словесности и классической древности. Жоашен Дю Белле, напротив, резко критиковал творчество Клемана Маро и призывал полностью отказаться от устаревших, по его мнению, жанровых форм. Но Пелетье не разделяет подобного отношения к национальному наследию, в чем можно увидеть проявление так называемой «умудренности» [7, с. 57] Плеяды. Эта «умудренность» дает Пелетье возможность утверждать, что и во Франции начала XVI века можно найти достойные поэтические образцы.

Также в тексте «Поэтического искусства» встречается и итальянская традиция, но только для описания сонета – жанра, пришедшего во Францию из Италии. В этом случае невозможно обойтись без упоминания творчества Петрарки, хотя очевидно, что Пелетье старался отсылать читателей лишь к образцам, взятым из античности и собственной национальной традиции, так как он не упоминает в тексте других итальянцев. Важно отметить, что в своем трактате Жак Пелетье дю Ман представил французскую литературу более полно по сравнению с Дю Белле. В «Поэтическом искусстве» упомянуты Ронсар и Жодель, также мы встречаем имя Лазара де Баифа, который перевел одну из греческих трагедий. То есть можно вновь – впервые после поэтики Себиле – утверждать, что в рамках теоретического текста предпринимается попытка соотнесения античной и французской традиций, хотя и в несколько другой пропорции. Нужно упомянуть и о еще одном важном отличии от «Французского поэтического искусства» Себиле: Пелетье представляет читателям не средневековое наследие –

точнее, не только его – а новые произведения, основанные на античных образцах.

Кроме того, автор «Поэтического искусства» как «умудренный» опытом теоретик стремится тщательно отбирать рекомендуемых античных авторов. Его трактат включает в себя и элементы критики древних. Например, описывая жанр элегии, Пелетье упоминает в качестве образца Тибулла и Проперция. В «Защите и прославлении французского языка» мы встречаем имя еще одного автора – Овидия, однако для Пелетье дю Мана «этот поэт слишком сладострастен» [2, с. 301] и, следовательно, подражать ему не нужно. Возможно, источником вдохновения для автора «Поэтического искусства» послужила в данном случае «Генеалогия языческих богов» Боккаччо, ведь последний описывает Овидия не иначе как «поэта блестящего, но похотливого таланта» [8, с. 45].

Еще один пример: проводя анализ латинских трагедий, Пелетье заключает, что лучшим римским трагиком следует считать Сенеку, хотя и его сочинения, по мнению теоретика, «тяжеловесны и непонятны» [2, с. 304]. В данном случае автор поэтики предпочитает произведения греческих трагиков. Другими словами, выбирая образцы и примеры, Жак Пелетье стремится к «критическому» равновесию между античностью и национальной литературой. Подобным образом сочинения древних авторов и созданные его современниками произведения оказываются на одном уровне. Несмотря на то что идеального равновесия получается достичь пока лишь с некоторыми жанрами (трагедия, ода), Пелетье надеется на дальнейшее изменение ситуации.

Еще один важный элемент систематизации – жанровые критерии – представлен в «Поэтическом искусстве» достаточно разнообразно. Во-первых, нельзя не отметить, что автор снова применяет формальный критерий, основанный на характеристиках рифмы и метра. Несомненно, роль данного критерия значительно меньше, чем у Тома Себиле, но все же он присутствует в характеристиках большей части описанных в трактате жанров. Так, при анализе эпиграммы Пелетье размышляет о размере, предпочтительном для создания образцов этого жанра, и приходит к выводу, что лучше всего для написания эпиграмм использовать десятисложник [Там же, с. 293].

Во-вторых, не менее важная роль отведена в поэтике и тематическому критерию. В данном случае Пелетье идет вслед за Пьером Фабри, автором «Великого и истинного искусства полной риторики», риторического трактата, в котором для описания различных жанровых форм все ча-

ще использовалась тематика произведений. Так, характеризуя оду, теоретик утверждает: «Основной материал для оды составляют похвалы богам, полубогам и государям, романы, пиршества, праздничные игры и подобное времяпрепровождение» [Там же, с. 297]. Следует подробнее остановиться на одной любопытной особенности «Поэтического искусства», которая выделяет его среди других теоретических трактатов XVI века. Речь идет о предложении Пелетье расширить общую тематику поэтических форм: с его точки зрения, поэзия должна включать в себя «натуральные темы, связанные с астрономией, космографией и прочими естественными науками» [Там же, с. 239]. В данном случае нужно вспомнить, что Жак Пелетье дю Ман был не только поэтом и теоретиком, но также успешно занимался и математикой, и медициной; по его мнению, исследование окружающей нас природы и гармонии мира, сливаясь с поэзией, могло бы помочь ей достичь совершенства и непревзойденной красоты слова. Все поэтические сборники Пелетье так или иначе будут отражать эту идею, благодаря чему его по праву будут называть среди первых создателей французской философской поэзии.

В-третьих, в «Поэтическом искусстве» четко проявляется стилистический критерий, что сыграет значительную роль в процессе систематизации жанров. О предпосылках его проявления можно говорить уже в связи с «Защитой и прославлением французского языка», но в поэтическом манифесте Плеяды мы встречаем, скорее, отдельные стилевые черты некоторых жанров. В теоретическом произведении Пелетье мы имеем дело с более последовательным использованием стилевых характеристик несмотря на то, что автор не стал предлагать формулировку самого понятия стилистического критерия. Так, анализируя сонет, он говорит, что эта форма «более возвышенна, чем эпиграмма; в ней больше величия, она способна на серьезную, но короткую речь» [Там же, с. 294]. Ода, по словам Пелетье, «способна на различные стили; ведь когда в ней идет речь о богах и героях, она становится более возвышенной, но не такой возвышенной, как героический стиль» [Там же, с. 297]. Кроме того, автор «Поэтического искусства» указывает на то, что ода располагается «ниже эпической поэмы» [Там же].

Описывая комедию и трагедию, Пелетье противопоставляет их, утверждая, что «в комедии речь идет о комических персонажах низкого происхождения» [Там же, с. 304], а главными героями трагедии становятся «короли, принцы и знатные сеньоры» [Там же]. Более того, он пола-

гает, что комедия и трагедия «должны полностью различаться стилями» [Там же]: в первой речь должна быть «легкой, простонародной», вторая же «возвышенна, ничем не отличается от эпической поэмы, за исключением актеров» [Там же]. Благодаря приведенным цитатам мы можем заключить, что для Пелетье дю Мана эпическая поэма – самый возвышенный жанр: только обращение к ней позволяет читателю стать «истинным поэтом» [Там же, с. 305]. Иными словами, в интересующем нас теоретическом трактате начинается становление стилистического жанрового критерия.

Одним из важнейших следствий возрастания его роли в «Поэтическом искусстве» становится также возникновение иерархии жанров, формирование которой, по словам Ж. Матье-Кастеллани, «являлось одной из важнейших целей авторов теоретических трактатов середины XVI века» [9, с. 30]. Пелетье помещает на вершину иерархии эпическую поэму, рядом с ней – но в области драмы – трагедию; жанр оды располагается ниже, но остается «возвышенным»; комедию следует рассматривать, скорее, среди низких жанров; сонет более возвышен, чем эпиграмма. Положение других жанров прояснить окончательно не удастся, так как автор не стал характеризовать их с точки зрения стиля, тем самым, вероятно, относя их к среднему стилю. Некоторые специалисты, среди которых Ф. Лесеркль [10, с. 74] и Э. Наис [11, с. 104–105], считают, что именно нормативная поэтика Пелетье стала первым французским теоретическим трактатом, в котором происходит оформление системы жанров, пусть даже пока не завершенной.

Несмотря на то что в «Поэтическом искусстве» явно прослеживается тенденция к строгой организации системы жанров, для его автора не менее важна свобода творчества, что характерно для всех истинных гуманистов. По меткому выражению Ж.-Ш. Монферрана, нельзя «запирать Музу в школе» [12, с. 74]; подобным стремлением к свободе объясняется, по мнению исследователя, и достаточно свободная структура глав «Поэтического искусства» [Там же, с. 154]. Так, начало главы, посвященной оде, представляет собой вольное рассуждение об этапах развития книгопечатания и той роли, которую оно сыграло в эволюции национальных литератур. Пелетье чужд и излишний формализм в описаниях, хотя, несомненно, в них присутствует необходимый минимум, перечисляющий те или иные особенности каждой формы.

Подводя итоги, следует отметить, что «Поэтическое искусство» Жака Пелетье дю Мана стало первым этапом формирования националь-

ной системы жанров, основой для которой послужили заимствованные у древних авторов и адаптированные во французской словесности образцы. Сам же трактат представляет собой попытку сочетать ренессансную свободу творчества со структурой и строгой организацией, необходимыми для расцвета новой национальной литературы. Если Дю Белле говорит о необходимости создания образцов новых жанров, нормативная поэтика Пелетье менее умозрительна и приобретает черты описательности, так как ее автор ориентируется, пусть избирательно, на конкретный поэтический материал – образцы, уже созданные в отдельных жанрах французскими поэтами, среди которых он числит и Маро. Пелетье вносит изменения в созданную его предшественником картину жанров, перекраивая ее в соответствии с определенным видением реальной поэтической практики. Закрытая система жанров, не предполагающая исключений, сформируется в позднейших трактатах, но следующие этапы ее становления требуют отдельного, более подробного изучения.

Список источников

1. Monferran J.-Ch. Orientation bibliographique: les arts poétiques du XVI siècle. Domaine français. // Nouvelle Revue du Seizième siècle. № 6. 2010. P. 245–257.
2. Peletier du Mans J. Œuvres complètes, tome 1. L'art poétique d'Horace traduit en vers français. L'art poétique départi an deus livres / Edités par M. Jourde, J.-Ch. Monferran et J. Vignes, avec la collaboration d'Isabelle Pantin. Paris: Honoré Champion, 2011. 512 p.
3. Séché L. Commentaires // Du Bellay J. La Défense et illustration de la langue française / Avec une notice biographique et un commentaire historique et critique par L. Séché. Paris: Sansot, 1905. 240 p.
4. Sébillet Th. Art poétique françoys: 1548 ([Reprod.]) / Edition critique avec une introduction et des notes par F. Gaiffe. Paris: Société nouvelle de librairie et d'édition et E. Cornély, 1910. 205 p.
5. Du Bellay J. Oeuvres complètes. I volume. La deffence et illustration de la langue francoyse / Préparé par Fr. Goyet et O. Millet. Paris: H. Champion, 2003. 333 p.
6. Bellenger Y. La Pléiade. Paris: PUF, 1978. 125 p.
7. Chamard H. Arts poétiques // Dictionnaire des lettres françaises. Le XVIe siècle / Ed. revue et mise à jour sous la dir. de M. Simonin. Paris: Arthème Fayard, 1951. P. 57–58.
8. Боккаччо Дж. Генеалогия языческих богов. Книга XIV // Эстетика Ренессанса. Т. II / Сост. В. П. Шестаков. М.: Искусство, 1981. С. 7–67.
9. Mathieu-Castellani G. La notion de genre // La notion de genre à la Renaissance, sous la dir. de G. Demerson. Genève: Editions Slatkine, 1984. P. 17–34.
10. Lecercle Fr. Théoriciens français et italiens: une «politique» des genres // La notion de genre à la Renaissance, sous la dir. de G. Demerson. Genève: Editions Slatkine, 1984. P. 67–100.
11. Naïs H. La notion de genre en poésie au XVIème siècle: étude lexicologique et sémantique // La notion de genre à la Renaissance, sous la dir. de G. Demerson. Genève: Editions Slatkine, 1984. P. 103–128.
12. Monferran J.-Ch. L'Ecole des Muses. Les arts poétiques français à la Renaissance (1548–1610). Sébillet, Du Bellay, Peletier et les autres. Genève: Droz, 2011. 349 p.

References

1. Monferran, J.-Ch. (2010). *Orientation bibliographique: les arts poétiques du XVI siècle. Domaine français* [Bibliographic Orientation: The Poetic Arts of the Sixteenth Century. French Domain]. Nouvelle Revue du Seizième siècle, No. 6, pp. 245–257. (In French)
2. Peletier du Mans, J. (2011). *Œuvres complètes, tome 1. L'art poétique d'Horace traduit en vers français*. [Complete Works, Volume 1. The Poetic Art of Horace Translated into French Verse]. L'art poétique départi an deus livres. Edités par M. Jourde, J.-Ch. Monferran et J. Vignes, avec la collaboration d'Isabelle Pantin. 512 p. Paris, Honoré Champion. (In French)
3. Séché, L. (1905). *Commentaires* [Comments]. Du Bellay J. La Défense et illustration de la langue française. Avec une notice biographique et un commentaire historique et critique par L. Séché. 240 p. Paris, Sansot. (In French)
4. Sébillet, Th. (1910). *Art poétique françoys: 1548 (Reprod.)* [French Poetic Art: 1548 (Reprod.)]. Edition critique avec une introduction et des notes par F. Gaiffe. 205 p. Paris, Société nouvelle de librairie et d'édition et E. Cornély. (In French)
5. Du Bellay, J. (2003). *Oeuvres complètes. I volume. La deffence et illustration de la langue francoyse* [Complete Works. Volume I. Defense and Glorification of the French Language]. Préparé par Fr. Goyet et O. Millet. 333 p. Paris, H. Champion. (In French)
6. Bellenger, Y. (1978). *La Pléiade* [The Pleiad]. 125 p. Paris, PUF. (In French)
7. Chamard, H. (1951). *Arts poétiques* [Poetic Arts]. Dictionnaire des lettres françaises. Le XVIe siècle. Ed. revue et mise à jour sous la dir. de M. Simonin. Pp. 57–58. Paris, Arthème Fayard. (In French)
8. Bokkachcho, Dzh. (1981). *Genealogiya yazycheskikh bogov. Kniga XIV. Estetika Renessansa. T. II* [The Genealogy of Pagan Gods. Book Fourteen. Aesthetics of Renaissance]. Sost. V. P. Shestakov. Pp. 7–67. Moscow, Iskuststvo. (In Russian)
9. Mathieu-Castellani, G. (1984). *La notion de genre* [The Concept of Gender]. La notion de genre à la Renaissance, sous la dir. de G. Demerson. Genève, Editions Slatkine. (In French)
10. Lecercle, Fr. (1984). *Théoriciens français et italiens: une "politique" des genres* [French and Italian Theorists: A Gender "Politics"]. La notion de genre à la Renaissance, sous la dir. de G. Demerson. Pp. 67–100. Genève, Editions Slatkine. (In French)

11. Naïs, H. (1984). *La notion de genre en poésie au XVIème siècle: étude lexicologique et sémantique* [The Notion of Genre in the 16th Century Poetry: A Lexicological and Semantic Study]. La notion de genre à la Renaissance, sous la dir. de G. Demerson. Pp. 103–128. Genève, Editions Slatkine. (In French)

12. Monferran, J.-Ch. (2011). *L'Ecole des Muses. Les arts poétiques français à la Renaissance (1548–1610)* [The School of Muses. French Poetic Arts in the Renaissance (1548-1610)]. *Sébillet, Du Bellay, Peletier et les autres*. 349 p. Pp. 17–34. Genève, Droz. (In French)

The article was submitted on 21.02.2022

Поступила в редакцию 21.02.2022

Авдони́на Ксе́ния Алекса́ндровна,
соискатель,
МГУ имени М. В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1.
kropacheva93@mail.ru

Avdonina Kseniia Aleksandrovna,
graduate student,
Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russian Federation.
kropacheva93@mail.ru

УДК 82

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-67-1-136-144

«МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» ПРОИЗВОДСТВЕННОГО РОМАНА И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ ЖАНРА

© Анна Гаганова

THE “LITTLE MAN” OF THE PRODUCTION NOVEL AND THE CHRONOLOGICAL BOUNDARIES OF THE GENRE

Anna Gaganova

In the studies of the production novel, one of the research lacunae in modern literary criticism is the definition of the upper chronological boundary of the genre. We believe, it is the image of the protagonist that makes it possible to clarify the dating of the genre completion. The artistic dominant of the genre is the image of the protagonist as a social leader, dating back to the universal mythopoetic archetype of the Reformer / Rebel. The departure from the evolution of this genre indicates its artistic transformation. It is significant that the production novel of the 20th century was preceded by the image of the “little man”, characteristic of the “natural school” of the 19th century.

The return of the image of the “little man” to the literary process in the 1970s testifies to the completion of the production novel genre evolution. Most of the works, written in the 1970s, are distinguished by the journalism optics, since they “debunk myths” telling about the “professional workings” of fashionable, prestigious and familiar professions. The protagonists of “professional novels” are mercantile philistines, as well as master-hand executives deprived of freedom of action. This approach becomes an inversion to the production novel canonical text of the 1920s-30s, whose protagonist is an altruist and a social leader, free in his actions. The object of the research is the genre of the production novel. The subject of the study is the image of the protagonist. The aim of the study is to clarify the chronological boundaries of the genre, based on the correlation with the typology of the protagonist’s image. The research methods are: mythopoetic, historicogenetic, comparative-historical, typological and a contextual analysis.

Keywords: production novel, genre, theme of labor, man of labor, Soviet literature, Russian literature of the 20th century

Одной из исследовательских лакун современного литературоведения в изучении производственного романа является определение верхней хронологической границы жанра. По мнению автора статьи, образ героя позволяет уточнить датировку завершения жанра. Художественной доминантой жанра является образ героя как социального лидера, восходящий к универсальному мифопоэтическому архетипу Преобразователя / Бунтаря. Уход из эволюции жанра данного типажа свидетельствует о художественной трансформации жанра. Значимо, что производственному роману XX в. предшествовал образ «маленького человека», характерный для «натуральной школы» XIX в. Возвращение в 1970-е годы в литературный процесс образа «маленького человека» свидетельствует о завершении эволюции жанра производственного романа. Большинство произведений 1970-х годов отличаются оптикой журналистики, поскольку «развенчивают мифы» и рассказывают о «профессиональной кухне» модных, престижных и знакомых профессий. Героями «профессиональных романов» становятся меркантильные обыватели, а также мастера-исполнители, лишённые свободы действий. Данный подход становится инверсией на канонический текст производственного романа 1920–30-х годов, героем которого является альтруист и социальный лидер, свободный в своих поступках. Объектом проведенного исследования является жанр производственного романа. Предметом исследования является образ героя. Целью исследования является уточнение хронологических границ жанра на основании корреляции с типологией образа героя. Методами исследования являются: мифопоэтический, историкогенетический, сравнительно-исторический, типологический, контекстного анализа.

Ключевые слова: производственный роман, жанр, тема труда, человек труда, советская литература, русская литература XX века

Одной из актуальных задач современной науки является восстановление целостного процесса истории русской литературы XX века. Производственный роман является масштабной, но малоизученной литературной стратегией. Целью нашего исследования является изучение художественной специфики жанра, а задачами исследования является определение хронологических границ жанра, создание типологии образов героев, выделение на каждом из исторических отрезков художественных доминант. В качестве методов исследования нами использованы текстологический, сравнительный, историко-генетический, мифопоэтический, мотивный, корреляционный анализ.

Историческому «старту» жанра производственного романа предшествует в русской литературе изображение «человека труда» как исполнителя, как «маленького человека», работающего на «хозяина» и лишенного собственной воли. В качестве примера можно вспомнить рассказы о железнодорожниках и шахтерах А. Серафимовича, «Случай из практики» А. Чехова, «Молох» В. Куприна. Производственный роман уже в своих первых, «программных произведениях» – «Цемент» Ф. Гладкова (1922–1925) и «Доменная печь» Н. Ляшко (1924) – заявляет о себе, как жанр о «свободном труде» и социальном лидере. Художественный канон производственного романа формируется в 1920–30-е годы. Психологический портрет «канонического» образа героя раскрывается через преобразовательную деятельность, как создание на пространстве символического «рукотворного чуда» новой аксиологической модели мира (сопровождается активным разрушением ценностей «уходящей эпохи»).

Художественной доминантой образа героя «канонического» текста производственного романа, качественно отличающего его от персонажей иных литературных стратегий, является социальное лидерство (трудовая деятельность как социальная миссия, обладающая устремленностью в будущее). Социальное лидерство персонажа проявляется в самоотверженном, героически напряженном труде и деятельности, направленной на создание «общества будущего». Преобразовательная активность героя восходит к мифопоэтическому «прометеевскому» мотиву, в котором сочетается «бунтарское начало» героя, его представление о свободе как высшей ценности, агрессивное разрушение старого мира / самоотверженное созидание нового мира. Подобная деятельность характерна для архетипических об-

разов мировой культуры, символизирующих различные ипостаси героя – Творца.

Человек труда как «исполнитель, маленький человек» предшествовал появлению стратегии производственного романа. Именно по смысловому переходу от героя «исполнителя» к «организатору» мы и проводим нижнюю хронологическую границу жанра, (середина 1920-х годов). В дальнейшем, в литературном процессе XX века, произведения о «маленьком человеке», отражающие тему труда, будут носить ретроспективный характер. Эти произведения, как правило, повествуют о дореволюционных временах (например, автобиографический роман Николая Ляшко «Сладкая каторга» о карамельной фабрике и людях, на ней работающих (1934–1936), рассказы Якова Ильина «Жители фабричного двора» (1928), рассказы Павла Бажова «Сысертские заводы» (1923–1925), повесть Франца Таурина «Каторжный завод» (1968).

На первый взгляд, образ «маленького человека» в анализе производственного романа следует игнорировать, как не относящийся к жанру. Однако именно «маленький человек» указывает на хронологические границы жанра, и если нижняя граница жанра достаточно отчетлива (и здесь у исследователей точки зрения совпадают: например, Дарья Земскова указывает на те же, что и мы, «стартовые» тексты – «Цемент» и «Доменная печь» [1, с. 7]), то в отношении верхней границы единого мнения нет. Проблема датировки верхней границы жанра объясняется выбором критериев оценки. Поскольку жанр производственного романа не был выделен советскими литературоведами в самостоятельную стратегию и, несмотря на распространенность словосочетания «производственный роман», в том числе и в учебниках для ВУЗов [2], статьи о нем отсутствуют во всех литературных энциклопедиях советской эпохи [3], [4], мы вынуждены были дать рабочее определение. В качестве одного из ведущих жанровых признаков мы предлагаем выделить образ персонажа как героя труда. Соответственно, логично предположить, что трансформация образа героя будет совпадать с трансформацией жанра в целом. Можно также предположить, что разрушение/отрицание/инверсия типологических признаков героя, условно «канонического», как образцового текста будет указывать на завершение эволюции жанра и на его верхнюю границу.

В процессе работы над темой нам удалось выделить и сформулировать ведущие признаки героя «канонического текста» – социальное лидерство и типаж Преобразователя мира (архети-

пы Творца и Бунтаря). Канонический герой не просто «переделывает мир», но и воодушевляет на этот подвиг большой коллектив людей. В качестве примера вспомним Глеба Чумалова («Цемент» Ф. Гладкова, 1925) и доменщика Короткова («Доменная печь» Н. Ляшко, 1924), Ивана Увадьева («Соть» Л. Леонова, 1929), деда Матвея Журбина («Журбины» В. Кочетова, 1952) и Алексея Зворыкина («Директор» Ю. Нагибина, 1970). Уже в период 1940–50-х годов «бунтарство» персонажа и его активное разрушение «старого мира» вытеснит логика героя-Созидателя, который так же, как и его предшественник, останется социальным лидером, а следовательно, продолжит развивать постулаты производственного романа. Достаточно очевидно, что Георгий Беридзе и Василий Батманов («Далеко от Москвы», 1948), Константин Токмаков и Николай Пасечник («Высота», 1952), Александр Листопад («Кружилиха», 1947), Павел Балув («Знакомьтесь, Балув!»), 1960), Дмитрий Бахирев («Битва в пути», 1957), Александр Онисимов («Новое назначение», 1964), – это тоже герои производственного романа. Однако вопрос о том, кто же все-таки из персонажей является хронологически последним героем жанра, остается дискуссионным.

Среди литературоведов единой точки зрения на верхнюю границу нет. Одни литературоведы считают, что «финальные» производственные романы датированы 1980-ми годами, и называют «Корни и крона» (1983) В. Кожевникова и «Котел» (1982) Н. Воронова. Другие проводят границу по 1970-м годам, называя «Атомград» (1977) и «Индустриальную балладу» (1972) М. Колесникова, а также «Протокол одного заседания» (1974) А. Гельмана. Третьи убеждены, что производственный роман закончился как жанр еще в 1960-е годы, когда была завершена работа над романом «Новое назначение» (1964) А. Бека и опубликовали «Сказание о директоре Прончатове» (1969) В. Липатова. Бытует также мнение, что производственный роман трансформировался в роман профессиональный, и на этом основании к нему следует относить многочисленные повести о людях разных профессий 1970-х и 1980-х (И. Штемлер, В. Липатов, В. Конецкий, М. Колесников, А. Чаковский, Е. Лучковский).

На наш взгляд, верхняя граница жанра наступает в тот исторический момент, когда «канонический герой» (социальный лидер) массово вытесняется персонажем абсолютно иного типа. И здесь неожиданно оказывается значим «маленький человек» (ведь именно по этому типу мы определили нижнюю границу жанра).

Одной из особенностей образа «маленького человека» является его когнитивная модель и аксиология. Если понятие «труда» для Преобразователя, Творца, социального лидера эквивалентно экзистенциальным личностным смыслам («высшие» потребности в системе А. Маслоу [5]), то для «маленького человека» представление о «труде» почти синонимично семантике понятия «работа» как деятельности, дающей заработок (то есть источник пропитания, бытовых вещей, одежды и мебели). Напрашивается иллюстрация о «маленьком человеке» как представителе «малого мира» в метафоре И. Ильфа и Е. Петрова («Золотой теленок», 1931):

«В большом мире людьми двигает стремление облагодетельствовать человечество. Маленький мир далек от таких высоких материй. У обитателей этого мира стремление одно – как-нибудь прожить, не испытывая чувства голода» [6, с. 131].

Представление о родной стране у «маленького человека» сужено до пространства семьи и дома, его способность к стратегическому мышлению отсутствует, а когнитивная модель мира обращена в прошлое, к готовым поведенческим алгоритмам, к ритуалам, к провинциальным, крестьянским, мещанским традициям предков. Носителем подобного менталитета на этапе формирования жанра нередко выступали женские образы, достаточно вспомнить Варвару Увадьеву, приехавшую на стройку, чтобы полушутливо-полусерьезно потребовать от своего сына, Ивана, деньги, которые она как мать на него истратила. (Л. Леонов «Соть», 1929).

«– Деньги выкладывай! – прикрикнула она, и поглядела искоса, достаточно ли напугала.

– ...какие деньги, мать?

– А вот, что на тебя потратила. Сколько я на тебя покидала, думала – прок выйдет. – Варвара вынула из-за пазухи толстый лист конторской бумаги, исписанный сверху донизу, и расстелила перед сыном. – На, щенок. От своего не отступлюсь, всего тебя нонче оберу! (...) Она нахмурилась, когда сын, взглянув на итог, молча полез за деньгами; Варварин счет простирался до тридцати рублей. – Чего же ты деньгами-то кидаешься? Ты торгуйся, может, и уступлю... да проверь, может, я лишку запросила. Вот, штаны тебе покупала – рупь. Каргуз с козырьчком под лак – восемь гривен. Пальтишко еще покупала, пальтишко не в счет, все-таки мать, нельзя...» [7, с. 167].

Не менее красноречива в своем «мещанском», патриархально-архаичном когнитивном восприятии жизни и жена доменщика Короткова («Доменная печь» Н. Ляшко, 1924):

«— Завод дороже ему! (...)

На примусе чайник забулькал. (...)

— Что ты, — задыхается, — водой живот мой полощешь? Другие вон кофеи с маслами-сырами пьют, дома загребли, в шелка оделись, в автомобилях катаются, а мне что? Шиш с маслом?» [8, с. 34].

Иногда «маленький человек» в процессе взятой на себя ответственности переходит в группу «преобразователей старого мира». Таков, например, плотник Иван Журкин, который в романе А. Малышкина «Люди из захолустья» (1938) изначально думает лишь о деньгах и едет из деревни на стройку Красногорского комбината исключительно ради заработка и прокорма своей многочисленной семьи:

«На Журкине, как изба, стояло ватное, на солидность сшитое когда-то пальто, даже с вихорками бывшего каракуля на воротнике; под пальто жалостливая баба накрутила ему еще пуховый платок, а на ногах, обутых в трое чулок, корбились валенки выше колен, добротнo подшитые по низам кожeй: всю окопировку сделали из последней копейки. И явственно путлялись в этом барахле слезные проводы, ребячье вытьe, осиротевшие верстаки» [9, с. 15].

Одновременно, если мы читаем финал романа «Люди из захолустья», то видим, как меняется психология Журкина. Теперь он — социальный лидер, сумевший организовать пожарную бригаду для того, чтобы защитить «рукотворное чудо» от потенциальной угрозы пожара. Иван Журкин пережил в Сызрани тяжелую трагедию, горела однажды Сызрань всей деревней, от мастерской Журкиных остались одни головешки, а отец Ивана, не выдержав этого, умер. Иван своими руками сколотил своему отцу гроб, а похоронив, он уехал с матерью «куда глаза глядят». Помня об этой трагедии, Журкин создает в Красногорске пожарную бригаду, перед нами совсем другой человек:

«Он шагал по твердой, по заработанной им теперь земле, шагал, как свой; паровозики посвистывали, и он, Журкин, задирая кверху бороду, глаза, посвистывал тоже. Ему мечталось: урвать бы часика два свободных, побродить, обсмотреть всю эту кипучку насквозь, досыта» [Там же, с. 224].

«Маленький человек» в производственном романе существует наряду с протагонистом, и художественный портрет «маленького человека» качественно меняется на протяжении жанра. Проанализируем эволюцию этого типологического персонажа.

На этапе формирования жанра в 1920–30-е годы «маленький человек» — это прежде всего

условно именуемый «коллективный герой». Большие группы плотников, каменщиков, рабочих и крестьян без рабочей специальности едут на стройку «индустриального гиганта» в надежде на заработок. В романах А. Малышкина («Люди из захолустья»), И. Эренбурга («День второй»), Л. Леонова («Соть») многочисленный «коллективный герой» выполняет функцию «фона» в художественной картине мира. Наиболее характерное знакомство с «коллективным героем» происходит в привокзальном пространстве или в движущемся поезде.

У В. Катаева в романе-хронике «Время, вперед» (1932) читаем:

«Подошли новые. Столпились. В лаптях; босиком; в спецовках; без спецовок; в башмаках; русые; вымывшиеся; грязные; в зеленоватой муке цемента, как мельники; горластые; тихие; в майках; в футболках; в рубашках; ханумовские; ермаковские; разные; но все — молодые, все — с быстрыми, блестящими глазами...» [10, с. 34].

У И. Эренбурга в романе «День второй» (1933):

«Люди понеслись, и ничто больше не могло их остановить. (...) Здесь были украинцы и татары, пермяки и калуцкие, буряты, черемисы, калмыки, шахтеры из Юзовки, токари из Коломны, бородатые рязанские мостовщики, комсомольцы, раскулаченные, безработные шахтеры из Вестфалии или из Силезии, сухарецкие спекулянты и растратчики, приговоренные к принудительным работам, энтузиасты, жулики и даже сектанты-проповедники» [11, с. 6].

У Л. Леонова в романе «Соть» (1929):

«Поезд приходил на рассвете. Они вылезали из вагонов, серые в потёмках, и все на одно лицо; шапки на них торчали стоймя, и бороды ещё бывали смяты сном. (...) Тут шли все те, чьего труда от века не искать было на Руси. Плелись неспешно, сберегая силы, рязанские пильщики да стекольщики; чинно шагали вятские да тверские каменщики и печники, и волос у них под шапками дыбьём, как дым из трубы, стоял от липучей глиняной пыли; шустро, в обгонку других, поспешали смешливые вологодские штукатуры: тащились вполпьяна весёлые костромские маляры, и кисти их машисто колыхались над малярным воинством; закоптелые, тяжело двигались смоленские грабари, землекопы тож, с руками и лицами цвета земли; проходили кровельщики, бетонщики, кузнецы... пермяки, вятчи и прочих окружных губерний жители, где непосильно стало крестьянствовать по стародавним заветам, а новых не было пока» [7, с. 124].

У Б. Ясенского в романе «Человек меняет кожу» (1932):

«Около центрального барака толпились, входили и выходили люди самой причудливой наружности: русские мужички с окладистыми бородами, одни в замасленных, подпоясанных бечёвками рубахах, другие в ватных кацавейках и рыжих яловочных сапогах; бронзовые парни в голубых, красных, зелёных майках, кто в картузе, кто в тюбетейке, кто в огромной соломенной шляпе, похожей на мексиканское сомбреро; цветистые таджики в тюбетейках и халатах; краснокожие люди неведомой национальности, с телом, словно ошпаренным кипятком, в куцых трусах, заслоняющих исключительно то, что необходимо. Среди этой разношёрстной толпы деловито сутилась кучка людей в брезентовых сапогах и белых рубахах с засученными рукавами» [12, с. 48].

У В. Кетлинской в романе «Мужество» (1938):

«Комсомольский эшелон шел на Восток. Сперва были только отдельные вагоны – ленинградские, ростовские, киевские, московские, харьковские. Потом из разных поездов и вагонов молодежь собрали в один эшелон. Держались в эшелоне группами – по городам, по месту мобилизации. В каждой группе были свои законы, свои привычки, свои развлечения. Но уже завязывались новые знакомства, новые скороспелые дорожные дружбы, происходили неожиданные встречи» [13, с. 32].

У А. Малышкина в романе «Люди из захолустья» (1938):

«Ехали и ехали. Люди уже прижились, забыли, что они в поезде. (...) Всякий ехал народ: и старый, и молодой, и семейный, и бездомный, – что-то сотрясло его, сдвинуло из исконных, отцами еще обогретых мест, – куда? Ехали не падающие духом искатели, ехали во множестве безыменные, помалкивающие. Вагоны обволакивало туманными видениямистроек, обильных заработками городов, надеждами, безвестием» [9, с. 11].

«Коллективный герой», персонажи «второго плана», которые создают ощущение масштабно-сти происходящего, косвенно подтверждая, что и в самом деле строится «рукотворное чудо», завод-гигант. Многочисленные персонажи окружают героя-протагониста, выполняя его волю и представляя собой, по сути, инструмент для «переделки мира».

Большое количество имен, мелькающих на пространстве «рукотворного чуда», – такой писательский прием для создания картины «массштабной стройки» использует Ф. Гладков в романе «Энергия» (1932–1935). Примечательно что сюжетной нагрузкой большинство перечисленных персонажей не несет, да и самих персонажей мы не видим, а только набор спонтанно возникающих и так же спонтанно исчезающих из текста

имен и фамилий. Схожая картина наблюдается и в таких произведениях, как «Человек меняет кожу» Б. Ясенского и «Гидроценталь» М. Шагинян: идет перечисление имен «незримых» персонажей, не вписанных в логику узлового конфликта, не выполняющих функцию развития сюжета и, по-видимому, оправданных лишь художественной задачей создания обобщенной картины грандиозного строительства.

Качественный скачок происходит в период 1940–50-х годов. Коллективный герой из текста практически исчезает, сохраняясь в единичных произведениях, например в романе Василия Ажаева «Далеко от Москвы» (1948). «Коллективным героем» здесь выступают жители этнических северных поселков вблизи трассы прокладки нефтепровода. В большинстве же произведений из художественной картины мира «задний план» исчезает. Одновременно исчезает и образ «рукотворного чуда». Этот период развития жанра представляет собой упрощение «канонического текста», сюжетную «очистку» материала от мало функциональных персонажей – прежде всего от «массовки» героев-исполнителей.

В конце 1950-х годов, особенно в течение всех 1960-х годов, в производственном романе начинается серьезная трансформация, связанная непосредственно с героем-исполнителем, «маленьким человеком». Объяснить эту трансформацию системы персонажей можно, обратившись к семантическому полю темы «труда». Мы увидим, что художественная картина мира смещается из смыслового поля «труд» в смысловое поле «работа». Это означает, что на место прежних смыслов (трудовая деятельность как героическая и результативная социальная миссия) приходят новые смыслы и мотивации поведения героя: общение с коллегами, качество жизни, профессиональная реализация. Немаловажен становится и заработок, а вот образ «рукотворного чуда» как сверхзадачи, направленной в будущее, исчезает. Именно в 1960-е годы герой-«исполнитель» возвращается в художественное пространство жанра. Например, в романе В. Кожевникова «Знакомьтесь, Балув!» (1960) появляются молодые девушки, работающие с радиоизотопами. В романе Г. Николаевой «Битва в пути» (1957) подробно показан конвейер и девушки, на нем работающие. Эпизод общения технолога Тины Карамыш со стерженщицей Дашей, приехавшей из деревни, достаточно красноречив. Даша – «маленький человек», одна из множества подобных героинь, приехавших за хорошим заработком из деревни и своей общей «коллективной массой»

подчеркивающих масштабность «рукотворного чуда», размах производства.

Однако именно с возвращением героя-исполнителя в сюжет производственного романа и связан наибольший парадокс эволюции жанра, а именно его стремительного художественного угасания на фоне нарастания количества шаблонных и клишированных «производственных» текстов. Феноменально, что в галерее новых «производственных романов» (скорее, повестей) вся система персонажей держится именно на исполнителях, и эти «маленькие люди» действуют без масштабного (как прежде) героя-протагониста. В качестве примера приведем «Три минуты молчания» Г. Владимова (1969), повесть-дневник «селедочного рейса». Книгу о морях, ловящих в Атлантике селедку, Георгий Владимов (Волосевич) написал на материале своего «журналистского путешествия» на траулере «Всадник» по трем северным морям. Когда в «Новом мире» повесть опубликовали, на писателя обрушилась буря критики, одновременно ударившая и по главному редактору «Нового мира» А. Твардовскому, о чем сам Г. Владимов написал в предисловии к своей повести. «Обширная наша пресса, от столицы до окраин, немедленно запестрела традиционными заголовками: „В кривом зеркале“, „Ложным курсом“, „Сквозь темные очки“, „Мели и рифы мысли“, „Разве они такие, мурманские рыбаки?“, „Такая книга не нужна!“, „Кого спасаете, Владимов?“ и т. п.» [14, с. 3].

Герои повествования – молодые моряки, включенные в хронологию событий, управляемых маршрутом их рыболовецкого суда в море. Наглядна инверсия жанрового канона: не герой управляет событиями, а они им. Если в каноническом тексте персонаж строит «рукотворное чудо», переделывая пространство, и самостоятельно формирует событийный ряд, то в произведениях 1960-х, насыщенных галереями «исполнителей», напротив, события внешнего мира управляют поведением героев. Персонажи уже не авторы своей жизни, а исполнители, «шестеренки» системы, лишённые свободы действий. Герои «вписаны» во внешний событийный ряд и отнюдь не переделывают мир, а напротив, приспосабливаются к нему. Это контрастирует с образами персонажей «канонического текста», например образом моряка Саши Басова из романа «Танкер „Дербент“» Ю. Крымова. Саша Басов активно ведет себя во время «Стахановского рейса», вдохновенно спасает жизни товарищей, рискуя собственной. Совершенно иная атмосфера в «Трех минутах молчания» Г. Владимова – унылая обывательщина.

Романная форма темы труда сменяется формой документальной повести и социального очерка (не путать с портретным очерком), то есть жанров, в которых событийный ряд, отражающий астрономическое время, и художественная картина профессии важнее литературного портрета отдельно взятого персонажа. Владимов создает повесть о профессии моряка, о «кухне» работы на рыболовецком траулере, анализируя материал реальности фактически взглядом журналиста. Оказывается, что особой радости работа на Морфлоте персонажам не приносит. Мы видим это в диалоге матроса «Алексеича» и старого моряка по кличке «Дед»:

«„Дед“ поглядел подозрительно.

– Просто я на берег списываюсь. (...) – Сказать по совести, хватит мне. Я в армии наплавался, три года протрубил, и тут столько же. Посуху и ходить разучусь, все палуба да палуба. А жизнь – она тоже проходит» [Там же, с. 48].

В системе ценностей персонажа понятие «труда как героической деятельности ради социально значимой цели» вытеснено смыслами, соответствующими в системе А. Маслоу [5] биологическим, базовым потребностям. Стремление к хорошему жилью, качественному питанию и высокой зарплате полностью вытеснил социальный «образ мечты» канонического текста. Показательна повесть «Большая руда» (1960) Г. Владимова. Шофер Витя Пронякин, простой рабочий (герой-исполнитель), садится за руль самосвала, чтобы вывозить горную породу. Мотивация канонического героя – сделать мир лучше, приблизить будущее, как, например, у бурильщика Яруллы Низамова из «Дара Земли» (1957) А. Коптяевой, – у шофера Вити Пронякина напроочь отсутствует. Он мотивирован исключительно деньгами (фундаментальный и низший пласт потребностей), и его губит собственная жадность. Перегруженный рудой самосвал переворачивается, и Пронякин получает смертельную травму. Однако на передовице местной газеты публикуется его портрет как «передовика» и альтруиста, стремящегося к перевыполнению плана. Владимов с иронией показывает, что внешне героическая деятельность способна обладать меркантильной, приземленной мотивацией.

В «Утолении жажды» (1962) Ю. Трифонова подобной «двойственности» в истолковании поступков героя нет. Эскаваторщик Нагаев гонится за долгим рублем, материальным благополучием и не скрывает этого, вызывая свехурочной работой восхищение и зависть у других рабочих, на их-то зарплату не разживешься. Тема достойного заработка, высокой зарплаты приобретает

разные формы, но остается одним из ведущих мотивов производственного романа всего периода 1960-х годов. В повести В. Липатова «Лида Вараксина» старшеклассница Лида прогуливает школу, чтобы отработать длительные смены на заводском конвейере – так она добывает себе недостающие три рубля на покупку желанных туфель. Получив пробоину во время «селедочного рейса», молодые моряки из «Трех минут молчания» Г. Владимова обеспокоены лишь одним: а не срежут ли им в аварийном рейсе теперь зарплату? Да и не сменить ли профессию моряка на более материально выгодную, скажем, пойти в шоферы? [14, с. 63] Производственная тема насыщается галереей приземленно мыслящих обывателей. Нет вдохновения у персонажа, не способен он вдохновить и читателя.

Одновременно мы видим, что тема «труда» с ее аксиологическими оттенками полностью вытеснена темой «работы», с ее многообразными смыслами. На фоне наращивания оборотов «профессиональной» темы с ее отраслевым разнообразием, жанр дрейфует к набору штампов о «маленьком человеке», вписанном в несвободу отраслевой пирамиды, фактически, к «безгеройности». Одновременно нарастает тенденция к публикации социального очерка. В жанре очерка работают такие известные журналисты, как В. Овечкин, А. Аграновский, А. Рубинов, Т. Тесс, В. Песков. Их произведения созданы на стыке с рассказом, с литературным портретом людей разных профессий, подобно текстам В. Липатова и Г. Владимова, А. Чаковского, Ю. Трифонова. Социальные очерки издаются даже отдельными книгами [15].

Очевидная тупиковость «безгеройного» повествования о металлургах, инженерах и промышленниках в целом, привела к разворачиванию в литературных журналах серьезной дискуссии относительно проблемы блеклого исполнителя-«зауряд героя». В этой дискуссии участвуют не только литературоведы, как, например, А. Марченко [16] и А. Власенко [17], но и социологи литературы, например А. Янов [18].

Одним из выходов в сложившейся ситуации стала попытка романтизации труда и создания образа молодого героя-студента, который ищет себя в жизни и еще не связан по рукам и ногам отраслевыми правилами (для протагониста мотив свободы в исследуемом жанре критически значим).

В 1971 году писатель Игорь Собчук публикует в журнале «Юность» повесть «А розу отлейте сами» [19]. Фрагмент диалога студента-металлурга Василия Мирошниченко с любимой

девушкой Зоей демонстрирует романтику труда металлурга:

«– В Череповце законченный цикл. Понимаешь? Законченный металлургический цикл!.. Поработаю на разливке стали, потом в доменном, потом опять в мартен сталеваром, потом попрактикуюсь в обжимном, в прокатных и к диплому все буду уметь в натуре, а не на пальцах. Своими руками. Это опыт, Зоюха! Опыт!.. В институте теория, а там практика и живые, настоящие металлурги. (...) – Освою сталеварение и отолью тебе розу. Да-да, стальную розу, как в институтском музее. Красивую-красивую!» [Там же, с. 5].

На рубеже 1960–70-х мы видим художественный раскол производственного романа на две конкурирующие тенденции. Первая – «зауряд герой», каким «маленького человека», простого исполнителя, занятого поиском высокой зарплаты, изображают Г. Владимов, Ю. Трифонов и В. Липатов. Вторая – герой как романтик, студент-искатель, определяющийся со своим местом в жизни, профессиональной самореализацией, и таким его изображают М. Колесников, А. Блинов, А. Медников, С. Есин, Н. Воронов.

Вероятно, обилие произведений, продолжающих «индустриальную» тему, и натолкнуло исследователей производственного романа на мысль о том, что жанр активно развивается до 1980-х годов. Перечислим тексты, которые действительно создавались в 1970–80-е годы: М. Блинов «Первая плавка» (1969), М. Колесников «Ищу свою высоту» (1975), «Право выбора» (1977), А. Первенцев «Директор Томилин» (1979), А. Медников «Время стоять» (1980), Н. Воронов «Котел» (1982), В. Кожевников «Корни и крона» (1983), С. Есин, «Сам себе хозяин» (1985), Е. Лучковский «Опасная обочина» (1987).

Однако, как уже было показано в нашем исследовании, для развития жанра важен не столько «индустриальный» материал реальности, сколько характер героя, специфичность его образа. В ходе нашего исследования мы сумели выявить и сформулировать ведущие качества героя «канонического текста» как Преобразователя мира (архетипы Бунтаря и Творца). Хронологически последним произведением жанра, в котором встречается подобный образ героя, является киноповесть «Директор» Ю. Нагибина (1970), причем следует учесть не только ее ретроспективность, но и тот факт, что образ Алексея Звонкина обладал для писателя «наглядностью фактуры» и был Нагибиным «списан» с собственного тестя – директора автомобильного завода, И. Лихачева. Однако данное произведение – единичный случай. Если мы будем обращаться к

выборке произведений, объединенных темой труда, то окажется, что мотив «переделки мира», являющийся стержневым для нашего жанра, уже в начале 1970-х годов отсутствует. Таким образом, при внешне бурно развивающемся «профессиональном романе», мы констатируем завершение истории жанра производственного романа.

Список источников

1. Земскова Д. Д. Советский производственный роман: эволюция и художественные особенности жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 24 с.
2. Ершов Л. Ф. История русской советской литературы: учебное пособие для филологич. вузов. М.: Высшая Школа, 1988. 656 с.
3. Литературная энциклопедия в 11 т. Т. 9, статья, Пролетарская социалистическая литература, колонки 301–302. М.: Изд-во Ком. акад., 1935. 832 с.
4. Литературная энциклопедия в 9 т. / под ред. В. М. Фриче, А. В. Луначарского. М.: изд-во Коммунистической академии, Советская энциклопедия. 1929–1939.
5. Маслоу А. Г. Мотивация и личность / пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина. Изд. 3. Серия: Мастера психологии. М. (и др.): Питер, 2011. 351 с.
6. Ильф И., Петров Е. Золотой теленок // Собрание сочинений в 5-ти томах. Т. 2. М.: Художественная литература, 1961. 560 с.
7. Леонов Л. М. Соть // Собр. соч. в 9 т. Т. 4. Л.: Гослитиздат, 1961. 394 с.
8. Ляшко Н. Доменная печь // Серия: Библиотека избранных произведений советской литературы. Избранное. М.: Советский писатель, 1949. 304 с.
9. Малышкин А. Люди из захолустья // Библиотека «Огонек». Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Правда, 1965. 496 с.
10. Катаев В. Время, вперед! / предисл. Б. Е. Галанова. М.: Художественная литература, 1989. 528 с.
11. Эренбург И. День второй. М.: Советская литература, 1934. 254 с.
12. Ясенский Б. Человек меняет кожу. Л.: Лениздат, 1980. 528 с.
13. Кетлинская В. К. Мужество // Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. Л.: Художественная литература, 1978. 663 с.
14. Владимов Г. Три минуты молчания. М.: Современник, 1976. 382 с.
15. Социальный портрет: человек труда (сборник очерков) // Серия: Библиотека Комсомольской правды, № 10. М.: Правда, 1967. 302 с.
16. Марченко А. Время искать себя. Размышления о молодом герое современной прозы // Новый мир. 1972. № 10. С. 221–242.
17. Власенко А. Н. Герой и современность. Раздумья о положительном герое в литературе наших дней. М.: Советская Россия, 1964. 154 с.
18. Янов А. Движение молодого героя. Социологические заметки о художественной прозе 60-х годов // Новый мир. 1972. № 7. С. 232–261.

19. Собчук И. А розу отлейте сами! // Юность. 1971. № 4. С. 3–16.

References

1. Zemskova, D. D. (2016). *Sovetskiy proizvodstvennyy roman: evolyutsiya i khudozhestvennye osobennosti zhanra: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Soviet Production Novel: Its Evolution and Artistic Features of the Genre: Ph.D. Thesis Abstract]. 24 p. Moscow. (In Russian)
2. Ershov, L. F. (1988). *Istoriya russkoy sovetskoy literatury: uchebnoe posobie dlya filologich. vuzov* [History of Russian Soviet Literature: A Textbook for Philological Universities]. 656 p. Moscow. Vysshaya Shkola. (In Russian)
3. *Literaturnaya entsiklopediya v 11 t.* (1935) [Literary Encyclopedia in 11 Volumes]. T. 9, stat'ya, Proletarskaya sotsialisticheskaya literatura, kolonki 301–302. 832 p. Moscow. Izd-vo Kom. akad. (In Russian)
4. *Literaturnaya entsiklopediya v 9 t.* (1929–1939) [Literary Encyclopedia in 9 Volumes]. Pod red. V. M. Friche, A. V. Lunacharskogo. Moscow, izd-vo Kommunisticheskoy akademii, Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian)
5. Maslow, A. G. (2011). *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and Personality]. Per. s angl. T. Gutman, N. Mukhina. Izd. 3. Seriya: Mastera psikhologii. 351 p. Moscow (i dr.), Piter. (In Russian)
6. Il'f, I., Petrov, E. (1961). *Zolotoy telenok* [The Little Golden Calf]. Sbranie sochineniy v 5-ti tomakh. T. 2, 560 p. Moscow. Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)
7. Leonov, L. M. (1961). *Sot'* [The Sot']. Sbr. soch. v 9 t. T. 4. 394 p. Leningrad, Goslitizdat. (In Russian)
8. Lyashko, N. (1949). *Domennaya pech'* [The Blast Furnace]. Seriya: Biblioteka izbrannykh proizvedeniy sovetskoy literatury. Izbrannoe. 304 p. Moscow. Sovetskiy pisatel'. (In Russian)
9. Malyshev, A. (1965). *Lyudi iz zakholyust'ya* [People from the Outback]. Biblioteka "Ogonek". Sochineniya v 2-kh tomakh. T. 2. 496 p. Moscow, Pravda. (In Russian)
10. Kataev, V. (1989). *Vremya, vpered!* [Time, Forward!]. Predisl. B. E. Galanova. 528 p. Moscow. Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)
11. Erenburg, I. (1934). *Den' vtoroy* [Second Day]. 254 p. Moscow. Sovetskaya literatura. (In Russian)
12. Yasenskii, B. *Chelovek menyaet kozhu* (1980) [Man Changing His Skin]. 528 p. Leningrad, Lenizdat. (In Russian)
13. Ketlinskaya, V. K. (1978). *Muzhestvo* [Courage]. Sbranie sochineniy v 4 t. T. 1. 663 p. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)
14. Vladimov, G. (1976). *Tri minuty molchaniya* [Three Minutes of Silence]. 382 p. Moscow. Sovremennik. (In Russian)
15. *Sotsial'nyy portret: chelovek truda (sbornik ocherkov)* (1967) [A Social Portrait: A Man of Labor (A Collection of Essays)]. Seriya: Biblioteka

Komsomol'skoy pravdy, No. 10, 302 p. Moscow. Pravda. (In Russian)

16. Marchenko, A. (1972). *Vremya iskat' sebya. Razmyshleniya o molodom geroe sovremennoy prozy* [Time to Look for Yourself. Reflections on a Young Character of Modern Prose]. Novyy mir. No. 10, pp. 221–242. (In Russian)

17. Vlasenko, A. N. (1964). *Geroy i sovremennost'. Razdum'ya o polozhitel'nom geroe v literature nashikh dney* [Literary Character and Modernity. Reflections on

the Positive Literary Character in Modern Literature]. 154 p. Moscow. Sovetskaya Rossiya. (In Russian)

18. Yanov, A. (1972). *Dvizhenie molodogo geroya. Sotsiologicheskie zametki o khudozhestvennoy proze 60-kh godov* [The Movement of a Young Protagonist. Sociological Notes on Fiction in the 1960s]. Novyy mir. No. 7, pp. 232–261. (In Russian)

19. Sobchuk, I. (1971). *A rozu otleyte sami!* [And Cast the Rose Yourself!]. Yunost'. No. 4, pp. 3–16. (In Russian)

The article was submitted on 14.11.2021

Поступила в редакцию 14.11.2021

Гаганова Анна Анатольевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Московский Государственный
педагогический Университет,
119991, Россия, Москва,
Малая Пироговская, 1, стр. 1.
briolett@yandex.ru

Gaganova Anna Anatolievna,
Doctor of Philology,
Professor,
Moscow State Pedagogical University,
Bl. 1, 1 Malaya Pirogovskaya Str.,
Moscow, 119991, Russian Federation.
briolett@yandex.ru

УДК 808.1

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-67-1-145-150

ФУНКЦИИ АВТОРСКИХ ПРЕДИСЛОВИЙ К РОМАНАМ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА

© Надежда Котова

FUNCTIONS OF CHARLES DICKENS'S PREFACES TO HIS NOVELS

Nadezhda Kotova

The article examines the famous Victorian writer Charles Dickens's prefaces to his novels from the point of view of their functional significance and aesthetic originality. Dickens first published the majority of his novels in a serial form in periodicals; thus, upon the subsequent publication of the novels in a book form, he was already well aware of the way they were perceived by the readership, so he knew what additional information in the preface would be useful to the reader. The article identifies interpretational, biographical, socio-critical and commercial functions of Dickens's prefaces. The author, who starts a dialogue with the reader in the preface, inevitably turns to the interpretation of his work. The interpretational function is generally characteristic of the literary preface, but Dickens uses it sporadically. The biographical function appears more often and characterizes the author's ambition to be closer to his readers, to confide in them the personal circumstances under which or in the connection with which the novel came out. The socio-critical function permeates most of the prefaces: the author quite often outlines his own social mission, emphasizes spiritual and moral guidelines, and generates social responsibility in his readers. The commercial function, presented implicitly, seems to be equally important, since the author's main goal was to draw additional attention to the publication. Dickens's constant interaction with his audience was a part of a serious marketing approach, which together with his writing talent, provided a stable income and incredible popularity.

Keywords: Dickens, author, reader, author's preface, functions of the preface

В статье рассматриваются авторские предисловия к романам викторианского писателя Чарльза Диккенса с точки зрения их функционального значения и идейно-художественного своеобразия. Первые публикации романов Диккенса были, как правило, журнальные, и при повторной книжной публикации автор был уже хорошо осведомлен о восприятии романов читательской аудиторией и знал, какая дополнительная информация в предисловии будет полезна читателю. В ходе анализа корпуса предисловий автора выделяются следующие функции: интерпретационная, биографическая, социально-критическая и коммерческая. Автор, вступающий в предисловии в диалог с читателем, неизбежно обращается к трактовке своего произведения. Данная функция характерна для литературного предисловия вообще и для предисловий Диккенса в частности, хотя представлена она у Диккенса спорадически. Чаще возникает биографическая функция, связанная с желанием автора быть ближе к читателю, доверить ему личные обстоятельства, при которых или в связи с которыми был написан роман. Социально-критическая функция пронизывает большинство предисловий: автор достаточно часто считает своим долгом обозначить собственную социальную миссию, подчеркнуть духовно-нравственные ориентиры и призвать своего читателя к социальной ответственности. Коммерческая функция, представленная имплицитно, мыслится, тем не менее, как важнейшая, поскольку основная цель автора состояла в дополнительном привлечении внимания к публикуемому роману и его автору, а постоянное взаимодействие Диккенса со своей аудиторией представляло собой серьезный продуманный маркетинговый подход, в совокупности с писательским талантом обеспечивающий стабильный доход и невероятную популярность.

Ключевые слова: Диккенс, автор, читатель, авторское предисловие, функции предисловия

Факультативный компонент художественного текста – литературное предисловие – имеет пороговый статус и существует между вымышленным миром текста как гипотетической реальности и эмпирическим миром книги как изда-

тельного продукта. «Вступительное слово автора, предпосланное основному тексту произведения» [1, с. 851] появляется тогда, когда автор испытывает необходимость вступить в диалог с читателем, обозначить себя как создателя этого

вымышленного мира, а своего читателя как его гостя и обладателя в виде книги. С функциональной точки зрения литературное предисловие являет собой критический, теоретический, биографический и прочий комментарий, который, как правило, предлагается читателю для лучшего понимания следующего за предисловием текста.

Теоретические вопросы статуса и функционального назначения авторского или литературного предисловия представлены в работах Т. Л. Власенко (2000) [2], А. В. Ламзиной (2001) [1], И. А. Вороновской (2014) [3]. Особое внимание предисловию как одной из «затекстовых» структур уделено в исследовании Ж. Женетта (1997) [4]. О. Г. Лазареску (2008) рассматривает литературное предисловие как полноценный компонент художественного текста, содержащий эстетические установки писателя, «авторскую концепцию мира и художественного творчества» [5, с. 217].

Предметом нашего интереса являются литературные предисловия викторианского писателя Чарльза Диккенса (Charles Dickens, 1812–1870), «писателя-гуманиста, проповедующего в своих произведениях милосердие, веру в добро и справедливость, в возможность духовного возрождения человека и в необходимость совершенствования общества» [6, с. 13] и одновременно с этой мощной социально-этической миссией сознательно продвигающего себя на рынке формирующейся массовой культуры через сериальные издания романов, активную публицистическую, редакторскую и издательскую деятельность, театральные постановки и публичные чтения. Диккенс был уникальным автором, который гармонично сочетал логически несочетаемые вещи: творческий акт (в платоновском, мусическом понимании происхождения искусства), социальную проблематику и коммерческий популизм.

Авторские предисловия написаны Диккенсом к двенадцати романам. Появлялись предисловия, как правило, по окончании журнальной сериальной публикации романов, в первом книжном издании, иногда дописывались или перерабатывались для последующих изданий, и в этих случаях отражали реакцию читателей, что обусловило их диалогическую форму. Неофициальные по тону, меняющиеся по содержанию, предисловия несут на себе отпечатки тех событий, которые вдохновили автора на создание романа, дают представление о его гражданской позиции, представляют образ автора-создателя и автора-интерпретатора собственных текстов. Обращение непосредственно к читающей публике и повествование от первого лица определяет тон – искренний, неформальный, ориентированный на массового чи-

тателя. Диккенс хотел быть интересен всем, в том числе и публике, которой не хватает фоновых знаний и образования. Рассказывать истории доступным языком было для него «этическим и социальным императивом» (перевод наш. – Н. К.) [7, с. 123].

В отечественном литературоведении не существует исследований предисловий Диккенса как единого корпуса текстов. Такое исследование проводит американский литературовед Марио Ортиз-Роблес в статье «Диккенс представляет Диккенса» (2011), где выделяет типы ролей, которые «играет» викторианский писатель в собственных предисловиях: роли Друга, Правдивого рассказчика, Защитника, Профессионального писателя и Знаменитого автора. М. Ортиз-Роблес справедливо полагает, что хотя «значимость предисловий Диккенса не признана, а их историческое влияние до сих пор не получило должного внимания критиков», тем не менее тексты предисловий «играют фундаментальную роль в закреплении романа как доминирующего жанра в литературе второй половины XIX века» (перевод наш. – Н. К.) [8, с. 459].

Наш подход к исследованию предисловий Диккенса состоит в выявлении их содержательных доминант с последующим определением функций предисловий. В ходе исследования были выделены четыре основные содержательные доминанты предисловий Диккенса: авторская интерпретация или авторский комментарий к основному тексту; описание деталей личной жизни, имевших значение для работы над романом либо сопутствующих творческому процессу; высказывание общественной позиции; размышления коммерческого и издательского характера с подчеркиванием роли авторства. Данные содержательные доминанты предполагают наличие интерпретационной функции как базовой для жанра предисловия, биографической функции, характерной для личностной манеры взаимодействия Диккенса со своими читателями и слушателями, социально-критической функции, столь важной для Диккенса-реалиста, и, наконец, коммерческой, которая и обуславливает написание предисловий, хотя эксплицитно представлена лишь в нескольких.

Интерпретационная функция предисловия заключается в авторской интерпретации сюжета и событий, которые лежат в его основе. В случае с Диккенсом интерпретация осуществляется с точки зрения морально-нравственных и социально-значимых ценностей, важных для автора как создателя художественного мира, аналога или прообраза мира реального. Интерпретационная функция значима для любого автора,

поскольку написание предисловия, которое не является обязательным элементом произведения, обусловлено, вероятнее всего, попыткой оказать помощь читателю в понимании текста.

Так, в предисловии ко второму изданию романа «Домби и сын» («*Dombey and Son*», 1867) Диккенс помогает читателю понять особенности характера главного героя романа мистера Домби. Его бросающиеся в глаза «нелюдимость и высокомерие», скрывают, по мнению автора тот факт, что этот человек *«упрямо ведет вечную борьбу с самим собой»*, *«в нем все время живет чувство собственной несправедливости»* (пер. с англ. А. Кривцовой) [9, т. 13, с. 6]. Такая трактовка не дается прямо в тексте романа, интерпретация финала которого в критике, как правило, сводится к объяснению резкого изменения поведения героя в связи с утратой материального благосостояния и обращением к универсальным человеческим ценностям. Из предисловия же читатель узнает, что задумка автора состояла в описании героя страдающего, намеренно носившего маску холодности и равнодушия, в соответствии со статусом и положением, в соответствии с социально ожидаемой моделью поведения, что, оказывается, по признанию автора, было для самого героя мучительным испытанием. Такая установка к трактовке образа мистера Домби помогает читателю иначе взглянуть на его поступки и поведение: не жестокого и эгоистичного отца и мужа, а затянутого в социальные рамки условности, страдающего и не способного осмыслить причину своих страданий человека.

Авторский интерпретационный комментарий имеют и другие предисловия. В предисловии к роману «Посмертные записки Пиквикского клуба» («*The Posthumous Papers of the Pickwick Club*», 1837) в ответ на размышления читателей о том, что в мистере Пиквике по мере развития событий «произошла решительная перемена и что он стал добрее и разумнее», Диккенс замечает, что *«в реальной жизни особенности и странности человека, в котором есть что-то чудачье, обычно производят на нас впечатление поначалу, и, только познакомившись с ним ближе, мы начинаем видеть глубже этих поверхностных черт и узнавать лучшую его сторону»* (пер. с англ. Е. Ланна) [9, т. 2, с. 9], воспитывая вдумчивое отношение читателя к пониманию характеров и ситуаций как в книгах, так и в жизни.

Предисловие к роману «Приключения Оливера Твиста» («*The Adventures of Oliver Twist*», 1838) широко известно авторским отношением к истинной жизни преступного мира без романтизации, авантюрного подхода и героизации образа преступника. Диккенс привлекает внимание чи-

тателя к *«холодным, серым, ночным лондонским улицам, в которых не найти пристанища; грязным и вонючим логовищам – обителям всех пороков; притонам голода и болезни; жалким лохмотьям»* (пер. с англ. А. Кривцовой) [9, т. 4, с. 7], настраивает читателя на критическое отношение к преступности, на сострадание к нищете и социальному неблагополучию. Такой интерпретационный вектор не отвлекает от приключений и мелодрамы – того, чего так жаждет читатель Диккенса, – но вызывает к его моральному чувству и социальной ответственности, что выносит восприятие основного текста на значительно более высокий уровень.

Интерпретационная функция может быть отмечена также в предисловии к роману «Жизнь и приключения Николаса Никльби» («*The Life and Adventures of Nicholas Nickleby*», 1839), в котором автор обозначает основные характеристики главных героев; в небольшом фрагменте предисловия к роману «Лавка древностей» («*The Old Curiosity Shop*», 1841), объясняющем читателю авторские намерения окружить *«одинокую девочку»* с *«чистыми помыслами» «странными, гротескными фигурами»* (пер. с англ. Н. Волжиной) [9, т. 7, с. 6]; в предисловии к роману «Барнеби Радж» («*Barnaby Rudge*», 1841), исторической основой которого послужили антикатолические массовые беспорядки в Лондоне, к описанию которых Диккенс подошел как беспристрастный, здравомыслящий и гуманистические настроенный художник; в предисловии к роману «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита» («*The Life and Adventures of Martin Chuzzlewit*», 1844), в которой обуславливает *«грубость и жестокость Джонаса Чезлвита»* происхождением, воспитанием и средой, давая пояснение *«в интересах читателя, который задумается над этой книгой, потому что в жизни мы часто не даем себе труда исследовать причины преступлений и пороков»* (пер. с англ. Н. Дарузес) [9, т. 10, с. 5–6].

Интерпретационная функция предисловий Диккенса часто неотделима от социальной критики. Попытка осмыслить современное состояние общества посредством художественного дискурса, его социальных двигателей, противоречий, им движущих, и самое главное – отыскать пути их решения, пути совершенствования этого общества – все это присуще Диккенсу-автору. В предисловии к роману «Приключения Оливера Твиста» Диккенс «пытается обусловить необходимость введения в роман как темы рабочих домов, так и темы „подонков общества“, расширяя сферу художественного и показывая жизнь социального дна без прикрас» [10]. В предисловии к роману, наряду с развенчанием романтического

образа преступника и утверждением, что *«изобразить реальных членов преступной шайки, нарисовать их во всем их уродстве, со всей их гнусностью, показать убогую, нищую их жизнь, показать их такими, каковы они на самом деле, — ... это попытаться сделать то, что необходимо и что сослужит службу обществу»* (пер. с англ. А. Кривцовой) [9, т. 4, с. 5], Диккенс упоминает, что *«один чудаков-оливеров во всеуслышание заявил в Лондоне, что острова Джекоба нет и никогда не было»*. Рассуждая объективно автор признает, что преступность никуда не исчезла, остров Джекоба по-прежнему существует, *«хотя значительно изменился к лучшему»* [Там же, с. 8]. Территория обитания преступного мира уменьшается, верит Диккенс, и видит в этом и свою заслугу в том числе.

Привлекая внимание к острым социальным проблемам, Диккенс пишет в предисловии к роману «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита»:

«Во всех моих писаниях я никогда не упускал случая указать на те антисанитарные условия, в которых живет наша беднота. Двадцать четыре года тому назад... лондонские больницы считались во многих отношениях почтенными учреждениями, но сколько же там было недостатков! Одним из примеров, творившихся в них безобразий служит, я думаю, то, ... больницы, при наличии специальных средств и фондов, целиком и полностью предоставляли частной инициативе и благотворительности» (пер. с англ. Н. Дарузес) [9, т. 10, с. 7].

И там же с призывом к социальной ответственности, с оттенком дидактизма и эмоциональным вовлечением в проблему:

«Мы часто не даем себе труда исследовать причины преступлений и пороков, обсуждаемых всеми. То, что является верным по отношению к отдельным семьям, остается верным и по отношению ко всему человеческому обществу. Что посеешь, то и пожнешь. Пусть читатель войдет в детское отделение любой тюрьмы в Англии или, прибавлю с сожалением, многих работных домов и решит сам, вырождаются ли это позорят наши улицы, населяют наши плавающие тюрьмы и исправительные дома и переполняют наши каторжные колонии, или это люди, которых мы сознательно обрекли на нищету и гибель» [Там же, с. 6].

Текст предисловия становится площадкой для вовлечения читателя в подтекст социальных проблем, обозначенных в художественной форме в романе, трибуной для озвучивания гражданской позиции, опосредованно представленной через авторскую трактовку сюжета, открытым призывом к состраданию и гуманному отношению к ближнему.

Зачастую социально-критическая функция предисловий трансформируется в воспитательную: привлечение внимания к социальным проблемам звучит дидактически, с четким призывом к этически-ориентированной жизненной модели. Диккенс призывает читателя к социальной ответственности («Жизнь и приключения Николаса Никльби»), предостерегает от бессмысленности религиозных бунтов («Барнеби Радж»), критикует современное судопроизводство («Холодный дом» / «Bleak House», 1853). Как мастер эмоционального воздействия, Диккенс умеет пробудить в душе читателя неприязнь к социальной несправедливости через описание страдания женщин и детей: трактовка образа Нэнси в предисловии к роману «Приключения Оливера Твиста», пересказ трагической истории о Мэри Джонс в предисловии к роману «Барнеби Радж». Роман «Приключения Оливера Твиста, по мнению Н. П. Михальской, «написан для морального воздействия на читателя» [11], с такой же целью написано и предисловие к нему.

Достаточно часто Диккенс описывает детали своей личной жизни, так или иначе связанные с созданием текста, предисловие к которому он представляет. Именно в этих биографических фрагментах особенно ощущается доверительный тон автора, атмосфера задушевности, искреннего разговора с читателем. Так, в предисловии к «Очеркам Боза» («Sketches by Boz», 1839) он как бы извиняется перед читателем за стилистическое и содержательное несовершенство своего первого крупного текста:

«Все эти очерки были написаны и опубликованы, один за другим, когда я был очень молод. Они были собраны и переизданы, когда я все еще был очень молод, и пошли гулять по свету со всеми своими недостатками (весьма многочисленными). Это — мои первые писательские опыты... Я отлично понимаю, что многое здесь недоделано и недодуманно, носит следы спешки и неопытности» (пер. с англ. Е. Ланна) [9, т. 1, с. 47].

В предисловии к «Посмертным запискам Пиквикского клуба» Диккенс детализирует историю создания этого журнального проекта, рассказывает семейную историю, связанную с его псевдонимом «Боз»; в предисловии к роману «Жизнь и приключения Николаса Никльби» сообщает о своих визитах в йоркширские школы; в предисловии к роману «Крошка Доррит» («Little Dorrit», 1857) описывает территорию тюрьмы Маршалси, которую осмотрел лично, перед тем как закончить роман; в предисловии к роману «Лавка древностей» пишет, что приступил к работе над романом *«с великим удовольствием»* и полагает, что *«с меньшим удовольствием его приняли и читатели»*

(пер. с англ. Н. Волжиной) [9, т. 7, с. 5], ассимилируя себя с читающей публикой на эмоциональном уровне; в предисловии к роману «Барнеби Радж» рассказывает о своих домашних питомцах – воронах, которые в разное время жили у него в доме, описывает их повадки и умения, излагает историю жизни и смерти питомцев; в предисловии к роману «Домби и сын» проводит параллели между эпизодами жизни в Женеве и написанием текста романа, говоря о том, его личная жизнь плотно связана с писательством; в предисловии к «Дэвиду Копперфильду» («David Copperfield», 1850) без намека на автобиографизм отмечает: *«Из всех моих книг я больше всего люблю эту»* (пер. с англ. Е. Ланна) [9, т. 15, с. 6]; из предисловия к «Повести о двух городах» («A Tale of Two Cities», 1859) читатель узнает о домашних спектаклях в доме Диккенса.

Коммерческая функция предисловий Диккенса четко не обозначена, тем не менее чрезвычайно важна. Автор как бы информирует читателя об издательских деталях: в предисловии к «Очеркам Боза» уточняет, что при переиздании не делает изменений; в предисловии к «Посмертным запискам Пиквикского клуба» уточняет стоимость первых выпусков серии, упоминает названия изданий, фамилии издателей и иллюстраторов, объемы и стоимости публикаций; рассказывает о своем новом еженедельнике «Часы дядюшки Хэмфри» в предисловии к роману «Лавка древностей».

Через непосредственное обращение к читателю, декларативно и эксплицитно, Диккенс создает себя как автора, как индивида, создающего художественную реальность и определяющего эту реальность законами художественного дискурса, биографическими деталями, культурными и ценностными ориентирами, социальными проблемами и детерминантами. Марио Ортис отмечает растущий «импульс самоутверждения» Диккенса-автора, отмечая «постепенное осознание статуса великого писателя», от романа к роману, от предисловия к предисловию растет «уверенность и литературная мощь», он как будто бы нуждается «в символической силе предисловия, чтобы объявить себя Автором» (перевод наш. – Н. К.) [8, с. 572–573].

Романы Диккенса обладают невероятной эмоциональной выразительностью и сродни искусству кино, облачают повседневное и прозаичное в необычайное. «Эстетика Диккенса работала на рубеже между фрагментарным и взаимосвязанным, статичным и подвижным, смешивающим мелодраматические тенденции театральное мелодрамы и фильма» (перевод наш. – Н. К.) [7, с. 198], недаром С. Эйзенштейн рас-

сматривал Диккенса в качестве пионера техники монтажа [12]. Тексты предисловий с поэтической точки зрения обладают такой же зрительностью и «крупноплановостью», как и его романы, такой же динамичностью и монтажностью. Последний прием можно продемонстрировать на предисловии к роману «Лавка древностей», где переплетаются два сюжета – история еженедельника «Часы мистера Хамфри» и комментариев к роману в следующей последовательности: авторское описание начала публикации, стоимости и содержания еженедельника, затем Диккенс переключается на начало работы над романом, затем вновь возвращается к издательскому проекту «Часы мистера Хамфри», переключается на воспоминания о романе, вновь возвращается к фигуре мистера Хамфри, пишет о героине романа «маленькой Нелл». В небольшом тексте предисловия осуществляется параллельный монтаж двух сюжетов: история создания и закрытия еженедельника и воспоминания о написании романа. Оба «эпизода» содержательно дополняют друг друга. Такая переключка ценна еще и тем, что она подчеркивает промежуточную позицию предисловия, его дискурсивную амбивалентность: принадлежность к художественному и нехудожественному, обусловленность практикой восприятия текста и метафизикой творчества.

Таковыми же динамичными по структуре и содержанию являются и предисловия к другим романам: короткие документальные зарисовки, моноспектакль на тему «Я и мой роман», но без эгоцентризма, а с серьезным отношением к искусству, с уважением к творчеству и его потребителю. Диккенс не выступает в предисловиях как демиург, как популярный автор, как авторитет. Желание придать художественному слову официальный серьезный статус, одновременно с этим ассимилировать, уподобить себе публику, растворить социальные и прочие отличия в чувстве эстетической общности, почувствовать ее реакцию, угадать ее интерес и параллельно внушить, научить, этически сориентировать – и все без пафоса, без сложных оборотов, без авторской дистанции. Такое со-участие, со-прикосновение, со-переживание вызывают у читателей соответствующую реакцию, эмоциональный отклик, желание прочитать роман и измениться в лучшую сторону.

Список источников

1. Ламзина А. В. Рама произведения // Литературная энциклопедия терминов и понятий под ред. А. Н. Николюкина. М., 2001. С. 848–854.
2. Власенко Т. Л. Литература как форма авторского сознания. М.: Логос, 1995. 197 с.

3. Вороновская И. А. Авторское предисловие: функции и структура // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. Вып. IV: Текст и текстовые единицы. СПб., 2014. С. 9–19.
4. Genette G. *Paratexts: Thresholds of Interpretations*. Cambridge University Press, 1997. 427 p.
5. Лазареску О. Г. Литературное предисловие: вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII–XIX вв.): дис. ... докт. филол. наук. М.: 2008. 421 с.
6. Колос О. Н. Чарльз Диккенс в историко-культурном контексте Англии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2001. 16 с.
7. John J. *Dickens and Mass Culture*. Oxford: University Press, 2013. 322 p.
8. Ortiz-Robles M. Dickens performs Dickens // *ELN*. Vol. 78. No. 2. The Johns Hopkins University Press, 2011. P. 457–478. URL: <https://www.jstor.org/stable/41236552?seq=1> (дата обращения: 02.05.2021).
9. Диккенс Ч. Собрание сочинений в тридцати томах / под общ. ред. А. А. Аникста, В. В. Ивашевой, Е. Л. Ланна. Т. 1, 2, 4, 5, 7, 8, 10, 13, 15, 17, 20, 22. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957–1963.
10. Катарский И. М. Диккенс (Критико-биографический очерк). М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. 272 с.
11. Михальская Н. П. Чарльз Диккенс. М.: Просвещение, 1987. 128 с.
12. Эйзенштейн С. Диккенс, Гриффит и мы // Эйзенштейн С. Избранные произведения: В 6 т. Т. 5. М.: Искусство, 1968. 634 с.

References

1. Lamzina, A. V. (2001). *Rama proizvedeniya* [The Frame of a Work of Art]. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i poniatii* pod red. A. N. Nikolyukina. Pp. 848–854. Moscow. (In Russian)
2. Vlasenko, T. L. (1995). *Literatura kak forma avtorskogo soznaniya* [Literature as a Form of the Author's Consciousness]. 197 p. Moscow, Logos. (In Russian)

3. Voronovskaya, I. A. (2014). *Avtorskoe predislovie: funktsii i struktura* [Author's Preface: Functions and Structure]. *Nemetskaya filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete*. Vyp. IV: Tekst i tekstovye edinitsy. Pp. 9–19. St. Petersburg. (In Russian)
4. Genette, G. (1997). *Paratexts: Thresholds of Interpretations*. 427 p. Cambridge University Press. (In English)
5. Lazaresku, O. G. (2008). *Literaturnoe predislovie: voprosy istorii i poetiki (na materiale russkoi literatury XVIII – XIX vv.): diss. doktora filol. nauk*. [Literary Preface: History and Poetics (based on the Russian Literature of the 18th–19th Centuries: Doctoral Thesis)]. Moscow. 421 p. (In Russian)
6. Kolos, O. N. (2001). *Charles Dickens v istoriko-kul'turnom kontekste Anglii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. [Charles Dickens in the English Historical and Cultural Context: Ph.D. Thesis Abstract]. Saransk. 16 p. (In Russian)
7. John, J. (2013). *Dickens and Mass Culture*. 322 p. Oxford University Press. (In English)
8. Ortiz-Robles, M. (2011). *Dickens Performs Dickens*. *ELN*. Vol. 78, No. 2, pp. 457–478. The Johns Hopkins University Press. URL: <https://www.jstor.org/stable/41236552?seq=1> (accessed: 02.05.2021). (In English)
9. Dickens, Ch. (1957–1963). *Sobranie sochinenii v tridsati tomakh* [Collected Works in Thirty Volumes]. Pod obshch. red. A. A. Aniksta, V. V. Ivashevoi, E. L. Lanna. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. T. 1, 2, 4, 5, 7, 8, 10, 13, 15, 17, 20, 22. (In Russian)
10. Katariskii, I. M. (1960). *Dickens (Kritiko-biograficheskii ocherk)* [Dickens: Critical and Biographical Study]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. 272 p. (In Russian)
11. Mikhail'skaya, N. P. (1987). *Charles Dickens* [Charles Dickens]. 128 p. Moscow, Prosveshchenie. (In Russian)
12. Eizenshtein, S. (1968). *Dickens, Griffith i my* [Dickens, Griffith and Ourselves]. Eizenshtein S. *Izbrannye proizvedeniya: V 6 t. T. 5*. 634 p. Moscow, Iskusstvo. (In Russian)

The article was submitted on 20.02.2022
Поступила в редакцию 20.02.2022

Котова Надежда Владимировна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Удмуртский государственный университет,
426034, Россия, Ижевск,
Университетская, 1.
nad-kotova@yandex.ru

Kotova Nadezhda Vladimirovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Udmurt State University,
1 Universitetskaya Str.,
Izhevsk, 426034, Russian Federation.
nad-kotova@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АВТОРСКИХ СТРАТЕГИЙ ПИСЬМА В АЛЬМАНАХЕ «УРАЛЬСКИЙ СОВРЕМЕННИК»

© Юлия Некрасова

REPRESENTATION PROBLEMS OF AUTHORIAL WRITING STRATEGIES IN THE ALMANAC “THE URAL CONTEMPORARY”

Yulia Nekrasova

The artistic consciousness of the Soviet socialist realism era implied addressing the topics of building a “bright future”. The literary and artistic almanac “The Ural Contemporary” was published within the framework of this consciousness from 1938 to 1957. The publication was issued as a printed edition of the Sverdlovsk branch of the Union of Soviet Writers. Authors, wishing to be published in “The Ural Contemporary”, were supposed to take into account both current ideological and socio-political demands and the goals of the almanac. The writers’ own attitudes often did not coincide with the requirements put forward by the editors and censorship. Based on the experience of “The Ural Contemporary” and archival documents, the article explores the authors’ attempts to preserve originality in the conditions of ideological limitations and narrow thematic focus. According to our assumptions, the editors, along with embedded in the system collections of clichéd texts that did not captivate the reader, published the works that aroused public interest in order to demonstrate the literary possibilities of the region, to represent the diversity of genres, to show a variety of authors and to assemble thematic issues. Writers who disagreed with the requirements, imposed on their texts, did not participate in the creation of “The Ural Contemporary”. Among the successfully published authors were such well-known writers of the Urals as Pavel P. Bazhov, as well as some cultural figures, evacuated during the Great Patriotic War. Their authorial strategies were fully implemented. When it was possible to meet all the specified conditions, the almanac created a literary ground for the demonstration of local writers’ texts, laying the foundation for the further development of Ural literature.

Keywords: authorial strategies, almanac, literary and artistic almanac “The Ural Contemporary”, Sverdlovsk branch of the Union of Soviet Writers, literature of the Urals

Художественное сознание эпохи советского социалистического реализма, в рамках которого с 1938 г. по 1957 г. создавался литературно-художественный альманах «Уральский современник», предполагало обращение к темам построения «светлого будущего». Издание было создано как печатный орган Свердловского отделения Союза советских писателей. Авторам, желающим публиковаться в «Уральском современнике», следовало учитывать как актуальные идеологические и общественно-политические запросы, так и цели альманаха. Собственные установки писателей зачастую не совпадали с выдвигаемыми изданием и цензурой требованиями. На основании опыта деятельности «Уральского современника» и архивных документов рассмотрена попытка писателей сохранять своеобразие в условиях идеологических ограничений и узкой тематической направленности. По нашему предположению, редакторы не только формировали сборники из встроженных в систему клишированных текстов, не увлекающих читателя, но и брали особенные произведения, вызывающие интерес у публики, в целях демонстрации литературных возможностей края, представления пестроты жанров, показа разнообразных авторов и для формирования тематических выпусков. Литераторы, не согласные с предъявляемыми к их текстам требованиями, не участвовали в создании «Уральского современника». Успешно публиковавшимися писателями становились такие известные литераторы Урала, как П. П. Бажов, а также эвакуированные в годы Великой Отечественной войны деятели культуры. Их авторские стратегии реализовывались в полной мере. По возможности соответствуя всем заданным условиям, альманах создал литературную почву для демонстрации текстов местных писателей, а также заложил основу дальнейшего развития уральской литературы.

Ключевые слова: авторские стратегии, альманах, литературно-художественный альманах «Уральский современник», Свердловское отделение Союза советских писателей, литература Урала

Появление Союза советских писателей в Свердловске в 1934 г. ознаменовало начало новой эпохи для литературы региона: Союз писателей в Челябинске появился в январе 1936 г., а в Перми – в феврале 1940 г. [1, с. 23]. На общегосударственном фоне централизации и формального усложнения деятельности писателей Свердловский ССП также контролировал литераторов Урала и доводил до авторов и читателей актуальные идеологические и общественно-политические запросы. Требования, выставляемые в рамках художественного сознания эпохи советского социалистического реализма в литературе, касались обращения к «светлому будущему», выражения уверенности в правильном курсе партии, важности труда каждого человека в деле построения коммунизма. Литераторы должны были изобразить исполнительных и преданных власти героев, с гордостью представляющих свою территорию широкому кругу читателей. В этом смысле Урал, имеющий заводское прошлое и актуальное настоящее, положительно выделялся. Для формирования коллектива авторов и реализации партийных задач через литературу была выбрана форма альманаха. Существовавший с 1938 г. по 1957 г. литературно-художественный альманах «Уральский современник» был создан как печатный орган Свердловского отделения Союза советских писателей. Издание представляло платформу для участия писателей края, включая как сотрудников Союза советских писателей, так и новых авторов, и стало значимой составляющей общего литературного движения в СССР.

За внешне благоприятным фасадом скрывалось сложное положение, в котором находился «Уральский современник». Как и во многих других изданиях, составители и литераторы альманаха должны были выполнять публикационный план, соответствовать цензурным рамкам, ориентироваться на партийные установки¹, чтобы издание выпускали, а также представлять авторов и их творчество. Тем не менее руководство собственными установками было ключевым для любого издания. Название «Уральский современник» означало демонстрацию актуальных текстов об Урале, этому же способствовало территориальное закрепление отделения ССП. В последний период издание существовало как аль-

манах «Урал» (№ 34–37), преобразованный далее в журнал. Названное положение альманаха как целенаправленно издаваемого печатного органа касалось также писателей. Проблема выражалась в том, что побуждающие литераторов к творчеству и представлению своих произведений собственные авторские установки не всегда совпадали с целями издания. В узких рамках возможных публикаций стратегии писателей отодвигались на второй план, осуждалось даже обращение к такому неотъемлемому ресурсу людей творческих профессий, как вдохновение². Рассмотрим примеры сохранения писательского своеобразия в условиях идеологических ограничений и узкой тематической направленности «Уральского современника».

Отсутствие указаний на профессиональную, возрастную, гендерную и другую читательскую ориентированность, а также разнообразие представленных жанров говорят о широком направлении «Уральского современника». Важным для редакторов было формирование и воспитание нового читателя, художественно-литературное отражение советской жизни на страницах номеров. Как отмечал заведующий отделением пропаганды и агитации обкома ВКП(б) С. Беляев на собрании Свердловского отделения ССП 31 октября 1949 г., «план писателя и план альманаха должны совпадать» [3, л. 97]. В том случае, когда тексты категорически не подходили из-за формата издания или по иным причинам, их исключали³. Заметим, что редакторы альманаха в лице К. В. Рождественской, П. П. Бажова, В. А. Старикова, проработавших большую часть времени над формированием выпусков, были талантливыми управленцами, готовыми вкладываться в издание. Они понимали, что включение только однообразных текстов в духе соцреализма не заинтересует публику. О некоторых опубликованных работах редакторы честно отзывались, что произведения «носят скорее некий служебный характер» [5, л. 105]. Так, например, высказался В. А. Стариков о тексте В. Лихачева «Революционные события на Урале в 1905–1907 гг.», опубликованном к 50-летию русской революции в № 31 от 1956 г. С некоторыми произведениями «расправлялись» особо строго, как говорил об избирательности К. В. Рождественской А. Ф. Савчук [4]. По альманахам и сохранив-

¹ См., например, высказывание тов. Круглова, зафиксированное в протоколе № 24 парторганизации Свердловского отделения ССП от 25 марта 1941 г.: «Мы должны добиваться того, чтобы в творчестве наших писателей основные хозяйственно-политические задачи страны находили должное отражение. А у нас пока об этом пишут мало» [2, л. 95].

² Высказывание П. П. Бажова, зафиксированное в протоколе № 24 парторганизации Свердловского отделения ССП от 25 марта 1941 г.: «Писатель, ждущий вдохновения мало что сделает. А такие настроения у нас есть» [Там же, л. 95] (орфография и пунктуация цитируемых документов сохранена).

³ См., например: [4].

шимся архивным данным можно заметить, что в редколлегии внимательно относились к материалам, поступающим для публикации в альманахе, насколько это было возможно в условиях краткосрочного формирования номеров.

Несмотря на то что в качестве преимущества «Уральского современника» выделяли факт популярности издания у литактива («участвуют все писатели» [6, л. 182]), в ряде случаев автор целенаправленно и осознанно отказывался от публикации ради следования собственным писательским стратегиям. Не все писатели готовы были угождать требованиям, поэтому, например, С. Самсонов и И. Ликстанов не публиковали своих текстов в альманахе. Как отметил в заключительном слове на отчетно-выборном партийном собрании парторганизации Свердловского отделения Союза писателей от 20 октября 1955 г. Ю. Хазанович, «Ликстанов тянули в альманах, но он ничего не давал» [5, л. 36]. Вероятно, писательские стратегии названных авторов не соответствовали общей системе издания. Частично литераторы объясняли на партийных собраниях свои претензии к Союзу писателей и альманаху. Так, на партсобрании Свердловского отделения ССП 31 октября 1949 г. «т. Ликстанов объяснил, почему он не напечатал в альманахе ни одного своего произведения, тем, что обращавшийся к нему несколько раз секретарь альманаха т. Рябинин постоянно выдвигал очень сжатые сроки, кроме того у него, у Ликстанова, складывалось впечатление, что им „хотят заткнуть дыру“. Все это его не удовлетворяло» [3, л. 96], «т. Самсонов приводит пример того, как плохо работала редакция альманаха с авторами: его очерки о комсомольцах танкового корпуса не приняли в альманах, но их напечатали в сборнике „Орлиное племя“; предлагал рассказ, его поддержали два месяца, и перед самой сдачей номера в печать сказали, что рассказ не подходит» [Там же, л. 95].

24 декабря 1944 г. И. И. Ликстанов высказался о малом количестве времени для работы, а также об условиях труда: «Нужно дать писателю время и средства» [2, л. 136], «Обращают на себя внимание темпы нашей работы. Все пишут, книг же появляется мало. Дело в том, что условий для творческой работы нет», «Рождественская, глав. редактор, ее не отпускают с работы», «Хазанович задумал интересную повесть, но волею судьбы должен зарабатывать на очерках» и т. п. [Там же, л. 135]. Интерес к «живому писателю и его работе» подменялся «валовым» подходом к литераторам [7].

В протоколах собраний отмечены и другие проблемы: непубликации или задерживание

рукописей, «в результате материалы альманаха устаревают, особенно очерки» [6, л. 238]. Некоторые писатели старались отстаивать выбор темы и решения редколлегии по определенным произведениям, однако не всегда с положительным итогом. Об этом сказано в докладе редактора альманаха В. А. Старикова в 1957 г.: «Однако не всегда у нас бывают гладкие отношения с поэтами. Некоторым кажется, что редколлегия уж слишком давит на них, лишает их свободы голоса, препятствует появлению острых, по их мнению, стихотворений» [5, л. 105]. Протестующих либо пропускали к печати в особом порядке, либо редакторы отказывали им в публикации текстов.

Структурно «Уральский современник» группирует публикуемые тексты по жанровому признаку, при котором допустима координация прозы и лирики в литературно-художественной, основной рубрике, а также разграничение очеркистики, истории и культуры, фольклора, критических материалов. Деление на рубрики изменялось в зависимости от редакторов. Неизменными оставались литературно-художественный отдел (как правило, без названия), «Литература и искусство», а также «Критика и библиография». Несмотря на выработанную четкую структуру издания и закрепленную систему печати, в альманахе допустимы были изменения. Редакторы прислушивались к поступающим предложениям от литактива или партии, актуальным запросам современности. Например, П. П. Бажов отмечал на открытом партсобрании при Союзе писателей 15 сентября 1941 г., что в № 5 «давались сначала и драматургические вещи, но они не печатались из соображений издательского порядка» [2, л. 114]. Уже следующий выпуск № 6 от 1942 г. включит комедию Е. Пермяка «Иван да Марья». Получается, редакторы альманаха готовы были работать с «особыми» текстами, выбивающимися из потока публикуемых материалов. В том случае, когда появлялся текст, достойный представлению в альманахе, но не попадающий под рамки сформированных рубрик, для автора и материала готовили собственный отдел.

Так, например, замечен интерес писателей-краеведов к Уралу, отображенный на страницах первых выпусков альманаха «Уральский современник». К. В. Рождественская для собранного регионального фольклора добавила отдел «Фольклор Урала», в котором публиковался разнообразный материал: сказки, песни, уральские советские частушки, наговоры дружки. В разделе № 3 от 1940 г. представлены прикамские загадки, записанные Г. Аргентовым (псевдоним писателя и краеведа В. Н. Серебrenикова). Краеведу было

важно, что в загадках «отразился старый уклад крестьянской жизни, ныне совершенно преобразованный колхозным строем» [8 с. 170]. Издание оправдало появление необычного жанра тем, что они издавались впервые. Это подходило под критерий публикаций в альманахе. Отметим, что раздел фольклора отменял вслед за № 4 от 1941 г. Предполагаем, что по причине отсутствия материалов, а также вследствие смены руководителя альманаха, готового заниматься разработкой рубрики и встраивания «неудобных» текстов в сетку публикаций.

Несмотря на то что данное альманаху название «Уральский современник» призывало редакторов и литактив ориентироваться на актуальную советскую действительность края, в переходные периоды существования альманаха от редактора к редактору или при смене редакционной политики вследствие слабой заинтересованности читателя изданием возникали вопросы о публикации неуральских текстов. Это могли быть авторы из других регионов, либо тексты уральцев, написанные на неуральские темы. В 1950-е активно работал с авторами из других регионов В. А. Стариков, не только заполняя «портфель» редактора новыми текстами, но преследуя цель расширения читательской публики «Уральского современника», продвижения собственно уральской литературы. Потребность включения авторов из других областей поднималась на собраниях⁴. Так, в альманахе № 25 от 1953 г. добавлен отдел «Писатели Восточной Сибири», № 26 включил «Писателей Советской Украины». Как говорится в предисловии к первому разделу, издание популяризировало новых авторов через областную организацию: «„Уральский современник“ вводит постоянный отдел, через который будет знакомить уральских читателей с творчеством писателей краев и областей РСФСР. В этом номере мы предоставляем место писателям Восточной Сибири» [9, с. 137]. Традиция подобного включения отделов продержалась недолго и закончилась на указанных двух номерах.

При работе В. А. Старикова как редактора «портфель» материалов для альманаха пополнялся также произведениями столичных авторов, поскольку редактор находился в Москве. Там формировалась основа альманаха, которую затем отправляли в Свердловск⁵. Такой подход позволял разнообразить издание, «разбавить» уральскую прозу некраевыми темами и проблемами, а также расширить авторский коллектив. Редактором преследовалась идея «закрепления широких

связей с большим кругом литераторов» ради будущего переформирования альманаха в журнал, так как Стариков понимал, что «только силами писателей Свердловска нам журнала не вытянуть, также как мы не сможем выпускать и три книжки альманаха, если будем рассчитывать только на свердловских писателей» [5, л. 106]. Кроме того, в некоторой степени это было формой борьбы с некачественной литературой края. Так, в письмах к Н. А. Поповой редактор говорил о том, что «географически Урал предстает широко», однако добавлял: «основная вещь московская, но лучше московская, чем своя плохая» [10, л. 1. КП–8183/35].

Заметим, что часть литактива не соглашалась с подобной системой работы, когда площади альманаха доставались «чужим» авторам. Так, в № 32 от 1956 г. появилась повесть московского автора Л. Елисеева «По праву совести», занимающая большую часть всего номера. В. Стариков в докладе по альманаху за 1956 г. цитировал слова В. Кускова, который критиковал включение текста столичного литератора⁶. Редактор настаивал на снятии преград для творчества в изданиях: «Что за требование создать областные литературные огороды, да еще привлекать в качестве сторожа на них „Уральский рабочий“?» [5, л. 106]. По мнению Старикова, выраженном на собрании при Союзе писателей 11 августа 1950 г., «наиболее значительные произведения должны печататься в альманахе, он должен стать местом первой встречи писателя с читателем» [3, л. 139]. Сложно судить о стратегиях писателей иных регионов, однако можно предположить, что основным был сам факт публикации. Следовательно, цели писателей были достигнуты, когда текст интересовывал редколлегию.

На собрании партийной организации Свердловского отделения Союза писателей СССР 17 января 1955 г. в сообщении о работе и планах редколлегии альманаха «Уральский современник» В. А. Стариков описал обсуждение произведений альманаха правлением в Москве. Так, например, повесть Н. Толмачевой «Старшая сестра» «упрекали в безвкусице, в неумении строить характеры, в статичности их, указывалось, что над повестью предстоит большая работа» [5, л. 2]. Тем не менее номер с текстом был раскуплен, что подтверждается протоколом собрания от 19 февраля 1957 г.: «С некоторыми вещами альманах хорошо расходится, например, с повестью

⁴ См., например: [3, л. 95].

⁵ См., например: [10, л. 1. КП–8183/32].

⁶ «Вызывает недоумение, почему это произведение начинающего московского автора попало на страницы „Уральского современника“, заняв две трети книги» [5, л. 106].

ми Толмачевой – „Старшая сестра“ и Гроссмана „Капитан идет по следу“» [Там же, л. 96]. Также он упоминает о записках «В Уссурийской тайге» А. Литвинова, кинооператора киностудии Свердловска, которого «читатели хорошо встретили» в № 29 от 1955 г. с текстом о путешествии по следам ученого Арсеньева к удэгейцам [Там же, л. 107]. Вслед за этим № 35 от 1957 г. с легкой руки уже бывшего редактора альманах публикует текст о киноэкспедиции на Камчатку «В стране огнедышащих гор»: «Эти записки печатаются, как увлекательная повесть» [Там же]. Исходя из отчета 1955 г. о работе Свердловского отделения Союза писателей, записки «В Уссурийской тайге» вместе с другим набором тестов также признаны «наиболее интересными произведениями» [11, л. 97]. Разнообразить альманах подобными материалами получалось.

По приведенным нескольким примерам встраивания «особых» текстов и писателей в строгую рубрикацию альманаха складывается впечатление, что редакторы с вниманием относились к «нешаблонной» литературе. Талантливые работы или такие, которые могут понравиться читателю, печатали, в том числе ради положительного отклика, который позволял распространить тираж⁷. Выбывающие из отделов или тем произведения сопровождали комментарием от редактора, как новые рубрики при работе Старикова. Вероятно, в случае публикации произведений авторы осуществляли собственные стратегии. Хотя узкая тематическая направленность конкретных текстов, с которыми альманах хотел работать, скрывалась под особой рубрикой, она не получала развития в дальнейшем, а из-за попытки редакторов преобразить «Уральский современник» включением разнообразных текстов на собраниях отмечалось, что альманах «составляется из случайных материалов и не имеет строгой направленности» [3, л. 56].

При невозможности достаточного набора значимых текстов публиковали все, что могли, выбирая из имеющегося лучшее. Эту мысль подтверждает высказывание Ю. Хазановича на собрании 1957 г. по поводу «московской вещи» в альманахе: «Если бы у нас осталась за бортом более значительная вещь об Урале, чем повесть Елисеева, – другое дело, вина редколлегии тогда была бы очевидна» [5, л. 96]. Отмечалось, что в альманахе не существовало четкой позиции или «принципиального отношения к тому что мы

принимаем или не принимаем»: «У нас, к сожалению, бывают такие вещи, когда мы принимаем однажды одну вещь, автор уходит с сознанием, что все уже закончено, приступает к новому произведению, а тут ему вдруг возвращают через три месяца и говорят, товарищ, зайдите, тут что-то у вас не клеится» [13, л. 61]. Редакторы при подборе материала к печати в альманахе часто действовали по собственному усмотрению, что добавляло неопределенности авторам. Как правило, номера составлялись из расчета разнообразного представления авторов и жанров, редакторы формировали закрепленную структуру, отвлекающую читателя от изъянов художественной стороны. Заметим, что альманах разрабатывал и другие пути привлечения внимания к изданию. В том числе редакторы предлагали литактиву работать над тематическими выпусками. Подобные сборники на одну тему позволяли писателям выделиться на фоне иных произведений по заданной проблематике. Несмотря на то что планы по созданию «особых» выпусков были большие, не все получились строго тематическими. Так, наиболее выдержанные в одной теме – это военный выпуск № 5 от 1941 г., а также № 14 от 1949 г., опубликованный к юбилею Екатеринбург-Свердловска⁸.

Несложно догадаться, что начинающим литераторам без имени непросто было попасть в альманах. На собраниях говорили о публиковавшихся из номера в номер авторах: «альманах захватила группа писателей» [12, л. 103]. Редакторы предпочитали работать с известными литераторами, если была такая возможность. Небывалое писательское разнообразие заметно в годы войны. Идею расширить литактив Свердловского отделения ССП вовлечением эвакуированной элиты обсуждали на собрании писателей 15 сентября 1941 г. [2, л. 117]. Выпуск № 6 от 1942 г. включил тексты Ф. Гладкова, М. Марича, Н. Ляшко, Е. Пермяка, детских авторов А. Барто, переводимой с украинского О. Иваненко, О. Высотской, Е. Благиной и других. Рубрика «Литература и искусство» содержит статьи М. Шагинян, литературоведа В. Путинцева и материал музыковеда Б. Штейнпресса. Поскольку времени на подготовку альманаха в годы войны было мало, региональная тематика и посвящение Уралу не были использованы в этом выпуске, тексты не связывались с Уралом и напрямую с Великой Отечественной войной, они отсылали к актуальной современности⁹. Обращение к разным темам объяс-

⁷ С распространением часто возникали проблемы из-за книготоргов и по иным причинам внешнего характера, которые описаны на собраниях писателей. См., например: [6, л. 238], [12, л. 105].

⁸ Об этом более подробно см.: [14].

⁹ «И сейчас, когда советский народ ведет победоносную Отечественную войну против немецко-

няется также личными интересами литераторов и исследователей. Таким образом, писательские стратегии отчасти реализовывались для эвакуированных авторов, когда важно было не столько представить тексты на выбранную редакторами тематику, сколько показать участие известных писателей в провинциальном альманахе. Однако в следующем выпуске № 7 от 1943 г. сделана попытка связать материалы и все предлагаемые рубрики с Горнозаводским краем, жителями и историей для демонстрации того, как говорится в статье М. Шагинян «Искусство Урала», что «Урал богат и многообразен» [16, с. 153].

Альманах привлекал также известных уральцев. П. П. Бажов начал публиковаться в издании с первого выпуска и проработал до конца жизни. В годы собственного редакторства¹⁰ Бажов как автор делал попытку заполнить пространство издания, используя достаточно простой и не затратный во временном смысле способ – собственные силы. С этим связаны представляемые на страницах альманаха тексты, выходящие вслед за многочисленной вереницей ранее опубликованных произведений с тем же названием. Бажову удавалось репрезентировать собственные авторские стратегии в «Уральском современнике», помогав изданию и себе как редактору. Альманах получал ценные произведения, являвшиеся образцом для иных текстов, на привлечение читателей работали также сказы Бажова. Литератор же предлагал качественную литературу, как правило, на историческую уральскую тематику и транслировал собственные идеи большой аудитории читателей, в том числе и в других периодических изданиях, где также публиковал тексты¹¹. Альманах продолжал знакомить читателей с текстами Бажова даже после смерти автора. Так, на страницах «Уральского современника» впервые были представлены «Медная доля» и «Отслоение дней» в № 19 от 1951 г., «Загороженный лес» в № 26 от 1954 г.

Успех П. П. Бажова сказывался и на иных текстах альманаха. Поскольку собственными писательскими стратегиями руководствовались далеко не все литераторы альманаха, а тематические рамки и необходимость наличия соцреалистического канона в тексте формировали типичные произведения, в случае особого триумфа отдельных авторов литактив стремился позаимст-

вовать идею для собственного творчества. Так, создавались произведения, подражающие стилю Бажова, которые публиковались в альманахе. В рамках стилизации под Бажова выступили такие литераторы, как В. Симонов с рассказом «Демидовский подарок», опубликованным в № 19 от 1951 г., также схожее начало текста с бажовскими наблюдаем в рассказе М. Гроссмана «Таежная птица Варюшка», помещенном в альманахе № 35 от 1957 г. Сказки публиковал в издании и Е. Пермьяк: «Самоходные лапотки» в № 29 от 1955 г., «Золотой гвоздь» в № 30 от 1955 г.

Заметим также, что перепечатывался не только Бажов, но и некоторые другие литераторы. Альманах № 1 открывается отрывком «Силантий» из продолжения романа И. С. Панова «Урман», текстом, который был издан в полной версии в 1937 г., а в 1940 г. опубликован с добавлением второй части. В книге Б. С. Рябинина процитированы высказывания К. В. Рождественской, связанные с романом: «директор Гослитиздата заявил на пленуме писателей», что «роман Панова будет иметь значение не только у нас в стране, но и за рубежом», «это с моей легкой руки – я, конечно, шучу» [19, с. 50]. Расположение текста в сильной позиции начала альманаха и издание знакомого публике произведения говорят о значимости отрывка для редакторов и политики альманаха. Литактив рассчитывал таким образом заявить о поддержании соцреалистических требований, поскольку «именно роман является наиболее общепринятой формой соцреализма» [20, с. 12], а также попытаться с первого номера закрепить позиции издания в литературной среде Урала. Для литератора реализовывалась стратегия в распространении текста, и альманах функционировал в этом случае как реклама романа.

На открытом партийном собрании в Свердловском отделении Союза писателей по обсуждению проекта директив XX съезда КПСС 30 января 1956 г. В. А. Стариков озвучил внутреннюю политику работы с авторским коллективом: «Директивы подсказывают массу интереснейших тем. Конечно, нельзя навязывать писателю определенные темы – нужно выявлять интересы писателей, заинтересовывать их теми или другими вопросами» [5, л. 57]. Несмотря на это, по сохранившимся архивным данным становится ясно, что альманах чаще не удовлетворял литактив и издателей. В отчетном докладе секретаря парторганизации Ю. Хазановича 1955 г. упоминалась рецензия Е. Шпаковской, в которой звучал «упрек альманаху, что выход его до сих пор не стал событием в культурной жизни Урала» [Там же, л. 52]. Хазанович, защищая региональное издание, сравнивал столичные альманахи и «Уральский современ-

фашистских захватчиков, острое герценовского презрения и ненависти с той же неумолимостью и беспощадностью разит гитлеровских оккупантов, с какой обличало оно их предков» [15, с. 118]. «И проклятие Гете над Гитлером!» [Там же, с. 139]

¹⁰ О работе П. П. Бажова в альманахе см.: [17].

¹¹ О публикациях П. П. Бажова см.: [18].

ник»: «Но вот кончается год, а кто из вас, товарищи, назовет хотя бы один номер „Нового мира“, „Октября“, „Знамени“, „Звезды“, „Невы“ или „Юности“, выход которого стал бы событием в культурной жизни страны?» [Там же]. Хотя он не был популярным изданием той эпохи, его цель выражалась в представлении Свердловской писательской организации, а также показе края.

Трудности при выпуске альманаха, подчинение требованиям Союза писателей и выполнение планов Свердловского краевого отделения и собственно альманаха ставили литераторов в сложное положение. В сравнении с другими областными альманахами «Уральский современник» имел свои преимущества, о которых В. А. Стариков говорил в отчете на собрании 1957 г.

Редакторы заявляли, что «Уральский современник» выступал в роли помощника начинающему автору, поскольку «через него именно вырабатываются литературные кадры» [6, л. 261]. Как и все альманахи, которые «работают в очень тяжелых условиях», издание публиковалось с относительной периодичностью: «Какой же писатель даст свое произведение, скажем, в Горьковский альманах, последний номер которого вышел после двухлетнего перерыва. Такое же положение в Челябинске, где в прошлом году не вышло ни одного номера альманаха. При таком положении дела альманаха составляются из случайных материалов, часто второстепенных. У нас несколько иное положение» [5, л. 102]. Подобная позиция привлекала местных писателей, желающих представить свои художественные тексты читателю. Авторы выбирали, участвовать или нет в альманахе, некоторые отстаивали сохранение собственного варианта произведения. Несмотря на то что «путевка в жизнь» была дана и поэтам, и прозаикам, участие в альманахе не принесло им всесоюзной славы. Н. Л. Лейдерман так высказался об уральских авторах (Старикове, Гроссмане, Хазановиче, Бурлаке, Резнике, Макшанихине): «Никто из них не сумел выйти на всесоюзный уровень, их произведения не выдержали испытания временем»¹². Однако в альманахе сформировалась своя классика, идеалам которой старались подражать. Фактически известным писателям было проще, поскольку альманах брал для публикации любые их тексты, как в случае с П. П. Бажовым или эвакуированными литераторами. Издание с первого выпуска публиковало Бажова и даже после смерти автора продолжало его традиции и поддерживало память о нем.

«Уральский современник» стремился занять позицию читаемого и видимого на общероссийском пространстве альманаха. Стоящая перед редакторами непростая ситуация взращивания писателей и необходимости показа литературы, с одной стороны, благотворно влияла на развитие издания, с другой, ограничивала коллектив выполнением планов и работой в рамках социалистического реализма. Произведения альманаха рассказывали об актуальных проблемах Урала художественным языком, представляли периферию как особое пространство труда и культуры. Тем не менее больший интерес у читателя вызывали тексты, позволявшие отдохнуть, такие как социально-психологическая проза, жанр путевых заметок и детективные истории. Региональный альманах, по мнению его руководителей, «держался на плаву», на собраниях говорили, что в столице альманах «оценивают хорошо» [12, л. 107].

«Уральский современник» демонстрировал авторов и произведения края, положил начало прочной линии очеркистики, краеведения – все это создавало предпосылки для дальнейшего развития литературы Урала. Таким образом, редакторы вкладывали в «Уральский современник» много труда и получали результат, а желающие отличиться писатели способны были показать свое мастерство на страницах издания.

Список источников

1. Журавлева Н. С. Конфликты среди свердловских писателей в 1930-е годы // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. Т. 15. № 2. С. 22–26.
2. ГКУСО «ЦДООСО» (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 304. Оп. 1. Д. 1. Л. 95–97, 114–118, 134–138.
3. ГКУСО «ЦДООСО». Ф. 304. Оп. 1. Д. 2. Л. 55–57, 95–99, 139–144.
4. МБУК «ОМПУ» (Объединенный музей писателей Урала). Ф. 32. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–4. КП–5611.
5. ГКУСО «ЦДООСО». Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–4, 27–41, 42–54, 55–58, 94–99, 100–109.
6. ГКУСО «ЦДООСО». Ф. 304. Оп. 1. Д. 4. Л. 180–188, 238–240, 259–271.
7. Караваева А., Катаев В., Корнейчук А., Толстой А., Фадеев А. О недостатках в работе Союза писателей // Правда. 1938 г. 26 янв. № 25 (7350). С. 4.
8. Уральский современник: лит.-худож. альманах. 3 / отв. ред. К. Рождественская. Свердловск: Свердловгиз, 1940. 227 с.
9. Уральский современник: альманах Свердлов. отд-ния Союза советских писателей СССР. 2 (25) / отв. ред. В. А. Стариков. Свердловск: Свердлов. кн. изд-во, 1953. 256 с.
10. МБУК «ОМПУ». Ф. 31. Оп. 1. Д. 6/п. Л. 1–2. КП–8183/32, КП–8183/35.

¹² Цит. по: [21, с. 140].

11. ГКУСО «ГАСО» (Государственный архив Свердловской области). Ф. р. 1615. Оп. 1. Д. 54. Л. 97–102.
12. ГКУСО «ГАСО». Ф. р. 1615. Оп. 1. Д. 50. Л. 96–112.
13. ГКУСО «ЦДООСО». Ф. 304. Оп. 1. Д. 3. Л. 40–89.
14. Литовская М. А., Некрасова Ю. С. «Не узнал бы прадед город свой»: образ Екатеринбурга / Свердловска в литературе Урала второй половины 1940-х гг. // Уральский исторический вестник. 2021. № 1 (70). С. 97–104.
15. Уральский современник: альманах Свердл. отд-ния Союза советских писателей. 6 / отв. ред. П. П. Бажов. Свердловск: Свердловгиз, 1942. 181 с.
16. Уральский современник: альманах Свердл. отд-ния Союза советских писателей. 7 / отв. ред. П. П. Бажов. Свердловск: Свердловгиз, 1943. 199 с.
17. Некрасова Ю. С. Фигура П. П. Бажова как редактора альманаха «Уральский современник» в последние годы жизни автора // Вестник СВФУ. 2021. № 4 (84). С. 67–77.
18. Павел Петрович Бажов: библиогр. указ. (1913–2010) / сост. В. В. Горева, Н. В. Кузнецова; науч. ред. В. В. Блажес; Свердл. обл. универс. науч. б-ка им. В. Г. Белинского, Объед. музей писателей Урала. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 606 с.
19. Рябинин Б. С. К. Рождественская – писатель и редактор: Биографический очерк. Пермь, Кн. изд-во, 1988. 166 с.
20. Кларк К. Советский роман: история как ритуал: Пер. с англ. / К. Кларк; Под ред. М. А. Литовской. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 261 с.
21. Лукьянин В. П. «Урал»: журнал и судьбы. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018. 600 с.

References

1. Zhuravleva, N. S. (2015). *Konflikty sredi sverdlovskikh pisatelei v 1930-e gody* [Conflicts among Sverdlovsk Writers in the 1930s]. *Vestnik IuUrGU*, No 2, t. 15, pp. 22–26. (In Russian)
2. *Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoy oblasti* [Documentation Center of Public Organizations of the Sverdlovsk Region]. F. 304. Op. 1. D. 1. L. 95–97, 114–118, 134–138. (In Russian)
3. *Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti* [Documentation Center of Public Organizations of the Sverdlovsk Region]. F. 304. Op. 1. D. 2. L. 55–57, 95–99, 139–144. (In Russian)
4. *Ob'yedinennyi muzei pisateley Urala* [United Museum of Writers of the Urals]. F. 32. Op. 1. D. 25. L. 1–4. KP–5611. (In Russian)
5. *Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti* [Documentation Center of Public Organizations of the Sverdlovsk Region]. F. 304. Op. 1. D. 5. L. 1–4, 27–41, 42–54, 55–58, 94–99, 100–109. (In Russian)
6. *Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti* [Documentation Center of Public Organizations of the Sverdlovsk Region]. F. 304. Op. 1. D. 4. L. 180–188, 238–240, 259–271. (In Russian)
7. Karavaeva, A., Kataev, V., Korneichuk, A., Tolstoi, A., Fadeev, A. (1938). *O nedostatkakh v rabote Soiuz pisatelei* [About the Shortcomings in the Work of the Writers' Union]. *Pravda*, No. 25 (7350), p. 4. (In Russian)
8. *Ural'skii sovremennik* 3 (1940) [The Ural Contemporary 3]. 227 p. Sverdlovsk, Sverdligiz. (In Russian)
9. *Ural'skii sovremennik* 2 (25) (1953) [The Ural Contemporary 2 (25)]. 256 p. Sverdlovsk, Sverdlovskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)
10. *Ob'yedinennyi muzei pisateley Urala* [United Museum of Writers of the Urals]. F. 31. Op. 1. D. b/p. L. 1–2. KP–8183/32, KP–8183/35. (In Russian)
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoy oblasti* [The State Archive of the Sverdlovsk Region]. F. r. 1615. Op. 1. D. 54. L. 97–102. (In Russian)
12. *Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoy oblasti* [The State Archive of the Sverdlovsk Region]. F. r. 1615. Op. 1. D. 50. L. 96–112. (In Russian)
13. *Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti* [Documentation Center of Public Organizations of the Sverdlovsk Region]. F. 304. Op. 1. D. 3. L. 40–89. (In Russian)
14. Litovskaia, M. A., Nekrasova, Iu. S. (2021). “*Ne uznal by praded gorod svoi*”: *obraz Ekaterinburga / Sverdlovsk v literature Urala vtoroi poloviny 1940-kh gg.* [“My Great-Grandfather Would Not Have Recognized His City”: The Image of Ekaterinburg / Sverdlovsk in the Literature of the Urals in the Second Half of the 1940s]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, No. 1 (70), pp. 97–104. (In Russian)
15. *Ural'skii sovremennik* 6 [The Ural Contemporary 6]. (1942). 181 p. Sverdlovsk, Sverdligiz. (In Russian)
16. *Ural'skii sovremennik* 7 [The Ural Contemporary 7]. (1943). 199 p. Sverdlovsk, Sverdligiz. (In Russian)
17. Nekrasova, Iu. S. (2021). *Figura P. P. Bazhova kak redaktora al'manakha “Ural'skii sovremennik” v poslednie gody zhizni avtora* [The Figure of P. P. Bazhov as the Editor of the Almanac “The Ural Contemporary” in the Last Years of the Author's Life]. *Vestnik SVFU*, No. 4 (84), pp. 67–77. (In Russian)
18. *Pavel Petrovich Bazhov: bibliogr. ukaz. (1913–2010)* [Pavel Petrovich Bazhov: Bibliographic Index (1913–2010)]. (2011). 606 p. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (In Russian)
19. Riabinin, B. S. (1988). *K. Rozhdestvenskaia – pisatel' i redaktor: Biograficheskii ocherk* [K. Rozhdestvenskaya: A Writer and an Editor: A Biographical Sketch]. 166 p. Perm, Knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)
20. Klark, K. (2002). *Sovetskii roman: istoriia kak ritual* [The Soviet Novel: History as a Ritual]. 261 p. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural. un-ta. (In Russian)
21. Luk'ianin, V. P. (2018). “*Ural*”: *zhurnal i sud'by* [“The Ural”: A Magazine and Destinies]. 600 p. Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi. (In Russian)

The article was submitted on 20.02.2022

Поступила в редакцию 20.02.2022

Некрасова Юлия Сергеевна,
старший преподаватель,
Уральский федеральный университет,
620142, Россия, Екатеринбург,
Чапаева, 20.
yulia92229444@mail.ru

Nekrasova Yulia Sergeevna,
Assistant Professor,
Ural Federal University,
20 Chapaev Str.,
Ekaterinburg, 620142, Russian Federation.
yulia92229444@mail.ru

УДК 821.0 (821.512.151)

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-67-1-160-169

**ЦВЕТОВАЯ СИМВОЛИКА В АЛТАЙСКОЙ ПРОЗЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Д. КАИНЧИНА И А. АДАРОВА)**

© Ульяна Текенова

**COLOUR SYMBOLS IN THE ALTAI PROSE
IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY
(BASED ON THE NOVELS BY D. KAINCHIN AND A. ADAROV)**

Ulyana Tekenova

The article studies the colour symbolism of the Altaians, based on the literary texts of the Altai prose writers Dibash Kainchin and Arzhan Adarov. The hypothesis for the study of colour symbolism as a cultural code of the Altai ethnos is that white, blue and azure colours prevail in the studied novels (the images and expressions using the epithets “ak” (“white”) and “kök” (“blue”), “chanıkyr” (“azure”), “kök-ıchanıkyr” (“blue-azure”). They are images-symbols, signs-codes in the traditional culture of the Altaians and have a sacral meaning, expressing the quintessence of not only the Altai, but also of the entire Turkic worldview. The philosophical interpretation of *white* in Kainchin’s novel-dilogy makes it possible to understand that the Altaians raised this colour to the level of a symbol, while, among the Altai and all Turkic peoples, the blue colour “kok” (“ıchanıkyr” – “azure”) blue-azure or sky-blue (“kok - ıchanıkyr”, “köıgul”) is one of the most revered colours, symbolizing eternity and constancy; it denotes the supreme deity “Tengri”. The article highlights the human world and nature, in which the studied signs-codes acquire a metaphorical meaning, they are present in the life of fictional characters, in descriptions of nature and as an independent system of artistic means.

Keywords: Altai literature, Kainchin, Adarov, prose, image-symbol, colour symbolism, mythologeme, concept

В данной статье рассматривается цветовая символика алтайцев на материале художественных текстов алтайских прозаиков Дибаша Каинчина и Аржана Адарова. Гипотеза исследования цветовой символики как культурного кода алтайского этноса состоит в том, что в исследованных романах преобладают белый, синий, голубой цвета (образы и выражения с использованием эпитетов *ак* ‘белый’ и *көк* ‘синий’, *чанкыр* ‘голубой’, *көк-чанкыр* ‘сине-голубой’). Они являются образами-символами, знаками-кодами в традиционной культуре алтайцев и имеют сакральное значение, выражая квинтэссенцию не только алтайского, но и всего тюркского мировидения. Философское прочтение белого цвета в романе-дилогии Каинчина позволяет понять, что этот цвет у алтайцев поднят до уровня символа, а синий цвет *көк* (*чанкыр* ‘голубой’), сине-голубой или небесно-синий (*көк-чанкыр*, *көгөл*) у алтайцев и всех тюркских народов является одним из самых почитаемых и символизирует вечность и постоянство, обозначает верховное божество Тенгри. В статье обращается внимание на внутренне-композиционный принцип исследуемых произведений, заключающийся в сочетании одновременно двух пластов повествования: человеческого мира и природы. В них исследованные знаки-коды приобретают метафорическое значение и присутствуют в жизни героев произведений, в картинах природы, а также как самостоятельная система художественных средств.

Ключевые слова: алтайская литература, Каинчин, Адаров, проза, образ-символ, цветовая символика, мифологема, концепт

Цветовая символика белого и сине-го/голубого (сине-голубого) цветов для алтайского народа является наиболее предпочитаемой и не только носит сакральное значение в мифологии, фольклоре и литературе, но и отражается

в государственной символике Республики Алтай как «этнические и этнопсихологические кодовые знаки, определяющие самобытность мироощущения тюрков и их культурного наследия» [1, с. 117].

В произведениях алтайских писателей наиболее часто встречающиеся образы и выражения с использованием эпитетов *ак* 'белый' и *көк* 'синий', *чанкыр* 'голубой', *көк-чанкыр* 'сине-голубой' тоже символизируют чистоту, святость и цвет голубого неба как основополагающие мировоззренческих постулатов, «являющих собой квинтэссенцию алтайского (шире: тюркского) мировидения: небо (*тенгери*) и его аналоги „белая высь“ („*ак айас*“) и „голубая высь“ („*көк айас*“), земля-вода („*жер-суу*“), гора-прародительница, огонь, многозначный топоним „Алтай“, в мировоззрении алтайцев являющийся не только географическим объектом, но главным образом, обозначением большой и малой родины, страны, стороны света» [2, с. 5].

О доминирующей роли каждой из обозначенной цветовой палитры в национальной картине мира алтайцев можно рассуждать отдельно. Это же отмечает и исследователь алтайской мифологии А. Сагалаев в книге «Алтай в зеркале мифов»: в частности, исследователь замечает в тюркской культуре разработанность символики цвета, справедливо отмечая белый цвет (молочные продукты лошади белой масти, ленты белого цвета, *яик*) как передающую «идею чистоты, сакральности, достатка, изобилия, плодородия, то есть всех качеств небесной сферы пространства и мифического прошедшего времени» [3, с. 158].

В алтайской мифологии о первотворении земли из водного пространства она тоже связана с образом *Ак-Эне* – Священной матери (дословно 'Белая Мать'). И в наше время *ак өң* 'белый цвет' остается сакральным, священным как символ чистоты и справедливости, добра и благополучия и имеет глубокие корни.

В фольклоре алтайцев «Очы-Бала (опубл. А. Калкиным) *сүт көл* 'молочное озеро' является «небесным источником жизни», «символом чистоты и святости», а высокогорные озера ассоциируются с образом «чаши с молоком»: «из молочного озера жизнь как бы перетекает на землю, и источник этот неиссякаем. И земной репликой озера жизни становится чаша, из которой кропят молоком во время жертвоприношения» [Там же, с. 86]. И в настоящее время (от природы) имеющие белый цвет предметы и животные белой масти ценятся особо, к примеру *сүт* 'молоко', цвет материнского молока (все молочные продукты, лошади белой масти). Философское прочтение белого цвета позволяет понять, что этот цвет у алтайцев поднят до уровня символа, олицетворяя собой чистоту души человека.

В данной статье основной целью является исследование символики белого и голубого/синего цветов в романах «Ўстибисте Ўч-Сүмер» («Над

нами Белуха», 1986 – первая часть и 1997–2003 – вторая часть) Д. Каинчина и «Өлүмнүн чанкыр кужы» («Синяя птица смерти», 1993) А. Адарова, которые подчеркивают, что в художественной литературе и устной поэзии алтайцев белый, бело-синий, синий/голубой и сине-голубой цвета являются основными.

Привлекают внимание и иллюстрации на обложках книг Д. Каинчина и А. Адарова (выполнил художник В. С. Торбоков), которые перекликаются: и здесь, и там – изображения священной горы *Ўч-Сүмер* (Белуха). Причем на иллюстрации книги Д. Каинчина преобладают белый, голубовато-сиреневый и золотисто-желтый цвета (наступление рассвета), а у подножья горы – озеро молочного оттенка и поклоняющиеся горе люди. На обложке книги А. Адарова преобладают сине-голубой, белый и другие оттенки синего и голубого цветов, а само изображение горы напоминает взмах взлетающей птицы.

Обратим также внимание на название обеих частей романа Д. Каинчина. Они связаны с топонимом *Ўч-Сүмер* (Белуха, *Ак-Сүмер* 'Белая вершина'), священной горы алтайцев и всех тюрков. Гора *Ўч-Сүмер* – это Мировая гора, духовно-сакральный символ в культуре народов Алтая и тюркских этносов мира, символ чистоты духа, Центр мироздания, самая значимая категория в ментальности алтайцев. Наиболее распространенное название горы Кадын-Бажы – Вершина Катунь (или дословно – 'Голова Катунь'). Существуют еще и другие варианты, например Мусту-Туу 'Ледяная гора', Кадыннын Сайлань (Катунья Сайлан, или Катунские Столбы). С алтайского языка *Ўч-Сүмер* переводится как «Три вершины». *Ўч-Сүмер* покрыта вечными белоснежными ледниками, поэтому русское название тоже говорит о белизне горы (обилие снега и ледников) – Белуха.

Роман-диалогия Д. Каинчина имеет два названия: «Ўч-Сүмер алдында» («Под Белухой», первая часть) и «Ўстибисте Ўч-Сүмер» («Над нами Белуха» – объединенные части). Как известно, «обращение писателей к национальным традициям и мифологическим образам-символам в современном литературном процессе является актуальной задачей. Этим объясняется их стремление мыслить из глубины историко-культурной памяти, актуализируя мифопоэтические структуры и выяснение истоков национальной самобытности, чтобы сберечь прогрессивные традиции прошлого. Этот интерес никогда не прерывался, но всякий раз корректировался исходя из потребностей того или иного исторического периода» [4, с. 27].

Во второй части романа под влиянием постсоветских перемен и роста духовной жизни своего народа Д. Каинчин вводит в название изменение. Как известно, в своих *алкышах* «благопожеланиях» алтайцы всегда поклоняются Небу, обращаются к Алтаю с почитанием о его вечном процветании и благополучии. Над второй частью романа писатель работал на рубеже веков, в эпоху исторических перемен в жизни страны, в период активного возрождения обычаев и традиций алтайцев, что послужило толчком тому, что писатель в 2003 г. издает обе части романа под общим названием – «Ўстибисте Ўч-Сүмер» («Над нами Белуха»). Народ находится под защитой неба и природы, родного очага и земли, священной горы, ставшей броней, и среди них алтаец не чувствует себя в стеснении.

В романе Д. Каинчина наблюдается символически-параллельная тайнопись в использовании белого цвета, которая передается через великолепные картины природы (образ Белухи), исторические события (бурханизм, Ак каан), художественные детали (*жайык*, *кыйра*, *жалама*, *көжсөгө*), а также эпизоды из жизни героев (Беловодье и т. д.).

Заметим, концепт «гора» является одним из самых устойчивых топосов литературы. Описание священного для алтайцев и всех тюрков образа-символа горы Уч-Сумер Д. Каинчин передает через восприятие героев и национальную ментальность своего народа:

«Мындый айас кўнде Ўч-Сүмер бу ла жуугында ошкош. Колынды өзөк кечире сунала, тудуп көрүп те ийгедийин. Бу ненин учун десе, Ўч-Сүмер ичине жуук» [5, с. 14]. – «В такой ясный день Уч-Сумер кажется вот тут совсем рядом. Как будто, протянув рукой через долину, можно его коснуться. Это потому, что Уч-Сумер близок душе твоей» (здесь и далее перевод наш. – У. Т.).

Но в описании горы Уч-Сумер в утренние часы и во время заката присутствуют еще и красно-желтый, золотисто-желтый цвета (как языки пламени):

«Өзөк кечире Ўч-Сүмерге кўннин чокторы жан тийди. Тош мөңкүлөр кызыра жалбырап, жалтылдап чыкты. Ўч-Сүмер үч-айры башту от-жалыр Энедий көрүнди...» [Там же, с. 54]. – «Через долину лучи солнца только что Уч-Сумера коснулись. Вечные ледники засверкали красным пламенем. Уч-Сумер выглядела как трехглавая Мать-Огонь...».

«Айдын жаркынына Ўч-Сүмер жалтырайт. Көлөткөлү кара туулардын ўстинде ол там жаркындалат, олардын алтын-күмүш бөрүгиндий көрүнет» [Там же, с. 15]. – «От лунного света Уч-Сумер блестит. Над тенистыми черным горами свер-

кает еще ярче, смотрится как их золотисто-серебряная шапка».

Д. Каинчин, эмоционально углубляя образ молодого человека по имени Кыймаштай, находит природное соответствие с особым состоянием его души через изображение священной горы Ўч-Сүмер (Белуха):

«Көстөрин каа-жаада ачып ийзе, кырып алгадый кок жок жалтырууш тенери. Ыраакта өзөк кечире суркурайт. Ол бүгүн омок ло сўўнчилү мызылдайт. Тошторы алтындала чоктып жаткандый көрүнет. Канча ла кире көрзөн, көрүжин жетпес. Жаражына жүрегин көдүрилип, шымыранып жадарын: Ўч-Сүмер... Ўч-Сүмер... Ўч-Сүмер... Көстөримде Ўч-Сүмер... Чечек чилеп жайылган» [Там же, с. 3]. – «Когда временами (он) открывал глаза – сверкающее небо (нельзя даже пылинки соскоблить – чистое). Вдалеке через долину светится Уч-Сумер. Сегодня он сверкает бодро и весело. Сколько ни смотри, не насмотришься. От ее красоты сердце бьется сильнее, и шепчешь: Уч-Сумер... Уч-Сумер... Уч-Сумер... В глазах моих Уч-Сумер... Расцвел как цветок...».

«Ўч-Сүмер алтын чечектий көрүнди...» [Там же, с. 109]. – «У Уч-Сумер выглядела как золотой цветок».

Перед глазами юноши в проеме треугольного входа шалаша виднеются знакомые близкие сердцу контуры возвышающихся гор:

«Туулар үргүлжиге турар, ологро көрө, сен та чымыл, та конгыс. Же мындый санаа кижиге келбес, ненин учун десе агаж жыгылар – арка турар, кижиге жоголор – кижилик артар» [Там же, с. 31]. – «Горы будут стоять вечно, по сравнению с ними ты то ли муха, то ли жук. Но такая мысль к человеку не приходит, потому что дерево упадет – лес будет стоять, человек исчезнет – человечество останется».

Реальные события, происходившие в начале XX века в деревушке Ак-Кем, в устье одноименной реки Ак-Кем и красавицы реки Кадын (Катунь) Ак-Кемской долины, нашли отклик в исследуемом романе. «Ак-Кем – буквально белая, мутно-белая, пенистая река», „хем“ (тув.) река» [6, с. 128]. Уточним географическое положение горы Ўч-Сүмер. Она находится в Ак-Кемской долине: и озеро у подножья священной горы, и река, которая берет начало от нее, носят название Ак-Кем.

В центре села Ак-Кем возвышалась церковь, полностью сгоревшая при пожаре, причиной которого стали поступки местного священника при крещении алтайцев: сжигание атрибутов шамана, *жайыков* (яик), принимавших крещение местных жителей. Все это сопровождалось стрельбой из ружей, заряженных холостыми патронами и раз-

ными другими шумами (удары бичей, кнутов и т. д.). Так «толпа крещенных» (во главе с попом) изгоняла из селения «нечисть» и как будто загнала «его» («нечисть») в труднодоступные скалистые места. Ответная реакция части местных жителей (возможно, и самого шамана) выразилась поджогом церкви. Именно этот случай лег в романе в основу конфликта («свой и чужой мир») между шаманом Карбыш и отцом Миколой как две борющиеся за человеческие души конфессии (православие и шаманизм). В данном контексте новым для алтайской прозы является введение в художественный текст мифологемы Беловодье как земного рая:

«– Бистин ада-öbökö Беловодье деп кисель жараттарлу, ак-сүт суулу алтай бедреген – деп, абыс Микола ус сабары чычандайт. – Бу бистин журтаган јер ол Беловодьеге турбас деп пе? Турар, турар! Бис бу бого бойыстын Телекейисти, бойыстын Каандыгысты, бойыстын Кудайлыгысты тözöp алалы, балдарым! Мында јебрен Орустын ару күүн-санаазы јаныдан туулзын! Мынанг Россияга једип, оны арутазын!» [5, с. 168]. – «– Наши предки искали страну с кисельными берегами, бело-молочной водой – тряс указательным пальцем отец Микола. Это место, где мы проживаем, разве не стоит того Беловодья? Стоит, стоит! Вот здесь мы создадим свой Мир, свое Царство, свою Религию, дети мои! Пусть здесь вновь возродятся чистые помыслы Древней Руси! Отсюда доходит до России и очищает ее!».

Топоним «Беловодье» созвучен названию мест, где происходят основные события романа – долины и одноименной речки Ак-Кем – Белая Вода, Беловодье. Эта горная речка имеет белую окраску, потому что берет начало с ледников Белухи, и в ней много примеси белой глины. Также эпитет «белый» обозначает чистоту и свободу. В алтайском языке слово *ак* также обозначает 1. чистое и открытое место – поле, поляна; 2. течь (гл.).

В художественном пространстве романа действие первой части проходит в селении Койонду у подножья горы Ыч-Сүмер, где проживают алтайцы и русские, где давно сложилось свое устоявшееся течение жизни, в которое начинает втекать мутный поток катастрофического времени (первая германская война, свержение царя, революция, алтайская Горная Дума и т. д.). Автор не называет топоним *Ак-Кем* (Белая река / вода), он здесь присутствует как название долины *Койонду*, деревни *Койонду* и речки *Койонду* (*койон* – ‘заяц’, отмечается всегда наличие этого зверька):

«Койон керегинде айтпаза торт. Олор чымалыдый көп учун, бу öзöкти Койонду деп адагылап койгон» [Там же, с. 32]. – «Про зайцев лучше не говорить. Из-

за того, что их как муравьев много, эту долину и называли Койонду».

«Öзöкти төмөн канча салаа-чачактарга айрыланып Койондунун суузы түшкен». – «Вниз по долине как кисти, разветвляясь, спустилась речка Койонду» [Там же].

Если в названии долины, деревни и речки слово *койон* звучит открыто, то в эпизоде с пожаром айла сказителя Эји его супруга Көкчи, рискуя жизнью, спасает свой *јайык* (яик), *кудай-наадайлар* (богов-кукол) слово *койон* зашифровано в слове *јайык*.

Јайык (Яик) считается частью самого верховного божества Ылген (Ульгень), «как бы „отколовшейся“ от тела небесного бога. Яик как посредник между Ульгением и человеком» [3, с. 48] почитается алтайцами и в настоящее время. Как отмечает А. Сагалаев, этот «персонаж довольно загадочный» и «обычный „облик“ небесных духов»: «из белой материи вырезали фигурку с головой, ушами, руками, ногами и хвостом. Ноги обшивали красной лентой („с каймой из красной тучи“). Это символическое изображение зайца. На правобережье Катунь к шнуру просто подвешивали зимнюю шкуру зайца-самца» [Там же, с. 48–49]. Почитание зайца у алтайцев связано с солярным культом, как и всех животных белой масти. Что же касается конкретно образа зайца, то в отношении него существует табу (на него нельзя охотиться), так как это животное небесного происхождения. Интересен алтайский миф о небесных девах, дочерях Ыч-Курбустана, которые спускались на землю искупаться в горном озере. По одной версии, они спускались с неба в облике белых лебедей и, сбросив одеяния, купались. Охотник, наблюдавший за происходящим, не выдержал и притронулся к одежде младшей из них и тем самым осквернил ее. Небесная дева оборачивается в зайца и становится *јайык* (яик).

Когда построили новую юрту, то Көкчи в первую очередь ставит на почетное место *јайык*, «богов-кукол», две ветки священного можжевельника (яик прикреплялся к белой скрученной волосяной веревке, привязанной с двух сторон к веткам березы), затем, поглаживая свои косы, шепотом говорит благопожелания, обращаясь к *јайыку*, прося у нее защиты:

«... Куу канатту ак јайык,	«С лебедиными крыльями
Кой күндүлү кыс јайык,	белый яик,
Колло тутпас ару јайык.	С угощением из овцы де-
	вушка яик,
	Чистый яик, нельзя тро-
	гать руками.
Ыч-Курбустан балазы,	Дитя Юч-Курбустана,
Ыч кызынын кичүзи,	Младшая из трех его до-
	черей,

Койон чуузын чуулаткан, Пеленавшую в заячы пеленки,
Кир жууктырбас ак жайык» Не подпускающая грязь
[5, с. 106–107]. белый яик».

В этом мифологизированном тексте благопожелания жайык предстает в образе небесной девы «Үч-Курбустан балазы» («дитя Юч-Курбустана»), младшей из трех дочерей, которую пеленали в заячы пеленки и оберегали от земной «грязи». Здесь белый цвет обожествляется и обладает чудодейственной силой как знак святости и чудесного (связан с чистотой *ару жайык* ‘чистый яик’, белизной *ак жайык* ‘белый яик’, *куу канатту* ‘лебедиными крыльями’). Использование белого цвета напрямую связано с религиозными верованиями алтайцев (тюрков).

Еще одна деталь, которая упоминается в романе всего один раз, это *көжөгө* – свадебный ритуальный занавес, имеющий белый цвет и относящийся к табуированным предметам. Во время обряда его нельзя было трогать руками, открывали дядя или отец жениха рукояткой плетки, прикладом ружья или ветками можжевельника. До настоящего времени такой ритуальный занавес не утратил своего прямого назначения. «Он должен быть белым – этот цвет символизировал чистоту заключаемого брака <...> края занавеса оформляли оберегами – шелковыми кисточками, парчовыми лентами, концы которых прострачивали, символизируя этим открытый доступ счастья для новобрачных. При помощи этих лент свадебный занавес прикреплялся к двум срезанным березкам. <...> Березки для совершения свадьбы приносил дядя-таай или его племянник. Их срезали в утреннее время с восточного склона горы с благословением и кроплением молока в сторону восхода солнца» [7, с. 52] и привязыванием *жалама*. В алтайской обрядовой песне, посвященной *көжөгө*, поется:

«Аркадан эжелген ак кайын,
Жайканарда, жаражын.
Ак көжөгө көктөйлө,
Той эдерде сүрлүзин» [8, с. 29]. –
«Белая береза, принесенная из леса,
Как красива, когда качается.
Сшив белый занавес
Свадьбу проводят как прекрасно».

Например, интересен в романе эпизод, когда русская женщина, вдова солдата первой германской войны, выходит замуж за алтайца:

«Келинди көжөгөнүн ары жаны жаар сугуп ийгилерде, эки балазы ыйлажа берди» [5, с. 201]. – «Как только невесту спрятали за занавес, двое детей (ее. – У. Т.) испуганно заплакали».

Она принимает все обычаи, традиции и религию мужа.

В романе встречаются герои, которые, приняв крещение, все же не могут изменить свое мировоззрение, продолжают соблюдать свои традиционные религиозные ритуалы. К примеру, эпизод повязывания *кыйра*, *жалама* (белые ритуальные ленты). Асканак (церковное имя Александр) поднявшись на перевал, повязывает *жалама* и обращается с благопожеланием Алтаю:

«Ажунын үсти жанында арчыннын төстөрине түжүп, кыйра буулады. Кыйра эдетен ак бөсти ол өнөтийин алып жүргөн».

– Алтайым, кудайым, ...албатым, ада-өбөкөм, айы-күним, тенерим... Жүрүм беригер, жол беригер. Жаман, жолымнан жайла, жакшы – жуукта, жанымнан айрылба...» [Там же, с. 83]. – «В верхней стороне перевала около можжевельных кустов слез (с коня), привязал кыйра (ленты). Белую ткань для кыйра он специально брал с собой».

– Мой Алтай, мой бог, ...мой народ, мои предки, мои луна-солнце, небо мое... Жизнь дайте, дорогу дайте. Плохое – уйди с пути, хорошее – приближайся, не отходи от меня...».

Обратим внимание: Асканак специально («өнөтийин») берет с собой белые ленты-кыйра.

Д. Каинчин мастерски вплетает в сюжетную канву романа ставшее феноменом религиозное движение 1904 года – *ак жан* (Белую веру / бурханизм). «Сами алтайцы называли новую веру „белая вера“ (*ак янг*) или „молочная вера“ (молоко – символ чистоты)» [3, с. 153]. Бурханистское движение на Алтае было «одержимо белым цветом», отмечает А. Сагалаев. Как справедливо писал Л. Потапов: «Из «внешних исследователей и толкователей алтайской религии к пониманию сути бурханизма как закономерного духовного процесса ближе всех подошли, на мой взгляд, вплотную, А. Сагалаев и Л. Шерстова» [9, с. 28].

Считалось, что Мессия (мифический Ойротхан) в образе Белого всадника показался в долине Теренг Усть-Канского района алтайцу по имени Чет Челпанов, а первой проповедницей от имени Белого Бурхана становится его дочь Чугул. Это бурханистское движение закончилось разгоном, арестами лидеров, судом и их освобождением. В романе это движение передано через воспоминания Самтар бая (Тотороков Тудаачы). Находясь в гостях у известного бая Аргыма Кульдина, он вспоминает (тогда Самтар бай уклонился от молений):

«Ол жайгыда ак жан башталып жат, Быркан-Ойрот кудай келип жат дежи, өрө-төмөн чабыш тын ла болгон» [5, с. 140]. – «В то лето и много скакали (на ко-

нях) туда-сюда, говорили, что начинается белая вера, едет Быркан-Ойрот бог».

В беседе Аргымай утверждает, что все начатое не напрасно:

«— Карын тынып калган эмес пе? Алтай ўсти бастыра жалама. Алтай-кудайыс, Ак-Бырканыс деп мўргўп ле жўрўбис» [Там же, с. 143]. — «А не стали ли (мы) наоборот сильнее? Весь Алтай покрыт белыми лентами ялама. Молимся, произнося Алтай-бог, Белый-Быркан».

Данный пример показывает, как одержимость белой верой, белым цветом заставляет некоторых героев совершать непредсказуемые поступки. В романе белый цвет используется также одним из главных героев романа — крещеным купцом Табытка Тобоковым, причем в корыстных целях, причем этот рассказ о Белом всаднике стал легендой. События 1904 года в долине Теренг тогда еще были свежи в памяти алтайцев. Табытка в качестве благодарности за то, что его крестили священники, строит на свои деньги церковь в местечке Кара-Суу. Чтобы местное население приняло православие и посещало эту церковь, он нанимает своих знакомых, привлекая их к участию в большом обмане, где инсценируется появление Белого Бурхана:

«— Адабыс болгон алты эжиктў Адыган туунын бажында кўн чыгарда, ак атту, ак кийимдў кижикўрўнди. Эки колын ўрў сунуп, биске та нени де айдарга тургандый билдирди. Сактап турган Бырканыс жеде келген ок болор бо?» [Там же, с. 212]. — «Когда солнце поднялось на вершину шестидверной горы Адыган, показался на белом коне в белых одеяниях человек. Показалось, как будто протягивая обе руки вперед, он нам хочет сказать что-то. Быть может, это Бурхан, которого мы ждали, пришел».

Услышав такую «новость», Табытка падает на колени, молится солнцу и благодарит бога, говорит, что бог один, а дом бога — это церковь. Затем всех зовет идти туда быстрее молиться, иначе долгожданный Белый Бурхан улетит обратно в небо. В церкви, около сверкающего алтаря, стоял уже другой человек в белом. Мгновенное перемещение человека в белом одеянии с горы в церковь было удивительным. Такие чудеса может творить только сам Бог. Все стали молиться «Быркану» в белом, а в это время священник опрыскивал святой водой всех присутствующих и совершал обряд крещения. Когда люди поднимали глаза кверху, белого «Быркана» не было, а вместо него увидели распятого Христа. Табытка все продумал и хорошо заплатил нанятым людям: на горе Адыган на белом коне в бе-

лом одеянии был Пахомов Варфоломей, а в церкви ждал в белой одежде Чернышев.

В романе автор обращается и к мифологеме *Сўт кўл* («Молочное озеро»). Она появляется в тот момент, когда Табытка сильно болен, находится в горячке и осознает свои ошибки. Теперь он хочет искупить свою вину перед Алтай-Кудаем, сжигает свой нательный крест, начинает шаманить, прося прощения и благословения у священной горы своего рода:

«...Кўн эбирбес кўлер туум! Ай эбирбес алтын туум! Ыйыкчылду Жаан-Туум. Алты эжиктў Адыган! Сўт кўлгў эдегин јунган, сўмер тайганан јаргы алган, сўт булутка бажын аластаткан...» [Там же, с. 227–228]. — «Бронзовая моя гора, которую солнце не обходит! Золотая моя гора, которую луна не обходит. Шестидверная Адыган! В молочном озере подол омывающая, у островерхой тайги суд берущая, в молочном облаке вершину свою окуривающая».

Он обращается к огню словами «с *Синеющей Сини спустившийся хан*».

В ирреальном мире, в бреду перед Табытка (в подземном царстве) появляется гротескный образ огромного, как *торбок* 'годовалый бычок', белого зайца, на которого садят его по приказу подземного владыки Эрлика и отправляют в верхний мир обратно в *Ак јарык* 'Белый свет'. Так как Табытка многократно нарушал закон предков — принял православие, но затем в приступе болезни сжигает свой нательный крест и начинает камлать (шаманить), Владыка подземного мира проклиная его словами:

«Ўс кудайы — мений небес. Ўскў кудайы — мений небес» [Там же, с. 232]. — «Основной (свой) бог — скажет не мой. Чужой бог — скажет не мой».

Рассмотрим синий (сине-голубой, голубой) цвет, где синий в настоящее время является цветом мира, символом верности, преданности и мудрости. И. В. Гете в первой части «Учения о цвете» писал: «...Как высокое небо и далекие горы мы видим синими, так и синяя поверхность кажется как бы уходящей от нас. ...» [10, с. 355].

Синий цвет *кўк* (*чанкыр* 'голубой'), сине-голубой или небесно-синий (*кўк-чанкыр*, *кўгўл*) у алтайцев и всех тюркских народов является одним из самых почитаемых и символизирует вечность и постоянство. *Кўк* для алтайцев обозначает не только синий цвет, но и траву — *кўк ўлўн* 'зеленая трава, зелень', *баштапкы кўк* 'первая зелень', например: «*кўккў тойынган койлор*». — «*овцы, насытившиеся травой*» или «*Кўк ўлўндўр баштарын кўдўрип, чыгып, кўўктамандар чанкырайыжып...*». — «*Зеленые*

травки приподнимая головы показались, кукушкины слезки синя...» [11, с. 219], и шитье – *көк* (имя супруги сказителя Ээди Көкчи переводится как Портниха/Швея в романе Д. Каинчина).

Кроме этого, «*Көк*» обозначает и древнетюркское божество Тенери («Тенгри»):

«Өрө турган көк, өскүрген бисти Жайаачы» [5, с. 100]. – «Синь, стоящая на нами, взрастивший нас Создатель».

В романе Д. Каинчина один из героев Аргымай-бай, представитель рода *көгөл-майман* (небесно-синих майманов) – историческая личность. Его образ в романе представлен реалистически. Тетушка Кульджиных «с особой верой» говорила: «„Мы сошедшие с синевы синие майманы“ („Бис көктөн түшкен көгөл“). Она верила в особую данность, присущую ее роду. Она считала, что это неизменно, в любые времена и на любом месте. Что самое главное при ней, или с нею, будь она бедна или богата» [12, с. 5].

Синий цвет почитали еще далекие предки тюрков (*kök mürk* ‘голубые тюрки’):

«Жеримнин өңи чанкыр –
Оны тенери будыган.
Чанкыр суулар күркүреп,
Кырларымнан аккан». –
«Цвет моей земли голубой –
Ее небо окрасило.
Голубые реки грохотом,
С гор моих стекали» [13, с. 37].

Если в романе Д. Каинчина преобладает символика белого цвета, то роман А. Адарова «*Өлүмнин чанкыр кужы*» («Синяя птица смерти») буквально насыщен всеми оттенками синего, голубого и небесно-синего: «*чанкыр ыштар*» ‘синий дым’, «*чанкыр мааны*» ‘синее знамя’, «*чанкыр куш*» ‘синяя птица’, «*чанкыр кайа*» ‘синяя скала’, «*көк айаста*» ‘в голубой выси’, «*айландыра чанкыр кайа туулар*» ‘вокруг голубые скалистые горы’, «*көк корым*» ‘синий курган’, «*тенери чап-чанкыр*» ‘голубое-голубое / синее-синее небо’, «*көк кайанын үстүнен*» ‘вершины синей скалы’, «*көк айаска шунуй берген болзом...*» ‘улететь бы в синие небеса’; темно-синие или небесные глаза; синий туман, «*печатать с синей краской*», синяя корова, синяя пелена, голубоватый воздух, голубоватый вечер, синие тени, синяя шелковая рубашка, голубое платье (фуфайка, плащ), синий огонек, голубая/синяя долина, синяя река, иголки синего льда и т. д.

В первую очередь обратим внимание на необычное название произведения – «*Өлүмнин*

чанкыр кужы» («Синяя птица смерти»). Как известно, образ Синей Птицы в мировой литературе ассоциируется с такими понятиями, как Счастье и Добро («Синяя птица» М. Метерлинка), у алтайского писателя А. Адарова – со смертью. Полное название романа в самом тексте встречается всего один раз:

«Стенеде, бүрүнкийзимек толыкта, бийик көзнөктин жанында бери көрүп турган үй кижинин журугу. Будуктарла жураган. Ол журуктын алдында „Өлүмнин чанкыр кужы“ деп бичип салган. Ол сөстөрдин учурын кем де билбес» [11, с. 28]. – «На стене, в темноватом углу, около высокого окна портрет прямо смотрящей женщины. Красками нарисовано. Под этой картиной надпись „Синяя птица смерти“. Никто не знает значения этих слов».

Автором этой работы, скорее всего, является главный герой Эрел Яприн, а этот портрет является напоминанием о смерти любимой женщины. Вероятнее всего, Эрел Яприн рисовал ее уже после смерти.

Над созданием своего романа писатель работает в переломные для всей страны 1988–1990 гг. и посвящает чистой и вечной памяти своей рано ушедшей из жизни супруги Надежды Адаровой. Книга увидела свет в 1993 году.

Если образ Синей птицы в мировой литературе является символом счастья и добра, то в романе А. Адарова ее ждет герой, ожидающий своей смерти. Эта птица будет летать над вершинами Чанкырлу вечно и однажды схватит главного героя сильными когтями и унесет ввысь, в синее небо, и тогда Эрел Яприн уйдет в мир вечности.

Именно синяя птица должна помочь ему покинуть этот мир, тем самым освободить от земных мук. Для Эрела Яприна – его физическая смерть и синяя птица – это огромное счастье. При этом выражение *чанкыр куш* ‘синяя птица’ повторяется многократно именно в тех главах, где повествуется о судьбе (одиночестве) Эрела Яприна (более 20 раз) и помогает раскрытию его образа, внутреннего мира, его переживаний и душевной боли:

«А чанкыр кужым та кайда? Кайран чанкыр кужым» [Там же, с. 25]. – «А где же моя синяя птица? Бедная моя синяя птица».

Об этой необычной синей птице говорит и ждет ее только один Эрел Яприн.

Если проследить появление образа загадочной синей птицы, то впервые она встречается в ирреальном мире, во сне Эрела Яприна:

«... Онон бийик көк кайанын үстүнен элкем талбынып, жаан чанкыр куш кайып чыккан. „Жыгылды-

ын! Жыгылды-ын!“ – деп, Эрел Миронович ачу кыйгырган. Күн көстөрүн кылбыктыра чалып турган. Куш „Айасту-у! Айасту-у!“ – деп кыйгырып, күнге удур шунуп, жоголып калган!» [Там же, с. 16]. – «...Потом с вершины высокой синей скалы, свободно размахивая крыльями, взлетела большая синяя птица. „Не упади-и! Не упади-и!“ – с болью закричал Эрел Миронович. Солнце ослепляло глаза. Птица, с криком „Айасту-у! Айасту-у!“, летела навстречу солнцу и исчезла!».

Она существует только в его воображении: возникнув однажды, этот образ не покидает героя до конца его жизни. Она становится спасительной иллюзией для Эрела Яприна, ассоциируясь с безграничной свободой, как символ мечты о счастье совершенно одинокого человека, как последняя надежда – навеки соединиться с любимой женщиной:

«Наташа! Жаан чанкыр куш. Ыргүлжиде учуп жүрү. – Эрел Мироновичтин жүреги өнгүрө сытай берген. – Наташа. Менин түш жерим. Өткөн ойум, өчкөн лө өлгөн ырызым» [Там же, с. 23]. – «Наташа! Летает в вечности. – Сердце Эрел Мироновича больно зануло. – Наташа. Мой сон. Мое прошлое время, угасшее и умершее счастье».

А. Адаров, используя кольцевую композицию, зеркально отражает появление образа синей птицы в начале и в конце романа. О причине появления образа синей птицы читатель узнает из эпизода смерти Натальи, гражданской жены Эрела Яприна. Показательно, что в какой-то степени *чанкыр куш* ‘синяя птица’ как метафора, как мечта о жизни в тексте встречается многократно и обрастает глубинными смыслами о жизни и человеческом счастье. Для алтайской художественной литературы конца XX века появление образа синей птицы стало необычным явлением.

Как уже говорилось выше, роман буквально насыщен оттенками синего и голубого. В целом только топоним Чанкырлу использован более 55 раз, а в имени хозяина этой долины под названием Чанкырлу Айасту тоже зашифрован цвет ясного сине-голубого неба – «Ясный», показывающий чистоту души и открытость этого человека.

В романе А. Адаров прибегает к аллюзии на мифологическую историю о Прометее. В эпизоде беседы с Яприным, туристка по имени Наташа сравнивает его с одним из титанов древнегреческой мифологии Прометеем:

«– Прометей...Оттын, печкенинг ээзи. Бу ас па? Прометей. Алтайдын чанкыр учарларына кынжылап салган Прометей...» [5, с. 27]. – «– Прометей... Дух

Огня, этой печи. Этого мало? Прометей. Прикованный к голубым вершинам Алтая Прометей... Прощай!».

Как известно, Прометей в переводе звучит как «мыслящий», что оправдывает нашего героя. Уже два года Эрел Яприн живет одиноко в зимнем стойбище под названием Чанкырлу, что переводится с алтайского как «с голубиной /с синевой» («Чанкырлу – место для раздумий»), и постоянно находится в размышлениях о прошлом, настоящем и будущем. За последние два года через воспоминания отдельного человека автор показал историческую судьбу своей малой родины и страны.

«Могильным камнем» для героя романа А. Адарова становится синяя скала. Эрел Яприн навсегда «прикован» к этой скале, откуда упала и разбилась его любимая женщина:

«...Наташа чек ле онын ўстинде, учар кайанын жүзинде турган. Жайым салкын онын чанкыр плащынын эдектерин жайа согуп, толгомолду күргүл чачын туура учуртуп турган. <...> Бу ла өйдө „ой!“ деген кыйгы угулган. Сан өрө элес көрзө, Наташа чанкыр плащынын эдектери канаттар чылап жайылып, эки колы талбайып, сан төмөн учуп келеткен» [11, с. 423]. – «Наташа стояла прямо над ним, на самом краю высокой скалы. Свободный ветер, раскрывая подолы ее голубого плаща, развеивал ее волнистые каштановые волосы. <...> И в этот же миг послышался вскрик „ой!“. Мгновенный взгляд (Эрел Мироновича) вверх выхватил, как подолы голубого плаща расправились, как крылья, раскинув руки, Наташа летела вниз».

Ее похоронили здесь же, в Чанкырлу, поэтому Эрел Миронович всю оставшуюся жизнь проводит здесь, в одиночестве. Часто во сне он наблюдает, как его Наташа «летает» под синим небом, расправив как крылья подолы своего плаща. В романе включение в сюжетную канву «мифа о Прометее состоит в самооправдывании героя на своем собственном могильном камне. Прометей – говорящая им самим его эпитафия о его деянии и риске» [14, с. 70].

Таким образом, в произведениях «Ўстибисте Ыч-Сүмер» («Над нами Белуха») Д. Каинчина и «Өлүмнинг чанкыр кужы» («Синяя птица смерти») А. Адарова доминирующую позицию занимают белый и синий/голубой цвета как выражение национального миропонимания и религиозного мировоззрения алтайцев. Приобретая метафорическое значение, они присутствуют и в жизни героев, и в картинах природы, а также как система художественных средств, подчинены раскрытию образов и динамики чувств героев произведений.

Если в романе-дилогии Д. Каинчина белый цвет встречается зашифрованным в различных деталях и элементах, которые хорошо известны алтайцам и другим коренным этносам, проживающим в Республике Алтай (мифы, топонимы, религиозные и ритуальные предметы), то романе А. Адарова преобладают сине-голубые цвета, и их палитра в художественном пространстве романа разнообразна. Здесь синий и голубой (иногда зеленый) цвета часто не различаются, объединяясь как «көк» (синие скалы, синие небеса; темно-синие или небесные глаза, синий туман, «печать с синей краской», синяя корова, синяя пелена, голубоватый воздух, голубоватый вечер, синие тени, синяя одежда (платье, фуфайка, плащ), синий огонек, голубая/синяя долина, синяя река, иголки синего льда и т. д.). В названиях исследованных произведений эти цвета тоже находят отражение: «Ўстибисте Ўч-Сүмер» («Над нами Белуха») и «Өлүмнинг чанкыр кужы» («Синяя птица смерти»).

Список источников

1. Бакиров М. Х. Семантика цвета в контексте истории, искусства и художественной словесности тюрков // Филология и культура. Philology and culture. Казань. 2015. №1 (39). С. 114–119.
2. Палкина Р. А. Алтайская литература как художественная система. Горно-Алтайск, 2015. 268 с.
3. Сагалаев А. М. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск, 1992. 176 с.
4. Текенова У. Н. Художественный мир Дибаша Каинчина. Горно-Алтайск, 2011. 179 с.
5. Каинчин Д. Б. Ўстибисте Ўч-Сүмер. Горно-Алтайск, 2003. 492 с.
6. Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979. 397 с.
7. Тадина Н. А. Алтайская свадебная обрядность (XIX–XX вв.). Горно-Алтайск, 1995. 214 с.
8. Акулова Т. Эки турун биригип... (песни и благопожелания алтайских свадеб). Горно-Алтайск. 2016. 135 с.
9. Потанов Л. П. Андрей Викторович Анохин как исследователь шаманства у алтайцев // А. В. Анохин. Материалы по шаманству у алтайцев. Горно-Алтайск, 1994. 147 с.
10. Месяц С. В. Иоганн Вольфганг Гёте и его учение и цвете. Часть первая. М., 2012. 462 с.
11. Адаров А. О. Өлүмнинг чанкыр кужы. Jүрек өртөгөн от. Горно-Алтайск, 2002. 732 с.
12. Элемова Г. К. Потомок кёгёл маймана. Горно-Алтайск: ГУ книжное издательство «Юч-Сумер – Белуха» РА. 2007. 126 с.
13. Адаров А. О. Јеримнинг ёни чанкыр // Алтай литература, 11. Горно-Алтайск, 2020. 151 с.

14. Чеснов Я. В. Миф о Прометее и витальные основы личности // Развитие личности. 2007. № 2. С. 70–100.

References

1. Bakirov, M. Kh. (2015). *Semantika tsveta v kontekste istorii, iskusstva i khudozhestvennoi slovesnosti tyurkov* [The Semantics of Color in the Context of History, Art and Literature of Turks]. *Filologiya i kul'tura. Philology and culture*. Kazan'. No. 1 (39), pp. 114–119. (In Russian)
2. Palkina, R. A. (2015). *Altaiskaya literatura kak khudozhestvennaya sistema* [Altai Literature as an Artistic System]. 268 p. Gorno-Altai. (In Russian)
3. Sagalaev, A. M. (1992). *Altai v zerkale mifa* [Altai in the Mirror of Myth]. 176 p. Novosibirsk. (In Russian)
4. Tekanova, U. N. (2011). *Khudozhestvennyi mir Dibasha Kainchina* [The Artistic World of Dibash Kainchin]. 179 p. Gorno-Altai. (In Russian)
5. Kainchin, D. B. (2003). *Ўstibiste Ўch-Sümer* [Belukha Is above Us]. 492 p. Gorno-Altai. (In Altaic)
6. Molchanova, O. T. (1979). *Toponimicheskii slovar' Gornogo Altaya* [Toponymic Dictionary of Gorny Altai]. 397 p. Gorno-Altai. (In Russian)
7. Tadina, N. A. (1995). *Altaiskaya svadebnaya obryadnost' (XIX–XX vv.)* [Altai Wedding Rituals (the 19th–20th centuries)]. 214 p. Gorno-Altai. (In Russian)
8. Akulova, T. (2016). *Ehki turun birigiP... (pesni i blagopozhelaniya altaiskikh svadeb)* [Songs and Wishes of Altai Weddings]. 135 p. Gorno-Altai. (In Altaic)
9. Potapov, L. P. (1994). *Andrei Viktorovich Anokhin kak issledovatel' shamanstva u altaitsev* [Andrey Viktorovich Anokhin as a Researcher of Shamanism among the Altaians]. A. V. Anokhin. *Materialy po shamanstvu u altaitsev*. 147 p. Gorno-Altai. (In Russian)
10. Mesyats, S. V. (2012). *Iogann Vol'fgang Gete i ego uchenie o tsvete* [Johann Wolfgang Goethe and His Teaching about Color/ Johann Wolfgang Goethe Zur Farbenlehre]. *Chast' pervaya*. 462 p. Moscow. (In Russian)
11. Adarov, A. O. (2002). *Ölümning chanqyr kuzhy* [The Blue Bird of Death]. *Jyreк örtögön ot*. 732 p. Gorno-Altai. (In Altaic)
12. Ehlemova, G. K. (2007). *Potomok kёgel maimana* [The Descendant of Kogyol Maiman]. 126 p. Gorno-Altai, GU knizhnoe izdatel'stvo "Yuch-Sumer – Belukha" RA. (In Russian)
13. Adarov, A. O. (2020). *Jerimning ёni chanqyr* [The Color of My Earth is Blue]. *Altai literatura*, 11. 151 p. Gorno-Altai. (In Altaic)
15. Chesnov, Ya. V. (2007). *Mif o Prometei i vital'nye osnovy lichnosti* [The Prometheus Myth and the Vital Foundations of Personality]. *Razvitie lichnosti*. No. 2, pp. 70–100. (In Russian)

The article was submitted on 21.12.2021
Поступила в редакцию 21.12.2021

Текенова Ульяна Николаевна,
кандидат филологических наук,
Научно-исследовательский институт
алтаистики им. С. С. Суразакова,
649000, Россия, Республика Алтай, Горно-Алтайск,
Социалистическая, 6.
tekenovau@mail.ru

Tekenova Ulyana Nikolaevna,
Ph.D. in Philology,
Research Institute of Altaic Studies
named after S. S. Surazakov,
6 Socialist Str.,
Gorno-Altaysk, 649000, Russian Federation.
tekenovau@mail.ru

«МАЛЕНЬКИЕ ТРАГЕДИИ» А. С. ПУШКИНА НА ТАТАРСКОЙ СЦЕНЕ

© Милеуша Хабутдинова

“LITTLE TRAGEDIES” BY A. S. PUSHKIN ON THE TATAR STAGE

Mileusha Khabutdinova

The article, for the first time, discusses the stage interpretation of Pushkin's "Little Tragedies" in the Tatar theater. The object of the research is the performance "A Feast / Plague" (stage director Timur Sharafutdinov). The subject of the study is the specifics of understanding the key images and the content potential of "Little Tragedies". This A. S. Pushkin's work was translated into Tatar by N. Isanbet, G. Shamukov, Sh. Mudarris and Y. Minnullina in different years. The article focuses on the issues of translation strategy. It is proved that T. Sharafutdinov's performance is distinguished by its text-centricity, the paucity of mise-en-scenes and the slow tempo that conveys the nature of the main character Valsingam's mental activity, the content potential of "Little Tragedies" is revealed through his prism of perception. When developing the script, T. Sharafutdinov resorts to a "frame" composition. The "feast" story serves as the "frame" of Valsingam's farewell Word, which absorbs human passions from "The Stone Guest", "The Miserly Knight" and "Mozart and Salieri". On the one hand, T. Sharafutdinov's performance revives the traditions of the ancient theater (Chorus, a tragic hero); on the other hand, he fills the action with a postmodern game, whose roots go back to youth mischief.

Keywords: A. S. Pushkin, "Little Tragedies", translation, N. Isanbet, M. Maksud, Sh. Mudarris, G. Shamukov, Yu. Minnullina, Tatar theater, Timur Sharafutdinov, performance "A Feast / Plague"

В статье впервые рассмотрена сценическая интерпретация пушкинских «Маленьких трагедий» в татарском театре. Объектом исследования является спектакль «Пир/Чума» (режиссер-постановщик Тимур Шарафутдинов), предметом изучения – специфика осмысления ключевых образов и содержательного потенциала «Маленьких трагедий». Это произведение А. С. Пушкина в разные годы переводили Н. Исанбет, Г. Шамуков, Ш. Мударрис, Ю. Миннуллина. В статье уделяется внимание вопросам переводческой стратегии. Доказано, что спектакль Т. Шарафутдинова отличается текстоцентричностью, скудостью мизансцен, медленным темпоритмом, передающим характер мыслительной активности главного героя Вальсингама, сквозь призму восприятия которого раскрывается содержательный потенциал «Маленьких трагедий». При разработке сценария Т. Шарафутдинов прибегает к «рамочной» композиции. История «пира» служит «рамой» прощального Слова Вальсингама, вбирающего в себя человеческие страсти из «Каменного гостя», «Скупого рыцаря» и «Моцарта и Сальери». С одной стороны, в спектакле Т. Шарафутдинова оживают традиции античного театра (Хор, трагедийный герой), с другой стороны, он наполняет действие постмодернистской игрой, корни которой уходят в молодежное озорство.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «Маленькие трагедии», перевод, Н. Исанбет, М. Максуд, Ш. Мударрис, Г. Шамуков, Ю. Миннуллина, татарский театр, Тимур Шарафутдинов, спектакль «Пир/Чума»

Каждая эпоха выбирает в классическом наследии то, что ей близко, что отвечает духовным потребностям современника. Мензелинский театр обратился к «Маленьким трагедиям» А. С. Пушкина. Спектакль «Хэтэр мәжлес» («Пир/Чума») (реж. Тимур Шарафутдинов) навеян общественными настроениями в условиях пандемии. Г. А. Лапкина, систематизируя материал об истории бытования «Маленьких трагедий» на советской сцене, отметила, что «Пушкин обязывает к художественной смелости» [1]. В

аннотации к татарскому спектаклю ее создатели так сформулировали свою сверхзадачу: «Это спектакль-рефлексия, о времени, в котором мы живем, о вопросах, которые задает себе каждый человек и каждый художник» [2].

Отечественный театр всегда обращается к «Маленьким трагедиям» в переломную эпоху. Это произведение бытует и в киноверсиях. Для И. Смоктуновского, В. Золотухина, В. Высоцкого образы из «Маленьких трагедий» стали знаковыми в их карьере. Из современных постановок в

памяти оживает спектакль литовского режиссера Эймунтаса Някрошюса (1994), осуществленный в рамках его сотрудничества с международным театральным фестивалем «Лайф» (Литва). В 2005 году режиссер Виктор Рыжаков в театре «Сатирикон» по «Маленьким трагедиям» поставил «класс-концерт». Годом позже в Московском театре «Эрмитаж» появился спектакль режиссера Михаила Левитина «Пир во время ЧЧЧумы», где он столкнул наследие классика с творчеством обэриутов. В 2016 г. самарский театр «СамАрт» явил на суд зрителей «Сочинение на темы „Маленьких трагедий“» молодых режиссеров Татьяны Наумовой, Алексея Елхимова и Дмитрия Добрякова под руководством Анатолия Праудина. В 2019 г. режиссер Егор Арсенов поставил «Маленькие трагедии» на Малой сцене Театра на Малой Бронной. Через героев «Маленьких трагедий» современные режиссеры и артисты пытаются поговорить со зрителем о себе, об амбивалентной природе человека, о своей эпохе. Надо сказать, что татарский театр обратился к «Маленьким трагедиям» впервые.

Как известно, драматический цикл должен был состоять из десяти трагедий, однако А. С. Пушкин закончил лишь четыре: «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость» и «Пир во время чумы». Ученые расходятся в формулировках центральной идеи цикла. Так, литературовед Д. Л. Устюжанин считает, что ключевой идеей цикла является идея самоутверждения, свойственная всем персонажам [3], В. И. Тюпа – кризис уединенного сознания, которое не способно наладить контакт с миром [4]. А. Гаркави считает, что «Маленькие трагедии» – это «драматургический цикл, в котором анализируется определенная система страстей человеческих» [5, с. 183]. При этом страсть понимается А. С. Пушкиным «как страстное увлечение той или иной стороной жизни». Общее «расположение „маленьких трагедий“ (по градации страстей – от „менее ценных“ к „более ценным“) получит такой вид: „Моцарт и Сальери“ (наслаждение искусством) – „Каменный гость“ (наслаждение любовью) – „Пир во время чумы“ (наслаждение самой жизнью)» [Там же]. «Наслаждение богатством является ложным, извращенным, по своей общечеловеческой ценности оно решительно уступает другим анализируемым в „маленьких трагедиях“ страстям – поэтому „Скупой рыцарь“ и поставлен в начале цикла» [Там же].

Тимур Шарафутдинов при разработке сценария внес некоторые коррективы как в содержательный, так и в композиционный план пушкинского произведения. Перед зрителями разворачивается очередная версия «молодежного спек-

такля». Вслед за В. Рыжаковым Т. Шарафутдинов вызвал к жизни античный театр с его двумя хорами, отсылающими в нашу современность (санитары в защитных костюмах) и в историю Западной Европы (монахи-францисканцы). В татарском спектакле хор изображает сообщество, существующее в двух временных планах, противостоящее силой молитвы или антисептиков наступлению Чумы-Апокалипсиса. Он воплощает на сцене коллективное начало в противоположность индивидуальному. Хор эмоционально воздействует на зрителя, благодаря движениям, пластике (режиссер по пластике Анна Демидова), костюмам (художник-постановщик Юлия Ветрова).

Т. Шарафутдинов сконцентрировался на внутреннем конфликте главного героя – Председателя Пира – с самим собой, на его размышлениях о амбивалентной природе человека. «Рамой» для татарского спектакля послужили сцены из трагедии «Пир во время чумы», а основная часть – прощальное слово Вальсингама, обращенное к зрителям, состоит из трех историй, описанных в пушкинских трагедиях «Каменный гость», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери».

Спектакль Т. Шарафутдинова отличается текстоцентричностью. Первые татарские переводы «Маленьких трагедий» А. С. Пушкина появились в 1937 году, по случаю столетия годовщины гибели поэта. Так, Н. Исанбет подготовил три перевода пушкинских произведений: поэмы «Бакчасарай фонтаны» («Бахчисарайский фонтан») [6], «Полтава» [7] и трагедию «Таш кунак» («Каменный гость») [8]. Трагедию «Моцарт и Сальери» на татарский язык перевел Габдулла Шамуков [9, с. 386–395], «Скупого рыцаря» – Махмуд Максуд [Там же, с. 370–385], «Пир во время чумы» – Шараф Мударрис [Там же, с. 425–453].

«Маленькие трагедии» написаны пятистопным ямбом. По мнению С. А. Матяш, уникальность «стиха маленьких трагедий в контексте пушкинского творчества» не вызывает сомнений: «от стиха „Бориса Годунова“ он отличается отсутствием цезуры, от стиха „Домика в Коломне“ – отсутствием рифмы» [10, с. 8]. Пушкин-стихотворец добивался стиливого единства цикла, вот почему татарский театр заказал Юлдуз Миннуллиной новый перевод. Стих трагедии разговорный по своей природе. В. М. Жирмунский считает, что стихотворные переносы возникают тогда, когда внутри стиха есть пауза, более сильная, чем концевая [11, с. 151–162]. И. В. Романова полагает, что это происходит, «когда синтаксическая пауза в конце стиха переносится на середину данного или последующего стиха»

[12, с. 81]. По единодушному мнению исследователей, действенная природа драматического стиха состоит в неразрывном и органичном единстве сценического действия и ритмической структуры стиха [13, с. 3–4].

В 1930 году, когда в татарской литературе стал формироваться фонд переводной литературы, среди татарских переводчиков разгорелся жаркий спор по поводу переводческой стратегии. Поводом для дискуссии послужил перевод комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», выполненный «эпическим тружеником» Н. Исанбетом (о переводах Н. Исанбета см. подр. в трудах Р. Ф. Бекметова: [14], [15]). И. Гази был сторонником подстрочного перевода произведений, превращения стихотворного текста в прозаический, а М. Максуд ратовал за художественный перевод с учетом поэтических особенностей оригинала. Н. Исанбет настаивал на том, что драматический стих требует особой стратегии перевода. На примере своего перевода «Горе от ума» писатель продемонстрировал все преимущества перевода оригинала с сохранением не только концевых, но и внутренних рифм. Н. Исанбет настаивал на том, что переводчик должен найти для каждого сценического персонажа свой индивидуальный язык, добиться стилистической однородности в передаче языка эпохи, авторского языка (с присущим авторам характера рифмовки, звукописи, афористичности), базирующегося на богатстве русского языка. Драматический стих, по мнению Н. Исанбета, должен носить действенный характер [16, с. 5–13]. Татарский писатель ссылается в своей статье на авторитетное слово Алексея Толстого: «Искусство диалога идет от виденья жеста и, разумеется, от глубокого внедрения в психику персонажа... Будьте скупы на слова. Пусть каждое из них как заостренная стрела, бьет прямо в цель – в сердце зрителя» (цит. по: [17]). Н. Исанбет рекомендует коллегам, занимающимся переводами произведений, не забывать одну простую истину: «шигъри драмада сәхнә спецификасы да бар, анда сүзләр, шигърь булу өстенә, уен гамәле дә икән». – «в драматическом стихе есть сценическая специфика, в нем слова, помимо того, что играют роль стиха, превращаются в источник сценического действия» (подстр. пер. наш. – М. Х.). Н. Исанбет считает, что перевод должен носить творческий характер. Переводчик должен нащупать для переводимого произведения в татарском языке «свой язык». Он должен видеть перед собой не только читателя, но и артиста со зрителем. Н. Исанбет рекомендует в переводе реже использовать *һәм* и *ә*, в противном случае с татарской сцены на зрителя обрушится в результате неправильного произно-

шения «лай», состоящий из «хам-хам» или протяжно-нудного *ә- ә- ә*. [16, с. 24]. Переводы Ю. Миннуллиной были тепло встречены зрителями ([18], [19], [20] [21]). Введение их в научный оборот – дело будущего.

Главным героем у Т. Шарафутдинова становится Вальсингам (Рустем Зиннуров). Мы заново знакомимся с пушкинскими трагедиями сквозь призму восприятия этого героя. Председатель показан в рубежной ситуации: он недавно потерял близких, поэтому его чувства и разум напряжены до предела. Вальсингам переживает личную трагедию на фоне мировой: на мир наступает Царствие Чумы. Оказавшись в критических обстоятельствах, он сохраняет человеческое достоинство, не ищет утешения в религии, желает обрести бессмертие через свое Слово, обращенное к зрителям. Т. Шарафутдинов задвигает конфликт со священником (Фоат Зарипов) на задний план. На первый план выступает внутренний конфликт героя с самим собой. Размышляя над амбивалентной природой души человеческой, Вальсингам вслушивается в страсти, бушующие в душе. Сон Луизы (Ильсина Миннемуллина) в пространстве татарского спектакля обретает контуры «вещного»: весь мир в финале превращается в «телегу смерти», которую лицезреет священник – оппонент Вальсингама. Если пушкинский Председатель в ситуации смертельной опасности готов выносить новые уроки из жизни, грезит о бессмертии, то шарафутдиновский герой, сполна испив чашу разочарования, уходит из жизни на глазах у зрителей, взбудоражив их сознание.

Как и у А. С. Пушкина, Вальсингам в татарском спектакле оказывается выделенным из среды пирующих. Он созвал пир, но – не среди пирующих. Мы видим его погруженным «в глубокую задумчивость». Он приглашает зрителей к путешествию по тайным уголкам человеческой души. Одинокая фигура Вальсингама проступает из тьмы, где софиты порой выхватывают то очертания разрушенного города, то фигуры пирующих, чьи костюмы под стать одежде завсегдатаев современных ночных клубов или «квартирников». В спектакле присутствует дух пушкинского озорства, характерного для периода лицейского дружества.

На взгляд непосвященного, спектакль Т. Шарафутдинова может показаться несколько скучным, но данный темпоритм как нельзя лучше соответствует атмосфере внутренних мучительных размышлений главного героя о себе и нравственных проблемах человечества в целом. Как верно подметили С. В. Рудакова, И. Рееги, «все четыре пьесы, входящие в пушкинский цикл, раскры-

вают конфликт личности с миром и самим собою в переломную эпоху, когда смещаются, извращаются многие привычные нормы человеческого общежития. Каждое из этих произведений являет собой художественно воплощенный парадокс человеческого существования – вечное столкновение жизни и смерти. Во всех „Маленьких трагедиях“ Пушкина отражено не просто столкновение человека с непреодолимой внешней силой, влекущей его к смертельному финалу, но „взрыв“ в самом человеке, „разрушение“ его изнутри. Потому даже оставшиеся в живых герои не могут освободиться от влияния „ужасного века“, вливающего в их души яд индивидуалистического бунта» [22].

Вальсингам Т. Шарафутдинова считает ситуацию с *мэжлес-улат* (пира-чумы) блестящей возможностью для человека задуматься о своей душе. Режиссер погружает зрителей в атмосферу «гибельного пира». Изучая символику «пира» в наследии А. С. Пушкина, Ю. М. Лотман отметил, что «образ пира в прямом значении этого символа присутствует на всем протяжении творчества Пушкина как положительный» [23, с. 134], в то время как «смысловой центр „Каменного гостя“, „Моцарта и Сальери“ и „Пира во время чумы“ образуется мотивом, который можно было бы определить как „гибельный пир“». У Пушкина «образ пира» приобретает «не только зловеющий, но и извращенный характер: он кощунствен и нарушает какие-то коренные запреты, которые должны оставаться человека нерушимыми» [Там же, с. 132]. «В „маленьких трагедиях“ выбор героев и обстоятельств каждый раз подчинен задаче: раскрыть анализируемую в пьесе страсть в ее крайних, трагических проявлениях», – считает А. Гаркави [5, с. 186].

Первым гостем видений Вальсингама становится «вечный любовник», веселый авантюрист Дон Гуан (Ринат Бадретдинов), всегда готовый к любовным приключениям. Председатель предлагает зрителям поразмышлять над природой *азгындлык* ‘распушенность’. В глазах священника это отступление от порядка. Такова молодежь, устраивающая пиры, застолья, танцы во время чумы, у которой небрежность в одежде выливается в небрежность поступков. Живым воплощением *азгын* (распушенности) в глазах священника является Дон Гуан («*Бозык рухлы, / азгын, / соң оятын жүйган, / Мөртәт бәндә ул*») [18, с. 4], убивший Командора, виновный в гибели Инезы.

Преображение повесы под влиянием любовного чувства на сцене передано через преобразование героинь – объектов его страсти. Артистичная Лаура (Динара Акматова) – «душа» лю-

бой компании – предстает перед зрителями в костюме путаны-хищницы: кожаная мини-юбка, откровенная майка, парик, солнцезащитные очки. Ее чувственная песнь и эротический танец с гитарой проливает свет на характер ее взаимоотношений с Дон Гуаном. Распушенность Лауры граничит с цинизмом: она занимается с ним любовью в присутствии убитого любовника. Жадная до любовных утех героиня во время разлук ищет замену Дон Гуану в случайных любовных связях. Скомканный чек из чековый книжки, небрежно летящий в сторону, превращается в спектакле в «говорящую деталь»: так Дон Гуан выражает свое отношение к Лауре.

Изошренный в искусстве обольщения повеса добивается у гроба мужа свидания у неприступного «ангела» – Доньи Анны (Индира Гарифуллина). Дав волю чувствам, она на глазах зрителя превращается в «жрицу любви», готовую в любую минуту выдернуть из-под подвязок спрятанный пистолет. Статичность облика, строгий покрой платья с длинными рукавами, аккуратно уложенная прическа – все это работает на создание ангельского начала в персонаже. Скорбь по погибшему мужу превратила Донью Анну в «памятник» верности. Дон Гуану удалось разбудить в ней снова женщину. Во время свидания Донья Анна преображается в экзальтированную особу в подвенечном платье с откровенным декольте и голыми руками, тогда как обольститель трансформируется в робкого юношу, томимого любовью и благоговением к любимой. Вчерашний «повеса» готов пойти на смерть ради нее. Режиссер придал сцене гибели влюбленных фарсовые черты. «Маски» повесы Дон Гуана у Т. Шарафутдинова зеркально повторяются в «масках» дробящегося на наших глазах воинствующего «гангстера» Дон Карлоса (Ильмир Кашапов), защищающих честь свою и жены. Бравда счастливого соперника перед статуей оборачивается романтической трагедией, несколько противоречащей пушкинскому трагическому замыслу. Зритель сам должен разглядеть тонкую грань, отделяющую любовь от ненависти, страсть от распушенности, преданность от неверности.

Во второй части Вальсингам приглашает зрителей осмыслить *комсозлык* ‘жадность’, ‘корыстолюбие’, ‘алчность’. Барон (Хафиз Хамматуллин) явлен зрителю в костюме Кота Базилио из знаменитой сказки А. Толстого. Так режиссер выражает свое отношение к жизненной стратегии героя, мистифицирующего силу денег. Мечтая о неограниченной власти, барон не заметил, как золото овладело его душой. Он превратился в скрягу: «*Торган журе – ягылмаган оя, / Үзе*

коры суда, сохарида тора» [19, с. 5]. Сын барона («дэртле егет») (Азат Зиганшин) выплывает из тьмы в военной форме. Так подчеркнут рыцарский потенциал его личности. Барон стремится навязать и ему свои стереотипы и жизненную стратегию. У Альбера нет денег на рыцарские турниры... В отличие от отца, богатство для него не самоцель. Растерявший былые качества рыцаря, Барон предстает перед зрителем в образе ростовщика, не ценящего родственные узы.

В роли искusstителя выступает лукавый еврей в ковбойской шляпе, который рекомендует сыну отравить отца. Альбер остро нуждается в отцовской любви, мечтает о том, чтобы отец узнал в нем сына. Однако ростовщик предпочитает видеть в нем лишь «темную душу». На жизненном турнире сына сбивает с ног не рыцарь-соперник, а тумак родного отца, уверенного в том, что наследник угрожает его состоянию. Финальная сцена истории скупца в спектакле интертекстуально перекликается с картиной И. Репина «Иван Грозный убивает сына». Льющаяся из-под шапки кровь, спокойствие агнца на лице под черными очками, намекающими на «слепоту», – так создается комплекс незащитности любящего ребенка перед выжившим из ума отцом, в припадке гнева убившим своего наследника. Вальсингам, резюмируя эту историю, выносит приговор эпохе: «Явыз дэвер, явыз жаннар чыга». – «Жестокая эпоха, рождаются жестокие души».

3-я история посвящена осмыслению природы *көнчелек* 'зависти'. Она основана на трагедии «Моцарт и Сальери» [9]. Выстраивая новую систему персонажей, режиссер умело использует принцип контраста. Так, Моцарт (Диляра Каримуллина) в спектакле олицетворяет в своем облике естественное, природное начало, а Сальери (Гузель Хамматуллина) – цивилизованное: на голове у него – котелок, некогда созданный для защиты головы лесников, чтобы ветки деревьев за него не цеплялись. Важную роль в характеристике образа приобретает музыка. Движениям Сальери-дирижера свойственна хаотичность, тогда как его другу – пластичность. Образ Моцарта разрабатывается в романтическом ключе: в его облике оживает природа, обладающая гармонизирующим началом. Моцарт через музыку пытается облагородить облик друга: придать ему стройность, подчинить его жизнь природному ритму. В спектакле это передано с помощью совместного танца. Костюм Моцарта окутан романтическим флером, решен в стилистике Пана – воплощение художественного духа, тогда как костюм Сальери отсылает к одинокому недотепе Чарли Чаплину, мечтающему, чтобы его признали то за музыканта, то за джентльмена, способного на вы-

ходящие из рамок нормального поведения поступки. Недотепа разрастается до Тени, живое воплощение Зависти, преследующей Гения. Т. Шарафутдинов переворачивает ситуацию: его гений Моцарт убивает Сальери. Вальсингам выносит из этой истории свой вердикт, что гений и злодейство прекрасно уживаются в человеке.

В финале спектакля-пира звучит знаковая песня Вальсингама, прославляющая Чуму, Царицу грозную, чье наступление открыло личности ее возможности: *«Һәр мизгелдә тере йөрәк өчен / Сүзгә сыймас татлы ләззәт бар. Мәңгелек җан хәтереме? Кеше / Жиңә алса мескен курку көчен, / Йөрәгендә шул ләззәтне таба»* [21, с. 5–6]. – *«Все, все, что гибелью грозит, / для сердца смертного таит / Неизъяснимы наслажденья – Бессмертью, может быть, залог! / И счастлив тот, кто среди волненья / Их обретать и ведать мог»* [24, с. 555–556].

В конце спектакля Священник застывает в молитве, оставшись в одиночестве на земле, превратившейся в одночасье в Царство Чумы, «телегу смерти»... Свет, прорезающий тьму сверху, является зримым подтверждением присутствия Божественного начала в мире, съехавшем с опор.

Создателям спектакля важно подчеркнуть актуальность пушкинского произведения сегодня, поэтому в сценографии важную роль играет видеографика (видеохудожник Андрей Горлачев). Прощальная речь Вальсингама, обращенная к человечеству, тезисно визуализируется на экране. Пульсирующий характер заголовков проецирует колоссальное напряжение мысли, переживаемое героем.

Сценарист Тимур Шарафутдинов, по-новому осмысляя сюжет, вносит свои коррективы и в расстановку персонажей, а также изменяет акценты в их монологах. Так, нам показалось, что режиссер в культе безделья, царящего на пире, разглядел протестные настроения молодежи, не желающей мириться с несовершенством взрослых. Пушкинские персонажи подспудно испытывают желание очиститься, поэтому периодически взаимодействуют с рекой, которая по мере развития действия все более приобретает метафорический характер, превращаясь в Лету – реку забвения из мира мертвых.

Речная гладь постепенно заполняется «пустыми бутылками», отсылающими к современности. В сценическом пространстве они выступают инвариантами «сосуда» и по мере развития действия получают метафорическое истолкование. Согласно религиозной картине мира, физическое тело человека – вместилище, сосуд для его души, выстраиваемой по образу и подобию Божьему. Если человек не воспитывает в себе ангеличе-

ское начало, то пустоту заполонит демоническое начало. Таков закон жизни. Каждый сам создает свою душу и имеет возможность взглянуть на свой жизненный выбор и последствия, благодаря «сгущению реальности» в «Маленьких трагедиях» с позиции Вечности.

Список источников

1. Лапкина Г. А. Идеи и образы «маленьких трагедий» Пушкина на советской сцене // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1967. Т. 5. С. 217–233.
2. Мензелинский государственный татарский драматический театр им. Сабира Амутбаева. URL: <https://rus.minzlateatr.ru/> (дата обращения: 01.02.2022).
3. Устюжанин Д. Л. «Маленькие трагедии» А. С. Пушкина. М: Художественная литература, 1974. 96 с.
4. Дарвин М. Н., Тюпа В. И. Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск: Наука, 2001. 292 с.
5. Гаркави А. «Маленькие трагедии» Пушкина как драматургический цикл: композиция в связи с жанром и художественным методом // Балтийский филологический курьер. 2003. Вып. 3. С. 183–192.
6. Пушкин А. С. Бакчасарай фонтаны / Н. Исәнбәт тәрж. Казан: Татгосиздат, 1937. 39 б.
7. Пушкин А. С. Полтава / Н. Исәнбәт тәрж. Казан: Татгосиздат, 1937. 70 б.
8. Puşkin A. Taş qunaq / A. Puşkin; tərç. N. İsənbət. Qazan: Tatgosizdat, 1937. 51 b.
9. Пушкин А. С. Сайланма әсәрләр. Казан: Татгосиздат, 1949. 754 б.
10. Матяш С. А. Стихотворные переносы (enjambement) в «Маленьких трагедиях» Пушкина // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 11 (105) С. 8–13.
11. Жирмунский В. М. Теория стиха. Л.: Сов. писатель, 1975. 664 с.
12. Романова И. В. О некоторых особенностях поэтического синтаксиса И. Бродского // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 11. С. 81–87.
13. Мультипули В. М. Стихотворение: учебное пособие. СПб.: СПбГУКИ, 1991. 75 с.
14. Бекметов Р. Ф. О русской классике в переводах Н. Исәнбәт // Казанская наука. 2020. № 9. С. 7–14.
15. Бекметов Р. Н. Исәнбәт рус классик әдәбиятын тәржемә итүче буларак // Tatarica. 2020. № 14. 48–62 б.
16. Исәнбәт Н. Тәржемә һәм аны тәнкыйтьләү нигезләре турында кайбер фикерләр («Акыллылык бәләсе» тәржемәсенә чыккан тәнкыйть уңае белән) // Н. Исәнбәтнең шәхси архивы. Кулязма. Машинада басылган. 20.12.1945. 26 б.
17. Толстой А. О драматургии (Доклад Первому съезду писателей). URL: <http://tolstoy-a-n.lit-info.ru/>

tolstoy-a-n/articles/tolstoy-a-n/o-dramaturgii-sezdu-pisatelej.htm (дата обращения: 01.02.2022).

18. Пушкин А. С. Дон Гуан / Й. Миңнуллина тәрж. // Минзәлә театры китапханәсе. Кулязма. 2022. 29 б.
19. Пушкин А. С. Комсыз рыцарь / Й. Миңнуллина тәрж. // Минзәлә театры китапханәсе. Кулязма. 2022. 16 б.
20. Пушкин А. С. Сальери белән Моцарт / Й. Миңнуллина тәрж. // Минзәлә театры китапханәсе. Кулязма. 2022. 9 б.
21. Пушкин А. С. Үлэт чоры мәжлесләре / Й. Миңнуллина тәрж. // Минзәлә театры китапханәсе. Кулязма. 2022. 8 б.
22. Рудакова С. В., Регеци И. Между жизнью и смертью (образ «пира» в контексте «маленькой трагедии» А. С. Пушкина «Пир во время чумы») // Libri Magistri. 2018. № 6. С. 76–92.
23. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. 352 с.
24. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 5 т. Т. 2. СПб.: Библиополис, 1993. 623 с.

References

1. Lapkina, G. A. (1967). *Idei i obrazy "malen'kikh tragedii" Pushkina na sovetskoi stsene* [Ideas and Images of Pushkin's "Little Tragedies" on the Soviet Stage]. Pushkin: Issledovaniia i materialy. Leningrad, Nauka, V. 5, pp. 217–233. (In Russian)
2. Menzelinskii gosudarstvennyi tatarskii dramatičeskii teatr im. Sabira Amutbaeva [Menzelinsk State Tatar Drama Theater named after Sabir Amutbayev]. URL: <https://rus.minzlateatr.ru/> (accessed: 01.02.2022). (In Russian)
3. Ustiuzhanin, D. L. (1974). "Malen'kie tragedii" A. S. Pushkina [A. S. Pushkin's "Little Tragedies"]. 96 p. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)
4. Darvin, M. N., Tiupa, V. I. (2001). *Tsiklizatsiya v tvorčestve Pushkina: Opyt izučeniia poetiki konvergentnogo soznaniia* [Cyclization in Pushkin's Work: The Experience of Studying the Poetics of Convergent Consciousness]. 292 p. Novosibirsk, Nauka. (In Russian)
5. Garkavi, A. (2003). "Malen'kie tragedii" Pushkina kak dramaturgičeskii tsikl: kompozitsiia v sviazi s zhanrom i khudozhestvennym metodom [Pushkin's "Little Tragedies" as a Dramaturgical Cycle: Composition in Connection with Genre and Artistic Method]. Baltiiskii filologičeskii kur'er. Vyp. 3, pp. 183–192. (In Russian)
6. Pushkin, A. S. (1937). *Bakchasarai fontany* [Bakchisaray Fountains]. N. Isanbet's translation. 39 p. Kazan, Tatgosizdat. (In Tatar)
7. Pushkin, A. S. (1937). *Poltava* [Poltava]. N. Isanbet's translation. 70 p. Kazan, Tatgosizdat. (In Tatar)
8. Puşkin, A. (1937). *Taş qunaq* [The Stone Guest]. N. Isanbet's translation. 51 p. Qazan, Tatgosizdat. (In Tatar)

9. Pushkin, A. S. (1949). *Sailanma eserler*. [Selected Works]. 754 p. Kazan, Tatgosizdat. (In Tatar)
10. Matiash, S. A. (2009). *Stikhotvornye perenosy (enjambement) v "Malen'kikh tragediiakh" Pushkina* [Poetic Transferences (Enjambement) in Pushkin's "Little Tragedies"]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 11 (105), pp. 8–13. (In Russian)
11. Zhirmunskii, V. M. (1975). *Teoriia stikha*. [Theory of Verse]. 664 p. Leningrad, Sov. pisatel'. (In Russian)
12. Romanova, I. V. (2006). *O nekotorykh osobennostiakh poeticheskogo sintaksisa I. Brodskogo* [On Some Features of the Poetic Syntax of I. Brodsky]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 11, pp. 81–87. (In Russian)
13. Mul'tatuli, V. M. (1991). *Stikhodeistvie: uchebnoe posobie*. [Poetry: A Textbook]. 75 p. St. Petersburg, SPbGUKI. (In Russian)
14. Bekmetov, R. F. (2020). *O russkoi klassike v perevodakh N. Isanbeta* [On the Russian Classics in N. Isanbet's Translations]. *Kazanskaia nauka*. No. 9, pp. 7–14. (In Russian)
15. Bekmetov, R. N. (2020). *Isanbet rus klassik edebiiatyn terjeme ituche bularak* [N. Isanbet as a Translator of Russian Classic Literature]. *Tatarica*. No. 14, pp. 48–62. (In Tatar)
16. Isanbet, N. (20.12.1945). *Terjeme hem any tenkyit'leu nigezler turynda kaiber fikerler ("Akylylyk belase" terjeme chykkan tenkyit' unae belen)* [Some Opinions about Translation and the Basics of Its Criticism (taking into account the criticism published in the translation of "Woe from Wit")]. N. Isanbetnen shakhsi arkhiy. Kul'iazma. Mashinkada basylgan. 26 p. (In Tatar)
17. Tolstoi, A. *O dramaturgii* ((Doklad Pervomu s"ezdu pisatelei). [On Drama (Report to the First Congress of Writers)]. URL: <http://tolstoy-a-n.lit-info.ru/tolstoy-a-n/articles/tolstoy-a-n/o-dramaturgii-sezdu-pisatelej.htm> (accessed: 01.02.2022). (In Russian)
18. Pushkin, A. S. (2022). *Don Guan* [Don Juan]. I. Minnullina's translation. Minzele teatry kitapkhanese. Kul'iazma. 29 p. (In Tatar)
19. Pushkin, A. S. (2022). *Komsyz rytsar'* [The Miserly Knight]. I. Minnullina's translation. Minzele teatry kitapkhanese. Kul'iazma. 16 p. (In Tatar)
20. Pushkin, A. S. (2022). *Sal'eri belen Motsart* [Mozart and Salieri]. I. Minnullina's translation. Minzele teatry kitapkhanese. Kul'iazma. 9 p. (In Tatar)
21. Pushkin, A. S. (2022). *Ulet chory mejleslere* [A Feast during the Plague]. I. Minnullina's translation. Minzele teatry kitapkhanese. Kul'iazma. 8 p. (In Tatar)
22. Rudakova, S. V., Regetsi I. (2018). *Mezhdz zhizn'iu i smert'iu (obraz "pira" v kontekste "malen'koi tragedii" A. S. Pushkina "Pir vo vremia chumy")* [Between Life and Death (the image of a "feast" in the context of A. S. Pushkin's "little tragedy" "A Feast in Time of Plague")]. *Libri Magistri*. No. 6, pp. 76–92. (In Russian)
23. Lotman, Iu. M. (1988). *V shkole poeticheskogo slova. Pushkin. Lermontov. Gogol'*. [At the School of the Poetic Word. Pushkin. Lermontov. Gogol']. 352 p. Moscow, Prosveshchenie. (In Russian)
24. Pushkin, A. S. (1993). *Sobranie sochinenii v 5 t.* [Collected Works in 5 Vols]. V. 2. 623 p. St. Petersburg, Bibliopolis. (In Russian)

The article was submitted on 21.12.2021
Поступила в редакцию 21.12.2021

Хабутдинова Милеуша Мухаметзяновна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
mileuscha@mail.ru

Khabutdinova Milyausha Mukhametsyanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
mileuscha@mail.ru

РЕЦЕПЦИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЕ

© Милеуша Хабутдинова, Чулпан Зарипова-Четин

RECEPTION OF F. M. DOSTOEVSKY IN MODERN TATAR CULTURE

Mileusha Khabutdinova, Chulpan Zaripova-Cetin

This work studies the reception of Fyodor Dostoevsky's heritage in Tatar culture. The article systematizes the material on the following topics: "Dostoevsky and Kazan" and "Dostoevsky and Tatar Literature". Our study is based on the works of the Tatar writer A. M. Gilyazov, the performances of the Menzelinsk State Tatar Drama Theater named after S. Amutbayev "Uncle's Dream" (directed by R. Ayupov, 2016) and "Crime and Punishment" (directed by I. Kazakbayev, 2021). We used the comparative and hermeneutic methods in our research.

Ayaz Gilyazov got acquainted with the work of the Russian writer during his studies at Kazan University. The epistolary legacy of A. M. Gilyazov, his diaries and literary works testify to the steady interest of the Tatar writer in the work of F. M. Dostoevsky. There are several ways of artistic reception: writing-reading, intertextuality and stylistic reception.

In 2016, the Menzelinsk State Tatar Drama Theater named after S. Amutbayev staged the play "Uncle's Dream" ("Abzyynin toshe") (directed by Rinat Ayupov). It is for the first time that the Tatar Theater has put on the work of the great Russian writer. M. Knebel and P. Markov's dramatization was translated into Tatar by A. Gafurov. R. Ayupov made adjustments to the plot of the dramatization. The ideological and artistic potential of the story was transmitted without change. This is a play about the frailty of human life and its genre is tragicomedy. In his production, R. Ayupov brilliantly realized the traditions of the carnival culture, puppet theater and vaudeville. The play uses such comic techniques as many overtaking events and tense dialogues; a dramatic effect is achieved through the compactness of action in time and space. In his performance, R. Ayupov preserves the principle of pairing of the suitors' debunking and of the key characters, he also develops the motif of sleep.

In 2021, I. Kazakbayev staged the play "Crime and Punishment" in the same theater. The scenography is based on a parallel with modernity (the theme of the "little man" in Aleksandr Solzhenitsyn's story "One Day in the Life of Ivan Denisovich"). The director reflects on the potential of the "little man", on the harsh reality that can destroy a person's soul. In the play, the theory of R. Raskolnikov is measured by a "child's tear". Adjustments have been made to the character system: the Superman, the Pioneer-Boy, the Pioneer-Girl and the Ghost have been added. In I. Kazakbayev's dramatization, the game element dominates. The theme of the card game is focused on deepening the tragic meanings of the eternal life game, into which the characters are involved. The game behavior of the characters is based on the antithesis of behavior and idea. In the performance, the "extraordinary man" game acts as a projection of the future.

Keywords: Russian-Tatar literary interrelations, Fyodor Dostoevsky, Ayaz Gilyazov, writer's library, reception of creative work

Цель работы – изучить особенности рецепции наследия Ф. М. Достоевского в татарской культуре. В статье систематизирован материал по темам «Достоевский и Казань» и «Достоевский и татарская литература». Материалом для исследования послужили произведения татарского писателя А. М. Гилязова, спектакли Мензелинского государственного татарского драматического театра имени С. Амутбаева «Дядюшкин сон» (реж. Р. Аюпов, 2016) и «Преступление и наказание» (реж. И. Казакбаев, 2021). Основные методы исследования – компаративистский и герменевтический.

А. Гилязов познакомился с творчеством русского писателя в годы учебы в Казанском университете. Эпистолярное наследие А. Гилязова, его дневники и художественные произведения свидетельствуют об устойчивом интересе татарского писателя к творчеству Ф. М. Достоевского. Художественная рецепция осуществляется в нескольких направлениях: письмо-чтение, интертекстуальность, стилистическая рецепция.

В 2016 году Мензелинский государственный татарский драматический театр им. С. Амутбаева поставил спектакль «Дядюшкин сон» («Абзынның төше») (реж. Ренат Аюпов). Татарский театр

впервые обратился к творчеству великого русского писателя. Инсценировку М. Кнебель, П. Маркова перевел на татарский язык А. Гафуров. Р. Аюпов внес коррективы в сюжет инсценировки. Идеино-художественный потенциал повести передан без изменения. Это спектакль о бренности бытия. По жанру – трагикомедия. Р. Аюпов в своей постановке блестяще реализовал традиции карнавальской культуры, кукольного театра, водевиля. В спектакле использованы такие приемы комического, как множество настигающих друг друга событий, напряженные диалоги; драматизм достигается через сжатость действия во времени и пространстве. В спектакле Р. Аюпова сохранен принцип парности развенчания женихов, парность ключевых символов, разрабатывается мотив сна.

В 2021 г. И. Казакбаев поставил в этом же театре спектакль «Преступление и наказание». Сценография основана на параллели с современностью (тема «маленького человека» в повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»). Режиссер размышляет о потенциале «маленького человека», о том, что жестокая реальность может погубить душу человека. Теория Р. Раскольникова в спектакле измеряется «детской слезинкой». В систему персонажей внесены коррективы: добавлены Супермен, пионер, пионерка, призрак. В инсценировке И. Казакбаева господствует игровая стихия. Тема карточной игры ориентирована на углубление трагедийных смыслов вечной жизненной игры, в которую втянуты герои. Игровое поведение персонажей основано на антитезе поведения и идеи. Игра в «необыкновенного» в спектакле выступает проекцией будущего.

Ключевые слова: русско-татарские литературные взаимосвязи, Ф. М. Достоевский, А. М. Гилязов, библиотека писателя, рецепция творчества

Тема «Достоевский и Казань» не раз привлекала внимание русских литературоведов, проживающих в Татарстане. В 1970 г. увидела свет статья Ю. А. Красовского, где впервые было опубликовано письмо русского классика к жителю Казани Н. Ф. Юшкову [1]. В 1981 г. выходит статья Е. Г. Бушканца «Достоевский в Казани» [2]. В монографии Е. Г. Кузнецовой «Ф. М. Достоевский и Казань (писатель и культура русской провинции второй половины XIX – начала XX вв.)» подробно рассмотрена проблема восприятия творчества писателя казанскими читателями в первой трети XIX – начале XX века. В книге богатый биобиблиографический список источников, связанных с именем Ф. М. Достоевского [3].

Тема «Достоевский и татарская культура» на сегодня является менее изученной. Татарские переводчики обращались к творчеству великого классика лишь дважды. В 1974 г. Р. Даутов впервые перевел на татарский язык роман «Преступление и наказание» [4]. В 2016 г. Альфир Гафуров перевел инсценировку М. Кнебель, П. Маркова «Дядюшкин сон» [5]. В 2021 г. инсценировку И. Казакбаева по мотивам романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» перевела на татарский язык Гузель Ахметгараева [6].

Среди научных работ татарских литературоведов хотелось бы особо выделить труды Ю. Г. Нигматуллиной. Так, большой интерес в России и за рубежом вызвало исследование литературоведа «Образ Магомета в системе романов Ф. М. Достоевского» [7, с. 126–133]. В 2008 г. литературовед опубликовала в монографии «Синергетический аспект в исследовании художественного творчества» итоги экспериментальной работы со студентами 3 курса КГУ «Исполь-

зование метода картограмм при изучении романа Ф. М. Достоевского „Идиот“» [8, с. 32–38, 82–88]. Помимо этого, она исследовала систему фокусов в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» [Там же, с. 25–28]. В. Р. Аминева в эстетике и миропонимании татарского писателя Г. Рахима обнаружила точки соприкосновения с литературно-психологическим опытом великого русского писателя [9, с. 339–352], выявила прогностическую направленность снов героев в романах Ф. М. Достоевского «Идиот», Г. Ибрагимов «Молодые сердца», Г. Исхаки «Нищенка» [Там же, с. 390–419]. Интересные наблюдения содержатся в трудах А. М. Саяповой ([10], [11], [12]). Ряд литературоведов занимались изучением тем «Ф. Достоевский и Х. Такташ» [13], «Ф. Достоевский и А. Гилязов» ([14], [15], [16]). Тема «Ф. М. Достоевский на сцене татарского театра» раскрыта в трудах И. Иляловой и М. Хабутдиновой [17].

Новизна данного исследования состоит в том, что выявлена роль трудов Ф. М. Достоевского в творчестве А. М. Гилязова, рассмотрена специфика сценической интерпретации романа «Преступление и наказание» на татарской сцене.

Аяз Мирсаидович Гилязов (1928–2002) – народный писатель Республики Татарстан (1993), видный татарский прозаик, драматург, публицист, лауреат Государственных премий ТАССР им. Г. Тукая (1978), РСФСР им. М. Горького (1987), лауреат литературных премий имени Гаяза Исхаки и Суббуха Рафикова. Один из тех татарских писателей, чье творчество ознаменовало собой целый этап в истории национальной литературы. А. Гилязов является заслуженным деятелем искусств ТАССР (1978), РСФСР (1985).

Впервые в руки взял томик Ф. М. Достоевского А. Гилязов еще в студенческие годы. Зимой 1946–1947 гг. он провел на родине, в деревне В. Багряж Заинского района Татарии. А. Гилязов был вынужден бросить учебу в университете, так как над ним и его друзьями нависла угроза ареста за чтение запрещенных книг. В деревне он занимался самообразованием, литературным творчеством. Брат привозил ему книги из города. Так в его руки попал роман «Преступление и наказание». В 1940-е – начале 1950-х гг. восхищаться Достоевским было не принято. Вот как описывает татарский писатель свои первые впечатления: «Эту книгу я читал с упоением, с сумасшедшим восторгом, забыв на время о сне. Я не помню, сколько раз перечитывал произведение». Читая исповедь Мармеладова, студент татарского отделения увидел перед собой миллионы своих современников, которым также было «уже больше некуда идти». А. Гилязов черпал силу и веру в себя в наследии русского классика. «Муки и слезы – ведь это тоже жизнь», «В несчастье яснеет истина» – вот что он взял на вооружение у Достоевского. Эти ставшие крылатыми слова помогли ему не только пережить трудности послевоенных лет и ужасы сталинских лагерей, но и сформировать жизненное кредо [18, с. 76–77]. А. Гилязов был осужден по 58 статье и 6 лет провел в лагерях Караганды.

«Родион Раскольников, Соня Мармеладова, подобно струям воды, льющимся непрерывно из мельничного шлюза, неизменно держали меня в водовороте беспокойной мысли», – признается позднее писатель в своем автобиографическом произведении [Там же, с. 77]. Они покорили А. Гилязова силой страдания. Описывая в повести «Весенние караваны» абсурд советской действительности, А. Гилязов представляет, как рядом с его односельчанами по раскисшей дороге шагают «Родионы-Сони» [Там же]. Благодаря русскому классику, писатель понял, что способность к страданию – это способность чувствовать, двигаться вперед, а чувство счастья примиряет с действительностью – и со злом в ней. Роман постепенно стал ему дорог тем, что каждая его страница была пронизана духом протеста против государственной системы, превращающей народ в «тварь дрожащую». А. Гилязов в своих воспоминаниях признается, что «до лагеря с ума сходил по Достоевскому» [Там же, с. 184].

Это нашло отражение в литературном творчестве. Трагедию послевоенной деревни, погибающей от голода и асептической ангины, начинающий писатель «постарался зафиксировать» в новелле «Гибель гитариста» (1946) (см. подр.: [15]). Через полгода А. Гилязова вызвали на до-

прос в районное отделение министерства государственной безопасности (МГБ). Его обвинили в «очернении советской действительности» [18, с. 87]. В 1948 г. А. Гилязов восстановился в университете, на одном из заседаний литературного кружка прочитал свою новеллу. 8 апреля 1949 г. в университетской газете «Ленинец» (№12/314, 1949 г.) была опубликована статья «На неправильных позициях», в которой студента 2 курса раскритиковали за то, что в его творчестве «имеются элементы формализма и эстетства», за идейную ограниченность произведений, глубокий анализ душевных страданий героев. Это еще одно свидетельство влияния русского классика на А. М. Гилязова (см. подр.: [15], [16]).

Любовь и интерес к наследию Ф. М. Достоевского татарский писатель пронес через всю свою жизнь. Анализ художественного мира его произведений указывает на то, что А. М. Гилязов взял на вооружение традиции русской прозы. Художественная рецепция осуществляется в нескольких направлениях: письмо-чтение, интертекстуальность, стилистическая рецепция. Диалог А. Гилязова с Ф. Достоевским легко встретить на страницах повести «Один», романов «В чьих руках топор?», «Давайте помолимся!» (см. подр.: [16]).

Не секрет, что любая личная библиотека есть ценный историко-культурный источник. Произведения Ф. М. Достоевского появились в библиотеке А. М. Гилязова в период «оттепели». Круг книг заметно расширился с годами: «Братья Карамазовы» [19], «Повести и рассказы» [20], «Униженные и оскорбленные» [21], «Дядюшкин сон. Село Степанчиково и его обитатели» [22], «Бедные люди. Неточка Незванова» [23], «Подросток» [24], «Идиот» [25]. С карандашом в руках были прочитаны воспоминания о Ф. М. Достоевском и его переписка ([26], [27], [28]). Немало в библиотеке и научных монографий по Ф. М. Достоевскому: В. А. Туниманов [29], В. И. Кулешов [30], Ю. Селезнев [31], вырезок (статьи Ю. Ф. Карякина, например: [32] и др.). При изучении книг мы выявили, что А. Гилязов во время чтения оставлял заметки на полях. Это ценнейший источник в плане изучения диалога татарского писателя со своим кумиром. Предметом особого восхищения А. М. Гилязова являются размышления Ф. М. Достоевского о природе национального. Особенно много пометок на полях «Записок из Мертвого дома». Так, размышления русского классика о «важно-благоклонной, то есть чисто мусульманской улыбке» сопровождает следующий комментарий: «Свет исламской веры. Он это учуял!». Порой татарский писатель полемизирует с Ф. Достоевским. Имея

за плечами опыт сталинских лагерей, А. М. Гизов выразил сомнение в истинности следующего утверждения: «Боже мой! да *человеческое обращение* может очеловечить даже такого, на котором давно уже потускнел образ божий!», оставив пометку: «Так ли!»; на полях очень много заметок, где содержатся наблюдения писателя о лагерях, комментарии про остроги из «Мертвого дома». Изучение маргиналий позволит глубже понять мировоззрение татарского писателя, характер диалога с творчеством Ф. М. Достоевского.

Татарский театр редко обращается к наследию русского классика. Настоящий прорыв в данном направлении совершил Мензелинский государственный татарский драматический театр им. С. Амутбаева, который за последние годы дважды обращался к произведениям Ф. Достоевского. В 2016 году режиссер Ренат Аюпов поставил спектакль «Дядюшкин сон» («Абзыйнын төше»). Это было первое обращение татарского театра к творчеству великого русского писателя. Инсценировку М. Кнебель, П. Маркова [5] перевел на татарский язык А. Гафуров. Р. Аюпов, хотя и внес коррективы в сюжет, сохранил без изменений в инсценировке идейно-художественный потенциал повести. Это спектакль о бренности бытия. По жанру – трагикомедия. Р. Аюпов в своей постановке блестяще реализовал традиции карнавальской культуры, кукольного театра, водевиля. В спектакле использованы такие приемы комического, как множество наступающих друг друга событий, напряженные диалоги; драматизм достигается через сжатость действия во времени и пространстве. В спектакле Р. Аюпова сохранен принцип парности развенчания женихов, парность ключевых символов, разрабатывается мотив сна (см. подр.: [17]).

В 2021 г. в этом же театре состоялась премьера спектакля по «Преступлению и наказанию». Как считает автор инсценировки и режиссер Ильсур Казакбаев, размышляя об антитезе «необыкновенный – обыкновенный» человек, Родион Раскольников приходит к пониманию, что какая бы великая идея тебя ни вела, «право» не имеешь. Как бы парадоксально ни было, не великая идея, а искреннее сострадание дало возможность Раскольникову стать тем самым «необычным» человеком, про которого он писал в своей статье. Он смог искренне полюбить Человека, возлюбить ближнего – во все времена это станет даром только «необычных» людей [33].

Сюжет спектакля основан на параллели с советской действительностью, где «право имеющие» вершили свой эксперимент над советским «маленьким человеком», итогом которого могла

стать ссылка в трудовой лагерь или тюремное заключение. Образ бетономешалки и человека в ватнике отсылает нас к теме «маленького человека» в повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Режиссер размышляет о потенциале «маленького человека», о том, что жестокая реальность может погубить душу человека. Теория Р. Раскольникова (Рустем Зиннуров) в спектакле измеряется «детской слезинкой» (Язгуль Галиева, Фагим Загриев). И. Казакбаев прибегает к параллели в системе детских образов: дети Катерины Ивановны соотносятся с пионерами из советского будущего. В систему персонажей внесены коррективы: добавлены образы Супермена, пионеров, призрака. Все это позволяет расширить хронотоп спектакля до нашей современности, выйти на философскую проблематику.

И. Казакбаев прибегает при инсценировании к приему аналитического прочтения, когда событийная рама включает не только отечественные события, но и зарубежные. Так, детская игрушка Супермен не случайно то и дело появляется в пространстве спектакля. Налицо интертекстуальное прочтение образа режиссером. Этот артефакт из мира детства современных детей отсылает нас к миру американских комиксов. Как утверждает И. Кислицын, Джерри Сигел и Джо Шустер создали этот образ для газеты, когда им исполнилось 17 лет. В своем творческом поиске оттолкнулись от работ Ф. Ницше и повести Мэри Шелли «Франкенштейн». Вдохновившись комиксом «Детектив Дэн» Нормана Марша, в середине 1930-х гг. они доработали образ супермена. Сигел и Шустер в 1938 г. в новом комиксе презентовали ставший сегодня каноническим образ Кларка [34]. Используя символику буквы S («спасение»), создатели Кларка подводят нас к выводу, что Зло в мире есть следствие нашего негативного мышления, которое отражается на наших поступках, подобие греха, что порождает преступность. Так соединяет И. Казакбаев теорию Раскольникова с современными идеями, которые оказывают влияние на молодежь. В этом свете глобус в руках детей амбивалентен. В пространстве спектакля этот артефакт, заимствованный из интерьеров современных офисов, есть символ стремления к знаниям, с одной стороны, и символ власти, несущий в себе потенциал влияния на других, с другой стороны (вспомните историю с германским глобусом в Санкт-Петербурге).

Творческая энергия И. Казакбаева направлена на драматизацию конфликтов. В его инсценировке господствует игровая стихия. Тема карточной игры ориентирована на углубление тра-

гедийных смыслов вечной жизненной игры, в которую втянуты герои. Игровое поведение персонажей основано на антитезе поведения и идеи. Игра в «необыкновенного» в спектакле выступает проекцией будущего. У каждого персонажа в спектакле свой путь выживания. Сущность игры в спектакле – в преодолении, в выходе на другой уровень бытия. Сознание главного героя является призмой, где, преломляясь, проходит много смыслов, сформулированных другими персонажами. Достоевский наделяет своего героя творящим словом, и зритель становится свидетелем сотворения мира при помощи слова.

В «зеркале» Наполеона мы видим метафорические имплицитные портреты двух женщин: Катерины Ивановны и жены Шухова, которая надеется, что муж (призрак) – человек в ватнике – вернется с лесоповала, «подымутся из нищеты», «в колхоз ни ногой». У Шухова две взрослые дочери, которые в результате экспериментов «необыкновенных» вождей стали сиротами при живом отце. Сын Шухова умер в младенчестве – «зримая цена» большевистских экспериментов над деревней (коллективизация, голод и т. д.).

Диалог Мармеладова и Р. Раскольникова выливается в спектакле в весьма экспрессивную картинку подготовки дочери к выходу на панель. Призрак Мармеладова «раздевает» пионерку-дочь. В облике Сони (Диляра Каримуллина) – куклы в руках отца и мачехи – обнаруживается внутреннее родство с Суок из «Трех толстяков» Ю. Олеши, в которой писатель выразил свое восприятие революции 1917 года. Соня помогла Родиону выбраться из мировоззренческого кризиса, вернула его в мир добра. Суок спасла от жестокости наследника трех толстяков.

По словам И. Казакбаева, образ Отца в спектакле – собирательный по своей сути. Режиссер стремился в этом образе воплотить христианское понимание Отца, вот почему Р. Бадрутдинов существует один в трех лицах. В репликах этого персонажа переплелись воедино реплики отца Р. Раскольникова, Порфирия Петровича и других героев романа «Преступление и наказание».

Вертикальное пространство спектакля состоит из образов верхнего, среднего и нижнего (подполья) миров. Р. Раскольников в спектакле существует в пространстве гроба-каморки. Важное место отводится образам лестницы, двери, зеркала. Как верно подметил на обсуждении Н. Игламов, перед нами потрясающая работа сценографа и художника по свету, которые отлично передают состояние воспаленного сознания Раскольникова. Острые углы, искаженные пропорции, низкий потолок и скошенные стены, на которые падают огромные тени в эстетике

немецкого экспрессионистского кино, как нельзя лучше передают пограничное состояние человека.

Хронотоп И. Казакбаева не столько фон, сколько значимая часть характеристики персонажей. Пространство Раскольникова расширяется за счет портретов «необыкновенных людей», успевших реализовать жизненную стратегию в ту или иную эпоху. На наших глазах герой постоянно манипулирует картой, на которой зеркально написано 2 слова: *преступление / наказание*. В роли Джокера-зеркала выступает карта с изображением Наполеона с закрытыми глазами (метафора слепоты, заблуждения). В спектакле важное место отводится желтому цвету – знаку надрывности, болезненности, безумия, что приводит к усилению символики (доски, топор, крем для загара для Софьи Мармеладовой и др.) (худ. С. Скоморохов). Р. Раскольников разбивает свою теорию – «топор». В финале в руках остаются лишь жалкие и бесполезные куски топорщица. Так подчеркнута метафорически в пространстве спектакля несостоятельность теории (см. эпилог романа «Преступление и наказание»).

На сцене есть предметы, связанные с миром детства: игрушка Супермен, глобус, мелки, воздушные шары, которые также получают символическое прочтение. Картинки и другие действия пионера и пионерки нацелены на усиление трагедийных смыслов мизансцен. Амбивалентны образы воздушных шаров, которые ассоциируются со свободой, преодолением жизненных препятствий. Попытка подчинить себя приведет к утрате легкости и свободы. Вот почему шары нет-нет и возникают в пространстве спектакля: их рисуют дети, их варварски уничтожает Раскольников... Все это метафорическое прочтение И. Казакбаевым темы «личность и власть». Беззащитность старухи-процентщицы и ее сестры также измеряется в спектакле «детской слезинкой». При создании этих персонажей в стилистике комикса И. Казакбаев эксплуатирует прием «детскость». Казалось бы, хрестоматийное содержание произведения всем знакомо до боли, однако тема насилия над ребенком ввергает зрителя в шок, заставляет нас увидеть в убийстве – прежде всего убийство. Мы все испытываем ужас. Из фонтана метафор, ассоциаций, интертекстуальных вкраплений проступает бессмертная мысль русского классика: любое убийство человека – ужасно!

Опосредованно проводя код «Преступления и наказания» сквозь драматургический ремейк с «Одним днем Ивана Денисовича» А. Солженицына, «Тремя толстяками» Ю. Олеши, с Суперменом Сигела и Шустера, И. Казакбаев «расши-

ряет онтологическую модель „маленького человека“ и постулирует тем самым открытую метаморфозам реальность мира вне жестких координат бытия – небытия» [35].

Ильгиз Зайниев в Набережночелнинском театре кукол поставил спектакль по мотивам повести Ф. Достоевского «Кроткая». Татарский режиссер переосмыслил произведение, выдвинул на первый план не те проблемы, которые были актуальны на момент его создания, а актуальные в свете сегодняшнего дня: «Мы не слышим друг друга! Вот об этом мой спектакль». Материал анекдотичен, перед нами на первый взгляд не разворачивается ничего значительного. Но по мере размышлений о главном герое – безымянном ростовщике, стремящемся осмыслить самоубийство жены, перед зрителем разворачивается сложный психологический пласт произведения. Двенадцать боксов напоминают нам кадры кинохроники (худ. Денис Токарев). Обрывки воспоминаний в рефлексирующем сознании переданы всполохами света в боксах. Неспособность героев выразить чувства, их внутренняя несвобода выражена через фактуру кукол. Они максимально обезличены: похожи друг на друга внешне, в движениях. Это куклы на шарнирах.

И. Зайниев вновь прибегает к своему излюбленному приему: чтобы подчеркнуть незащищенность и хрупкость героини, он эксплуатирует антитезу – над куклой на столе нависает огромная фигура актера, подсвеченная с рамп. Именно эта разница в масштабах организует угол восприятия происходящего. Цепляет метафора – очертание человека под простыней, который при ближайшем рассмотрении оказывается конструкцией из множества крохотных кукол, каждая из которых олицетворяет одно из мучительных воспоминаний. И. Зайниев продемонстрировал бережное отношение к художественному миру классика. Как и в первоисточнике, в спектакле есть недосказанность. Мы видим героя в рубежном состоянии. Ростовщик пытается сделать из Кроткой свою вещь, и кукла в данном случае – самая удачная и доступная для зрителя аллегория. На IV Межрегиональном фестивале театров кукол «Золотое колечко» спектакль удостоился двух номинаций: «Лучшая режиссерская работа», «Лучший спектакль».

Нижнекамский государственный татарский драматический театр обратился к роману «Идиот». В честь юбилея классика был поставлен спектакль «Сакаллы бабай» («Бородатый дед») (инсц. Илгузара Мухамматгалиева, реж. Рустам Галиев). «Тех, кто совершенно не вписывался в общество, не участвовал в его делах, раньше называли идиотами. А кто такие „идиоты“ в совре-

менном обществе? Разве мы не сами? Путь, по которому идет общество, состоит из слов, из многочисленных идеологических заблуждений. Достоевский своим „Идиотом“ нас „бьет“, показывает нам наши же лица. Все мы умные, разумные, образованные. Слов много говорим, да мало делаем. В мелких словах топим большие дела. Даже любовь людей превращается в сплошную пустую болтовню. Снижение нравственных и духовных ценностей тоже происходит не без нашего участия», – гласит аннотация к спектаклю, который, к сожалению, нам посмотреть пока не удалось. Спектакль принимал участие в XXV Международном театральном фестивале Ф. М. Достоевского в Нижнем Новгороде.

Татарская культура нечасто обращается к наследию Ф. М. Достоевского. Русский классик для татарского читателя – писатель-провидец, философ, психолог, глубоко раскрывший «глубины души человеческой», совершивший прорыв в освоении мусульманской идентичности. Знакомство с его произведениями усилило в творчестве татарских деятелей культуры роль социальных мотивировок в обрисовке персонажей.

Список источников

1. Красовский Ю. А. Казанский корреспондент Ф. М. Достоевского (Неопубликованное письмо к Н. Ф. Юшкову) // Встречи с прошлым. Вып. 1. М: Советская Россия, 1970. С. 47–50.
2. Бушканец Е. Г. Достоевский в Казани // Вечерняя Казань. 1981. № 237.
3. Кузнецова Е. Г. Ф. М. Достоевский и Казань (писатель и культура русской провинции второй половины XIX – начала XX вв.). Казань: Отечество, 2015. 120 с.
4. Достоевский Ф. М. Жинаять һәм жәза / Р. Даутов тәрж. Казан: Татар. кит. нәшр., 1974. 689 б.
5. Кнебель М. О. Дядюшкин сон: Пьеса в 3 актах / Инсценировка М. Кнебель, П. Маркова; Отв. ред. М. Светлакова. М.: ВУОАП, 1972. 89 л.
6. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание (реж. И. Казакбаев). URL: <https://rus.minzlateatr.ru/inayat-m-za/> (дата обращения: 25.10.2021).
7. Нигматуллина Ю. Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур. Казань: Фэн, 1997. 190 с.
8. Нигматуллина Ю. Г. Синергетический аспект в исследовании художественного творчества. Казань: Фэн, 2008. 93 с.
9. Аминова В. Р. Типы диалогических отношений между национальными литературами. Казань: изд-во Казанского гос. ун-та, 2010. 476 с.
10. Саяпова А. М. «Три речи в память Достоевского» В. Соловьева в свете его нравственной философии // Тезисы докладов научной конф. студентов и препод. вузов ТАССР. Казань: Казанский авиац. ин-т, 1991.

11. Саяпова А. М. Ф. М. Достоевский и его последователи о русской идее // XXI зональная научная конференция литературоведческих кафедр университетов и пед. институтов Поволжья (13–15 мая 1994 г.). Тверь: ТГУ, 1995. С. 29–30.
12. Саяпова А. М. История русской литературы последней трети XIX века // Материалы для практических занятий для студентов факультета русской филологии. Казань: КГПУ, 2001. 18 с.
13. Хабутдинова М. М. Новаторство Х. Такташа в «Трагедии Сынов Земли» // Филология и культура. Philology and Culture. 2015. № 2 (40). С. 270–274.
14. Шагахметов З. Мотив жертвенности: Достоевский и А. Гилязов // Итоговая научно-образовательная конференция студентов КГУ за 2005 г. Казань, 2005. С. 73–74.
15. Хабутдинова М. М. Роль Ф. М. Достоевского в формировании мировоззрения А. М. Гилязова // Вестник ТГГПУ. 2011. № 4 (26). С. 258–265.
16. Хабутдинова М. М. Топос Казани в творчестве А. М. Гилязова // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. № 4 (45). С. 136–141.
17. Илялова И., Хабутдинова М. М. Своеобразие сценической интерпретации повести Ф. М. Достоевского на татарской сцене // Филология и культура. Philology and Culture. 2016. № 4 (45). С. 179–183.
18. Гыйләжев А. Йәгез, бер дога! Роман-хатирә. Казан: Тат. китап. нәшр., 1997. 448 б.
19. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М.: Художественная литература, 1972. 536 с.
20. Достоевский Ф. М. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1979. 494 с.
21. Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные. М.: Московский рабочий, 1981. 352 с.
22. Достоевский Ф. М. Дядюшкин сон. Село Степанчиково и его обитатели. и др. Л.: Лениздат, 1982. 443 с.
23. Достоевский Ф. М. Бедные люди. Неточка Незванова. М.: Правда, 1981. 384 с.
24. Достоевский Ф. М. Подросток. М.: Советский писатель, 1979. 477 с.
25. Достоевский Ф. М. Идиот. М.: Советская Россия. 1981. 592 с.
26. Достоевская А. Г. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1981. 578 с.
27. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Художественная литература, 1964.
28. Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская. Переписка. М.: Наука, 1979. 481 с.
29. Туниманов В. А. Творчество Достоевского, 1854–1862. Л.: Наука, 1980. 296 с.
30. Кулешов В. И. Жизнь и творчество Ф. М. Достоевского. Очерк. М.: Детская литература, 1979. 206 с.
31. Селезнев Ю. И. В мире Достоевского. М.: Современник, 1980. 376 с.
32. Карякин Ю. Ф. «Я видел истину...» // Огонек, 1981. № 46. С. 14–15.
33. Достоевский Ф. М. Жинаять һәм жәза (И. Казакбаев инсц.) / А. Әхмәтҗалиева тәрҗ. // М. Хабетдинова архивы. Кулъязма. 12 б.
34. Кислицын И. Образ Супермена и его эволюция в комиксах. URL: <https://kanobu.ru/articles/istoriya-supermena-i-evolyutsiya-ego-obraza-373644/> (дата обращения: 25.10.2021).
35. Поимцева О. О. Рецепция Ф. М. Достоевского в современной русской драматургии. URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Felib.bsu.by%2Fbitstream%2F123456789%2F235080%2F1%2F%25D0%259F%25D0%25BE%25D0%25B8%25D0%25BC%25D1%2586%25D0%25B5%25D0%25B2%25D0%25B0.docx&wdOrigin=BROWSELINK> (дата обращения: 12.09. 2021).

References

1. Krasovskii, Iu. A. (1970). *Kazanskii korrespondent F. M. Dostoevskogo (Neopublikovannoe pis'mo k N. F. Yushkovu)* [F. M. Dostoevsky's Correspondent from Kazan (An Unpublished Letter to N. F. Yushkov)]. *Vstrechi s proshlym*. Vyp. 1, pp. 47 – 50. Moscow, Sovetskaya Rossiya. (In Russian)
2. Bushkanets, E. G. (1981). *Dostoevski v Kazani* [Dostoevsky in Kazan]. *Vecherniya Kazan'*, No. 237. (In Russian)
3. Kuznetsova, E. G. (2015). *F. M. Dostoevski i Kazan' (pisatel' i kul'tura russkoi provintsii vtoroi poloviny XIX — nachala XX vv.)* [Dostoevsky and Kazan (the writer and culture of the Russian province of the second half of the 19th-early 20th centuries)]. 120 p. Kazan', Otechestvo. (In Russian)
4. Dostoevski, F. M. (1974). *Жинаiat hem же́за* [Crime and Punishment]. R. Dautov tardzemasi. 689 p. Kazan, Tatar kitap neshriati. (In Tatar)
5. Knebel', M. O. (1972). *Dyadiushkin son* [Uncle's Dream]. Text: P'esa v 3 aktah. Instsenirovka M. Knebel', P. Markova; otv. red. M. Svetlakova. 89 p. Moscow, VUOAP. (In Russian)
6. Dostoevskii F. M. *Жинаiat hem же́за* [Crime and Punishment] URL: <https://rus.minzalatatr.ru/inayat-m-za/> (accessed: 25.10.2021). (In Tatar)
7. Nigmatullina, Iu. G. (1997). *Tipy kul'tur i tsivilizatsii v istoricheskom razvitii tatarskoi i russkoi literatur* [Types of Cultures and Civilizations in the Historical Development of Tatar and Russian Literature]. 190 p. Kazan', Fen. (In Russian)
8. Nigmatullina, Iu. G. (2008). *Sinergeticheskii aspekt v issledovanii khudozhestvennogo tvorchestva* [The Synergetic Aspect in the Study of Artistic Works]. 93 p. Kazan', Fen. (In Russian)
9. Amineva, V. R. (2010). *Tipy dialogicheskikh otnoshenii mezhdru natsional'nymi literaturami* [Types of Dialogical Relations between National Literatures]. 476 p. Kazan, izd-vo Kazanskogo gos. un-ta. (In Russian)
10. Saiapova, A. M. (1991). *“Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo” V. Solov'eva v svete ego npravstvennoi filosofii* [“Three Speeches in Memory of Dostoevsky” by V. Solovyov in the Light of His Moral Philosophy]. *Tezisy dokladov nauchnoi konf. studentov i prepod. vuzov TSSR*. Kazan', Kazanskii aviats. in-t. (In Russian)
11. Sayapova, A. M. (1995). *F. M. Dostoevsky i ego posledovateli o russkoi idee* [Dostoevsky and His Follow-

ers on the Russian Idea]. XXI zonal'naia nauchnaia konf.literaturovedcheskih kafedr un-ov i ped in-ov Povolzh'ia (13 – 15 maia 1994 g.). Tver', TGU, pp. 29 – 30. (In Russian)

12. Sayapova, A. M. (2001). *Istoriya russkoi literatury poslednei treti XIX veka* [The History of Russian Literature of the Late 19th Century]. Materialy dlia prakticheskikh zaniatii dlia studentov fakul'teta russkoi filologii. 18 p. Kazan', KGPU. (In Russian)

13. Khabutdinova, M. M. (2015). *Novatorstvo H. Taktasha v "Tragedii Synov Zemli"* [Hadi Taktash and His Innovations in "The Tragedy of the Sons of the Earth"]. Philology and Culture. No. 2 (40), pp. 270 – 274. (In Russian)

14. Shagiahmetov, Z. (2005). *Motiv zhertvennosti: Dostoevski i A. Giliyazov* [The Motif of Sacrifice: Dostoevsky and A. Gilyazov]. Itogovaia nauchno-obrazovatel'naia konferentsiia studentov KGU za 2005 g. Kazan', pp. 73-74. (In Russian)

15. Khabutdinova, M. M. (2011). *Rol' F. M. Dostoevskogo v formirovanii mirovozzreniia A. M. Giliyazova* [The Role of F. M. Dostoevsky in the Formation of A. M. Gilyazov's Worldview]. Vestnik TGGPU, No. 4 (26), pp. 258 – 265. (In Russian)

16. Khabutdinova, M. M. (2012). *Topos Kazani v tvorchestve A. M. Giliyazova* [Topos of Kazan in the Works of A. M. Gilyazov]. Philology and Culture, No. 4 (45), pp. 136 – 141. (In Russian)

17. Ilialova, I., Khabutdinova, M. M. (2016). *Svoeobrazie scenicheskoi interpretatsii povesti F. M. Dostoevskogo na tatarskoi stsene* [The Features of the Stage Adaptation of the Story "Uncle's Dream" by F. M. Dostoevsky on the Tatar Stage]. Philology and Culture, No. 4 (45), pp. 179 – 183. (In Russian)

18. Giliyazov, A. (1997). *Iagez, ber dogal! Roman-hatira* [Let's Pray! A Novel-Memory]. 448 p. Kazan, Tatar kitap neshriati. (In Russian)

19. Dostoevski, F. M. (1972). *Bratia Karamazovy* [The Brothers Karamazov] 536 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

20. Dostoevski, F. M. (1979). *Povesti i rasskazy* [Novels and Short Stories]. 494 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

21. Dostoevski, F. M. (1981). *Unizhennye i oskorblennye* [Humiliated and Insulted]. 352 p. Moscow, Moskovskii rabochii. (In Russian)

22. Dostoevski, F. M. (1982). *Diadiushkin son. "Selo Stepanchikovo i ego obitateli" i dr.* [Uncle's Dream. The Village of Stepanchikovo, etc]. 443 p. Leningrad, Lenizdat. (In Russian)

23. Dostoevski, F. M. (1981). *Bednye liudi. Netochka Nezvanova* [Poor Folk. Netochka Nezvanova]. 384 p. Moscow, Pravda. (In Russian)

24. Dostoevski, F. M. (1979). *Podrostok* [The Adolescent]. 477 p. Moscow, Sovetskii Pisatel'. (In Russian)

25. Dostoevski, F. M. (1981). *Idiot* [The Idiot]. 592 p. Moscow, Sovetskaya Rossiia. (In Russian)

26. Dostoevskaya, A. G. (1981). *Vospominaniia* [Memoirs]. 578 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

27. *Dostoevski v vospominaniiah sovremennikov* (1964) [Dostoevsky in the Memoirs of His Contemporaries]. V 2 t. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

28. *F. M. Dostoevski, A. G. Dostoevskaya. Perepiska* (1979) [F. M. Dostoevsky, A. G. Dostoevskaya. Correspondence]. 481 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

29. Tunimanov, V. A. (1980). *Tvorchestvo Dostoevskogo, 1854 – 1862* [Dostoevsky's Works, 1854 – 1862]. 296 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

30. Kuleshov, V. I. (1979). *Zhizn' i tvorchestvo F. M. Dostoevskogo. Ocherk* [The Life and Work of F. M. Dostoevsky. An Essay]. 206 p. Moscow, Detskaia literatura. (In Russian)

31. Seleznev, Iu. I. (1980). *V mire Dostoevskogo* [In the World of Dostoevsky]. 376 p. Moscow, Sovremennik. (In Russian)

32. Kariakin, Iu. F. (1981). *"Ja videl istinu..."* ["I Saw the Truth"]. Ogonek, No. 46, pp. 14–15. (In Russian)

33. Dostoevski, F. M. (2021). *Zhinaiat hem zheza* [Crime and Punishment] (I. Kazakbaev's instsenirovka, A. Ahmetgalieva tardzemasi). 12 p. M. Khabutdinova arhiv. Kuliazma. (In Tatar)

34. Kislitsin, I. *Obraz Supermena i ego evoliutsiia v komiksah* [The Image of Superman and His Evolution in Comics]. URL: <https://kanobu.ru/articles/istoriya-supermena-i-evolyutsiya-ego-obraza-373644/> (accessed: 25.10.2021). (In Russian)

35. Pointseva, O. O. *Retsepsiya F. M. Dostoevskogo v sovremennoi russkoi dramaturgii* [Reception of F. M. Dostoevsky in Modern Russian Drama]. URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Felib.bsu.by%2Fbitstream%2F123456789%2F235080%2F1%2F%25D0%259F%25D0%25BE%25D0%25B8%25D0%25BC%25D1%2586%25D0%25B5%25D0%25B2%25D0%25B0.docx&wdOrigin=BROWSELINK> (accessed: 12.09. 2021). (In Russian)

The article was submitted on 14.11.2021

Поступила в редакцию 14.11.2021

Хабутдинова Милеуша Мухаметзяновна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
mileuscha@mail.ru

Khabutdinova Milyausha Mukhametsyanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
mileuscha@mail.ru

Зарипова-Четин Чулпан,
кандидат филологических наук,
доцент,
Кавказский университет,
36000, Карс, Турция,
chulpancetin@gmail.com

Chulpan Zaripova-Cetin,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kafkas University,
36000, Kars, Turkey,
chulpancetin@gmail.com

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-67-1-186-191

ОБРАЗ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ СТЕНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ В. Г. СОРОКИНА

© Чжан Исянь

THE IMAGE OF THE GREAT RUSSIAN WALL IN THE WORKS OF V. SOROKIN

Yixian Zhang

V. Sorokin's works often feature images closely related to Chinese culture. One of such images, the Great Russian Wall, acts as a significant element of the meta-plot, which carries an important meaning. This article analyses the image of the Great Russian Wall in V. Sorokin's futurological works "Day of the Oprichnik" and "Kremlin Made of Sugar" primarily through the study of the Great Wall of China and its connotations in Western culture. The article also focuses on the intertextual horizon of Sorokin's image of the Wall: the parallels between the text by Sorokin and the texts by F. Kafka and H. Borges. The article uses comparative and cultural-historical methods to reveal the author's artistic intent. In conclusion, the image of the Great Russian Wall in Sorokin's future world can be perceived as a parody of the Great Wall of China. Sorokin's Wall, on the one hand, symbolizes the closed and stagnant way of life in ancient China with its cruel feudal regime. On the other hand, it exposes the same reality of future Russia. It reflects serious socio-political problems of Russian reality, in particular its "isolation" and "totalitarianism".

Keywords: V. Sorokin, image of the Great Russian Wall, the Great Wall of China, future Russia, ideology

В произведениях В. Г. Сорокина часто фигурируют образы, тесно связанные с китайской культурой. Один из таких образов – Великая Русская стена – выступает как значительный элемент метасюжета, имеет важный смысл. Настоящая статья посвящена исследованию образа Великой Русской стены в футурологических произведениях В. Г. Сорокина «День опричника» и «Сахарный Кремль» прежде всего через изучение истории Великой Китайской стены и ее коннотаций в западной культуре. Также в статье уделяется внимание интертекстуальному горизонту сорокинского образа Стены: рассматриваются параллели между текстом В. Г. Сорокина и текстами Ф. Кафки и Х. Борхеса. Для раскрытия авторского художественного замысла в статье используются сравнительно-сопоставительный и культурно-исторический методы. Делается вывод, что образ Великой Русской стены в сорокинском мире будущего можно воспринимать как пародию на возрождение Великой Китайской стены. В рассматриваемых произведениях В. Г. Сорокина образ Стены символизирует, с одной стороны, замкнутый и застойный уклад жизни древнего Китая в условиях жесточайшего феодального режима, а с другой – ту же реальность России будущего. В образе Великой Русской стены сконцентрированы серьезные социально-политические проблемы российской действительности, это особенно касается «замкнутости» и «тоталитарности».

Ключевые слова: В. Г. Сорокин, образ Великой Русской стены, Великая Китайская стена, ирония, идеология

Размышляя о социально-политических проблемах России прошлого и нынешней эпохи, В. Г. Сорокин создает своеобразный гротескный мир будущего с помощью иронии, эстетики уродливого и отвратительного, концептуалистской игры со словом. Этот футурологический мир складывается путем синтеза российского прошлого, в частности средневековья и советской тоталитарной эпохи, с добавлением некоторых атрибутов постиндустриальной цивили-

зации. В этой придуманной В. Г. Сорокиным фиктивной реальности значительное место занимает образ Китая как технического лидера с вездесущей китайской кухней, китайским языком, ставшим основой языка будущего в России, и т. д. Подобная художественно-идеологическая установка тесно связана с интересом писателя к Китаю. По словам В. Г. Сорокина, «в юности он уже обращал внимание на китайскую культуру, его привлекает как древний Китай, так и современ-

менный Китай» [1, с. 184]. Образ Китая будущего в сорокинском «Китайском цикле» [2, с. 114] анализируется в статьях И. В. Кукулина и М. Н. Хабибуллиной. В работах Е. С. Биберган и А. М. Лобина также упоминаются смыслы сорокинского образа Китая. Однако образ Великой Русской стены как важный элемент метасюжета в произведениях В. Г. Сорокина, уходящий корнями в китайские социально-исторические и культурные реалии, недостаточно исследуется в их работах. Итак, целью настоящей статьи является научное изучение образа Великой Русской стены в повести В. Г. Сорокина «День опричника» (2006 г.) и сборнике рассказов «Сахарный Кремль» (2008 г.).

В. Г. Сорокин отмечает, что образ Великой Русской стены является пародийным преломлением Великой Китайской стены. «Я произвел для себя некий мысленный опыт. Что будет, если изолировать Россию от мира – если предположить, что будет выстроена Великая русская стена по образцу Великой китайской?» [3]. В «Голубом сале», первом произведении «Китайского цикла», уже упоминается Великая Китайская стена, которая не влияет на «интеграционные процессы между Россией и Китаем» [4, с. 69] в мире будущего: «Эти твари пролетят сквозь все. Даже сквозь Великую Китайскую стену» [5, с. 30]. В более поздних произведениях В. Г. Сорокина образ Великой Китайской стены сменился на образ Великой Русской стены.

Известно, что Великая Китайская стена (кит. 万里长城)¹ – это древнекитайское оборонительное сооружение длиной более 21 тысячи километров, проходящее по северному Китаю. Ее строительство длилось более двух тысяч лет. Как одна из самых важных государственных программ по защите окраины империи от нашествия кочевых народов Стена появилась в период правления династии Цинь (221–206 гг. до н. э.). Трудно рассчитать, сколько людей участвовало в реализации этого проекта в период правления династии Цинь. Согласно «Ши Цзи»², сначала

отправили 300 тысяч солдат, потом непрерывно привлекали заключенных, рабов, крестьян, даже интеллигентов. Строительство Стены сопряжено со множеством трудностей, таких как сложный рельеф, технические проблемы, суровый климат и неавтоматизированный труд. Многие работники погибали на стройке, что приводило к восстаниям. Считают, что это одна из причин быстрого падения империи Цинь.

После династии Цинь расширение и укрепление Стены стало заботой всех династий, особенно династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) и династии Мин (1368–1644 гг.). Можно сказать, что в древнекитайской тысячелетней истории Великая Китайская стена внесла большой вклад в защиту от варваров, обеспечение древнекитайской земледельческой цивилизации, организацию приграничной торговли, развитие транспорта и т. д. В связи с мировыми техническими революциями традиционная оборонительная функция Великой Китайской стены XIX–XX вв. постепенно ослабла. Но Стена приобрела новые актуальные значения в рамках вторжения западных держав, превратилась в символ стойкости и сплоченности народа. Именно символическое значение составляет главную культурную коннотацию Стены в современной китайской культуре.

В западной культуре Великая Китайская стена является частью стереотипного представления о Китае разных периодов истории. Когда Великая Китайская стена у китайцев приобрела самое позитивное значение (в эпоху, характеризующуюся внутренними смутами и агрессиями), ее культурный образ катился по наклонной плоскости на Западе: от символа величия древнекитайской цивилизации до атрибута ригидно-феодальной, отсталой культуры, гротескного символа застойного периода. Исторические значения, присущие ей, постепенно были заменены мифологическими смыслами. Так, немецкий философ К. Маркс считал Великую Китайскую стену самой консервативной крепостью в мире и символом сильной ксенофобии [6, с. 264]. В образе Стены русский востоковед В. Васильев, бывавший в Китае XIX веке, увидел «страх и робость китайцев в настоящем» [7, с. 128]. Австрийский писатель Ф. Кафка в своем рассказе-притче «Как строилась Китайская стена» также подчеркнул абсурдную бессмысленность Стены в качестве оборонительного сооружения: «От кого должна была великая стена служить за-

¹ Согласно мнению Ловелл Джулия – автора книги «Великая Китайская стена», название «Великая Китайская Стена», даваемое западными специалистами начиная с семнадцатого столетия, является выдумкой. Китайцы обычно называют ее Длинной Стеной (кит. 长城) или Стеной длиной в десять тысяч ли (кит. 万里长城). В данной статье применяется международный привычный термин «Великая Китайская стена».

² «Ши Цзи» (кит. 史记) – историческое сочинение биографического жанра, написанное Сыма Цянем (кит. 司马迁) в период правления династии Западная

Хань (206 г. до н. э. – 9 г. н. э.). В нем записана история от мифического Желтого Императора до империи Западная Хань включительно.

щитой? ... Никакой северный народ нам угрожать не может» [8, с. 14].

Надо сказать, что такие коннотации, как «бесполезность», «консервативность», «замкнутость», акцентируемые западными учеными, с одной стороны, в большой степени соответствуют сути Великой Китайской стены. Образ Стены, обеспечивающей идеологическое единство народа и власть империй, отсылает к древнекитайской феодальной культуре, к историческим реалиям Китая XIX–XX вв., когда политика «закрытых дверей» достигла апогея. С другой стороны, сугубо негативные коннотации Стены в западной культуре XIX в., разумеется, существенно искажают объективную действительность. Подобные абберации обусловлены фактором «приспособления к новому культурному контексту» [9, с. 10]: демонизируя Стену, западные идеологи тем самым подтверждали безусловную истинность собственного цивилизационного пути. Итак, образ Стены в западной культуре обнаруживает очевидно гротескную природу и представляет собой результат «адаптации культурных ценностей воспринимающей культурой» [10, с. 23].

Погружаясь в российские социально-политические проблемы, В. Г. Сорокин возрождает образ Стены в антиутопической диалогии «День опричника» и «Сахарный Кремль», называет его Великой Русской стеной.

В повести «День опричника» действие происходит в Москве 2027 года: перед нами фантастический мир, в котором царят самодержавие, тоталитаризм, ксенофобия, коррупция. В. Г. Сорокин описывает обычный день опричника Андрея Комяги. В «Дне опричника» Россия будущего окружена «Западной стеной» и «Южной стеной», как древняя китайская империя, изображенная в духе европейских стереотипных представлений о Китае, характерных для рубежа XIX–XX вв. Сорокин особенно подчеркивает ключевую роль «Западной стены», то есть жесткую изоляцию России от Европы. По словам М. Н. Хабибуллиной, образ Стены является материализацией метафоры советского «железного занавеса» [4, с. 70]. Здесь мы обращаемся к двум важным моментам, связанным с образом «Стены» в «Дне опричника»: репетиции номера «Накось выкуси» и фильму «Великая Русская стена», которые как «текст в тексте» [11, с. 105] играют роль зеркала сатиры.

Так, главный герой Комяга присутствует как один из цензоров на репетиции предстоящего праздничного концерта, характеризующегося яркой политизированностью. Среди одиозных номеров выделяется новый спектакль «Накось вы-

куси», который «выявляет» справедливость Великой России и преступную сущность враждебного Запада. В противовес мужественным русским пограничникам в спектакле представлены отвратительные «кроты» – европейцы, которые сосут русский газ через трубы, вырастающие у Западной стены.

Если в спектакле «Накось выкуси» речь идет прежде всего об изоляции страны от Запада, то фильм «Великая Русская стена» посвящен внутренним проблемам России. В фильме изображен злодейский заговор Думы с целью расколоть и разделить державу. В финале появился образ Государя: «на фоне пейзажа родного, залитого солнцем восходящим, молодой Государь стоит с первым кирпичом в руках, смотрит на Запад и произносит сокровенное: Великая Русская стена!» [12, с. 130]. Получается, что Стена выступает в качестве гаранта национально-территориального единства России, строительство Стены символизирует «возрождение» великой империи.

Суть образа Великой Русской стены наиболее полно раскрыта в книге рассказов «Сахарный Кремль». Развивая основные мотивы, намеченные в «Дне опричника», книга рассказов изображает представителей разных слоев тоталитарно-феодальной футурологической России, в том числе школьника, заключенного, капитана госбезопасности и т. д. В сравнении с «Днем опричника» в «Сахарном Кремле» сатира и сарказм явно усилены. В книге рассказов строительство Стены уже запечатлено в русском коллективном сознании:

«Подмигивает дед нравоучительно:

Вот, внученька, кабы каждый школьник по кирпичику слепил из глины отечественной, тогда бы Государь враз стену закончил, и наступила бы в России счастливая жизнь.

Знает это Марфуша. <...> Что много еще кирпичиков надобно слепить, чтобы счастье всеобщее пришло» [13, с. 15].

В данном случае у В. Г. Сорокина обнаруживаются очевидные точки соприкосновения с рассказом Кафки «Как строилась Китайская стена»:

«... уверенность простого тихого гражданина в том, что стена будет когда-нибудь завершена, – все это определенным образом настраивало струны их души... Единство! Все стоят плечом к плечу, ведут всеобщий хоровод, кровь, уже не замкнутая в скупую систему сосудов отдельного человека, сладостно течет через весь бесконечный Китай и все же возвращается к тебе» [8, с. 9].

В. Г. Сорокин вслед за Кафкой подчеркивает тоталитарный характер строительства Стены, ко-

торая «подавляет развитие индивидуального, частного и, следовательно, обнаруживает мнимость самого социального» [14, с. 75]. Писатель-постмодернист продолжает давнюю традицию европейской культуры, основанную на экспликации таких стереотипных представлений о древнем Китае, как «упадок», «застой», «консервативность», «замкнутость», а соответственно – и на игнорировании всех позитивных сторон Стены, в частности – ее защитных функций. Итак, Великая Китайская стена превращается в авторскую метафору, позволяющую «вести разговор в других единицах измерения» [15, с. 156].

В контексте описания строительства Великой Русской стены автор особое внимание уделяет работникам-заклученным. Выше упоминалось, что множество заключенных принимало участие в строительстве Великой Китайской стены.

Так, в пятом рассказе «Харчевание» книги «Сахарный Кремль» описаны эпизоды жизни эков на стройке: беспощадная экзекуция за невыполнение плана по возрождению восточного участка Стены и обеденный час. В рассказе нет упоминаний о том, как они стали заключенными; не исключено, что истинной причиной ареста миллионов людей стала необходимость в рабочей силе в связи со строительством Стены. Под воздействием палача Матюхи, выполняющего функции экзекутора (он порет эков соленой розгой), арестанты механически работают. Палача Матюху, как и опричника Комягу, можно отнести к сорокинским борцам за «идеи Великой Державы» [16, с. 164].

Безусловно, рассказ «Харчевание» обнаруживает целый ряд интертекстуальных отсылок к повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», содержащей изображение лагерной жизни в сталинские годы. Получается, что в России будущего, характеризующейся техническим прогрессом и некоторыми политическими новациями, характерными для постиндустриальной эпохи, «все также остается плодородная почва для жестокости, ненависти, зла, поддерживающая существование лагерной системы» [Там же, с. 163]. В этой связи обращает на себя внимание описание жестокой экзекуции, глубокие смысловые ассоциации обнаруживаются также и в двух «отступлениях»:

«Шесть коршунов, плавно паря и зависая в глубоком безоблачном небе, пролетели над Стеной из России в Китай...

Шесть коршунов, полетав за Великой Русской Стеной на китайской территории, разделились: четверо остались парить там же, а двое, попискивая и вяло атакуя друг друга, вернулись в Россию» [13, с. 95–97].

Направление полета хитрых коршунов прежде всего иронически намекает на тщетность попыток России отгородиться от Китая. Кроме того, оно олицетворяет трагедию, предсказывая России темное и беспощадное будущее. Ведь коршун, питающийся падалью, традиционно воспринимается как символ смерти. А числа, акцентируемые В. Г. Сорокиным в данном эпизоде, не требуют особых комментариев: известно, что три шестерки составляют число зверя – значение имени ставленника Сатаны. Автор метафорически указывает на распад китайской империи, окруженной Великой Китайской стеной, которая превратилась в падаль в глазах коршунов. А двое коршунов вернулись в Россию, потому что тоже почувствовали гнилой запах от нее, символизирующий неминуемую беду – угасание «державы». Очевидно, подразумевается, что «строительство Стены» как российская государственная геополитическая программа является повторением ошибки соседской страны.

«Замкнутость» России также отражена в ритуальном сожжении загранпаспортов на Красной площади. Вероятно, сожжение ждет не только загранпаспорта российских граждан, но и национальную классику. В «Дне опричника» главный герой Комяга по личному делу государыни приехал к ясновидающей, которая любит сжигать русскую классику. Во время встречи с Комягой ясновидающая сжигала романы «Идиот» и «Анна Каренина», которые, по ее мнению, вредны для государства: «...книги должны быть только деловые: по плотницкому делу, по печному, по строительному, по ткацкому...» [12, с. 144]. Если цель строительства Великой Русской стены состоит в ограничении пространства (изоляция России от Запада), то цель сожжения книг – в ограничении времени (изоляция России от исторического прошлого). Итак, сорокинская Россия будущего характеризуется абсолютной замкнутостью, которая вновь обнаруживает недвусмысленную связь с китайским путем. Сожжение книг было значительным событием во время правления Цинь Шихуанди. Согласно «Ши Цзи», в 213–212 гг. до н. э. император Цинь Шихуанди приказал сжигать «бесполезные» книги и закапывать живьем интеллигентов из-за идеологических препятствий во введении новой политики. В результате китайская культура пережила беспрецедентную катастрофу, было утеряно много драгоценных книг, написанных до династии Цинь, и талантливых, честных людей. Следует отметить, что две эти деструктивные акции – сожжение книг и строительство Стены – уже были поставлены в один ряд аргентинским писателем Х. Борхесом («Стена и книги»). Слова Борхеса

можно применить к Государю России из «Дня опричника»: «окружил стеной империю, осознав ее непрочность, и уничтожил книги, поняв, что они священны или содержат то, что заключено во всей Вселенной и в сознании каждого человека» [17, с. 233]. Правитель пытался задержать смерть своей империи Стеной в пространстве и костром во времени, чтобы ограничить контакты народа с меняющимся миром, миром «случайностей». В таком случае замкнутая Россия будущего представляется «вечностью».

Заключается, что Россия будущего, окруженная Стенами и принятая как Великая Держава у сорокинских героев в действительности – тоталитарное феодальное государство произвола. Как Великая Китайская стена в глазах западных ученых не способствовала защите древнекитайской земледельческой цивилизации от варваров, Стена под пером В. Г. Сорокина, построенная с целью изоляции от Запада и обеспечения Российской империи, представлена иллюзией миража. Писатель вслед за Кафкой и Борхесом обращается к психологии индивидуальности и национальной идеологии в контексте строительства Стены. Описание эпизода жизни заключенных на стройке, рисование психологии школьницы Марфуши и фокусирование на политическом фильме «Великая Русская стена», несомненно, выявляют, что в сорокинской фиктивной реальности Великая Русская стена «интеллектуально ясна как политическая идеология и эмоционально несомненна как религиозное переживание» [18, с. 68]. В образе Великой Русской стены воплощается идеологическая и геополитическая утопия, а развалины Стены в позднем романе «Теллурия» (2013 г.) символизируют крушение утопии.

Работа выполнена при финансовой поддержке Государственного комитета КНР (CSC) № [2020] 71.

The research is funded by China Scholarship Council № [2020] 71.

Список источников

1. 任光宣. 俄罗斯作家索罗金访谈录 // 暴风雪, 任明丽译, 北京: 北京人民文学出版社. 2012. С. 177–185 (Рен Гуансюань. Сорокин В. Г. Интервью у современного русского писателя В. Сорокина // Метель. Перев. с кит. Рен Мингли. Пекин.: Издательство народной литературы. 2012. С. 177–185).
2. Кукулин И. В. Техногенная матка истории (Заметки о происхождении ключевого образа в фильме А. Зельдовича и В. Сорокина «Мишень») // Новое литературное обозрение. 2013. № 1. С. 206–226.
3. Соколов Б. В. Владимир Сорокин: Опричина – очень русское явление: интервью. URL:

<http://www.srkn.ru/interview/bsokolov.shtml> (дата обращения: 22.10.2021).

4. Хабибуллина М. Н. «Очарованность Китаем»: образ транскультурного будущего в творчестве В. Г. Сорокина // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2014. № 4. С. 68–77.
5. Сорокин В. Г. Собрание сочинений. Том 3. Голубое сало. М: Ад Маргинем, 2002. 814 с.
6. 马克思, 恩格斯. 马克思恩格斯全集, 第七卷, 北京: 北京人民出版社. 1959. 741 с. (Маркс К. Г., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений Маркса и Энгельса. Т. 7. Международное обозрение I. Перев. с кит. Пекин.: Народное издательство, 1959. 741 с.).
7. Васильев В. П. Воспоминания о Пекине. В сб.: Китай у русских писателей. М.: Алгоритм, 2008. С. 111–140.
8. Кафка Ф. Как строилась Китайская стена / Ф. Кафка; пер. с нем. В. Станевич, Е. Маркович. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2011. 224 с.
9. Espagne M. et al. Frankreichfreunde. Mittler des französisch-deutschen Kulturtransfers (1750–1850). (Deutsch-Französische Kulturbibliothek; 7), Leipzig: Leipziger Univ.-Verlag, 1996. S. 7–22.
10. Лобачева Д. В. Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий // Вестник ТГПУ. 2010. № 8. С. 23–27.
11. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. 272 с.
12. Сорокин В. Г. День опричника. М.: АСТ, 2019. 240 с.
13. Сорокин В. Г. Сахарный Кремль. М.: АСТ, 2019. 256 с.
14. Эпштейн М. Н. Постмодернизм в России. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 608 с.
15. Шастина М. В. Франц Кафка и Китай // Научный диалог. 2017. № 2. С. 148–159.
16. Биберган Е. С. Рыцарь без страха и упрека: Художественное своеобразие прозы Владимира Сорокина. СПб.: Филол. Фак. С.-Петер. гос. ун-та, 2011. 224 с.
17. Борхес Х. Л. Собр. Соч.: В 4 т. Т. 2: Новые расследования: Произведения 1942–1969 годов / Пер. с исп. Сост., предисл. и примеч. Б. Дубина. СПб.: Амфора, 2000. 864 с.
18. Стрельник О. Н. Деформация языка и мифологизация сознания в культуре постмодерна // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2006. № 2. С. 63–72.

References

1. 任光宣 俄罗斯作家索罗金访谈录 // 暴风雪, 任明丽译 (2012) [Ren Guansjuan'. Sorokin V. G. An Interview with the Modern Russian Writer V. Sorokin]. Metel'. Perev. s kita. Ren Mingli. Pp. 177–185. Beijing, Izdatel'stvo narodnoi literatury. (In Chinese)
2. Kukulin, I. V. (2013). *Tehnogennaya matka istorii (Zametki o proishozhdenii klyuchevogo obraza v fil'me A. Zel'dovicha i V. Sorokina "Mishen")* [A Technogenic Womb of History (Notes on the Origin of

the Key Image in the Film by A. Zeldovich and V. Sorokin "The Target"). *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 1, pp. 206–226. (In Russian)

3. Sokolov, B. V. (2021). *Vladimir Sorokin: Oprichnina – ochen' russkoe yavlenie: interv'yu* [Vladimir Sorokin: Oprichnina Is a Very Russian Phenomenon: An Interview]. URL: <http://www.srkn.ru/interview/b Sokolov.shtml> (accessed: 22.10.2021). (In Russian)

4. Habibullina, M. N. (2014). "Ocharovannost' Kitaem": obraz transkul'turnogo budushhego v tvorchestve V. G. Sorokina ["Fascination with China": The Image of the Transcultural Future in the Works of V. G. Sorokin]. *Ural'skii filologicheskii vestnik*. Seriya: Russkaya literatura XX-XXI vekov: napravleniya i techeniya, No. 4, pp. 68–77. (In Russian)

5. Sorokin, V. G. (2002). *Sobranie sochinenii. Tom 3. Goluboe salo* [Collected Works. Volume Three. Blue Fat]. 814 p. Moscow, Ad Marginem. (In Russian)

6. 马克思, 恩格斯 马克思恩格斯全集 第七卷 北京: 北京人民出版社 (1959) [Marks K.G., Jengel's F. Complete Works of Marx and Engels, Vol. 7]. 741 p. Beijing, Narodnoe izdatel'stvo. (In Chinese)

7. Vasil'ev, V. P. (2008). *Vospominaniya o Pekine. V sb.: Kitai u russkikh pisatelei* [Memories of Beijing. China among Russian Writers]. Pp. 111–140. Moscow, Algoritm. (In Russian)

8. Kafka, F. (2011). *Kak stroilas' Kitaiskaia stena* [How the Chinese Wall Was Built]. F. Kafka; per. s nem. V. Stanevich, E. Markovich. 224 p. St. Petersburg, Azbuka; Azbuka-Attikus. (In Russian)

9. Espagne, M. et al. (1996). *Frankreichfreunde. Mittler des französisch-deutschen Kulturtransfers (1750–1850)* [France Friends. Mediator of Franco-German Cultural Transfer (1750–1850)]. *Deutsch-Französische Kulturbibliothek*; 7, pp. 7–22. Leipzig, Leipziger Univ.-Verlag. (In French)

10. Lobacheva, D. V. (2010). *Kul'turnyi transfer: opredelenie, struktura, rol' v sisteme literaturnykh vzaimodeistvii* [Cultural Transfer: Definition, Structure and Role in the System of Literary Interactions]. *Vestnik TGPU*. No. 8, pp. 23–27. (In Russian)

11. Lotman, Ju. M. (1992). *Kul'tura i vzryv* [Culture and Explosion]. 272 p. Moscow, Gnozis; Izdatel'skaya gruppa "Progress". (In Russian)

12. Sorokin, V. G. (2019). *Den' oprichnika* [Day of the Oprichnik]. 240 p. Moscow, AST. (In Russian)

13. Sorokin, V. G. (2019). *Saharnyi Kreml'* [Kremlin Made of Sugar]. 256 p. Moscow, AST. (In Russian)

14. Epshtein, M. N. (2019). *Postmodernizm v Rossii* [Postmodernism in Russia]. 608 p. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus. (In Russian)

15. Shastina, M. V. (2017). *Frants Kafka i Kitai* [Franz Kafka and China]. *Nauchnyi dialog*. No. 2, pp. 148–159. (In Russian)

16. Bibergan, E. S. (2011). *Rytsar' bez straha i upreka: Hudozhestvennoe svoeobrazie prozy Vladimira Sorokina* [The Knight without Fear and Reproach: The Artistic Originality of Vladimir Sorokin's Prose]. 224 p. St. Petersburg, Filol. Fak. S.-Peter. gos. un-ta. (In Russian)

17. Borhes, H. L. (2000). *Sobr. Soch.: V 4 t. T. 2: Novye rassledovaniya: Proizvedeniya 1942–1969 godov* [Collected Works: In 4 vols. Vol. 2: New Investigations: The Works of 1942–1969]. 864 p. St. Petersburg, Amfora. (In Russian)

18. Strel'nik, O. N. (2006). *Deformatsiya yazyka i mifologizatsiya soznaniya v kul'ture postmoderna* [Deformation of Language and Mythologization of Consciousness in Postmodern Culture]. *Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya*. No. 2, pp. 63–72. (In Russian)

Библиографический список

1. 严宾.秦始皇修万里长城历时几年 // 历史月刊 1982. № 6. С. 79–80 (Ян Бинь. Сколько лет строили Великую Китайскую Стену во время правления Цинь Шихуанди // История ежемесячник. 1982. № 6. С. 79–80)

Bibliographic list

1. 严宾 秦始皇修万里长城历时几年 // 历史月刊 (1982) [Jan Bin'. Qin Shihuang's Repair of the Great Wall Lasted for Several Years]. *Istoriya ezheemesyachnik*. No. 6, pp. 79–80. (In Chinese)

The article was submitted on 14.11.2021

Поступила в редакцию 14.11.2021

Чжан Исянь,
аспирант,
Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб. 7/9.
avaitor1@mail.ru

Yixian Zhang,
graduate student,
Saint Petersburg State University,
7/9 Universitetskaya Nab.,
St. Petersburg, 199034, Russian Federation.
avaitor1@mail.ru

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ ИЗВЛЕЧЕНИЮ ЯЗЫКОВЫХ ДАННЫХ О СЛОЖНОСОСТАВНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА С ПОМОЩЬЮ КОРПУСНОЙ ПОИСКОВОЙ СИСТЕМЫ SKETCH ENGINE

© Анна Колотаева

TEACHING STUDENTS TO EXTRACT LANGUAGE DATA ON GERMAN COMPOUND NOUNS USING THE SKETCH ENGINE CORPUS TOOL

Anna Kolotaeva

Nowadays, we are in the age of searching for the development, processing and analysis of linguistic material, which underlines the importance of introducing new technologies in working with a foreign language. This article describes the didactic possibilities of using corpus technologies (based on the Sketch Engine corpus manager) to obtain language data during university foreign language classes. The task is to demonstrate that corpus technologies are applicable and illustrative for solving various linguistic and didactic tasks. We conducted an experiment on the introduction of corpus technologies in teaching foreign languages to students of a non-linguistic field of study at Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. The corpus-based methodology was used to teach students how to extract language data about German compound nouns using the Sketch Engine Corpus. The article presents linguostatistical results obtained by using the Wordlist and CQL functions available in the shells of the used corpus manager. Based on the data obtained, the article studies and describes the possibilities and application of corpus technologies in teaching a foreign language, analyzes the advantages of the visibility of the presented results, and analyzes the effectiveness of using a corpus manager in working with compound nouns.

Keywords: corpus technologies, corpus manager, corpus-based teaching

Поиск новых средств для освоения, обработки, анализа лингвистического материала приводит педагогов к необходимости внедрения новых технологий в работе с иностранным языком. Данная статья посвящена описанию дидактических возможностей применения корпусных технологий (на примере корпусного менеджера Sketch Engine) для получения языковых данных при обучении иностранному языку. Ставится задача продемонстрировать, что корпусные технологии применимы для решения различных лингвистических и дидактических задач. В Санкт-петербургском политехническом университете Петра Великого был проведён эксперимент по внедрению корпусных технологий в обучение иностранным языкам (ИЯ) студентов нелингвистического профиля. Методика corpus-based teaching была использована в обучении студентов извлечению языковых данных о сложносоставных существительных немецкого языка с помощью корпусной поисковой системы Sketch Engine. В статье представлены лингвостатистические результаты, полученные в рамках применения функций Concordance, Wordlist и CQL, доступных в рамках используемого корпусного менеджера. На основе полученных данных в статье изучаются и описываются возможности и применение корпусных технологий в обучении ИЯ, анализируются преимущества наглядности представленных результатов, а также приводится анализ эффективности применения корпусного менеджера в работе со сложносоставными существительными.

Ключевые слова: обучение ИЯ, корпусные технологии, корпусный менеджер, corpus-based teaching, корконданс, сложносоставные существительные

Введение. Постановка проблемы

В современных реалиях цифровизация общества набирает обороты, в связи с этим наблюдается активное развитие информационно-

образовательной среды высших учебных заведений. Следуя образовательным стандартам, информационно-образовательная среда должна включать в себя комплекс ресурсов, в том числе

цифровых, внедрять интерактивные средства, способствующие развитию системы современных педагогических технологий в области обучения иностранным языкам [1, с. 116]. Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска современных средств обучения и адаптации методики и процесса обучения иностранному языку (далее – ИЯ) под современные компьютерные реалии, осуществления работы в электронной образовательной среде. В инновационной педагогической практике появилось большое количество проектов, связанных с поиском новых инструментов для создания учебно-методических комплексов как пространства для дополнительной работы и саморазвития обучающихся в рамках эффективной организации образовательной среды.

Благодаря развитию и доступности компьютерных технологий и технологий *big data* в последние годы большую популярность приобретает работа с массивами языковых данных, а именно с корпусами текстов. Работа с корпусами постепенно становится одним из ведущих методов лингвистических исследований, при помощи которого могут решаться самые разные задачи и открываются новые возможности для реализации цифровых методов в научных целях и в рамках преподавания иностранного языка.

Теоретическую базу исследования составили работы как ведущих зарубежных авторов, занимающихся проблемой применения корпусных технологий в извлечении лингвистической, статистической информации об иностранном языке (Т. McEnery, Н. Keibel, М. Kupietz), так и российских авторов, освещающих потенциал корпусов с точки зрения лингводидактики (В. П. Захаров, М. С. Коган, А. В. Дмитриев, М. С. Мальцева, С. Ю. Богданова, В. Е. Чернявская). Анализ литературы показывает, что в последние годы корпусы все чаще рассматриваются не только с точки зрения лингвистических исследований [2, с. 81], но и с дидактической точки зрения их применения в целом. М. С. Мальцева отмечает, что обучение разным аспектам языка на базе корпусов (*corpus-based teaching*) представляет собой актуальное направление в методике преподавания иностранных языков. Корпусные технологии используются при обучении лексике, грамматике, переводу и т. д. [3, с. 214]. М. С. Коган, А. В. Дмитриев и Е. К. Вдовина дают более детальное описание подходов в рамках корпусных технологий, выделяя *corpus-driven* и *corpus based approach* в рамках компьютерной лингводидактики как части образовательной методологии DDL – Data Driven Learning ('обучение, стимулируемое электронной информацией') [4]. Данный подход

к изучению языка, в рамках которого обучаемый выступает одновременно и исследователем языка, подразумевает использование информационных компьютерных технологий, в том числе электронного корпуса, и корпусных менеджеров с целью овладения ИЯ [5, с. 124].

Потенциал корпусов отмечается исследователями как с точки зрения своей эффективности как лингвометодического материала, так и визуализации лингвостатистических результатов. При этом в научных трудах подчеркивается, что корпус, будучи доступной справочной системой, занимает важную позицию наряду с другими более традиционными образовательными форматами (грамматика, словари) в предоставлении языковых данных для исследовательских, познавательных целей непосредственно для студентов и для методических целей для преподавателей и может быть применен как в рамках программ лингвистического, так и нелингвистического профиля [6, с. 187].

В данной статье рассматривается потенциал корпусных технологий (на примере корпусного менеджера Sketch Engine) в его применении в рамках обучения ИЯ. Цель исследования состоит в обосновании эффективности и доступности применения корпусного инструментария при обучении студентов извлечению языковых данных о сложносоставных существительных немецкого языка с помощью корпусной поисковой системы Sketch Engine как одного из частных случаев работы с лингвистическим материалом на занятиях по ИЯ. Раскрытие дидактического потенциала корпусного инструментария, основанное на принципе статистической наглядности, производилось на примере разработанного комплекса заданий с использованием корпусной поисковой системы для студентов нелингвистического профиля в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого.

Поставленная цель позволила сформулировать следующие задачи исследования:

- определить методологию применения корпусной поисковой системы Sketch Engine на занятиях по ИЯ;
- проанализировать полученные результаты и выявить трудности работы;
- рассмотреть дальнейшие возможности интеграции инструментов корпусного анализа в рамках занятий по ИЯ.

В качестве методов были использованы: метод статистического анализа, синтез, классификация, обобщение. В нашем исследовании мы опирались на деятельностный, когнитивный и технологический подходы к обучению ИЯ.

Применение корпусного инструментария в рамках образовательной среды вузов способствует развитию различных компетенций обучающегося, таких как лингвистическая, когнитивная, цифровая [7, с.70], что помогает выпускникам овладевать не только предметными компетенциями в рамках профильной области обучения, но и в дальнейшем применять знания по ИЯ в рамках своей профессиональной деятельности. Этим обусловлена теоретическая и практическая значимость данного исследования.

Материалы и методы исследования

В сети Интернет существует множество корпусов, которые могут быть использованы в соответствии с поставленной исследовательской, образовательной или дидактической задачей. Важным фактором является осуществление правильного выбора конкретного корпуса для решения конкретных учебных / научных задач пользователем, в роли которого может выступать как преподаватель, так и студент. Развёрнутую типологию корпусов текстов в зависимости от цели их использования предлагает Е. П. Соснина, выделяя исследовательские, иллюстративные, мониторинговые, статистические, мультимедийные, сопоставительные корпусы текстов [8]. Существуют также специализированные корпусы, собранные на основании определенной предметной области, параллельные корпусы, являющиеся полезным инструментом для исследователей-переводчиков. На базе корпуса можно также провести исследование, которое позволит проанализировать уже существующие и известные языковые особенности с целью получения более четких статистических данных о существовании того или иного языкового феномена, морфологической или синтаксической конструкции, словообразовательных моделей.

В настоящее время Интернет предоставляет возможность работы с большим количеством электронных корпусов на иностранных языках. К наиболее известным корпусам, находящимся в свободном открытом доступе, можно отнести Британский и Американский национальный корпусы английского языка, немецкоязычный Deutsches Referenzkorpus (DeReKo), Datenbank für Gesprochenes Deutsch, DWDS (Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache) [9, с. 46]. Существуют также корпусные системы LIMAS, COSMAS, AntConc, Sketch Engine, в которые можно загрузить свои тексты и создать таким образом свой собственный корпус, который будет соответствовать задаче обучения или исследования.

Студенты-лингвисты могут воспользоваться корпусным инструментарием в целях поиска лингвистической информации, исследования становления языковых феноменов с точки зрения диахронического аспекта, получения подтверждения своих гипотез статистическими данными, представленными в корпусе. Для студентов нелингвистических направлений корпус открывает другие возможности. Основными целями студентов при изучении ИЯ являются активное пополнение словарного запаса, корректное использование тех или иных слов, словосочетаний в конкретном контекстном употреблении, грамотное оформление высказывания с точки зрения грамматики. Корпус позволяет осуществлять поиск и проводить исследования по употреблению как общей, так и профессионально-ориентированной лексики, а также рассматривать специфическую терминологию в контекстном употреблении.

Интегрированные в корпусы электронные *корпусные менеджеры* предоставляют возможность работы с лингвистическим материалом для учебных и исследовательских целей и могут быть полезны не только для разносторонних лингвистических, но и предметно-ориентированных задач [10, с. 152]. Таким образом, корпусный менеджер в упрощенном понимании представляет собой средство доступа к корпусу. Именно к таким программам относится программа Sketch Engine, на базе которой мы осуществили свое исследование.

В рамках нашего исследования апробация внедрения корпусной системы Sketch Engine как дополнительного дидактического инструмента в работе с ИЯ проводилась в рамках программы «Индустриальный менеджмент», реализуемой в Институте промышленного менеджмента, экономики и торговли Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого на предмете «Немецкий язык: профессионально-ориентированный курс».

Корпусный менеджер Sketch Engine [11] разработан английским исследователем совместно с чешскими разработчиками из Университета им. Масарика [12, с. 24]. Программа предоставляет возможность работы с корпусами на более чем 90 языках, в том числе и на немецком. Немецкоязычный корпус German Web 2018 (deTenTen18) в рамках данной программы, выбранный нами для исследования, состоит из 5,346,041,196 слов. Sketch Engine – специализированная поисковая система для управления текстовыми и лингвистическими данными, имеющая многочисленные функции: способна с помощью интегрированного корпусного менеджера

генерировать тезаурус, определять коллокации к конкретному слову (функция *Wordlist*), предоставляя данные о лексико-семантических полях искомого слова, статистические данные словоупотребления лексем в разных типах текста, которые можно использовать при составлении дидактических материалов для обучения иностранному языку.

Интегрированный корпусный менеджер обладает также функциями построения частотного списка слов заданной части речи с помощью языка запросов *CQL*, реализует автоматическое построение таблиц сочетаемости для выявления грамматических и лексических коллокаций и комбинаций лексем, создает конкорданс (функция *Corcondance*), то есть список контекстов для заданного слова. Интерфейс корпусной системы представляет собой удобно используемую панель, где можно выбрать необходимую функцию для генерирования лексического материала.

Обратимся теперь к языковому материалу, на базе которого проводилось исследование. Немецкий язык в силу своих структурных особенностей бросает определенный вызов обучающимся, так как изобилует сложносоставными существительными, так называемыми «композициями», особенно в области профессионально-ориентированной лексики. Их употребление играет важную роль при формировании продуктивных речевых навыков, а именно письма и говорения, при осуществлении профессиональной коммуникации. Немецкий исследователь В. Клос отмечает, что такая словообразовательная модель, как композиция сложносоставных существительных, занимает важную роль в немецкой грамматике [13, с.29].

Классификация композитов производится в основном в соответствии с *морфологическими, синтаксическими и семантическими* критериями. Кроме того, композиты могут быть классифицированы в соответствии с формальными признаками, то есть в соответствии с количеством основ в слове или присутствием соединительных элементов. В соответствии с морфологической классификацией композиты подразделяются на подтипы в зависимости от того, к какой части речи относится последняя основа сложносоставного слова, которая представляет собой базовый элемент композита. Подразделение происходит на: 1. *substantivische*, 2. *adjektivische*, 3. *numerische*, 4. *verbale* 5. *adverbiale Komposition*.

Синтаксическая и семантическая классификация композитов основана на отношениях, которые существуют в словоформе между отдельными основами. На основе логических отношений между компонентами композитов сложные

существительные классифицируются на сочинительные и определительные композиты (*kopulative und determinative Komposita*) [14, с. 65]. В определительных композитах (*Determinativkomposita*) за последним словом конструкции закрепляется основное значение, таким образом, оно является основным компонентом сложного слова. Данный способ образования сложносоставных слов в немецком языке в наибольшей степени релевантен для сложносоставных существительных. В сочинительных композитах (*Kopulativkomposita*) значение слова строится на базе нескольких равноправных элементов. Данный способ соединения основ распространен среди сложносоставных прилагательных и наречий. Что касается формальных признаков данного типа слов, то в немецком языке чаще всего наблюдаются двусоставные и трехсоставные композиты, реже сложносоставные слова, состоящие из четырех основ. Соединительными элементами при этом могут выступать совершенно разные единицы, которые чаще всего добавляются к субстантивной основе в именительном падеже или к глагольной форме.

В связи с поставленной задачей по извлечению языковых данных о сложносоставных существительных немецкого языка с помощью корпусного менеджера Sketch Engine организованная для студентов исследовательская работа выполнялась в несколько этапов:

1. Предварительный этап.

- Введение теоретической информации касательно особенности немецких сложносоставных существительных (классификация, структура, способы соединения).

- Ознакомление студентов с интерфейсом и функциями программы Sketch Engine. Обоснование применения инструментов корпусного анализа в работе по поиску конкретного лингвистического материала.

2. Выполнение упражнений по извлечению языковых данных о сложносоставных существительных немецкого языка с помощью корпусной поисковой системы Sketch Engine с использованием функций *Wordlist*, *Corcondance* и *CQL*, предварительное выдвижение гипотез.

3. Обработка полученных статистических данных и применение корпусного менеджера на следующем этапе по извлечению профессионально-ориентированной, терминологической лексики для обучения письменным речевым навыкам.

При выборе методов мы основывались на предложенной О. Г. Гориной классификации наиболее эффективных методов в работе с корпусными инструментами [6, с. 187]:

- метод педагогического эксперимента;
- методы отбора и организации языковых данных в корпус и их статистического анализа;
- методы статистической обработки данных педагогического эксперимента;
- методы анкетирования обучаемых.

Эксперимент и результаты исследования

Рассмотрим основные этапы и результаты интеграции работы с корпусным инструментарием в рамках занятий для студентов. Способом действия был выбран следующий алгоритм: на базе поисковой системы Sketch Engine за основу были взяты 2 функции:

1) На первом этапе была использована функция *Wordlist* для работы с лексическим материалом. Данная функция позволяет найти определенное слово либо словосочетание. Поиск показывает частотность употребления, и при необходимости при нажатии на слово можно перейти в контекст его употребления. Поиск может быть произведен по лемме (начальной, словарной форме слова), по заданной части речи, по форме слова в препозиции / постпозиции. Последняя функция была использована нами для поиска сложносоставных слов.

2) На втором этапе использовалась команда *CQL* (Contextual Query Language – ‘контекстуальный язык запросов’) для поиска сложносоставных существительных немецкого языка в соответствии со следующей целью: поиском сложносоставных существительных из состава общей и профессионально-ориентированной лексики экономического профиля, так как в рамках курса студентам необходимо овладеть не только общей лексикой немецкого языка, но и терминологическим аппаратом профиля.

Перед студентами были поставлены следующие исследовательские задачи, совмещающие овладение грамматическими и лексическими знаниями по ИЯ с помощью применения корпусного инструментария:

- выявление списка самых частотных существительных;
- выявление списка самых частотных композитов с конкретной словоформой в пре- и постпозиции;
- анализ самых частотных композитов на предмет соединительного элемента;
- анализ самых частотных композитов на предмет типа соединения по разным частям речи;
- составление списка самых частотных композитов с существительными из профессиональной предметной области «Wirtschaft» («Экономика»).

Предлагаемый нами метод работы был апробирован при изучении предмета «Немецкий язык: профессионально-ориентированный курс» со студентами 2 курса. Результаты работы с корпусной поисковой системой Sketch Engine представлены в последующих таблицах (табл.1 -4).

Таблица 1.

Результаты по поиску самых частотных существительных корпуса

Слово	Частотность употребления	Слово	Частотность употребления
Jahr	36.081.678	Seite	8.954.459
Zeit	16.945.056	Deutschland	8.744.958
Mensch	15.226.020	Leben	8.671.075
Tag	14.738.938	Fall	8.499.082
Kind	13.900.556	Uhr	8.464.632
Frau	9.587.294	Euro	8.210.398
Frage	9.283.395	Thema	8.082.792

После выявления 15 самых частотных существительных из корпуса была произведена более конкретная поисковая задача. Для этого мы воспользовались командой *CQL*, которая позволяет подобрать слово / словосочетание в определенной грамматической форме, в определенном лексическом окружении. Так как целью работы был анализ и исследование композитов, то с помощью команды *CQL* и при помощи формул [lemma="*.слово"] и [lemma="слово.*"] был составлен частотный список, где слова из данного списка встречались бы в препозиции или постпозиции. Для получения списка частотных композитов в корпусе в данной формуле менялся ключевой элемент, в соответствии с чем изменялся и список композитов. В табл. 2 приведены примеры композитов, найденных по формулам [lemma="*.jahr"], [lemma="Jahr.*"].

Таблица 2

Результаты по поиску самых частотных сложносоставных существительных с заданной словоформой «*jahr»/«Jahr*»

Слово	Частотность употребления леммы *jahr в постпозиции	Слово	Частотность употребления леммы Jahr* в препозиции
Frühjahr	635.444	Jahrhundert	262.329
Vorjahr	584.586	Jahreszeit	83.835
Schuljahr	378.804	Jahrzehnte	70.276

Lebensjahr	346.422	Jahrgang	59.616
Halbjahr	173.388	Jahresende	34.941
Geschäftsjahr	165.344	Jahreshauptversammlung	26.843
Kalenderjahr	83.502	Jahreswechsel	23.508
Baujahr	78.031	Jahrestag	21.128
Folgejahr	65.408	Jahrgänge	17.962
Jubiläumsjahr	55.229	Jahresbeginn	17.260

Данные манипуляции были произведены также и с другими самыми частотными существительными корпуса. На основании полученного языкового материала была произведена классификация композитов и осуществлен статистический анализ результатов. В связи с тем, что данный анализ был посвящен субстантивной композиции (Substantivkomposition), мы также исследовали особенности данного словообразовательного механизма. При анализе было учтено, что сложносоставные элементы могут представлять собой несколько типов:

1) простые основы (Feier+Tag=Feiertag, Fahrt+Zeit=Fahrtzeit),

2) основы с соединительным элементом (Kind+er+Zimmer=Kinderzimmer).

3) сложносоставными единицами выступают слова, которые уже представляют собой сложные словообразования (Versicherung+s+Kauffrau=Versicherungskauffrau).

Однако на базе проанализированного материала заметно, что второй тип образования композитов намного опережает первый и тем более третий механизм словотворчества. Статистический анализ, продемонстрированный в табл. 3, позволяет нам привести следующее соотношение: первый тип словообразования наблюдается в 396, в то время как второй тип встречается в 573 случаях из 1000 проанализированных композитов. При этом следует отметить, что слова могут соединяться при помощи разных связующих элементов (Fugeelemente), таких как *-e-*, *-es-*, *-er-*, *-n-*.

Таблица 3

Результаты по поиску самых частотных существительных

Соединительный элемент	Частотность	Примеры других слов
-	396	Weltmenschen, Zeitlinie, Traumfrau
-en-	179	Menschenbild, Frauenbewegung,

-es-	115	Tageszeiten, Kindesalter
-er-	96	Arbeiterkinder, Kinderarzt
-s-	77	Erfolgsmensch, Aktionstag
-e-	61	Tagebücher, Tageblatt
-n-	45	Krisenzeiten, Patenkind
редукция	31	Ladezeit, Endzeit
ИТОГО	1000	

Нередко встречается такая схема словообразования, когда в одном композите, состоящем из 3 или более основ, встречаются разные связующие элементы (Tag+es+Ordnung+s+Produkte, Kind+er+Tag+es+Stätte). Стоит отметить, что также встречается такой способ образования композитов, при котором первое слово редуцируется, при этом никакого связующего элемента не возникает (Pfingsten+Montag=Pfingstmontag, Mitte+Tag=Mittag).

Следующей задачей студентов было рассмотрение композитов с точки зрения принадлежности компонентов к разным частям речи. Для этого мы использовали также функцию *CQL* и применяли ее к самым частотным существительным. Результатом стало выделение следующих подгрупп:

Таблица 4

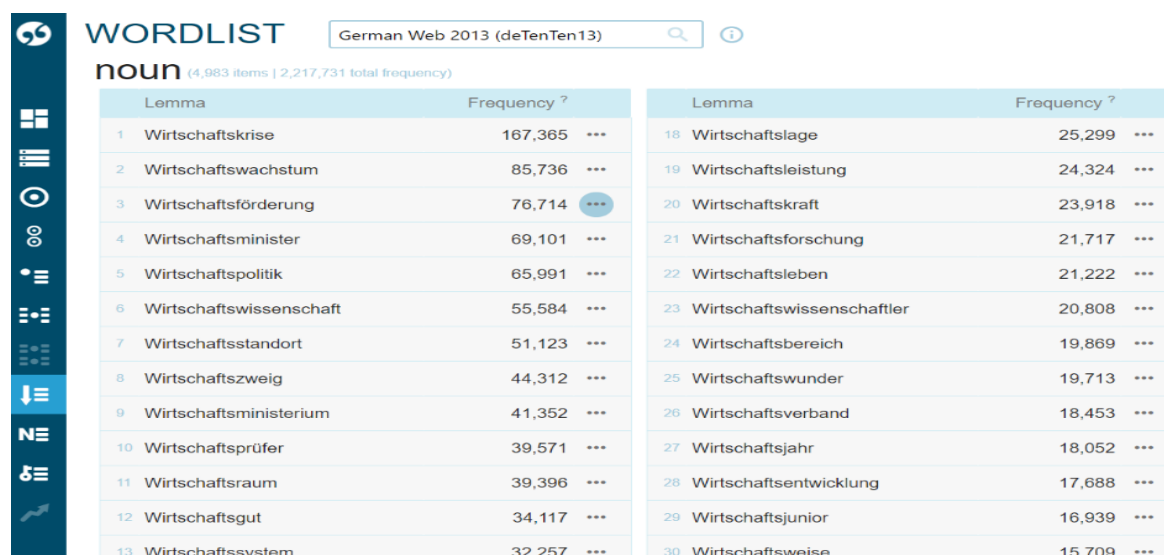
Результаты по поиску самых частотных существительных

Тип соединения	Пример
Substantiv+Substantiv-Komposita	Hausfrau, Kinderkleidung
Verb-Substantiv-Komposita	Sprechzeiten, Kauffrau
Adjektiv+Substantiv-Komposita	Echtzeit, Jungfrau
Präposition+Substantiv-Komposita	Mitmenschen, Vorjahr
Adverbien+Substantiv-Komposita	Allzeit,
Numeralien+ Substantiv-Komposita	Zweitfrau

После проведения исследования с помощью корпусного инструментария общеупотребительной лексики мы перешли к исследованию лексики, соответствующей профилю обучения студентов по направлению «Индустриальный менеджмент». За основу мы брали слова, относящиеся в предметной области «Экономика», представленные в учебном пособии М. Steinmetz, Н. Dintera, «Deutsch für Ingenieure»/ Ein DaF-Lehrwerk für Studierende ingenieurwissenschaftlicher Fächer («Немецкий для инженеров» / Учебное пособие «Немецкий как иностранный для студентов ин-

женерно-научных областей обучения») [15]. Для получения списка частотных композитов в корпусе в данной формуле менялся ключевой элемент, в соответствии с чем изменился и список композитов. Ниже приведены примеры компози-

тов, найденных по формулам [lemma="*.wirtschaft"], [lemma="Wirtschaft.*"]. Данный список представляет самые частотные композиты с лексемой *Wirtschaft* в рамках корпуса (см. рис. 1, 2).

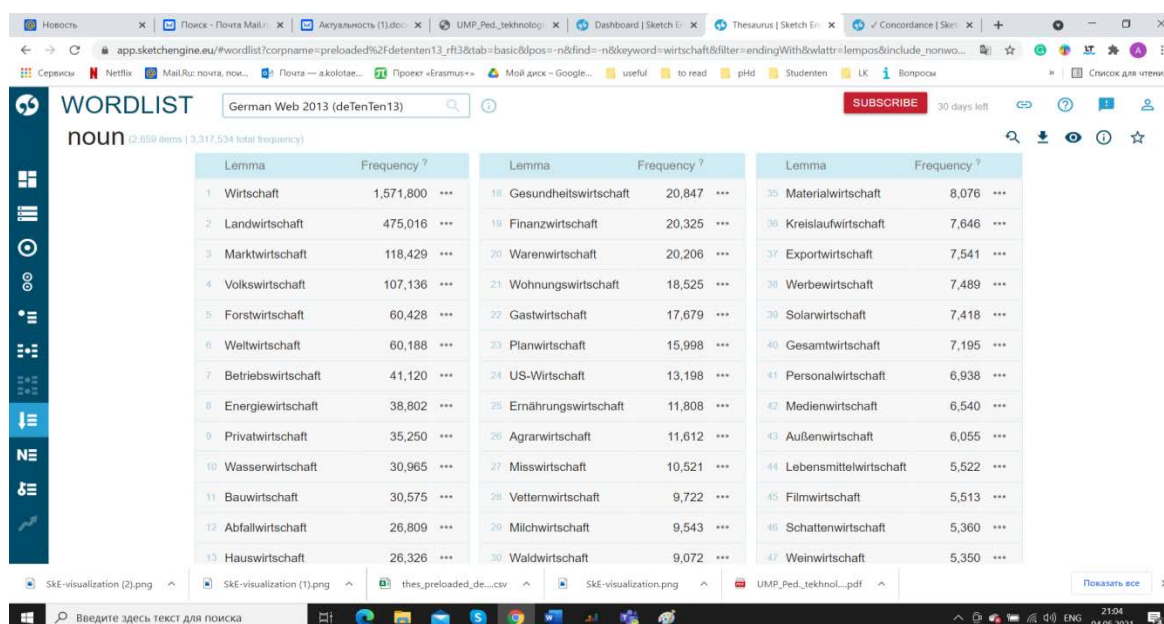

WORDLIST German Web 2013 (deTenTen13)

noun (4,983 items | 2,217,731 total frequency)

Lemma	Frequency ?	Lemma	Frequency ?
1 Wirtschaftskrise	167,365	18 Wirtschaftslage	25,299
2 Wirtschaftswachstum	85,736	19 Wirtschaftsleistung	24,324
3 Wirtschaftsförderung	76,714	20 Wirtschaftskraft	23,918
4 Wirtschaftsminister	69,101	21 Wirtschaftsforschung	21,717
5 Wirtschaftspolitik	65,991	22 Wirtschaftsleben	21,222
6 Wirtschaftswissenschaft	55,584	23 Wirtschaftswissenschaftler	20,808
7 Wirtschaftsstandort	51,123	24 Wirtschaftsbereich	19,869
8 Wirtschaftszweig	44,312	25 Wirtschaftswunder	19,713
9 Wirtschaftsministerium	41,352	26 Wirtschaftsverband	18,453
10 Wirtschaftsprüfer	39,571	27 Wirtschaftsjahr	18,052
11 Wirtschaftsraum	39,396	28 Wirtschaftsentwicklung	17,688
12 Wirtschaftsgut	34,117	29 Wirtschaftsjunior	16,939
13 Wirtschaftssystem	32,257	30 Wirtschaftsweise	15,709

Рисунок 1. Функция *Wordlist* (Список самых частотных композитов с леммой «Wirtschaft» (экономика) в препозиции)

WORDLIST German Web 2013 (deTenTen13)

noun (2,659 items | 3,317,534 total frequency)

Lemma	Frequency ?	Lemma	Frequency ?	Lemma	Frequency ?
1 Wirtschaft	1,571,800	18 Gesundheitswirtschaft	20,847	35 Materialwirtschaft	8,076
2 Landwirtschaft	475,016	19 Finanzwirtschaft	20,325	36 Kreislaufwirtschaft	7,646
3 Marktwirtschaft	118,429	20 Warenwirtschaft	20,206	37 Exportwirtschaft	7,541
4 Volkswirtschaft	107,136	21 Wohnungswirtschaft	18,525	38 Werbewirtschaft	7,489
5 Forstwirtschaft	60,428	22 Gastwirtschaft	17,679	39 Solarwirtschaft	7,418
6 Weltwirtschaft	60,188	23 Planwirtschaft	15,998	40 Gesamtwirtschaft	7,195
7 Betriebswirtschaft	41,120	24 US-Wirtschaft	13,198	41 Personalwirtschaft	6,938
8 Energiewirtschaft	38,802	25 Ernährungswirtschaft	11,808	42 Medienwirtschaft	6,540
9 Privatwirtschaft	35,250	26 Agrarwirtschaft	11,612	43 Außenwirtschaft	6,055
10 Wasserwirtschaft	30,965	27 Misswirtschaft	10,521	44 Lebensmittelwirtschaft	5,522
11 Bauwirtschaft	30,575	28 Vetterwirtschaft	9,722	45 Filmwirtschaft	5,513
12 Abfallwirtschaft	26,809	29 Milchwirtschaft	9,543	46 Schattenwirtschaft	5,360
13 Hauswirtschaft	26,326	30 Waldwirtschaft	9,072	47 Weinwirtschaft	5,350

Рисунок 2. Функция *Wordlist* (Список самых частотных композитов с леммой «Wirtschaft» (экономика) в постпозиции)

По результатам выстроенного запроса студенты смогли проанализировать, какие слова в рамках заданной предметной области относятся к самым частотным сложносоставным существительным (например: *Wirtschaftskrise* – ‘экономический кризис’, *Wirtschaftswachstum* – ‘экономи-

ческий рост’, *Wirtschaftsförderung* – ‘экономическое финансирование’), и проанализировать контекст их употребления.

Также студенты воспользовались функцией *Corcondance*, которая дает список контекстов заданного слова либо словосочетания (рис. 3).

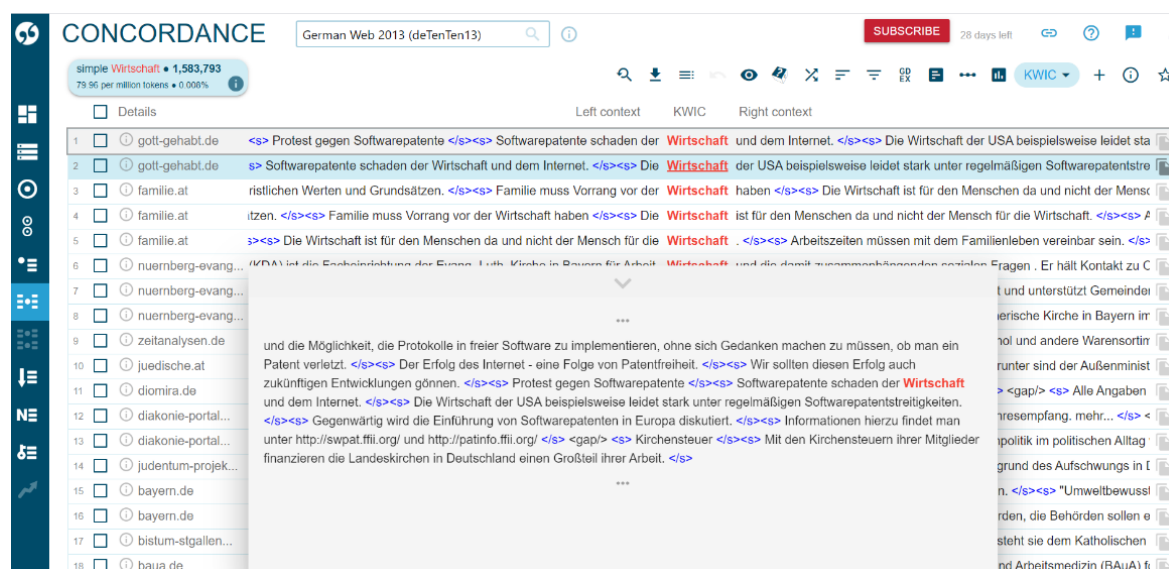

Рисунок 3. Применение функции *Corcondance*

Заключение

Результаты эксперимента показали, что овладение будущими специалистами экономического профиля алгоритмом работы с корпусными технологиями обеспечивает адекватное достижение поставленных целей в обучении ИЯ, расширяет технологическую компетенцию студентов, способствует развитию лингвистического, аналитического мышления, формирует и развивает навыки самостоятельной работы с информационными ресурсами, доступными в Интернете. Можно сделать вывод, что программа Sketch Engine предоставляет широкий спектр возможностей для работы с языковым материалом. С помощью корпусных менеджеров нам удаётся наблюдать за языком «под микроскопом», получить статистические данные и с их помощью сделать вывод об особенностях бытования тех или иных словообразовательных моделей и контекстов употребления профессионально-ориентированной лексики.

Благодаря вариативности, индивидуализации и интегративности сгенерированного дидактического материала с применением корпусных менеджеров может быть создан комплекс следующих педагогических условий:

- создание положительной мотивации и устойчивого познавательного интереса к коммуникативной деятельности и к овладению обучающимися иностранным языком;
- создание иноязычной среды и использование контекста для обучения иностранному языку; обеспечение межпредметной интеграции в образовательном процессе;
- доступ к большим массивам языковых данных, доступность технических возможностей обработки языковых данных для преподавателей

с целью создания качественных дидактических материалов;

- использование интерактивных методов обучения.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что корпусные технологии, в частности корпусный менеджер Sketch Engine, являются эффективным дидактическим инструментом для решения различных лингвистических задач при обучении ИЯ в высшем учебном заведении. Представление грамматического и лексического материала в интерактивной форме значительно повышает мотивационный аспект обучения.

Список источников

1. Биболетова М. З., Трубанева Н. Н. Роль научно-методического комплекта по иностранному языку в моделировании современной информационно-образовательной среды. // Научный и информационно-аналитический журнал «Ценности и смыслы». 2018. № 5 (57). С. 111–127.
2. Захаров В. П., Богданова С. Ю. Корпусная лингвистика. 2-е изд., перераб. и дополн, СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2013. 148 с.
3. Мальцева М. С. Корпусные технологии в методике преподавания иностранных языков // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 8. С. 214–219
4. Дмитриев А. В., Коган М. С., Вдовина Е. К. Теоретико-прикладное значение корпусов в компьютерной лингводидактике // Litera. 2020. № 1. С. 200–216. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32219 (дата обращения: 26.12.2021)
5. Раицкая Л. К. Дидактические возможности корпусных интернет-технологий в преподавании иностранного языка в высшей школе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2009. № 4. С. 123–127.

6. Горина О. Г. Инструменты корпусного анализа в обучении иностранному языку // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-korpusnogo-analiza-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 23.01.2022)
7. Дмитриев А. В., Коган М. С. Потенциал корпусной лингвистики в подготовке специалистов в области компьютерной лингводидактики // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. №4. С. 69–85.
8. Соснина Е. П. Корпусная лингвистика и корпусный подход в обучении иностранному языку // Прикладная лингвистика: официальный сайт Ульяновского государственного технического университета. 2016. URL: http://ling.ulstu.ru/linguistics/resources/literature/articles/corpus_linguistics_language_teaching/ (дата обращения: 04.01.2022).
9. Perkuhn R., Keibel H., Kupietz M. *Korpuslinguistik*. Paderborn: UTB. 2012. 144 p.
10. Захаров В. П. Прологомены к корпусной лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2016. № 2. С. 150–161.
11. Sketch Engine. URL: <https://www.sketchengine.eu/> (дата обращения: 01.09.2021)
12. Долгих З. Б. Обзор ряда корпусных возможностей в сфере лингвистических исследований (на примере анализа средств градуирования в португальском языке) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. №5 (795). С. 22–33
13. Klos V. *Komposition und Kompositionalität. Möglichkeiten und Grenzen der semantischen Dekodierung von Substantivkomposita*, Berlin/New York: de Gruyter. 2011. 365 p
14. Fleischer W. *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. de Gruyter. 2012. 484 p.
15. Steinmetz M., Dintera H. *Deutsch für Ingenieure: Ein DaF-Lehrwerk für Studierende ingenieurwissenschaftlicher Fächer (VDI-Buch)* 2014. Auflage, Kindle Ausgabe. 395 p.
4. Dmitriev, A. V., Kogan, M. S., Vdovina, E. K. (2020). *Teoretiko-prikladnoe znachenie korpusov v komp'iuternoi lingvodidaktike* [Theoretical and Applied Value of Corpora in Computer Linguodidactics]. *Litera*. No. 1, pp. 200–216. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32219 (accessed: 26.12.2021). (In Russian)
5. Raitskaya, L. K. (2009). *Didakticheskie vozmozhnosti korpusnykh internet-tekhnologii v prepodavanii inostrannogo yazyka v vysshei shkole* [Didactic Uses of Corpus-Related Technologies in Teaching a Foreign Language in Higher School]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika*. No. 4, pp. 123–127. Moscow. (In Russian)
6. Gorina, O. G. (2018). *Instrumenty korpusnogo analiza v obuchenii inostrannomu yazyku* [Corpus Research Tools in L2 Teaching]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 435. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-korpusnogo-analiza-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku> (accessed: 23.01.2022). (In Russian)
7. Dmitriev, A. V., Kogan, M. S. (2019). *Potentsial korpusnoi lingvistiki v podgotovke spetsialistov v oblasti komp'iuternoi lingvodidaktiki* [The Potential of Corpus Linguistics in Training Foreign Language Teachers Majoring in Computer Assisted Language Teaching]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. No. 4, pp. 69–85. St. Petersburg. (In Russian)
8. Sosnina, E. P. (2016). *Korpusnaya lingvistika i korpusnyi podkhod v obuchenii inostrannomu yazyku* [Corpus Linguistics and Corpus Approach in Foreign Language Teaching]. URL: http://ling.ulstu.ru/linguistics/resources/literature/articles/corpus_linguistics_language_teaching/ (accessed: 04.01.2022). (In Russian)
9. Perkuhn, R., Keibel, H., Kupietz, M. (2012). *Korpuslinguistik* [Corpus Linguistics]. Paderborn, UTB. 144 p. (In German)
10. Zakharov, V. P. (2016). *Prolegomeny k korpusnoi lingvistike* [Prolegomena to Corpus Linguistics]. *Voprosy psikholingvistiki*. No. 2, pp. 150–161. St. Petersburg. (In Russian)
11. Sketch Engine. URL: <https://www.sketchengine.eu/> (accessed: 01.09.2021). (In Russian)
12. Dolgikh, Z. B. (2018). *Obzor ryada korpusnykh vozmozhnostei v sfere lingvisticheskikh issledovaniy (na primere analiza sredstv gradirovaniya v portugal'skom yazyke)* [An Overview of Some Basic Possibilities of Corpus in the Field of Linguistic Research (on the example of the analysis of graduation means in the Portuguese language)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. No. 5 (795), pp. 22–33. Moscow. (In Russian)
13. Klos, V. (2011). *Komposition und Kompositionalität* [Composition and Compositionality]. *Möglichkeiten und Grenzen der semantischen Dekodierung von Substantivkomposita*. 365 p. Berlin/New York, de Gruyter. (In German)
14. Fleischer, W. (2012). *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache* [Word Formation in Contemporary German]. De Gruyter. 484 p. (In German)

References

1. Biboletova, M. Z., Trubaneva, N. N. (2018). *Rol' nauchno-metodicheskogo kompleksa po inostrannomu iazyku v modelirovanii sovremennoi informatsionno-obrazovatel'noi sredy* [The Role of the Foreign Language Set of Teaching Materials in the Modeling Informational and Educational Environment]. *Nauchnyi i informatsionno-analiticheskii zhurnal "Tsennosti i smysly"*. Vol. 5 (57), pp. 111–127. (In Russian)
2. Zakharov, V. P., Bogdanova, S. Iu. (2013). *Korpusnaya lingvistika* [Corpus Linguistics]. 2-e izd., pererab. i dopoln. SPb., Filologicheskii fakul'tet. 148 p. St Petersburg. SPbGU. (In Russian)
3. Mal'tseva, M. S. (2011). *Korpusnye tekhnologii v metodike prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Corpus Technologies in the Methodology of Teaching Foreign Languages]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*. No. 8, pp. 214–219. (In Russian)

15. Steinmetz, M., Dintera, H. (2014). *Deutsch für Ingenieure: Ein DaF-Lehrwerk für Studierende ingenieurwissenschaftlicher Fächer* [German for Engineers: A DaF Textbook for Students of Engineering Subjects]. (VDI-Buch) 395 p. Auflage, Kindle Ausgabe. (In German)

Библиографический список

1. McEnery T. Corpus Linguistics: Method, Analysis, Interpretation. Lancaster University. URL: www.futurelearn.com/courses/corpus-linguistics (дата обращения: 26.12.2021)

2. Чернявская В. Е. Корпусно-ориентированный дискурсивный анализ идентичности российского уни-

верситета 3.0 // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. №. 58. С. 97–114.

Bibliographic list

1. McEnery, T. *Corpus Linguistics: Method, Analysis, Interpretation*. Lancaster University. URL: www.futurelearn.com/courses/corpus-linguistics (accessed: 26.12.2021). (In English)

2. Cherniavskaya, V. E. (2019). *Korpusno-orientirovannyi diskursivnyi analiz identichnosti rossiiskogo universiteta 3.0* [Corpus Assisted Discourse Analysis of Russian University 3.0 Identity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 58, pp. 97–114. Tomsk. (In Russian)

The article was submitted on 04.02.2022

Поступила в редакцию 04.02.2022

Колотаева Анна Юрьевна,
аспирант,
ассистент,
Высшая школа инженерной педагогики,
психологии и прикладной лингвистики,
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,
199397, Россия, Санкт-Петербург,
Кораблестроителей, 40.
kolotaeva@spbstu.ru

Kolotaeva Anna Yurievna,
graduate student,
Assistant Professor,
the Higher School of Engineering Pedagogy,
Psychology and Applied Linguistics,
Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University,
40 Korablestroiteley Str.,
St.Petersburg, 199397, Russian Federation.
kolotaeva@spbstu.ru

ЭФФЕКТИВНАЯ СИСТЕМА УПРАЖНЕНИЙ ДЛЯ ТРЕНИРОВКИ ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ У ИНОСТРАННЫХ КУРСАНТОВ С ПОМОЩЬЮ МЕТАМОДЕЛЬНОГО ПРИНЦИПА ОБУЧЕНИЯ

© Елена Комовская

EFFECTIVE SYSTEM OF EXERCISES FOR TRAINING RUSSIAN GRAMMATICAL SKILLS IN INTERNATIONAL CADETS USING THE METAMODEL PRINCIPLE

Elena Komovskaya

The purpose of the article is to describe an effective system of exercises for the development of grammatical skills in international cadets at the preparatory course of the special faculty of the Military Institute (engineering and technical) of the Military Academy of Logistics named after Army General V. A. Khrulev (hereinafter – VI IT VA MTO). We created control and experimental groups, in the latter groups we implemented our approach to teaching grammar of the Russian language.

The teaching in the experimental group was based on the innovative metamodel principle of representing Russian grammar, as well as the methodological methods for building exercises proposed by S. F. Shatilov as a three-stage system: from orientation to standardization and subsequent variation. The article thoroughly analyzes the algorithms for introducing the orienting components of Russian grammar, provides a hierarchy of standardization exercises and suggests possible options for varying Russian speech in conditionally communicative and actually communicative exercises. The metamodel principle of minimal grammatical models was described by M. V. Vsevolodova, we added necessary components, guiding international cadets - a constitutional distributor and a speech correlate, to its structure, which is a scientific novelty. In addition, the system of exercises for these minimal structures has not been previously developed in the methodology of teaching Russian as a foreign language. In the article, we attempt to implement an improved theory in a three-stage system of effective exercises for the development of international cadets' grammatical skills. We present a classification of the task system, identify blocks, describe their possible thematic content and the most effective components of the three-stage methodological model. The experimentally obtained data prove that this system of exercises is highly effective in teaching Russian as a foreign language at an elementary level.

Keywords: metamodel, metamodel principle, grammar, grammatical skill, orientation, standardization, variation

Целью статьи является описание эффективной системы упражнений на отработку грамматических навыков у иностранных курсантов на подготовительном курсе специального факультета Военного института (инженерно-технического) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии В. А. Хрулева (далее – *ВИ ИТ ВА МТО*). Созданы контрольные и экспериментальные группы, в последней реализовывался авторский подход к обучению грамматике русского языка, описываемый в данной статье.

В основу преподавания в экспериментальной группе был положен инновационный метамодельный принцип представления русской грамматики, а также методические приёмы построения упражнений, предложенные С. Ф. Шатиловым, как трехступенчатой системы: от ориентирования к стандартизации и последующему варьированию. В статье подробно анализируются алгоритмы введения ориентирующих компонентов грамматики русского языка, приводится иерархия стандартизирующих упражнений и предлагаются возможные варианты по варьированию русской речи в условно-коммуникативных и собственно-коммуникативных упражнениях. Научная новизна заключается в том, что метамодельный принцип минимальных грамматических моделей был описан М. В. Всеволодовой, но мы в его структуру добавили необходимые ориентирующие иностранного курсанта компоненты – конститутивный распространитель и речевой коррелят. Кроме того, система упражнений для данных минимальных структур ранее не разрабатывалась в методике преподавания.

давания РКИ. В статье усовершенствованная теория воплощается в трехступенчатой системе эффективных упражнений, направленных на отработку грамматических навыков у иностранных курсантов. Приведена классификация системы заданий, выделены блоки, описано их возможное тематическое содержание, представлены наиболее эффективные компоненты трехступенчатой методической модели обучения иностранных курсантов. В результате полученных экспериментальным путём данных доказано, что данная система упражнений высокоэффективна при преподавании РКИ на элементарном уровне обучения.

Ключевые слова: метамодель, метамодельный принцип, грамматический навык, ориентирование, стандартизация, варьирование, конститутивный распространитель, корреляты

Актуальность исследования состоит в том, что ранее теоретическое наследие М. В. Всеволодовой [1] по минимальным структурным схемам не рассматривалось в практическом её применении к методическим принципам С. Ф. Шатилова [2]. Следовательно, для иностранных курсантов элементарного уровня обучения не было выработано достаточно наглядного грамматического ориентира с его последующей стандартизацией через эффективную трехступенчатую систему упражнений. *Задачи* исследования заключаются в описании и классификации упражнений метамодельного принципа преподавания грамматики с позиции методической концепции С. Ф. Шатилова, а также во введении и обосновании понятия метамодель, в выявлении её отличительных признаков от структурных схем, описанных в Грамматике-80 и в трудах В. А. Белошапковой и М. В. Всеволодовой. При решении данных задач мы использовали методы общенаучные: анализ, синтез, сравнение, сопоставление, обобщение и экспериментальные методы: констатирующий и промежуточный срезы знаний, инновационные формы обучения. *Теоретической базой* исследования послужили работы: А. В. Бондарко [3], И. В. Богатыревой, И. Г. Евстегнеевой, О. В. Жигунова [4], А. В. Величко [5], М. В. Всеволодовой [1], Г. А. Золотовой [6], Г. А. Золотовой, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидоровой [7], Л. С. Крючковой [8], М. Н. Лебедевой [9].

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты можно использовать, во-первых, при преподавании грамматики русского языка иностранным курсантам, во-вторых, при дальнейших теоретических и практических исследованиях по лингвистике и методике преподавания РКИ.

По методической концепции С. Ф. Шатилова, который представлял структуру формирования речевого навыка как три самостоятельных взаимообусловленных этапа (ориентирующий, стандартизирующий (стерео типизирующий) и варьированный), система упражнений на отработку грамматических и речевых навыков должна содержать необходимый ориентир и подготавливать иностранных учащихся к возможным его

вариациям. В его исследованиях можно прочитать: «... на первом этапе (подготовительном) создаётся ориентировочная основа формирования навыка» [2, с. 37]. Применительно к нашей практике на данном этапе мы знакомим курсантов с минимальным метамодельным образцом или речевой структурой. «На втором этапе создается устойчивость («стабильность») в выполнении речевых операций» [Там же, с. 38]. В нашем случае – это система упражнений на отработку метамodelей с выделением речевого коррелята. На третьем этапе, по мнению исследователя, происходит формирование «... гибкости, динамизма навыка и дальнейшее укрепление стереотипных, ситуативно обусловленных связей» [Там же, с. 39]. Относительно предложенной нами концепции изучения грамматики иностранными курсантами это может быть система упражнений с метамodelями открытого типа на определённую тему для построения собственно-монологического высказывания или диалога.

Следовательно, в любой системе упражнений по РКИ должно быть три этапа. Рассмотрим данные этапы в симбиозе с теорией минимальных грамматических структур русского языка. Данные структуры были описаны в Грамматике-80, трудах В. А. Белошапковой и М. В. Всеволодовой. В результате анализа теоретических подходов к данному вопросу можно прийти к следующему выводу: вся грамматика русского языка представляет собой минимальные речевые структуры открытого типа, то есть любую минимальную единицу можно расширить за счёт присоединения к ней соответствующего конститутивного распространителя. Относительно самостоятельной в русском языке является модель N_1V_r , она соответствует большинству высказываний, однако в живом общении эта минимальная структура всегда расширяется значимым смысловым элементом. Например, элементарное коммуникативное выражение *Я читаю* в речи сопровождается номинативным коррелятом N_6 , N_4 : *Я читаю книгу, журнал, газету* и т. д.; *Я читаю в доме, библиотеке, на уроке* и т. д.

Значит, для изучения русской грамматики основным ориентиром является не только мини-

мальная структурная схема предложения, но и её основные конститутивные распространители с важным речевым коррелятом. Исходя из этого, как было ранее описано нами в статьях, «под метамоделью в современном русском языке мы понимаем некую условную грамматическую комбинацию, не противоречащую грамматическим законам языка, но обладающую коммуникативным характером за счет включения в абстрактную схему необходимых коммуникативных коррелятов. Под необходимыми коммуникативными коррелятами мы понимаем служебные слова, которые способствуют определению падежной парадигмы высказывания, а также это могут быть глаголы, которые при условии беспредложного формирования высказывания сообщают последнему необходимую грамматическую структуру. Следовательно, если условная абстрактная схема, предложенная Грамматикой-80, выглядела как $N_1 + V_f + N_4$ или $N_1 + V + N_6$ (*мальчик читает книгу; мальчик читает в книге*), то мы предлагаем в метамоделях обязательно использовать необходимый коммуникативный коррелят, для первой схемы это глагол *читать*, который требует к себе последующего распространителя в винительном падеже, для схемы два – обязательный предлог, который указывает на ситуативный характер коммуникации, исходя из этого абстрактные модели будут выглядеть в метамоделях как $N_1 + \text{читать} + N_4$ и $N_1 + V_f + \text{в} + N_6$, что будет способствовать созданию правильного грамматического шаблона, но при этом без ограничения в коммуникативном задании» [10, с. 46]. На наш взгляд, выделенный в метамодели коммуникативный коррелят – это ещё и дополнительный ориентир для иностранного курсанта при построении грамматически верного высказывания.

Проследим воплощение метамodelей в структуре упражнений трехступенчатой системы на примере изучения речевых форм родительного падежа.

Упражнения *ориентирующего этапа*

При метамодельном принципе обучения грамматике русского языка для формирования у курсантов речевого навыка можно использовать два алгоритма действий или, как отмечает исследовательница Т. И. Капитонова, «дедуктивные и индуктивные приёмы введения грамматического материала» [11, с. 137–138].

Алгоритм 1. От структуры метамодели определённого падежа к её речевому наполнению.

В данном случае курсантам наглядно демонстрируется метамодель и предлагается построить на её основе высказывание, исходя из речевого коррелята – предлога или глагола, в анализируе-

мом примере – это предлоги родительного падежа.

Например, $N_1 V_f$ без N_{2-n} ; $N_1 V_f$ около N_2 и т. д.

В составе экспериментальной группы обучающихся по данному принципу речевое оформление указанной грамматической метамодели было различным, в зависимости от объёма лексического минимума, сформированного к данному моменту времени: *Я ем без хлеба; Я сплю без одеяла; Я живу около института; Я сплю около окна* и т. д.

При таком подходе навык грамматически верного шаблона вырабатывается у 80% обучающихся, а активизация лексики наблюдается в 95% случаев. Следовательно, данный алгоритм можно считать эффективным, так как он выделяет необходимый речевой коррелят, в результате предупреждает большинство грамматических ошибок в речи учащихся. Более того, за счёт отсутствия ограничений в коммуникативном задании активизируется усвоенная ранее лексика в новой падежной форме.

Алгоритм 2. От речевого высказывания к его метамодельному оформлению.

В данном случае курсантам даётся речевое высказывание и предлагается создать его метамодель. Например: *Я не могу жить без воздуха, воды, еды. Плохо жить без здоровья, друзей, счастья.* Метамодели в этом случае будут такими: N (не) (мочь) V_{inf} без N_{2-n} ; $Adv V_{inf}$ без N_{2-n} . Данный алгоритм можно использовать только при условии, что все метамодельные символы были изучены курсантами ранее. Однако он высокоэффективен при введении нового грамматического материала через сравнение его с предыдущим. Например, падежные речевые образцы: *Я живу в казарме.* Ср.: *Я живу около казармы. Я живу слева от казармы. Я живу недалеко от казармы.* За счёт самостоятельного построения метамodelей к данным высказываниям ($N V_f$ в N_{6-n} ; $N V_f$ около N_{2-n} ; $N V_f$ слева от N_{2-n} ; $N V_f$ недалеко от N_{2-n}) курсанты выявляют, во-первых, необходимый коррелят для грамматически верного высказывания в родительном и предложном падежах; во-вторых, – разницу в семантическом значении анализируемых элементов; в-третьих, – функциональное значение рассматриваемых падежных форм. В ходе работы по данному алгоритму в экспериментальной группе у курсантов наблюдались следующие результаты: успешность выбора падежной формы по коррелирующему ориентиру – 80%, верное определение функции падежа – 78%, активизация изученной ранее лексики в новой падежной парадигме – 90%.

Какой бы из двух алгоритмов на ориентирующем этапе не был выбран преподавателем, всегда наблюдается строгая иерархия действий: предъявление речевого образца или метамодельной структуры, анализ их, выделение речевого ориентира или коррелята.

В экспериментальной группе проводилось измерение скорости усвоения грамматических навыков на ориентирующем этапе на протяжении 8 недель обучения по пяти параметрам: осознание метамодели; определение её падежной функции; точность употребления в речи; быстрота распознавания в тексте по корреляту. Измерения проводились, исходя из правильности и временного интервала выполнения курсантами упражнений ориентирующего характера.

Приведём данные эксперимента в национальной группе из Монголии (см. табл.1.).

Таблица 1
Ориентирующий этап метамодельного обучения грамматике

Недели обучения	Скорость осознания элементов метамодели	Скорость осознания падежной функции	Речевая точность употребления метамодели в речи	Быстрота распознавания метамодели по корреляту
Третья неделя	10%	15%	35%	48%
Пятая неделя	35%	44%	40%	55%
Восьмая неделя	60%	75%	65%	83%

Исходя из данных таблицы, видно, что на ориентирующем этапе у иностранных курсантов при ознакомлении с метамоделями в начале обучения возникают сложности. Это объясняется тем, что они впервые видят структуру изучаемого языка, словарный запас минимален, однако дальнейшая работа по данной методике показывает, что восприятие метамодельного и речевого шаблона ускоряется. Сложные неуниверсальные падежные окончания начинают запоминаться быстрее, а корреляты формируют необходимый самоконтроль при речевом высказывании, поэтому промежуточные тесты демонстрируют вы-

сокий уровень овладения навыками. Следовательно, предложенный метод подтверждает свою высокую эффективность на ориентирующем этапе обучения грамматике.

Рассмотрим, насколько эффективен метамодельный принцип на *стандартизирующем этапе обучения*.

На данном этапе, благодаря упражнениям-тренажёрам, у курсантов формируются речевые автоматизмы за счёт обусловленных структур. Рассмотрим блоки таких упражнений на примере изучения родительного падежа.

Первый блок упражнений – упражнения на отработку падежного окончания. В данном блоке даются упражнения подстановочного характера по трем основным моделям единственного и множественного числа, всего их 6. Первая модель: *Мясо – килограмм мяса*, систематизирует грамматические навыки употребления слов среднего рода единственного числа. Вторая модель: *Сахар – пакет сахара*, предназначена для отработки речевого автоматизма слов мужского рода единственного числа. Третья модель: *Вода – литр воды*, концентрирует внимание курсантов на формах слов женского рода единственного числа.

В каждой модели дан лексический коррелят, который определяет выбор формы родительного падежа: *пакет, килограмм, литр*. Четвертая модель: *Помидоры – много помидоров*, направлена на отработку существительных множественного числа по мужскому типу окончаний. Пятая модель: *Учителя – мало учителей*, автоматизирует навыки употребления существительных с мягкой основой. Шестая модель: *Туфли – много туфель*, формирует представление у учащихся о грамматических формах в родительном падеже существительных множественного числа по женскому типу окончаний.

В трех последних моделях также представлены речевые корреляты для запоминания – это слова *много* и *мало*.

Второй блок упражнений – упражнения на отработку форм родительного падежа по определённым речевым маркерам. В данном случае это предлоги: *без, для, у, около, посередине, вокруг, напротив, далеко от, недалеко от*. Надо построить высказывание по модели N_1V_f **предлог** N_2 , затем задать вопросы к получившимся речевым высказываниям.

Третий блок упражнений – на сравнение и сопоставление речевых моделей и построение соответствующих метамоделей. Например: *В комнате есть / У друга есть*. Ср. с: *В комнате нет; У друга нет; Здесь много; Здесь мало*. (В №

есть; У N₂ есть; В N₆ нет; Adv много; Adv мало).

При возможности использования цифровых технологий на занятиях данное задание можно разнообразить, предложив курсантам в программе «фотошоп» изменить макет комнаты и описать ее. Подобного рода цифровые задания вызывают интерес у 80% курсантов на элементарном уровне обучения.

Четвертый блок упражнений – это упражнения на построение собственного высказывания, исходя из заданной метамодели.

Например, N₁V_f без N₂; N₁V_f у N₂; N₁V_f около N₂; N₁V_f недалеко от N₂.

Я сплю без подушки; Магазин находится у казармы; Институт находится около казармы; Я сижу недалеко от друга и т. д.

Результаты проведенного эксперимента на этапе стандартизирующих упражнений, направленных на отработку форм родительного падежа, на базе спецфакультета ВИ ИТ ВА МТО дали следующие результаты (см. табл. 2).

Таблица 2.

Эффективность предложенных стандартизирующих упражнений, построенных по метамодельному принципу

Результат курсанта	Автоматизм навыка	Способность различать грамматический ориентир	Ошибки в речи	Ошибки на письме
K1	55%	80%	44%	15%
K2	83%	95%	15%	5%
K3	77%	98%	25%	10%
K4	65%	75%	35%	12%
K5	35%	55%	62%	35%

Следовательно, при обучении нельзя исключать индивидуальные возможности курсанта воспринимать информацию. Так, например, тестовые работы курсанта K5 показывают, что процент усвоения материала намного ниже, чем у остальных участников эксперимента. Однако, по сравнению с контрольной группой, обучающейся по традиционной системе, в экспериментальной в промежуточном тестировании наблюдается в 1,5 раза меньше ошибок в речи, на 70% больше верных ответов в письменных заданиях, а скорость написания теста выше в 2 раза. Следовательно, описанная система упражнений стандартизирующего этапа показывает, что студенты способны наиболее успешно сдать тестирование элементарного уровня и в более короткие сроки усвоить необходимые грамматические формы,

так как автоматизация навыка в среднем выше на 60%.

Последний этап – это *варирующие упражнения*.

На данном этапе условия аудиторной работы максимально приближаются к живому общению. При изучении темы «родительный падеж» можно выделить три блока заданий варьирующего типа: элементарно варьирующие упражнения, ролевые игры, ситуативные задачи.

Блок элементарно варьирующих упражнений. В данном блоке наблюдается минимальное приближение к живой разговорной речи, учащийся подготавливается к тому, что в русском языке относительно не фиксированный порядок слов. Предлагаются задания следующего типа: перестройте высказывание из модели N₁V_f без N₂ в модель без N₂ N₁V_f и т. д. *Я живу около казармы. – Около казармы я живу. Я стою у метро. – У метро я стою. Я иду недалеко от магазина. – Недалеко от магазина я иду. Я пишу без ошибок. – Без ошибок я пишу* и т. д.

Блок ролевых игр при изучении родительного падежа может быть представлен ролевыми играми: продавец и покупатель; официант и посетитель кафе. Например, вы в кафе закажете чашку чая, кофе; тарелку супа, или вы в магазине купите пачку сахара, соли; пакет чая, кофе, молока и т. д.

Блок ситуативных задач может быть представлен квестом по ориентированию в пространстве. Курсантам предлагаются фотографии различных мест: казармы, плаца, которые необходимо описать, используя слова-ориентиры: *недалеко от, справа от, слева от, посередине, у*. Так, например, описание плаца курсантами из Монголии было следующим:

К 2. Это фотография плаца института. Недалеко от плаца есть столовая, слева от плаца корпус начальника, справа от плаца находится специальный факультет, посередине находятся знаки для строевой подготовки (здесь и далее орфография и пунктуация автора сохранены. – Е. К.).

В ходе промежуточного тестирования по теме «родительный падеж» курсанты экспериментальной группы получили задание описать по фотографии место в Санкт-Петербурге. С данным заданием 4 курсанта справились успешно, с минимальным количеством речевых и грамматических ошибок, 1 курсант (K5) справился удовлетворительно. В контрольной группе только один курсант выполнил данное задание на удовлетворительную оценку, в работах остальных отмечается большое количество логических,

грамматических ошибок, что не позволяет оценить их тексты положительно.

Пример задания. Опишите фотографию, используя слова *недалеко от, много, слева от, справа от, у, около*.

К5. Эк. гр. На фотографии Петропавловская крепость. Петропавловская крепость недалеко от Эрмитажа. На фотографии много зайцы. Они слева от моста, с права от двери. Там много здания: баня, монетный двор, шпиль.

К3. Контр. гр. На фотографии Петропавловская крепость. Он недалеко стоит мост. Здесь много дом. Друг сидит слева от я. Окно справа от я.

Исходя из приведенных ответов на задание, можно отметить, что курсант экспериментальной группы на письме не различает формы множественного числа родительного падежа и не может в полном объеме использовать все перечисленные в задании корреляты в своем тексте. Студент из контрольной группы не понимает суть задания, так как начинает с рассказа о Петропавловской крепости, а продолжает о себе, также он не различает окончания родительного падежа, нарушает логику употребления местоимений, неверно применяет корреляты родительного падежа, использует половину перечисленных в задании речевых маркеров.

Заключение

1. Метамоделный принцип в обучении русской грамматике, благодаря обобщению концепций минимальных структурных схем, помогает грамматический материал представить схематично, наглядно, в сжатой форме как минимальный речевой образец. Дополнительное фиксирование конститутивных распространителей и коррелятов в данных моделях позволяет нам создать необходимые для иностранных курсантов ориентиры, которые способствуют преодолению грамматических ошибок как в письменных работах, так и в речи.

2. Предложенный нами метамоделный принцип эффективен на ориентирующем этапе благодаря наглядности грамматических коррелятов; на стандартизирующем – потому что система упражнений автоматизирует грамматический навык использования определённой падежной формы; на варьирующем – так как происходит демонстрация ситуаций употребления того или иного речевого шаблона.

3. Проведенный нами эксперимент в двух группах, показывает, что число грамматических ошибок в экспериментальной группе в 1,5 раза ниже, чем в контрольной, а лексические навыки

верного употребления минимального набора слов в падежной парадигме на 50% выше.

Список источников

1. Всеволодова М. В., Панков Ф. И. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагм. приклад. (пед.) модели яз. М.: МГУ, 2000. 501 с.
2. Шатилов С. Ф. Актуальные проблемы методики обучения русскому языку иностранных учащихся Л.: ЛГУ, 1985. 24 с.
3. Бондарко А. В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии СПб.: СПбГУ, 1996. 219 с.
4. Богатырева И. В., Евстегнеева И. А., Жигунова О. В. В мире русской грамматики. Пособие по русскому языку для иностранных учащихся с переводом на английский язык. М.: Русский язык, Курсы, 2016. 400 с.
5. Величко А. В. Книга о грамматике М.: МГУ, 2017. 648 с.
6. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка М.: Ком Книга, 2005. 352 с.
7. Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: МГУ, 1998. 528 с.
8. Крючкова Л. С. Русский язык как иностранный: синтаксис простого и сложного предложения. М.: гуманитарный центр ВЛАДОС, 2004. 464 с.
9. Лебедева М. Н. Вопросы русской грамматики: от смысла к форме. Характерные трудности. М.: Русский язык, Курсы. 2018. 176 с.
10. Комовская Е. В. Научные метамоделли в современном русском языке (на примере сельскохозяйственных терминов) // Филология и культура, 2020, № 2 (60). С. 45– 51.
11. Капитонова Т. И. Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе предвузовской подготовки. СПб.: Златоуст, 2006. 272 с.

References

1. Vsevolodova, M. V., Pankov, F. I. (2000). *Teoriya funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa* [Theory of Functional-Communicative Syntax]. *Fragm. priklad. (ped.) modeli yaz.* 501 p. Moscow, Moscow State University. (In Russian)
2. Shatilov, S. F. (1985). *Aktual'nyye problemy metodiki obucheniya russkomu yazyku inostrannykh uchashchikhsya* [Current Problems of Teaching Russian to Foreign Students]. 24 p. Leningrad. (In Russian)
3. Bondarko, A. V. (1996). *Problemy grammaticheskoi semantiki i russkoi aspektologii* [Problems of Grammatical Semantics and Russian Aspectology]. 219 p. St. Petersburg, St. Petersburg State University. (In Russian)
4. Bogatyreva, I. V., Evstegneeva, I. A., Zhigunova, O. V. (2016). *V mire russkoi grammatiki*. [In the World of Russian Grammar]. *Posobiye po russkomu yazyku dlya inostrannykh uchashchikhsya s perevodom*

na angliyskii yazyk. 400 p. Moscow, Russkii yazyk, Kursy. (In Russian)

5. Velichko, A. V. (2017). *Kniga o grammatike* [Grammar Book]. 648 p. Moscow, Moscow State University. (In Russian)

6. Zolotova, G. A. (2005). *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essay on the Functional Syntax of the Russian Language]. 352 p. Moscow, Kom Kniga. (In Russian)

7. Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., Sidorova, M. Iu. (1998). *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. 528 p. Moscow, Moscow State University. (In Russian)

8. Kriuchkova, L. S. (2004). *Russkii yazyk kak inostrannyi: sintaksis prostogo i slozhnogo predlozheniya* [Russian as a Foreign Language: Syntax of a Simple and Complex Sentence]. 464 p. Moscow, VLADOS. (In Russian)

9. Lebedeva, M. N. (2018). *Voprosy russkoi grammatiki: ot smysla k forme. Kharakternyye trudnosti* [Questions of Russian Grammar: From Meaning to Form. Characteristic Difficulties]. 176 p. Moscow, Russian, Courses. (In Russian)

10. Komovskaya, E. V. (2021). *Nauchnyye metamodeli v sovremennom russkom yazyke (na primere sel'skokhozyaystvennykh terminov)* [Scientific Metamodels in Modern Russian (Based on Agricultural Terms)]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 2 (64), pp. 45-51. (In Russian)

11. Kapitonova, T. I. (2006). *Metodika obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu na etape predvuzovskoi podgotovki* [Methodology of Teaching Russian as a Foreign Language at the Stage of Pre-University Training]. 272 p. St. Petersburg, Zlatoust. (In Russian)

The article was submitted on 02.02.2022
Поступила в редакцию 02.02.2022

Комовская Елена Витальевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Военный институт (инженерно-технический)
Военной академии МТО
им. генерала В.А. Хрулева,
196605, Россия, Санкт-Петербург,
Захарьевская, 22.
Komovskaya86@mail.ru

Komovskaya Elena Vitalyevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Military (Engineering) Institute,
Military Academy MTO
named after General V. A. Khrulev,
22 Zakharyevskaya Str.,
Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russian Federation.
Komovskaya86@mail.ru

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО УРОКА РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

© Юлия Непрокина

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF MODELING A MODERN LESSON OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Yulia Neprokina

The development of digital technologies, a new type of thinking and globalization require that the scientific and methodological community should rethink and revise the basic principles of teaching.

The article describes a model of early introduction of the professional language into the general course of Russian as a foreign language, and revises one of the most important principles of didactics – the principle of visibility. In this regard, we focus on the terminological component in relation to the concepts “polycode text” and “creolized text”. Based on the analysis, the article concludes that polycode texts include semiotically complex texts of a predominantly dynamic type with a secondary role of the verbal component. Creolized texts include equal verbal and iconic components functioning as a single static communicative whole. Exemplified by the topic “In the Pharmacy” for first-year international medical students (generation Z) with an intermediary language of education, the article demonstrates the implementation of the principle of visibility through polycode and creolized educational content. The article discusses in detail the examples of visualization of educational content: word clouds, crosswords, filwords and infographics, highlighting the key linguodidactic features of the developed educational materials accompanied by a methodological commentary.

The article concludes that the inclusion of a visualized component in the lesson of Russian as a foreign language allows teachers to optimize the development of communicative competence, and provides an opportunity to effectively use the language of professional communication at the early stages of mastering the Russian language. Visualization improves students’ focus and concentration, creates an atmosphere of cooperation in the classroom, increases students’ interest and motivation by influencing their emotional sphere, which, in turn, increases the speed of new knowledge perception, simplifies its understanding and memorization, facilitating the development of foreign language communication both in everyday life and in the professional sphere.

Keywords: Russian as a foreign language, generation Z, principle of clarity, polycode text, creolized text, specialty language, medical students

Развитие цифровых технологий, новый тип мышления, глобализация – всё это потребовало от научного, методического сообщества осмысления и пересмотра базовых принципов обучения.

В статье описывается модель раннего введения языка специальности в общий курс изучения русского языка как иностранного, в связи с чем пересматриваются способы и формы реализации одного из важнейших принципов дидактики – принципа наглядности. В этой связи особое внимание уделяется терминологической составляющей в соотношении понятий «поликодовый текст», «креолизированный текст». На основе анализа делается вывод, что к поликодовым текстам относятся семиотически сложные тексты преимущественно динамического типа со второстепенной ролью вербальной компоненты. Креолизованные тексты включают равноправные вербальную и иконическую составляющие, функционирующие как единое статичное коммуникативное целое. На примере темы «В аптеке», разработанной для иностранных студентов-медиков первого курса (поколение Z), обучающихся на языке-посреднике, автор демонстрирует реализацию принципа наглядности посредством поликодовости и креолизации учебного контента. В статье подробно рассматриваются примеры визуализации учебного контента: облака слов, сканворды, филворды, инфографика. Освещаются ключевые лингводидактические особенности разработанных учебных материалов. Представленные образцы созданного дидактического материала сопровождаются методическим комментарием.

В заключение автор делает выводы, что разработка и включение в урок русского языка как иностранного визуализированного компонента позволяет оптимизировать процесс формирования

коммуникативной компетенции, а также предоставляет возможность эффективно строить работу с языком профессионального общения на ранних этапах освоения русского языка. Визуализация обеспечивает лучшую концентрацию внимания обучающихся, создает на уроке атмосферу сотрудничества, повышает интерес и мотивацию за счет воздействия на эмоциональную сферу студентов, что, в свою очередь, увеличивает скорость восприятия нового знания, упрощает его понимание и запоминание, а следовательно, облегчает процесс формирования навыка иноязычного общения как в повседневной жизни, так и в профессиональной сфере.

Ключевые слова: русский как иностранный, поколение Z, принцип наглядности, поликодовый текст, креолизированный текст, язык специальности, студенты-медики

Бурное развитие информационно-коммуникативных технологий сформировало новый тип личности, который в теории поколений, разработанной американскими историками N. Howe и W. Straus, получил название «поколение Z» [1, с. 7–8, 50]. Поколение Z обладает типом мышления, который определяется через понятия нелинейности, клиповости, визуальности. Новая цифровая эпоха диктует свои правила. Научно-технический прогресс, высокий темп жизни, стремительное развитие интернет-пространства порождает необходимость сжимать, образно структурировать входящий информационный поток, и «линейная последовательность знаков перестает быть базой культуры» [2, с. 86]. Вербальный текст в процессе коммуникации уходит на второй план, а на смену ему приходят тексты, включающие наряду с вербальными компонентами коды других знаковых систем.

Включение в вербальный текст визуального компонента для более быстрого и эффективного обмена информацией сегодня характерно для всех областей знания. Методика преподавания русского языка как иностранного (РКИ) также не явилась исключением. Новый виток развития потребовал от научного, методического сообщества осмысления и пересмотра базовых принципов обучения в целом, и обучения иностранным языкам, в том числе русскому как иностранному, в частности. Визуальное восприятие как основа современного типа мышления толкает лингвистов и методистов к поискам иных способов реализации принципа наглядности на уроках РКИ. Это и демонстрирует актуальность настоящего исследования, задача которого заключается в описании практического применения принципа наглядности в сложившихся условиях преподавания русского языка как иностранного.

Принцип наглядности, ставший одним из основных принципов дидактики, уходит своими корнями в глубь веков. Еще Ф. Рабле (XVI в.) говорил о том, что обучение важно связывать с окружающей действительностью [3, с. 81–89]. В «Великой дидактике» Ян Амос Коменский следующим образом определил наглядность, ее значение и задачи: «Если мы желаем привить уча-

щимся истинное и прочное знание вещей, вообще нужно обучать всему через личное наблюдение и чувственное доказательство» [4, с. 303–304].

Итак, современная ситуация требует от преподавателя новых форм визуализации, более разнообразных и емких, когда это не просто иллюстрации, а сложные образования, продукт, инструмент моделирования и познания мира. В этой связи в методике преподавания русского языка как иностранного все большую популярность приобретают вошедшие в общую коммуникативную практику поликодовые тексты. Термин «поликодовый текст» был введен в научный обиход Г. В. Ейгером и Л. В. Юхтом в 1974 году. Они противопоставляли монокодовый текст поликодовому и последний понимали как сочетание «естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т. п.)» [5, с. 107].

Интересно отметить, что в древние времена иконические знаки уже являлись основным средством синхронной и асинхронной передачи информации, так как обладали наглядностью, простотой и адекватностью восприятия [6, с. 7]. С развитием интернета, в эпоху глобализации поликодовые тексты вновь стали занимать ведущие позиции в общении, обмене информацией. Сегодня такие тексты явились ответом на потребность в эффективной межкультурной коммуникации, в нелинейном постижении реальности, в связи с чем все чаще становятся объектом и предметом исследования многих областей научного знания.

Лингвистикой текста, в широком понимании данного термина, занимались такие ученые, как Е. Е. Анисимова, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, О. В. Пойманова, А. Г. Сонин, А. А. Бернацкая, В. Г. Костомаров, Ю. А. Бельчиков и многие другие. Часто в научной литературе можно встретить синонимичное употребление терминов «поликодовый» и «креолизированный», что, на наш взгляд, не совсем удачно. Термин «поликодовый текст», вслед за А. А. Бернацкой, понимается нами как «негомогенный синкретический текст, образуемый комбинацией элементов разных зна-

ковых систем при условии их взаимной синсемантии» [7, с. 107]. Это может быть новостной ролик, стихотворный текст в музыкальном сопровождении, кинофильм. В последнем равноправно функционируют несколько кодовых систем: вербальный текст, игра актеров (мимика, жесты), видеоряд, музыкальное оформление и др.

Под «креолизированным текстом» понимается текст, «фактура которого состоит из двух неомогенных частей: вербальной и невербальной» [8, с. 180–181], то есть текст, в котором обязательной компонентой является вербальная. Наряду с термином «креолизированный текст» в научной парадигме знания функционируют «видеовербальный текст» [9, с. 21], «контаминированный» или «гибридный текст» [10, с. 340–341], «изовербальный комплекс» [7, с. 107].

Креолизованные тексты образуют «особую группу паралингвистически активных текстов, в структуру которых включены коды разных семиотических систем» [11, с. 8]. Здесь же можно добавить, что к креолизованным текстам относят тексты, «доминанту поля паралингвистических средств которых образуют иконические (изобразительные) средства» [Там же].

Таким образом, группу креолизованных текстов составляют тексты, содержащие вербальный и иконический компоненты и функционирующие как единое статичное коммуникативное целое. В то время как поликодовые тексты представляют собой семиотически сложное единство, чаще динамического типа, где вербальный компонент может быть, но в этом случае он не играет ведущей смыслообразующей роли, а может и не быть вовсе. Сюда можно отнести, например, рекламные, новостные видеоролики, кинофильмы, мультфильмы.

Теперь обратимся непосредственно к креолизации и поликодности применительно к методике преподавания русского языка как иностранного. Опыт работы показывает, что применение креолизованных текстов на уроке РКИ эффективно на всех этапах урока и на каждом уровне владения, что, естественно, необходимо учитывать при подготовке материалов. Сегодня в арсенале преподавателя такие средства креолизации, как таблицы, опорные схемы, иллюстрации, облака слов, филворды, сканворды, видеотексты, мультимедийные презентации и многое другое.

Рассмотрим более детально реализацию принципа наглядности на уроке РКИ на примере темы «В аптеке». Данная тема открывает модуль «Обучение профессиональной коммуникации: введение в язык специальности» и представляет собой модель раннего введения языка специаль-

ности в основной курс русского языка для иностранных учащихся.

Дело в том, что сегодня ведущие методисты, лингвисты сходятся во мнении, что обучение языку специальности целесообразно вводить с уровня В1, а лучше с уровня В2. Это вполне оправдано, ведь язык специальности вторичен и «базируется на общем владении иностранным языком» [12, с. 360]. Но по ряду объективных причин возникает необходимость введения языка специальности с более ранних этапов.

Модуль «Обучение профессиональной коммуникации: введение в язык специальности» разработан для медико-биологического профиля и демонстрирует введение языка специальности в медицинском институте, начиная с уровня А1–А2, для иностранных студентов, обучающихся на языке-посреднике. Поэтому для обеспечения нужного темпа занятия, адекватности понимания фармацевтической лексики и терминологии вокабулярий и формулировки заданий лучше представить с поддержкой языков-посредников (английского и французского). Здесь же следует пояснить, что «введение в язык специальности» нами понимается как начальный этап освоения языка профессионального общения. На этапе введения предполагается накопление профессиональной лексики и терминологии, усвоение простейших синтаксических конструкций. Естественно, что об изучении научного стиля здесь речь не идет. На данном этапе обучения лингводидактический потенциал креолизованных текстов огромен.

Центральным компонентом урока, как обычно, является текст. Поэтому работа на уроке традиционно имеет предтекстовый, притекстовый и послетекстовый этапы. Как уже отмечалось выше, креолизованные тексты эффективно использовать на всех этапах занятия.

Урок можно начать с вводной беседы по предложенным картинкам. Например: *Рассмотрите фото (рис.1). Что здесь изображено? Кто эти люди? Что они делают?*

Рис. 1

Вы ходите в аптеку? Что вы обычно покупаете?

На данном этапе выясняются фоновые лингвистические знания студентов по теме. Креолизация в данном случае помогает представить ситуацию общения, знакомит реципиента с реалиями российской жизни, что особенно актуально при изучении языка вне языковой среды.

На этапе введения лексики находят широкое применение плакаты, картинки с названиями, а также презентации, видеоролики. При этом новые слова полезно разделить на тематические блоки (форма лекарства, инструменты, группы лекарств), что обеспечит эргономичность усвоения, облегчит процесс запоминания. В качестве тренировки на уроке или на этапе контроля целесообразно поработать с картинками на соотнесение.

Предтекстовый этап работы имеет своей целью снять трудности понимания при восприятии новой информации и накопить лексическую базу по теме. Помочь студентам усвоить лексико-грамматический материал можно не только тренировочными упражнениями, но и посредством игр и игровых заданий, например, при помощи облака слов. Облако слов – это визуализация ключевых слов темы, где слова могут быть разного цвета, размера, начертания. Подобные облака слов также можно отнести к продукту креолизации, главная цель которой – реализация принципа наглядности. Такие задания не только формируют лексико-грамматический навык в игровой форме, но и делают урок ярче и разнообразнее. Например:

Выберите из облака слов (рис. 2) все названия лекарственных препаратов и средств. Всего должно быть 10 слов. Запишите их в тетрадь.

Рис. 2

Эффективны задания с облаками слов на развитие антиципации. Студентам предлагается прочесть слова в облаке, обратить внимание на саму форму облака и догадаться, о чем будет текст. Реализация задания предполагает вид беседы, поэтому продуктивнее такие задания давать на более поздних этапах изучения языка. С помощью облаков слов эффективно складывается работа не только по лексике, но и по грамматике. Например, в качестве задания на сравнение можно представить два облака слов с различными грамматическими явлениями. Такое оформление задания доходчиво демонстрирует отличие грамматических форм, что способствует более быстрому и прочному усвоению материала. Облака слов могут успешно применяться и на этапе подготовки к восприятию текста, и в послетекстовой работе, и на этапе контроля.

Наряду с облаком слов в процессе работы с текстом, чаще всего на этапе контроля понимания и усвоения темы, становятся востребованы всевозможные сканворды, кроссворды, филворды и т. д. Благодаря доступности и удобству онлайн-сервисов создавать подобные материалы может как преподаватель, так и студенты в качестве домашнего задания с последующим сравнением получившихся работ на уроке, что также будет способствовать повышению интереса к уроку и создаст дополнительный стимул к высказыванию на изучаемом языке.

Еще одним продуктом креолизации, ставшим мощным инструментом в эффективном преподавании русского языка как иностранного, стала инфографика. Так как процесс креолизации на-

правлен на минимализацию непонимания нового материала путем его упрощения, инфографика в методике преподавания иностранных языков приобретает все большую популярность.

Инфографика в области обучения языкам понимается как «способ представления информации, сведений или знаний с помощью комбинации вербального и иллюстративного компонентов, предназначенный для быстрой и лаконичной презентации темы, а также призванный улучшить восприятие информации и мотивировать к прочтению» [13, с. 24–25]. К основным характеристикам инфографики можно отнести «информативность, компактность, краткость, большие визуальные возможности и широкий лингвотодический потенциал» [14, с. 334–335].

Эффективно строится работа по теме «В аптеке» с инфографическими текстами на этапе отработки лексико-грамматического материала. Студентам предлагаются такие задания:

Рассмотрите внимательно инфографику «Средства домашней аптечки» (рис. 3). Перечислите средства, которые должны быть в домашней аптечке.

Модель: В домашней аптечке должны быть:

...

Рис. 3

Задание. Ответьте на вопросы. Постройте фразу по модели и запишите.

У вас есть домашняя аптечка? Какие лекарства у вас есть?

Модель: У меня в аптечке есть что? (№1)

После отработки основной лексики и грамматики можно предложить студентам задания на антиципацию и побудить их к самостоятельному высказыванию. Например:

Как вы думаете, что такое автомобильная аптечка?

Что должно быть в автомобильной аптечке?

После рассуждений для сравнения можно предложить инфографику «Комплектация меди-

цинской аптечки для легковых авто» с последующим обсуждением.

Завершающим этапом работы будет создание собственного речевого продукта. Для этой цели хорошо подходят творческие задания. Например, составить инфографику своей аптечки путешественника.

Задание. Подумайте и скажите, какие лекарственные средства вы возьмете, если поедете

- к морю;
- в горы;
- в страну с другим климатом.

Задание. Составьте инфографику своей аптечки туриста.

На заключительных этапах для расширения контекста эффективно включать поликодовые тексты медицинской тематики различных жанров (новости, лекции, интервью, документальные, художественные фильмы, мультфильмы). Сложная семиотическая структура таких текстов усиливает воздействие на реципиента, демонстрируя живое функционирование языка в социокультурном контексте. Применительно к теме «В аптеке» эффективно построить работу с постановочными видеодialogами, представленными в мультимедийном интернет-сервисе «Ретур» в YouTube на канале RETOUR Russian for Tourism. Языковой материал здесь ориентирован на уровень владения русским языком в объеме А2. Результатом классической работы с текстом будет развитие умений студентов использовать полученную информацию в аутентичных ситуациях общения, а уже усвоенная фармацевтическая лексика позволит эффективно решать поставленные задачи речевыми средствами. В последующем фармацевтическая лексика и терминология будут актуализированы уже в научном тексте при изучении спецдисциплины «Фармакология» на третьем курсе.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что использование на уроке РКИ поликодовых, креолизованных текстов разной специфики и жанров позволяет оптимизировать процесс обучения русскому языку в целом. Посредством поликодовости и креолизации обучающего контента один из основных принципов дидактики, принцип наглядности, реализуемый на разных уровнях и этапах урока, предоставляет возможность раннего введения языка специальности в общий курс РКИ. Это позволяет более прочно сформировать начальные знания о языке профессионального общения за счет повышения эффективности усвоения материала, что способствует достижению лучших результатов в профессиональном речевом развитии.

Список источников

1. Strauss W., Howe N. The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. N. Y.: Broadway Books, 1997. 461 с.
2. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. М.: Акад.проект, 2005. 496 с.
3. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / пер. с фр. Н. Любимова, вступ. ст. А. Дживелегова. М.: Художественная литература, 1973. 896 с.
4. Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения. М.: Учпедгиз, 1955. 651 с.
5. Эйгер Г. В., Юхт В. Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста: Материалы науч. конф. / М-во высш. и сред. спец. образования СССР. Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. М., 1974. Ч. 1. 1974. С. 103–109.
6. Сонин А. Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М.: Ин-т языкознания РАН, 2005. 220 с.
7. Бернацкая А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник / Ред. А. П. Сковородников. / Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2000. Вып. 3 (11). С. 104–110.
8. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180–186.
9. Пойманова О. В. Семантическое пространство видеовербального текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук : Москва, 1997. 24 с.
10. Бельчиков Ю. А. Взаимодействие функциональной разновидности языка (Контаминированные тексты) // Культура русской речи и эффективность общения / отв. ред. Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Наука, 1996. С. 335–357.
11. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003. 128 с.
12. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения). М.: Икар, 2009. 448 с.
13. Басырова А. Е. Инфографический текст как новое средство наглядности на уроках РКИ // Материалы 4-й Международной научно-методической конференции. Воронеж: Науч. кн., 2016. С. 22–26.
14. Кудлик Е. С. Лингвометодический потенциал инфографики на занятиях по практическому курсу русского языка со студентами Азиатско-Тихоокеанского региона / Е. С. Кудлик, А. Б. Антонова, И. Ю. Капичникова // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 3. С. 333–340.

References

1. Strauss, W., Howe, N. (1997). *The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us about America's Next Rendezvous with Destiny*. 461 p. New York, Broadway Books. (In English)
2. Makliuen, M. (2005). *Galaktika Guttenberga: Stanovlenie cheloveka pechataiushchego* [The Guttenberg Galaxy: The Formation of the Printing Man]. 496 p. Moscow, Akad.proekt. (In Russian)
3. Rable, F. (1973). *Gargantua i Pantagryuel'* [Gargantua and Pantagruel]. Per. s fr. N. Lyubimova, vstup. st. A. Dzhivelegova. 896 p. Hudozhestvennaya literatura. Moscow. (In Russian)
4. Komenskii, Ya. A. (1955). *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya*. [Selected Pedagogical Works]. 651 p. Moscow. (In Russian)
5. Eiger, G. V., Iukht, V. L. (1974). *K postroeniyu tipologii tekstov* [Towards Building Text Typology]. *Lingvistika teksta: Materialy nauch. konf. M-vo vyssh. i sred. spets. obrazovaniya SSSR*. Mosk. gos. ped. in-t inostr. iaz. im. Morisa Toreza. Ch. 1, pp. 24–27. Moscow. (In Russian)
6. Sonin, A. G. (2005). *Ponimanie polikodovykh tekstov: kognitivnyi aspekt* [Understanding of Polycode Texts: A Cognitive Aspect]. 220 p. Moscow. (In Russian)
7. Bernatskaya, A. A. (2000). *K probleme "kreolizatsii" teksta: istoriia i sovremennoe sostoianie* [On "Creolization" of Text: History and Current State]. *Rechevoe obshchenie: Spetsializirovannyj vestnik*. Vyp. 3 (11), pp. 104–110 Krasnoyarsk, Krasnoyirskii universitet. (In Russian)
8. Sorokin, Yu. A. Tarasov, E. F. (1990). *Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaia funktsiia* [Creolized Texts and Their Communicative Function]. *Optimizatsiya rechevogo vozdeistviya*. 240 p. Moscow. (In Russian)
9. Poimanova, O. V. (1997). *Semanticheskoe prostranstvo videoverbal'nogo teksta: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.19*. [Semantic Space of a Videoverbal Text: Ph.D. Abstract]. Mosk. gos. lingvisticheskii un-t. 24 p. Moscow. (In Russian)
10. Bel'chikov, Yu. A. (1996). *Vzaimodeistvie funktsional'noi raznovidnosti yazyka (Kontaminirovannye teksty)* [Interaction of a Functional Language Variety (Contaminated Texts)]. *Kul'tura russkoi rechi i effektivnost' obshcheniya*. Pp. 335–357. Moscow, Nauka. (In Russian)
11. Anisimova, E. E. (2003). *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaia kommunikatsiia (na materiale kreolizovannykh tekstov)*. [Text Linguistics and Cross-Cultural Communication (based on creolized texts)]. 128 p. Moscow, Akademiia. (In Russian)
12. Azimov, E. G., Shchukin, A. N. (2009). *Novyi slovar' metodicheskikh terminov i poniatii (teoriia i praktika obucheniia)*. [A New Dictionary of Methodological Terms and Concepts (Theory and Practice of Teaching)]. 448 p. Moscow, Ikar. (In Russian)
13. Basyrova, A. E. (2016). *Infograficheskij tekst kak novoe sredstvo nagliadnosti na urokakh RKI* [Infographic Text as a New Visual Aid in RFL Lessons]. *Materialy 4-i*

Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii. Pp. 22–26. Voronezh, Nauch. kn. (In Russian)

14. Kudlik, E. S. (2017). *Lingvometodicheskii potentsial infografiki na zaniatiakh po prakticheskomu kursu russkogo yazyka so studentami Aziatsko-*

Tikhookeanskogo regiona [The Linguistic and Methodological Potential of Infographics in Teaching the Practical Course of Russian to Students of the Asia-Pacific Region]. *Izvestiia Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 27. No. 3, pp. 333—340. (In Russian)

The article was submitted on 15.12.2021

Поступила в редакцию 15.12.2021

Непрокина Юлия Александровна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина,
392036, Россия, Тамбов,
Интернациональная, 33.
zikoriy@mail.ru

Neprokina Yulia Aleksandrovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Tambov State University
named after G. R. Derzhavin,
33 Internatsionalnaya Str.,
Tambov, 392036, Russian Federation.
zikoriy@mail.ru

УДК 378.147

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-67-1-216-220

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРИ ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

© Мадина Хабудуаси

LINGUODIDACTIC MODELING IN TEACHING RUSSIAN VOCABULARY TO CHINESE STUDENTS

Madina Habudouaxi

The article studies the peculiarities of teaching the vocabulary of the Russian language to students from China using linguodidactic modeling. To create our teaching model, we solve the problem of defining “a linguodidactic model” as a methodological concept. The article aims to study the features of the use of linguodidactic models within the framework of the nationally-oriented approach in the methodology of teaching Russian as a foreign language. We focus on specific linguodidactic models (LDM), concentrated on specific language aspects (phonetics, stylistics, etc.). The models of this type represent a certain educational and methodological unity of elements related to the description, systematization and standardization of teaching different aspects of language to international students. When constructing the corresponding linguodidactic models, we need to take into account ethnopsychological and ethnocultural characteristics of students from China in teaching Russian vocabulary. Based on these linguodidactic models, teachers’ work with Chinese students will be more effective as they will be able to use not only the information about the culture and mentality of students, but also their knowledge about the similarities and differences between the Chinese and Russian languages. In addition, it is important to note the difference in the methods of teaching the Chinese and Russian languages: although the textocentric approach is more popular in China, in Russia the whole process of teaching Russian as a foreign language is realized within the framework of the communicative approach.

Keywords: linguodidactic modeling, Russian as a foreign language, vocabulary, model, Chinese students

Статья посвящена исследованию особенностей обучения студентов из Китая лексике русского языка в аспекте лингводидактического моделирования. Рассматривается проблема определения методического понятия «лингводидактическая модель» с целью создания авторской обучающей модели. Автор статьи ставит задачу изучить особенности использования лингводидактических моделей в рамках национально-ориентированного подхода в методике преподавания русского языка как иностранного. Основное внимание уделяется изучению специфических лингводидактических моделей (ЛДМ), сосредоточенных на конкретных аспектах языка (фонетике, стилистике и т. д.). Под подобного типа моделями понимается определенное учебно-методическое единство элементов, связанных с описанием, систематизацией и стандартизацией процессов обучения иностранцев разным аспектам языка. Показана необходимость учета этнопсихологических и этнокультурных особенностей учащихся из Китая в обучении лексике русского языка при построении соответствующих лингводидактических моделей. Автор статьи отмечает, что, опираясь на данные лингводидактические модели, преподаватели, работающие с китайскими студентами, смогут эффективно использовать не только информацию о культуре и менталитете учащихся, но также и знания о сходстве и различии китайского и русского языков. Кроме того, важно учитывать разницу принципов преподавания русского языка, методических подходов к обучению. Если в Китае более популярен текстоцентрический подход, то в России весь процесс обучения РКИ построен в рамках коммуникативного подхода.

Ключевые слова: лингводидактическое моделирование, русский язык как иностранный, коммуникативная компетенция, лексика, китайские студенты

Лексика представляет собой важнейшую составную часть языка, которая должна быть усвоена студентами-инофонами в курсе изучения русского языка как иностранного (далее – РКИ), поскольку, не имея навыков оперирования лексическими единицами, невозможно освоить ни

один из видов речевой деятельности. Всем известно, что основная часть контингента, изучающего русский язык в России, – это студенты из Китая. Главной целью изучения лексики русского языка китайцами является пополнение словарного запаса, необходимого для более адекватного понимания речи и свободного речепроизводства. В практическом курсе обучения РКИ лексический аспект напрямую связан с фонетикой и грамматикой, в связи с чем изучение лексики не является самоцелью, а служит необходимым элементом в формировании коммуникативной компетенции учащихся-инофонов, для становления и развития которой необходимо задействовать все многообразие языковых и речевых средств русского языка.

Согласно требованиям к уровням владения русским языком как иностранным современная лингводидактика оперирует определенными обобщенными моделями освоения языка, которые реализуются в ходе учебного процесса. Так, в теории и методике обучения разрабатываются специфические лингводидактические модели (далее – ЛДМ), сосредоточенные на конкретных аспектах языка от фонетики до стилистики, одновременно учитывающие социолингвистическую специфику той или иной этнокультурной категории учащихся. Например, Л. А. Константиновой была представлена ЛДМ обучения письменной речи, основанная на осмыслении исходного текста, закономерностей его построения и знакомстве со стилистическими ресурсами языка [1, с. 83]. В. А. Степаненко в своей докторской диссертации предлагает ЛДМ обучения коммуникации, ориентированную на овладение живой речью, когда «впервые рассматривается проблема понимания спонтанной, неподготовленной речи как цели обучения» [2, с. 31–33].

В наиболее общем смысле мы понимаем ЛДМ как уникальное учебно-методическое единство, общая совокупность элементов которого направлена на описание, систематизацию и стандартизацию процессов изучения лексики русского языка в иностранной аудитории. Прежде всего ЛДМ основывается на общих и частных дидактических принципах обучения, которые обеспечивают последовательность методических действий, направленных на постепенное усложнение речевой деятельности иностранных студентов: от приобретения ими языковых знаний (усвоение лексического минимума, соответствующего уровню контингента) к развитию умений и навыков применять эти знания в учебной деятельности (отработка и контроль полученных знаний в учебном процессе с помощью различных типов заданий), а затем в реальных ситуаци-

ях иноязычного общения (включение интерактивных форм обучения).

ЛДМ программируют конкретные учебные действия, а также последовательность их выполнения, которые смогут обеспечить достижение частных и (на их основе) общих целей обучения различным видам речевой деятельности, что обуславливает необходимость разработки авторской модели с учетом специфики китайской аудитории. При этом важно подчеркнуть, что такие «модели для обучения русскому языку инофонов в части лексики являются особенно важными, поскольку позволяют познать семантическое пространство языка, денотативные смыслы и их национально детерминированные интерпретации на сигнификативном уровне» [3, с. 218–219].

Необходимо понимать, что сегодня опыт применения ЛДМ при изучении русской лексики китайскими студентами находится в процессе накопления и не получает достаточного описания в научной литературе. Однако данный вопрос имеет неоспоримое прикладное значение для формирования умений продуктивных видов речевой деятельности, давая возможность рассматривать языковые явления русского и китайского языка во взаимосвязи, опираться на единство языка и речи и базовые структурные речевые единицы, а также выявлять специфику системы русского языка в соотношении с другими языковыми системами.

Преимущества применения ЛДМ при освоении лексики заключаются в том, что подобные модели воспроизводят и отображают необходимые учебные аспекты, далее выражаясь в процессах абстрагирования и идеализации, что дает преподавателю возможность выделить существенные для конкретной группы студентов лексические слои и сделать акцент в обучении именно на них. При использовании ЛДМ в работе с лексикой возможно установить тесную взаимосвязь с тематическим и лингвистическим содержанием курса и с актуальными для конкретных учащихся профессиональными ситуациями общения.

Необходимо также отметить, что сегодня наибольшее признание получила национально ориентированная методика обучения РКИ, учитывающая специфику лингвокультуры иностранных студентов, а также ориентированная на учет разницы их менталитета с менталитетом носителей русского языка, что обусловлено совокупностью исторических, социокультурных и иных факторов. Как подчеркивается в научных публикациях, любая разрабатываемая для освоения лексического аспекта РКИ ЛДМ должна опираться «на принципы представления основной части языкового материала на основании

теории речевой деятельности и самого подлежащего изучению материала, учитывая также национально-культурный фактор субъектов обучения и типологию их родного языка» [4, с. 269].

Именно ориентация на эти параметры позволяет в наиболее максимальной степени адаптировать лингвокультурную парадигму РКИ не только к уровню обучения, но и к национально-культурной специфике иностранных студентов. Если же говорить конкретно о китайских учащихся, то результаты их учебной деятельности зависят не только от умения каждого студента изучать новое, но и от степени и глубины различий в традициях учебного процесса России и Китая. В связи с этим важно оптимизировать учебный процесс в условиях взаимодействия двух языков и культур, то есть «учитывать специфику национальных менталитетов и выстраивать работу таким образом, чтобы в центре педагогического внимания находился интерес каждого отдельного студента» [5, с. 78].

Кратко характеризуя представителей Китая как субъектов обучения, следует заметить, что у них особенно развито чувство солидарности и сплоченности, что ярко проявляется вдали от родины. Азиатские студенты весьма дисциплинированы, воспитанны и сдержанны в поступках, авторитет коллектива для них несомненен, поэтому одобрение или неодобрение действий студента другими учащимися является сильным мотивирующим фактором для него, ведь именно «стереотип национального мышления вынуждает китайцев подчинять бесконечное разнообразие привычному стандарту» [6, с. 23]. Однако это не означает, что учащиеся из Китая не могут быть эмоциональными, напротив, в определенных ситуациях эмоциональное у них доминирует над рациональным, при этом особенно сильно они боятся «потерять лицо», дискредитируя таким образом всю национально-культурную иерархию, частью которой они являются.

Все это логически объясняет нежелание китайских студентов публично выражать свои мысли, что должно учитываться преподавателем, например, в ходе исправления ошибок или анализа неверных ответов на занятиях. Трудности построения учебного диалога с учащимися из Китая обусловлены также тем фактом, что в их стране в любом из учебных заведений большое количество учеников, в связи с чем у педагогов не остается времени на вопросно-ответную работу с каждым. Более того, студенты из Китая часто молчат из вежливости, боясь «обидеть» преподавателя своим потенциально неверным ответом или признанием в том, что не понимают его объяснений.

Рассматривая особенности овладения китайцами лексическими навыками в курсе РКИ, отметим, что на этнопсихологическую специфику китайских студентов накладываются и особенности русского языка, главным образом, особенности его лексико-грамматической системы.

В связи с этим, используя ЛДМ для обучения китайских студентов русской лексике, преподаватель обязан не только добиваться понимания всех лексических единиц и умения употреблять их в речи, но и закладывать прочные основы лексических навыков, закрепляя пройденный материал в памяти студентов, чтобы после каждого занятия они понимали, что не только узнали новые слова (расширили свой словарный запас), но и актуализировали ранее изученные. В результате исследования научно-методической и учебной литературы мы пришли к заключению, что, используя ЛДМ для изучения лексического аспекта РКИ китайскими учащимися, необходимо сфокусировать внимание на следующих важных аспектах:

- преподаватель РКИ должен знать и учитывать специфику культуры Китая, понимать отличительные черты ментальности китайских и русских студентов, а также иметь представление о сходстве и различии систем русского и китайского языков. Например, в китайском языке нет некоторых лексико-грамматических разрядов, специфических морфологических показателей частей речи, в связи с чем одна и та же лексема может функционировать как существительное, глагол и прилагательное одновременно. Нельзя не учитывать и тот факт, что в русском и китайском языках есть многозначные союзы, а в рамках простых предложений может различаться порядок слов, выбор грамматической формы слова зависит от семантики и т. д.;

- темп обучения для учащихся из Китая должен быть замедлен (даже если приходится частично менять общий учебный курс). При этом желательно постоянно проводить параллели с родным для учащихся китайским языком (например, в русском и китайском языках лексема *голубь* одинаково символизирует мир и стремление к нему; в русском языке используют идиому *храбрый как лев*, а в китайском – *храбрый как тигр*; прилагательное *белый* в русской культуре символизирует счастье, а в китайской – и счастье, и несчастье);

- в проектируемых для изучения лексического аспекта РКИ ЛДМ особый акцент должен быть сделан на словарной работе и работе с текстом, а также на визуализации материала. Однако стоит помнить о том, что значительную трудность представляет «отрыв» китайских студентов

от письменного текста, так как, исходя из опыта обучения в Китае, они имеют привычку находить все ответы на вопросы преподавателя в тексте и зачитывать их оттуда. Подобный подход впоследствии ведет к поиску абсолютно каждого слова из русского текста в словаре и заучиванию их наизусть. В рамках российской методики преподавания РКИ, в основе которой лежит коммуникативный подход к обучению, напротив, упор делается на развитие языковой догадки и умений понимать новое слово из контекста;

– наряду с аудиторными занятиями необходимо уделять время и внеаудиторной работе, что позволит адаптировать китайских студентов к русской лингвокультуре и даст им возможность быстрее усвоить базовые лексические пласты РКИ. Можно, например, проводить экскурсии по городу, называя окружающие объекты и предметы; устраивать с учащимися походы в кинотеатры, побуждая их к самостоятельной покупке билетов в кассе и др.).

Таким образом, использование ЛДМ при обучении китайских студентов лексике русского языка дает педагогу возможность применения национально-ориентированных приемов обучения и созданию таких методических материалов, которые в дидактических целях учитывают расхождения русского и китайского языков, а также их национальную специфику. Именно поэтому сегодня возникает острая необходимость специальной подготовки преподавателей РКИ не только в части лингводидактического моделирования, но также и в области межкультурной коммуникации и проблем социальной и этнокультурной адаптации китайских студентов к обучению в чужой для них стране на чужом языке.

В связи с этим современные лингводидактические модели в теории и методике обучения РКИ в целом и при обучении лексике, в частности, тесно связаны с углубленным знанием требований Российской государственной системы образовательных стандартов по русскому языку как иностранному, а также национально-культурной специфики студентов из Китая.

Таким образом, именно ЛДМ заключают в себе огромный потенциал по оптимизации структуры учебной деятельности, активизации познавательной самостоятельности студентов и реализации личностно-ориентированного этнопсихологического подхода к учебному процессу. Рассмотрение ЛДМ как основы изучения лексического аспекта РКИ приводит к выводу о том, что их применение при работе с китайскими студентами обладает значительными преимуществами, позволяя облегчить трудности овладения учащимися из Китая лексиконом русского языка.

Список источников

1. Константинова Л. А. Лингводидактическая модель обучения студентов-нефилологов письменным формам научной коммуникации: Монография // Известия Тул. гос. ун-та. 2003. 173 с.
2. Степаненко В. А. Лингвометодическая модель обучения коммуникации с учетом сертификации уровней владения русским языком как иностранным: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: Москва, 2008. 42 с.
3. Амиантова Э. И. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») // Вестник МГУ, 2001. № 6. С. 215–233.
4. Акимова И. И. Актуальные задачи лингводидактики в условиях смены контингента иностранных учащихся // Россия в мировом сообществе: смысловое пространство диалога культур: мат-лы межд. форума «Восточный вектор миграционных процессов: диалог с русской культурой». Хабаровск, 2016. С. 268–275.
5. Холманских Ю. С. Особенности национально-ориентированного обучения РКИ (на примере китайских студентов) / Ю. С. Холманских, А. Д. Верисова // Русистика без границ. София, 2019. Т. 3. № 1. С. 74–79.
6. Чжао Ю. Лингводидактические основы этноориентированного обучения русскому языку и тестирования: на примере китайских учащихся: дис. ... канд. пед. наук: Москва, 2007. 297 с.

References

1. Konstantinova, L. A. (2003). *Lingvodidakticheskaya model' obucheniya studentov-nefilologov pis'mennym formam nauchnoy kommunikatsii: Monografiya* [Linguodidactic Model of Teaching Written Forms of Scientific Communication to Non-Philological Students: A Monograph]. *Izvestiya Tul. gos. un-ta*. 173 p. (In Russian)
2. Stepanenko, V. A. (2008). *Lingvometodicheskaya model' obucheniya kommunikatsii s uchetom sertifikatsii urovnej vladeniya russkim yazykom kak inostrannym: avtoreferat dis. ... dok. ped. nauk* [Linguometodic Model of Communication Training with Consideration of Certification of Proficiency Levels in Russian as a Foreign Language: Doctoral Thesis Abstract]. Moscow, 42 p. (In Russian)
3. Amiantova, E. I. (2001). *Funktsional'no-kommunikativnaya lingvodidakticheskaya model' yazyka kak odna iz sostavlyayushchikh sovremennoi lingvisticheskoi paradigmi (stanovlenie special'nosti "Russkii yazyk kak inostrannii")* [Functional and Communicative Linguodidactic Model of Language as One of the Components of the Modern Linguistic Paradigm (the Formation of the Specialty "Russian as a Foreign Language")]. *Vestnik MGU, Moscow*, No. 6, pp. 215–233. (In Russian)
4. Akimova, I. I. (2016). *Aktual'nye zadachi lingvodidaktiki v usloviyakh smeni kontingenta*

inostrannikh uchashhikhsya [Current Problems of Linguodidactics in the Context of a Change in the Contingent of International Students]. Rossiya v mirovom soobshchestve: smyslovoe prostranstvo dialoga kul'tur: mat. mezhdunarod. foruma "Vostochnii vektor migratsionnix protsessov: dialog s russkoi kul'turoi". Khabarovsk, pp. 268-275. (In Russian)

5. Kholmanskikh, Yu. S. (2019). *Osobennosti natsional'no-orientirovannogo obucheniya RKI (na primere kitaiskix studentov)* [Peculiarities of Nationally Oriented Teaching in Russian Exemplified by Teaching

Chinese Students]. Yu. S. Kholmanskikh, A. D. Verisova. *Rusistika bez granits*, Sophia, T. 3, No. 1, pp. 74-79. (In Russian)

6. Chzhao, Yu. (2007). *Lingvodidakticheskie osnovy etnoorientirovannogo obucheniya russkomu yaziku i testirovaniya: na primere kitajskikh uchashhikhsya: dis. ... kand. ped. nauk* [Linguodidactic Foundations of the Ethno-Oriented Teaching of the Russian Language and Testing: Exemplified by Teaching Chinese Students: Ph.D. Thesis]. Moscow, 297 p. (In Russian)

The article was submitted on 24.11.2021

Поступила в редакцию 24.11.2021

Хабудуаси Мадина,

аспирант,

Казанский федеральный университет,

420008, Россия, Казань,

Кремлевская, 18.

madina.habidulla@mail.ru

Habudouaxi Madina,

graduate student,

Kazan Federal University,

18 Kremlyovskaya Str.,

Kazan, 420008, Russian Federation.

madina.habidulla@mail.ru

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-67-1-221-227

СИТУАЦИОННЫЕ ЗАДАЧИ НА ЗАНЯТИИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ

© Елена Штехман, Юлия Мельник, Ксения Руссу

SITUATIONAL TASKS IN CLASSES OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: PRACTICAL SKETCHES

Elena Shtekhman, Yulia Melnik, Ksenia Russu

The article reviews the practical experience of using situational tasks in lessons of Russian as a foreign language when working with students who speak Russian at the elementary, basic and first certification levels (A1, A2, B1 according to the TRKI system). Our manual has been tested in several groups of different levels and different nationalities. We have come to the conclusion that situational tasks, used for the development of oral spontaneous speech, are especially effective in multinational groups. As practice shows, the use of this method contributes to the formation of intercultural competence, helps students to get acquainted with ethno-cultural characteristics of different nations and promotes the formation of tolerant attitude towards representatives of other cultures. Situational tasks in classes of Russian as a foreign language are done systematically, which allows us to effectively master previously studied language patterns in speech. The article emphasizes particular importance of the role of a teacher, who performs the functions of a mediator, directing and regulating the course of the discussion. The undoubted advantage of the proposed situational tasks is that they can be modified and adjusted depending on the needs of the group.

Keywords: Russian as a Foreign Language (RFL), situational task, speech development, speaking, intercultural communication

Статья посвящена обзору практического опыта работы с ситуационными задачами на занятиях по русскому языку как иностранному со студентами, владеющими русским языком на элементарном, базовом и первом сертификационных уровнях (A1, A2, B1 по системе ТРКИ). Пособие было апробировано в нескольких группах разного уровня языковой подготовки и разного национального состава. Авторы приходят к выводу о том, что ситуационные задачи, применяемые в целях развития устной неподготовленной речи, оказываются особенно полезными в многонациональных группах. Практика показывает, что применение данного метода способствует формированию межкультурной компетенции, помогает обучающимся познакомиться с этнокультурными особенностями разных народов, способствует формированию толерантного отношения к представителям других культур. Работа с ситуационными задачами на занятиях по русскому языку как иностранному осуществляется системно, на различных этапах обучения, что позволяет эффективно отработать изученные ранее языковые образцы в речи. Авторы отмечают особую важность роли преподавателя, выполняющего функции медиатора, направляющего и регулирующего ход дискуссии. Несомненным преимуществом предлагаемых ситуационных задач является то, что их можно модифицировать, корректировать в зависимости от потребностей группы.

Ключевые слова: русский язык как иностранный (РКИ), ситуационная задача, развитие речи, говорение, межкультурная коммуникация

Введение

Обучение говорению – одна из самых сложных задач в преподавании русского языка как иностранного. Трудность заключается в том, что языковым материалом нужно овладеть в совершенстве и пользоваться им как средством общения в реальных коммуникативных ситуациях. Формирование умений и навыков речевого об-

щения происходит поэтапно, с использованием различных по своему характеру упражнений. На этапе совершенствования аспектного речевого навыка, когда особенно важным становится создание на занятии таких условий и ситуаций, при которых студенты могли бы общаться на русском языке максимально непринужденно, в условиях, приближенных к реальным, целесооб-

разным представляется применение ситуационных задач. Непосредственное общение, происходящее в процессе решения задачи, способствует формированию умения аргументированно высказывать свою точку зрения, помогает совершенствовать умения «речевого поведения на изучаемом языке, выбора вариантов выражения того или иного коммуникативного намерения в зависимости от коммуникативной ситуации» [1, с. 1076].

Методологическая и теоретическая основа исследования

В основе настоящего исследования лежит коммуникативное направление, которое нацелено на обучение общению и на анализ разнообразных речевых действий, ситуаций общения. Авторы статьи считают, что изучение русского языка как иностранного должно строиться на антропоцентрическом обучении, создающем такие условия личностной самоактуализации, которые формируют готовность к решению ситуационных задач.

Технология / метод ситуационных задач (также в работах исследователей именуемых коммуникативными) тесно переплетается с такими технологиями / методами, как метод ситуационного анализа, метод моделирования проблемных ситуаций, кейс-стади, технология ролевой игры и другие, но, с одной стороны, несколько отличается большей практической направленностью, так как обучающимся часто приходится обращаться к собственному жизненному опыту / делиться личными планами на будущее, с другой – не требует обязательного получения конкретного «материального» результата по итогам работы (макет, газета, проект и др.) [2], [3], [4], [5], [6], [7]. Вышеперечисленные исследователи сходятся во мнении о том, что использование ситуационных задач на занятиях по РКИ делает процесс обучения увлекательнее и интереснее, способствует повышению мотивации к обучению, позволяет в коммуникативной форме закреплять новый и ранее изученный материал (в том числе страноведческий), развивает навыки речевого общения посредством участия в беседах и дискуссиях, вовлечения в активное разрешение учебных проблем, тождественных реальным.

Результаты и обсуждение

Ситуационные задачи могут применяться на занятиях по русскому языку как иностранному на различных этапах обучения, так как позволяют легко и непринужденно отработать изученные ранее языковые образцы в речи. Насколько

система работы с ситуационными задачами будет эффективной в разных группах? С какими трудностями, особенностями методической организации занятия может столкнуться преподаватель РКИ и на что нужно обратить внимание при подготовке к занятию, на котором планируется решение ситуационной задачи? Авторами статьи было создано учебное пособие «Речевое общение на занятиях по русскому языку на подготовительном курсе: учеб. пособие в 2 ч.», в котором представлены разные типы ситуационных задач для студентов, владеющих русским языком на элементарном и базовом уровнях (A1 и A2), а целевой аудиторией второй части являются обучающиеся, изучающие русский язык в объеме первого сертификационного уровня (B1). Проанализируем работу с пособием в разных группах.

В течение 2018 / 2021 учебных годов нам удалось апробировать данное пособие в нескольких группах, в том числе многонациональных, каждая из которых имела свою специфику. Работа с данным пособием проводилась без языка-посредника.

В состав первой группы входили студенты из Конго и Нигерии, уровень владения языком – B1. Средний возраст 25-27 лет. Данная группа характеризовалась хорошей сформированностью фонетических навыков, а также высоким уровнем мотивации в изучении языка, креативностью в решении языковых задач, эмоциональностью, заинтересованностью при работе над лексикой, повышенной активностью при выполнении упражнений, направленных на развитие навыков говорения. Слабые стороны данной группы проявлялись в том, что обучающиеся быстро отходили от заявленной темы, начинали спорить между собой без повода, иногда переходили на повышенные тона, что, безусловно, сказывалось на процессе обучения.

Вторая группа, в состав которой входили студенты из Марокко и Алжира (возраст 20-25 лет), характеризовалась менее высоким уровнем владения языком (A2), средним уровнем мотивации, высокой эмоциональностью, активностью при работе над лексикой и при выполнении упражнений на развитие навыков говорения. Обучающиеся в данной группе имели небольшой активный словарный запас и недостаточное развитие навыков письма, что осложняло работу с ситуационными задачами.

Третья группа также являлась полинациональной. В нее входили студенты из Таиланда и Перу, уровень владения языком – A2-B1. Возраст – от 23 до 50 лет. Но главной трудностью при

работе с пособием в данной группе было то, что обучающиеся относились к разным типам культур: реактивные тайцы и полиактивные перуанцы (по Р. Льюису). Их объединяли средний уровень мотивации, готовность к выполнению необходимых заданий и взаимоуважение к речевым и культурным проявлениям друг друга, но при этом студенты демонстрировали разный уровень эмоциональности и активности. Работа с пособием усложнялась тем, что некоторые речевые навыки (говорение и письмо) имели разную степень сформированности.

Четвертая группа характеризовалась более высоким уровнем владения языком (B1–B2). В ее состав входили студенты из Италии, Вьетнама и Лаоса. Главные особенности этой группы – совершенно разные типы культур (полиактивные итальянцы и реактивные вьетнамцы и лаосцы), большая разница в возрасте (от 18 до 50 лет). Данная группа характеризовалась высоким уровнем мотивации, очень высокой работоспособностью, заинтересованностью при работе с новым лексико-грамматическим материалом, но слабой эмоциональностью (кроме итальянцев). Особенностью группы являлись отличное владение письменной речью, в достаточной мере сформированные навыки чтения, но наблюдались проблемы с выражением мыслей в устной форме и с выполнением устных речевых упражнений (за исключением итальянцев), что являлось слабыми сторонами этих студентов в процессе работы с пособием.

Кроме того, пособие использовалось в мононациональной группе, состоящей из немцев (представители моноактивного типа культур), владеющих русским языком на уровне A2. Группу отличали высокая мотивация (по собственному желанию приехали в Россию для обучения в «Школе русского языка и культуры»), рациональность (все задания и языковые явления должны быть объяснены), пунктуальность (занятие должно вовремя начаться и вовремя закончиться).

Средний численный состав всех групп – 4-7 человек.

Отметим, что особенный интерес при работе с пособием проявили студенты, обучающиеся в многонациональных группах. Но, с другой стороны, работа с ситуационными задачами в таких группах требовала особого мастерства преподавателя при инициировании и проведении дискуссии, так как обычно при знакомстве с иной культурой у обучающихся «формируется определенное к ней отношение. Очень часто это отношение критическое. Работа на занятиях по русскому языку в многонациональном коллективе должна

быть нацелена не только на развитие коммуникативных умений, но и на формирование позитивного отношения к различным этнокультурным группам, а значит, на развитие умения эффективно общаться с представителями любой из этих групп» [10, с. 197]. Как показывает практика, темы для задач дискуссионного характера, способствующие развитию речевых навыков и культурному взаимообогащению обучающихся, должны быть тщательно продуманы, так как в многонациональных группах неправильно подобранная задача может стать источником конфликтной ситуации. Преподаватель в процессе подобной работы является медиатором и имплицитно руководит ходом обсуждения ситуационных задач. Он должен быть готов к нестандартным, возможно, даже агрессивным ответам и репликам студентов (особенно в адрес представителей других культур, непохожих на его собственную). В такой ситуации особенно важным представляется умение преподавателя дипломатически решить нестандартную ситуацию, вернуть ход дискуссии в нужное русло.

При составлении пособия авторы учитывали тематический принцип подачи материала и исходили из того, что работа с ситуационной задачей занимает от 5 до 20 минут. Но, как показала практика, иногда этого времени оказывается недостаточно, так как студенты вовлекаются в речевой процесс и обсуждение полемического характера нередко перерастает в дискуссию.

Например, особо живое обсуждение во всех группах вызвали такие ситуационные задачи:

1. *Вы купили подарок родителям (сестре, брату, подруге, другу), но он им не понравился. Верните вещь в магазин.*

2. *Вы были на телевидении, стали участником программы «Не хочу учиться, хочу жениться». Расскажите, как проходили съёмки программы.*

3. *У вас в семье день рождения (новоселье, годовщина свадьбы и т. д.). Обсудите со своими родителями, как и в какое время лучше всего принять гостей.*

Подобные задачи помогают преподавателю выявить некоторые национально-культурные особенности студентов, позволяют «познакомиться с этнокультурными особенностями разных народов», развивают «способности к самоанализу и саморефлексии» [Там же, с. 199]. Так, например, подавляющее большинство студентов, принявших участие в решении ситуационной задачи о подарке, считает, что ни при каких обстоятельствах нельзя говорить, что презент не понравился. На вопрос преподавателя «Могут ли девушки принимать подарки от незнакомых

мужчин?» представители разных национальных культур ответили следующим образом:

- студенты из арабских стран считают, что девушки, проживающие не в арабских странах, могут принять подарок от незнакомого мужчины;

- представители некоторых африканских стран полагают, что принять подарок от незнакомого мужчины девушки могут, но при этом они будут смущены;

- обучающиеся из Таиланда рассказывают, что незнакомым девушкам можно дарить цветы (цветок), но принимать подарки от незнакомцев нельзя, так как это считается грубостью. Исключение составляют такие праздники, как День влюблённых, Новый год и др.;

- европейские студенты отмечают, что девушка может принять не только цветы, но и, например, конфеты и другие сладости, при этом они подчеркивают, что на их родине не принято как дарить подарки незнакомым или малознакомым людям, так и принимать их.

При закреплении лексической темы «Семья» интерес вызвала такая ситуационная задача: *Вы ребенок и хотите, чтобы мама и папа купили новую игрушку. Что вы будете делать?*

Студенты из арабских стран сразу же обратились с просьбой к папе. Получив отрицательный ответ, они не настаивали на своем, так как были уверены, что мама все равно купит им эту игрушку.

Обучающиеся из африканских стран настаивали на покупке игрушки и приводили аргументы в пользу приобретения именно этой вещи.

Представители из европейских стран были солидарны между собой в том, что родители обязательно купят новую игрушку, если им пообещать, например, убрать в комнате, помыть посуду, получить хорошие оценки и т. д.

Студенты из Таиланда, Вьетнама и Лаоса быстро решили данную ситуационную задачу, отметив, что они у родителей не будут просить купить игрушку, а тем более настаивать на ее покупке. По их утверждению, этот факт обусловлен национальными традициями и отношениями в семье.

Подобные задачи являются очень информативными и интересными с позиции обучения речевому маневрированию на русском языке, которое с лингводидактической точки зрения «определяется, с одной стороны, задачей повышения эффективности речевого поведения, а с другой – требованиями социальной приемлемости» [1, с. 1075].

Следующий тип задач, представленных в пособии, предполагает продолжение фразы в форме связного монологического текста. Например:

Продолжите рассказ от своего имени:

- *Я сидел у окна и читал книгу. Вдруг кто-то постучал в моё окно. Было уже одиннадцать вечера. А я живу на пятом этаже. Это был президент (известный актёр, популярная актриса)...*

Студенты из Алжира продолжили рассказ следующим образом:

... *Это была Анджелина Джоли. Она улыбнулась и спросила: «Как дела? Что нового?». Я удивился и спросил: «Зачем вы пришли ко мне?». Она ответила, что хочет усыновить ребенка из Алжира. Я ответил, что в нашей стране у всех детей есть мамы и папы.*

Обучающиеся из Италии предложили такой вариант:

... *Это был президент. Он спросил меня, как сделать жизнь людей лучше? Я ответил, что надо повысить зарплаты, дружить с соседними странами, отменить санкции по отношению к России.*

Немцы активно включились в работу:

... *Это был знаменитый футболист Мануэль Нойер. Я попросил его рассказать о своих лучших матчах;*

... *Это был знаменитый Генрих Гейне. Он спросил меня, о чем написать рассказ, а я ответил: «Не знаю. Лучшие прочитайте свое любимое стихотворение»;*

... *Это была знаменитая немецкая группа «Rammstein». Когда я выглянул в окно, они начали без предупреждения играть тяжелый рок. Я был счастлив.*

Задачи подобного типа могут применяться во всех группах, так как для их решения не требуется «раскрывать личные секреты» (что может быть очень важным для представителей реактивных и моноактивных культур, особенно при недостаточном уровне доверия в группе), достаточно пофантазировать, показать чувство юмора. Решение таких задач позволяет ненавязчиво повысить уровень доверия в группе путём раскрытия творческого потенциала обучающихся и помогает проявить себя в качестве рассказчика, фантазера.

Отметим, что большой функциональностью обладают ситуационные задачи, в которых использованы таблицы. Они дают возможность наглядно и в обобщенном виде представить грамматический материал, без которого сложно будет построить продуктивную коммуникативную модель. Задачи подобного типа предпочитают выполнять студенты из Вьетнама, Таиланда и Лаоса.

Наиболее интересными для арабоязычных обучающихся являются задачи-рисунки, так как они позволяют расширить границы коммуникативной ситуации и проявить фантазию, а также дают возможность высказаться без временных ограничений.

Заключение

Основываясь на практическом опыте использования пособия «Речевое общение на занятиях по русскому языку на подготовительном курсе» (в двух частях) в разных группах иностранных обучающихся, можно сделать следующие выводы.

Технология ситуационных задач помогает преподавателю сделать занятие более интересным, динамичным, способствует повышению мотивации студентов к изучению русского языка, стимулирует познавательную активность.

При работе с ситуационными задачами в смешанных группах необходимо учитывать национальные, культурные, религиозные и психологические особенности каждого обучающегося (реализация личностно-ориентированного подхода).

Важнейшее условие – актуальность (зависит от потребностей конкретной группы), проблемность предлагаемой задачи-ситуации. Кроме того, важной составляющей успешной работы представляется возможность привести примеры из жизни, личного опыта обучающегося.

Отмечено, что групповая работа над решением ситуационной задачи в многонациональной группе способствует не только совершенствованию коммуникативно-речевых навыков студентов, но и культурному взаимообогащению представителей разных культур, развитию межкультурной компетентности, помогает преодолевать коммуникативные барьеры, позволяет в учебных условиях познакомиться с этнокультурными особенностями других народов, сформировать уважительное отношение к ним. Всё это может быть полезным в дальнейшей реальной жизни обучающихся, в ситуациях живого общения, позволит избежать межкультурных конфликтов.

При работе с задачами-ситуациями как в мононациональных, так и многонациональных группах важно создать психологически благоприятную учебную обстановку, стимулирующую желание принять участие в обсуждении проблемной задачи.

Исходя из практического опыта применения пособия, хотелось бы отметить следующее:

- при работе со студентами из арабских стран лучше предлагать такие задачи, при решении которых можно, не ограничиваясь временными

рамками, вести полноценную дискуссию с опорой на интересную обучающимся проблему;

- при работе с итальянцами и испаноговорящими студентами нужно обратить внимание на закрепление грамматического материала; предлагать задачи, которые направлены на использование технологий ролевой игры;

- при работе со студентами из Лаоса, Таиланда, Вьетнама целесообразно выполнять упражнения на развитие навыков говорения, вовлекать в диалог, лексические игры; работать с ситуациями-схемами (таблицами, опорными конспектами), позволяющими инициировать диалог по аналогии с образцами, выстраивать ответ в соответствии с той или иной структурой.

В заключение отметим, что в процессе работы над задачей преподаватель обращает внимание обучающихся на методику работы с материалом, инициируя и направляя последовательность проведения мыслительных операций. Задачи составляются таким образом, чтобы преподаватель мог их изменить, модифицировать в зависимости от потребностей группы.

Список источников

1. *Иссерс О. С.* Речевое маневрирование как лингводидактическая проблема в обучении русскому языку как иностранному // Русское слово в многоязычном мире: Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ, Нур-Султан, Казахстан, 29 апреля – 03 мая 2019 года / Редколлегия: Н. А. Боженкова, С. В. Вяткина, Н. И. Клушина [и др.]. Нур-Султан, Казахстан: Международное некоммерческое партнерство преподавателей русского языка и литературы «МАПРЯЛ», 2019. С. 1074–1078.
2. *Абдурахманова Э. Ю.* Использование метода case-study при преподавании русского языка как иностранного // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 3. С. 146–151.
3. *Петренко Е. Е.* Дидактический потенциал учебных текстов в реализации метода ситуационных задач на занятиях по РКИ // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Материалы региональной научно-практической конференции. Отв. редактор М. Н. Никонова. Омск: ЧОУВО «Сибирский юридический университет». 2020. С. 43–48.
4. *Токарева Т. Е.* Русский язык. Основы речевой коммуникации: Технология обучения: учебно-методическое пособие. М.: ВУ, 2012. 232 с.
5. *Кирова А. В., Мельник Ю. А.* Развитие умений и навыков речевого общения на занятиях по русскому языку как иностранному при помощи ситуационных задач // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 1. С. 223–232.
6. *Маркова Е. М., Позднякова А. А., Базванова Т. Н.* Формирование коммуникативной компетенции при обучении русскому языку иностранцев. Москва:

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 2020. 239 с.

7. Фесенко О. П., Вакутина О. Ю., Домбровская И. И. Обучение русскому языку как иностранному в группах с разноуровневой подготовкой (на примере военного вуза): Монография. Омск: Филиал ФГКВУ ВО «Военная академия материально-технического обеспечения имени А. В. Хрулева» Министерства обороны Российской Федерации в г. Омске, 2020. 109 с.

8. Штехман Е. А., Мельник Ю. А. Речевое общение на занятиях по русскому языку на подготовительном курсе: учеб. пособие в 2 ч. Ч.1. Омск: ОАБИИ, 2015. 57 с.

9. Мельник Ю. А., Штехман Е. А. Речевое общение на занятиях по русскому языку на подготовительном курсе: учеб. пособие в 2 ч. Ч. 2. Омск: ОАБИИ, 2016. 56 с.

10. Лаухина С. С. Особенности использования технологии кейс-стади в процессе формирования межкультурной компетентности курсантов при обучении русскому языку как иностранному // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков. Материалы III Международной научно-методической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. и 100-летию юбилею Донецкого национального технического университета. 2020. С. 194–200.

References

1. Issers, O. S. (2019). *Rechevoe manevrirovaniye kak lingvodidakticheskaya problema v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu* [Speech Maneuvering as a Linguodidactic Problem in Teaching Russian as a Foreign Language]. *Russkoe slovo v mnogoyazychnom mire. Materialy XIV Kongressa MAPRYAL. Redkollegiya: N. A. Bozhenkova, S. V. Vyatkina, N. I. Klushina i drugie. Nur-Sultan, Kazakhstan, Mezhdunarodnoye nekommercheskoe partnerstvo prepodavatelei russkogo yazyka i literatury "MAPRYAL"*, pp. 1074–1078. (In Russian)

2. Abdurahmanova, Je. Ju. (2017). *Ispol'zovaniye metoda case-study pri prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Using the Case-Study Method in Teaching Russian as a Foreign Language]. Je. Ju. Abdurahmanova. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. No. 3, pp. 146–151. (In Russian)

3. Petrenko, E. E. (2020). *Didakticheskii potentsial uchebnykh tekstov v realizatsii metoda situatsionnykh zadach na zanyatiyakh po RKI* [Didactic Potential of Educational Texts in the Implementation of the Method of Situational Tasks in Classes of Russian as a Foreign Language]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov. Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii*.

Otvettvennyi redaktor M. N. Nikonova. Pp. 43–48. (In Russian)

4. Tokareva, T. E. (2012). *Russkii yazyk. Osnovy rechevoi kommunikatsii: Tehnologiya obucheniya: uchebno-metodicheskoe posobie* [The Russian Language. Fundamentals of Speech Communication: Technology of Learning: A Teaching Aid]. 232 p. Moscow, VU. (In Russian)

5. Kirova, A. V., Mel'nik, Yu. A. (2019). *Razvitiye umenii i navykov rechevogo obshcheniya na zanyatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu pri pomoshchi situatsionnykh zadach* [Verbal Communication Skills Development in in Russian as a Foreign Language Classes by Means of Situational Tasks]. *Kommunikativnye issledovaniya*. Vol. 6. No. 1, pp. 223–232. (In Russian)

6. Markova, E. M., Pozdnyakova, A. A., Bazvanova, T. N. (2020). *Formirovaniye kommunikativnoi kompetentsii pri obuchenii russkomu yazyku inostrantsev* [Developing Communicative Competence in Teaching the Russian Language to Foreigners]. E. M. Markova, A. A. Pozdnyakova, T. N. Bazvanova. 239 p. Moscow, FGBOU VO "Rossiiskii gosudarstvennyi universitet imeni A. N. Kosygina (Tehnologii. Dizain. Iskustvo)". (In Russian)

7. Fesenko, O. P., Vashutina, O. Ju., Dombrovskaya, I. I. (2020). *Obuchenie russkomu yazyku kak inostrannomu v gruppah s raznourovnevoj podgotovkoj (na primere voennogo vuza) : Monografiya* [Teaching Russian as a Foreign Language in Groups with Different Levels of Training (based on a military university): A Monograph]. 109 p. Omsk. Filial FGKVOU VO "Voennaya akademiya material'no-tehnicheskogo obespecheniya imeni A. V. Hruleva" Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii v g. Omske. (In Russian)

8. Mel'nik, Ju. A., Shtekhman, E. A. (2016). *Rechevoe obshheniye na zanyatiyakh po russkomu yazyku na podgotovitel'nom kurse: ucheb. posobie v 2 ch* [The Preparatory Course of Speech Communication in Classes of Russian: A Textbook in Two Parts]. Ch. 2. 56 p. Omsk, OABII. (In Russian)

9. Shtekhman, E. A., Mel'nik, Ju. A. (2015). *Rechevoe obshheniye na zanyatiyakh po russkomu yazyku na podgotovitel'nom kurse: ucheb. posobie v 2 ch*. [The Preparatory Course of Speech Communication in Classes of Russian: A Textbook in Two Parts]. Ch.1. 57 p. Omsk, OABII. (In Russian)

10. Laukhina, S. S. (2020). *Osobennosti ispol'zovaniya tekhnologii kejs-stadi v processe formirovaniya mezhkul'turnoj kompetentnosti kursantov pri obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu* [Features of Use of the Case Study Technology in Forming Intercultural Competence of Cadets while Teaching Russian as a Foreign Language]. *Lingvisticheskie issledovaniya i ikh ispol'zovaniye v praktike prepodavaniya russkogo i inostrannykh yazykov. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii, posvyashchennoi 75-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine 1941-1945 gg. i 100-letnemu yubileyu Donetskogo natsional'nogo tekhnicheskogo universiteta*, pp. 194–200. (In Russian)

The article was submitted on 30.01.2022

Поступила в редакцию 30.01.2022

Штехман Елена Александровна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Военный университет МО РФ,

123001, Россия, Москва,
Б. Садовая, 14.
shte-elena@yandex.ru

Мельник Юлия Александровна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Военный университет МО РФ,

123001, Россия, Москва,
Б. Садовая, 14.
uliya0783@mail.ru

Руссу Ксения Ринатовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Югорский государственный университет,
628012, Россия, Ханты-Мансийск,
Чехова, 16.
vaganova1988@mail.ru

Shtekhman Elena Alexandrovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
The Military University of the Ministry
of Defense of the Russian Federation,
14 Bolshaya Sadovaya Str.,
Moscow, 123001, Russian Federation.
shte-elena@yandex.ru

Melnik Yuliya Alexandrovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
The Military University of the Ministry
of Defense of the Russian Federation,
14 Bolshaya Sadovaya Str.,
Moscow, 123001, Russian Federation.
uliya0783@mail.ru

Russu Ksenia Rinatovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Ugra State University,
14 Chehov Str.,
Khanty-Mansiysk, 628012, Russian Federation.
vaganova1988@mail.ru

АУТЕНТИЧНОСТЬ КАК МЕТОДИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО (АНГЛИЙСКОГО) ЯЗЫКА

© Искандер Ярмакеев, Татьяна Пименова, Альбина Абдрафикова

AUTHENTICITY AS A METHODOLOGICAL CATEGORY IN THEORY AND PRACTICE OF FOREIGN (ENGLISH) LANGUAGE TEACHING

Iskander Yarmakeev, Tatiana Pimenova, Albina Abdrafikova

This paper reviews the issue of authenticity in teaching and learning foreign languages with the aim of evolving new approaches to mastering language and developing communicative competences of the English language learners up to the level of native language proficiency. We define authenticity as a methodological category and typologize its components. The paper clarifies such concepts as “authentic learning”, “authentic teaching methods and technologies”, “educational-authentic materials”, “authentic speech behavior”, and “authentic speech”. The leading research methods are a theoretical analysis of scientific literature, content analysis of pedagogical literature, mathematical data processing, and the analysis of personal empirical experience of teaching foreign languages. These methods allow us to develop the theoretical framework for conducting a pedagogical experiment at the second (final) stage of our study. The authors present a set of pertinent training exercises aimed at exposing the English language learners to the authentic language. Finally, the paper discusses the issues and practices of teaching authenticity in the English language classroom and offers teaching materials and general recommendations for English language instructors.

Keywords: authenticity, authentic learning, authentic behavior, communicative competency, methodological category, native speaker, level of foreign language proficiency, language competency

В статье рассматривается аутентичность как методическая категория в теории и практике преподавания иностранного (английского) языка с целью выявления аутентичных методов овладения обучающимися языковыми и коммуникативными компетенциями на уровне, который соответствует уровню владения языком его носителем. Авторы с учетом цели и задач исследования формулируют определение аутентичности как методической категории и типологизируют компоненты методической аутентичности. Уточняются и дополняются такие понятия, как «аутентичное обучение», «аутентичные методы и технологии обучения», «учебно-аутентичные материалы», «аутентичное речевое поведение», «аутентичная речь». Разработанная авторами теоретическая база может стать основанием для организации второго (заключительного) этапа исследования, на котором предполагается проведение педагогического эксперимента для проверки гипотезы: обучение иностранному языку, в основу которого заложена аутентичность, способствует формированию языковых и коммуникативных компетенций обучающихся на уровне, близком или равным уровню владения языком носителем этого языка. Авторы выбирают теоретический анализ научной литературы, контент-анализ педагогической литературы, анкетирование, математическую обработку данных, анализ личного эмпирического опыта преподавания иностранных языков в качестве ведущих методов исследования. В статье представлены техники и технологии аутентичного обучения иностранному (английскому) языку, а также образцы учебно-аутентичных материалов, которые можно рекомендовать преподавателям английского языка.

Ключевые слова: аутентичность, аутентичное обучение, аутентичное речевое поведение, коммуникативная компетенция, методическая категория, носитель языка, уровень владения иностранным языком, языковая компетенция

Многие изучающие иностранный язык ищут ответы на такие вопросы: можно ли научиться говорить на нем так, как говорят сами носители

языка, и сколько времени может потребоваться для того, чтобы звучать аутентично? Подобными вопросами задаются и преподаватели: *Какие ме-*

тоды и технологии способствуют формированию языковых и коммуникативных компетенций обучающихся на уровне, близком или равном уровню владения языком носителем этого языка, то есть обеспечивают формирование аутентичной речи изучающих иностранные языки? Поиск ответов на эти вопросы стал отправной точкой для настоящего исследования и определил его вектор. Исследование началось с анализа педагогической и учебно-методической литературы с целью определения такого понятия, как *методическая аутентичность*, который показал, что многие методологи, считая аутентичность методической категорией в теории обучения иностранным языкам, сводят это понятие к использованию аутентичных учебных материалов / текстов [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9] и др. В своем исследовании мы исходим из этимологии термина: аутентичность (др.-греч. αὐθεντικός) означает «подлинность, достоверность, истинность» [10]. Не опровергая точку зрения Л. Е. Смирновой [8, с. 131], мы так же, как и автор, вкладываем в понятие «методическая аутентичность» созданные в учебных целях материалы, задания, ситуации, максимально приближенные к естественным. Однако мы считаем, что аутентичность как методическая категория включает в себя аутентичные методы и технологии обучения, позволяющие формировать аутентичное речевое поведение изучающих иностранный язык.

Исследование, проведенное группой зарубежных ученых, затрагивает еще один аспект методической аутентичности как основы обучения иностранному языку: *Что для обучающихся является приоритетным в изучении иностранных языков?* [11]. На этом этапе исследования авторы статьи, решив найти свой ответ на вопрос, поставленный зарубежными коллегами, провели анкетирование, в котором приняли участие студенты-бакалавры, и выяснили, какую цель ставят сами изучающие иностранные языки. Анкета содержала два варианта ответа на вышеприведенный вопрос: вариант № 1: *Свободно говорить, то есть легко и точно говорить и / или писать на иностранном языке*; вариант № 2: *Звучать аутентично, то есть говорить, как носитель языка* (см. табл. 1).

Таблица 1.

Результаты опроса				
Что для Вас является приоритетным в изучении иностранных языков?				
Статус	Количество респондентов	Возраст	Пол	Варианты ответа
Студен-	n = 180	19-20	жен.	Вариант № 1:

ты-бакалавры			161 муж. 19	(n = 9/ 5.0%) жен. (n = 6/ 3.3 %) муж. (n = 3/ 1.7 %)
				Вариант № 2: (n = 171/ 95.0 %) жен. (n = 155/ 86.1 %) муж. (n = 16/ 8.9 %)

Результаты опроса (171 респондент из 180, что составляет 95.0 %, выбрали вариант № 2) побудили нас к поиску ответов на последующие вопросы: *Как научить изучающих иностранные языки звучать аутентично? Говорить, как носитель языка, и звучать, как носитель языка, – это одно и то же?* Мы разделяем точку зрения J. Alić, которая утверждает, что звучание связано с таким понятием, как «акцент», и научиться *звучать*, как носитель языка, крайне проблематично. *Говорить*, как носитель языка – это та область, в которой большинство изучающих иностранные языки могут преуспеть [12].

В своем исследовании мы рассматриваем такую сторону понятия аутентичности, как *аутентичное обучение*. По мнению S. Pearce, аутентичное обучение – это обучение, предназначенное для того, чтобы связать то, чему учащихся обучают в школе, с реальными проблемами, отражающими сложности и неоднозначности реальной жизни: создание дискурса и приобретение опыта, что имеет ценность и значение вне рамок школьного урока [13]. Мы называем обучение *аутентичным*, если каждый этап урока построен на основе методической аутентичности, которая гарантирует обучающимся приобретение навыков и умений решения проблем и уверенности в своих собственных способностях к обучению.

Аутентичное обучение невозможно без *аутентичных материалов* [14]. Считают, что аутентичные материалы – это материалы, созданные носителями языка для неучебных целей [15, с. 117]. В учебных целях рекомендованы *учебно-аутентичные материалы*, которые разработаны с учетом всех параметров аутентичного учебного процесса и критериев аутентичности и предназначены для решения конкретных учебных задач [1, с. 13].

Аутентичное обучение предполагает применение аутентичных методов обучения. *Какие методы обучения мы можем считать аутентичными?* Под аутентичными методами обуче-

ния мы понимаем методы, которые позволяют обучающимся исследовать, обсуждать и грамотно выстраивать концепции и отношения в контекстах, связанных с реальными проблемами и проектами, имеющими отношение к обучающимся [16], конструируя свои собственные знания, формируя критическое мышление в контексте реального мира, приобретая ключевые компетенции, к числу которых мы относим *аутентичное речевое поведение*. Г. А. Остякова [17] и Л. Е. Смирнова [18] утверждают, что обучение аутентичному речевому поведению позволяет научить обучаемого мыслить на языке и говорить на нем с использованием правильных оборотов, а не переводной кальки с родного языка на иностранный. Аутентичное речевое поведение может быть сформировано в результате обучения изучающих иностранные языки воспринимать учебную работу как аутентичную коммуникативную деятельность и репрезентировать языковой менталитет [17, с. 102].

Итак, контент-анализ научной и учебно-методической литературы и анализ личного эмпирического опыта преподавания иностранных языков составил теоретико-методологическую базу нашего исследования и позволил создать многокомпонентную структуру методической аутентичности, которая представлена в диаграмме (см. рисунок 1).

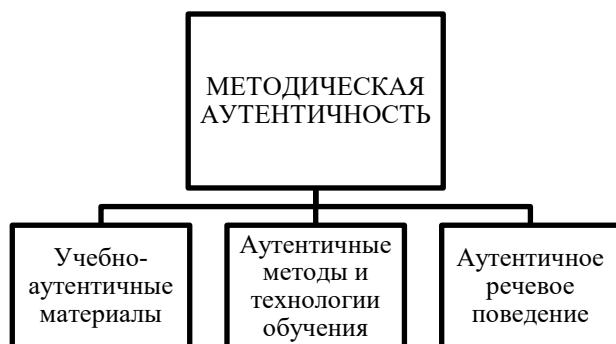

Рис. 1 Многокомпонентная структура методической аутентичности

На следующем этапе исследования авторы проанализировали и отобрали учебно-аутентичные материалы, которые могут составить содержательную часть запланированного педагогического эксперимента, и аутентичные методы и технологии обучения иностранному (английскому) языку. Учебно-аутентичные материалы подбирались на основе авторского концептуального подхода к определению аутентичности как методической категории, включающей в себя выше-названные компоненты, и отказа от общепринятой методики обучения «идеальному» произношению, которое расценивается рядом авторов

как паттерн аутентичного «звучания» [19], [20]. В обучении аутентичному произношению мы рассматриваем, в отличие от традиционного подхода, не один – фонетический – аспект, а три:

- 1) обучение особенностям произношения (фонетическим особенностям): ритму, интонации, паузированию, темпу;
- 2) обучение лексическим коллокациям современной речи, отражающим реалии;
- 3) обучение грамматической когезии.

Так, обучая особенностям произношения, мы обращаем внимание изучающих английский язык на то, что интонационно-ритмический рисунок английского предложения отличается от интонационно-ритмического рисунка предложения на русском языке тем, что все полнозначные слова в английском предложении являются ударными, а незначительные занимают безударную позицию, в то время как в русском языке почти все слова интонационной группы имеют ударение. Чтобы овладеть ритмом английской речи, мы должны сначала разделить предложение на интонационные группы, а затем на ритмические. Для сохранения ритма мы рекомендуем задания (упражнения) на соединение слов в пределах смысловой группы (Connecting words, Squeezing words, Squeezing letters) на основе таких фонетических явлений, как ассимиляция: *cupboard* ['kʌbəd], *horse-shoe* ['hɔːʃuː]; диссимиляция: *cate(r)pillar*, *Cante(r)bury*, *black coffee* ['blæk 'kɒfi], *What do you do?* ['wa de ye 'du] и пр. Работая над ритмом речи, необходимо учиться паузированию и беглости (темпу) речи: двум противоположным навыкам, без формирования которых невозможно представить аутентичное произношение. Без пауз речь носит монотонный характер, вот почему необходимо обучать интонационно-синтаксическим паузам для создания аутентичной речи. Правильная интонация и паузирование немыслимы без беглости. Существуют разные определения понятия «беглость речи». Мы предлагаем каждому изучающему иностранный язык составить свое собственное определение этого понятия, следуя таким базовым правилам как:

- говорить и / или писать естественным образом, то есть в соответствии со своим речевым поведением;
- использовать языковой материал, который входит в активный словарь пользователя языком [21].

Параллельно можно рекомендовать включать паралингвистические средства коммуникации и активизировать свой пассивный словарь. Изучающие иностранный язык должны помнить и

такую аксиому: чтобы научиться говорить, как носитель языка, необходима практика общения.

Обучение лексическим коллокациям современной речи, отражающим реалии, – это второй аспект в обучении аутентичному произношению и в целом аутентичной речи. Мы разделяем точку зрения D. Nunan, утверждающего, что словосочетания или лексические коллокации способствуют пониманию коннотативного значения лексических единиц намного эффективнее в сравнении с заучиванием слов изолированно, вне текста, то есть вне реалий [22]. Ниже мы приведем некоторые примеры методов и технологий обучения этому аспекту.

Обучение грамматической когезии составляет третий аспект обучения аутентичному произношению.

Необходимо, на наш взгляд, в обучении составлению аутентичных текстов (электронных писем, статей в блогах, месседжей и т. п.) подчеркивать роль использования пунктуационных знаков и эллиптических конструкций. Например:

- Высказывание без многоточия и эллипсиса: *“After much deliberation, I decided yesterday that it was time for me to retire from this sport, hopefully leaving me enough healthy years to pursue my passion for writing”, said the seven-time champion.*

- Высказывание с многоточием и эллиптической конструкцией: *“I decided ... it was time for me to retire from this sport, hopefully leaving me enough healthy years to pursue my passion for writing”, said the seven-time champion.*

В первом случае предложение представляет собой тяжеловесную конструкцию, трудную для восприятия на слух. Второй вариант является образцом аутентичной речи: говорящий, используя паузу (многоточие) и эллипсис (*I decided*), дает себе время и возможность подумать, как яснее для слушателя выразить свою мысль.

Многоточие, которое в устной форме передается паузой, предоставляет говорящему еще одну возможность: перейти от одной темы к другой [23].

Знание и использование подобных грамматических конструкций придает речи аутентичность. Еще несколько примеров эллиптических предложений:

A: *I hate loud music.*

B: *Me too.*

A: *I don't like loud music.*

B: *Me neither.*

Мы можем сказать, что чем большим количеством разнообразных грамматических конструкций изучающий иностранный язык владеет, тем аутентичнее он звучит. Однако говорящему не-

обходимо знать, насколько эти грамматические конструкции согласуются с ходом беседы / диалога, и только затем использовать их в своей речи.

Как было сказано выше, авторы данной статьи проанализировали и отобрали аутентичные методы и технологии обучения иностранному (английскому) языку, которые могут быть использованы в педагогическом эксперименте.

Так, для обучения особенностям произношения отобраны:

- Метод *Shadow Reading* («Теневой повтор»): Учитель дважды воспроизводит видео с субтитрами. В первый раз обучающиеся смотрят и слушают. Во время второго просмотра / прослушивания обучающиеся воспроизводят текст по субтитрам, стараясь имитировать текст как можно ближе к оригиналу.

- Метод *Silent Film* («Немое кино»). Обучающиеся смотрят видео с приглушенным звуком и удаленными субтитрами и пытаются предсказать, что говорят герои фильма по движению их губ. Затем учитель формирует небольшие группы, и обучающиеся разыгрывают один из эпизодов фильма. После «проигрывания» эпизода учитель включает звук и субтитры, что позволяет обучающимся проверить, насколько точно (аутентично) они смогли «разыграть» роли своих персонажей.

- Игровой приём *Cup Song* («Песня чашки»). Обучающимся предлагается исполнить песню, одновременно отбивая определённый ритм с помощью пластикового стаканчика.

Для обучения лексическим коллокациям современной речи, отражающим реалии, могут быть использованы:

- Игровая технология *Song Games* («Игра в песни»). Учитель просит учеников прослушать песню и попытаться подпевать ей. В песне есть некоторые слова, которые искажены ради ритма. Обучающиеся должны распознать искаженное слово и произнести его правильно. Такое задание позволяет формировать навык аудирования и актуализировать словарный запас обучающихся.

- Игровая технология *Role Play* («Ролевая игра»). Учитель создает сценарий, в котором обучающиеся должны разыгрывать свои роли. Такое задание формирует аутентичные коммуникативные навыки.

- Игровой приём *Drilling* («Дриллинг»). Обучающихся рассаживают по кругу. Первый участник передает предмет партнеру слева от него. Тот должен произнести название предмета и передать его следующему участнику, который составляет словосочетание и передает предмет четвертому участнику игры, который, используя за-

данное словосочетание, предлагает микроситуацию / мини-рассказ. Предмет возвращается к первому обучающемуся, который должен представить идиому с заданной лексемой.

- Игровая технология *Translation Contest* («Игра в переводчика»). Обучающимся предлагают короткие тексты для письменного перевода с русского на английский язык. После выполнения задания в письменной форме обучающиеся зачитывают свои тексты вслух, следуя правилам чтения, а именно, соблюдая ритм, темп, интонационный рисунок предложения и расстановку смысловых пауз.

Для обучения грамматической когезии могут быть апробированы такие онлайн-приложения, как *TubeQuizard*, *Grammarly*, которые содержат большое количество примеров лексико-грамматических упражнений; автоматически создают тесты, позволяющие не только увидеть и прослушать правильные варианты ответов, но и обнаружить грамматические, орфографические, пунктуационные, лексические и стилистические ошибки в выполненных обучающимися заданиях.

Помимо этих приложений, рекомендовано включать чтение книг разных жанров с анализом и последующим запоминанием грамматических структур.

«Если вы хотите, чтобы ваши ученики достигли определенных высот, вы (учителя) должны уметь это делать сами», так утверждает американский писатель и философ W. W. Dyer [24, с. 3]. Мы, авторы статьи, также полагаем, что учителя и сами должны стремиться к высокому уровню владения иностранным языком, а именно уровню, который приближается к уровню владения им его носителем, чтобы научить изучающих иностранные языки говорить так, как говорят носители языка. Такое видение проблемы, возможно, открывает другой аспект методической аутентичности, который может стать одним из компонентов ее структуры: *аутентичная речь учителя иностранного языка как компонент методической аутентичности*. Еще одной перспективой своего исследования авторы статьи считают анализ разных подходов к обучению стандартному английскому языку (Standard English) [25], являющемуся объектом изучения в настоящей статье, и его диалектам (американский английский – American English, австралийский английский – Australian English и др.), что требует специальных исследований.

Таким образом, в статье рассмотрены такие понятия, как «аутентичность», «аутентичное обучение», «учебно-аутентичные материалы», «аутентичное речевое поведение», как методиче-

ские категории в теории и практике преподавания иностранного (английского) языка с целью выявления аутентичных методов и технологий овладения обучающимися языковыми и коммуникативными компетенциями на уровне, который соответствует уровню владения языком его носителем. Авторы приходят к заключению, что для аутентичного обучения должен использоваться конструктивистский подход, при котором обучение является активным процессом, позволяющим обучающимся конструировать свои собственные знания, воспринимая и перерабатывая информацию аутентичными способами, то есть способами, основанными на реальности. Полученные результаты должны стать базой для проведения педагогического эксперимента на заключительном этапе исследования, на котором планируется апробация отобранных авторами учебно-аутентичных материалов и аутентичных методов и технологий обучения иностранному (английскому) языку и проверка выдвинутой в исследовании гипотезы, основу которой составляет предположение о том, что аутентичное обучение иностранному (английскому) языку способствует формированию языковых и коммуникативных компетенций обучающихся на уровне, близком или равным уровню владения языком носителем этого языка.

Список источников

1. Кричевская К. С. Прагматические материалы, знакомящие учеников с культурой и средой обитания жителей страны изучаемого языка // Иностранные языки в школе. 1996. № 1. С. 13–17.
2. Носонович Е. В., Мильруд Р. П. Параметры аутентичного учебного текста // Иностранные языки в школе. 1999. № 1. С. 11–18.
3. Носонович Е. В. Критерии содержательной аутентичности учебного текста // Иностранные языки в школе. 1999. № 2. С. 6–12.
4. Воронина Г. И. Организация работы с аутентичными текстами молодежной прессы в старших классах школ с углубленным изучением иностранного языка // Иностранные языки в школе. 1999. № 2. С. 23–25.
5. Chickering A. W., Dalton J. C., & Stamm L. Encouraging Authenticity and Spirituality in Higher Education // Journal of College and Character. 2006. № 7(6). Pp. 1–3.
6. Матухин Д. Л. Актуальность использования аутентичных материалов в обучении устному иноязычному общению // Альманах современной науки и образования: В 3-х ч. Ч. 1. 2008. № 2(9). С. 141–143.
7. Киян О. Н. Аутентичность как методическая категория. М.: Рольф, 2013. 113 с.
8. Смирнова Л. Е. Методическая аутентичность в обучении иностранному языку // Инновационная наука. 2016. № 11(2). С. 129–131.

9. Huda M. The use of authentic materials in teaching English: Indonesia teachers' perspective in EFL classes // *International Journal of Social Sciences*. 2017. № 3(2). Pp. 1907–1927.

10. Аутентичность. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Аутентичность> (дата обращения: 20.01.2021).

11. Nicaise M., Gibney T., & Crane M. Toward an understanding of authentic learning: Student perceptions of an authentic classroom // *Journal of Science Education and Technology*. 2000. № 9(1). Pp. 79–94.

12. Alić J. Sounding like a native English speaker should not be your goal. URL: <https://www.lingq.com/blog/native-english-speaker/> (дата обращения: 21.02.2021).

13. Pearce S. Authentic learning: what, why and how? // *e-Teaching* April, 10, 2016. URL: http://www.acel.org.au/accel/ACEL_docs/Publications/e-Teaching/2016/e-Teaching_2016_10.pdf (дата обращения: 24.02.2021).

14. Syunina A. S., Yarmakeev I. E., Shechter D., et al. Authentic video materials as a means of speech fluency development in EFL class // *Modern Journal of Language Teaching Methods (MJLTM)*, 2017. № 7(2). Pp. 34–40.

15. Савинова Н. А., Михалева Л. В. Аутентичные материалы как составная часть формирования коммуникативной компетенции // *Вестник Томского государственного университета*. 2007. № 294. С. 116–119.

16. Аутентичное обучение – *Authentic learning*. Википедия. URL: https://ru.abcdef.wiki/wiki/Authentic_Learning (дата обращения: 14.01.2021).

17. Остякова Г. А. Формирование аутентичного речевого поведения студентов как средства их социально-профессиональной адаптации // *Образование и наука*. 2010. № 9(77). С. 99–107.

18. Смирнова Л. Е. Формирование аутентичного речевого поведения у студентов языковых вузов как условие развития коммуникативной компетенции на занятиях по иностранному языку // *Вопросы гуманитарных наук*. 2009. № 6. С. 221–222.

19. How to sound like a native speaker in a foreign language? URL: <https://www.5minutelanguage.com/how-to-sound-like-a-native-speaker-in-a-foreign-language/> (дата обращения: 12.03.2021).

20. How to Improve – Sound like a Native Speaker? URL: <https://rachelsenglish.com/improve-sound-like-native-speaker/> (дата обращения: 24.04.2021).

21. Yarmakeev I. E., Abdrafikova A. R., Pimenova T. S., et al. Formation of discursive competence in EFL class // *Journal of Language and Literature*. 2016. № 7(2). Pp. 185–190.

22. Nunan D. *Second Language Teaching and Learning*. Boston, Mass.: Heinle & Heinle Publishers, 1999. 330 p.

23. Merriam Webster dictionary. URL: merriam-webster.com/ (дата обращения: 12.03.2021).

24. Dyer W. W. *Wishes Fulfilled: Mastering the Art of Manifesting*. USA, CA: Hay House, Inc., 2012. 203 p.

25. Standard English. Википедия. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Standard_English (дата обращения: 12.03.2021).

References

1. Krichevskaya, K. S. (1996). *Pragmatische Materialien, die Studenten zur Kultur und Lebensweise der Nation, deren Sprache Studiert wird* [Pragmatic Materials that Introduce Students to the Culture and Habitat of the People whose Language Is Being Studied]. *Inostrannye yazyki v shkole*. No. 1, pp. 13–17. (In Russian)

2. Nosonovich, E. V., Mil'rud, R. P. (1999). *Parametry autentichnogo uchebnogo teksta* [Authentic Educational Text Parameters]. *Inostrannye yazyki v shkole*. No. 1, pp. 11–18. (In Russian)

3. Nosonovich, E. V. (1999). *Kriterii sodержatel'noi autentichnosti uchebnogo teksta* [Criteria for the Content Authenticity of Educational Texts]. *Inostrannye yazyki v shkole*. No. 2, pp. 6–12. (In Russian)

4. Voronina, G. I. (1999). *Organizatsiya raboty s autentichnymi tekstami molodezhnoi pressy v starshikh klassakh shkol s uglublennym izucheniem inostrannogo yazyka* [Organizing Work with Authentic Texts from the Youth Press in High Schools with In-Depth Study of a Foreign Language]. *Inostrannye yazyki v shkole*. No. 2, pp. 23–25. (In Russian)

5. Chickering, A. W., Dalton, J. C., & Stamm, L. (2006). *Encouraging Authenticity and Spirituality in Higher Education*. *Journal of College and Character*. No. 7 (6), pp. 1–3. (In English)

6. Matukhin, D. L. (2008). *Aktual'nost' ispol'zovaniya autentichnykh materialov v obuchenii ustnomu inoyazychnomu obshcheniyu* [The Relevance of Using Authentic Materials in Teaching Oral Foreign Language Communication]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya: V 3-kh ch. Ch. 1*. No. 2 (9), pp. 141–143. (In Russian)

7. Kiyani, O. N. (2013). *Autentichnost' kak metodicheskaya kategoriya* [Authenticity as a Methodological Category]. 113 p. Moscow, Rol'f. (In Russian)

8. Smirnova, L. E. (2016). *Metodicheskaya autentichnost' v obuchenii inostrannomu yazyku* [Methodological Authenticity in Teaching a Foreign Language]. *Innovatsionnaya nauka*. No. 11(2), pp. 129–131. (In Russian)

9. Huda, M. (2017). *The Use of Authentic Materials in Teaching English: Indonesia Teachers' Perspective in EFL Classes*. *International Journal of Social Sciences*. No. 3(2), pp. 1907–1927. (In English)

10. Autentichnost' [Authenticity]. Wikipedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Autentichnost'> (accessed: 20.01.2021). (In Russian)

11. Nicaise, M., Gibney, T., & Crane, M. (2000). *Toward an Understanding of Authentic Learning: Student Perceptions of an Authentic Classroom*. *Journal of Science Education and Technology*. No. 9 (1), pp. 79–94. (In English)

12. Alić, J. *Sounding Like a Native English Speaker Should Not Be Your Goal*. URL: <https://www.lingq.com/blog/native-english-speaker/> (accessed: 21.02.2021). (In English)

13. Pearce, S. (2016). *Authentic Learning: What, Why and How?* E-Teaching April, 10, URL: http://www.acei.org.au/acei/ACEL_docs/Publications/e-Teaching/2016/e-Teaching_2016_10.pdf (accessed: 24.02.2021). (In English)
14. Syunina, A. S., Yarmakeev I. E., Shechter D., et al. (2017). *Authentic Video Materials as a Means of Speech Fluency Development in EFL Class*. Modern Journal of Language Teaching Methods (MJLTM), No. 7 (2), pp. 34–40. (In English)
15. Savinova, N. A., Mikhaleva, L. V. (2007). *Autentichnye materialy kak sostavnaya chast' formirovaniya kommunikativnoi kompetentsii* [Authentic Materials as an Integral Part of the Formation of Communicative Competence]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 294, pp. 116–119. (In Russian)
16. *Autentichnoe obuchenie* [Authentic Learning]. Wikipedia. URL: https://ru.abcdef.wiki/wiki/Authentic_Learning (accessed: 14.01.2021). (In Russian)
17. Ostyakova, G. A. (2010). *Formirovanie autentichnogo rechevogo povedeniya studentov kak sredstva ikh sotsial'no-professional'noi adaptatsii* [Developing Students' Authentic Speech Behavior of as a Means of Their Social and Professional Adaptation]. Obrazovanie i nauka. No. 9 (77), pp. 99–107. (In Russian)
18. Smirnova, L. E. (2009). *Formirovanie autentichnogo rechevogo povedeniya u studentov yazykovykh vuzov kak uslovie razvitiya kommunikativnoi kompetentsii na zanyatiyakh po inostrannomu yazyku* [The Formation of Authentic Speech Behavior in Students of Language Universities as a Condition for the Development of Their Communicative Competence in Foreign Language Classes]. Voprosy gumanitarnykh nauk. No. 6, pp. 221–222. (In Russian)
19. *How to Sound Like a Native Speaker in a Foreign Language?* URL: <https://www.5minutelanguage.com/how-to-sound-like-a-native-speaker-in-a-foreign-language/> (accessed: 12.03.2021). (In English)
20. *How to Improve – Sound Like a Native Speaker?* URL: <https://rachelsenglish.com/improve-sound-like-native-speaker/> (accessed: 24.04.2021). (In English)
21. Yarmakeev, I. E., Abdrafikova, A. R., Pimenova, T. S., et al. (2016). *Formation of Discursive Competence in EFL Class*. Journal of Language and Literature. No. 7 (2), pp. 185–190. (In English)
22. Nunan, D. (1999). *Second Language Teaching and Learning*. 330 p. Boston, Mass. Heinle & Heinle Publishers. (In English)
23. *Merriam Webster Dictionary*. URL: merriam-webster.com/ (accessed: 12.03.2021). (In English)
24. Dyer, W. W. (2012). *Wishes Fulfilled: Mastering the Art of Manifesting*. 203 p. USA, CA. Hay House, Inc. (In English)
25. *Standard English*. Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Standard_English (accessed: 12.03.2021). (In English)

The article was submitted on 17.01.2022

Поступила в редакцию 17.01.2022

Ярмакеев Искандер Энгелевич,
доктор педагогических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ermakeev@mail.ru

Пименова Татьяна Сергеевна,
старший преподаватель,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
pimenova_ts@mail.ru

Абдрафикова Альбина Ринатовна,
кандидат педагогических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
albina112000@mail.ru

Yarmakeev Iskander Engelevich,
Doctor of Pedagogy,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ermakeev@mail.ru

Pimenova Tatiana Sergeevna,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
pimenova_ts@mail.ru

Abdrifikova Albina Rinatovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
albina112000@mail.ru

ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-67-1-235-237

ЛИДЕР СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОДИДАКТИКИ (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ И. П. ЛЫСАКОВОЙ «ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ ПО ФИЛОЛОГИИ И ЛИНГВОДИДАКТИКЕ» (СПБ.: ИЗД-ВО РГПУ ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА, 2021, 444 С.)

© Зульфия Юсупова

THE LEADER OF MODERN LINGUODIDACTICS (A REVIEW OF I. LYSAKOVA'S BOOK "SELECTED WORKS ON PHILOLOGY AND LINGUODIDACTICS" (ST. PETERSBURG: PUBLISHING HOUSE OF A. I. HERZEN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY, 2021, 444 P.)

Zulfiya Yusupova

Широкая научная общественность не только в России, но и стран дальнего и ближнего зарубежья хорошо знает Лысакову Ирину Павловну – доктора филологических наук, профессора кафедры межкультурной коммуникации РГПУ им. А. И. Герцена, основателя научной школы, руководителя магистерских программ, автора многочисленных монографий, научных статей, учебников, учебных пособий по филологии и лингводидактике

Рецензируемая книга И. П. Лысаковой «Избранные труды по филологии и лингводидактике» [1] отражает многогранную научную, учебно-методическую деятельность ученого и приурочена юбилею, обобщению многолетней научно-исследовательской деятельности Ирины Павловны Лысаковой, которая для многих является примером служения отечественной науке и российскому образованию. Актуальность и новизна книги заключаются в том, что впервые предлагается становление и развитие методики преподавания русского языка как иностранного и как неродного в современной лингводидактике, межкультурной коммуникации и диалога культур.

Поражает круг научных интересов ученого, «содержание монографии охватывает все направления научной деятельности И. П. Лысаковой: социолингвистика, риторика, стилистика, журналистика, межкультурная коммуникация, методика обучения русскому языку как иностранному <...>» [Там же, с. 9]

В рамках докторской диссертации, которую Ирина Павловна защитила в 1984 году, ей удалось исследовать социолингвистический анализ газеты, психосоциолингвистические основы формирования общественного сознания в прессе, историю развития социолингвистического направления языкознания в России [Там же, с. 21–90], по настоящее время ученый не теряет интерес к проблеме изучения газетного и политического дискурса.

Второй раздел избранных трудов посвящен риторике, проблемами которой Ирина Павловна занималась и продолжает заниматься. Изучение риторики она связывает с технологией PR – «модная „новая“ дисциплина, которая восходит к тому старому времени, когда народ внимал слову ратора как властителя дум» [Там же, с. 115]. Отвечая на вопрос: «Что влияет на речевое поведение, какие именно факторы мы должны иметь в виду, когда говорим о воздействии словом?», – исследователь подчеркивает, что «прежде всего, мы должны понимать, что в речи каждого человека отражаются возрастные особенности, особенности пола, образования, места жительства, рода занятий, мировоззрения, обстановки, темы и цели общения, канала и формы коммуникации» [Там же, с. 116–117]. По мнению ученого, каждому человеку нужно знать азы риторики, чтобы быть успешным во всех сферах жизнедеятельности.

Большое место в научной школе И. П. Лысаковой занимают исследования по стилистике,

чему посвящен третий раздел книги. Такие фундаментальные понятия стилистики, как функциональные разновидности речи, коннотация, зависимость выбора языковых средств от ситуации, цели и участников общения, она рекомендует учитывать при разработке новых моделей учебников русского языка как иностранного и в программах специальных курсов и семинаров. Ученый считает, что уже на начальном этапе обучения русскому (неродному или иностранному) языку следует закладывать основы нейтральной, разговорной и книжной речи. Ценные рекомендации и замечания относительно использования стилистического компонента в обучении неродному языку представлены в разделе 3 рецензируемой книги.

Центральное место в рецензируемой книге занимает раздел «Методика обучения русскому языку как иностранному». Ирину Павловну Лысакову поистине можно считать основоположником научных основ современной методики преподавания русского языка как иностранного. Впервые были теоретически обоснованы и внедрены в практику социолингвистика, межкультурная коммуникация, лингвокультурология, стилистика в аспекте преподавания русского языка как иностранного. Кафедра межкультурной коммуникации, у истоков которой стояла Ирина Павловна и в течение многих лет была идейным вдохновителем и руководителем, обогатила методику преподавания русского языка как иностранного новыми идеями, исследованиями в рамках кандидатских и докторских диссертаций, учебниками и учебными пособиями [Там же, с. 144–169]. Диалог культур как методический принцип был реализован в процессе обучения иностранных бакалавров и магистрантов, была открыта магистратура «Лингвокультурологическое образование», защищены 2 докторские и 8 кандидатских диссертаций в русле данного направления, написано 6 учебно-методических пособий, содержащих технологию диалога культур на уровне языка и литературы (фольклора).

Отдельный раздел в книге посвящен проблемам становления и развития в современной лингводидактике методики обучения русскому языку как неродному. В 2000-х годах происходят активные миграционные процессы, в методике русского языка начинает использоваться термин «русский язык как неродной», многие исследователи до сих пор неоднозначно относятся к нему. И. П. Лысакова вместе со своей кафедрой на филологическом факультете РГПУ им. А. И. Герцена создают Центр языковой адаптации мигрантов, открывают бакалаврскую программу «Рус-

ский язык как неродной и русская словесность», магистерскую программу «Теория и практика обучения межкультурной коммуникации в полиэтнической и поликультурной среде». В российских школах в некоторых регионах учителя русского языка столкнулись с проблемой преподавания русского языка в классах с полиэтническим составом учащихся, которые владеют русским языком в разной степени. Именно благодаря усилиям и таланту ученого-лингводидакта И. П. Лысаковой в течение десятка лет организовывались для учителей семинары, конференции, курсы повышения квалификации, разрабатывались учебники, пособия. Стоит отдельно отметить, что коллектив под руководством Ирины Павловны, создавший учебный комплекс «Русский букварь для мигрантов» [2], стал лауреатом Всероссийской выставки «Образовательная среда 2011», И. П. Лысакова была удостоена золотой медали ВВЦ, стала обладателем Гран-при на международной выставке Global International 2012, а учебник «Методика обучения неродному языку» [3] был отмечен дипломом лауреата на Всероссийском конкурсе «Лидеры российской науки».

В своих исследованиях И. П. Лысакова разграничивает термины «русский язык как иностранный» и «русский язык как неродной», обосновывая тем, что необходимо «отделить проблему обучения русскому языку мигрантов, желающих социализироваться в российское общество, от проблемы иностранцев, приезжающих только для знакомства с российской культурой и русским языком» [1, с. 182]. На кафедре межкультурной коммуникации И. П. Лысакова создает научно-методический центр подготовки преподавателей русского языка как неродного, который занимается разработкой как теоретических, так и практических вопросов, связанных с обучением, развитием, воспитанием, социокультурной адаптацией детей-инофонов.

Научная деятельность И. П. Лысаковой отличается тем, что она большое внимание уделяет преемственности и связи между поколениями ученых. Она сама и ее ученики обращаются к научному наследию таких выдающихся лингвистов, психолингвистов, лингвометодистов, как Л. В. Щерба, А. А. Леонтьев, В. И. Максимов, В. Г. Костомаров и др. Изучение наследия ученых, их трудов дает возможность современным исследователям двигаться в правильном направлении.

Большое место в книге уделено научной школе И. П. Лысаковой, под руководством ученого были защищены 52 кандидатских и 6 докторских диссертаций по различным научным

специальностям: русскому языку, теории языка, теории и методике обучения и воспитания. И. П. Лысакова подготовила кадры не только для высшей российской школы, среди ее учеников много иностранных граждан, которые в настоящее время преподают в вузах стран дальнего и ближнего зарубежья, работают в научных организациях. С публикациями аспирантов и докторантов ученого можно ознакомиться в четвертом разделе книги «Научная школа» [Там же, с. 286–438].

Рецензируемая монография имеет несомненную теоретическую и практическую ценность для будущих и практикующих преподавателей и учителей русского языка, а также для аспирантов и магистрантов.

Список источников

1. Лысакова И. П. Избранные труды по филологии и лингводидактике. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 444с.
2. Лысакова И. П. Русский букварь для мигрантов. СПб.: Кнорус, 2010. 184 с.
3. Методика обучения русскому языку как неродному: учебное пособие / под ред. проф. И. П. Лысаковой. М.: Издательство «Русайнс», 2015. 160 с.

Юсупова Зульфия Фирдинатовна,
кандидат педагогических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Usupova.Z.F@mail.ru

References

1. Lysakova, I. P. (2021). *Izbrannye trudy po filologii i lingvodidaktike* [Selected Works on Philology and Linguodidactics]. 444 p. St. Petersburg, Publishing House of A. I. Herzen State Pedagogical University. (In Russian)
2. Lysakova, I. P. (2010). *Russkii bukvar' dlia migrantov* [Russian Primer for Migrants]. 184 p. St. Petersburg, Knorus. (In Russian)
3. *Metodika obucheniia russkomu iazyku kak nerodnomu: uchebnoe posobie* (2015) [Methodology of Teaching Russian as a Non-Native Language: A Textbook]. Pod red. prof. I. P. Lysakovoi. 160 p. Moscow, izd. "Rusains". (In Russian)

Библиографический список

1. Лысакова И. П. Азбука вежливости. СПб.: Кнорус, 2013. 104 с.

Bibliographic list

1. Lysakova, I. P. (2013) *Azbuka vezhlivosti* [The ABC of Politeness]. 104 p. St. Petersburg, Knorus. (In Russian)

The article was submitted on 12.02.2022
Поступила в редакцию 12.02.2022

Yusupova Zulfiya Firdinatovna,
Ph.D. in Pedagogy,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Usupova.Z.F@mail.ru

РУКОВОДСТВО ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения

Научный журнал «Филология и культура. *Philology and Culture*» публикует статьи по следующим разделам:

- филологические науки;
- психологические науки;
- педагогические науки.

Журнал «Филология и культура. *Philology and Culture*» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его высоким научным критериям (актуальность, научная новизна и др.). В тексте статей следует отдавать предпочтение ссылкам на публикации последних 15 лет. В журнале печатаются материалы, которые не опубликованы и не переданы в другие редакции.

Все статьи проходят рецензирование. Результаты рецензирования и решение редколлегии о принятии представленной статьи к публикации в журнале «Филология и культура. *Philology and Culture*» сообщаются авторам по электронной почте.

Небольшие исправления стилистического и формального характера вносятся в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или статья направляется авторам на доработку.

Рукописи авторам не возвращаются.

Порядок приема и движения рукописи

Редакция журнала принимает статьи исключительно в электронном виде (формат Word, файл типа .doc) на электронный адрес журнала: journal@ifi.kpfu.ru

Научные статьи должны быть объемом от 20 000 до 40 000 знаков (с пробелами).

Аннотация на русском и английском языках должна включать характеристику основной темы, проблемы, стоящие перед автором, цели работы и ее результаты. Не рекомендуется приводить цитаты из текста статьи. Средний объем аннотации от 150 до 250 слов. В тексте аннотации должны быть использованы все ключевые слова (5–7 понятий, терминов и имен собственных).

В конце статьи приводится краткая информация об авторе на русском и английском языках:

- фамилия, имя, отчество (жирным шрифтом),
- научная степень (если есть),
- должность, место работы с указанием почтового адреса, e-mail (данные – 12 кегль, почтовый адрес – 10 кегль).

Образец:

Иванов Петр Александрович,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ivamariak@mail.ru

Ivanov Petr Aleksandrovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ivamariak@mail.ru

Художественные тексты, исторические источники должны быть на языке оригинала, при переводе текста указывается автор перевода.

Образец:
(перевод наш. – П. И., М. А.)

Качество иллюстраций должно быть максимальным (не ниже 600 dpi). Иллюстрации прилагаются к статье отдельным файлом в формате jpeg и должны быть с подписями на русском и английском языках, указанием места иллюстрации в статье. Подписи к иллюстрациям дублируются в отдельном файле.

После того как рукопись пройдет двойное «слепое» рецензирование, мнение рецензента сообщается автору.

Анкета статьи должна быть заполнена следующим образом:

ФИО автора / Author
Организация / Organization
Страна / Country
Город / City
E-mail:
Наименование статьи / Title of article
Аннотация / Abstract
Ключевые слова / Keywords

1) Перечень затекстовых библиографических ссылок помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников». Использование слов «Библиографический список», «Библиография» не рекомендуется.

2) В перечень затекстовых библиографических ссылок включают записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи.

3) Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи. Для связи с текстом статьи порядковый номер библиографической записи и страницу указывают в квадратных скобках. Сведения разделяют запятой. Пример:

В тексте статьи:

[10, с. 81]

В Списке источников:

10. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

4) Пристатейный библиографический список помещают после перечня затекстовых ссылок с предшествующими словами «Библиографический список» (в пристатейный библиографический список включают записи на ресурсы по теме статьи, на которые не даны ссылки).

6) Библиографические записи в пристатейном библиографическом списке нумеруют и располагают в алфавитном порядке.

Библиографический список оформляется следующим образом:

– Список литературы (по центру);

– труды должны быть представлены в алфавитном порядке: сначала указывается литература на русском языке, затем – на иностранном языке (согласно алфавиту английского языка);

– References (по центру);

– транслитерированный список литературы (порядок должен быть изменен согласно алфавиту английского языка).

Просьба оформлять научные статьи по следующему образцу:

Текст научной статьи должен быть оформлен на листе формата А4 по ГОСТ 9327-60, ориентация книжная, шрифт Times New Roman, кегль 14. Межстрочный интервал 1,5.

– Формат MS Word

– Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2 см.

– Абзацный отступ – 1,25.

– Выравнивание текста статьи по ширине.

Межбуквенный интервал – обычный.

Квадратные скобки – на латинской клавиатуре.

Межсловный пробел – в один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях т. е., т. п., т. д.

Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: М., 1995. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: А. С. Пушкин.

Дефис должен отличаться от тире, например: литературно-художественный (дефис), русская литература конца XIX – начала XX века (тире с пробелами слева и справа, без пробелов – в числах и датах, например: 1960–1970 гг., с. 52–65.

Кавычки в тексте статьи:

– французские («елочки»), внутри цитаты – немецкие („лапки“).

Образец:

«Роман И. С. Тургенева „Отцы и дети“ был опубликован в журнале „Русский вестник“».

– при переводе значения иноязычного слова используют английские одиночные (‘марровские’) кавычки.

Образец:

Критика в комментарии может быть также выражена при помощи лексемы *leider* ‘к сожалению’.

– в тексте на иностранном языке употребляются “английские двойные кавычки”.

Образец:

I. S. Turgenev’s novel “Fathers and Sons” was published in the journal “Russian Messenger”.

Точка, запятая и точка с запятой при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски.

Римские цифры набираются с помощью латинской клавиатуры.

Буква ё / Ё заменяется буквой е / Е за исключением важных для смысловоразличения контекстов и имен собственных, например: Генрих Бёльль.

При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.

Не допускаются пробелы между абзацами.

Выделения в тексте должны осуществляться по следующим правилам:

Жирный шрифт – для заголовков, подзаголовков.

Разрядка – для смысловых выделений.

Светлый курсив – для коротких примеров.

Образец:

Значение оборота «по сравнению с чем-нибудь» в составе устойчивой конструкции *против / противу* прежнего: «Я думал издерживать *втрое* *против* *прежнего*, *вышло вдесятеро*...» [Пушкин, т. 8, с. 7–47].

Мелкий шрифт с отбивкой от основного текста (полуторный интервал, кегль 12) – для фрагментов текста.

Образец:

Так, у А. И. Куприна читаем:

«В середине августа, перед рождением молодого месяца, вдруг наступили отвратительные погоды, какие так свойственны северному побережью Черного моря. То по целым суткам тяжело лежал над землею и морем густой туман, и тогда огромная сирена на маяке ревела днем и ночью, точно бешеный бык. То с утра до утра шел не переставая мелкий, как водяная пыль, дождик, превращавший глинистые дороги и тропинки в сплошную густую грязь, в которой увязали надолго возы и экипажи» [Куприн, с. 3].

Порядок оформления статьи

В начале статьи указывается УДК (в левом верхнем углу).

Название статьи – по центру, без отступа, прописными буквами.

Автор (ы): имя, фамилия.

Далее необходимо продублировать название статьи, имя и фамилию автора (или авторов) на английском языке.

Аннотация на английском языке (интервал 1,5; кегль 12).

Ключевые слова на английском языке. Слово *keywords* курсивом. После ключевых слов точка не ставится.

Аналогично – аннотация и ключевые слова на русском языке. После ключевых слов точка не ставится.

Текст статьи.

Список источников.

Библиографический список (если есть).

References. Библиографический список (если есть).

Данные об авторе: на русском языке и английском языках.

Примечания и библиографические ссылки

В связи с выходом новой версии Нацстандарта (ГОСТ Р 7.0.7– 2021) в Руководство для авторов были внесены изменения, касающиеся оформления списка литературы и ссылок:

1) Перечень затекстовых библиографических ссылок помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников». Использование слов «Библиографический список», «Библиография» не рекомендуется.

2) В перечень затекстовых библиографических ссылок включают записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи.

3) Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи. Для связи с текстом статьи порядковый номер библиографической записи и страницу указывают в квадратных скобках. Сведения разделяют запятой. Пример:

В тексте статьи:

[10, с. 81].

В Списке источников:

10. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

4) Пристатейный библиографический список помещают после перечня затекстовых ссылок с предшествующими словами «Библиографический список» (в пристатейный библиографический список включают записи на ресурсы по теме статьи, на которые не даны ссылки).

6) Библиографические записи в пристатейном библиографическом списке нумеруют и располагают в алфавитном порядке.

Внимание! Обязательны указания на количество страниц в издании и на страницы цитируемых статей.

Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.

Для ссылок на электронные ресурсы используют аббревиатуру URL (Uniform resource Locator – унифицированный указатель ресурса) и дату обращения.

Например: URL: <http://www.ruslit.ru> (дата обращения: 12.01.2016).

Список источников оформляется на языке оригинала издания с обязательным указанием места издания, издательства, года, количества страниц.

К статье прикладывается расшифровка использованных сокращений.

Примеры оформления списка литературы:

Список источников

Гринвалд Д. Кассандра // Сюжеты. 1990. № 10. С. 3–103.

Зайцев В. В. Теория и практика развития личностной свободы учащихся в системе начального образования: автореф. дис. ... докт. пед. наук: Волгоград, 1999. 48 с.

Ильинская С. Б. Константинос Кавафис. На пути к реализму в поэзии XX века. М.: Наука, 1984. 320 с.

Исаева Е. Две жены Париса // Isaeva.ru: Поэтесса и драматург Елена Исаева, 2015. URL: <http://www.isaeva.ru/plays/wife.html> (дата обращения: 24.02.2015).

Rabassa G. One hundred years of solitude. New York: Harper Perennial Modern Classics, 2006. 417 p.

References

Grinvald, D. (1990). *Kassandra* [Cassandra]. Siuzhety, No. 10, pp. 3–103. (In Russian)

Ilinskaya, S. B. (1984). *Konstantinos Kavafis. Na puti k realizmu v poesii XX veka* [Constantinos Cavafy. On the Way to Realism in the Poetry of the Twentieth Century]. 320 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Isaeva, E. (2015). *Dve zheny Parisa* [Two Wives of Paris]. Isaeva.ru: Poe'tessa i dramaturg Elena Isaeva. URL: <http://www.isaeva.ru/plays/wife.html> (accessed: 24.02.2015). (In Russian)

Rabassa, G. (2006). *One Hundred Years of Solitude*. 417 p. New York, Harper Perennial Modern Classics. (In English)

Zaitsev, V. V. (1999). *Teoriia i praktika razvitiia lichnostnoi svobody uchashchikhsia v sisteme nachal'nogo obrazovaniia*: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk [Theory and Practice of the Learner Personal Freedom Development in Primary Education: Doctoral Thesis Abstract]. Volgograd, 48 p. (In Russian)

**Транслитерация текста
(пошаговая инструкция)**

1. На главной странице сайта <http://translit.net> в строке «Включен» выбираем «русский транслит», вариант BSI (при этом следует делать исключение для имен собственных и названий периодических изданий, которые необходимо транслитерировать в соответствии со сложившейся традицией).

Например:

Вопросы языкознания = Voprosy jazykoznaniiia, а не Voprosy iazykoznaniiia.

2. Копируем из списка литературы данные об источнике (например: *Ильинская С. Б. Константинос Кавафис. На пути к реализму в поэзии XX века. М.: Наука, 1984. 320 с.*), вставляем в поле и нажимаем кнопку «в транслит». Получаем: Il'inskaya S. B. Konstantinos Kavafis. Na puti k realizmu v poe'zii XX veka. M.: Nauka, 1984. 320 s.

3. После фамилии автора ставим запятую, затем инициалы.

4. В скобках год издания.

5. После названия книги (дается курсивом) в квадратных скобках даем перевод на английский язык.

6. Количество страниц (на английском).

7. Город (указывается полностью, например: Moscow, Leningrad, Kazan, St. Petersburg).

8. Издательство (без кавычек).

9. В скобках указываем язык оригинала:

На русском – (In Russian)

На татарском – (In Tatar)

На английском – (In English)

На немецком – (In German)

На французском – (In French)

На испанском – (In Spanish)

На китайском – (In Chinese)

На турецком – (In Turkish)

На казахском – (In Kazakh)

На польском – (In Polish)

На чешском – (In Czech)

На башкирском – (In Bashkir)

На чувашском – (In Chuvash)

На хакасском – (In Khakas)

На туркменском – (In Turkmen)

На киргизском – (In Kyrgyz)

На корейском – (In Korean)

На узбекском – (In Uzbek)

На азербайджанском – (In Azerbaijani)

На якутском – (In Yakut)

С требованиями к рукописям, обзорами номеров журнала можно ознакомиться на сайте: <http://philology-and-culture.kpfu.ru>

Филология и культура. Philology and Culture

№ 1 (67)

Дата выхода в свет 28.03.2022.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60х84 1/8. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 28,3.

Тираж 1000 экз. Заказ 80/3

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нухина, 1/37
тел. (843) 233-73-59, 233-73-28

Свободная цена

